A 207
267

4 207
267

ЛЕКЦІИ

по

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Ф 1-82
13532

Преподавателя

ИМПЕРАТОРСКАГО Александровскаго Лицея

В. А. МЯКОТИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Р. Голике, Троицкая улица, № 18.

1892.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго
Александровскаго Лицея.

2007067033

1-я ЛЕКЦІЯ.

Мм. гг.! Задача моего курса заключается въ томъ, чтобы очертить Вамъ 18 и 19 вв. въ жизни Россіи, т. е. тотъ періодъ, который въ нашей исторіографіи по преимуществу получаетъ названіе новой русской исторіи. При этомъ гранью между нимъ и предшествовавшимъ временемъ кладутъ обыкновенно эпоху Петра В. и его реформъ, придавая этой грани болѣе или менѣе рѣзкія очертанія. Въ сегодняшней лекціи я и намѣренъ указать Вамъ тѣ наиболѣе яркія и характерныя черты этой эпохи, которыя заставили придать ей такое важное значеніе въ исторіи нашего отечества.

Въ жизни народовъ бываютъ такія эпохи, когда накопившіяся въ силу условій историческаго развитія новыя потребности не находятъ себѣ болѣе удовлетворенія въ старыхъ средствахъ и формахъ существованія и тѣмъ самымъ становятся въ противорѣчіе съ ними. Эти формы, не дающія болѣе возможности безпрепятственнаго развитія жизни народа, оказываются безполезными, изжитыми и является необходимость выработать новыя, болѣе соотвѣтствующія нуждамъ общества въ данное время. Но самый процессъ этой выработки не обходится обыкновенно безъ препятствій: въ тотъ моментъ, когда, гонимая силою жизненныхъ условій, часть народа вступаетъ на новый путь, внося новые взгляды, новые идеалы въ свою жизнь, стараясь видоизмѣнить содержаніе послѣдней сообразно вновь сознаннымъ потребностямъ, противъ такихъ дѣйствій поднимается протестъ во имя старыхъ порядковъ. Люди, сжившіеся съ установившимся строемъ, въ которомъ для нихъ къ тому же часто заключаются и реальныя выгоды, привыкшіе видѣть въ немъ строй единственно правильный, единственно возможный и потому самому не замѣчающіе его слабыхъ сторонъ, не могутъ отнестись равнодушно къ посягательствамъ разрушить его. Эти ревнители старины, хранители завѣтныхъ извѣчныхъ преданій вооружаются всею силою своего

авторитета противъ новаторовъ и щедро сыплютъ на нихъ укоризны и упреки, обвиненія въ измѣнѣ священнымъ завѣтамъ предковъ, въ подрываніи всѣхъ устоевъ общественнаго порядка. Изъ столкновенія этихъ двухъ противуположныхъ теченій необходимо возникаетъ борьба между ними, болѣе или менѣе упорная, болѣе или менѣе продолжительная, но почти всегда мучительная и ожесточенная. Исходъ и самая продолжительность этой борьбы зависятъ однако не отъ силы діалектики той или другой изъ спорящихъ сторонъ, а отъ той степени напряженія, какой достигли въ данное время условія, толкающія народъ на новый путь. Разъ они не встрѣчаютъ себѣ столь же сильнаго сопротивленія въ реальныхъ обстоятельствахъ жизни, никакія самыя краснорѣчивыя жалобы приверженцевъ старины не могутъ удержать начавшагося поворота въ народной жизни, оставаясь гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Вновь народившіяся условія жизни болѣе или менѣе быстро разбиваютъ узкую, отсталую мораль и своимъ давленіемъ способствуютъ созданію болѣе широкаго міросозерцанія.

Начало 18-го вѣка въ русской исторіи было именно временемъ разгара подобной борьбы. Въ самомъ дѣлѣ, присмотримся къ тогдашней литературѣ, въ которой должны были отразиться взгляды и убѣжденія общества: мы не найдемъ въ ней одного цѣльнаго міровоззрѣнія, одного всѣмъ общаго взгляда на окружающую дѣйствительность. Напротивъ того, въ ней ясно проявляется раздвоеніе русскаго общества на двѣ партіи, стоящія на совершенно различныхъ точкахъ зрѣнія и враждебныя одна другой. Перелистывая литературныя произведенія одной категоріи, вы встрѣчаете жалобы на то, что въ жизнь издревле стройную входятъ какія-то богомерзкія новшества, противныя всѣмъ завѣтамъ родной старины, нарушающія преданія отцовъ и дѣдовъ, видите горькія сѣтованія на «нечестивое сборище» лицъ, вводящихъ небывалыя новизны въ жизнь Московскаго государства. Люди, близкіе къ правительству, его члены и пособники, получаютъ въ устахъ враждебной имъ партіи названіе «новоизобрѣтателей», «древняго обычая истребителей», «зловѣрныхъ», наконецъ даже «ересіарховъ». Ихъ обвиняютъ въ томъ, что они ломаютъ прежній укладъ жизни, нарушаютъ завѣщанные вѣками и освященные всѣмъ авторитетомъ правой вѣры порядки, проповѣдуютъ и распространяютъ новые, еретическіе взгляды. Не останавливаясь на осужденіи отдѣльныхъ лицъ и событій, нѣкоторые изъ протестантовъ идутъ еще дальше и прямо провозглашаютъ, что никакой правды нѣтъ и быть не можетъ въ дѣйствіяхъ правительства, такъ какъ въ православномъ Московскомъ государствѣ воцарился «лютый звѣрь, воли сатаниной исполненный», «злой антихристъ» во образѣ царя, и это-то и служитъ причиной новшествъ, всколебавшихъ русскую землю. Отступленіе

отъ установившагося жизненнаго строя, введеніе небывалыхъ порядковъ, новыхъ началъ жизни—вотъ основный мотивъ недовольства, красною чертой проходящій по всей той литературѣ Петровскаго времени, которую можно бы, употребляя позднѣйшій терминъ, назвать литературой оппозиціонной. Этотъ мотивъ наиболѣе ярко выражается въ произведеніяхъ раскольничьяго пера, но проявляется и въ писаніяхъ православныхъ духовныхъ и мірянъ, въ томъ числѣ и правительственныхъ чиновниковъ, и весьма недвусмысленно сквозитъ даже въ проповѣдяхъ такого близкаго, казалось бы, къ правительству лица, какъ блюститель патріаршаго престола. Очевидно, старое теченіе жизни дѣйствительно помутилось, въ него сильной струей входитъ нѣчто новое, заставляющее раздѣляться людей, которые вчера еще стояли заодно, вносящее вражду и раздраженіе туда, гдѣ еще недавно царствовали миръ и согласіе. Тѣ рѣзкія формы, въ какихъ проявляется недовольство, ясно указываютъ, что дѣло идетъ не о какой-нибудь частной новости, а о замѣнѣ однихъ принциповъ общественнаго устройства другими, которые стоятъ или, по крайней мѣрѣ, кажутся стоящими въ рѣзкомъ противорѣчіи съ первыми. И если отъ литературы оппозиціонной мы перейдемъ къ произведеніямъ другой партіи, то такое впечатлѣніе только усилится: мы найдемъ здѣсь проповѣди, восхваляющія значеніе и пользу новыхъ законовъ, равнымъ образомъ, какъ найдемъ въ законахъ статьи, порицающія старую манеру проповѣдей, встрѣтимъ нападки на старое, хотя быть можетъ менѣе злобныя, но не менѣе ожесточенныя, чѣмъ вылазки приверженцевъ старины противъ вновь заводящихся порядковъ. Весь старинный строй осуждается въ этой литературѣ, какъ продуктъ невѣжества, и къ защитникамъ его прилагаются эпитеты невѣждъ, мужиковъ и т. п. Защита вносимой въ жизнь новизны, доказательство ея преимуществъ сравнительно съ старипою и вмѣстѣ съ тѣмъ ея правовѣрности служитъ главной задачей литературной дѣятельности всей партіи и защита эта ведется до такой степени усердно, что самые законы, какъ напримѣръ Духовный Регламентъ, обращаются временами въ полемическіе трактаты, не лишенные сатирическихъ выходокъ.

Такимъ образомъ мы находимъ въ литературѣ отраженіе борьбы, взволновавшей русское общество въ данную эпоху, борьбы двухъ теченій, изъ которыхъ одно отстаивало старину, другое же наоборотъ стремилось внести измѣненія въ жизнь Московскаго государства. Въ чемъ же состояли эти измѣненія, эти новизны, оказавшіяся способными произвести такое глубокое разъединеніе въ обществѣ? Наиболѣе полный и рѣзкій отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ сказанія того времени, возникавшія въ разгарѣ борьбы двухъ направленій среди враждебной Петровскому правительству партіи. По словамъ одного такого сказанія царь, отправившись путешествовать за границу, заѣхалъ между прочимъ

въ Стекольное царство (Стокгольмъ), гдѣ царствовала дѣвица. Эта царь-дѣвица, разсердившись за что-то на Петра, приказала посадить его въ темницу, когда же затѣмъ по просьбѣ своихъ князей и бояръ она освободила Петра, то бывшіе съ нимъ русскіе бояре задумали посадить его въ бочку, убитую гвоздями, и кинуть въ море. Самопожертвованіе одного стрѣльца спасло царя, но на Русь онъ не вернулся. По другому варіанту Петръ погибъ, закованный въ бочкѣ и брошенный въ море, а вмѣсто его изъ-за границы подъ видомъ царя пріѣхалъ нѣмецъ. Наконецъ, еще третій разсказъ гласилъ, что при самомъ рожденіи царя онъ былъ подмѣненъ и на мѣсто его подложенъ къ царицѣ Натальѣ Кириловнѣ сынъ какой-то жившей въ Москвѣ нѣмки.

Въ грубой легендарной формѣ здѣсь очень вѣрно передана однако сущность разлада, воцарившагося въ русской жизни при Петрѣ. Въ сближеніи съ нѣмцами (понимая это слово, какъ оно у насъ тогда употреблялось, въ смыслѣ вообще иноземцевъ), съ Западомъ сосредоточивались, какъ въ фокусѣ, всѣ преобразованія и новости этой жизни въ началѣ 18-го столѣтія, оно само было главной, первенствующей новостью, изъ которой вытекали всѣ другія. Вся дѣятельность Петра и его сотрудниковъ была направлена къ тому, чтобы вдвинуть Московское государство, до тѣхъ поръ стоявшее особнякомъ, въ кругъ европейскихъ державъ и сдѣлать русскихъ участниками всѣхъ благъ цивилизаціи, выработанной на Западѣ. Недаромъ современники говорили про Петра, что онъ «отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими», подразумѣвая подъ этими прочими именно западно-европейскія государства. Сообразно этой главной цѣли выбирались и средства къ достиженію ея, средства, также составленныя на чужой ладъ, по иностранному образцу. Петръ, желая, по его выраженію, догнать народы Западной Европы, стремился пересадить всю ту культуру, которой жила эта послѣдняя, въ Россію, хотѣлъ заимствовать все то, что казалось необходимымъ въ жизненномъ обиходѣ. Поэтому необходимость перенять западную науку, западное образованіе во всѣхъ его деталяхъ выставлялась и доказывалась Петровскимъ правительствомъ при всякомъ удобномъ случаѣ: на эту тему писались и говорились проповѣди, сдѣлавшіяся въ то время вообще какъ бы органомъ публицистики, эта же мысль объяснялась и проводилась въ правительственныхъ указахъ. По отношенію къ этой главной цѣли не возникало и недоразумѣнія между Петровскимъ правительствомъ и его противниками. Послѣдніе хорошо видѣли, къ чему направляются стремленія перваго, но только то самое сближеніе съ западно-европейскими государствами, которое царь и его пособники считали благомъ Россіи, для нихъ представлялось величайшимъ зломъ. Въ немъ видѣли они измѣну преданіямъ московскаго общества, отреченіе отъ собственнаго народа, въ заим-

ствованіяхъ отъ иновѣрцевъ они усматривали опасность для собственной вѣры и старались отстоять то отчужденіе отъ всего иностраннаго, которое свойственно было раньше Московскому государству. Вотъ почему въ дѣйствіяхъ реформаторовъ приверженцамъ старины постоянно чудилась ересь, почему они самого царя, круто измѣнившаго порядокъ частной и государственной жизни, считали то нѣмцемъ, то антихристомъ, но упорно отказывались видѣть въ немъ законнаго потомка благолѣпныхъ и правовѣрныхъ Московскихъ государей. Вопросъ ставился о томъ, жить ли Россіи прежней особной жизнью, или войти въ тѣсное и непосредственное общеніе съ семьей европейскихъ народовъ, и старыя привычки, вѣками выработанное міровоззрѣніе побуждали значительную часть русскаго общества давать этому вопросу первое рѣшеніе.

Таковъ былъ смыслъ борьбы, происходившей въ то время въ русской жизни. Вглядываясь въ то, какъ и какими средствами она велась, мы подмѣтимъ одну характерную особенность. Во главѣ одной изъ боровшихся партій стояло правительство и это придавало оригинальный характеръ всему движенію. Реформа производилась сверху, волею власти, и противящіеся ей по тому самому получали значеніе государственныхъ преступниковъ, противъ которыхъ по понятіямъ вѣка можно и должно было употреблять всѣ мѣры строгости. Благодаря этому обстоятельству борьба партій пріобрѣтала особенную рѣзкость, такъ какъ такое положеніе давало ей видъ борьбы правительства съ подданными, причемъ всякое противодѣйствіе со стороны послѣднихъ являлось уже бунтомъ, выходило изъ рамокъ законности. Отсюда понятно и то крайне враждебное отношеніе къ правительству, отрицаніе самыхъ основъ его законности, какое высказывали противники реформы. Сопротивляясь приказаніямъ правительства и желая въ то же время остаться лойяльными, удержаться всецѣло на почвѣ защищаемаго ими стараго порядка, они должны были, по крайней мѣрѣ, пытаться убѣдить себя и другихъ въ томъ, что само это правительство незаконно, а потому и требованія его не имѣютъ надлежащей силы. Съ другой стороны такое положеніе партій создавало скользкую почву для самихъ реформаторовъ, какъ бы подсказывая имъ убѣжденіе, что реформа есть только вопросъ приказанія, создавая для нихъ возможность легкаго перехода изъ сферы жизни государственной въ область частнаго быта и перестройки послѣдняго тою же силою правительственной власти.

Но здѣсь естественно являются вопросы, въ силу чего же возникло въ Московскомъ государствѣ это стремленіе къ сближенію съ Западной Европой, почему оно проявилось именно въ такой формѣ и, наконецъ, каковы были его результаты для жизни русскаго народа. Отвѣтъ на послѣдній вопросъ дастъ намъ изло-

женіе самой исторіи 18-го вѣка, что же касается первыхъ двухъ, то не рѣшая пока ихъ, я укажу вамъ тѣ отвѣты, которые давались на подобные вопросы современниками эпохи реформы, и тѣ взгляды, которые постепенно вырабатывались въ этомъ отношеніи въ наукѣ.

Для людей, живших въ время этой напряженной борьбы, естественно было считать исключительными виновниками ея тѣхъ дѣятелей, которые стояли во главѣ новаго движенія, рушившаго прежнюю замкнутую жизнь. Но такимъ дѣятелемъ прежде всего былъ самъ Петръ. Онъ и являлся въ глазахъ современниковъ едва-ли не единственнымъ создателемъ реформы. Для враговъ ея онъ былъ антихристомъ, для друзей — героемъ, но тѣмъ и другимъ онъ равно представлялся титаномъ, вынесшимъ на своихъ плечахъ всю тяжесть пересозданія. Характеризуя его, его приверженцы говорили, будто онъ научилъ русскихъ узнавать, что и они люди; будто онъ ихъ «изъ небытія привелъ въ бытіе»; по ихъ словамъ, «на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ и что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ». И этими словами указывалась не только важность самой реформы, но и личности, ее произведшей. Эта личность царя-преобразователя въ воображеніи низшихъ, болѣе невѣжественныхъ слоевъ современнаго ему русскаго общества принимала такіе грандіозные размѣры, что въ то время, какъ одни проклинали его въ качествѣ врага Христова, другіе помѣщали его портретъ на ряду съ образами, ставили ему свѣчки и молились какъ святому. При такомъ отношеніи къ личности царя не приходилось особенно долго задумываться надъ вопросомъ, откуда явилась реформа. Она казалась вытекшей изъ одной личной воли преобразователя, изъ его единичнаго сознанія, за которымъ путемъ механической силы принуждено было слѣдовать все общество. При такомъ представленіи не оказывалось и никакой связи между Петровской эпохой и всѣмъ предшествовавшимъ періодомъ, напротивъ первая противополагалась второму, какъ нѣчто совершенно другое, рѣзко отрицающее все бывшее раньше. Привычка полемизировать со стариннымъ строемъ повела къ тому, что реформа разсматривалась, какъ привнесенная въ него извнѣ, сломившая его исключительно въ силу своихъ отвлеченныхъ началъ. Такъ глядѣли на нее и ближайшіе потомки эпохи преобразованія. Петръ, по словамъ одной изъ церковныхъ проповѣдей, изъ грубаго «древа лѣснаго» передѣлалъ современныхъ ему русскихъ «въ красные статуи, да еще и небездушные». Процессъ этой передѣлки по прежнему ставился въ зависимость отъ одной только воли самого Петра и чѣмъ болѣе яркими красками рисовались его результаты, тѣмъ рѣзче оттѣнялось предшествовавшее состояніе Россіи, не имѣвшей, согласно взгляду восхвалителей преобразованія, никакихъ задатковъ того, чѣмъ

сдѣлалъ ее Петръ, грубой, дикой и невѣжественной. Точно также и люди противоположной партіи продолжали видѣть въ «заморскихъ новшествахъ» результатъ только воли и дѣятельности Петра, стоявшихъ въ полномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что было до него. Апогея своего взглядъ этотъ достигъ къ половинѣ 18-го столѣтія, когда Ломоносовъ отозвался о Петрѣ: «онъ богъ твой былъ, Россія». Дальше по этому пути идти было уже некуда; знаніе стараго, допетровскаго быта къ этому времени уже значительно утратилось въ той части русскаго общества, которая приняла реформу, свѣдѣнія о немъ почерпались главнымъ образомъ изъ той литературы, которая ставила своей цѣлью его разрушеніе, и самыя фразы о преобразованіи теперь только заимствовались изъ нея же и повторялись, причемъ не особенно вдумывались даже въ ихъ значеніе. Но съ одной стороны пробуждавшаяся способность относиться къ прошлому болѣе критически, тѣмъ болѣе, что мотивы безповоротнаго осужденія Московской Руси изъ опасенія вернуться къ ея жизни постепенно ослабѣвали и исчезали, съ другой стороны національная гордость вызвали наконецъ естественную реакцію такому взгляду. Понемногу общество стало низводить Петра съ того громаднаго пьедестала, на который оно его возвело, и видѣть въ русскомъ государствѣ 17-го вѣка не такой уже грубый и неотесанный матеріалъ, какимъ оно представлялось еще недавно. Въ дѣйствіяхъ преобразователя стали находить увлеченія и ошибки, не находя уже въ нихъ прежней непогрѣшимости, а въ нѣкоторыхъ взглядахъ его противниковъ увидѣли хорошія и свѣтлыя стороны. Но преобразователя и окружавшее его общество все еще понимали не какъ одно цѣлое, а какъ различныя силы, достоинства и впервые указанные недостатки реформы приписывались качествамъ одного лица, а если въ обществѣ, на которое это лицо воздѣйствовало, и отыскивали болѣе свѣта, чѣмъ прежде, то это лишь заставляло считать его болѣе удобнымъ для обработки матеріаломъ, но никакъ не придавать ему сколько-нибудь активной роли въ дѣлѣ вырабатыванія новыхъ жизненныхъ формъ. Правительство по прежнему считалось единственнымъ активнымъ дѣятелемъ въ этомъ смыслѣ и самое правительство все еще концентрировалось въ личности царя, только эта личность въ сознаніи людей стала принимать болѣе человѣческій обликъ.

Такой видъ приняли воззрѣнія русскаго общества второй половины 18-го вѣка на преобразованія Петровской эпохи. Къ этому времени относится и начало сколько-нибудь научной обработки исторіи въ Россіи. При первыхъ же, робкихъ шагахъ своихъ она должна была обратить вниманіе на Петра, положеннаго такой рѣзкой гранью между двумя періодами жизни русскаго государства. Но при слабости науки въ ея тогдашнемъ состояніи не она вносила руководящіе взгляды въ жизнь

общества, а наоборотъ, изъ ходячихъ воззрѣній въ обществѣ она почерпала свои принципы и затѣмъ уже сообразно имъ формировала свой матеріалъ, подгоняя его подъ тотъ или другой общій взглядъ. Такимъ образомъ и въ первыхъ попыткахъ обработки исторіи Петра В. отразились создавшіеся уже въ обществѣ взгляды на него. Щербатовъ, взявшійся за эту задачу, разбиралъ дѣятельность Петра внѣ всей ея исторической обстановки, критиковалъ ее съ точки зрѣнія своихъ личныхъ взглядовъ, осуждая напримѣръ демократическую тенденцію табели о рангахъ и заступаясь за московское боярство, порицая или оправдывая жестокость наказаній противниковъ реформы; во всемъ ходѣ преобразованія онъ усматривалъ одну лишь личную волю царя и хвалилъ или хулилъ эту волю, изрѣдка лишь подставляя къ ея дѣйствіямъ историческія объясненія. Весь центръ тяжести вопроса о причинахъ преобразованія лежалъ для него въ личныхъ качествахъ преобразователя и все различіе его отъ Ломоносова заключается въ томъ, что онъ видитъ въ этомъ преобразователѣ только человѣка, способнаго ошибаться и потому подлежащаго критикѣ, а не вызывающаго безусловнаго восхваленія. Другой историкъ, работавшій въ это время, Болтинъ, въ своихъ замѣчаніяхъ на русскую исторію, написанную французомъ Леклеркомъ, доказывалъ, что Россія и до Петра не была дикой или совершенно невѣжественной страной, что въ ней существовало и опредѣленное гражданское устройство, и образованность уже съ давняго времени, такъ что Петру В. приходилось имѣть дѣло не съ дикарями и не создавать, а только преобразовывать государство. Не внося сами по себѣ новыхъ взглядовъ въ пониманіе Петровской эпохи, эти работы важны были однако тѣмъ, что въ нихъ началась разработка фактической исторіи, и такимъ образомъ онѣ вносили въ обиходъ общественнаго мышленія запасъ фактовъ, съ которыми надобно было уже считаться, пытаясь построить ту или другую теорію. Сравнительно съ голословными утвержденіями, бывшими въ ходу до тѣхъ поръ, это составляло все-таки шагъ впередъ.

Такое положеніе продолжалось очень долго, около полувѣка. Втеченіе этого времени изученіе древней исторіи Россіи сдѣлало значительные успѣхи, главнымъ образомъ въ смыслѣ ознакомленія съ фактами этой исторіи: издано было много памятниковъ, относящихся къ разнымъ сторонамъ частнаго и государственнаго быта, обслѣдованы многіе темные вопросы первыхъ страницъ русской исторіи, наконецъ вышла громадная по количеству положеннаго на нее труда «Исторія государства Россійскаго» Карамзина, впервые соединившая въ одно цѣлое отдѣльныя изслѣдованія, представившая связную картину русской исторіи до конца 16-го вѣка и тѣмъ давшая толчокъ дальнѣйшей работѣ въ этой области. Обиліе фактическаго матеріала не со-

здало еще однако сразу новыхъ точекъ зрѣнія на него. Послѣднія или оставались шаблонными, какъ у самого Карамзина, или заимствовались цѣликомъ у западныхъ ученыхъ, какъ это дѣлалъ напр. Полевой съ его теоріей феодализма въ древней Руси. Общую участь раздѣлила и эпоха Петра В. Въ 40-хъ годахъ вышло въ свѣтъ сочиненіе Устрялова «Исторія Петра В.», написанное по порученію правительства. Автору открыты были всѣ архивы и благодаря этому онъ внесъ въ свой трудъ много любопытнаго матеріала, оставшагося до тѣхъ поръ неизвѣстнымъ, но въ общемъ взглядѣ его на Петра и его реформу нѣтъ ничего новаго: это то же самое воззрѣніе конца 18-го вѣка, приписывающее все дѣло реформы одному человѣку въ силу его необыкновенныхъ качествъ, и соотвѣтственно этому у Устрялова самое изложеніе біографіи Петра принимаетъ видъ чего-то похожаго на житіе. Оригинальныя по формѣ, если и не новыя по смыслу своему, точки зрѣнія были внесены въ этотъ вопросъ не путемъ фактическаго его изученія, а путемъ апріорныхъ построеній въ знаменитомъ спорѣ славянофиловъ и западниковъ, начавшемся около того же времени. Было бы слишкомъ долго излагать все ученіе той и другой партіи, да и увело бы это насъ слишкомъ въ сторону, и потому я ограничусь только передачей сущности ихъ противоположныхъ воззрѣній на значеніе времени Петра въ русской исторіи и краткимъ указаніемъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ эти воззрѣнія составились.

Согласно взгляду славянофиловъ, славяне вообще и русскіе въ частности уже на первыхъ порахъ выступленія своего на историческое поприще воспитали въ себѣ особенности, рѣзко отдѣлившія ихъ отъ народовъ Западной Европы. Такими особенностями были: 1) природный характеръ, въ которомъ преобладали начала душевнаго равновѣсія и цѣльности міровоззрѣнія, 2) принятіе христіанства отъ Восточной церкви, гдѣ оно сохранилось въ наиболѣе чистомъ видѣ съ преобладаніемъ сущности надъ формой, 3) общественное и государственное устройство, основанное на идеѣ внутренней правды и всеобщаго единодушія. Въ противоположность этому въ исторіи всего Запада усматривалось одностороннее направленіе, преобладаніе разсудочности, перевѣсъ формы надъ содержаніемъ, силы надъ справедливостью. Россіи предстояло развить свои собственныя начала, выработать цивилизацію, отличную отъ западной, но Петръ путемъ чисто западнаго, незнакомаго славянамъ средства—насилія внесъ въ ея жизнь чуждыя ей идеи, образованность, построенную на несвойственныхъ ей принципахъ. Это исказило жизнь русскаго общества и государства и для того, чтобы исправить ее, надобно отринуть западно-европейскую цивилизацію, вернуться назадъ и построить жизнь на своихъ началахъ, сохранившихся въ быту народной массы, не тронутой реформой Петра.

Въ полномъ противорѣчіи съ этимъ взглядомъ стояли западники. По ихъ мнѣнію, возможна была только одна цивилизація, одна культура и она наиболѣе ярко и полно воплотилась въ культурѣ западно-европейскихъ народовъ. Россія до Петра оставалась чужда ей, но и не имѣла никакой образованности вообще, исключая нѣкоторыхъ слабыхъ задатковъ, пребывала въ невѣжествѣ и грубости. То, въ чемъ славянофилы усматривали особенности русской жизни, общинное устройство, въ глазахъ западниковъ было не болѣе и не менѣе, какъ отсталыя, устарѣлыя формы жизни, такъ какъ путь развитія имъ представлялся одинаковымъ во всѣхъ своихъ деталяхъ для всѣхъ народовъ. Заслуга Петра заключалась въ томъ, что онъ вывелъ Россію изъ состоянія неподвижности, застоя и варварства на путь европейскаго просвѣщенія силою своей громадной воли и геніальныхъ способностей. Тѣ же особенности, какія сохранились еще въ русской жизни, на взглядъ западниковъ представлялись остатками прежняго варварскаго состоянія, показывающими, что Россія не вполнѣ еще усвоила себѣ западную культуру, и подлежащими возможно скорѣйшему уничтоженію.

Разбирая эти взгляды, не трудно замѣтить, что существенное содержаніе ихъ почерпнуто не изъ изученія исторіи того времени, о которомъ шла рѣчь. Обѣ спорящія стороны гораздо болѣе заботились о стройномъ и систематическомъ изложеніи своего ученія, чѣмъ о подкрѣпленіи его серьезными доказательствами, и какъ раньше взгляды историковъ на Петровскую эпоху почерпались изъ циркулировавшихъ въ обществѣ публицистическихъ воззрѣній, такъ теперь эти теоріи являлись отраженіемъ философскихъ увлеченій, охватившихъ русское интеллигентное общество въ половинѣ нашего столѣтія. Дѣйствительно, оба ученія, какъ западниковъ, такъ и славянофиловъ, построены были подъ сильнымъ вліяніемъ современныхъ имъ философскихъ системъ западныхъ ученыхъ, преимущественно Гегеля, несмотря на то, что въ немъ славянофилы видѣли представителя чуждаго имъ и уже разлагающагося Запада. Оба ученія представляютъ собою чисто абстрактныя схемы развитія въ цѣломъ своемъ видѣ, поскольку же они относятся къ реформѣ Петра, въ нихъ проявляется все та же вѣра въ неограниченное могущество личности, которая могла, по однимъ, исказить, по другимъ, исправить жизнь цѣлаго народа. Такое положеніе объясняется слабостью у насъ тогдашней исторической науки, не выработавшей сколько-нибудь серьезной теоріи. Апріорность положеній обѣихъ школъ была настолько сильна, что спускаясь на почву реальныхъ фактовъ, онѣ должны были дѣлать такія оговорки, которыя при болѣе вдумчивомъ отношеніи къ нимъ способны были опрокинуть все старательно возведенное зданіе общихъ построеній. Какъ славянофилъ И. Кирѣевскій, выставивъ положеніе, что русская образованность отли-

чается отъ западной преобладаніемъ внутренней истины надъ формой, что̀, по его мнѣнію, особенно проявлялось въ религіозной сферѣ, затѣмъ долженъ былъ признать, что именно въ этой области въ Россіи XVI-го вѣка «уваженіе къ формѣ уже во многомъ преобладаетъ надъ уваженіемъ духа», какъ онъ же, ставя главнымъ отличіемъ русскаго человѣка отъ западнаго европейца душевное равновѣсіе и цѣльность въ противоположность порывистости послѣдняго, въ то же время могъ представить себѣ его жизнь въ видѣ «неправильнаго сочетанія излишнихъ напряженій съ излишними изнеможеніями» и говорить, что при недозрѣлости русскаго его дѣятельностью лучше его самого можетъ управлять «самый ограниченный умъ нѣмца», такъ ярый западникъ Бѣлинскій, считая допетровскую Россію погруженной въ полный застой, въ то же время говорилъ о частичномъ усвоеніи европейскаго просвѣщенія уже во время Алексѣя Михайловича и Федора Алексѣевича. Запасъ фактовъ оказывался шире теорій и это будетъ понятно, если мы примемъ во вниманіе, что не теоріи эти строились на основаніи фактовъ, а послѣдніе лишь подгонялись подъ нихъ. Тѣмъ не менѣе этотъ споръ не остался безъ важнаго положительнаго вліянія на сознаніе русскаго общества. Я не думаю опять-таки опредѣлять общаго его значенія, скажу только о томъ, что онъ внесъ въ пониманіе интересующаго насъ періода русской исторіи. Теорія славянофиловъ, противополагавшая интеллигентному обществу, преобразованному Петровской реформой, народъ, будто бы ею не затронутый, заставила обратить большее вниманіе на послѣдній, не писать исторію однихъ лишь высшихъ классовъ и исключительно государственныхъ отношеній. Въ свою очередь защита западниками реформы принудила ихъ выставлять такіе факты, которые говорили о сознаніи необходимости преобразованія, жившемъ въ самомъ Московскомъ государствѣ еще до Петра, и о попыткахъ къ нему. Такъ постепенно подготовлялась почва для всесторонняго научнаго изученія вопроса, изученія, время котораго уже наступало.

Въ разгаръ литературной борьбы славянофиловъ и западниковъ началъ появляться въ свѣтъ громадный трудъ московскаго профессора С. М. Соловьева «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ». Въ немъ авторъ, пользуясь частью уже извѣстными данными, частью новыми, въ значительномъ количествѣ собранными имъ самимъ, впервые прочно установилъ научную точку зрѣнія на Петровскую реформу. Сдѣлать это дали ему возможность съ одной стороны богатство фактовъ по исторіи 17-го вѣка, оставшихся неизвѣстными прежнимъ изслѣдователямъ, съ другой—болѣе прочно установившіеся взгляды на процессъ историческаго развитія. Въ представленіи Соловьева 18-й вѣкъ не является уже оторваннымъ отъ общей исторіи Россіи и противоположнымъ ей, а выступаетъ какъ результатъ всего предыдущаго

хода исторіи. Реформа, произведенная Петромъ, согласно его мнѣнію, была не случайностью, доброй или злой, не проявленіемъ единичной воли, а неизбѣжнымъ выводомъ изъ всего предшествовавшаго развитія. Самая программа этой реформы не принадлежала Петру, а была выработана русскимъ обществомъ втеченіе 17-го вѣка и заслуга Петра лишь въ томъ, что онъ воспринялъ и выполнилъ ее. Задолго до Петра въ Московскомъ государствѣ начали сознавать необходимость сближенія съ Западной Европой и попытки такого сближенія дѣлались еще при царѣ Иванѣ Грозномъ, при Борисѣ Годуновѣ, а во второй половинѣ 17-го вѣка онѣ обращаются уже въ постоянное неуклонное стремленіе, достигающее высшей своей силы ко времени Петра, реформа котораго и явилась разрѣшительницей назрѣвшаго въ жизни народа вопроса. Самая внѣшность этой реформы объяснялась историческими условіями, нравами эпохи. Но отъ старыхъ взглядовъ нельзя было освободиться сразу совершенно и вліяніе ихъ сказалось на Соловьевѣ тѣмъ, что, говоря о преемственности явленій 17 и 18 вѣковъ, онъ болѣе стремится указать эту преемственность въ образованіи той или другой оригинальной черты фигуры Петра, чѣмъ въ ходѣ внутреннихъ процессовъ народной жизни. Съ другой стороны, опровергая прежнее пониманіе реформы, какъ явленія случайнаго, онъ подчасъ слишкомъ увлекается желаніемъ доказать ея необходимость и подставляетъ черезчуръ глубокомысленныя историко-философскія объясненія къ фактамъ, объясняющимся гораздо проще, видя, напр., въ замѣнѣ русскаго платья нѣмецкимъ въ высшей степени знаменательный фактъ. Но за исключеніемъ этихъ частныхъ сторонъ взглядъ Соловьева сдѣлался исходнымъ пунктомъ для всѣхъ дальнѣйшихъ работъ по исторіи 18-го вѣка и былъ почти безъ измѣненія повторенъ другимъ историкомъ Петра В.—Погодинымъ.

При продолжавшейся разработкѣ исторіи Петровскаго времени выдвинутъ былъ еще одинъ вопросъ, не нашедшій себѣ достаточнаго объясненія у Соловьева. Рядомъ трудовъ былъ вскрытъ именно во всѣхъ своихъ размѣрахъ разладъ, господствовавшій въ русскомъ обществѣ времени Петра по вопросу о реформѣ, и обрисованы тѣ крайнія мѣры, которыя принимались правительствомъ для защиты себя и своихъ взглядовъ. Вытекавшій отсюда вопросъ о положеніи правительства въ борьбѣ партій Кавелинъ разрѣшалъ, указывая на то, что потребность реформы должна была прежде всего сказаться въ высшихъ классахъ и потому правительство и взяло ее въ свои руки. Другой историкъ, Костомаровъ, доказывалъ, что при томъ самодержавномъ строѣ, который уже выработался въ Московскомъ государствѣ, реформа могла быть только дѣломъ правительства. Не трудно видѣть, однако, что оба эти мнѣнія, заключая въ себѣ часть истины, далеко не рѣшаютъ еще вопроса въ его цѣломъ.

Другихъ крупныхъ работъ по исторіи Петровской реформы

во всемъ ея объемѣ не появлялось, но изученіе эпохи далеко не остановилось на этомъ. Много трудовъ за послѣдніе годы посвящено отдѣльнымъ сторонамъ ея, въ другіе, занимающіеся изложеніемъ какого-нибудь одного процесса жизни русскаго народа на болѣе значительномъ промежуткѣ времени, она входитъ той или другой своей частью, и во всѣхъ этихъ трудахъ можно наблюдать одну общую черту, обусловливающую ихъ научность: это—примѣненіе къ Петровской эпохѣ и ознаменовавшей ее реформѣ историческаго закона преемственности явленій, пониманіе ея въ связи съ тѣмъ прошлымъ Московскаго государства, изъ котораго она выросла. Такимъ образомъ та точка зрѣнія, которая впервые была установлена для этого времени Соловьевымъ, получила полное право гражданства въ наукѣ, но только благодаря развитію послѣдней постановка вопросовъ развитія пріобрѣла болѣе широкій характеръ, сосредоточившись на важнѣйшихъ вопросахъ государственной и общественной жизни.

Такова была въ главнѣйшихъ своихъ чертахъ смѣна воззрѣній на Петровскую эпоху и ея значеніе. Изъ этого краткаго очерка ея Вы можете видѣть, что та борьба понятій и направленій въ русскомъ обществѣ начала 18-го вѣка, про которую я говорилъ Вамъ, какъ про характерную особенность эпохи, ставится въ связь съ предшествовавшимъ временемъ и начало ея находятъ еще въ 17-мъ столѣтіи. Потому, чтобы оцѣнить правильно проявленія этой борьбы при Петрѣ, надобно хотя въ общихъ чертахъ познакомиться съ болѣе раннимъ ходомъ ея и самымъ источникомъ, изъ котораго она вытекала. Такимъ источникомъ были потребности Московскаго государства и общества, впервые ясно обрисовавшіяся въ этомъ направленіи въ концѣ 16-го и началѣ 17-го вѣковъ. Въ виду этого я и считаю необходимымъ предпослать своему курсу введеніе и разсмотрѣть въ немъ положеніе Московскаго государства, какимъ оно представлялось въ 16-мъ вѣкѣ, его политическій строй, отношенія общественныхъ классовъ, его международное положеніе, наконецъ политическія и религіозно-общественныя ученія, выросшія на его почвѣ, а затѣмъ указать тѣ измѣненія, которыя проникли въ эти формы втеченіе 17-го вѣка и подготовили реформу Петра. При такомъ изученіи самая реформа окажется болѣе удобопонимаемой, такъ какъ ясны будутъ силы, ее создавшія, и та почва, на которой онѣ дѣйствовали. А разъ будетъ уяснепъ генезисъ этого крупнаго явленія исторической жизни русскаго народа, то легче будетъ оцѣнить и тѣ послѣдствія, къ которымъ оно привело и которыя составляютъ существенное содержаніе всей исторіи 18-го и даже части 19-го вѣка въ Россіи. Тогда жизнь русскаго народа за это время представится намъ не въ видѣ отдѣльныхъ фактовъ и событій, а въ видѣ постепеннаго развитія основныхъ процессовъ общественнаго быта, развитія, постиженіе законовъ котораго и составляетъ задачу нашей науки—исторіи.

2-я ЛЕКЦІЯ.

Политическій строй Московскаго государства въ 16 в.

Въ сегодняшней лекціи, м.м. г.г., я укажу Вамъ характерныя особенности политическаго строя, создавшагося въ Московскомъ государствѣ къ концу 16 вѣка. Но, чтобы уяснить себѣ вполнѣ эти особенности, надобно оглянуться назадъ, на тѣ порядки, которые предшествовали Московскому государству, и на условія, способствовавшія его образованію.

Время, въ которое Москва выступаетъ на поприще русской исторіи въ качествѣ самостоятельнаго княжества, въ исторіи Россіи носитъ обыкновенно названіе удѣльнаго періода. Главное отличіе этого періода въ сферѣ политической жизни заключается въ проникновеніи началъ частнаго права въ область государственнаго строя. Наиболѣе рѣзко отличіе это сказалось въ порядкѣ пріобрѣтенія княжескихъ столовъ. Въ Руси кіевской, южной, такое пріобрѣтеніе совершалось на основаніи трехъ принциповъ: избирательнаго, когда князь избирался населеніемъ волости, родоваго, когда тотъ или другой столъ переходилъ къ извѣстному князю по очереди родоваго старшинства, и наслѣдственнаго, когда отъ отца княжество непосредственно переходило къ сыну. Стремленіе отдѣльныхъ волостей къ обособленію, къ полной независимости, совпавшее съ интересами князей, уже очень рано повело къ разрушенію междукняжескихъ родовыхъ отношеній и къ установленію отдѣльныхъ княжескихъ линій, владѣвшихъ волостями путемъ наслѣдства отъ отца къ сыну. Порядокъ этотъ первоначально опредѣлялъ однако лишь наслѣдованіе среди князей, не исключая права вѣча избрать себѣ другаго князя. На югѣ это право избранія проявлялось по большей части лишь время отъ времени, въ видѣ смѣны нелюбимой линіи княжескаго рода и выборѣ на ея мѣсто другой, на сѣверѣ въ большихъ торговыхъ городахъ, какъ Новгородъ и Псковъ, при-

мѣпеніе его обратилось въ постоянное, такъ что каждый новый князь долженъ былъ предварительно быть избраннымъ вѣчемъ. Тамъ и здѣсь условіемъ, дававшимъ возможность осуществленія такого права, было существованіе значительнаго и сильнаго по своему экономическому положенію городскаго класса. Иначе сложились отношенія въ княжествѣ Суздальскомъ, съ конца 12-го вѣка занявшемъ первенствующее положеніе среди сѣверно-русскихъ земель. Съ одной стороны въ немъ не было такого сплоченнаго городскаго класса, съ другой—самое положеніе князей приняло здѣсь особый видъ, не похожій на то, въ какомъ оно являлось въ земляхъ южныхъ или въ Новгородѣ. Въ сѣверныхъ областяхъ князь являлся не только защитникомъ населенія отъ внѣшнихъ враговъ, не только судьей его, но и устроителемъ всего гражданскаго быта. Начиная съ Юрія Долгорукаго, князьямъ приходилось здѣсь устраивать землю, привлекать населеніе, строить города, и такая дѣятельность постепенно порождала въ нихъ привычку смотрѣть на устроенное ими княжество, какъ на личное ихъ созданіе, въ силу того самаго сдѣлавшееся и личной собственностью ихъ. Въ связи съ установившимся порядкомъ наслѣдованія волостей по прямой нисходящей линіи и побѣдой княжеской власти надъ притязаніями высшихъ классовъ области (ростовскихъ и суздальскихъ бояръ) на право распоряженія столомъ привычка эта повела къ тому, что князья стали распоряжаться своими удѣлами совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ распоряжались они своимъ частнымъ имуществомъ. Такъ, князь Московскій Семенъ Гордый по духовному завѣщанію отказалъ весь свой удѣлъ женѣ своей Маріи; такъ точно позднѣе князь верейскій Михаилъ Андреевичъ передалъ часть своего удѣла еще при жизни в. кн. Московскому Ивану Васильевичу, а часть завѣщалъ ему же по духовной, не оставивъ ничего въ наслѣдство своему сыну. Послѣдній случай представляетъ собою уже выходъ удѣла изъ семьи, обыкновенно же князья, имѣвшіе дѣтей, дѣлили между ними свои владѣнія поровну. При быстромъ размноженіи Рюриковичей такой способъ дѣленія имѣлъ своимъ результатомъ крайнее измельчаніе княжествъ: въ нѣкоторыхъ удѣлахъ, какъ напр. въ Вадбольскомъ, едва можно было насчитать какіе-нибудь 3—4 десятка деревень. Князья-владѣльцы такихъ удѣловъ обращались въ сущности въ помѣщиковъ средняго размѣра. Понятно, что они не могли претендовать на сколько-нибудь серьезную политическую роль, не могли и охранить своей самостоятельности, какъ скоро на нее посягалъ какой-нибудь сильный сосѣдъ. Такимъ образомъ утвердившееся въ сѣверной Руси 13 и 14 вв. наслѣдованіе княжествъ на основаніи началъ частнаго права, создавая непомѣрное дробленіе княжескихъ владѣній, тѣмъ самымъ обезсиливало ихъ и подготовляло почву для утвержденія государственнаго порядка.

Помимо распоряженія волостью взглядъ князя на нее, какъ на частную собственность, проявлялся въ способѣ управленія ею. Князь 13—14 вв. былъ такъ же, какъ и предшественникъ его—южный князь 10—12 вв., окруженъ вольными слугами—дружиной, составлявшей главную его силу. Помощью этихъ вольныхъ слугъ онъ и управлялъ своимъ княжествомъ, но, слѣдя за этимъ управленіемъ, мы можемъ замѣтить одну любопытную особенность, показывающую, какъ глубоко внѣдрился въ сознаніе князей того времени взглядъ на волость, какъ на предметъ частной собственности, на вотчину. Такой особенностью является управленіе посредствомъ намѣстниковъ или волостелей, которымъ князь передавалъ всѣ или часть своихъ государственныхъ правъ на извѣстную территорію взамѣнъ за опредѣленную часть дохода, получавшагося ими съ населенія этой территоріи. Въ предѣлахъ всякаго отдѣльнаго княжества появлялось такимъ образомъ множество мелкихъ округовъ, изъ которыхъ каждый управлялся особымъ волостелемъ, и къ дроблепію политическому присоединялось дроблепіе административное.

Изъ ряда этихъ-то мелкихъ единицъ выработалось Московское государство. Какія же условія могли способствовать возвышенію Москвы и созданію единаго государства изъ ряда разъединенныхъ волостей и удѣловъ? Однимъ изъ первыхъ условій такихъ надо считать географическое положеніе Московскаго княжества. Находясь въ центрѣ сѣверно-русскихъ областей, это княжество менѣе всѣхъ остальныхъ подвергалось въ XIII и XIV вв. губительному дѣйствію татарскихъ и литовскихъ набѣговъ. Сравнительная безопасность жизни въ немъ заставляла населеніе скучиваться здѣсь, обезпечивала князю и частнымъ землевладѣльцамъ значительное количество рабочихъ рукъ и тѣмъ дѣлала это княжество богаче и сильнѣе другихъ. Пользуясь своимъ богатствомъ, Московскіе князья начинаютъ скупать владѣнія сосѣднихъ мелкихъ князей; такъ, Иванъ Даниловичъ Калита уже покупаетъ Бѣлоозеро, Угличъ и Галицкое княжество. Въ силу этого же богатства Московскихъ князей и выгодности вслѣдствіе этого службы у нихъ вольные слуги другихъ князей стремятся перейти въ Москву, пользуясь своимъ правомъ свободнаго отъѣзда, и тѣмъ еще болѣе увеличиваютъ силу Москвы, лишая своихъ прежнихъ князей средствъ сопротивленія ей. Такъ, когда въ 1392 г. московскіе бояре захватили по ярлыку ханскому Нижній Новгородъ на кн. Василія Дмитріевича, бояре нижегородскіе заявили своему кн. Борису: «Господине княже! не надѣйся на насъ, уже бо есмы отнынѣ не твои и не съ тобою есмы, но на тя есмы». По мѣрѣ того, какъ замѣтнѣе дѣлались политическіе успѣхи Москвы, становилась выгоднѣе и служба у Московскихъ князей; въ рядахъ ихъ слугъ встрѣчается все болѣе и болѣе выходцевъ изъ разныхъ земель, высшій классъ этихъ

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ Р. ГОЛИКЕ, ТРОИЦКАЯ УЛ., 25.

слугъ—бояре, становится все многочисленнѣе и все усерднѣе работаетъ на пользу возвышенія княжества, съ которымъ связано его собственное благосостояніе. Интересы московскаго князя и его бояръ заключались въ одномъ и томъ же, и потому въ критическія для династіи Даниловичей минуты она втеченіе всего 14-го и 15-го столѣтія находила усердную поддержку со стороны бояръ. Въ малолѣтство Дмитрія Донского, когда княжеству Московскому приходилось бороться съ сильными князьями суздальскими, побѣда надъ ними была одержана исключительно благодаря боярамъ, такъ какъ самому князю тогда было всего 12 лѣтъ. Бояре дѣйствовали такъ, конечно, лишь въ силу своихъ личныхъ выгодъ, но тѣмъ не менѣе эти ихъ дѣйствія закладывали твердое основаніе Московскаго государства. Такимъ образомъ выгоды, представлявшіяся въ Московскомъ государствѣ землевладѣльцамъ, обусловливали собою политическій ростъ его. Второю важной причиной возвышенія Московскаго княжества было то положеніе, какое заняли князья его по отношенію къ тяготѣвшему надъ Русью татарскому игу. Первоначально они стояли въ такихъ же подчиненныхъ отношеніяхъ къ ордѣ, какъ и всѣ другіе русскіе князья, и даже болѣе унижались передъ татарами. Путемъ этого униженія имъ удалось пріобрѣсти нѣкоторыя важныя льготы, вродѣ сбора дани со всѣхъ русскихъ княжествъ и доставленія ея въ Орду, причемъ, разумѣется, немалая часть этой дани оставалась въ Москвѣ, это же униженіе, доходившее до полнаго отрицанія всякихъ правъ и законовъ на Руси, кромѣ ханской воли, помогало имъ удерживать за собою великое княженіе Владимірское. Такъ, когда въ княженіе Василія Васильевича дядя его князь Галицкій Юрій Дмитріевичъ вздумалъ оспаривать у него великое княженіе и перенесъ дѣло въ Орду, московскій посолъ бояринъ Всеволожскій вмѣсто доказательствъ правъ своего князя обратился прямо къ ханской милости, заявивъ, что кн. Василій ищетъ великаго княженія «по цареву жалованью», а кн. Юрій хочетъ получить его по «мертвой грамотѣ», т. е. духовному завѣщанію отца своего. Такое противопоставленіе возымѣло надлежащій успѣхъ и Василій Васильевичъ получилъ в. княженіе. Но такое раболѣпство и униженіе стали исчезать по мѣрѣ роста Москвы и уже скоро взяла она на себя задачу освобожденія Руси отъ ханской власти. Первая попытка въ этомъ смыслѣ, сдѣланная Дмитріемъ Донскимъ, не имѣла, правда, положительнаго успѣха, но она имѣла громадное значеніе въ томъ смыслѣ, что указывала на возможность освобожденія и ставила Москву во главѣ освободительнаго стремленія. Благодаря этому собирательная политика Московскихъ князей и бояръ теряла свой частный характеръ, пріобрѣтала общерусское значеніе и освящалась тою цѣлью, которую она себѣ ставила. Пробужденное національное сознаніе видѣло въ

Московскихъ князьяхъ, поднявшихъ знамя освобожденія, своихъ вождей и этимъ всего болѣе, кажется, объясняется тотъ фактъ, что въ расширеніи предѣловъ своихъ владѣній съ послѣдней четверти 14-го столѣтія князья эти не встрѣчали никакого противодѣйствія со стороны мѣстнаго населенія. Идея общности русской земли жила въ этомъ населеніи и раньше, а татарское завоеваніе, тяжелымъ ярмомъ легшее на всю землю, еще болѣе способствовало укрѣпленію и распространенію этой идеи. Неудачныя попытки освобожденія въ первые годы послѣ завоеванія татарами Руси преподали русскому обществу тяжелые уроки національнаго единства и если прежде это единство жило преимущественно въ области идей, то теперь оно стало проникать и въ реальныя отношенія жизни, а конкретнымъ воплощеніемъ его сдѣлалось Московское государство, открыто поставившее главной задачей своей внѣшней политики достиженіе независимости отъ орды. Сообразно этому въ самомъ процессѣ собиранія земель вокругъ Москвы можно ясно различить два періода: втеченіе перваго изъ нихъ, охватывающаго собою весь 14-й вѣкъ, Московскіе князья пріобрѣтаютъ волости, лежащія въ районѣ бывшаго Суздальскаго княженія: Даніилъ Александровичъ получаетъ по завѣщанію княжество Переяславское (1302 г.), Иванъ Даниловичъ покупаетъ Угличъ, Бѣлоозеро и Галичъ и захватываетъ княжество Ростовское, Василій Дмитріевичъ завладѣваетъ княжествомъ Суздальско-Нижегородскимъ (1392). За это время всѣ земли Всеволодова Суздальскаго княженія вновь собираются въ рукахъ одного князя и предѣлы Московскаго княженія совпадаютъ съ границами Суздальской области. Съ одной стороны сила, достигнутая Москвой къ концу этого столѣтія, съ другой положеніе, занятое ею, какъ главой національныхъ интересовъ, обусловливали дальнѣйшее ея возвышеніе. Другія земли были слишкомъ слабы для борьбы съ Москвой одинъ на одинъ, когда же онѣ пытались найдти себѣ сильныхъ союзниковъ, то такимъ могло явиться только одно Литовское государство. Но союзъ съ этимъ послѣднимъ, въ глазахъ большинства русскихъ людей того времени, равнялся измѣнѣ національнымъ интересамъ, несмотря на то даже, что въ Литвѣ силенъ былъ русскій этнографическій элементъ, такъ какъ господствующей религіей тамъ была католическая. Поэтому московскія лѣтописи съ глубокимъ убѣжденіемъ называютъ Новгородцевъ измѣнниками за то, что тѣ вздумали воспользоваться своимъ старинпымъ правомъ и вмѣсто Ивана Васильевича выбрать своимъ княземъ Михаила Олельковича, князя Литовскаго; на языкѣ этихъ лѣтописей Новгородцы дѣлались благодаря своему поступку «иноязычниками и отступниками православія». Итакъ вторымъ моментомъ въ созданіи Московскаго государства было національное сознаніе великорусской народности, укрѣпившееся благодаря борьбѣ съ Татарами и Литвой.

Къ началу 16-го вѣка, дѣйствительно, всѣ остававшіеся еще независимыми удѣлы и вольные города были подчинены Москвою и предѣлы государства совпали съ предѣлами великорусскаго племени. Государство съ этого времени окончательно сдѣлалось національнымъ, осуществивъ идею Русской земли.

Такимъ образомъ внесеніе въ порядокъ княжескаго владѣнія волостями началъ частнаго права втеченіе удѣльнаго періода, иначе говоря, 13 и 14 вѣковъ, постепенно разрушило самый этотъ порядокъ, способствуя измельчанію и обезсиленію отдѣльныхъ волостей, нароставшее же наряду съ этимъ сознаніе національнаго единства подъ гнетомъ чужеземнаго владычества привело къ созданію единаго государства, осуществленному московскими князьями въ силу особенныхъ условій ихъ волости, дававшихъ имъ перевѣсъ надъ другими князьями. Но сама Москва была вѣдь созданіемъ удѣльнаго періода и долго не могла вполнѣ освободиться отъ его преданій. Преданія эти ярко выступаютъ въ распоряженіяхъ московскихъ князей, относящихся къ наслѣдованію владѣній. Въ этихъ распоряженіяхъ видно общее всѣмъ удѣльнымъ князьямъ стремленіе распоряжаться государствомъ, какъ частной собственностью. Иванъ Калита, прозванный лѣтописями и историками «собирателемъ Русской земли», въ своей духовной дѣлитъ свои города и волости между всѣми своими дѣтьми и единственное различіе этого дѣлежа отъ раздѣла частнаго имѣнія заключается въ томъ, что старшій сынъ получаетъ больше владѣній, чѣмъ остальные. При этомъ самый стольный городъ, Москва, дѣлится имъ на части по числу сыновей. Раньше я уже говорилъ, что одинъ изъ сыновей Калиты, Семенъ Ивановичъ, завѣщалъ весь свой удѣлъ женѣ своей, но завѣщаніе это было нарушено братомъ его, отнявшимъ у нея удѣлъ и присоединившимъ его къ своимъ владѣніямъ. Порядокъ безпрерывнаго дробленія княжества не прекратился еще однако на этомъ и продолжался вплоть до Дмитрія Донского, когда можно замѣтить уже вліяніе другихъ идей въ Московскомъ государственномъ правѣ. Донской также дѣлитъ между сыновьями Московское княжество, отдавая большую часть старшему сыну, но послѣднему онъ завѣщаетъ также великое княженіе Владимірское все цѣликомъ и прибавляетъ, что въ случаѣ бездѣтной смерти этого старшаго сына оно должно перейти къ слѣдующему за нимъ брату также цѣликомъ. Удѣлы продолжаютъ существовать и при сынѣ Донского, но правнукъ его вноситъ новое и существенное ихъ ограниченіе. Назначая своимъ младшимъ сыновьямъ удѣлы, Иванъ Васильевичъ оговариваетъ при этомъ, что въ случаѣ бездѣтной смерти кого-либо изъ нихъ удѣлъ его переходитъ къ великому князю. Путемъ этого новаго въ практикѣ Московскаго государства узаконенія прекращалась всякая возможность соединенія нѣсколькихъ удѣловъ въ рукахъ какого-либо князя помимо

великаго и исчезала опасность новой борьбы за единство государства. Но самые удѣлы все еще не исчезли и продолжаются вплоть до времени царя Ивана Васильевича Грознаго. Такъ медленно и постепенно вырабатывался государственный порядокъ въ наслѣдованіи княжескихъ владѣній. Къ концу 16 вѣка понятіе недѣлимости государственной власти окончательно уже выработалось и Иванъ Грозный, собираясь при жизни старшаго сына дать удѣлъ второму—Федору, въ составленной по этому случаю духовной прямо подчиняетъ этотъ удѣлъ власти старшаго брата—великаго князя, и предписываетъ Федору не выходить изъ его воли. Единоличность государственной власти—вотъ, стало быть, пріобрѣтеніе, сдѣланное Московскимъ государствомъ, создавшимся на почвѣ національнаго великорусскаго единства.

Перемѣны, происшедшія въ политическомъ положеніи Москвы, не остались безъ вліянія и на внутренній характеръ этой власти. Первое, что можетъ обратить на себя вниманіе, это перемѣна самого наименованія: великій князь Владимірскій 13-го вѣка въ 16 столѣтіи обращается въ «царя и самодержца всея Россіи». Уже со времени Куликовской битвы появляется въ документахъ неоффиціальныхъ наименованіе Московскаго князя царемъ и самое время появленія этого титула ясно указываетъ на его значеніе. Дѣйствительно, этимъ именемъ выражалась международная независимость Московскаго государства, достигнутое имъ самостоятельное положеніе. Раньше титулъ этотъ въ русскихъ лѣтописяхъ придавался хану татарскому, но съ того времени, какъ власть послѣдняго надъ русской землею была потрясена, онъ перешелъ въ сознаніи русскихъ людей къ верховному вождю русской земли, Московскому государю. Но оффиціальное употребленіе этого титула начинается лишь со времени Іоанна III, того самаго князя, при которомъ татарское иго было уже вполнѣ сломлено и Москва сдѣлалась окончательно независимой. Къ этому достиженію независимости присоединяется еще и то обстоятельство, что въ Москву заносится понятіе о преемственности міровой власти, всемірной имперіи Рима. Понятіе это, почерпнутое изъ византійской литературы и распространенное московскими книжниками, подкрѣплялось двумя обстоятельствами того времени: въ 1453 году взятъ былъ турками Константинополь и т. о. пала Греческая имперія. Единственнымъ крупнымъ государствомъ, хранившимъ православную вѣру, въ глазахъ москвичей съ этихъ поръ оставалось ихъ собственное: «вся христіанская царства преидоша въ конецъ и спадошася во едино царство нашего государя, по пророческимъ книгамъ, т. е. Россійское царство; два убо Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быть», писалъ одинъ изъ русскихъ современниковъ паденія Константинополя. Къ такой передачѣ преданія вѣры присоединилась передача преданія династическаго: въ 1472 году состоялась

свадьба московскаго великаго князя Ивана Васильевича на племянницѣ послѣдняго императора византійскаго, Софіи Палеологъ. Этой свадьбой наслѣдство умершей имперіи какъ бы передавалось зачинавшемуся Московскому государству, по крайней мѣрѣ въ сознаніи современниковъ, и оправдывался тѣмъ самымъ новый принятый титулъ. Значеніе его коренилось, слѣдовательно, исключительно во внѣшнемъ положеніи Московскаго государства, обрисовывая собою съ одной стороны его самостоятельность, съ другой — его первенствующее положеніе въ ряду православныхъ державъ.

Еще ранѣе слова царь въ титулъ московскихъ князей проникли другія многозначительныя слова «всея Россіи». Княземъ всея Руси называетъ себя уже Иванъ Калита, фактическій владѣлецъ лишь небольшой части Суздальской земли. Чтобы понять происхожденіе этого титула въ такое время, когда всѣ князья удѣльные, въ томъ числѣ и Московскіе, были еще глубоко запутаны въ сферѣ своихъ мелкихъ частныхъ интересовъ, надобно припомнить существованіе учрежденія, общаго для всѣхъ русскихъ земель, именно церкви. Глава ея — одинъ для всей тогдашней Россіи, носилъ титулъ митрополита кіевскаго и всея Руси, сравнительно съ которымъ великій князь владимірскій долженъ былъ казаться чѣмъ-то очень убогимъ. И вотъ, всего вѣроятнѣе, изъ простаго подражанія первоначально великіе князья присвоиваютъ себѣ эту прибавку. Но по мѣрѣ того, какъ процессъ объединенія земель шелъ впередъ, она переставала быть простымъ звукомъ, пріобрѣтала плоть и кровь. Если не вся Русь, то вся Великороссія была уже собрана вокругъ Москвы при Иванѣ III Васильевичѣ и его сынѣ Василіи, и съ этой поры объединившееся національное государство начинаетъ неуклонно стремиться къ воссоединенію и остальныхъ русскихъ областей, такъ или иначе подпавшихъ подъ чужеземное владычество. Московскіе государи заявляютъ притязанія на всѣ такія области, какъ на исконное свое достояніе, и начинаютъ употреблять титулъ царей всей Россіи въ сношеніяхъ съ Литвой, за которой именно и числились такія области, тѣмъ самымъ выказывая намѣреніе отобрать ихъ. Слово «самодержецъ» въ приведенномъ титулѣ Московскихъ государей не обозначало уже никакого новаго понятія сравнительно со словомъ «царь». Въ самомъ дѣлѣ, достаточно припомнить такіе факты, что съ одной стороны лѣтопись называетъ самодержцемъ уже Всеволода Большое Гнѣздо, а съ другой—этотъ же титулъ употреблялъ царь Василій Шуйскій, несомнѣнно ограниченный въ своей власти, чтобы увидать, что съ этимъ словомъ вовсе не связывалось встарину понятіе о неограниченной власти государя надъ подданными. Оно относилось къ внѣшнему положенію власти и обозначало только отсутствіе какихъ бы то ни было

вассальныхъ отношеній, но вовсе не опредѣляло характеръ власти во внутреннихъ отношеніяхъ государства.

Чтобы представить этотъ послѣдній, мы должны обратиться къ тѣмъ результатамъ, какіе повлекло за собой для Московскаго княжества присоединеніе къ нему всей массы удѣльныхъ волостей. Каждый удѣльный князь имѣлъ вокругъ себя дружину, составлявшую его военную силу и администрацію управленія, имѣлъ дворъ, состоявшій изъ «дворныхъ людей», иначе дворянъ, отправлявшихъ частью личныя послуги князю, частью службу государственную. Съ уничтоженіемъ каждаго удѣла толпы этихъ служилыхъ людей переходили къ князю Московскому и размѣщались на его службѣ согласно своему достоинству. Сами удѣльные князья и высшій слой ихъ служилыхъ людей вступали въ ряды Московскихъ бояръ, увеличивая собою ихъ число. Но это явленіе не остановилось на одномъ количественномъ увеличеніи боярскаго класса и являвшемся вслѣдствіе того усиленіи Московскаго княжества, оно вызвало и другія слѣдствія, неожиданныя для самихъ князей-собирателей. Князья Даниловичи привыкли уже править вмѣстѣ со своими боярами, интересы которыхъ вполнѣ совпадали съ ихъ собственными, боярская дума при князѣ получила уже въ Москвѣ значеніе правительственнаго совѣта и законодательнаго учрежденія, когда начался особенно сильный приливъ вольныхъ и невольныхъ выходцевъ на московскую службу. Къ половинѣ 15-го столѣтія приливъ этотъ сдѣлался настолько обиленъ, родовитыхъ князей столько появилось въ Москвѣ, что прежніе московскіе бояре были совсѣмъ закрыты пришлецами. Послѣдніе, въ значительной части состоявшіе изъ недавнихъ владѣтельныхъ князей, оказывались честнѣе, родовитѣе старыхъ бояръ. Собравшись въ Москву изъ всѣхъ русскихъ земель, князья и бояре составили здѣсь плотный правительственный классъ, по происхожденію своему чисто аристократическій. Всѣ эти Рюриковичи и Гедиминовичи не только могли хвалиться своимъ происхожденіемъ отъ одного корня съ московской династіей или отъ корня равнаго ей по значенію, но и сами они еще недавно сидѣли на владѣльческихъ столахъ, привыкли къ власти, къ управленію землей. Соединеніе ихъ въ одномъ правительственномъ классѣ образовывало уже правительственную аристократію, среди которой легко могла зародиться мысль о непосредственномъ правѣ на власть. Собираясь въ государевыхъ комнатахъ московскаго дворца въ боярскую думу, эта знать рѣшала вмѣстѣ съ великимъ княземъ, позднѣе царемъ, всѣ правительственные вопросы, находилась у самаго кормила власти. При этомъ надо вспомнить, что народныя вѣча уже очень рано вышли изъ употребленія въ Москвѣ. Такимъ образомъ, результатомъ соединенія волостей явилось образованіе аристократическаго правительственнаго класса въ Московскомъ государствѣ. Естественно было появленіе въ

средѣ этого класса мысли о необходимости упрочить свое положеніе. Въ силу обстоятельствъ времени такое упроченіе приняло оригинальный характеръ: со стороны великаго князя не предвидѣлось опасности для цѣлаго класса, бояре составляли необходимость въ государственномъ организмѣ, да и интересы ихъ продолжали совпадать съ интересами великихъ князей, но въ виду продолжавшагося наплыва новыхъ и новыхъ пришельцевъ всякому отдѣльному лицу изъ этого класса могла грозить опасность потерять занятое имъ положеніе, опуститься на служебной лѣстницѣ, уступивъ мѣсто низшимъ себя. Чтобы избѣжать этой опасности, разверстаться между собою на основаніи строгихъ правилъ, установлена была боярствомъ мѣстническая іерархія. Сущность московскаго служилаго мѣстничества заключалась именно въ установленіи постоянныхъ отношеній между боярскими родами, сообразно ихъ родовитости, «отечеству», какъ говорили сами бояре. Служилый человѣкъ лишь въ томъ случаѣ могъ занять какое-либо мѣсто, будь это мѣсто въ полку, въ администраціи, или за столомъ великаго князя, если выше его не оказывался кто-либо изъ рода менѣе знатнаго или равнаго ему, занимавшаго нѣкогда одинаковое съ нимъ или низшее положеніе на служебной лѣстницѣ. Не перечисляя всѣхъ положеній, выработанныхъ въ мѣстническихъ спорахъ, достаточно указать нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы опредѣлить характеръ этого учрежденія. Бывшій удѣльный князь считался выше боярина, хотя этотъ послѣдній давнымъ давно служилъ князю, а первый только что пришелъ въ Москву. Но московскій бояринъ становился выше боярина удѣльнаго, такъ какъ самая служба въ Москвѣ считалась честнѣе. Это распредѣленіе должностей среди боярскаго класса «не по разуму, а по породѣ», говоря словами Котошихина, ясно указываетъ на аристократическую тенденцію и она станетъ еще замѣтнѣе, если мы примемъ во вниманіе, что опредѣленіе чести того или другаго рода стояло въ полной независимости отъ воли государя. Мѣстническіе счеты судились исключительно боярами, государю принадлежалъ только приговоръ. Когда въ 1616 г. кн. Волконскій, принадлежавшій къ породословному слою боярства, не хотѣлъ служить на назначенномъ ему мѣстѣ ниже боярина Головина, ссылаясь на личную свою службу, судившіе дѣло бояре послали Волконскаго въ тюрьму за нанесенное Головину такимъ образомъ безчестье. При этомъ они заявили, что «за службу жалуетъ государь помѣстьемъ и деньгами, а не отечествомъ», высказавъ, такимъ образомъ, общій свой взглядъ на то, что отношенія между членами боярскаго класса не устраиваются волею государя, а создаются помимо этой воли въ силу родословнаго значенія того или другаго изъ этихъ членовъ. Понятно, къ какимъ слѣдствіямъ должно было привести признаніе этого принципа со стороны великихъ князей. Размѣщая на своей службѣ

старыхъ и прибывавшихъ слугъ, князь не могъ руководиться въ этомъ размѣщеніи своими личными взглядами, а долженъ былъ помѣщать на верху служебной лѣстницы фамиліи наиболѣе знатныя, дольше другихъ притомъ сохранившія свою независимость отъ него. Эти князья занимали первыя мѣста въ думѣ, они же сидѣли на самыхъ видныхъ должностяхъ военной и гражданской администраціи, водили полки великаго князя, судили судъ. Насколько силенъ былъ по своему количеству этотъ элементъ княжья въ 16-мъ вѣкѣ, можно видѣть изъ цифровыхъ данныхъ, выведенныхъ проф. Ключевскимъ. Согласно его счету изъ 200 бояръ, перебывавшихъ съ 1505 по 1593 годъ въ московской думѣ, около 65% состояло изъ князей и лишь 35% было лицъ нетитуловавшихъ. Такое появленіе массы аристократіи въ средѣ правительства неизбѣжно должно было сообщить послѣднему аристократическій характеръ.

Но помимо самаго факта присутствія этой аристократіи и управленія государствомъ черезъ нее не было ничего, что могло бы поддержать такой характеръ, не существовало никакихъ правъ боярства на власть. Права эти покоились исключительно на обычаѣ, на привычкѣ князя править черезъ бояръ и на отсутствіи другихъ правительственныхъ органовъ. Князья и бояре, составившіе правительственный классъ Московскаго государства, хотя и явились въ него по большей части добровольно, но въ сущности въ основаніи ихъ появленія лежалъ фактъ силы Москвы и подчиненіе ихъ являлось неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого факта. Поэтому между ними и великимъ княземъ не существовало никакого политическаго договора: они становились слугами великаго князя, онъ начиналъ править черезъ нихъ государствомъ, но участіе ихъ въ управленіи ничѣмъ не было обезпечено. Самое мѣстничество далеко не было безусловной гарантіей въ этомъ отношеніи: оно стѣсняло дѣйствія верховной власти лишь до той поры, пока составъ правительственнаго класса былъ однороднымъ, представляя изъ себя разновидности родовой аристократіи, но оно ни мало не препятствовало этой власти ввести въ самый классъ этотъ людей совсѣмъ иныхъ, которымъ были бы чужды аристократическія тенденціи.

3-я и 4-я ЛЕКЦИИ.

Административный и военный строй Московскаго государства 16-го вѣка.

Административный строй. Въ прошлый разъ мы познакомились съ политическимъ строемъ Московскаго государства, характеромъ его верховной власти и правительственнаго класса, образовавшагося вокругъ послѣдней благодаря уничтоженію удѣльныхъ княжествъ. Теперь намъ предстоитъ обратиться къ административному и военному строю вновь возникшаго государства и посмотрѣть, въ какомъ видѣ сложились они.

Управленіе удѣльнаго княжества было очень несложно. Раньше было уже сказано, что отдѣльныя части княжествъ поручались князьями въ управленіе намѣстникамъ и волостелямъ, пріобрѣтавшимъ здѣсь всѣ или часть государственныхъ правъ и получавшимъ за свою дѣятельность опредѣленную часть дохода, тогда какъ остальной шелъ князю. Намѣстникъ управлялъ городомъ и присоединеннымъ къ нему округомъ, обыкновенно не особенно значительнымъ, волостель сидѣлъ въ волости, отъ которой онъ и получилъ свое названіе. Цѣль этихъ назначеній была двоякая: съ одной стороны этимъ путемъ преслѣдовались задачи управленія, съ другой задачи содержанія и вознагражденія служилыхъ людей. Поэтому такія назначенія назывались посылкой на кормленіе и бывали случаи, что назначенный въ какой-нибудь городъ намѣстникъ жаловался, что ему тамъ «сытому быть не мочно» и просилъ дать ему другое мѣсто.

Помимо того у каждаго князя существовали еще собственныя его недвижимыя имѣнія, которыми управляли какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ государственномъ отношеніяхъ бояре, являвшіеся такими же мѣстными правителями. Но этими органами уже и тогда не захватывалась вся сфера управленія. Во-первыхъ, помимо дѣлъ мѣстнаго управленія и суда существовали

дѣла общаго характера, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія; во-вторыхъ, власть этихъ намѣстниковъ и волостелей по большей части подвергалась ограниченію, такъ какъ важнѣйшія дѣла имъ предписывалось не рѣшать самимъ, а переносить на судъ князя. Наконецъ, третьимъ родомъ дѣлъ, стекавшихся въ стольный городъ князя, были судебныя дѣла лицъ привилегированныхъ. Князья освобождали многихъ землевладѣльцевъ отъ суда своихъ намѣстниковъ, давая имъ по жалованнымъ грамотамъ право судиться во всѣхъ дѣлахъ непосредственно у самого князя или его боярина.

Изъ этихъ-то трехъ видовъ дѣлъ и слагалась первоначально область центральнаго управленія, въ мелкихъ княжествахъ, какимъ было Московское при Калитѣ и его ближайшихъ преемникахъ, понятно, не особенно обширная. Князь могъ входить, да и дѣйствительно входилъ лично во всѣ мелочи управленія. Уже въ концѣ 15-го вѣка Василій Ивановичъ, в. кн. Московскій, предписывая построить новую почтовую станцію, не только даетъ самыя точныя указанія относительно величины тѣхъ зданій, которыя предстоитъ возвести, но и указываетъ, что дѣлать съ погнившими остатками старыхъ построекъ, совѣтуя ими «заметъ заметати или тынъ поставити». Легко себѣ представить, что раньше было еще больше времени и возможности проявляться такой заботливости о мелочахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ князь не могъ, конечно, обойтись совершенно безъ помощниковъ въ дѣлѣ центральнаго управленія; главными помощниками его и являлся высшій разрядъ вольныхъ слугъ—бояре.

Боярину поручалось разобрать то или другое судебное дѣло, бояре же, сойдясь на думу съ княземъ, рѣшали вопросы, касавшіеся всей области, будь это вопросы внѣшней политики, войны или мира съ кѣмъ-либо изъ сосѣдей, или вопросы внутренняго устройства. Ни число этихъ совѣтниковъ, ни составъ ихъ не были сперва постоянными: князь призывалъ на думу тѣхъ изъ нихъ, кого хотѣлъ, и сколько хотѣлъ, соображаясь преимущественно съ тѣмъ, какихъ бояръ больше касалось данное дѣло. Поэтому составъ думы для каждаго отдѣльнаго случая измѣнялся; одинъ разъ въ ней было 5 бояръ, другой—8, третій—3, но всегда они были изъ числа тѣхъ, которые постоянно окружали князя, завѣдуя его дворомъ и хозяйствомъ, бояре же, сидѣвшіе по городамъ на кормленіяхъ, въ думу не призывались или призывались въ экстренныхъ случаяхъ. Точно также и разборъ дѣлъ судебныхъ и исправленіе какихъ-нибудь необычныхъ, случайно возникавшихъ дѣлъ поручались не какимъ-нибудь опредѣленнымъ лицамъ, а то одному, то другому изъ окружавшихъ князя бояръ. Но по мѣрѣ того, какъ росло и увеличивалось въ объемѣ княжество Московское, такой простой способъ управленія началъ оказываться недостаточнымъ и въ него постепенно

стали проникать измѣненія. Появлялось все больше и больше такихъ дѣлъ, которыхъ раньше было очень мало или и совсѣмъ не было и которыя, не будучи мѣстными, въ то же время и не подлежали вѣдѣнію начальниковъ отдѣльныхъ дворцовыхъ вѣдомствъ, и сообразно этому единственное учрежденіе, для такихъ дѣлъ существовавшее, княжеская или боярская дума, измѣняетъ свой характеръ. Вмѣсто прежнихъ собраній нѣсколькихъ лишь совѣтниковъ князя входятъ въ обычай общія собранія всѣхъ наличныхъ бояръ, причемъ призываются иногда и тѣ изъ нихъ, которые въ качествѣ намѣстниковъ сидятъ по городамъ. Послѣднее, впрочемъ, скоро выходитъ изъ обыкновенія и дума составляется только изъ бояръ, находящихся въ Москвѣ, но уже всѣхъ безъ исключенія. Самыя собранія этихъ думцевъ, какъ ихъ иногда называли, потеряли свой случайный характеръ и обратились въ постоянныя. Ежедневно съѣзжались думные люди къ государю и вмѣстѣ съ нимъ или и безъ него разсматривали и рѣшали всѣ важнѣйшіе вопросы по управленію государствомъ. Но продолжавшееся быстрое разростаніе предѣловъ владычества Москвы вскорѣ уже накопило такую массу дѣлъ, относящихся къ центральному правительству, что для думы сдѣлалось фактически невозможнымъ удерживать всѣ ихъ въ своихъ рукахъ, и тогда менѣе важныя и вмѣстѣ болѣе часто повторявшіяся дѣла стали отходить въ особыя учрежденія, подчиненныя думѣ и извѣстныя подъ именемъ «приказовъ». Самое названіе указываетъ на порядокъ возникновенія этихъ учрежденій: государь приказывалъ какому-нибудь боярину вѣдать тѣ или другія дѣла по мѣрѣ того, какъ они выходили изъ ряда экстренныхъ и дѣлались постоянными въ обиходѣ Московскаго управленія, и вотъ этотъ бояринъ со своими товарищами и канцеляріей и образовывалъ приказъ. Начавшись съ конца 15-го вѣка, учрежденіе приказовъ продолжалось и втеченіе всего 16-го, а затѣмъ и 17-го, когда число ихъ превысило сорокъ. Никакого заранѣе опредѣленнаго плана, никакого строгаго обдуманнаго порядка не было при образованіи приказовъ, система отсутствовала при этомъ. Просто при накопленіи ли дѣлъ извѣстнаго рода, уже бывшихъ и раньше, но въ меньшемъ количествѣ, или при появленіи сразу опредѣленнаго круга новыхъ дѣлъ образовывалось учрежденіе, обязанное вѣдать ихъ. Соотвѣтственно этому и въ распредѣленіи предметовъ вѣдомства между отдѣльными приказами не было проведено строгихъ границъ: одинъ и тотъ же приказъ часто вѣдалъ самыя разнородныя дѣла, соединенныя только по мѣстности, тогда какъ другіе, наоборотъ, сосредоточивали въ себѣ дѣла по извѣстнымъ отраслямъ управленія во всемъ государствѣ. Первый случай имѣлъ мѣсто главнымъ образомъ въ управленіи дѣлами дворцоваго вѣдомства и затѣмъ во вновь присоединяемыхъ областяхъ. Московское правительство, пріобрѣтая новую землю, не торопи-

лось ломать старые порядки ея управленія, вводить ее сразу въ новое теченіе жизни, а по большей части ограничивалось на первый разъ тѣмъ, что переносило лишь старыя учрежденія въ новый центръ—Москву. Такъ, Нижнимъ Новгородомъ управлялъ особый приказъ, извѣстный подъ именемъ Нижегородской четверти; позднѣе онъ же управлялъ В. Новгородомъ, Пермью и Псковомъ. Такой же характеръ имѣли четверти Устюжская, Костромская, Галицкая и Владимірская, сосредоточивая въ себѣ финансовое управленіе названныхъ областей. Точно также для дѣлъ судебныхъ вновь пріобрѣтенныхъ земель образовывались особые приказы, совершенно независимые одинъ отъ другаго и одинаково подчиненные думѣ. Прежняя самостоятельность областей нарушалась неподвольно и только постепенно, путемъ долгихъ частныхъ перестановокъ и передѣлокъ приказы стали утрачивать свой первоначальный простой характеръ и пріобрѣтать видъ болѣе упорядоченный. Рядомъ съ очень важными приказами существовали и такіе, кругъ дѣятельности которыхъ ограничивался какой-нибудь одной и весьма невидной притомъ стороной дворцовыхъ интересовъ, въ родѣ ловчаго или сокольничаго приказа. Войскомъ, которое по самымъ условіямъ образованія Московскаго государства въ ряду государственныхъ потребностей занимало одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, занималось до 10-ти приказовъ.

По мѣрѣ появленія приказовъ и увеличенія ихъ числа дѣятельность боярской думы стала пріобрѣтать болѣе спеціальный оттѣнокъ. Государевымъ совѣтникамъ не приходилось теперь думать съ нимъ обо всѣхъ частныхъ вопросахъ управленія, такіе вопросы отошли въ приказы, на долю же боярской думы осталось наблюденіе за ихъ дѣятельностью и рѣшеніе вопросовъ законодательнаго характера или такихъ дѣлъ, для которыхъ по ихъ новости и необычности не было еще выработано спеціальныхъ приказовъ. Рѣшенія думы дѣлаются законными нормами. Въ Судебникѣ царя Ивана Васильевича такой порядокъ прямо и оговоренъ: «а которые будутъ дѣла новые, а въ семъ Судебникѣ не написаны, и какъ тѣ дѣла съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору вершатся, и тѣ дѣла въ семъ Судебникѣ приписывати». Вмѣстѣ съ тѣмъ за думой же оставалось участіе въ дѣлахъ внѣшней политики, равнымъ образомъ какъ и верховное руководительство внутреннимъ распорядкомъ государства. Дума назначаетъ начальниковъ приказовъ, воеводъ въ полкахъ, мѣстныхъ правителей, она же и судитъ ихъ въ случаѣ преступленій. Но, имѣя такія широкія права, дума не дѣлается однако отдѣльнымъ элементомъ власти, а продолжаетъ лишь служить верховнымъ органомъ управленія. Засѣданія ея происходятъ подъ предсѣдательствомъ царя во время его присутствія и во всякомъ случаѣ по его приказанію, и иногда, когда царь даже отсут-

ствуетъ, указы выходятъ съ обычной формулой: «царь указалъ и бояре приговорили» или «уложилъ царь со всѣми боляры».

Въ половинѣ 16-го вѣка появляется въ Московскомъ государствѣ еще одно учрежденіе, но учрежденіе вполнѣ новое, не имѣвшее корней въ практикѣ удѣльныхъ князей, – земскіе соборы. Вопросъ о значеніи земскихъ соборовъ въ исторіи Москвы очень сложный и запутанный. Я постараюсь, не входя въ перечисленіе и разборъ мнѣній, высказанныхъ по нему, что повело бы насъ очень далеко, вкратцѣ передать сущность причинъ возникновенія соборовъ; объ ихъ роли и дѣятельности придется говорить подробнѣе, когда мы будемъ имѣть дѣло съ явленіями 17-го вѣка. Съ того момента, какъ русскія княжества собрались вокругъ великаго князя Московскаго, явилась потребность въ большемъ государственномъ единствѣ, въ близкомъ знакомствѣ для правительства съ нуждами подданныхъ, которыми опредѣлялись и задачи государственной власти. Но выработавшаяся въ Москвѣ система дробной администраціи не удовлетворяла этой потребности, разрозненные административные органы слишкомъ мало стягивали населеніе къ одному центру и, чтобы восполнить этотъ пробѣлъ, нужно было создать новое учрежденіе, которое бы носило общій характеръ. Такимъ учрежденіемъ и явились земскіе соборы. Они не были преемниками вѣчевыхъ собраній древней Руси, эти послѣднія уже съ 14-го вѣка прекратили свое существованіе въ Московскомъ княжествѣ, да и основанія вѣча и собора были совершенно иныя: вѣче составлялось изъ всего населенія области, соборъ былъ учрежденіемъ представительнымъ, вѣче обладало полнотою правительственной власти, земскіе соборы во время своего возникновенія являлись лишь въ роли совѣщательной, наконецъ участіе въ вѣчѣ было правомъ, избраніе представителей на соборъ и присутствіе на немъ послѣднихъ считалось обязанностью. Соборы не выросли изъ вѣча, они являются послѣ долгаго перерыва вѣчевыхъ собраній не какъ возстановленіе старой формы, а какъ новое учрежденіе, возникшее изъ новыхъ потребностей государственной жизни. Имя этого учрежденія, а можетъ быть и самая мысль объ немъ заимствованы изъ практики духовенства, собиравшагося вокругъ митрополита на такъ наз. «освященные соборы», рѣшавшіе вопросы, касавшіеся всей русской церкви, а иногда принимавшіе участіе и въ правительственной дѣятельности князя и его думы.

Первые извѣстные намъ соборы относятся ко времени Ивана Грознаго. Принимаясь въ 1550 г. самъ за дѣла управленія и рѣшившись исправить неустройства боярскаго правленія втеченіе своего малолѣтства, молодой царь созвалъ «избранныхъ людей всякаго чина и состоянія» и этотъ соборъ, по всей вѣроятности, и былъ первымъ въ ряду земскихъ соборовъ. Къ сожалѣнію, о дѣятельности его намъ ничего неизвѣстно и остается

только догадываться, что послѣдовавшія затѣмъ реформы состоялись не безъ его участія. Черезъ 16 лѣтъ, въ 1566 г. во время войны съ Польшей созванъ былъ новый соборъ для рѣшенія вопроса, принять ли предлагавшіяся поляками условія мира или, отвергнувъ ихъ, продолжать войну. На этотъ разъ намъ извѣстны какъ составъ собора, такъ и рѣшеніе его. Кромѣ боярской думы и духовенства на соборѣ присутствовали дворяне, торопецкіе и луцкіе помѣщики, дьяки и приказные, московскіе гости и купцы и смольняне. Всѣ члены собора рѣшили, что предлагаемый миръ слишкомъ невыгоденъ и потому слѣдуетъ отказаться отъ него.

Изъ приведенныхъ фактовъ не трудно видѣть, какое значеніе имѣли земскіе соборы въ данное время. Собираясь произвести внутреннія реформы, царь созываетъ соборъ, сообщаетъ ему свое намѣреніе и (по всей вѣроятности) совѣщается о средствахъ привести его въ исполненіе. Въ разгарѣ войны, принимающей неудачный оборотъ, царь опять-таки созываетъ соборъ, спрашивая его, удобно или неудобно продолжать войну, причемъ въ соборѣ принимаютъ участіе главнымъ образомъ люди, на которыхъ лежитъ тяжесть войны въ видѣ ли службы или податей (дворяне, гости и купцы), и жители пограничныхъ областей, интересы которыхъ наиболѣе зависятъ отъ того или другаго исхода войны. Правительство совѣщается съ подданными, съ цѣлью узнать ихъ истинныя нужды, и сообразно этому призываетъ на совѣщаніе тѣхъ изъ нихъ, кого наиболѣе касается данное дѣло. Отсутствіе централизаціи управленія возмѣщалось такимъ образомъ непосредственнымъ обращеніемъ правительства къ населенію, выразившимся въ формѣ созыва земскихъ соборовъ.

Такъ постепенно, путемъ долгой и осторожной кладки строило Московское государство свой бытъ. Медленно, одно за другимъ возникали и преобразовывались учрежденія, лишь по мѣрѣ настоятельной необходимости отмѣнялись старые порядки и заводились новые, недостатки одного учрежденія восполнялись другимъ, но все государственное устройство не приводилось въ одну стройную систему, да и не до того было государству, стремившемуся пока къ одной опредѣленной цѣли—собрать вокругъ себя всѣ русскія земли и пріобрѣсти значеніе самостоятельной, независимой державы.

Къ 16-му столѣтію это устройство приняло въ области центральнаго управленія такой видъ. Во главѣ всей земли стоялъ государь, именовавшійся царемъ и вел. княземъ всея Руси и пользовавшійся ничѣмъ, кромѣ обычая, не ограниченной властью на протяженіи всей государственной территоріи, надъ ея населеніемъ. Учрежденіемъ, служившимъ непосредственнымъ связующимъ звеномъ между этимъ населеніемъ и верховною властью государя, являлся земскій соборъ, созываемый послѣднимъ изъ

всѣхъ классовъ населенія для совѣщанія съ правительствомъ и высказыванія послѣднему своихъ нуждъ. Главнымъ центральнымъ органомъ управленія была боярская дума, сосредоточившая въ себѣ всѣ важнѣйшія дѣла какъ внѣшней политики, такъ и внутренняго устройства и управленія и подвергавшая свои рѣшенія утвержденію государя. Подъ нею и въ непосредственной отъ нея зависимости стоялъ рядъ обособленныхъ другъ отъ друга центральныхъ учрежденій, вѣдавшихъ отдѣльныя области, или отдѣльныя отрасли управленія, или дворцовое хозяйство, различныхъ по своему значенію, но независимыхъ одинъ отъ другаго и именовавшихся приказами.

Прежде чѣмъ перейти теперь къ тѣмъ измѣненіямъ, какія потерпѣло въ Московскомъ государствѣ управленіе мѣстное, областное, остановимся на другомъ вопросѣ, касающемся центральныхъ правительственныхъ учрежденій и именно ихъ состава.

Начнемъ съ боярской думы, какъ древнѣйшаго изъ этихъ учрежденій. Названіе ея даетъ указаніе и на ея составъ, но указаніе не совсѣмъ точное. Въ частномъ быту московскаго государства слово бояринъ продолжаетъ сохранять свое старинное значеніе всякаго частнаго землевладѣльца и въ этомъ смыслѣ земля какого-нибудь подъячаго называется «боярской», но въ быту оффиціальномъ, государственномъ значеніе этого термина претерпѣваетъ коренное измѣненіе: бояринъ уже не всякій вольный слуга князя, принадлежащій въ силу своего имущественнаго положенія къ высшему классу этихъ слугъ, а только тотъ, кому боярство пожаловано, «сказано» отъ государя. Бояринъ, получивъ значеніе непремѣннаго совѣтника государя, члена его думы, вмѣстѣ съ тѣмъ обращается въ чинъ, жалуемый послѣднимъ. Но въ силу аристократическихъ тенденцій собравшихся въ Москву высшихъ служилыхъ людей для полученія этого чина устанавливается особый распорядокъ: лица наиболѣе знатныхъ родовъ, достигнувъ извѣстныхъ лѣтъ, прямо получаютъ боярство, другіе, менѣе родовитые, не могутъ стоять на ряду съ ними и потому для нихъ устанавливается особый чинъ—окольничаго, чрезъ который они уже переходятъ въ бояре. Но и званіе окольничаго—тоже думный чинъ, только сидитъ окольничій въ думѣ ниже боярина въ силу традицій мѣстнической чести. Наконецъ для еще болѣе низкаго разряда служилыхъ людей устанавливается еще третій думный чинъ—думныхъ дворянъ, извѣстія о которыхъ восходятъ къ началу 16-го вѣка, а самое учрежденіе можетъ быть еще раньше. Государь можетъ выбирать своихъ совѣтниковъ изъ родовитыхъ или неродовитыхъ людей, но онъ не можетъ человѣка «худороднаго» сдѣлать сразу боярином, а можетъ ввести его въ думу въ званіи думнаго дворянина. Такъ размѣстились служилые роды по степени знатности, и такой порядокъ служилъ лишь отраженіемъ аристократическихъ тенден-

ціи правительственнаго класса, съ которыми приходилось считаться самой верховной власти.

Во время, предшествовавшее учрежденію приказовъ, судъ по дѣламъ, взносившимся къ князю, принадлежалъ, какъ уже было говорено, или самому князю или по назначенію отъ него боярину. Но здѣсь уже въ концѣ 15-го вѣка послѣдовало важное измѣненіе: судебникъ вел. кн. Ивана Васильевича передаетъ судъ уже не однимъ боярамъ, въ товарищи къ нимъ онъ придаетъ еще дьяковъ. Что же это за лица, впервые появляющіеся въ рядахъ правительственнаго класса? Въ первые вѣка нашей исторіи мы встрѣчаемъ дьяковъ въ весьма незавидномъ положеніи: они занимаютъ должности писшихъ хранителей княжеской казны и нерѣдко бываютъ даже рабами князя. Бывали такіе дьяки, или иначе писцы, не только у князей, но и у частныхъ людей. Какъ люди грамотные, начитанные и привыкшіе къ письменной дѣятельности, дьяки представлялись очень удобными дѣльцами при расширеніи предѣловъ Московской администраціи, но сверхъ того на ихъ сторонѣ было и еще одно великое преимущество: ряды дьяковъ пополнялись изъ писшихъ элементовъ общественныхъ классовъ, это были дѣти недавнихъ рабовъ, отпущенныхъ на волю, дѣти крестьянъ и посадскихъ, духовенства, дворовыхъ слугъ князя. При такомъ составѣ они, понятно, не только не могли питать никакихъ аристократическихъ тенденцій, но наоборотъ должны были относиться къ такимъ тенденціямъ скорѣе враждебно. Князья могли назначать ихъ куда угодно, не стѣсняясь соображеніемъ объ ихъ чести и у нихъ ни съ кѣмъ не могло возникнуть мѣстническаго спора. Какъ люди, возвышавшіеся не въ силу своей знатности, а исключительно по волѣ князя, они чувствовали себя совершенно обязанными послѣднему и потому должны были и ему казаться лучшими слугами, чѣмъ бояре съ ихъ притязаніями на самостоятельное значеніе. Вотъ эти-то двѣ причины, подготовленность дьяковъ къ административной дѣятельности и вытекавшая изъ ихъ положенія полная зависимость отъ князя, и опредѣлили собою ихъ возвышеніе и переходъ изъ частной дворцовой дѣятельности на поприще государственной службы. На этой послѣдней они сперва занимали мѣста простыхъ писцовъ, пока наконецъ Иванъ III не выдвинулъ ихъ на важную должность судей наравнѣ съ боярами. Съ этой поры положеніе ихъ быстро пошло въ гору. При учрежденіи приказовъ дьяки и здѣсь дѣлаются необходимыми товарищами бояръ по веденію дѣлъ, причемъ писшій классъ, собственно писцы, уже отдѣляется подъ именемъ подъячихъ. Дьяки участвуютъ съ этого времени не только въ центральномъ управленіи и судѣ, но и въ управленіи мѣстномъ. По крайней мѣрѣ въ важнѣйшіе города, вмѣстѣ съ намѣстниками, посылаются и дьяки, обязанность кото-

рыхъ рѣшать всѣ дѣла вмѣстѣ съ намѣстникомъ и собирать княжескіе доходы. Наконецъ въ XVI вѣкѣ дьяки дѣлаютъ еще шагъ впередъ и проникаютъ въ боярскую думу въ особомъ чинѣ «думныхъ дьяковъ». Такимъ образомъ дьяки постепенно проникли во всѣ сферы управленія и на ряду съ правительственнымъ классомъ, составившимся изъ бывшихъ вольныхъ слугъ, выросъ другой изъ дворовыхъ княжескихъ людей. Этотъ фактъ не могъ ускользнуть отъ вниманія современниковъ и мы дѣйствительно имѣемъ свидѣтельства, показывающія, что они подмѣтили и оцѣпили его. Курбскій въ своей «Исторіи» такъ отзывается о дьякахъ: «писари наши русскіе, имъ же князь великій зѣло вѣритъ, а избираетъ ихъ не отъ шляхетскаго роду, ни отъ благородна, но паче отъ поповичевъ, или отъ простаго всенародства». Другіе московскіе бѣглецы, Тимофей Тетеринъ и Маркъ Сарыгозинъ, пишутъ боярину Морозову: «есть у великаго князя новые вѣрники, дьяки, которые его половиною кормятъ, а большую себѣ емлютъ, которыхъ отцы вашимъ отцамъ въ холопство не пригожались, а нынѣ не токмо землею владѣютъ, но и головами вашими торгуютъ». Въ этихъ враждебныхъ свидѣтельствахъ слышится нѣчто большее, чѣмъ простое презрѣніе людей родовитыхъ къ худороднымъ. Дьяки, возвышенные волею государя и только ею одною, составляли классъ, чуждый преданій вольной службы, чуждый понятій объ отеческой чести. Выступая на поприще политической жизни, они въ силу своихъ личныхъ выгодъ должны были всѣ исповѣдывать принципъ полной монархической власти. Въ исторіи развитія политическихъ учрежденій можно наблюдать, какъ общее явленіе, что монархическая власть подыскиваетъ своихъ наиболѣе ревностныхъ адептовъ среди неродовитыхъ служилыхъ людей, и извѣстный принципъ французскихъ легистовъ: «quod principi placuit, legis habet vigorem» у насъ былъ провозглашенъ еще съ большей откровенностью слугой царя Грознаго, Васькой Грязнымъ, въ слѣд. словахъ: «Государь, аки Богъ, и мала велика чинитъ». Это политическое profession de foi и обусловливало собою возвышеніе дьяковъ. Оно было уже однимъ тѣмъ удобно для верховной власти, что едва кто-либо изъ этихъ слугъ слишкомъ заносился, царь могъ сказать ему то, что писалъ Грозный хотя бы тому же Василію Грязному: «А что сказываешься великой человѣкъ, ино что по грѣхомъ моимъ учинилось и намъ того какъ утаити, что отца нашего и наши бояре намъ учали измѣняти, и мы васъ страдниковъ приближали, хотячи отъ васъ службы и правды. А помянулъ бы ты свое величество и отца своего въ Олексинѣ: ино таковы и въ станицахъ ѣзживали; а ты въ станицѣ у Пѣнинского былъ мало что не въ охотникахъ съ собаками и прежніе твои были у Ростовскихъ владыкъ служили». Такія напоминанія о томъ, что слуга силенъ только милостію государя, а

самъ по себѣ не имѣетъ ничего, на что могъ бы опереться, всегда производили свое дѣйствіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ проповѣдь возвышенія служилыхъ людей не по породѣ, а по разуму, по заслугамъ, оцѣниваемымъ непосредственно или посредственно верховной властью, имѣла и свое государственное значеніе, устраняя вредныя стороны мѣстничества. Это послѣднее было незнакомо новымъ людямъ Московскаго правительства и не мѣшало имъ дѣлать государственное дѣло. Одинъ фактъ, происшедшій во время Ливонской войны, какъ нельзя лучше иллюстрируетъ возвышеніе дьяковъ съ этой стороны: царскіе воеводы какъ-то заспорили между собою о мѣстахъ и прекратили походъ. Тогда «государь прислалъ къ нимъ кручиняся съ Москвы посольского дьяка А. Щелкалова и изъ Слободы дворянина Данило Борис. Салтыкова, и велѣлъ имъ идти къ Кеси и промышлять своимъ дѣломъ мимо воеводъ». Такимъ образомъ, когда бояре изъ-за мѣстническихъ счетовъ оставили государственное дѣло, верховная власть, не отнимая у нихъ ни званія бояръ, ни достоинства воеводъ, передаетъ только самое дѣло *мимо ихъ* въ руки другихъ людей, которые, не будучи связаны ни родовыми традиціями, ни сословными интересами, могутъ лучше исполнить его. Мѣстничество не нарушалось этимъ, такъ какъ боярамъ не было и счету съ худородными дьяками, но самые принципы его въ корень подкапывались такимъ возвышеніемъ значенія дьяковъ и вообще людей неродословныхъ въ правительствѣ.

Итакъ развитіе административной дѣятельности въ Московскомъ государствѣ и переходъ личныхъ дворовыхъ слугъ князя на службу государственную повели къ образованію въ правительственномъ классѣ рядомъ съ служилой аристократіей другаго разряда, который можно бы назвать приказной бюрократіей и который вносилъ въ управленіе и службу новое начало возвышенія служилыхъ людей исключительно въ зависимости отъ воли государя, въ противоположность боярской тенденціи распредѣленія чиновъ и должностей по степени знатности. Къ концу 16-го вѣка эта бюрократія пріобрѣла уже значительную силу, но не замѣняла еще собою родовитой знати и не сливалась съ нею, а стояла рядомъ въ качествѣ особой силы.

Мѣстное управленіе въ Московскомъ государствѣ дольше центральнаго оставалось при старой удѣльной системѣ. До половины 16-го столѣтія отдѣльныя области управлялись путемъ посылки въ нихъ намѣстниковъ и волостелей, власть которыхъ и служила связующимъ звеномъ между центромъ и областями. Частный характеръ такого способа управленія сказывался не только въ «кормленіи» этихъ намѣстниковъ на назначенныхъ имъ должностяхъ, причемъ, однако, самый размѣръ «корма» не былъ произвольнымъ, а установлялся по опредѣленной нормѣ. Намѣстникъ или воло-

стель при самомъ пріѣздѣ своемъ въ городъ или волость получалъ такъ называемый «въѣзжій кормъ», затѣмъ два или три раза въ годъ, по большей части на Рождество, Пасху и Петровъ день, собиралъ поборы натурой или деньгами и сверхъ того получалъ пошлины торговыя и брачныя; послѣднія въ томъ случаѣ, когда бракъ заключался между людьми разныхъ волостей или намѣстничествъ. Каждый намѣстникъ или волостель отъ себя уже назначалъ доли своего округа въ управленіе тіунамъ и доводчикамъ, лицамъ, набиравшимся преимущественно изъ среды его частныхъ холоповъ. На ряду съ этими органами намѣстничьяго управленія продолжали еще существовать и старые выборные органы самоуправленія, носившіе названія соцкихъ и старостъ. Если въ область долго не назначалось намѣстника, то эти соцкіе и старосты вели все управленіе, но при намѣстникѣ они имѣли подчиненный характеръ, частью исправляя разныя мелкія дѣла внутри общинъ, частью ограничивая власть намѣстника и ограждая населеніе отъ его произвола своимъ присутствіемъ на его судѣ.

Присутствіе частнаго элемента во власти намѣстниковъ и волостелей заставляло ихъ болѣе заботиться о своихъ личныхъ интересахъ, о кормленіи, чѣмъ о благосостояніи подчиненныхъ имъ областей, что приводило къ значительнымъ непорядкамъ и побуждало населеніе обращаться къ правительству съ просьбою смѣнить кормленщика или же, когда частыя смѣны оказывались безуспѣшными, расширить права областнаго самоуправленія. Наиболѣе тяжелымъ зломъ для жителей областей являлись разбойники, благодаря небрежности кормленщиковъ размножившіеся въ большомъ количествѣ, а потому и первыя просьбы о самоуправленіи были направлены къ тому, чтобы получить право отыскивать и наказывать разбойниковъ и грабителей. Такія просьбы стали особенно часты къ половинѣ 16-го вѣка. Къ этому времени начавшая образовываться система центральныхъ учрежденій уже пріобрѣла значеніе связи между отдѣльными частями Московскаго государства, такъ что существованіе намѣстниковъ и волостелей не было больше необходимымъ, и потому правительство не колеблется удовлетворять такія просьбы, жалуя просителямъ такъ называемыя губныя учрежденія. Въ округѣ или губѣ, просившемъ себѣ такихъ учрежденій, устанавливаются выборныя власти, получающія право преслѣдовать и судить разбойниковъ: во главѣ этихъ властей стоялъ губной староста, при немъ старосты, десятскіе и лучшіе люди и для дѣлопроизводства губной дьякъ; всѣ вмѣстѣ они составляли губную избу. Право участія въ губныхъ учрежденіяхъ имѣли равно всѣ классы общества: крестьяне, посадскіе и дворяне, но послѣдніе неохотно принимали участіе въ этой дѣятельности, предпочитая тѣсниться къ великокняжескому двору. Губныя учрежденія еще не уничтожали власти намѣстниковъ, исключая лишь изъ-подъ нея опредѣленный раз-

рядъ дѣлъ, но они были уже первымъ шагомъ къ такому уничтоженію. Нужно прибавить, впрочемъ, что и пожалованіе губнаго самоуправленія было не столько самоуправленіемъ въ нашемъ смыслѣ этого слова, сколько передачей части намѣстничьей власти и обязанностей избирательнымъ органамъ. Послѣдніе такъ же, какъ и намѣстники, отвѣчали передъ правительствомъ за нерадивое исполненіе своихъ обязанностей, а въ случаѣ ихъ несостоятельности за нихъ платились всѣ избиратели. Поэтому и самое участіе въ выборѣ для жителей округа, получившаго такое право, было обязательнымъ.

Въ половинѣ 16-го вѣка система кормленія была совершенно уничтожена правительствомъ. Въ указѣ царя Ивана Васильевича отъ 1555 г. говорится: «что напередъ сего жаловали есмя бояръ своихъ... городы и волости давали имъ въ кормленіе, и намъ отъ крестьянъ челобитья великія и докука была безпрестанная, что намѣстники... чинятъ имъ продажи и убытки великія. И мы, жалуючи крестьянство... намѣстниковъ, волостелей и праветчиковъ отъ городовъ и отъ волостей отставили... велѣли есмя во всѣхъ городахъ и волостяхъ учинити старостъ излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управа чинити». Новое управленіе касалось такимъ образомъ только однихъ крестьянъ и посадскихъ людей, землевладѣльцы же, не подчинявшіеся въ силу своихъ привилегій намѣстничьей власти, и теперь оставались подчиненными прямо центральному правительству. Точно также и крестьяне, жившіе на земляхъ этихъ частныхъ владѣльцевъ и по тѣмъ же привилегіямъ судившіеся ими самими, не входили въ число лицъ, которыхъ касалась реформа. Вызвана была послѣдняя, какъ говоритъ самъ царь, просьбами населенія, жаловавшагося на злоупотребленія при собираніи корма. Но самый кормъ не былъ ею уничтоженъ, только населеніе обязалось посредствомъ своихъ избирательныхъ властей само собирать его, а центральное правительство приняло на себя обязанность непосредственнаго содержанія изъ своей казны лицъ, пользовавшихся раньше кормленіемъ. Смыслъ этого нововведенія заключался, слѣдовательно, преимущественно въ уничтоженіи частнаго пользованія государственными доходами со стороны лицъ, входившихъ въ составъ правительственнаго класса, и въ установленіи чисто государственнаго порядка управленія. Введено было это самоуправленіе на всемъ почти протяженіи Московскаго государства, исключая пограничныхъ областей, гдѣ требовалось имѣть постоянную военную силу и гдѣ должность намѣстника, какъ начальника этой силы, не могла быть уничтожена. Крестьяне и посадскіе люди избирали себѣ излюбленныхъ головъ или старостъ, земскаго дьяка и лучшихъ людей или цѣловальниковъ, которые вмѣстѣ съ подчиненными теперь имъ низшими выборными органами, сотскими и пятидесятскими, и управляли волостью, собирали налоги въ казну, за-

вѣдывали ихъ раскладкой на населеніе, отправляли судъ и т. д. Въ случаѣ неудовольствія своими выборными жители могли смѣнить ихъ и избрать новыхъ. Губныя учрежденія обыкновенно продолжали существовать и при новыхъ земскихъ или совершенно отъ нихъ независимо, или совмѣстно, разбирая дѣла по грабежу и разбою сообща, но въ иныхъ мѣстностяхъ и эти дѣла перешли въ полное вѣдѣніе новыхъ земскихъ учрежденій, а губныя исчезли.

Любопытно отмѣтить здѣсь одну черту, мелькомъ уже указанную, именно равнодушіе дворянства къ выборному мѣстному управленію. Въ учрежденіяхъ царя Грознаго для него нѣтъ уже и мѣста, эти учрежденія даются только низшимъ классамъ населенія, но губныя избы предназначались для всѣхъ одинаково и однако дворянство въ нихъ не участвовало. Конечно, какому-нибудь князю Воротынскому, еще недавно сидѣвшему на удѣлѣ и даже послѣ лишенія его водившему долго свой полкъ отдѣльно отъ великокняжескаго, или князю Шуйскому, Курбскому и другимъ подобнымъ, въ которыхъ еще живы были всѣ преданія недавней власти, губная изба съ ея старостами и лучшими людьми не могла представиться пріятнымъ поприщемъ дѣятельности, но вѣдь помимо такихъ большихъ родовъ существовало много мелкихъ, которые, примкнувъ къ остальной массѣ населенія и служа ей въ качествѣ выборныхъ органовъ, могли бы, казалось, сами пріобрѣсти силу и вліяніе. Но и они отворачивались отъ этой дѣятельности, какъ бы не находя у себя общихъ интересовъ съ прочимъ населеніемъ, отдѣляя себя отъ него своей служилой, военной профессіей. Само правительство тоже съ этой точки зрѣнія выдѣляло ихъ въ особую группу. Посмотримъ же теперь, какъ строились государственныя отношенія въ области военнаго быта Москвы.

Военный строй Московскаго государства 16 вѣка.

Московское государство, выросшее на идеѣ національнаго единства и осуществлявшее эту идею съ оружіемъ въ рукахъ, естественно должно было уже очень рано позаботиться о правильномъ устройствѣ военныхъ своихъ силъ. Первоначально силы эти въ немъ имѣли такой же характеръ, какъ и во всѣхъ удѣльныхъ княжествахъ, т. е. составлялись изъ народнаго ополченія и княжеской дружины. Еще въ Куликовской битвѣ участвовало поголовное народное ополченіе и почти сто лѣтъ спустя въ походѣ 1470 г. на Казань опять-таки являются участвующими «всѣ Москвичи по ихъ силѣ». Но неудобства такого ополченія слишкомъ сильно давали себя чувствовать при тѣхъ упорныхъ и продолжительныхъ войнахъ, какія приходилось вести Московскимъ князьямъ,

и уже въ 15 столѣтіи оно преобразуется въ поставку ратниковъ: повинность такой поставки раскладывается на все населеніе, исключая тѣхъ служилыхъ людей, которые сами являются на службу, сообразно количеству его земельнаго имущества. Мѣрой послѣдняго служила при этомъ «соха», откуда и самое ополченіе получило названіе «посоха». Съ нѣсколькихъ сохъ (количество ихъ опредѣлялось степенью нужды въ войскѣ при каждомъ отдѣльномъ случаѣ) обязательно было выставить одного коннаго или пѣшаго ратника и доставить ему какъ вооруженіе, такъ и содержаніе на все время похода. Такое войско, уже болѣе совершенное сравнительно съ поголовнымъ ополченіемъ, которое трудно было вывести за предѣлы своей земли, страдало однако многими недостатками: его составляли люди, непривычные къ воинской службѣ, плохо владѣвшіе оружіемъ и мало способные къ войнѣ. Московскому правительству надо было поэтому заботиться объ образованіи болѣе надежной силы и эта цѣль была достигнута развитіемъ другаго элемента войска удѣльнаго князя, именно его дружины. Послѣдняя въ удѣльное время состояла изъ вольныхъ слугъ князя, связанныхъ съ нимъ договоромъ и получавшихъ въ награду за свою службу пожалованія кормленіями и поземельной собственностью—вотчинами. Высшій классъ этихъ служилыхъ людей носилъ имя бояръ, они были правителями княжества и воеводами, низшій классъ, составившійся изъ размножившихся потомковъ ихъ, назывался дѣтьми боярскими и несъ на себѣ собственно военную службу. Различіе между тѣми и другими заключалось собственно только въ ихъ экономическомъ положеніи: сынъ боярскій могъ сдѣлаться боярином, но, и оставаясь въ рядахъ дѣтей боярскихъ, онъ пользовался тѣми же самыми правами, что и боярин, также могъ получить кормленіе и также ему жаловалась земля въ полную вотчинную собственность. По мѣрѣ роста Московскаго княжества увеличивалось и число бояръ и дѣтей боярскихъ, а вмѣстѣ съ ними приходили и дружинники самихъ бояръ, количество которыхъ бывало иногда очень велико. Къ Ивану Даниловичу Калитѣ, напримѣръ, пріѣхалъ на службу кіевскій боярин Родіонъ Несторовичъ и привелъ съ собою до 1700 человѣкъ своихъ послужильцевъ. Но какъ ни велико было число этихъ вновь являвшихся слугъ, ихъ не хватало для быстро росшихъ потребностей государства и Московскимъ князьямъ пришлось прибѣгнуть еще къ одному средству для пополненія рядовъ своей дружины, средству, употреблявшемуся впрочемъ и раньше. Кромѣ слугъ вольныхъ при князьяхъ были еще несвободные слуги, первоначально и носившіе названіе дворныхъ людей. Позднѣе подъ этимъ именемъ стали понимать и лицъ свободныхъ, но вышедшихъ изъ рабскаго состоянія, или сыновей вольноотпущенниковъ, или наконецъ лицъ, которые не находились въ частной зависимости и

не вышли изъ нея, но вступали на частную службу князя, будучи людьми свободными. Эти дворные люди или дворяне, отправляя частную службу князю, вмѣстѣ съ нимъ ходили и въ походы, бились въ рядахъ его дружины, а иногда отправляли и гражданскую службу. Съ сосредоточеніемъ самостоятельныхъ удѣльныхъ дворовъ въ Москвѣ здѣсь собралось очень много такихъ слугъ, для которыхъ не нашлось бы и мѣста на частной службѣ великаго князя, и послѣдній выводитъ ихъ съ узкаго поприща частной службы на широкое поле государственной дѣятельности, подобно тому, какъ это имѣло мѣсто съ дьяками. Изъ бывшихъ дворныхъ людей образуются дворяне — воины, въ составъ которыхъ входятъ не только дворы бывшихъ удѣльныхъ князей, но и дворы бояръ. У богатыхъ бояръ также были большіе дворы, при которыхъ служили даже опустившіеся дѣти боярскіе. Теперь съ одной стороны князья не хотятъ терпѣть около себя никакой военной силы, кромѣ своей собственной, съ другой государство чувствуетъ сильную нужду въ слугахъ и потому всѣ частные дружинники переписываются на службу государя. Но, увеличивая такимъ образомъ до широкихъ размѣровъ число людей, обязанныхъ военной службой государству, надо было позаботиться объ ихъ организаціи и средствахъ ихъ содержанія. Путь къ этой организаціи былъ намѣченъ уже очень рано Московскимъ правительствомъ: еще отъ времени Ивана Даниловича Калиты имѣются грамоты, жалующія отдѣльнымъ дворянамъ землю съ обязательствомъ службы за нее. Средство это при тогдашнемъ состояніи государственнаго хозяйства, при скудости денегъ было единственно возможнымъ, но широкое примѣненіе могло оно получить только значительно позднѣе, когда въ рукахъ Московскихъ государей благодаря присоединенію удѣльныхъ княжествъ собрались значительныя земельныя богатства. Тогда такая раздача земель принимаетъ широкіе размѣры. Но эта раздача носитъ иной характеръ, чѣмъ пожалованіе земель боярамъ и дѣтямъ боярскимъ. Дворянамъ великіе князья раздаютъ первопачально свои земли, составляющія ихъ частную собственность, раздаютъ не въ награду за службу, а въ видѣ содержанія на послѣдней, съ тѣмъ, чтобы на доходы съ этой земли дворянинъ могъ пропитать себя и отправить свои обязанности. Естественно, что разъ послѣднее условіе не исполнялось, в. князю не было разсчета оставлять свою землю за дворяниномъ и потому владѣніе этихъ лицъ, поселенныхъ или, какъ тогда говорилось, испомѣщенныхъ на княжеской землѣ, пріобрѣтаетъ условный характеръ, извѣстный подъ именемъ помѣстнаго права. Отличіе этого способа владѣнія отъ владѣнія полнаго, вотчиннаго, заключалось въ томъ, что тогда какъ боярин или сынъ боярскій не только пользовался доходами съ вотчины, но и могъ распоряжаться ею, какъ хотѣлъ, завѣщать кому угодно, продать и т. д., дворянинъ могъ только полу-

чать доходы съ помѣстья, но не имѣлъ права распорядиться имъ самимъ. Если онъ умиралъ, помѣстье возвращалось въ казну государя. Вскорѣ, правда, установился порядокъ, по которому за смертью помѣщика, какъ теперь стали называть испомѣщенныхъ дворянъ, помѣстье получалъ одинъ изъ сыновей его, но оно ему доставалось не какъ наслѣднику, а какъ новому слугѣ государеву. Кромѣ того было и другое различіе, отличавшее самый фактъ перехода помѣстья отъ отца къ сыну отъ наслѣдованія вотчины. Послѣ смерти вотчинника вотчина дѣлилась между всѣми его сыновьями, такъ какъ древнее русское право не знало майората, но помѣстье переходило цѣликомъ къ одному сыну, такъ какъ оно не было частнымъ имуществомъ, а лишь условіемъ службы, собственность же на него оставалась за княземъ. Въ этомъ отсутствіи права распоряженія заключалось однако и все различіе между помѣщикомъ и вотчинникомъ: права пользованія у обоихъ были одни и тѣ же и размѣръ землевладѣльческихъ привилегій былъ совершенно одинаковъ у дворянина и боярина. Второе различіе между боярами и дѣтьми боярскими съ одной стороны и дворянами съ другой заключается въ томъ, что вторые не получаютъ кормленій, составляющихъ исключительную принадлежность первыхъ. Дворяне такимъ образомъ составляютъ низшій классъ служилыхъ людей, какъ и естественно было ожидать по ихъ происхожденію. Но уже при в. князѣ Иванѣ Васильевичѣ, который первый сталъ въ широкихъ размѣрахъ примѣнять помѣстную систему, различія между ними начинаютъ сглаживаться. Помѣстная система представляла такія выгоды для правительства, что оно начинаетъ примѣнять ее и къ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ. При покореніи Новгорода значительная часть имѣній новгородскихъ бояръ отписывается на в. князя и на нихъ поселяются на условіяхъ помѣстнаго владѣнія московскіе боярскіе дѣти, новгородцамъ же даются помѣстья въ другихъ частяхъ государства. Такимъ образомъ впервые являются помѣщики изъ бояръ и дѣтей боярскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ качествѣ помѣстій начинаютъ отдаваться не только частныя земли в. князя, но и земли государственныя и помѣстья теряютъ послѣдніе признаки частнаго своего характера, превратившись окончательно въ мѣру государственную. Въ свою очередь дворяне, получившіе помѣстья, начинаютъ пріобрѣтать и вотчины и такъ сглаживается разница между служилыми классами, а остается на виду только различіе родовъ владѣнія землей.

Въ то же время, когда дворяне изъ частныхъ слугъ княжескихъ обратились въ обязанныхъ военной службой помѣщиковъ, произошла и окончательная коренная перемѣна въ положеніи бояръ и дѣтей боярскихъ, слугъ вольныхъ, и этой своей вольностью первоначально и отличавшихся отъ дворянъ. Выражалась она въ правѣ отъѣзда отъ князя и перехода на службу къ дру-

гому. Право это, которымъ очень охотно пользовались Московскіе князья въ тѣхъ случаяхъ, когда бояре отъѣзжали къ нимъ отъ другихъ владѣтельныхъ князей, представлялось имъ очень неудобнымъ, когда бояре уѣзжали изъ Москвы. Поэтому, едва только Москвѣ удалось занять первенствующее положеніе среди сѣверно-русскихъ княжествъ, князья ея стремятся придать боярскому праву отъѣзда одностороннее направленіе и въ договорахъ ихъ съ удѣльными князьями появляется правило, что переходъ бояръ допускается только отъ удѣльнаго князя къ великому, но не наоборотъ. Когда же исчезли послѣдніе удѣлы, то не оставалось и мѣста для выраженія права перехода. Отъѣзжать стало возможно только въ Литву, но отъѣздъ туда считался уже равносильнымъ измѣнѣ и в. кн. Иванъ Васильевичъ, не уничтожая общимъ постановленіемъ права отъѣзда, преслѣдуетъ его частными мѣрами. Заподозривъ какого-нибудь боярина въ намѣреніи отъѣхать, в. князь беретъ его подъ стражу и выпускаетъ не иначе, какъ взявши съ него крестоцѣловальную запись съ обѣщаніемъ не отъѣзжать и представленіемъ по себѣ поручителей. Такого же образа дѣйствій держатся и его преемники и такимъ образомъ начало свободнаго договора, лежавшее прежде въ отношеніяхъ князей и бояръ исчезаетъ безповоротно. Бояре и дѣти боярскіе дѣлаются такими же невольными, обязанными слугами, какими являются и дворяне.

Но разъ уничтоженъ договоръ, опредѣлявшій условія службы, разъ эта послѣдняя стала зависѣть только отъ одной изъ двухъ сторонъ, то этой послѣдней очевидно приходилось опредѣлить и условія новаго положенія. Это и дѣлаетъ внукъ Ивана Васильевича, царь Иванъ Грозный, установляя общій обязательный размѣръ службы для бояръ, дѣтей боярскихъ и дворянъ, размѣръ для всѣхъ одинаковый и стоящій въ соотвѣтствіи съ количествомъ владѣемой ими земли: съ каждой сотни четвертей земли служилый человѣкъ обязанъ былъ явиться самъ на конѣ и въ полномъ вооруженіи и съ каждой слѣдующей сотни привести съ собой по конному ратнику. Всѣ существенныя различія этихъ двухъ классовъ служилыхъ людей, столь отличныхъ по своему происхожденію, были такимъ образомъ сглажены московскою государственной жизнью къ половинѣ 16-го столѣтія и, слившись вмѣстѣ, они составили главную боевую силу Москвы.

Соотвѣтственно насущнымъ потребностямъ государства, отстаивавшаго себя въ борьбѣ съ окружавшими его врагами, вся масса высшаго класса была призвана къ военной службѣ, получая за это содержаніе отъ государства въ видѣ земельнаго обезпеченія. Самая служба сдѣлалась обязательной, классъ оказался прикрѣпленнымъ къ ней и въ ней заключалось теперь естественное отличіе его отъ всего остальнаго населенія, не привлекавшагося къ постоянной службѣ. Уже съ 15 вѣка полки дворянъ

начинаютъ превышать своей численностью посошное ополченіе, хотя въ началѣ такой перевѣсъ и не былъ особенно значителенъ. Но еще важнѣе численнаго превосходства были тѣ преимущества дворянской рати, которыя заключались въ ея большемъ искусствѣ и привычкѣ владѣть оружіемъ. Дворянинъ, обязанный по первому призыву являться на службу, былъ конечно искуснѣе въ ратномъ дѣлѣ, чѣмъ взятый отъ сохи крестьянинъ.

Съ установленіемъ обязательной службы долженъ былъ выработаться и порядокъ зачисленія на нее. Дѣйствительно, уже со времени царя Ивана Васильевича начинается веденіе дворянскихъ списковъ, возобновляемыхъ и исправляемыхъ черезъ опредѣленное количество времени. Въ списки эти заносились всѣ дворяне, годные въ службу, и тѣмъ изъ нихъ, которые только что достигли совершеннолѣтія и могли уже служить сами, назначались помѣстные оклады, то-есть земля, съ которой они и должны были служить. Затѣмъ, когда представлялась надобность собрать войско, центральное правительство посылало указъ по городамъ, откуда уже мѣстныя власти разсылали повѣстки отдѣльнымъ дворянамъ. Послѣдніе должны были явиться въ главный городъ провинціи и оттуда собравшійся отрядъ отправлялся на назначенное въ указѣ сборное мѣсто. Неявившійся по повѣсткѣ дворянинъ подвергался наказанію, главной степенью котораго было отобраніе помѣстья, а вмѣсто него отправляли на службу его дѣтей и крестьянъ.

Что касается управленія войскомъ, то мы уже знаемъ, что воеводы назначались боярской думой и утверждались царемъ. Въ военной службѣ, какъ и во всякой другой, былъ опредѣленный порядокъ мѣстъ отдѣльныхъ начальниковъ арміи, которые и считались между собою старшинствомъ. Но именно въ военной службѣ мѣстничество раньше всего и подвергалось ограниченію, такъ какъ въ этой сферѣ оно представляло наиболѣе ощутительныя неудобства. Ограниченія эти, не заключая въ себѣ рѣшительнаго отрицанія мѣстничества, значеніе котораго должны были признать сами московскіе государи 16 вѣка, отстраняли лишь тѣ вредныя послѣдствія, какія могло оно имѣть въ отдѣльныхъ случаяхъ. Мы видѣли уже, какъ назначались помимо воеводъ другіе полководцы изъ неродословныхъ людей. Но еще употребительнѣе былъ другой способъ ограниченія мѣстническихъ споровъ. Когда возникали послѣдніе, правительство объявляло данный походъ «безъ мѣстъ», т. е. ставило его внѣ счета фамилій и безъ вліянія на нихъ дальнѣйшія отношенія. На ряду съ этимъ временнымъ ограниченіемъ шло другое, постоянное. Извѣстныя должности объявлялись навсегда «безъ мѣстъ». Путемъ этихъ ограниченій ускользала почва изъ-подъ ногъ родословнаго боярства, которому приходилось служить наравнѣ съ фамиліями неродовитыми, принадлежавшими къ низшимъ слоямъ служилаго

класса, равнымъ образомъ какъ и проникновеніе дьяковъ въ управленіе нарушало его аристократическія традиціи; но то и другое было равно слѣдствіемъ неопредѣленности правъ боярства по отношенію къ верховной власти, такъ какъ само мѣстничество служило лишь средствомъ установленія прочныхъ отношеній между самимъ боярствомъ, но не ограничивало его правъ отъ верховной власти. Такъ въ 16 вѣкѣ уже въ сферѣ управленія гражданскаго и военнаго начинаютъ подрываться аристократическія тенденціи правительственнаго класса путемъ вступленія въ него бывшихъ княжескихъ слугъ.

Къ тому же 16 вѣку относится еще одно преобразованіе въ области военнаго быта, не получившее впрочемъ тогда же особенно важнаго значенія. Дворянскіе полки, созываемые каждый разъ особо, могли еще съ успѣхомъ служить для защиты страны и даже для дальнихъ походовъ, но не годились для поддерживанія порядка внутри страны. Для этой цѣли устроены были великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ два постоянныхъ полка пищальниковъ—конный и пѣшій. Сынъ его царь Иванъ Васильевичъ увеличилъ количество этого постояннаго войска, которое при немъ получило названіе стрѣльцовъ. Набиралось оно изъ вольныхъ охочихъ людей и разселено было слободами около Москвы и другихъ городовъ, получая отъ правительства земли и денежное жалованье. Но главной цѣлью учрежденія стрѣльцовъ было удовлетвореніе не военныхъ собственно, а полицейскихъ нуждъ государства и съ такой задачей стрѣльцы и существовали втеченіе 16 вѣка. Дальнѣйшее развитіе этой организаціи относится уже къ слѣдующему столѣтію.

5-я и 6-я ЛЕКЦІИ.

Отношенія общественныхъ классовъ въ Московскомъ государствѣ 16-го вѣка.

Говоря о послѣдствіяхъ образованія Московскаго государства изъ системы удѣльныхъ княженій, мы останавливались пока лишь на тѣхъ изъ нихъ, какія повлекли за собою рѣшительныя измѣненія въ сферѣ жизни государственной въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, въ характерѣ власти и способахъ управленія и защиты населенія. При этомъ лишь мелькомъ и вскользь приходилось упоминать объ отношеніяхъ отдѣльныхъ слоевъ населенія между собою, отношеніяхъ, въ значительной степени вызывавшихся тѣми же факторами, какіе опредѣлили извѣстное уже намъ политическое устройство Москвы, и въ свою очередь повліявшихъ на дальнѣйшее развитіе государственныхъ порядковъ. Теперь мы и перейдемъ къ этому вопросу, посмотримъ, на какія группы распалось населеніе Московскаго государства въ данный періодъ и какой видъ приняли взаимныя отношенія этихъ группъ.

Въ предъидущей лекціи мы уже видѣли, какъ Московское государство, стремясь расширить свои оборонительныя средства, обратило всѣхъ вольныхъ и невольныхъ княжескихъ слугъ предшествовавшаго періода въ лицъ лично свободныхъ, но обязанныхъ постоянною службою государству. Бояре, дѣти боярскіе, дворяне, дьяки и подъячіе—всѣ эти лица составляли теперь лишь различные разряды одного и того же служилаго класса, отличавшіеся одинъ отъ другаго не какими-нибудь личными правами и преимуществами, а лишь родомъ своей службы, опредѣлявшимъ собою и ихъ сравнительное значеніе. Всѣ они сдѣлались служилыми людьми, одинаково прикрѣпленными къ службѣ, не могущими отказаться отъ нея, уйти съ нея, и одинаково получающими вознагражденіе за свою дѣятельность въ видѣ пожалованія земли на помѣстномъ правѣ. Но къ обязательной службѣ, воз-

награждаемой помѣстьями, присоединилось еще одно условіе, обособлявшее служилыхъ людей отъ остальнаго населенія. Въ удѣльное время князь жаловалъ своихъ вольныхъ слугъ льготами, давая имъ право судиться не у намѣстниковъ и волостелей. а непосредственно у него самого, освобождая ихъ владѣнія отъ податей совсѣмъ или отчасти, наконецъ, даруя имъ право суда надъ поселившимися на ихъ земляхъ людьми. Такія льготы давались отдѣльнымъ лицамъ, связаннымъ съ княземъ договоромъ службы, и на такомъ же основаніи существовали онѣ первоначально и въ Московскомъ княжествѣ. Но съ того времени, какъ начало договора исчезло въ отношеніяхъ между княземъ и его слугами и мѣсто вольныхъ слугъ заняли служилые люди, долженъ былъ измѣниться и случайный характеръ этихъ пожалованій. Условіемъ ихъ являлась служба, и, когда она изъ случайной сдѣлалась постоянной и обязательной, и самыя льготы, ею даваемыя, изъ пожалованій отдѣльнымъ лицамъ обратились въ достояніе всѣхъ служилыхъ людей. Послѣдніе не могли не служить, но самою службой своей они отправляли уже обязанность по отношенію къ государству и потому другія обязанности для нихъ пріобрѣтали смягченный характеръ, выражавшійся въ томъ, что подати съ ихъ земель шли въ меньшемъ размѣрѣ сравнительно съ остальными землями въ государствѣ. Въ силѣ осталась и другая землевладѣльческая привилегія, заключавшаяся въ правѣ суда въ предѣлахъ своихъ владѣній. и, равнымъ образомъ, всѣ служилые землевладѣльцы исключались изъ-подъ дѣйствія мѣстныхъ властей и судъ надъ ними сосредоточивался въ Москвѣ. Такимъ образомъ, къ концу 16-го вѣка въ Московскомъ государствѣ среди его населенія обособился классъ служилыхъ людей, отдѣляясь отъ остальной массы жителей государства своею обязательной службой и вытекавшими изъ нея землевладѣніемъ на помѣстномъ правѣ и землевладѣльческими льготами.

Какъ государственная служба дала имя этому классу людей, такъ все остальное населеніе Московскаго государства получило названіе отъ отправлявшихся имъ финансовыхъ повинностей или, на московскомъ языкѣ того времени, «тягла». Послѣднимъ словомъ обозначались подати и повинности въ пользу государства, отбывавшіяся людьми, не несшими непосредственной постоянной службы, и оттуда самые эти люди стали называться людьми тяглыми. Въ составъ ихъ входили всѣ свободныя лица, не принадлежавшіе къ служилымъ людямъ. всѣ они тянули тягло и первоначально государство только и знало эти два класса населенія, служилый и тяглый, различавшіеся по самому роду своихъ государственныхъ обязанностей. Однако подъ вліяніемъ различныхъ условій тяглые люди, продолжая оставаться однимъ классомъ въ своихъ отношеніяхъ къ государству, фактически распались на нѣсколько разрядовъ. Такими разрядами было населеніе сельское

и городское, причемъ первое еще распалось на населеніе такъ называемыхъ черныхъ волостей и владѣльческихъ имѣній.

Уже въ періодъ образованія и возвышенія Московскаго княжества сельскому населенію его усвоивается названіе христіане или—въ передѣлкѣ—крестьяне, ясно указывающее, какъ мало отличія было между этою частью населенія и высшими его слоями. Дѣйствительно, крестьянинъ, бывшій въ первомъ періодѣ русской исторіи человѣкомъ вполнѣ свободнымъ и могшій при благопріятныхъ условіяхъ подняться до самаго высшаго класса общества (лѣтопись упоминаетъ въ Галичѣ боярина «отъ племени смердья»), и въ удѣльное время оставался въ такомъ же положеніи. Селились крестьяне или на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, платя имъ въ такомъ случаѣ за пользованіе землею, или на землѣ никому не принадлежавшей. Въ послѣднемъ случаѣ поселенцы составляли общину, которой и принадлежало право владѣнія занятой землею, тогда какъ за отдѣльными поселенцами оставалось право пользованія тѣмъ участкомъ, на которомъ они сидѣли, и участія въ угодіяхъ, оставшихся въ общемъ, нераздѣльномъ пользованіи, какими обыкновенно были сѣнокосы, лѣса и рыбныя ловли. По мѣрѣ разростанія населенія общины изъ нея выходили поселки, устраивавшіеся отдѣльно на той же общей землѣ, и т. о. изъ одной общины выросталъ союзъ ихъ, получавшій названіе волости. Такая волость продолжала сохранять право собственности на всю землю, занятую ея членами, и вмѣстѣ пользовалась правомъ управленія въ своихъ предѣлахъ въ лицѣ своихъ выборныхъ властей, сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ, о которыхъ намъ уже приходилось говорить. Самое образованіе этихъ волостныхъ общинъ предшествовало удѣльному періоду: въ началѣ его, въ 14-мъ столѣтіи, мы видимъ уже такія общины на всемъ протяженіи сѣверно-русскихъ земель. Московскіе князья воспользовались существованіемъ этой организаціи для своихъ правительственныхъ цѣлей: они, раскладывая подати на населеніе, сдѣлали волости посредниками между правительствомъ и отдѣльными лицами изъ среды крестьянъ. Подати взносились въ правительственную казну, черезъ намѣстниковъ или волостелей или непосредственно, не каждымъ отдѣльнымъ крестьяниномъ, а всею волостью вмѣстѣ, причемъ населенію послѣдней предоставлялась раскладка податей на отдѣльныхъ членовъ, входящихъ въ его составъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ на него же возлагалась и отвѣтственность за исправный сборъ податей, выражавшаяся въ круговой порукѣ. Такая система представляла двойныя удобства: съ одной стороны не нарушались общинныя привычки самоуправленія, съ другой правительство избавлялось отъ обязанности самому имѣть дѣло со сборомъ податей со всякаго отдѣльнаго лица и держать для этого особый штатъ чиновниковъ и въ то же время обезпечивало себѣ исправное по-

ступленіе сборовъ, такъ какъ за всякаго нерадиваго плательщика отвѣчала вся община въ полномъ ея составѣ. При этомъ значеніи волостей, пріобрѣтенномъ ими въ правительственномъ механизмѣ Московскаго княжества, за ними осталось и старинное право владѣнія землею, еще принявшее особый оттѣнокъ благодаря возложенной на нихъ отвѣтственности. Всякое уменьшеніе земельнаго имущества волости, переходъ части его въ руки лица, не обязаннаго тягломъ, уменьшало вмѣстѣ съ тѣмъ и платежную способность ея. и потому сами князья обращаютъ свое вниманіе на то, чтобы такихъ переходовъ не происходило или, по крайней мѣрѣ, чтобы тягло не снималось съ земли, даже въ случаѣ пріобрѣтенія ея лицомъ, не входившимъ въ составъ волости. Въ княжескіе договоры включаются поэтому статьи, обезпечивающія волости возможность выкупить проданную однимъ изъ ея членовъ землю, или же обязывающія покупщика тянуть тягло вмѣстѣ съ членами волости; въ случаѣ неисполненія этихъ условій земля отбиралась и уже безвозмездно поступала обратно въ волость. Для самихъ волостей при сравнительномъ обиліи земель важно было не столько непосредственное осуществленіе своихъ правъ на земельные участки, сколько то, чтобы эти участки не выходили изъ тягла, и потому волость не препятствовала часто продажѣ отдѣльныхъ участковъ сидѣвшими на нихъ крестьянами, если только покупщикъ принималъ на себя и всѣ тягловыя обязанности, обѣщаясь «тянуть съ волостью во всѣ разрубы и разметы», т. е. уплачивать всѣ подати и исправлять повинности по общинной раскладкѣ. Но крестьяне, какъ люди вполнѣ свободные, могли не сидѣть на одномъ и томъ же мѣстѣ; найдя почему-либо послѣднее неудобнымъ, крестьянинъ могъ бросить его, и не продавая, не ставя никого за себя, и уйти въ другое мѣсто. Путемъ такихъ переходовъ количество тяглецовъ уменьшалось и, чтобы привлечь на ихъ мѣсто новыхъ, волости призывали поселенцевъ, давая имъ льготы въ уплатѣ податей на болѣе или менѣе продолжительный срокъ. Втеченіе этого льготнаго времени волость сама уплачивала за нихъ подати, а по окончаніи его раскладка производилась и на нихъ и они становились также членами круговой поруки. Право волости на землю выражается уже въ самой передачѣ послѣдней ею крестьянину; «мнѣ тотъ лѣсъ дала волость—староста съ крестьяны и я избу поставилъ», заявляетъ напр. въ 1490 году одинъ крестьянинъ. Самое условіе, на которомъ садился крестьянинъ на землю, заключалось обыкновенно срокомъ на годъ и въ него включалось обязательство со стороны поселенца въ случаѣ ухода съ земли посадить на свое мѣсто другаго жильца, а за неисполненіе этого обязательства бралась съ него неустойка. Помимо такого приглашенія и принятія новыхъ членовъ волость сдавала иногда свою землю и людямъ, ей посторонним, въ

аренду; въ этомъ случаѣ поселенецъ не дѣлался членомъ волости, не платилъ податей и не имѣлъ голоса въ рѣшеніи общинныхъ дѣлъ, а платилъ лишь общинѣ опредѣленный оброкъ, поступавшій въ ея казну. Такой поселенецъ не могъ и продавать отведеннаго ему участка, въ противномъ случаѣ волость вступалась за свои права и предъявляла къ нему судебный искъ. Свободный на протяженіи каждаго отдѣльнаго княженія въ удѣльное время переходъ крестьянъ иногда стѣснялся за предѣлами его, такъ какъ интересъ каждаго князя заключался въ возможно большемъ населеніи его владѣній, но съ того момента какъ отдѣльныя княжества слились въ одно Московское государство, эти ограниченія рухнули сами собой; теперь государю было безразлично, какая часть его владѣній населена больше, какая меньше, лишь бы всѣ черныя, т. е. обложенныя тягломъ волости исправно несли его.

Таково было положеніе черныхъ волостей ко времени сложенія Московскаго государства. Но уже въ это самое время наряду съ ихъ крестьянскимъ населеніемъ имѣлись и другіе крестьяне, существенно отличавшіеся отъ него своимъ фактическимъ положеніемъ—именно крестьяне частновладѣльческихъ и духовныхъ имѣній. Въ рукахъ Московскихъ князей уже рано скопились весьма значительныя земельныя богатства и, стремясь обезпечить себѣ помощь высшаго класса населенія, они щедрою рукою раздавали ему свои земли за его службу, сперва въ вотчины, потомъ и въ помѣстья, и благодаря этой раздачѣ классъ частныхъ землевладѣльцевъ въ Московскомъ государствѣ быстро выростаетъ въ своемъ числѣ. Самыя раздачи, шедшія первоначально изъ личныхъ имуществъ князя, позднѣе стали производиться и изъ черныхъ земель. Князь не былъ собственникомъ этихъ послѣднихъ, онъ имѣлъ въ нихъ только государственныя права суда и сбора податей и эти-то свои права онъ и передавалъ землевладѣльцу. Съ той минуты однако, какъ въ лицѣ послѣдняго государственная власть становилась такъ близко къ крестьянамъ, она пріобрѣтала все большее значеніе въ ихъ жизни и ихъ собственныя права все болѣе и болѣе съуживались. Волостной союзъ необходимо рушился во владѣльческомъ имѣніи, если волость, какъ это и бывало въ большинствѣ случаевъ, входила въ это имѣніе не въ полномъ своемъ составѣ, а лишь одною частью: интересы крестьянъ черныхъ и владѣльческихъ разъединялись, первые не несли повинностей въ пользу частныхъ лицъ, вторые платили меньшія подати государству и такимъ образомъ невозможна была одна общая раскладка для нихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, выйдя изъ прежней волости, владѣльческіе крестьяне не могли уже и развить у себя вновь самоуправленіе по тому же строго общинному типу; рядомъ съ выборными ихъ становился самъ владѣлецъ или его прикащики, и

тогда какъ центральная правительственная власть избѣгала вмѣшательства во внутреннія дѣла общинъ, интересъ владѣльца заключался именно въ этомъ вмѣшательствѣ, выгодномъ для него какъ въ смыслѣ собиранія бо́льшихъ доходовъ, такъ и въ смыслѣ лучшаго управленія имѣніемъ. Крестьянскіе выборные продолжаютъ еще существовать и во владѣльческихъ имѣніяхъ, они продолжаютъ даже участвовать на судѣ владѣльца или прикащиковъ его, какъ передъ этимъ присутствовали на судѣ намѣстниковъ и волостелей, но значеніе ихъ постепенно все уменьшается и, понятно, чѣмъ меньше было отдѣльное имѣніе, тѣмъ этотъ процессъ долженъ былъ идти скорѣе. Поэтому самостоятельность общинъ раньше всего исчезла въ имѣніяхъ частныхъ лицъ и сравнительно дольше сохранялась въ большихъ владѣніяхъ монастырскихъ и княжескихъ. Равнымъ образомъ и имущественныя права общины съ переходомъ ея подъ власть частнаго лица подвергались серьезному ограниченію. Помимо уже разрыва, происходившаго между волостью и выходившимъ изъ ея состава владѣльческимъ селомъ или деревней, рѣшающее значеніе здѣсь имѣло еще и то обстоятельство, что между общиной и правительствомъ становился посредникъ, для котораго тѣ интересы, полновластной распорядительницей которыхъ являлась раньше община, имѣли не менѣе жизненное значеніе, чѣмъ и для нея самой. Если для общины было важно, чтобы всѣ крестьянскіе участки и земли въ ея предѣлахъ были заняты, въ видахъ исправной уплаты государственныхъ податей, то не менѣе важно было это и для владѣльца, получавшаго доходъ съ каждаго крестьянина. Заботы о заселеніи земель, о томъ, чтобы онѣ не пустовали, переходили поэтому главнымъ образомъ на владѣльца, а вмѣстѣ съ ними въ его рукахъ очутилось и право собственности на землю, сдаваемую имъ въ пользованіе крестьянамъ подъ условіемъ платежа и отбыванія повинностей въ его пользу. Такъ постепенно права общины во владѣльческихъ имѣніяхъ претерпѣли коренное измѣненіе; дольше сохранились въ нихъ права отдѣльныхъ крестьянъ, какъ свободныхъ людей.

Переходя на владѣльческую землю и селясь на ней, крестьянинъ заключалъ съ владѣльцемъ условіе на опредѣленный срокъ, втеченіе котораго обязывался жить въ имѣніи, содержать полученный участокъ въ исправности, землю не запустить и зданія сохранять въ цѣлости и исправлять, исправно платить государственныя подати и оброкъ землевладѣльцу. Точное исполненіе всѣхъ этихъ условій со стороны крестьянина обезпечивалось поручительствомъ за него другихъ крестьянъ имѣнія и собственнымъ его обязательствомъ уплатить въ случаѣ нарушенія условій неустойку, размѣръ которой былъ обыкновенно довольно высокъ, доходя отъ 5 до 10 р. (70—140 р. на наши деньги). Такія условія не были общими, но видоизмѣнялись въ каждомъ отдѣль-

номъ случаѣ, смотря по величинѣ и качеству участка, занятаго крестьяниномъ. Если участокъ этотъ представлялъ изъ себя пустовавшую раньше, необработанную землю, на культуру которой надо было положить много труда, то садившійся на немъ поселенецъ получалъ льготу — освобожденіе отъ повинностей въ пользу государства и землевладѣльца на извѣстное количество времени, каждый разъ опредѣлявшееся особо. Самый размѣръ платежей крестьянина землевладѣльцу составлялъ исключительно предметъ ихъ взаимнаго договора, но при существованіи свободнаго перехода крестьянъ онъ необходимо оставался для значительныхъ мѣстностей на одномъ уровнѣ, такъ какъ крестьянинъ, черезчуръ тѣснимый въ одномъ мѣстѣ, могъ уйти въ другое. Платежи эти производились частью натурой, частью деньгами, первое чаще втораго; въ концѣ 15-го вѣка такой оброкъ натурою равнялся обыкновенно $^1/_4$ или $^1/_5$ урожая, къ чему присоединялись еще различные поборы другими хозяйственными продуктами, мясомъ, печенымъ хлѣбомъ, сыромъ, яйцами, пивомъ и т. д. Но уже очень рано къ платежу оброка во владѣльческихъ имѣніяхъ присоединяется отбываніе крестьянами издѣльныхъ повинностей. или иначе барщины. Къ концу 14-го столѣтія этотъ родъ повинностей представляется уже очень развитымъ и по мѣрѣ дальнѣйшихъ успѣховъ частнаго владѣльческаго хозяйства размѣры барщины все увеличиваются. Подати въ пользу государства также платились крестьянами, сидѣвшими на частныхъ земляхъ, но платились, какъ было уже сказано, въ меньшемъ размѣрѣ сравнительно съ черными волостями. Достигалось это такимъ образомъ: вся населенная земля Московскаго государства разбивалась на податныя единицы — «сохи», которыя и служили основаніемъ обложенія. Правительство раскладывало назначаемыя имъ подати на всѣ сохи поровну, но уравненіе крестьянъ черныхъ, платившихъ только государству, съ владѣльческими, обязанными платежемъ оброка и барщиной своему владѣльцу, производилось тѣмъ способомъ, что размѣръ сохи былъ не вездѣ одинаковъ. Въ черныхъ волостяхъ въ соху включалось отъ 500—700 четвертей жилой земли, въ дворцовыхъ и монастырскихъ имѣніяхъ отъ 600—900, въ вотчинахъ и помѣстьяхъ служилыхъ людей отъ 800—1200 четвертей (четверть = $^1/_2$ десятины). Такимъ образомъ во владѣльческихъ имѣніяхъ большее сравнительно съ черными волостями количество жилой земли, а слѣдовательно и сидѣвшихъ на ней людей облагалось тою же самою податью. Количество же населенной земли или сохъ въ волостяхъ и имѣніяхъ опредѣлялось путемъ періодическихъ кадастровъ государства, т. е. описаній количества и качества населенной земли, производившихся разосланными по областямъ особыми лицами, носившими названіе писцовъ. Такія описанія извѣстны намъ уже со времени великаго князя Московскаго Василія Васильевича, но они могли производиться

еще и ранѣе его. Въ промежутокъ между двумя такими описаніями установленное количество населенной земли, а слѣдовательно и число сохъ оставалось въ глазахъ правительства неизмѣннымъ, хотя бы на дѣлѣ въ немъ и происходили весьма существенныя измѣненія. Много крестьянъ могло уйти съ земель волости или частнаго владѣльца, благодаря этому количество населенной земли сокращалось, земли, бывшія въ моментъ описанія жилыми, обращались въ пустыя, но платить за нихъ приходилось по прежнему и тяжесть этого платежа падала въ такомъ случаѣ на оставшихся крестьянъ. Естественнымъ послѣдствіемъ этого было то, что и черныя волости, и владѣльцы старались переманить на свои земли какъ можно больше крестьянъ—плательщиковъ и тѣмъ облегчить для себя уплату податей. Достиженіе этой задачи являлось, повидимому, вполнѣ возможнымъ при существованіи свободнаго перехода. Самый переходъ сперва, надо думать, производился во всякое время, но затѣмъ выработались болѣе постоянные сроки для него, удобные для обѣихъ сторонъ, крестьянъ и землевладѣльцевъ. Такимъ наиболѣе удобнымъ временемъ была осень, когда покончены лѣтнія работы и для землевладѣльца нѣтъ настоятельной нужды въ рабочихъ рукахъ, а крестьянинъ, собравши хлѣбъ, можетъ свободнѣе покончить свои счеты съ владѣльцемъ и вмѣстѣ обезпеченъ на первое время въ томъ новомъ мѣстѣ, куда онъ переходитъ. Въ виду этого путемъ обычая установлялись сроки крестьянскихъ переходовъ именно осенью: въ Юрьевъ ли день осенній или въ Филиппово заговѣнье (26 или 14 ноября). Первый изъ этихъ сроковъ постепенно и возобладалъ надъ всѣми другими и въ жалованныхъ грамотахъ князей появился въ качествѣ единственнаго законнаго срока крестьянскаго перехода. Такое ограниченіе срока не было еще однако ограниченіемъ самаго права на переходъ, а устанавливалось въ интересѣ обѣихъ сторонъ для избѣжанія путаницы поземельныхъ отношеній. Съ такимъ значеніемъ перешло это установленіе и въ Судебникъ великаго князя Ивана Васильевича и затѣмъ было подтверждено Судебникомъ царя Ивана Грознаго, причемъ самый срокъ былъ опредѣленъ точнѣе: за недѣлю до Юрьева дня и недѣлю послѣ него. Вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ же княжескій Судебникъ установилъ и еще одну законную норму въ отношеніяхъ крестьянъ и землевладѣльцевъ. Обязанность первыхъ поддерживать въ порядкѣ полученныя ими отъ владѣльцевъ зданія очевидно возбуждала споры при уходѣ крестьянина и потому одна изъ статей Судебника устанавливаетъ обязанность его платить при уходѣ за тѣ зданія, которыми онъ пользовался. При этомъ четырехлѣтнее пользованіе предполагалось равнымъ полному уничтоженію двора и потому крестьянинъ, просидѣвшій на одномъ мѣстѣ 4 года, долженъ былъ, уходя, отдать владѣльцу сумму, равную стоимости двора, какая для мѣстностей степныхъ была положена въ рубль, для лѣсныхъ

же въ полтину; если крестьянинъ сидѣлъ во дворѣ 3 года, онъ платилъ $^3/_4$ этой суммы, 2 года—половину, за годъ—$^1/_4$. Такая плата называлась «пожилымъ». Установленіе пожилаго является первымъ, слабымъ впрочемъ, ограниченіемъ перехода, возникшимъ изъ столкновенія интересовъ крестьянъ и владѣльцевъ, такъ какъ со времени его крестьянинъ, выполнившій всѣ условія и сохранившій дворъ въ цѣлости, все-таки долженъ былъ при уходѣ платить пожилое. Но это ограниченіе оставалось весьма незначительнымъ, а другихъ до конца 15 вѣка не развилось, тѣмъ болѣе, что этому препятствовали и интересы самихъ землевладѣльцевъ.

Втеченіе 15-го вѣка для нихъ не представлялось еще особой нужды въ рабочихъ рукахъ и правила свободнаго перехода вполнѣ ихъ удовлетворяли: все населеніе Московскаго государства за это время скучивалось въ бассейнѣ верхняго теченія Волги, выходъ изъ котораго былъ для него закрытъ со всѣхъ сторонъ: на сѣверѣ лежали мало плодородныя земли, требовавшія громадныхъ усилій для обработки, съ запада находились владѣнія Литовскаго государства, наконецъ съ юга и востока татары крымскіе и казанскіе закрывали отъ Москвы плодородныя степи. Результатомъ такого скученія населенія на небольшомъ сравнительно пространствѣ являлось то, что всегда былъ значительный запасъ крестьянъ, готовыхъ къ услугамъ частнаго владѣльческаго хозяйства, и можно было свободно выбирать нужныя силы изъ этого запаса. Одинъ изъ ярыхъ противниковъ монастырскаго землевладѣнія въ началѣ 16-го столѣтія, Вассіанъ Косой, самъ монахъ и слѣдовательно человѣкъ знакомый съ монастырскими порядками, въ числѣ упрековъ, дѣлаемыхъ имъ монахамъ, даетъ м. пр. и такую картину жизни въ монастырскихъ владѣніяхъ: монахи, отобравъ за недоимки у крестьянина все его имущество, выгоняли затѣмъ его побоями изъ имѣнія съ женою и дѣтьми. Слѣдовательно эксплуатація имущества крестьянина являлась выгоднѣе, чѣмъ эксплуатація его труда; на мѣсто всякаго ушедшаго или прогнаннаго крестьянина легко можно было найти новаго, и при этомъ условіи для землевладѣльцевъ представлялось выгоднымъ сохраненіе права свободнаго перехода.

Въ 16-мъ столѣтіи такое положеніе черныхъ волостей и владѣльческихъ земель существенно измѣнилось. Войны Московскаго государства, втеченіе этого столѣтія принявшія особенно сильный характеръ, вынуждали правительство налагать все большее податное бремя на населеніе. Въ другой разъ придется говорить подробнѣе о причинахъ такого напряженія силъ государства на военное дѣло, теперь же я ограничусь лишь нѣсколькими указаніями, которыя помогутъ Вамъ нагляднѣе представить себѣ ту тяжесть, какую должно было выносить населеніе ради нуждъ государства. Въ Полоцкомъ походѣ 1563 года при царѣ Иванѣ Васильевичѣ участвовало 80,900 человѣкъ посошнаго ополченія.

причемъ каждому пѣшему воину изъ этого ополченія давалось по 2 рубля и каждому коннику по 5 р.; стало быть, содержаніе одной посохи должно было обойтись государству по крайней мѣрѣ въ 180,000 р. или, переводя эту сумму на наши деньги, въ 2.520,000 р. Къ этой цифрѣ надобно еще прибавить суммы, шедшія на вспомоществованіе помѣщикамъ. Во время другихъ походовъ собиралось еще болѣе войска, такъ при войнѣ съ Баторіемъ царь Иванъ Васильевичъ собралъ подъ Старицей до 300,000 войска, а въ то же время стояли полки по всей южной границѣ государства для защиты отъ татаръ. Считаютъ, что за все время царствованія Ивана IV Московское государство собирало въ разные годы до милліона войска и изъ этого числа около половины приходилось на долю посошнаго ополченія, остальное же составляли служилые люди. Примѣняясь къ одному приведенному уже примѣру Полоцкаго похода, можно легко сообразить, какихъ громадныхъ суммъ стоило содержаніе такихъ войскъ. Главная тяжесть сборовъ ложилась при этомъ именно на черныя волости, съ которыхъ подати взимались въ наибольшемъ размѣрѣ, а между тѣмъ производившаяся въ это же время въ широкихъ размѣрахъ раздача черныхъ земель въ помѣстья ослабляла платежныя силы этихъ волостей. Тяжесть податей повела къ тому, что переходы крестьянъ съ земель черныхъ на владѣльческія становились все чаще и чаще; но каждый такой переходъ еще болѣе ослаблялъ волостную общину, такъ какъ то же самое податное бремя ложилось на меньшее количество плательщиковъ и за опустѣлыя мѣста приходилось платить остававшимся крестьянамъ вплоть до составленія новыхъ писцовыхъ книгъ. Въ результатѣ крестьянское хозяйство не выдерживало такого усиленнаго напряженія, для него наступалъ кризисъ, который отдѣльные крестьяне разрѣшали бѣгствомъ отъ тягла во владѣніе монастырей или служилыхъ людей, гдѣ это тягло было легче. Общины же, чтобы избѣгнуть полнаго банкротства, начинаютъ обращаться къ правительству съ просьбой позволить имъ возвращать ушедшихъ тяглецовъ на старыя мѣста и правительство, само не видя другаго исхода, даетъ имъ такія разрѣшенія; такъ, въ уставной Важской грамотѣ, относящейся къ половинѣ 16-го столѣтія, крестьянамъ дается право: «старыхъ своихъ тяглецовъ хрестьянъ изъ-за монастырей выводить назадъ безсрочно и безпошлинно».

Критическое положеніе черныхъ волостей, пустѣвшихъ и разорявшихся подъ тяжестью непосильнаго государственнаго тягла, не осталось безъ серьезнаго вліянія на положеніе и владѣльческихъ крестьянъ. Обнищалые, «бредшіе розно людишки» изъ волостей, всегда находили теперь себѣ пріютъ въ частныхъ имѣніяхъ, такъ какъ частное землевладѣніе значительно расширилось за это время. Но, поселившись на землѣ частнаго владѣльца, такіе

обнищавшіе крестьяне не могли приняться за самостоятельное хозяйство безъ посторонней помощи. Уже раньше, въ 14 и 15 вв., часть крестьянъ брала отъ владѣльцевъ заимообразно деньги въ ссуду на обзаведеніе и отъ этихъ денегъ, «серебра», получала названіе «серебренниковъ». Въ 16-мъ столѣтіи большинство уже крестьянъ, вновь поселяющихся на владѣльческихъ земляхъ, дѣлается такими серебренниками, т. е. береть отъ владѣльца ссуду въ различномъ размѣрѣ. Но эта ссуда создаетъ и новую зависимость крестьянина отъ владѣльца: первый обязывался при уходѣ возвратить полученныя имъ въ пособіе деньги, между тѣмъ, платя владѣльцу опредѣленную часть урожая, давая ему различные поборы, отправляя въ его пользу работы и, наконецъ, уплачивая еще съ той же земли государственныя подати, онъ никогда почти не могъ скопить денегъ, необходимыхъ для возврата ссуды, и, продолжая по закону оставаться лично свободнымъ человѣкомъ, могущимъ жить, гдѣ угодно, фактически не въ состояніи былъ отойти отъ владѣльца и попадалъ въ тѣсную зависимость отъ него. Тогда остававшееся за крестьянами право перехода, «отказа» отъ владѣльца начало выражаться въ оригинальной, выработавшейся въ силу обстоятельствъ, формѣ «отказыванія» ихъ другими лицами. Форма оставалась старая, но содержаніе ея было уже совершенно иное, новое. Самъ крестьянинъ не имѣлъ возможности совершить отказъ и уплатить необходимыя при этомъ деньги, потому онъ отыскивалъ другаго владѣльца, который бы нуждался въ рабочей силѣ, и уже этотъ послѣдній «отказывалъ» его и переводилъ къ себѣ. Такіе отказы и перевозы крестьянъ владѣльцами, начавшись съ 15-го столѣтія, въ 16-мъ сдѣлались почти единственнымъ средствомъ освобожденія крестьянъ отъ зависимости отдѣльныхъ владѣльцевъ, приводившимъ ихъ, впрочемъ, сейчасъ же въ зависимость отъ другихъ. Въ иныхъ случаяхъ подобные отказы практиковали и черныя волости, но онѣ, понятно, не могли дѣлать этого въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ монастыри и частные владѣльцы, обладавшіе необходимымъ для подобныхъ операцій капиталомъ.

Къ расширенію частнаго хозяйства въ 16-мъ вѣкѣ присоединилось между тѣмъ еще одно обстоятельство, побудившее землевладѣльцевъ ухватиться за имѣвшуюся въ ихъ рукахъ рабочую силу и стремиться удержать ее при себѣ. Въ началѣ этого вѣка Москва пріобрѣла рѣшительный перевѣсъ надъ Казанскимъ ханствомъ, а въ половинѣ столѣтія послѣднее было уничтожено и владѣнія его присоединены къ Московскому государству и вмѣстѣ съ этимъ пала послѣдняя серьезная преграда къ распространенію русскихъ предѣловъ на востокъ. Обезопасивъ себя окончательно съ этой стороны, Москва вслѣдъ за тѣмъ пріобрѣтаетъ и Астрахань, завладѣвая такимъ образомъ всѣмъ теченіемъ Волги, и одновременно выдвигаетъ рядъ укрѣпленій въ южную степь съ цѣлью

защиты отъ крымскихъ хищниковъ. Для населенія, столько времени принужденнаго держаться въ тѣсныхъ предѣлахъ верхневолжскаго бассейна, открывались теперь плодородныя и неистощенныя сравнительно съ нимъ восточныя и южныя области. Тѣснимое государственнымъ тягломъ въ черныхъ волостяхъ, отягощенное работами на владѣльца въ частныхъ имѣніяхъ, тамъ и здѣсь равно потерявше свое экономическое благосостояніе, крестьянское населеніе стало стекаться въ эти области съ истощенныхъ земель прилегавшихъ къ Москвѣ мѣстностей. Открылась колонизація Поволжья, отдаленнаго востока и южныхъ степей поселенцами изъ центра Московскаго государства. Но эта колонизація носила уже иной характеръ, чѣмъ предшествовавшія народныя передвиженія: тогда какъ послѣднія входили въ нормальный порядокъ народной жизни, совершались явно, охраняемыя закономъ, теперь законъ потерялъ свою силу, не могъ болѣе обезпечить свободы крестьянства, толкаемаго рядомъ новыхъ выработанныхъ жизнью условій въ полную зависимость отъ владѣльцевъ. Потому и крестьяне начинаютъ искать себѣ свободы инымъ путемъ: мѣсто крестьянскаго перехода занимаетъ бѣгство крестьянъ, не могущихъ иначе освободиться отъ своей зависимости. Центральныя области Московскаго государства быстро стали пустѣть подъ вліяніемъ этого движенія: въ 16-мъ вѣкѣ масса селъ и деревень, густо населенныхъ въ предшествовавшемъ столѣтіи, запустѣла наполовину или совершенно; населеніе уходило изъ нихъ или на югъ, смыкаясь тамъ въ вольныя козацкія общины, освобождаясь отъ всѣхъ обязанностей по отношенію къ государству, изъ котораго вышло, и иногда даже становясь во враждебныя къ нему отношенія, или брело на востокъ, колонизовало и подчиняло себѣ инородческія земли и потомъ несло ихъ въ даръ Московскому государю. Но, расширяя постепенно извнѣ предѣлы московскихъ владѣній и выставляя какъ бы сильные аванпосты по его окраинамъ, помогавшіе ему вести борьбу на востокѣ и югѣ, колонизація эта въ то же время подрывала основы хозяйства въ центральныхъ областяхъ, липая ихъ рабочихъ рукъ. Естественно, что, какъ только обнаружился такой отливъ населенія изъ центра, владѣльцы стали принимать мѣры для борьбы съ нимъ, порою совершенно даже выходившія изъ рамокъ закона. Въ 1555 году населеніе черныхъ волостей жаловалось царю, что псковскіе дѣти боярскіе «крестьянъ изъ-за себя не выпущаютъ, а поймавъ де ихъ мучатъ и грабятъ и въ желѣза куютъ, и пожилое съ нихъ емлютъ не по Судебнику, рублей по 5 и по 10». Прямое насиліе и непомѣрныя требованія пожилаго являлись единственнымъ средствомъ удержать на мѣстѣ крестьянина лично свободнаго и экономически состоятельнаго, но по мѣрѣ того, какъ состоятельность эта рушилась подъ вліяніемъ тяжелыхъ требованій государства и крестьянинъ попадалъ въ долговую зависимость отъ вла-

дѣльца, такая зависимость представлялась новымъ, болѣе надежнымъ средствомъ прикрѣпленія, не нарушавшимъ прямо старинное право, подтверждавшееся и закономъ, а лишь обходившимъ его. Подъ вліяніемъ этой-то развивающейся нужды въ рабочихъ рукахъ, благодаря усиленію частнаго хозяйства и появленію колонизаціи съ одной стороны и подъ вліяніемъ вызванной непосильными жертвами въ пользу государства экономической несостоятельности крестьянъ—съ другой, къ концу 16-го вѣка на всемъ почти протяженіи Московскаго государства въ имѣніяхъ частныхъ лицъ и церковныхъ устанавливается прикрѣпленіе крестьянъ путемъ частныхъ обязательствъ ихъ съ владѣльцами. Юрьевъ день въ старомъ своемъ значеніи исчезъ изъ жизни русскаго крестьянства, исчезъ безъ всякаго указа, который бы его уничтожилъ. И если раньше при существованіи значительной массы свободнаго крестьянскаго населенія наряду съ небольшимъ сравнительно количествомъ частныхъ имѣній владѣльцамъ послѣднихъ не приходилось дорожить своими крестьянами, то теперь отношенія измѣнились: каждый ушедшій крестьянинъ представлялся потерянной въ хозяйствѣ рабочей силой, которую при установившемся общемъ прикрѣпленіи пополнить было очень трудно. Отсюда и возникло стремленіе землевладѣльцевъ навсегда закрѣпить за собою сидѣвшихъ на ихъ землѣ крестьянъ, стремленіе, которому теперь было уже легко осуществиться. Крестьянинъ, втеченіе долгаго времени сидѣвшій на землѣ своего господина и не ушедшій съ нея или же не могшій уйти въ силу невозможности возвратить данную ему ссуду, подъ конецъ и совсѣмъ утрачивалъ право перехода, становясь «изстариннымъ» крестьяниномъ владѣльца. Тутъ опять дѣйствовалъ не законъ, а обычай, вырабатывавшійся новымъ строемъ жизни и своимъ появленіемъ разрушавшій законъ. Въ силу такихъ новыхъ порядковъ и взглядовъ, установившихся въ московской жизни, ушедшіе отъ владѣльца крестьяне и въ случаѣ ихъ своза другимъ владѣльцемъ стали считаться бѣглыми и нуждавшіеся въ рабочей силѣ землевладѣльцы начали предъявлять иски о возвращеніи имъ такихъ крестьянъ. Правительству приходилось теперь считаться съ фактомъ, установившимся въ народной жизни помимо его прямой воли, но не остававшимся для него совершенно безразличнымъ. При существованіи безпрепятственнаго вывоза крестьянъ наибольшую возможность воспользоваться имъ имѣли богатые землевладѣльцы, которые могли бы путемъ его лишить мелкихъ помѣщиковъ всѣхъ крестьянъ и тѣмъ самымъ отнять у нихъ и возможность служить государству съ своихъ земель. Интересы государства слишкомъ живо задѣвались въ этомъ вопросѣ, чтобы оно могло оставаться къ нему совершенно безучастнымъ, и потому московское правительство дѣйствительно начинаетъ регулировать отношенія крестьянъ и землевладѣльцевъ, постепенно выводя ихъ съ пути частныхъ обязательствъ

на положеніе государственнаго установленія. Правительство царя Федора Ивановича, во главѣ котораго стоялъ царскій шуринъ Борисъ Годуновъ, признало совершившіеся факты и, исходя изъ нихъ, въ 1597 г. постановило, чтобы справиться съ накопившимися исками о бѣглыхъ крестьянахъ, принимать только такіе иски, которымъ еще не окончилась пятилѣтняя давность. Если же крестьяне «выбѣжали до нынѣшняго 106 (1597) году лѣтъ за шесть, и за семь, и за десять, и болши», а ихъ владѣльцы «государю... не бивали челомъ», то такіе владѣльцы теряли свое право иска. Изъ установленія этого срока давности для исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ нѣкоторые изслѣдователи выводили и выводятъ заключеніе, что ему предшествовало общее законодательное прикрѣпленіе крестьянъ, выразившееся въ отмѣнѣ Юрьева дня. Одни изъ нихъ относятъ такой законъ къ 1592 или 1593 г., основываясь на томъ, что законъ 1597 г. предоставляетъ право искать крестьянъ, бѣжавшихъ за 5 лѣтъ до него; другіе, менѣе поспѣшные и болѣе осторожные въ своихъ выводахъ, замѣтили, что и крестьяне, ушедшіе раньше, лѣтъ за 10. называются въ законѣ 1597 г. выбѣжавшими и ихъ также предоставляется право отыскивать. если только владѣлецъ началъ свой искъ раньше, чѣмъ за 5 лѣтъ до 1597 г., и потому относятъ предполагаемый общій законъ о прикрѣпленіи лѣтъ за 10 или за 12 до этого года. Но дѣло въ томъ, что не сохранилось ни такого закона, ни какого-либо упоминанія объ немъ въ современныхъ источникахъ, а между тѣмъ трудно предположить, чтобы законъ настолько важный могъ исчезнуть безслѣдно, трудно уже по тому одному, что онъ представлялъ бы громадное значеніе для тѣхъ бояръ и дьяковъ, которые занимались записываніемъ и храненіемъ законовъ, служа основою ихъ власти надъ крестьянами. Конечно, они лучше сберегли бы такую драгоцѣнность, да и вообще современники и ближайшіе потомки не прошли бы полнымъ молчаніемъ такой важный законодательный актъ.

Не сохранилось же такого закона и извѣстій объ немъ просто потому, что его и не существовало. Изъ всего изложеннаго мы видѣли, что къ концу XVI-го вѣка перехода крестьянъ уже не существовало, а стало быть незачѣмъ было правительству и запрещать его. Но оно постаралось оградить интересы мелкихъ служилыхъ людей и съ этой цѣлью признало незаконными и перевозы крестьянъ, предоставивъ владѣльцамъ право возвращать перевезенныхъ обратно. Чтобы не возбудить однако такимъ правомъ слишкомъ большихъ недоразумѣній, оно и ограничило его пятилѣтнею давностью. Съ тою же цѣлью облегченія служилыхъ людей въ правленіе царя Бориса Годунова въ 1601 и 1602 годахъ разрѣшался правительствомъ перевозъ крестьянъ втеченіе одного года въ Юрьевъ день съ исключеніемъ изъ перевоза черныхъ земель и вотчинъ дворцовыхъ, церковныхъ и высшихъ слу-

жилыхъ людей и всего Московскаго уѣзда. Каждый землевладѣлецъ могъ при этомъ вывезти не болѣе одного или двухъ крестьянъ. При отсутствіи общаго закона о прикрѣпленіи должны были остаться еще и свободные крестьяне, такъ какъ не всѣ безусловно они подпали подъ частную зависимость. И дѣйствительно, въ актахъ конца 16-го и первой половины 17-го столѣтій встрѣчаются еще разрѣшенія называть крестьянъ на пустыя земли, встрѣчаются крестьяне, ушедшіе отъ владѣльцевъ, равно какъ и вновь поступающіе въ крестьянство, чего не могло бы быть при существованіи общаго закона. Но такіе остатки свободнаго крестьянства были уже очень ничтожны.

Итакъ къ концу 16-го вѣка въ силу тяжелаго положенія Московскаго государства, вынуждавшаго его накладывать непосильное податное бремя на сельское населеніе, экономическое благосостояніе послѣдняго было подорвано и оно попало въ частную зависимость къ землевладѣльцамъ, выразившуюся въ фактическомъ прикрѣпленіи его къ землѣ, признанномъ вслѣдъ за тѣмъ и въ законодательной дѣятельности правительства. Такъ вслѣдъ за прикрѣпленіемъ вольныхъ слугъ къ службѣ установилось прикрѣпленіе и свободныхъ крестьянъ, при чемъ это послѣднее имѣло нѣсколько различный характеръ смотря по родамъ прикрѣпленныхъ крестьянъ: черные обязывались нести непосредственную службу государству финансовымъ тягломъ, владѣльческіе, отбывая это тягло въ меньшемъ размѣрѣ, доставляли возможность службы служилымъ людямъ, прокармливая ихъ своимъ трудомъ, но тѣ и другіе равно не могли уже покинуть своего мѣста.

Городское черное населеніе Московскаго государства мало чѣмъ отличалось отъ сельскаго. Въ сѣверныхъ княжествахъ, гдѣ характеръ населенія былъ по преимуществу земледѣльческій, гдѣ не развилось по мѣстнымъ условіямъ особенно сильной торговли, жители города не представляли особенно рѣзкихъ различій отъ селянъ. Занимаясь торговлей и ремеслами, они въ то же время воздѣлывали и землю, а сельскіе жители въ свою очередь торговали и имѣли лавки въ городахъ. Такой характеръ города Московскаго государства сохранили и до конца 16-го вѣка. Существеннымъ отличіемъ ихъ отъ сельскихъ общинъ было то, что въ Московскихъ владѣніяхъ не было городовъ, которые бы принадлежали частнымъ лицамъ. Московскіе князья не только не жаловали городовъ въ частное владѣніе, но при присоединеніи удѣльныхъ княжествъ даже выкупали у князей права ихъ на города. Такимъ образомъ среди городскаго населенія существовало только два разряда: людей служилыхъ и тяглыхъ или черныхъ. Первые, какъ мы знаемъ, были совершенно выдѣлены изъ города и вѣдались исключительно центральнымъ правительствомъ, вторые и составляли собственно городскую общину, распадав-

шуюся на разряды лучшихъ, среднихъ и меньшихъ людей по ихъ экономическому благосостоянію. Какъ и сельская община, городская имѣла свое самоуправленіе, своихъ выборныхъ властей, во главѣ которыхъ стоялъ земскій староста, сама раскладывала среди своихъ членовъ подати, назначавшіяся на города въ силу особенностей ихъ хозяйства не по сохамъ, а по дворамъ и промысламъ, сама и отвѣчала передъ правительствомъ за неисправный сборъ круговою порукою. Но сверхъ уплаты податей городское населеніе привлекалось къ участію и въ непосредственной службѣ государству. Наиболѣе богатые люди жаловались званіемъ гостей и становились въ положеніе, близкое къ положенію людей служилыхъ: они освобождались отъ всѣхъ общинныхъ податей и повинностей, получали право суда непосредственно у царя, могли владѣть вотчинами и получать въ пожалованіе помѣстья, и за это обязывались служить по финансовому управленію, гдѣ—предполагалось—ихъ опытъ долженъ принести пользу государству. Такое исключеніе изъ среды общины наиболѣе состоятельныхъ лицъ само по себѣ уже значительно ослабляло платежныя силы ихъ, но имъ еще не ограничивалась та служба, которую посадскіе (отъ слова посадъ—поселеніе вокругъ укрѣпленія—города) люди непосредственно несли государству. Они должны были выбирать изъ своей среды лучшихъ людей для безвозмездной службы на казенныхъ питейныхъ дворахъ, должны были поправлять городскія укрѣпленія, наконецъ давать людей въ ополченія. Тяжесть образованія и защиты государства ложилась на плечи посадскихъ людей не болѣе легкимъ бременемъ, чѣмъ на черныя волости, величина тягла здѣсь также быстро росла и результаты этого были тѣ же самые. Города Московскаго государства въ 16-мъ вѣкѣ пустѣли не менѣе быстро, чѣмъ деревни и села: въ 1545 г. въ Муромѣ, напримѣръ, считалось на 111 жилыхъ дворовъ 107 пустыхъ дворовъ и 800 пустыхъ же дворовыхъ мѣстъ. Съ цѣлью поднять города Московское правительство уже въ 16-мъ вѣкѣ начинаетъ принимать отдѣльныя мѣры, сосредоточивая напримѣръ въ нихъ всю окрестную торговлю: такъ, въ 1539 г. воспрещены были въ Новоторжскомъ уѣздѣ всѣ торги, исключая г. Торжка. Такія частныя мѣры мало однако помогали, такъ какъ главная причина запустѣнія -непомѣрная тяжесть тягла въ связи съ обѣдненіемъ общины—продолжала дѣйствовать. Посадскіе люди бѣжали изъ городовъ въ южныя и восточныя области, бѣжали въ села къ крестьянамъ, бѣжали наконецъ въ личную зависимость къ частнымъ лицамъ, становясь ихъ холопами и выходя т. о. совершенно изъ разряда свободныхъ лицъ, причемъ сами собою прекращались и всѣ ихъ обязанности по отношенію къ государству.

Въ первые вѣка русской исторіи число лицъ *несвободныхъ* въ обществѣ было весьма значительно. Хозяйство частныхъ вла-

дѣльцевъ, въ томъ числѣ и князей, велось главнымъ образомъ рабами, которые пріобрѣтались путемъ купли, плѣна или брака свободнаго человѣка на рабынѣ и обратно, причемъ дѣти рабовъ продолжали оставаться въ рабскомъ состояніи. Понятіе о связи службы съ рабствомъ было настолько сильно, что по Русской Правдѣ всякій свободный человѣкъ, вступавшій въ службу безъ особаго ряда или условія, въ силу того самаго дѣлался рабомъ или холопомъ. Черезъ удѣльный періодъ институтъ холопства перешелъ и въ Московское государство, сохранившее и тѣ же способы пополненія этого класса людей. Но къ продажѣ себя свободными людьми навѣки въ рабство, обставленной извѣстными формальностями въ видѣ совершенія передъ правительственными чиновниками продажной записи (такая запись или грамота называлась полной или докладной, откуда и самые холопы получали названіе полныхъ и докладныхъ), въ концѣ 15-го вѣка прибавляется еще новый видъ холопства подъ именемъ холоповъ кабальныхъ. Мы видѣли выше, что это время было какъ разъ временемъ хозяйственнаго кризиса въ жизни тяглыхъ слоевъ населенія Московскаго государства, кризиса, разорявшаго ихъ и не дававшаго имъ возможности поддержать хозяйство безъ помощи чужаго капитала. Благодаря этому явилось значительное количество людей, нуждавшихся въ деньгахъ, но настолько еще дорожившихъ своей свободой, что они не желали продаваться въ полное холопство. Тогда-то и вырабатывается новый видъ холопства, являющійся результатомъ не продажи, а займа денегъ подъ залогъ личности, причемъ заемщикъ платилъ проценты съ занятаго капитала, отдавая свой трудъ въ распоряженіе кредитора. На практикѣ такое холопство почти равнялось полному, такъ какъ при этихъ условіяхъ для кабальнаго холопа являлось невозможнымъ скопить нужныя для уплаты долга деньги. Владѣльцы же, повидимому, содѣйствовали такому положенію еще и тѣмъ, что выдавали поступавшимъ въ холопы умышленно высокія суммы, которыя труднѣе было уплатить. Въ виду того, что поступленіе въ холопство избавляло отъ всѣхъ государственныхъ повинностей, оно являлось неудобнымъ для правительства, стремившагося привлечь всѣ наличныя силы населенія къ службѣ государству. Поэтому московское правительство, не уничтожая права свободныхъ людей располагать своею личностью, пыталось однако облегчить имъ выходъ изъ холопства и первою такою попыткою было установленіе въ Судебникѣ ц. Ивана Васильевича максимума долга по служилой кабалѣ въ количествѣ 15 рублей. Но общее теченіе жизни шло къ тому, что частная зависимость становилась легче государственной службы, и потому количество кабальныхъ холоповъ не уменьшалось, а постоянно увеличивалось. Сообразно съ этимъ, размѣръ долга, заключавшагося при вступленіи въ такое холопство все падалъ и къ концу

16-го вѣка дошелъ до 3 р., да и тѣ иногда давались «съ одной пословицы» (только на словахъ), какъ проговаривались иногда стороны при самомъ заключеніи кабалъ. Тогда, чтобы возвратить людей, бѣжавшихъ въ частную зависимость, на свободу, правительство прибѣгло къ новой мѣрѣ. Подъ вліяніемъ церкви въ Московскомъ государствѣ выработался обычай у князей и частныхъ лицъ при наступленіи смерти отпускать по духовной на волю всѣхъ или большую часть полныхъ холоповъ. Правительство примѣнило этотъ обычай и къ холопамъ кабальнымъ, сдѣлавъ его обязательнымъ. Въ 1586 году изданъ былъ указъ, по которому кабальные холопы не могли болѣе путемъ взноса долга освободиться отъ того хозяина, которому обязались служить, но за то по смерти его получали свободу безденежно. Такъ какъ и раньше кабальные холопы лишь въ очень рѣдкихъ, вѣрнѣе даже исключительныхъ случаяхъ имѣли фактическую возможность освобожденія, то прекращеніе ея путемъ закона на время жизни господина не составляло ухудшенія въ ихъ положеніи, а обязательное освобожденіе по смерти его приносило несомнѣнную помощь всѣмъ кабальнымъ. Еще раньше было запрещено, именно царскимъ судебникомъ 1550 г., вступать въ кабалу служилымъ государевымъ людямъ и ихъ сыновьямъ, если только они годились въ службу и не получили отставки. Такое запрещеніе вытекало изъ той же потребности государства, какая побудила его установить прикрѣпленіе вольныхъ слугъ, изъ необходимости всегда имѣть достаточное количество служилыхъ людей.

Въ такомъ видѣ установились общественные классы Московскаго государства къ концу 16-го вѣка: служилый и тяглый классъ, причемъ послѣдній распадался на посадскихъ, крестьянъ черныхъ и владѣльческихъ, охватывали собою все свободное населеніе; кромѣ нихъ существовали еще лица несвободныя, полные и кабальные холопы, но число послѣднихъ ограничивалось правительственными распоряженіями. Установившись частью благодаря непосредственному воздѣйствію правительства, частью подъ вліяніемъ его общей политики, классы эти различались между собою преимущественно своимъ положеніемъ въ отношеніяхъ къ государству, но не имѣли опредѣленныхъ сословныхъ правъ или же такія представлялись только еще въ зародышѣ. Для всѣхъ этихъ классовъ одинаково открыты были всѣ роды частной дѣятельности: крестьянинъ могъ торговать и имѣть лавки въ городѣ, какъ это и бывало очень часто, посадскій обыкновенно имѣлъ землю и пахалъ ее, равнымъ образомъ для служилаго человѣка доступны были всѣ частныя занятія, да и холопъ, имѣть котораго могъ опять таки каждый изъ людей этихъ классовъ, не былъ ничѣмъ стѣсненъ въ выборѣ дѣятельности. Особыя права тѣхъ или другихъ лицъ обусловливались только родомъ ихъ обязанностей по отношенію къ государству, которыя опять таки не оста-

вались исключительною принадлежностью людей одного какого нибудь класса, такъ какъ классы эти не были замкнутыми сословными единицами. Высшій изъ нихъ, служилый, пополнялся путемъ опредѣленія правительствомъ людей на службу, именовавшагося на Московскомъ оффиціальномъ языкѣ «верстаніемъ». Верстали же въ службу не однихъ бояръ, дѣтей боярскихъ и дворянъ, но и посадскихъ людей, и крестьянъ, и даже холоповъ. Въ свою очередь дѣти служилыхъ людей до того момента, когда ихъ верстали на службу, не пользовались никакими преимуществами. Выходъ изъ служилаго класса былъ окончательно закрытъ въ половинѣ 16-го вѣка, но лишь для лицъ дѣйствительно служившихъ; получившіе отставку служилые люди могли вступать въ холопство къ частнымъ лицамъ. Для другихъ классовъ переходъ въ полную частную зависимость оставался открытымъ втеченіе всего 16-го столѣтія; крестьянинъ, продававшійся съ пашни въ полное холопство, не платилъ даже пожилаго по царскому Судебнику.

Такимъ образомъ, классы, образовавшіеся среди населенія Московскаго государства, не были сословіями въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова. Выработавшись подъ вліяніемъ потребностей государства, они и послѣ того, какъ совершилось прикрѣпленіе ихъ къ извѣстнымъ родамъ службы послѣднему, не пріобрѣли ни исключительныхъ сословныхъ правъ, ни сословной замкнутости.

Другою характерною чертою этихъ классовъ, вытекавшею изъ порядка ихъ образованія, была дробность ихъ: каждый классъ распадался еще на мелкія подраздѣленія, опредѣлявшіяся особенностями государственной службы. Какъ служилые люди дѣлились на множество разрядовъ по роду своей службы, такъ крестьяне черныхъ волостей раздѣлялись по экономической своей состоятельности на лучшихъ, среднихъ и меньшихъ, такъ точно посадскіе выдѣляли изъ себя полуслужилую группу гостей, а остальной ихъ составъ распадался на такіе же разряды, такъ, наконецъ, какъ бы переходною ступенью между свободными людьми и рабами служили кабальные холопы. Строгія перегородки отсутствовали между классами, низъ каждаго изъ нихъ незамѣтно сливался съ вершиною слѣдующаго за нимъ по соціальной лѣстницѣ, и это, конечно, препятствовало отдѣленію ихъ другъ отъ друга, образованію сословій.

7-я ЛЕКЦІЯ.

Международное положеніе Московскаго государства въ концѣ 16-го вѣка.

Въ дѣлѣ собиранія русскихъ земель, опредѣлившемъ собою, какъ мы видѣли, и внутреннія отношенія Московскаго государства, послѣднее не оставалось единственнымъ дѣятелемъ. Не говоря уже о томъ, что эту роль пытались принять на себя и другія крупныя сѣверно-русскія княжества, въ ней выступило еще и государство, въ основѣ котораго лежалъ иной этнографическій элементъ, именно в. кн. Литовское. Племя литовцевъ организовалось въ государство подъ давленіемъ условій, близко подходившихъ по характеру своему къ тѣмъ, какія окружали юное Московское государство, подъ вліяніемъ упорной борьбы за свое самостоятельное существованіе. Въ этой борьбѣ за свою самобытность, стремясь пріобрѣсти болѣе силъ, литовскіе князья обратились на лежавшія въ сосѣдствѣ съ ними разрозненныя и слабыя русскія земли и безъ особаго труда успѣли подчинить ихъ своему владычеству. По мѣрѣ того, какъ это подчиненіе, начавшись съ конца 13-го вѣка, принимало втеченіе 14-го и 15-го столѣтій все болѣе широкіе размѣры и одна за другою западныя русскія земли признавали власть великихъ князей литовскихъ, этнографическая основа государства подвергалась коренному измѣненію: рядомъ съ литовцами становилось русское населеніе и высшая сравнительно культура послѣдняго имѣла результатомъ подчиненіе ей первыхъ въ сферѣ общественной жизни. Литовцы перенимали русскій языкъ, сдѣлавшійся вскорѣ и оффиціальнымъ языкомъ княжества, принимали православную вѣру, усвоивали себѣ обычаи и нравы покоренныхъ русскихъ. Княжество литовское все болѣе и болѣе становилось похоже по своему внутреннему облику на землю русскую и благодаря этому для него значительно облегчалось присоединеніе другихъ русскихъ

областей. Княжества западныя и юго-западныя, не могшія собственными силами защищаться отъ нѣмцевъ и татаръ, охотно покорялись Литвѣ, въ которой они видѣли родственное государство. Это продолжавшееся подчиненіе русскихъ земель и происходившее въ связи съ этимъ обрусѣніе самой Литвы привели къ тому, что литовскіе князья начали ставить главною цѣлью своей политики объединеніе всѣхъ русскихъ областей подъ своимъ владычествомъ и обращеніе ихъ силъ на борьбу съ угрожавшими Литвѣ съ запада нѣмцами. Въ преслѣдованіи этой цѣли они не встрѣчали себѣ до конца 14-го столѣтія серьезныхъ препятствій при существованіи разрозненности рускихъ княжествъ, въ центрѣ которыхъ только начинала еще пріобрѣтать преобладающее значеніе Москва. И въ то время, какъ подъ главенствомъ послѣдней совершалось объединеніе центральныхъ областей, такой же процессъ объединенія происходилъ на западѣ по иниціативѣ Литвы. Въ концѣ 14-го вѣка произошло однако событіе, придавшее иную окраску Литовскому государству и положившее первую преграду между нимъ и тѣми русскими областями, которыя оно стремилось включить въ свой составъ. Этимъ событіемъ было сближеніе Литвы съ Польшей и принятіе литовцами католицизма. Религіозная исключительность тѣхъ временъ придавала вопросамъ вѣры весьма серьезное значеніе въ судьбахъ народовъ: поляки и вслѣдъ за ними обращенные въ католичество литовцы смотрѣли на православныхъ русскихъ, какъ на еретиковъ, и не хотѣли предоставить имъ полной равноправности съ католиками; въ свою очередь русскіе начали видѣть теперь въ литовцахъ латиновъ, «поганыхъ» и, потерявъ свое первенствующее положеніе въ государствѣ, сдѣлавшись изъ полноправныхъ по закону и высшихъ на дѣлѣ членовъ его людьми приниженными, не могли уже смотрѣть на это государство съ тѣмъ полнымъ довѣріемъ, какое питали къ нему раньше. В. кн. литовскій Витовтъ, стоявшій во главѣ Литвы втеченіе послѣднихъ лѣтъ 14-го и первой четверти 15-го столѣтій, продолжалъ дѣло присоединенія русскихъ областей, но уже ему пришлось испытать на себѣ и результаты этой перемѣны отношеній: Новгородцы, съ которыми онъ хотѣлъ заключить союзъ, рѣшительно уклонялись отъ этого и въ числѣ причинъ такого отказа на вѣчѣ прямо указывали «поганое латинство» литовскаго князя. Витовтъ отомстилъ за оскорбленіе, начавъ войну съ Новгородомъ и взявъ съ него громадный окупъ, но фактъ разъединенія интересовъ Литвы и Руси онъ не въ силахъ уже былъ уничтожить. По смерти же Витовта, при которомъ Литва сохраняла еще на практикѣ свою самостоятельность отъ Польши, послѣ того, какъ княжество Литовское все тѣснѣе и тѣснѣе стало соединяться съ послѣдней, такое разъединеніе выступило еще ярче. Русскія земли пытались отстоять свою самостоятельность и оградиться отъ Польши пу-

темъ посаженія на литовскій тронъ своихъ кандидатовъ, но ихъ силы были слишкомъ слабы для борьбы съ соединеннымъ могуществомъ собственной Литвы и Польши. Потерпѣвъ пораженіе въ этой борьбѣ, онѣ стали оглядываться на Русь Восточную и искать себѣ тамъ поддержки.

Сперва эти ожиданія были напрасны. Восточная Русь была слишкомъ занята своимъ собственнымъ дѣломъ — освобожденіемъ отъ татаръ, чтобы могла еще обращать сколько-нибудь серьезное вниманіе на западъ. Главная представительница ея — Москва — принуждена была безучастно смотрѣть на захваты русскихъ княжествъ Витовтомъ, а если другимъ князьямъ и удавалось временно возвращать захваченныя земли, то они не въ силахъ были удержать ихъ въ своихъ рукахъ. Войны же между Литвой и Москвой за это время хотя и бывали, но носили характеръ нерѣшительности съ обѣихъ сторонъ: оба княжества не чувствовали себя достаточно сильными, чтобы быть увѣренными въ побѣдѣ, и боялись утратить пріобрѣтенное раньше положеніе.

Такое положеніе продолжалось до второй половины 15 вѣка. Къ этому времени Москва успѣла, подчинивъ себѣ всѣ остававшіяся независимыми русскія области, почти окончательно осуществить главную цѣль своей внѣшней политики – сломить могущество Орды и освободиться изъ-подъ ея господства. Въ то же время Литва съ помощью Польши одержала полную побѣду надъ своимъ могущественнымъ западнымъ врагомъ—Тевтонскимъ орденомъ. Оба государства, имѣвшія въ своемъ составѣ русскія земли и претендовавшія на господство надъ всей Русью, освободившись отъ сдерживавшихъ ихъ препятствій, стояли другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ. Борьба и началась при кн. Иванѣ Васильевичѣ со стороны Москвы тѣми осторожными, медленными движеніями, которыя составляли наиболѣе характерную черту московской политики того времени. Важнымъ преимуществомъ Москвы въ этой борьбѣ былъ ея національный девизъ, выразившійся и въ принятомъ въ это время титулѣ Московскихъ государей. Литовско-русское государство того времени не могло уже стоять на одинаковой съ Москвою національной почвѣ, такъ какъ русская народность и православное вѣроисповѣданіе окончательно потеряли въ ней свое прежнее господство. Это положеніе борющихся сторонъ отразилось и на характерѣ борьбы. Москва держалась, хотя и осторожнаго, но наступательнаго образа дѣйствій, открыто ставя своей цѣлью отобраніе отъ Литвы всѣхъ русскихъ областей, Литва только защищалась. Русскіе служилые князья, бывшіе за Литвой, едва началась эта борьба, стали отъѣзжать въ Москву, передавая в. кн. московскому и свои вотчины. Эти отъѣзды, продолжавшіеся и въ мирное время, не давали возможности прочнаго сохраненія мирныхъ отношеній. Путемъ ихъ безъ всякой войны ускользали

области отъ Литвы и Москва не только не отдавала разъ попавшихъ въ ея руки земель, но и защищала свое право на нихъ ссылками на старину, на то, что это исконное русское достояніе. Сдѣланная литовскимъ княземъ попытка прекратить борьбу путемъ родственнаго союза съ Московской династіей не привела къ желанному результату; Иванъ Васильевичъ воспользовался этимъ союзомъ, какъ лишнимъ предлогомъ для вмѣшательства во внутреннія дѣла Литвы и требованія прекратить притѣсненія православныхъ. Поэтому и родственный союзъ не помѣшалъ возобновиться борьбѣ, необходимой по сознанію Московскихъ людей. Въ ней могли быть только перерывы, болѣе или менѣе продолжительные, но прекращеніе ея было невозможно, пока оставался нерѣшеннымъ споръ о владѣніи русскими областями. Когда Иванъ Васильевичъ заключилъ перемиріе съ зятемъ своимъ, в. кн. литовскимъ Александромъ, онъ отправилъ посла къ союзнику своему крымскому хану Мегли-Гирею съ приказаніемъ такъ объяснить ему московскую политику: «Великому князю нашему съ литовскимъ прочнаго миру нѣтъ; литовскій хочетъ у великаго князя тѣхъ городовъ и земель, какіе у него взяты, а князь великій хочетъ у него своей отчины всей земли русской; взяли же съ нимъ перемиріе для того, чтобы люди поотдохнули, да чтобы взятые города укрѣпить». Иванъ Васильевичъ не только выражалъ такія широкія притязанія, но и заставилъ Литву признать за нимъ выражавшій ихъ титулъ государя всея Руси. Къ концу 15-го вѣка перевѣсъ въ борьбѣ остался на сторонѣ Москвы, получившей всѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя ею во время войны. Борьба не прекращалась и послѣ того, прочнаго мира не заключали и преемники Ивана III-го, такъ же упорно и настойчиво стремившіеся къ овладѣнію всѣми русскими областями. Въ свою очередь Литва, несмотря на первыя неудачи, не оставляла еще своихъ притязаній, то сокращая ихъ размѣръ до возвращенія отобранныхъ уже отъ нея земель, то повышая его до надежды на подчиненіе Московской Руси.

Войны Москвы съ Литвою продолжаются втеченіе всего 16-го столѣтія, прерываясь только тогда, когда та или другая сторона черезчуръ уже утомлялась, и сознаніе невозможности иныхъ отношеній между этими государствами остается все такимъ же живымъ и яркимъ. Когда при Василіѣ Ивановичѣ велись переговоры о перемиріи, московскіе бояре прямо заявили, что князь московскій хочетъ получить всю отчину русскую, которой владѣли его прародители: Кіевъ, Полоцкъ, Витебскъ и др. земли. Сынъ его, Иванъ Грозный, когда новая война съ Польско-Литовскимъ государствомъ приняла рѣшительно неудачный для послѣдняго оборотъ, на предложеніе сравнительно выгодныхъ условій вѣчнаго мира отвѣчалъ: «за королемъ наша отчина извѣчная, Кіевъ, Волынская земля, Полоцкъ, Витебскъ и многіе

другіе города русскіе, такъ пригоже ли съ королемъ миръ заключить? Если теперь заключить миръ вѣчный, то впередъ уже черезъ крестное цѣлованіе своихъ вотчинъ искать нельзя, а я крестнаго цѣлованія никакъ нигдѣ нарушить не хочу». На вторичное предложеніе вѣчнаго мира въ 1564 г., по взятіи Иваномъ Полоцка, московское правительство отвѣтило требованіемъ Кіева, Волыни, Подоліи и Галича. Такъ неуклонно держалась Москва принципа національнаго единства, стремясь подчинить своему владычеству всѣ русскія земли и не идя ни на какія уступки, ни на какіе компромиссы въ этомъ отношеніи. Вѣчный миръ съ Литвой, пока за послѣдней оставались еще русскія области, былъ такъ же невозможенъ въ Москвѣ времени Ивана Грознаго, какъ въ Москвѣ его дѣда.

Но если принципіальное положеніе сторонъ и въ 16-мъ вѣкѣ оставалось тѣмъ же, какимъ было въ 15-мъ, то въ фактическомъ положеніи ихъ произошли существенныя измѣненія. Со времени перваго соединенія Литвы съ Польшею при Ягайлѣ отношенія этихъ двухъ государствъ пріобрѣтали все болѣе тѣсный характеръ и наконецъ во второй половинѣ 16-го столѣтія произошло окончательное слитіе ихъ въ единую польскую Рѣчь Посполитую. Вмѣстѣ съ тѣмъ на послѣднюю перешли и тѣ задачи, которыя раньше составляли исключительное достояніе княжества Литовскаго, задачи борьбы съ Москвою и стремленія подчинить себѣ московскую Русь. Изъ простаго союзника Литвы Польша дѣлалась ея преемницей, сливая ея силы со своими и тѣмъ увеличивая опасность борьбы для Москвы. Правительство послѣдней хорошо понимало эту опасность и пыталось уничтожить ее, подстрекая литовцевъ разорвать заключенную съ Польшей унію и выбрать своимъ государемъ царя Московскаго. Однако попытки эти остались безуспѣшными, соединеніе Литвы и Польши представляло такія большія выгоды для обѣихъ сторонъ, что оно не только удержалось, но и становилось съ теченіемъ времени все прочнѣе. Въ виду этого Москвѣ, если она не хотѣла поступиться своими требованіями, приходилось искать какихъ-нибудь иныхъ условій, которыя доставили бы ей перевѣсъ надъ усилившимся противникомъ.

Такія условія представились ей въ сближеніи съ западноевропейскими государствами. Въ первое время возвышенія Московскаго княжества внѣшнія сношенія его были ограничены очень тѣснымъ кругомъ: они велись съ татарскими ордами, Большой, Ногайской и Крымской, да съ Литвой. Со времени подчиненія Новгорода и Пскова кругъ этихъ сношеній расширился: къ нимъ прибавились еще сношенія съ Швеціей и Ливоніей, выражавшіяся по большей части въ пограничныхъ стычкахъ, прерываемыхъ мирными договорами, съ Ганзейскимъ союзомъ и Даніей. Для крупныхъ государствъ Западной Европы самое суще-

ствованіе Московскаго княжества, закрытаго отъ нихъ Польшею и Литвой, долго оставалось неизвѣстнымъ. Тамъ смутно знали, что на дальнемъ востокѣ Европы есть народъ, называемый Русью. знали, что Русь подчиняется Литвѣ, и не подозрѣвали существованія самостоятельнаго русскаго государства. Оно было извѣстно лишь тѣмъ изъ западно-европейскихъ державъ, которыя вели частыя и оживленныя сношенія съ Польшей. Изъ нихъ числа Венгрія первая вступила въ сношенія съ Москвой. Въ 1482 г. при дворѣ великаго князя Московскаго Ивана Васильевича появились послы короля венгерскаго Матвѣя Корвина съ предложеніемъ совмѣстныхъ дѣйствій противъ Польши. Немного спустя на этой же почвѣ произошло сближеніе и съ другимъ государствомъ Западной Европы, съ Германской Имперіей. Въ 1486 г. пріѣхалъ въ Москву рыцарь Поппель: черезъ 3 года онъ вернулся уже въ качествѣ посла отъ императора, предлагая князю Московскому титулъ короля. Въ переговорахъ съ нимъ и вообще въ первыхъ сношеніяхъ съ Имперіей выразились и достоинство московской политики, и наивность ея. Предложеніе королевскаго титула отъ имени императора было гордо отвергнуто Иваномъ Васильевичемъ, не желавшимъ признать надъ собой никакого верховенства. Но Поппель предложилъ великому князю выдать одну изъ своихъ дочерей за маркграфа Баденскаго, и вотъ у московскихъ политиковъ сейчасъ же родилась мысль устроить родственный союзъ не съ маркграфомъ, который казался слишкомъ низкимъ женихомъ, а съ сыномъ императора. Въ этомъ смыслѣ были завязаны и сношенія, само собою неудачныя; но мысль о союзѣ осталась и, хотя медленно, начала давать свои плоды. Точно такъ же начались сношенія съ Венеціей и Московское княжество путемъ дипломатическихъ сношеній начало впервые знакомиться съ остававшимся до сихъ поръ для него закрытымъ міромъ западно-европейской жизни. Между тѣмъ въ самомъ этомъ мірѣ отношенія сложились къ этому времени такимъ образомъ, что московская политика постепенно все болѣе втягивалась въ него и принимала нѣкоторое участіе въ его дѣлахъ.

Это было время, когда для западныхъ народовъ рушились старыя, средневѣковыя условія быта и на сцену выступали новыя силы. Исчезло старое, рѣшающее значеніе папства и имперіи въ сферѣ международныхъ отношеній и отдѣльныя государства вступали въ упорную борьбу между собою, еще болѣе обострявшуюся благодаря разъединенію религіозныхъ интересовъ. Борьба эта велась не единичными силами каждаго государства: усиленіе одного изъ нихъ вызывало союзъ нѣсколькихъ другихъ. направленный противъ него. Наиболѣе сильною державою даннаго времени была монархія Габсбурговъ. прочно утвердившаяся уже въ Австріи и Испаніи и стремившаяся подчинить своей власти королевства чешское и венгерское. Встрѣчая препятствія

въ достиженіи этой цѣли со стороны Польши, Габсбурги старались ослабить послѣднюю, найдя ей другаго противника, и сближеніе съ Москвою въ этомъ смыслѣ являлось для нихъ весьма желательнымъ. Поэтому уже при преемникѣ Ивана Васильевича сношенія съ Австріей пріобрѣтаютъ болѣе оживленный характеръ и императоръ Максимиліанъ начинаетъ побуждать Москву къ войнѣ съ Польшей. Другою связью между австрійской имперіей и Москвою явилось отношеніе ихъ къ возникшей на развалинахъ константинопольской имперіи турецкой державѣ. Владѣнія Московскихъ князей нигдѣ, правда, не соприкасались съ владѣніями султана и между ними не могло возникнуть непосредственныхъ столкновеній, но тѣмъ не менѣе отношенія ихъ не могли быть ни дружественными, ни даже мирными. Завпсѣло это отъ того положенія, которое занимало Московское государство относительно магометанскаго Востока.

Добившись самостоятельности отъ Золотой орды, Москва не могла однако на этомъ прекратить всякія отношенія къ татарамъ. Съ одной стороны остатки Большой орды, съ другой крымцы, съ третьей вновь возникшее ханство Казанское постоянными своими нападеніями на предѣлы Московскаго государства вынуждаютъ его къ защитѣ и, стремясь обезопасить себя, послѣднее въ свою очередь переходитъ въ наступленіе. Наступленіе это во второй половинѣ 16 столѣтія приняло весьма рѣшительный характеръ: Казань пала подъ напоромъ его, Астрахань тоже, князьки Ногайскихъ татаръ одинъ за другимъ подчинялись Москвѣ и даже мелкіе кавказскіе владѣтели заявляли свою покорность. Крымскіе ханы тщетно пытались остановить эти успѣхи, въ Москвѣ не боялись больше могущества Крыма и даже грозили его завоеваніемъ. Это паденіе мусульманскихъ царствъ не могло не подѣйствовать на турецкихъ султановъ, на обязанности которыхъ лежала ихъ верховная охрана, и въ Турціи зарождается мысль о необходимости борьбы съ могуществомъ Московскаго государства. Первая попытка такой борьбы и была произведена султаномъ Селимомъ въ 1569 г. въ походѣ на Астрахань. Походъ этотъ остался неудачнымъ, турецкое войско возвратилось безъ всякаго успѣха, но намѣреніе султана оставалось все-таки неизмѣннымъ и попытки Московскаго правительства заключить съ нимъ миръ не привели ни къ какому результату. Хотя нападеніе турокъ не повторилось, но за то борьба съ вассаломъ султана — крымскимъ ханомъ приняла крайне напряженный характеръ. Такъ какъ турецкое могущество угрожало и западно-европейскимъ государствамъ и прежде всего Австріи, то прямой интересъ послѣдней заключался въ томъ, чтобы вовлечь въ борьбу съ Турціей и московскія силы. Мысль эту усердно поддерживала и папская курія, тщетно старавшаяся поднять на турокъ силы всей Западной Европы. Кромѣ изгнанія турокъ изъ Европы

папъ прельщала еще и блестящая перспектива обращенія всего Московскаго государства въ католичество. Но тогда какъ австрійская политика старалась одновременно возбудить Москву противъ Польши и Турціи, папы мечтали о примиреніи Польши съ Московскимъ царствомъ и обращеніи ихъ совмѣстныхъ силъ на турокъ. Такъ наиболѣе жизненные интересы Московскаго государства переплелись съ нитями обще-европейской политики и Москва явилась уже до нѣкоторой степени участницей послѣдней, хотя пока исключительно пассивной.

Во всякомъ случаѣ враждебныя столкновенія и дипломатическія сношенія не могли не пробудить въ Московскомъ правительствѣ сознанія того, что въ чужихъ странахъ много имѣется такого хорошаго, чего нѣтъ въ Москвѣ, что болѣе близкія сношенія съ этими странами могутъ принести ей немалую пользу, доставивъ ей большую силу и богатство. Правительство это получало теперь свѣдѣнія о массѣ промысловъ, существующихъ въ Западной Европѣ, о громадныхъ размѣрахъ тамошней торговли, о проистекающемъ отсюда богатствѣ и у него естественно зарождалась мысль о томъ, какъ хорошо было бы завести такую промышленность и торговлю и у себя, насколько облегчило бы это достиженіе тѣхъ самыхъ задачъ, которыя теперь давались съ такимъ трудомъ, мысль,—составлявшая первый слабый намекъ на то сознаніе необходимости сближенія съ Западомъ, какое явилось въ Петровскую эпоху.

Но если подъ вліяніемъ впервые появившагося знакомства съ западными государствами легко было явиться мысли о сближеніи съ ними на поприщѣ торговли, то на пути къ осуществленію этой мысли лежали весьма серьезныя преграды. Торговля сухимъ путемъ была невозможна, такъ какъ съ одной стороны сухопутная торговля при тогдашнихъ путяхъ сообщенія была черезчуръ затруднена, а съ другой — и эти пути были закрыты враждебнымъ Москвѣ польскимъ государствомъ. Единственное же море, близко къ которому подходили московскія владѣнія,—Балтійское, находилось также въ рукахъ враждебныхъ государствъ: Ливоніи и Швеціи. Первыя же попытки болѣе оживленныхъ сношеній черезъ эти пути вызвали сильное противодѣйствіе. Великій князь Иванъ Васильевичъ началъ уже приглашать западныхъ мастеровъ, архитекторовъ, живописцевъ, пушкарей, но уже при внукѣ его Ливонскій орденъ воспрепятствовалъ повторенію такихъ приглашеній, задержавъ отправлявшихся въ Москву мастеровъ. Сосѣди Москвы слишкомъ хорошо понимали опасность усиленія ея средствами западнаго образованія и стремились помѣшать этому. Вмѣстѣ съ тѣмъ и торговля Москвы могла вестись только черезъ ливонскіе порты, гдѣ ее стѣсняли рядомъ тяжелыхъ условій. Въ 1554 году англичане открыли путь черезъ Бѣлое море къ Архангельску и завели торговлю съ русскими;

шведы тотчасъ же обратились къ англійской королевѣ съ просьбою прекратить эту торговлю. Англичане, конечно, не исполнили этой просьбы, но пользованіе этимъ торговымъ путемъ было тоже сопряжено съ рядомъ неудобствъ. Желая воспользоваться всѣми выгодами морской торговли, надо было искать болѣе близкихъ и удобныхъ портовъ, а такое желаніе было сильно у Московскаго правительства, подумывавшаго даже о заведеніи собственнаго флота.

Въ результатѣ этого желанія начата была война съ Ливоніей, завладѣть которой казалось не особенно труднымъ дѣломъ. Надежды на легкую добычу были однако обмануты: въ борьбу за Ливонію постепенно вступили одинъ за другимъ всѣ сосѣди и враги Москвы и подъ конецъ ей пришлось одновременно бороться на сѣверо-западѣ, западѣ и югѣ съ силами Швеціи, Польши и Крыма. Несмотря на всю тяжесть такой борьбы, московское правительство не отступило передъ нею и упорно вело ее, напрягая всѣ силы государства ради достиженія намѣченной цѣли. Жертвы оказались напрасными, цѣль не была достигнута и Москва вынуждена была отступить передъ соединенными силами своихъ враговъ, обладавшихъ бо́льшимъ искусствомъ и образованіемъ. Но и побѣжденная, разбитая Москва осталась вѣрна основному принципу своей политики, какъ вѣрна она была ему въ минуты полнаго успѣха: съ Польшей и теперь не было заключено мира, а лишь перемиріе на 10 лѣтъ.

Такимъ образомъ къ концу 16-го столѣтія въ вѣковой борьбѣ Литвы и затѣмъ Польши съ Москвою поляки получили перевѣсъ. Впервые со времени начала открытой борьбы Москва вынуждена была уступить захваченныя ею земли и даже поступиться своими собственными владѣніями. Исходъ Ливонской войны только отодвинулъ исполненіе тѣхъ плановъ, съ которыми она была начата, но въ то же время онъ долженъ былъ еще укрѣпить въ сознаніи московскаго правительства важность этихъ плановъ, долженъ былъ еще наглядне и осязательнѣе указать значеніе не только уже одной морской торговли и одной промышленности, но и всѣхъ тѣхъ техническихъ знаній, какими обладали западно-европейскіе народы, прежде всего конечно военнаго искусства, сыгравшаго такую печальную для Москвы роль въ исторіи этой войны. Истощенное, обезсиленное борьбою государство не отказывалось отъ возобновленія этой борьбы, но оно должно было понять, что тѣхъ средствъ, какими оно могло располагать, для нея недостаточно. Тѣ силы, передъ которыми не могли устоять татарскія царства, оказывались слишкомъ слабыми передъ европейскими постоянными арміями, стоявшими на высокой степени развитія военнаго искусства.

Таково было международное положеніе Московскаго государства въ данный періодъ. Цѣли, имъ себѣ поставленныя, связали

его съ политикою западно-европейскихъ державъ съ того времени, какъ достигнутое имъ могущество сдѣлало его извѣстнымъ послѣднимъ, и съ теченіемъ времени эти связи становились все прочнѣе и Москва готовилась вступить въ рядъ европейскихъ государствъ. Но самое сближеніе съ послѣдними, происходившее исключительно на почвѣ дипломатическихъ и торговыхъ сношеній, открывало московскому правительству глаза на недостатки страны и возбуждало въ немъ желаніе какъ можно скорѣе восполнить эти недостатки, ухватившись за тѣ же средства, которыя давали такіе богатые результаты въ западной Европѣ. Попытка сдѣлать это не удалась, Москва, можно сказать, завоевала Ливонію для Польши и Швеціи и не успѣла выполнить поставленныхъ задачъ. Она переходила въ 17-й вѣкъ съ тою же программой объединенія всей Руси путемъ отнятія ея отъ Литвы и борьбы съ мусульманскимъ могуществомъ на югѣ, но только событія 16-го столѣтія расширили фактически эту программу: вмѣсто Литвы передъ нею стояли теперь соединенныя польско-литовскія силы, а изъ-за потерявшаго свое старое значеніе крымскаго хана выдвигалось грозное видѣніе турецкаго могущества. Сверхъ того программа правительства дополнилась сознаніемъ отсталости Московскаго государства въ военномъ дѣлѣ и необходимости ради уничтоженія этой отсталости овладѣть приморскими мѣстностями, находившимися во владѣніи Швеціи. Большее сближеніе съ западной Европой, необходимость борьбы на три фронта ради достиженія цѣлей своей политики и смутное сознаніе нужды въ реформѣ военнаго дѣла — вотъ что вынесла Москва изъ своего опыта 16-го столѣтія.

8-я и 9-я ЛЕКЦІИ.

Политическія ученія въ Москвѣ 16-го вѣка.

Событія 15-го и 16-го вѣковъ, радикально измѣнившія строй Москвы, сдѣлавшія ее изъ удѣльнаго княжества русскимъ національнымъ государствомъ, должны были задать немалую работу общественной мысли, побуждая ее вдуматься въ новое положеніе и сдѣлать изъ фактовъ жизни теоретическіе выводы. Попытки къ этому и были сдѣланы съ двухъ противуположныхъ сторонъ.

Мы видѣли уже тѣ главныя политическія силы, какія ходомъ исторіи были сведены въ Москвѣ лицомъ къ лицу и долгое время совмѣстно работали надъ созданіемъ государства,—верховную власть великаго князя, позднѣе царя, и правительственный классъ боярства. Пока продолжалось созданіе Московскаго государства, представляя собою, повидимому, цѣль одинаково близкую для обѣихъ этихъ силъ, онѣ могли стоять рядомъ, не сталкиваясь другъ съ другомъ. Но съ достиженіемъ цѣли положеніе измѣнялось. Являлся вопросъ, какъ построить внутренній политическій порядокъ собраннаго государства, и на этотъ вопросъ каждая изъ сторонъ давала свой отвѣтъ. Сообразно этому создались двѣ главныя политическія теоріи, пытавшіяся опредѣлить на будущее отношенія этихъ двухъ силъ, дать нормы такихъ отношеній; одна изъ этихъ теорій была выработана стремленіями великихъ князей, другая шла изъ лагеря боярства.

Главными дѣятелями русской литературы того времени были лица духовныя, они же явились и главными проповѣдниками первой теоріи. Дѣло въ томъ, что русское духовенство, глава котораго до половины 15-го вѣка поставлялся въ Константинополѣ, находилось подъ сильнымъ вліяніемъ Византіи и, черпая оттуда ученіе церковное, вмѣстѣ съ тѣмъ проникалось и византійскими государственными идеями. Восточная же имперія выра-

ботала теорію о недосягаемой высотѣ императорскаго могущества, въ которомъ сосредоточивалась высшая свѣтская и духовная власть, теорію т. н. теократическаго абсолютизма. Уже очень рано отголоски этой теоріи появились на Руси, уже въ 12-мъ вѣкѣ русскіе духовные поучали, что власть земная установлена Богомъ и подобна Божеской власти, повторяя слова византійскихъ книжниковъ: «естествомъ бо земнымъ подобенъ есть всякому человѣку цесарь, властью же сана яко Богъ» или обращаясь къ князьямъ съ такими словами: «Богъ въ собе мѣсто избра васъ на земли и на своемъ престолѣ взнесъ, посадп; милость и животъ положи у тобе». На почвѣ русской дѣйствительности того времени эти отголоски византійскихъ теорій не могли имѣть однако никакого реальнаго примѣненія и не приносили никакихъ результатовъ. Но съ возвышеніемъ великокняжескаго достоинства и обращеніемъ его въ царское, воспитанное въ такихъ идеяхъ духовенство получило бо́льшую возможность ихъ пропаганды: князья не сажались болѣе на престолъ волею народа, не захватывали его путемъ прямаго насилія, а слѣдовали одинъ за другимъ въ порядкѣ единонаслѣдія, который легче можно было подвести подъ понятіе Богомъ установленнаго порядка. Къ этому присоединяется новое обстоятельство: въ то самое время, какъ Москва начала возвышаться быстрѣе, палъ Константинополь и паденію этому предшествовала Флорентинская унія. Въ Москвѣ взглянули на послѣднюю, какъ на измѣну православію. и этой измѣнѣ готовы были приписать и самое взятіе Царьграда турками. Русскій князь не принялъ уніи, привезенной въ Москву митрополитомъ Исидоромъ, послѣдній былъ свергнутъ и заточенъ, а на его мѣсто былъ выбранъ русскими іерархами безъ ссылки съ Константинополемъ новый митрополитъ. Флорентинская унія воспитала убѣжденіе, что православіе въ чистомъ своемъ видѣ сохранилось только на Руси, которая и должна теперь взять на себя его защиту и охрану. Противопоставленіе Московской Руси другимъ православнымъ царствамъ наполняло гордостью души московскихъ патріотовъ. «Сія убо вся благочестивая царствія, пишетъ одинъ изъ нихъ, греческое и сербское, басанское и арбанасское грѣхъ ради нашихъ Божіимъ попущеніемъ безбожнія Турци поплѣнила и въ запустѣніе положила и покорила подъ свою власть. Наша же Русійская земля, Божіею милостію и молитвами пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ чудотворецъ, растетъ и младѣетъ и возвышается. Ей же, Христе милостивый, даждь расти и младѣти и расширятися и до скончанія вѣка». Другой писатель-патріотъ, разсказывая о Флорентинскомъ соборѣ, влагаетъ въ уста императора Іоанна такія лестныя для Москвы слова: «яко восточніи земли суть большее православіе и высшее хрестьянство—Бѣлая Русь». Постепенно развиваясь, мысль объ утерянія греками чистоты вѣры

и о замѣнѣ въ этомъ отношеніи Византіи Москвою нашла себѣ наконецъ полное выраженіе въ сказаніи о трехъ Римахъ. Два было Рима, разсказывали московскіе книжники: первый увлекся въ ересь и палъ, второй—Византія—послѣ долгаго времени тоже свернулъ съ пути истины, измѣнилъ православію, отдался латинской ереси и въ наказаніе за это преданъ агарянамъ; на мѣстѣ соборной церкви Константина града воцарились мерзость и запустѣніе, а православная вѣра «испроказилась Махметовой прелестью отъ безбожныхъ турокъ». Прежнее значеніе этихъ двухъ Римовъ перешло на третій—Москву, гдѣ процвѣло благочестіе и возсіяла благодать, гдѣ вѣра сохранилась невредимой. Политическіе успѣхи Москвы ставились книжниками въ тѣсную связь съ сохранившимся въ ней правовѣріемъ и даже исключительно объяснялись послѣднимъ. При этомъ не трудно уже было сдѣлать и еще одно сближеніе: если съ паденіемъ православія въ Греціи, оно оставалось только въ Москвѣ, то съ уничтоженіемъ независимости Восточной имперіи роль императора въ православномъ мірѣ переходитъ на Московскаго государя. Это сближеніе и дѣйствительно было произведено и съ этого времени московскимъ князьямъ въ литературѣ начинаетъ все чаще присвоиваться титулъ царей, и являются даже предсказанія, что всѣ христіанскія царства сойдутся въ одно царство русское «православія ради». Начинаютъ одно за другимъ возникать сказанія, имѣющія цѣлью своей привести Москву и въ политическомъ отношеніи въ тѣсную связь съ Византіей, какъ легенда о Мономаховомъ вѣнцѣ и бармахъ, будто бы присланныхъ Владиміру Мономаху въ даръ отъ греческаго императора, или разсказъ о происхожденіи Рюриковичей отъ рода «кесаря Августа».

Но если эти и подобныя имъ литературныя сказанія, не имѣя подъ собою никакой реальной основы, не вели и ни къ какимъ серьезнымъ послѣдствіямъ и важны для насъ только какъ показатели непомѣрно развившейся подъ вліяніемъ политическихъ успѣховъ государства національной гордости московскаго общества, то въ дѣятельности духовенства, въ его пропагандѣ византійскихъ идей была и другая сторона, болѣе подходившая къ реальнымъ условіямъ жизни и потому болѣе оказавшая и вліянія, именно опредѣленіе внутренняго характера власти. Къ подробной и обстоятельной выработкѣ такого опредѣленія толкала и сама практика русской жизни, самые интересы духовенства, какъ сословія. Когда подъ вліяніемъ разростанія государственныхъ потребностей московское правительство для усиленія своихъ финансовыхъ средствъ вынуждено было налагать все большую тяжесть на общественные классы, то на почвѣ этихъ финансовыхъ интересовъ произошло столкновеніе двухъ группъ крупныхъ землевладѣльцевъ—духовенства и бояръ. Послѣдніе, стремясь облегчить свои имѣнія отъ податей, указывали

на громадныя земельныя имущества церкви и предлагали правительству отобрать ихъ и обратить на свои нужды путемъ раздачи служилымъ людямъ. Планъ этотъ нашелъ себѣ поддержку и въ части самого духовенства, у послѣдователей Нила Сорскаго, выходившихъ изъ нравственныхъ побужденій. Но болѣе значительная часть духовенства горячо возстала противъ экспропріаціи церковной собственности и старалась оградить свои права. Въ виду враждебнаго ей въ этомъ вопросѣ положенія боярскаго правительственнаго класса этой партіи оставалось только прибѣгнуть къ непосредственной защитѣ верховной власти, встать подъ ея покровительство и для того, чтобы послѣднее имѣло значеніе, постараться возвысить ея авторитетъ. Такъ и поступили «презлые и прелукавые осифлянскіе мнихи», какъ ихъ называли по имени одного изъ видныхъ вождей этой партіи, Іосифа Волоцкаго, враждебные имъ бояре. Они усердно взялись за разработку византійскихъ государственныхъ теорій и перенесеніе ихъ на русскую почву. Царь, согласно этому ученію, не только поставляется Богомъ, онъ по своей власти даже отожествляется съ нимъ. «Царь убо, писалъ самъ Іосифъ Волоцкій, естествомъ подобенъ есть всѣмъ человѣкамъ, властію же подобенъ вышнему Богу». Потому всякое сопротивленіе царю и его власти есть преступленіе и вмѣстѣ грѣхъ; царю должно повиноваться безпрекословно, такъ какъ онъ выше всѣхъ людей, должно исполнять его приказанія во всемъ, исключая только дѣлъ вѣры; но и въ этихъ послѣднихъ царь имѣетъ власть, такъ какъ онъ и можетъ, и обязанъ охранять православіе и казнить еретиковъ, нарушающихъ миръ церкви. Какъ верховный властитель надъ всѣми своими подданными, пользующійся неограниченною властью надъ ними, царь отвѣчаетъ передъ Богомъ за всѣ преступленія ихъ, ибо его обязанность была предупредить и пресѣчь ихъ. Личность и власть царей пріобрѣтали такимъ образомъ громадные размѣры: царь являлся своего рода земнымъ богомъ, и писатели іосифлянской школы дѣйствительно любили обращаться къ московскимъ князьямъ и царямъ со словами: «бози бо есте».

Теорія эта, противорѣчившая сложившемуся на практикѣ въ Москвѣ государственному порядку, была однако подсказана іосифлянскими духовными московскимъ государямъ въ такое время, когда у нихъ и безъ того начало уже складываться убѣжденіе въ неудобствѣ этого порядка, при которомъ имъ приходилось считаться съ аристократическими притязаніями боярства, когда они начали въ противовѣсъ служилой аристократіи выдвигать людей неродовитыхъ, говорившихъ: «государь аки Богъ». Естественно, что московскіе цари схватились за эту теорію и сдѣлали изъ нея всѣ посильные выводы въ примѣненіи къ государственной жизни Москвы. Тѣ общія положенія, какія ставили

духовные публицисты, были сведены на конкретную почву и примѣнены къ явленіямъ дѣйствительности царемъ-публицистомъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ въ его знаменитой перепискѣ съ Курбскимъ.

Въ перепискѣ этой передъ нами ярко выступаютъ два типичныхъ представителя двухъ различныхъ политическихъ теченій, столкнувшихся въ Москвѣ 16-го вѣка, — теоріи неограниченной царской власти и теоріи боярскаго правленія. Личное раздраженіе противниковъ, вызывающее на уста каждаго изъ нихъ колкости и оскорбленія, не должно мѣшать намъ за личностями разсмотрѣть тѣ идеи, во имя которыхъ они выступали и которыя и были основною причиной вражды.

Грозный царь въ полемикѣ съ бѣжавшимъ боярином крайне рѣзко и опредѣленно поставилъ вопросъ о власти государя. Послѣдній, по его мнѣнію, долженъ держать свое царство въ своей рукѣ и не давать владѣть имъ слугамъ своимъ; государство держится послѣ Бога государемъ, а не судьями и не воеводами. Ставя такое теоретическое положеніе, Иванъ Васильевичъ рѣшительно утверждаетъ, что такъ всегда и было въ Россіи. «Россійское самодержавство изначала сами владѣютъ всѣми царствы, а не бояре и вельможи»; «доселѣ, заявляетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, Русскіе владѣтели не истязуеми были ни отъ кого же, но повольны были подовластныхъ своихъ жаловати и казнити, а не судилися съ ними ни передъ кѣмъ». Въ этомъ заключается и отличіе русскаго православнаго государства отъ другихъ «безбожныхъ человѣковъ», гдѣ установились другіе порядки и верховная власть подверглась ограниченію. Въ Москвѣ никакихъ ограниченій царя не было и не могло быть: здѣсь царь владѣетъ подданными, а они должны быть подъ его властью, смиряться и выносить всѣ работы и наказанія, на нихъ налагаемыя. При своей безграничной власти царь не отвѣтственепъ ни передъ кѣмъ, кромѣ Бога, которому онъ даетъ отчетъ въ управленіи царствомъ и душами подданныхъ. Помимо историческаго обоснованія такой власти, помимо утвержденія, что она всегда была присуща его предкамъ, Иванъ Васильевичъ пускаетъ въ ходъ и другое доказательство, которое бы можно назвать этимологическимъ, заимствуя его изъ своего титула: «како же и самодержецъ наречется, спрашиваетъ онъ, аще не самъ строитъ?» Правя самъ государствомъ, царь пользуется безграничною властью надъ подданными и въ смыслѣ ихъ наказаній, руководясь и въ этомъ отношеніи исключительно своей волей. «А жаловати есмя своихъ холопей вольны, а и казнити вольны жъ есмя», гордо заявляетъ Грозный, отвѣчая на упреки Курбскаго въ казняхъ бояръ. Передъ такою громадною, безграничною властью личности подданныхъ совершенно стираются и они нисходятъ до положенія рабовъ, лишенныхъ всякихъ правъ. Царь такъ и называетъ

постоянно своихъ подданныхъ: рабами, работными, холопями. Холопъ безгласенъ передъ господиномъ, обязанъ служить ему и слушаться всякаго приказанія, но не смѣетъ противорѣчить, не можетъ ослушаться; такою въ представленіи Ивана Васильевича является и роль поддашныхъ по отношенію къ царю. Изъ этого общаго положенія онъ не исключаетъ и бояръ: они такіе же слуги и холопы, какъ и всѣ остальные, и государь пользуется надъ ними такою же полною властью. Говоря объ измѣнѣ Курбскаго, Грозный упрекаетъ его въ томъ, что онъ погубилъ этимъ поступкомъ не только себя, но и «всѣхъ прародителей души», «понеже Божіимъ изволеніемъ дѣду нашему, великому государю, Богъ ихъ поручилъ въ работу и они, давъ свои души, и до смерти служили, и вамъ, своимъ дѣтямъ, приказали служити и дѣда нашего дѣтемъ и внучатамъ». Будучи такими извѣчными холопями, искони самимъ Богомъ отданными въ работу князьямъ, бояре само собою не могутъ претендовать на какое-либо самостоятельное значеніе, ни тѣмъ менѣе на какія-нибудь права по отношенію къ царской власти. Потому претензіи бояръ на управленіе вызываютъ у Ивана IV гордый отвѣтъ, что онъ не хочетъ «быти работными своими владѣнну», ни рабы обладаему и повелѣнну быти». Какъ рабы, бояре обязаны служить царю неизмѣнно, какъ бы онъ съ ними ни обходился, выносить отъ него все и даже самую смерть съ покореніемъ и смиреніемъ, такъ какъ власть царя все равно, что власть Божіей десницы. Покорность и повиновеніе «отъ Бога данным владыкамъ» вѣчанный публицистъ противополагаетъ желанію бояръ «самовольствомъ самовластно жити» и право отъѣзда, за которое упорно держались бояре, получаетъ на его языкѣ названіе «злобѣснаго хотѣнія», «собацкаго измѣннаго обычая».

Въ такомъ видѣ выработала политическая мысль московскихъ государей теорію своей власти. Установленная самимъ Богомъ, власть эта, въ ихъ представленіи, не должна была имѣть никакихъ предѣловъ, не могла быть стѣснена никакими ограниченіями, кромѣ собственной воли царя, отвѣчающаго за всѣ свои дѣйствія единственно передъ Богомъ. Въ частности, по отношенію къ боярамъ существованіе такой власти отрицало всякія претензіи со стороны боярскаго класса на управленіе государствомъ помимо прямой воли на это царя и уничтожало всѣ вынесенныя изъ удѣльнаго періода права бояръ въ качествѣ вольныхъ слугъ князя, обращая ихъ въ холопей, обязанныхъ безпрекословно повиноваться каждому приказанію.

Совершенно иной видъ имѣла теорія политическаго устройства, вышедшая изъ боярскаго класса. Если московскіе цари охотно видѣли въ боярахъ не что иное, какъ своихъ слугъ, то послѣдніе не прочь были въ свою очередь напомнить царямъ, что ихъ династія не есть что-либо особое, что рядомъ съ ними

много стопть «единоплеменныхъ княжатъ, влекомыхъ отъ роду великаго Владиміра». Боярипъ, происходившій отъ такого рода, не считалъ себя ниже царя по происхожденію, видѣлъ въ династіи московскихъ Даниловичей родъ равный ему, но только успѣвшій собрать всю русскую землю и встать во главѣ ея благодаря счастливо сложившимся обстоятельствамъ и своимъ личнымъ качествамъ, къ слову сказать, многимъ боярамъ представлявшимся далеко незавидными. Князь Курбскій говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что онъ происходитъ отъ племени великаго князя Смоленскаго Федора Ростиславича и что того племени «княжата не обыкли тѣла своего ясти и крове братіи своей пити, яко есть нѣкоторымъ издавна обычай, яко первѣе дерзнулъ Юрій Московскій въ Ордѣ на святаго великаго князя Михайла Тверскаго, а потомъ и прочіе...» и бросаетъ въ лицо Ивану Васильевичу такое названіе Московской династіи: «тотъ вапъ издавна кровоимвственный родъ». Въ связи съ преданіями удѣльной независимости, сохранившимися у бояръ, перешедшихъ въ этотъ классъ изъ бывшихъ владѣтельныхъ князей, конечно не могло просыпаться особенно пріятныхъ чувствъ по отношенію къ Москвѣ, такую независимость рушившей. Стремленіе московской династіи поставить себя выше остальныхъ князей встрѣчалось со стороны послѣднихъ глухою враждебностью, выражавшеюся въ недовольствѣ появившеюся при дворѣ пышностью, новыми титулами государей. Курбскій не упускаетъ случая кольнуть Ивана Грознаго его «прегордымъ и царскимъ величествомъ», его «царской высотой» и въ то же время адресуетъ письма къ нему подъ простымъ старинпымъ титуломъ великаго князя Московскаго.

Относясь такъ враждебно къ новшествамъ, вводимымъ московскими государями, бояре выставляли свою теорію построенія отношеній между царемъ и ними. Видя въ себѣ вольныхъ слугъ государя, какими они были раньше, они продолжали признавать за собою вытекавшее отсюда право отъѣзда: Курбскій не видитъ измѣны въ бѣгствѣ своемъ въ Литву, не считаетъ совершеннаго имъ съ литовско-польскимъ войскомъ похода на московскія области преступленіемъ и старается только оградить себя отъ упрека въ разореніи храмовъ и веденіи войны сообща съ татарами. Другіе бѣглецы изъ Москвы, имена которыхъ приходилось уже упоминать, Тимофей Тетеринъ и Маркъ Сарыгозинъ, на упрекъ въ измѣнѣ отвѣчаютъ боярину Морозову: «были бы мы, господине, измѣнники тогда, коли бы мы, малыя скорби не претерпѣвъ, побѣжали отъ государева жалованья; а то, господине, и такъ виноваты, что не исполнили долго Христова слова и апостольскаго, и не бѣжали отъ гонителя, а побѣжали уже во многихъ нестерпимыхъ мукахъ и отъ поруганія ангельскаго образа». Побѣгъ, отъѣздъ—не есть измѣна, стало быть, особенно, когда онъ вызванъ дѣйствіями самого государя, оцѣнивать которыя могутъ

въ силу такого положенія сами подданные. Но такой пассивной оцѣнкой права бояръ не должны ограничиваться; они идутъ дальше и требуютъ себѣ доли участія въ управленіи государствомъ. «Самому царю, по словамъ князя Курбскаго, достоитъ быти во главѣ и любити мудрыхъ совѣтниковъ своихъ, яко свои уды», совѣтниками же такими долженъ быть не кто иной, какъ именно бояре. Приближеніемъ къ государю дьяковъ Курбскій остается недоволенъ между прочимъ именно потому, что ихъ князья избираютъ «отъ простаго всенародства». Бояре, собранные со всей земли русской, бывшіе въ значительномъ количествѣ еще недавно самостоятельными правителями отдѣльныхъ частей этой земли, должны сдѣлаться исключительными пособниками царя въ дѣлѣ управленія страною, составить изъ себя замкнутый правительственный классъ, который, стоя подъ верховенствомъ царя, дѣлилъ бы съ нимъ власть. При такой точкѣ зрѣнія сравненіе царя съ Богомъ, практиковавшееся такъ усердно духовными іосифлянами, для бояръ представляется дерзкимъ богохульствомъ, которое можетъ вызвать жестокое наказаніе. Если цари настойчиво собирали всю власть себѣ, то бояре старались отстоять часть ея и для себя, увѣряя, что царь долженъ править не самъ, а лишь чрезъ посредство совѣтниковъ—бояръ. Не вся боярская партія, противная іосифлянамъ, держалась впрочемъ исключительныхъ взглядовъ князя Курбскаго на «всенародство»; нѣкоторые, по крайней мѣрѣ, изъ ея членовъ допускали возможность участія въ дѣлѣ управленія и всего народа, но не въ той формѣ бюрократіи, какую начало практиковать московское правительство 16-го столѣтія, а въ формѣ всенародныхъ совѣщательныхъ собраній—земскихъ соборовъ. Самъ Курбскій, такъ враждебно и высокомѣрно относящійся къ вышедшимъ изъ простонародья дьякамъ, въ то же время могъ высказать и такое положеніе: «Царь аще и почтенъ царствомъ, а дарованій которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ искати добраго и полезнаго совѣта не только у совѣтниковъ, но и у всенародныхъ человѣкъ, понеже даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной». Гораздо яснѣе и обстоятельнѣе разработано это же положеніе въ любопытномъ политическомъ памфлетѣ времени Грознаго, называющемся «Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ» и вышедшемъ очевидно изъ среды духовенства, именно той его части, которая была враждебна іосифлянамъ и примыкала въ церковномъ отношеніи къ ученію Нила Сорскаго, а въ политическихъ взглядахъ своихъ къ боярамъ. Авторъ этого памфлета рекомендуетъ такой образъ правленія: «царю достоитъ... съ бояры о всемъ совѣтовати, крѣпко-накрѣпко думати». Но одними боярами онъ не ограничивается и идетъ далѣе, не только признавая земскій соборъ, но и высказывая желаніе, чтобы соборъ этотъ обратился въ постоян-

ное учрежденіе, составъ котораго обновлялся бы ежегодно новыми выборами. Духовенство, по мысли автора, должно благословить «царя на таковое дѣло благое—на единомысленный вселенскій совѣтъ и съ радостію царю воздвигнути и отъ всѣхъ градовъ своихъ и отъ уѣздовъ градовъ тѣхъ, безъ величества и безъ высокоумныя гордости, съ христоподобною смиренною мудростію, безпрестанно всегда держати погодно при себѣ и на всякъ день ихъ добрѣ и добрѣ распроспти царю самому про всякое дѣло міра». Свѣдѣнія, полученныя отъ земскаго собора, помогутъ царю знать все, что дѣлается въ государствѣ, и, давая возможность контролировать дѣятельность висшихъ властей, помогутъ привести царство въ хорошее состояніе.

Итакъ политическія ученія, зародившіяся въ средѣ боярства, вели къ тому, чтобы съ одной стороны признать за боярами права, которыя они имѣли въ удѣльномъ времени, а съ другой ограничить власть царя, будетъ ли это ограниченіе совершено въ пользу одного боярскаго класса, или и другихъ слоевъ населенія, причемъ однако само боярство, въ соотвѣтствіе со своими аристократическими тенденціями, стремилось сохранить за собою значеніе по преимуществу правительственнаго класса Выраженіемъ этого порядка вещей, желаннаго для бояръ, должно было стать обязательное для царя участіе въ управленіи государствомъ боярской думы.

Разсматривая эти главныя политическія теченія московской жизни впродолженіе 16-го столѣтія, не трудно замѣтить, что хотя каждое изъ нихъ и стремилось опереться на старину, но въ сущности ни одно изъ нихъ не было во всѣхъ своихъ частяхъ воплощеніемъ старинпаго или дѣйствующаго порядка вещей. Въ самомъ дѣлѣ московская государственная жизнь за это время не знала еще той высоты царской власти, на какую возвела ее теорія іосифлянъ, воспринятая Грознымъ: самъ царь Иванъ Васильевичъ, хотя и выдвигалъ худородныхъ людей, но тѣмъ не менѣе управлялъ государствомъ преимущественно черезъ бояръ и въ самомъ разгарѣ борьбы съ боярствомъ, раздѣливъ государство на земщину и опричнину, во главѣ первой поставилъ все тѣхъ же родовитыхъ бояръ. Точно также на практикѣ долженъ былъ признавать онъ и всѣ мѣстническія притязанія бояръ и подчинять имъ до нѣкоторой степени свои собственные взгляды. Равнымъ образомъ и боярскія теоріи лишь отчасти основывались на существовавшей практикѣ: дума боярская являлась главнымъ органомъ управленія, боярство было, дѣйствительно, правительственнымъ классомъ, но этотъ порядокъ поддерживался пока лишь въ силу обычая, а не по какому-нибудь обязательству московскихъ государей. Уже отчасти этотъ порядокъ начиналъ и нарушаться, въ думу проникали лица, къ боярскому классу не принадлежавшія, въ качествѣ думныхъ дьяковъ, рядомъ съ правительственнымъ

боярскимъ классомъ выростала приказная администрація, захватывавшая въ свои руки часть управленія, самые мѣстническіе счеты понемногу начинали ограничиваться. Что же касается боярскихъ привилегій удѣльнаго времени, то онѣ были уже безповоротно сломлены московскою государственной жизнью; самыя попытки построить цѣльное политическое ученіе возникли изъ этихъ нарушеній подъ опасеніемъ еще большей ломки прежнихъ порядковъ, ломки, при которой боярство осталось бы въ полномъ убыткѣ.

Такимъ образомъ московское общество къ концу 16-го вѣка выработало различныя политическія ученія, изъ которыхъ одно ставило основнымъ своимъ догматомъ полную неограниченность царской власти, другое же пыталось ограничить ее путемъ обязательнаго для нея участія въ управленіи боярскаго класса и даже другихъ слоевъ населенія. Между этими столь различными по идеѣ своей ученіями необходимо должна была возникнуть борьба и она частью разразилась уже въ кровавыхъ событіяхъ времени Грознаго, частью же продолжалась путемъ медленнаго процесса созданія бюрократіи, начало котораго мы уже видѣли, и въ 17-мъ вѣкѣ.

Умственное состояніе русскаго народа въ 16-мъ вѣкѣ. Прежде, чѣмъ мы перейдемъ теперь къ обзору тѣхъ измѣненій, какія произошли въ общественномъ и политическомъ строѣ жизни русскаго народа въ слѣдующемъ столѣтіи, оглянемся еще на одну сторону его жизни, на умственное его состояніе. Тѣ политическія обстоятельства, которыя повліяли на выработку государственнаго типа великорусскаго народа, быть можетъ еще въ болѣе значительной степени обусловили собою его умственное направленіе. Я подразумѣваю здѣсь прежде всего татарское нашествіе. До 13-го вѣка Русь находилась въ сношеніяхъ, хотя и не особенно оживленныхъ, съ Западной Европой и хотя принятіе вѣры изъ Греціи при самомъ уже выступленіи русскихъ на историческое поприще положило нѣкоторую грань между ними и западными народами, тѣмъ не менѣе эта грань не выступала за предѣлы религіи. Дѣло измѣнилось съ момента завоеванія Руси татарами. Съ одной стороны благодаря этому завоеванію порвалась всякая связь съ западными народами, съ другой стремленіе освободиться отъ чужеземнаго и вмѣстѣ иновѣрческаго ига повышало религіозное сознаніе, придавало ему характеръ исключительности, въ то самое время, когда благодаря направленію всѣхъ усилій народа на политическую организацію съ цѣлью отстоять свою самостоятельность, слабѣло и падало просвѣщеніе. Я сказалъ раньше уже, что главными дѣятелями нашей литературы включительно до 16-го вѣка были лица духовныя; къ этому можно прибавить, что и все просвѣщеніе носило тотъ же духовный, религіозный характеръ. Все оно сводилось первоначально къ грамотности и

чтенію священныхъ книгъ или же книгъ общаго духовнаго характера, проповѣдей и т. п. Такъ было и вездѣ, но западноевропейскіе народы успѣли въ дальнѣйшемъ развитіи выработать себѣ свѣтскую литературу, а затѣмъ и свѣтскую науку. У насъ до татарскаго нашествія были начатки первой, послѣ него еще сократившіеся, второй же не было совсѣмъ и послѣ вплоть до 16-го столѣтія и еще и позже. Мало того, и самое духовное образованіе послѣ нашествія пошло на убыль, обществу, напрягавшему всѣ силы для борьбы, некогда было заниматься наукой, сношенія съ тѣмъ центромъ, откуда она приходила къ намъ— Константинополемъ были затруднены. Съ 15-го вѣка мы начинаемъ встрѣчать постоянныя жалобы на паденіе и того скуднаго образованія, какое имѣлось на Руси; церковные іерархи заявляютъ, что имъ приходится ставить въ священники людей, которые «едва грамотѣ умѣютъ», плохо читаютъ священныя книги, а писать уже и совсѣмъ не могутъ. А рядомъ съ этимъ національно-религіозная исключительность принимаетъ все болѣе широкіе размѣры, все болѣе рѣзкія очертанія. Находясь до конца 15-го вѣка подъ владычествомъ татаръ, относясь къ нимъ съ понятнымъ враждебнымъ чувствомъ, русскій народъ привыкъ противополагать имъ себя не только въ племенномъ, но и въ религіозномъ отношеніи, привыкъ отличать себя какъ православныхъ христіанъ отъ «поганыхъ», «басурмановъ», привыкъ наконецъ понимать себя, какъ именно защитника христіанства отъ этихъ басурмановъ. Въ концѣ 15-го вѣка самый тяжелый актъ борьбы съ татарами былъ законченъ, владычество ихъ надъ Русью сломлено, но то чувство, съ какимъ велась эта борьба раньше, осталось. Мало того, оно распространилось теперь еще и въ другую сторону. Нарушенная въ 13-мъ вѣкѣ связь съ Западомъ не могла быть возстановлена по уничтоженіи татарскаго ига: между Западомъ и Русью стояло литовско-польское государство, отношенія къ которому у Московской Руси вслѣдствіе указанныхъ раньше причинъ были враждебны. На борьбу съ этимъ государствомъ, хотя и христіанскимъ, но также иновѣрческимъ, московскіе люди, привыкшіе къ національной и религіозной нетерпимости, поддерживаемой и византійскими внушеніями, перенесли тѣ взгляды на себя и своихъ противниковъ, какіе они выработали въ борьбѣ съ магометанами. Католики также стали получать названіе «поганыхъ» въ устахъ москвичей, самое общеніе съ ними начинаетъ считаться грѣхомъ, въ Кормчихъ начинаютъ появляться подъ видомъ будто бы «заповѣди св. апостоловъ и отцевъ» правила, подобныя слѣдующему: «аще въ суднѣ (сосудѣ) будетъ латина ѣла, то, измывши, молитва сотворити и у латинской церкви не стояти».

Политическіе успѣхи Московскаго княжества прибавляютъ къ этой нетерпимости новый оттѣнокъ — гордости. Подъ вліяніемъ этихъ успѣховъ московскіе люди начинаютъ считать себя выше

другихъ людей, свое государство лучше всѣхъ другихъ. Иностранцевъ, знакомившихся съ русскимъ бытомъ въ 16-мъ вѣкѣ, особенно поражала эта черта. Одинъ изъ нихъ, Ульфельдъ, такъ отзывается о видѣнныхъ имъ русскихъ: «какъ они горды, можно видѣть изъ того, что все, что ни сказали бы они, считаютъ вѣрнымъ и непреложнымъ; мало того, они не терпятъ противорѣчій въ разсужденіяхъ, безъ всякаго порядка, необдуманно выливаютъ все, бросаются туда и сюда, какъ попадетъ на мысль, и не удостоиваютъ выслушать другихъ, перебиваютъ слова». Московскій патріотизмъ, возбужденный удачами Москвы, доходилъ до самаго пренебрежительнаго отношенія ко всѣмъ другимъ народностямъ, до представленія о чужихъ земляхъ, какъ исполненныхъ только грѣха и соблазна, лишенныхъ свѣта истиннаго ученія. При томъ религіозномъ направленіи, которое, какъ мы видѣли, приняла народная мысль, и патріотизмъ этотъ разыгрывался на той же религіозной почвѣ, обращаясь въ своего рода кичливость своимъ православіемъ, предполагавшую презрѣніе ко всѣмъ ему непричастнымъ, полное отчужденіе отъ нихъ. «Россіяне, особливо знатнаго рода, пишетъ другой иностранецъ, Беръ, бывшій въ Москвѣ въ самомъ началѣ 17-го столѣтія, согласятся скорѣе уморить, нежели отправить сьоихъ дѣтей въ чужія земли; развѣ царь ихъ принудитъ. Они думаютъ, что одна Россія есть государство христіанское, что въ другихъ странахъ обитаютъ люди поганые, некрещеные, невѣрующіе въ истиннаго Бога, что ихъ дѣти навсегда погубятъ свою душу, если умрутъ на чужбинѣ между невѣрными, и только тотъ идетъ прямо въ рай, кто скончаетъ жизнь свою на родинѣ». Такой взглядъ на чужія земли достигъ своего апогея, когда въ его районъ были включены не только католическія и протестантскія страны, но и та православная Греція, изъ которой христіанство перешло на Русь. Со времени флорентинской уніи въ Москвѣ стали смотрѣть на грековъ, какъ на измѣнниковъ православію, приступившихъ къ латинской вѣрѣ и за то преданныхъ въ руки агарянъ, стали упрекать грековъ, что ихъ вѣра «испроказилась Махметовой прелестью», и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно утвердился взглядъ на Московское государство, какъ на единственное истинно православное, гдѣ свѣтъ вѣры сіяетъ не помраченный никакими ересями, гдѣ сохранилось настоящее просвѣщеніе.

Взглядъ этотъ, какъ я уже сказалъ, выросъ и воспитался на почвѣ политическихъ успѣховъ Москвы. Но онъ касался собственно иной сферы. Находилъ ли онъ себѣ оправданіе и подтвержденіе въ ней, въ умственномъ состояніи народа, вѣрны ли были эти толки о хранящемся въ Москвѣ истинномъ просвѣщеніи? Дѣло было не совсѣмъ-то такъ. И въ русской церкви до 16-го вѣка были ереси, но онѣ, впрочемъ, были скоро подавлены спохватившейся духовной іерархіей при помощи свѣтской

власти. Опасность для русской церкви шла съ другой стороны. Начавшееся въ 15-мъ столѣтіи паденіе просвѣщенія продолжалось и потомъ, еще поддерживаемое тою исключительностью, о которой сейчасъ была рѣчь. Собственныхъ ученыхъ силъ не было, заимствовать ихъ отъ другихъ, даже отъ грековъ, опасались, чтобы не исказить чистоты вѣры. А между тѣмъ отсутствіе высшаго просвѣщенія обусловливало собою и паденіе низшаго. Государство не имѣло возможности заняться дѣломъ народнаго просвѣщенія энергически, такъ какъ его отвлекали вопросы иные, относившіеся къ защитѣ границъ, частными же усиліями народное образованіе не могло развиваться тамъ, гдѣ отсутствовала высшая наука. Поэтому втеченіе всего 16-го столѣтія мы продолжаемъ встрѣчать все усиливающіяся жалобы церковныхъ іерарховъ на жалкое и ничтожное образованіе низшаго духовенства. А духовенство состояло еще изъ наиболѣе образованныхъ людей. Тогда на почвѣ крѣпнущаго невѣжества развивается вырожденіе религіознаго чувства, обращеніе его исключительно на одну форму, обрядность. Уже подъ 1476 г. вы можете прочесть въ 4-й Новгородской лѣтописи такую запись: «той же зимы нѣкоторыи философове начаша пѣти: «О Господи помилуй», а друзіи: «Господи помилуй». Если это разногласіе, даже не заслуживающее такого имени, заносилось въ лѣтопись, какъ важное событіе, то легко себѣ представить, какой убогостью отличалась мысль того времени. Съ теченіемъ времени обрядность развивалась все болѣе и болѣе, оттѣсняя на задній планъ живое пониманіе религіозныхъ истинъ. Перелистывая Домострой, памятникъ 16-го вѣка, вы найдете тамъ очень много обрядово-религіозныхъ совѣтовъ (какъ ставить иконы, класть поклоны и т. д.), встрѣтите нѣсколько практическихъ наставленій нравственнаго характера, но не встрѣтите ни одной глубокой религіозной мысли, ни одного даже объясненія догмата. Разъ пойдя въ этомъ направленіи, народная мысль вскорѣ поставила обрядовую сторону религіи очень высоко, какъ нѣчто, имѣющее самостоятельное значеніе. Начинаются споры о томъ, два или три раза пѣть аллилуія, двумя или тремя пальцами креститься и т. д. Благодаря же невѣжеству не только извращаются и передѣлываются старые обряды, но и создается рядъ новыхъ, иногда очень близко подходящихъ къ языческимъ воззрѣніямъ, еще не совсѣмъ исчезнувшимъ изъ народной жизни, какъ напр. заговоры или сильно напоминающія ихъ призыванія святыхъ на всякій случай. Предписываются напр. подобныя правила: «аще плаваеши въ ладіи, помяни святаго ангела Гавріила и избавитъ тя отъ всякаго зла; аще хощеши идти по горамъ или по пустынямъ, помяни святаго ангела Разаила, соблюдетъ тя: аще воду піеши, помяни святаго ангела Нопля; егда ложася спати, помяни святаго ангела Помаила»... и т. д. вплоть до предписанія поминать особаго ан-

гела, когда пьешь пиво или медъ, идешь судиться или отправляешься на пиръ.

Эти проявленія невѣжества и обрядности, дошедшей до суевѣрія, само собою останавливали на себѣ вниманіе болѣе просвѣщенныхъ и мыслящихъ людей московскаго общества, вызывали у нихъ желаніе исправить зло, но такое исправленіе было очень трудно въ виду непомѣрнаго національнаго самомнѣнія. На тѣхъ людей даже православнаго Востока, которые могли бы принести свѣтъ образованія, въ Москвѣ готовы были смотрѣть, какъ на еретиковъ, и то же самомнѣніе въ связи съ уваженіемъ къ обрядности заставляло видѣть неприкосновенную драгоцѣнность въ каждой буквѣ священной книги, во всякой подробности обряда. Характерна въ этомъ смыслѣ исторія Максима Грека. Ученый аѳонскій монахъ, онъ пріѣхалъ въ Москву и здѣсь ему поручили просмотръ и исправленіе книгъ церковныхъ, испорченныхъ невѣжественными переписчиками. Одинъ изъ приставленныхъ къ Максиму писцовъ разсказывалъ впослѣдствіи, что великій ужасъ и трепетъ объялъ его, когда Максимъ велѣлъ ему загладить, т. е. вычеркнуть нѣсколько строкъ въ одной книгѣ, вставленныхъ туда переписчикомъ. Великій ужасъ и трепетъ охватывали большую часть московскаго общества всякій разъ, какъ оно видѣло покушеніе измѣнить что-либо въ родной «святой старинѣ». При такихъ условіяхъ проникновеніе образованія въ среду этого общества, образованія, которое не могло быть своимъ и которое въ то же время неизбѣжно должно было посягнуть на создавшіеся взгляды, не могло обойтись безъ борьбы. Борьба эта необходимо приняла бы трагическій характеръ, такъ какъ подозрительное отношеніе московскихъ людей ко всему чужому, заподозриваніе этого чужаго въ еретичествѣ столкнулось бы съ тѣмъ отрицаніемъ, какое должны были вызвать расцвѣтшія на московской почвѣ невѣжество и суевѣріе.

Въ такомъ видѣ переходило московское государство въ слѣдующій вѣкъ своей исторіи. Оглядываясь на общій его характеръ за это время, мы замѣтимъ, что общей цѣли—созданія и защиты государства въ немъ приносились въ жертву интересы и отдѣльныхъ личностей, и цѣлыхъ общественныхъ классовъ. Цѣль эта тяжело ложилась на населеніе и такая тяжесть естественно вызывала въ значительной части его неудовольствіе, стремленіе избавиться отъ нея. Такое стремленіе выражалось бѣгствомъ, но чѣмъ больше становилась тяжесть, тѣмъ сильнѣе выростало это стремленіе и тѣмъ болѣе энергическій, активный характеръ пріобрѣтало оно. Къ концу 16-го вѣка населеніе было уже страшно обремепено жертвами, какихъ требовало отъ него государство; недовольство назрѣло и ожидало только случая вырваться наружу. Такой случай представился, когда со смертью Ѳедора Ивановича окончилась династія Даниловичей. Отдѣльные

классы, отдѣльныя области, наконецъ даже отдѣльныя личности попытались вырваться изъ-подъ тяжести стараго порядка и такъ началось смутное время или то, что современники называли «великой розрухой Московскаго государства». Бояре пытаются добыть себѣ политическія льготы, крестьяне и посадскіе поднимаются, чтобы освободиться отъ тяжести податей, цѣлыя области признаютъ надъ собою инозем ную власть. Но московскій порядокъ установился не по прихоти одного какого-либо лица и не могъ быть опрокинутъ такъ легко. Сознаніе національнаго единства проникло слишкомъ глубоко въ умы народа и дѣло, совершавшееся до тѣхъ поръ правительствомъ въ союзѣ съ народомъ, было возстановлено однимъ народомъ, когда правительство пало подъ напоромъ смуты. Великое народное движеніе, освободившее Москву отъ поляковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ подавило и тѣ частныя стремленія, которыя были основною причиною «великой розрухи», но, если эти стремленія и не осуществились, то все-таки самая розруха оказала немалое вліяніе на дальнѣйшее развитіе государственныхъ началъ Москвы.

10-я ЛЕКЦІЯ.

Измѣненія правительственнаго строя за первую половину 17-го вѣка.

Великое потрясеніе Московскаго государства, извѣстное въ нашей исторіи подъ названіемъ «Смутнаго времени», не осталось безъ серьезнаго и продолжительнаго вліянія на внутреннія и внѣшнія отношенія страны. Тѣ частные интересы отдѣльныхъ областей и отдѣльныхъ классовъ общества, которые и были основною причиною смуты, были, правда, подавлены, но это сдѣлалось не силою центральнаго правительства, а волею всей русской земли, выразившеюся въ собраніи земскихъ ополченій для освобожденія Москвы отъ поляковъ и въ земскихъ соборахъ, занявшихся устроеніемъ государства послѣ избавленія его отъ внѣшнихъ враговъ. Достигнутое Москвою къ концу 16-го вѣка единство русской земли было дорого народу и, когда въ эпоху великой розрухи это единство, казалось, готово было разрушиться благодаря возстанію отдѣльныхъ лицъ, областей и классовъ, когда подъ напоромъ этого возстанія пало правительство, обратившись въ игрушку партій, тогда народъ поднялся по собственной иниціативѣ и поддержалъ колеблющееся государство. Но одного избавленія отъ внѣшнихъ враговъ было мало: нужно было залѣчить послѣдствія смуты, придать силу и крѣпость потрясенной государственной власти, и эту задачу также долженъ былъ взять на себя самъ народъ. Она и была имъ выполнена въ лицѣ его представителей, собиравшихся въ Москву на совѣтъ всей земли, на земскіе соборы. Сообразно этому значеніе послѣднихъ получаетъ болѣе широкіе размѣры сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ.

Подъ вліяніемъ созыва представителей земли для рѣшенія важныхъ дѣлъ уже въ 16-мъ вѣкѣ появляется мысль, что такихъ дѣлъ и нельзя рѣшать безъ этого созыва, безъ участія всего

народа. Когда при Федорѣ Ивановичѣ польскіе послы предлагали въ Москвѣ заключить вѣчный миръ между Польшей и Московскимъ государствомъ, бояре отвѣчали на это: «это дѣло великое; государю нашему надобно совѣтоваться о томъ со всею землею: сперва съ митрополитомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, а потомъ съ боярами и со всѣми думными людьми, со всѣми воеводами и со всею землею». Мысль о необходимости участія всей земли въ формѣ земскаго собора нашла себѣ еще болѣе полное осуществленіе при прекращеніи московской династіи. Дѣло избранія новаго государя могло быть совершено только этимъ собраніемъ и къ нему оно и перешло. Поставленіе Бориса Годунова было произведено выборными изъ всего государства, спеціально для этого приглашенными въ Москву. Сознаніе неизбѣжности такого порядка, невозможности выбора царя не всѣмъ народомъ выразилось и въ тѣхъ упрекахъ, которые дѣлались ц. Василію Шуйскому Ляпуновымъ съ товарищами, укорявшими его въ томъ, что онъ поставленъ на царство неправедно, одними только боярами да московскими людьми безъ выборныхъ изъ городовъ и уѣздовъ. Самъ ц. Василій пытался защититься отъ нападенія Ляпунова, указывая, что нельзя свести его съ царства безъ большихъ бояръ и безъ всей земли, т. е. безъ земскаго собора; за послѣднимъ, стало быть, онъ признавалъ такое право. Отъ признанія за соборами права избранія государя на престолъ оставался дѣйствительно только одинъ, хотя и очень крупный, шагъ до признанія за ними права и на уничтоженіе такого избранія, на смѣщеніе разъ избраннаго царя. Такой шагъ и былъ дѣйствительно сдѣланъ подъ вліяніемъ бурныхъ событій смутнаго времени московской государственной практикой: послѣ произведеннаго Василіемъ Шуйскимъ и другими боярами возмущенія противъ Лжедимитрія I и убійства послѣдняго отправленъ былъ посолъ въ Польшу, чтобы объяснить эти событія. Онъ указывалъ на то, что Лжедимитрій оказался самозванцемъ и своими дѣйствіями возстановилъ противъ себя народъ; и еслибы онъ былъ даже и истинный царевичъ, заключилъ посолъ, то противъ воли народа сѣсть на престолъ онъ бы не могъ. Смѣщеніе съ престола Василія Ивановича Шуйскаго послужило вторичнымъ подтвержденіемъ права населенія уничтожать выборъ царя, въ данномъ случаѣ, впрочемъ, незаконный.

При послѣдовавшемъ затѣмъ полномъ отсутствіи царской власти управленіе государствомъ сосредоточилось было въ рукахъ боярской думы, но она не успѣла организовать сильнаго правительства и избавить страну отъ бѣдствій междуусобія. Тогда за это дѣло взялось непосредственно само общество, обратившись къ выработанной уже формѣ своего участія въ управленіи. Предводители поднявшагося изъ Н. Новгорода ополченія, кн. Пожарскій и Козьма Мининъ, разсылаютъ по городамъ грамоты съ

приглашеніемъ выступить на защиту общаго народнаго дѣла, выслать ополченцевъ и казну и вмѣстѣ прислать «человѣка по два, по три» выборныхъ для составленія земскаго правительства. Города приняли приглашеніе и при ополченіи составился земскій соборъ, который и управлялъ всѣми внутренними дѣлами и внѣшними сношеніями вплоть до взятія Москвы. Тогда этотъ соборъ былъ распущенъ и вмѣстѣ разосланы были грамоты, призывавшія населеніе прислать выборныхъ людей на новый соборъ, который долженъ былъ заняться избраніемъ царя и устроеніемъ государства. На этомъ-то соборѣ 7 февраля 1613 г. состоялось избраніе на престолъ Михаила Федоровича Романова; но и послѣ того соборъ не былъ распущенъ. Однимъ актомъ выбора царя не кончалась внутренняя неурядица: предстояло покончить запутанныя внѣшнія дѣла, успокоить взволнованное государство и засѣданія собора продолжаются болѣе двухъ лѣтъ. Вслѣдъ за распущеніемъ его созванъ былъ царемъ новый, также продолжавшійся нѣсколько лѣтъ, и такая непрерывная соборная дѣятельность продолжается втеченіе всей первой половины царствованія Михаила. Втеченіе второй половины его созывъ соборовъ начинаетъ перемежаться болѣе значительными промежутками, такъ какъ и важныхъ дѣлъ становится меньше и правительство пріобрѣтаетъ бо́льшую прочность и увѣренность въ себѣ. Тѣмъ не менѣе ни одно важное дѣло внѣшней и внутренней политики Михаилова царствованія не обошлось безъ участія собора. Что же представляли изъ себя эти соборы и каково было ихъ значеніе въ жизни государства? Отвѣтъ на эти вопросы дастъ намъ разсмотрѣніе порядка созыва и дѣятельности соборовъ.

Созывался земскій соборъ царемъ путемъ грамотъ, разсылавшихся по городамъ и заключавшихъ въ себѣ приглашеніе прислать въ Москву выборныхъ для совѣта. Въ городѣ или области, получившихъ призывную грамоту, каждый «чинъ», какъ они назывались на московскомъ оффиціальномъ языкѣ, или, употребляя современное выраженіе: каждый классъ общества, избиралъ своихъ представителей: дворяне и дѣти боярскіе — особо, гости и торговые люди — особо, посадскіе — особо. Число выборныхъ обыкновенно опредѣлялось въ царской грамотѣ для каждаго класса и мѣстности, но избиратели могли прислать и дѣйствительно присылали иногда и больше назначеннаго числа; нарушеніемъ порядка считалась только присылка меньшаго количества противъ условленнаго. Къ выбраннымъ въ областяхъ и въ Москвѣ людямъ присоединялась боярская дума и соборъ духовенства, преимущественно высшаго (низшее являлось иногда въ качествѣ выборныхъ представителей), и всѣ они вмѣстѣ и составляли земскій соборъ. Это было т. о. соединеніе высшихъ правительственныхъ учрежденій съ народнымъ представительствомъ; послѣднее являлось полнымъ, такъ какъ въ немъ

участвовали всѣ классы населенія. Нѣкоторое исключеніе составляли только крестьяне, о присутствіи которыхъ въ качествѣ членовъ собора мы имѣемъ только два прямыхъ свидѣтельства: но это было результатомъ особыхъ условій. Крестьяне владѣльческіе не участвовали въ соборахъ, какъ лица, вставшія уже въ извѣстную зависимость отъ своихъ владѣльцевъ, черные же крестьяне, преобладавшіе преимущественно въ населеніи сѣверныхъ областей, составляли благодаря земскимъ учрежденіямъ ц. Ивана Грознаго одинъ общины съ городскимъ чернымъ населеніемъ, съ посадскими, и потому, можно думать, послѣдніе являлись на соборѣ и представителями крестьянъ. Избранные представители получали письменный «наказъ», согласно которому они и должны были дѣйствовать на соборѣ. Издержки ихъ путешествія и содержанія въ Москвѣ оплачивались избирателями. Это послѣднее условіе часто дѣлало слишкомъ тяжелымъ участіе въ соборѣ и избиратели старались облегчить его, посылая выборныхъ меньше назначеннаго числа или же и совсѣмъ не посылая. Чтобы предотвратить такое уклоненіе отъ выбора представителей, центральное правительство возлагало на мѣстныя власти обязанность слѣдить за производствомъ выборовъ и принимать мѣры къ пополненію числа выборныхъ; нерѣдко такимъ мѣстнымъ властямъ приходилось пускать въ ходъ и весьма энергическія мѣры, вродѣ разсылки по уѣзду пушкарей за неявляющимися на избирательный съѣздъ дворянами или назначенія выборныхъ своею властью.

Когда къ назначенному сроку выборные люди отъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства съѣзжались въ Москву, соборъ открывался общимъ засѣданіемъ въ присутствіи царя; на засѣданіи этомъ читалась самимъ царемъ или отъ его имени думнымъ дьякомъ тронная рѣчь, въ которой сообщалась цѣль созыва собора и излагались тѣ вопросы, какіе правительство передавало на его обсужденіе. Послѣ того члены собора дѣлились на «статьи» по классамъ и разрядамъ составлявшихъ его лицъ (бояре, духовенство, служилые люди, гости, посадскіе), причемъ классы богато представленные, также раздѣлялись на нѣсколько статей, и каждая статья, получивъ письменный экземпляръ тронной рѣчи, должна была обсудить заключавшіяся въ ней предложенія и подать на нихъ письменное же мнѣніе. Каждая статья производила такое обсужденіе отдѣльно, но въ томъ случаѣ, если нѣсколько статей вполнѣ сходились въ его результатахъ, онѣ подавали обыкновенно одно общее мнѣніе; въ свою очередь каждый отдѣльный членъ собора могъ подать свое особое мнѣніе. Когда всѣ такія мнѣнія были поданы, прекращалась и дѣятельность собора, если со стороны правительства не слѣдовало новыхъ предложеній. Окончательный приговоръ по разбиравшемуся вопросу принадлежалъ уже не собору, а царю съ бояр-

ской думой, и правительство рѣшало его, только принимая къ свѣдѣнію мнѣніе собора, но не обязательно ему слѣдуя, хотя на практикѣ то и другое въ большинствѣ случаевъ, конечно, совпадало. Но помимо представленія своихъ мнѣній по предложеннымъ правительствомъ вопросамъ выборные люди могли и сами возбуждать тѣ или иные вопросы, путемъ ли выставленія ихъ только на видъ при обсужденіи другихъ или путемъ подачи правительству челобитныхъ съ просьбами о томъ или другомъ распоряженіи. Такъ, на соборѣ 1642 г., созванномъ для рѣшенія вопроса о войнѣ съ Турціей, дворяне требовали уравненія податей и повинностей съ имуществъ бояръ и духовенства, указывали на необходимость контроля надъ расходованіемъ государственныхъ суммъ и заявляли, что они «разорены пуще Турскихъ и Крымскихъ басурмановъ Московскою волокитою и отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ». Гости на томъ же соборѣ указывали на вредъ, наносимый торговлѣ привилегіями иноземцевъ и злоупотребленіями мѣстныхъ властей, говоря, что «торговые люди обнищали и оскудали до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ». Само правительство созывало иногда соборъ для того, чтобы члены его могли «разсказать про неправды и разоренія», и затѣмъ пользовалось этими разсказами для того, чтобы принять мѣры противъ неправдъ. «Вѣдомо намъ учинилось,—писалъ царь въ такихъ случаяхъ,—что въ городахъ воеводы и приказные люди... всякимъ людемъ чинятъ насильства и убытки, и продажи великія и посулы и кормы емлютъ многіе», и такія злоупотребленія запрещались грамотами. Выборные люди въ своихъ челобитьяхъ не ограничивались обыкновенно однимъ указаніемъ непорядковъ, они предлагали правительству и тѣ мѣры, посредствомъ какихъ государство могло быть, по ихъ мнѣнію, приведено въ лучшее состояніе, и многія изъ этихъ мѣръ находили себѣ осуществленіе въ правительственныхъ указахъ. Исполненіе этихъ челобитій было такъ же необязательно для царя, какъ и слѣдованіе мнѣніямъ собора по вопросамъ, предложеннымъ ему на обсужденіе, и какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ правительство не всегда и выполняло желанія представителей. Но въ силу естественнаго хода вещей такое выполненіе въ большинствѣ случаевъ являлось необходимымъ для правительства: рисковано было начинать войну, когда члены земскаго собора заявляли, что трудно будетъ собрать для нея деньги и войско, трудно было не удовлетворить просьбы того или другаго разряда лицъ о защитѣ его отъ лихоимства, о болѣе правильномъ распредѣленіи среди его членовъ государственныхъ обязанностей и т. д. Правительство ради достиженія своихъ финансовыхъ и государственныхъ цѣлей должно было стремиться удовлетворить нужды населенія и принимать постоянно во вниманіе всѣ его потребности.

Въ силу этого земскіе соборы при частыхъ созывахъ ихъ дѣлаются составною частью правительства и занимаютъ мѣсто рядомъ съ царемъ и его думой. Значеніе ихъ въ принципѣ осталось тѣмъ же, какимъ было и въ первое время ихъ существованія, они продолжаютъ носить по преимуществу совѣщательный характеръ, но напряженныя условія государственной жизни и шаткость правительства на практикѣ расширяютъ это значеніе: всѣ дѣла внутренней и внѣшней политики рѣшаются по совѣту соборовъ, они обсуждаютъ всѣ новыя мѣры правительства и имъ во многихъ случаяхъ принадлежитъ и инициатива законодательства въ формѣ подаваемыхъ царю челобитныхъ. Мало того, земскій соборъ, какъ представитель всей земли, всего народа, даваль санкцію самой верховной власти. Роль его въ этомъ смыслѣ, усвоенная имъ втеченіе смутнаго времени, не прекратилась съ моментомъ выбора Михаила Федоровича. По смерти его, какъ свидѣтельствуетъ Котошихинъ, «мало время минувше... всякихъ чиновъ люди... на царство обрали сына его», несмотря на то, что этотъ сынъ, Алексѣй Михайловичъ, являлся единственнымъ наслѣдникомъ. Такимъ образомъ право избранія остается за соборомъ даже при наличности законнаго наслѣдника, но избраніе Алексѣя Михайловича было единственнымъ и послѣднимъ случаемъ пользованія этимъ правомъ при такой обстановкѣ: со второй половины 17-го столѣтія значеніе соборовъ начинаетъ быстро падать въ московской государственной жизни подъ вліяніемъ измѣнившихся условій.

По составу своему земскіе соборы 16-го и первой половины 17-го вѣка не были собраніями сословными, такъ какъ и самыхъ сословій въ это время не существовало еще въ Московскомъ государствѣ, но въ то же время не были и представительными учрежденіями въ томъ видѣ, какъ они существуютъ въ новѣйшихъ государствахъ. Выборные люди отдѣльно избирались каждымъ классомъ общества, отдѣльно по классамъ совѣщались и подавали свое мнѣніе, но дробность самихъ классовъ, отсутствіе строгаго распредѣленія между ними правъ исключало сословность и не давало выработаться и сословному представительству. Пока чины Московскаго государства различались между собою только родомъ служенія государству, да нѣкоторыми служебными привилегіями, до тѣхъ поръ государственное дѣло въ большинствѣ случаевъ представлялось имъ дѣломъ общимъ. Исключенія изъ этого обусловливались только преимущественнымъ родомъ занятій того или другаго класса и въ виду такихъ исключеній бывало, что правительство, собираясь рѣшить напр. вопросъ о привилегіяхъ иноземнымъ купцамъ, созывало для совѣта не земскій соборъ, а лишь однихъ гостей, которыхъ этотъ вопросъ касался наиболѣе. Но пока держался старый строй

московскаго общества, подобные случаи могли быть только частными исключеніями.

Итакъ благодаря испытаннымъ государствомъ потрясеніямъ значеніе земскаго собора, служившаго въ 16-мъ столѣтіи посредникомъ между правительствомъ и населеніемъ, увеличивается. Пріобрѣтя въ эпоху междуцарствія значеніе высшей правительственной власти, онъ и при царскомъ правительствѣ остается необходимою его составною частью втеченіе всей первой половины 17-го вѣка и пользуется на практикѣ широкимъ правительственнымъ и законодательнымъ авторитетомъ, по прежнему сплачивая отдѣльныя части государства и вмѣстѣ являясь представителемъ всего народа.

Въ то самое время, какъ измѣнялось такимъ образомъ значеніе земскихъ соборовъ, происходили—и отчасти въ связи съ этимъ—измѣненія въ положеніи другаго элемента московскаго правительства—боярскаго класса. Уже царствованіе Ивана Грознаго съ его безчисленными казнями, съ его опричниной пробило многія бреши въ этомъ еще недавно столь плотномъ классѣ: много княжескихъ и боярскихъ фамилій было истреблено безъ остатка, многія, у которыхъ были отняты имѣнія, опустились въ низшіе ряды служилыхъ людей и не могли уже подняться. Стремясь охранить себя отъ повторенія такихъ порядковъ, боярство попыталось провести на практикѣ зародившіеся у него планы ограниченія верховной власти. При Борисѣ это ему не удалось, оно поплатилось новыми казнями и подняло противъ Годунова самозванца. Но и этотъ царь не оправдалъ ожиданій бояръ и былъ свергнутъ. Бояре поторопились выбрать новаго царя, который бы смотрѣлъ изъ ихъ рукъ и, получивъ отъ нихъ власть, согласился формально ее ограничить. Такимъ царемъ и явился Василій Шуйскій, который, вступивъ на престолъ, цѣловалъ крестъ и далъ запись боярамъ, что ему «не осудя истиннымъ судомъ съ боярами своими, никого смерти не предавать, вотчинъ, дворовъ и имѣнія у братьевъ, жены и дѣтей преступника не отнимать, если они не виноваты, доносовъ ложныхъ не слушать, но изслѣдовать всякое дѣло какъ можно обстоятельнѣе, а ложныхъ доносчиковъ казнить, смотря по винѣ, какую взвели на другаго». Путемъ этой записи, передававшей судъ надъ боярами въ руки боярской думы и обезпечивавшей членовъ боярскаго класса отъ безпричинной опалы, бояре думали отстоять свое положеніе и удержать правленіе въ своихъ рукахъ. Но уже при Грозномъ успѣлъ окончательно сложиться классъ низшихъ служилыхъ людей, возвышаемыхъ царемъ по заслугамъ, классъ враждебно относившійся къ притязаніямъ боярской аристократіи. Эти служилые люди—дворяне свергли Шуйскаго, опасаясь, что при боярскомъ избранникѣ имъ не будетъ хода и боярство отгородитъ отъ нихъ власть. Позднѣе часть

ихъ приняла участіе въ избраніи королевича Владислава и представитель дворянства—Салтыковъ—составилъ условія договора, на которыя долженъ былъ согласиться Владиславъ предъ вступленіемъ на московскій тронъ. Условія эти очень любопытны, вскрывая передъ нами настроеніе этой части московскаго общества. Ограниченіе царской власти нашло себѣ мѣсто и здѣсь, но съ инымъ характеромъ, чѣмъ въ записи Шуйскаго. Помимо установленія неприкосновенности вѣры, условія, вызваннаго призваніемъ государя—иноземца, здѣсь провозглашаются личныя и имущественныя права всѣхъ жителей Московскаго государства; всѣ они судятся только по закону и наказываются только по суду. Далѣе власть царя ограничивается боярской думой, съ которой онъ рѣшаетъ всѣ дѣла текущаго управленія и законодательства, и земскимъ соборомъ, безъ котораго нельзя ни измѣнить старыхъ законовъ, ни установить новыхъ основныхъ. Наконецъ, прибавляются еще два характерныя условія: по первому—всѣ служилые люди возвышаются по своимъ заслугамъ, но не по степени знатности, по второму—всѣ жители Московскаго государства получаютъ право выѣзжать за границу для науки. Въ такомъ видѣ договоръ этотъ былъ заключенъ 4 февраля 1610 г. подъ Смоленскомъ, но, представленный вслѣдъ за тѣмъ боярамъ, онъ былъ нѣсколько измѣненъ ими. Они уничтожили именно двѣ послѣднія статьи его и прибавили одну новую: «Московскихъ княжескихъ и боярскихъ родовъ пріѣзжими иноземцами въ отечествѣ и въ чести не тѣснить и не понижать».

Такимъ образомъ въ интересахъ служилаго класса произошло существенное разъединеніе: въ то время, какъ большіе бояре, члены великихъ родовъ стремятся отстоять и упрочить свое политическое положеніе путемъ законодательнаго утвержденія правъ боярской думы и сохраненія мѣстничества, средній слой служилыхъ людей, пытаясь самъ проникнуть къ власти, желаетъ уничтоженія мѣстничества. Нечего и говорить, что низшіе слои служилаго класса еще менѣе хотѣли бы сохраненія мѣстническихъ порядковъ. Боярству приходилось считаться съ этимъ враждебнымъ для него теченіемъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Бури смутнаго времени значительно расшатали прежнія общественныя перегородки: много боярскихъ жизней, еще больше имуществъ было унесено этими бурями, и плотный прежде классъ сильно порѣдѣлъ. Говоря словами Котошихина, «прежніе большіе роды князей и бояръ многіе безъ остатку миновалися». На мѣсто ихъ, этихъ большихъ родовъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе сидѣвшихъ въ государевой думѣ и за государевымъ столомъ, выдвинулись и поднялись новыя фамиліи, лишенныя тѣхъ политическихъ преданій, тѣхъ завѣтовъ, которыми обладали ихъ предшественники. Въ эпоху смуты поляки упрекали москвичей, что теперь по ихъ грѣхамъ у нихъ государствомъ мужики пра-

вять, и въ этихъ словахъ была доля правды. Новые люди занимаютъ опустѣлыя мѣста среди боярской знати и это продолжается втеченіе всего 17-го вѣка. Эти новые люди, поднявшіеся изъ низшихъ слоевъ служилаго класса, не имѣютъ никакого интереса охранять мѣстническія преданія боярства, которыя для нихъ были бы прямо невыгодны, и сила послѣдняго постепенно падаетъ.

Такое паденіе произошло не сразу. Когда поднявшійся противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ народъ выбралъ на земскомъ соборѣ царемъ Михаила Федоровича Романова, бояре имѣли еще столько силы, чтобы попытаться и даже успѣть ограничить и его власть. Объ этомъ прямо говоритъ свидѣтельство Котошихина: «какъ прежніе цари послѣ царя Ивана Васильевича обираны на царство, и на нихъ были иманы письма, чтобъ имъ быти не жестокимъ и не опальчивымъ... и мыслити о всякихъ дѣлахъ съ бояры и съ думными людьми собча, а безъ вѣдомости ихъ явно и тайно никакихъ дѣлъ не дѣлати». Такимъ образомъ правительственный авторитетъ думы и личныя права ея членовъ еще разъ нашли себѣ формальное подтвержденіе. Но при выборѣ царя Алексѣя Михайловича такого ограниченія царской власти уже не состоялось, какъ объясняетъ тотъ же Котошихинъ, потому, что его считали слишкомъ мягкимъ и добрымъ человѣкомъ. Въ этомъ случаѣ однако московскій подъячій оказался слишкомъ близорукимъ, не подмѣтивъ внутренней связи имъ же сообщаемыхъ фактовъ. Съ минованіемъ большихъ боярскихъ родовъ, съ пополненіемъ рядовъ боярства новыми людьми необходимо падала вся политическая программа его, основанная на сохраненіи чести отдѣльныхъ родовъ и управленіи государствомъ черезъ ихъ посредство. Новые люди, возвысившіеся вопреки этой программѣ, протиснувшіеся въ боярскіе ряды съ нарушеніемъ чести старинныхъ родовъ, не могли, конечно, защищать ее: они вносили съ собой тотъ принципъ возвышенія по заслугамъ, который въ 16-мъ вѣкѣ примѣнялся только къ дьякамъ и дворянамъ, на высшія ступени служебной лѣстницы и, не найдя въ этомъ поддержки среди стараго боярства, тѣмъ тѣснѣе примкнули къ царской власти. Проповѣдь этого принципа уже очень рано проникаетъ въ среду боярства. Въ началѣ 17-го вѣка происходилъ мѣстническій споръ кн. Лыкова-Оболенскаго съ нѣкіимъ Пильемовымъ. Когда первый, доказывая свои преимущества, указалъ на то, что отецъ Пильемова былъ на неважной должности городничаго, Пильемовъ поставилъ противъ этого любопытное возраженіе. Замѣтивъ, что городничимъ онъ посланъ былъ въ опалѣ, онъ прибавилъ, что иные большіе роды бывали и хуже городничихъ, городовыми прикащиками, а нынѣ царскою милостію въ боярахъ сидятъ. «Все то дѣлается, сказалъ онъ въ заключеніе, Божіимъ милосердіемъ да государевымъ

призрѣньемъ: великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ». Иными словами это то же, что говорилъ въ 16-мъ вѣкѣ Васька Грязный: «государь и мала велика чинитъ», полное отрицаніе всякаго самостоятельнаго значенія служилыхъ людей; только теперь это отрицаніе изъ самыхъ низшихъ слоевъ ихъ добралось и до высшихъ. Боярскій классъ распался подъ вліяніемъ съ одной стороны невзгодъ, постигшихъ его въ борьбѣ съ отдѣльными государями и въ бурныя времена смуты, и съ другой—напора низшихъ служилыхъ людей, пробивавшихся къ власти, но могшихъ ее получить только отъ особы государя. Боярству не удалось осуществить своихъ притязаній на самостоятельное политическое значеніе и ограниченіе царской власти въ свою пользу. Съ уничтоженіемъ этихъ притязаній и боярская дума теряетъ свое прежнее значеніе и изъ политической силы обращается въ органъ управленія, и все правительство теряетъ свой прежній аристократическій характеръ, становясь чисто - монархическимъ.

Т. о. втеченіе первой половины 17-го столѣтія происходятъ крупныя перемѣны въ правительственномъ строѣ Москвы: съ одной стороны заканчивается начатая въ 16-мъ вѣкѣ борьба между царями и аристократіей въ пользу первыхъ и правительственный классъ окончательно пріобрѣтаетъ характеръ бюрократіи, съ другой выдвигается впередъ и пріобрѣтаетъ большое значеніе народное представительство благодаря исключительно тяжелому положенію государства.

11-я и 12-я ЛЕКЦІИ.

Международное положеніе и внѣшняя политика Московскаго государства въ 17 вѣкѣ.

Невзгоды Смутнаго времени оказали сильное вліяніе и на внѣшнее положеніе Московскаго государства. За время царствованій Федора Ивановича и Бориса Годунова оно начало было поправляться отъ послѣдствій тяжелаго удара, нанесеннаго ему совокупными силами сосѣдей при Грозномъ, и московская политика, пользуясь установленіемъ враждебныхъ отношеній между Швеціей и Польшей, заняла было наступательное положеніе по отношенію къ обоимъ этимъ государствамъ, но наступившая внутренняя «розруха» сразу отняла у нея всѣ благопріятные шансы въ борьбѣ. Москвѣ приходилось думать не о наступленіи, а о защитѣ собственныхъ областей, которыя представлялись теперь легкой добычей для сосѣдей. Послѣдніе и не замедлили воспользоваться такимъ положеніемъ: шведы захватили Новгородъ и нѣсколько другихъ городовъ, поляки пошли еще дальше, намѣреваясь присоединить къ Польшѣ все Московское государство путемъ поставленія на его тронъ королевича Владислава или самого короля Сигизмунда. Со времени окончательнаго соединенія Литвы и Польши и успѣховъ Стефана Баторія въ борьбѣ съ Грознымъ отношенія польско-литовскаго государства къ московскому измѣнились: первое, получивъ перевѣсъ въ борьбѣ надъ вторымъ, стало стремиться къ полному овладѣнію имъ и этому стремленію способствовалъ и религіозный фанатизмъ, насажденный въ это время въ Польшѣ іезуитами; обращеніе Московскаго государства въ католичество и присоединеніе его къ Польшѣ дѣлаются цѣлью польскихъ патріотовъ и достиженіе ея казалось для нихъ возможнымъ благодаря воцарившейся въ Москвѣ неурядицѣ. Разсчеты эти оказались невѣрными: какъ только московскіе люди замѣтили замыслы Польши, какъ только они увидали, что кандидатура ко-

ролевича Владислава на московскій престолъ является лишь предлогомъ къ подчиненію Москвы Польшѣ и что Сигизмундъ хочетъ удержать власть за собой, они поднялись противъ поляковъ и успѣли отстоять свою независимость. Тѣмъ не менѣе Москва вышла изъ этой борьбы далеко не полной побѣдительницей. Правительство новаго царя не могло обойтись безъ жертвъ и уступокъ сильнымъ врагамъ: за отказъ Владислава отъ Московской короны Польша получила Смоленскую область и волости Сѣверскую и Велижскую. Швеція также удержала въ своихъ рукахъ часть Московскаго государства, получивъ по Столбовскому договору приморскую область съ городами Ямами, Копорьемъ, Ивангородомъ и Орѣшкомъ. Такъ разыгравшаяся въ Московскомъ государствѣ «великая розруха» ослабила внѣшнее могущество государства, подорвала его силу и значеніе и оторвала отъ него часть его территоріальныхъ пріобрѣтеній. Такимъ образомъ правительству представлялась прежде всего задача возвращенія оторванныхъ областей. Съ этою цѣлью оно начало новую войну съ Польшей въ 1632 г., но эта война была рѣшительно неудачна для него. Послѣ ряда пораженій московскихъ войскъ былъ заключенъ въ 1634 г. вѣчный миръ въ Поляновѣ. Неудачи вынудили московское правительство отступиться наконецъ отъ стараго принципа, въ силу котораго считалось невозможнымъ заключеніе мира съ Польшей, пока за нею оставались русскія области, но, и уступая силѣ несчастныхъ обстоятельствъ, Москва все-таки не хотѣла окончательно отказываться отъ своихъ притязаній и, несмотря на всѣ требованія поляковъ, за царемъ остался титулъ царя всея Руси, напоминавшій, что претензіи Москвы все еще живы, и ясно указывавшій на непрочность вѣчнаго мира.

Послѣдній, дѣйствительно, продержался всего только 20 лѣтъ. Къ этому времени на помощь Москвѣ явились тѣ русскія области, изъ-за которыхъ и шелъ споръ, и помогли ей возобновить борьбу. Польское государство того времени успѣло слить въ одну массу высшіе классы покоренныхъ областей, ополячивъ дворянство Литвы и Руси, и стремилось произвести такое же слитіе и низшихъ классовъ. Главнымъ средствомъ для этого являлось обращеніе ихъ въ католичество, уничтоженіе вѣроисповѣдныхъ различій между русскими и поляками и, чтобы достигнуть этого, прибѣгали ко всевозможнымъ средствамъ, начиная съ подкупа церковной іерархіи, создавшаго унію, и кончая жестокими насиліями при обращеніи въ нее. Гоненіе на національность и вѣру соединилось съ развившимся въ то время въ польскомъ государствѣ крѣпостнымъ гнетомъ и попытки установить въ южно-русскихъ областяхъ крѣпостное право въ тѣхъ же широкихъ размѣрахъ, въ какихъ оно существовало въ остальной Польшѣ, прибавили къ назрѣвшимъ уже вопросамъ національному и религіоз-

ному вопросъ соціальный. Соединеніе этихъ трехъ видовъ гнета оказалось слишкомъ достаточно для вызова серьезнаго сопротивленія. Малорусскій народъ поднялъ возстаніе противъ польскаго владычества и втеченіе нѣкотораго времени успѣшно отстаивалъ свою самостоятельность. Но какъ ни многочисленны были козацкіе полки, какой слѣпой яростью ни были одушевлены крестьянскія массы Малороссіи, они скоро не въ силахъ оказались противостоять силамъ литовско-польскаго государства и вождь возставшаго народа, Зиновій Богданъ Хмѣльницкій, обратился въ Москву съ просьбой о защитѣ и предложеніемъ подчиненія Малороссіи власти московскихъ царей. Представлялся т. о. случай нарушить заключенный вѣчный миръ и снова приняться за дѣло соединенія русскихъ земель, притомъ уже съ бо́льшими надеждами на успѣхъ. Правительство царя Алексѣя Михайловича и не замедлило воспользоваться этимъ случаемъ: послѣ нѣкоторыхъ дипломатическихъ церемоній оно изъявило Хмѣльницкому согласіе на принятіе въ подданство Малороссіи. Составлены были условія присоединенія: право полнаго самоуправленія оставалось за малорусскимъ народомъ, вся войсковая старшина, соединявшая въ себѣ и военныхъ начальниковъ и гражданскихъ чиновниковъ, вплоть до гетмана, избиралась войскомъ. Финансы также оставлены были въ старомъ положеніи, сборъ податей производился мѣстными малорусскими властями и только уже собранныя поступали онѣ въ казну государя. Изъ этихъ сборовъ должно было производиться и жалованье козацкому реестровому войску, численность котораго опредѣлена была въ 60.000 человѣкъ. Наконецъ, за Малороссіей оставлено было и право иностранныхъ сношеній, при чемъ было установлено, что въ томъ случаѣ, когда послы приходятъ къ гетману съ добрыми вѣстями, онъ самъ принимаетъ и отпускаетъ ихъ, когда же они приходятъ съ вѣстями плохими, онъ обязанъ задержать ихъ и извѣстить московскаго государя. Сохраняя т. о. свое управленіе, свое войско, законодательство и финансы, имѣя право непосредственныхъ сношеній съ иностранными правительствами, Малороссія оставалась въ сущности самостоятельнымъ государствомъ, соединеннымъ съ Московскимъ только посредствомъ династической уніи. Но когда Хмѣльницкій и другія малороссійскія власти пожелали, чтобы Алексѣй Михайловичъ присягнулъ въ неизмѣнномъ исполненіи этихъ условій, имъ отвѣчали отказомъ: «Подданные обязаны присягать, былъ отвѣтъ московскихъ пословъ, царское же слово перемѣнно не бываетъ», и гетманъ долженъ былъ удовольствоваться этимъ.

Такое присоединеніе Малороссіи составляло новое явленіе въ практикѣ Московскаго государства: до сихъ поръ присоединявшіяся области не только подчинялись государю, но и входили въ составъ самаго государства, не сохраняя никакихъ особыхъ правъ. Теперь рядомъ съ Москвою становилось другое государство, под-

чиненное власти того же царя, но сохранявшее весь свой самобытный строй, и притомъ не по милости царской, а по договору. Позднѣе мы увидимъ, къ чему повело такое присоединеніе въ ходѣ внутренней жизни присоединенной страны, теперь же остановимся только на тѣхъ послѣдствіяхъ, какія непосредственно вытекли изъ него для Московскаго государства.

Присоединить Малороссію, находившуюся въ возстаніи противъ Польши, нельзя было безъ войны съ послѣдней. Неполное писаніе царскаго титула въ польскихъ грамотахъ, изданіе въ Польшѣ книгъ оскорбительныхъ для московской гордости, и притѣсненія православныхъ въ русскихъ областяхъ, принадлежавшихъ Польшѣ, послужили достаточными предлогами для разрыва вѣчнаго мира. Война, веденная одновременно московскими войсками, во главѣ которыхъ всталъ самъ царь, и Хмѣльницкимъ, была сперва удачна. Почти вся Литва была завоевана, Вильна была взята царемъ и успѣхи московскаго оружія облегчены были еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ то же время на Польшу поднялись и шведы. Но затѣмъ разгорѣвшееся соперничество между Швеціей и Москвою измѣнило ходъ войны. Алексѣй Михайловичъ заключилъ перемиріе съ Польшей и обратилъ свои силы противъ Швеціи, довольно неудачно однако. Тѣмъ временемъ Польша успѣла нѣсколько оправиться и новая война съ ней была далеко уже не такъ удачна, тѣмъ болѣе, что въ Малороссіи возникло неудовольствіе на Москву. Значительная часть малорусскихъ старшинъ и народа не хотѣла полнаго разрыва съ Польшей, а желала только встать къ ней въ тѣ отношенія, какія установлены были между Малороссіей и Москвой Хмѣльницкимъ, или же стремилась къ полной независимости своей родины. По смерти Хмѣльницкаго партіи въ Малороссіи выступили опредѣленнѣе: страна по правую сторону Днѣпра, правобережная Украйна, потянула къ Польшѣ, выбравъ себѣ особаго гетмана, а лѣвобережная осталась за Москвой. Попытки централизаціи со стороны московскаго правительства повели къ тому, что и лѣвый берегъ взволновался и готовъ былъ признать власть Польши. Въ виду всѣхъ этихъ затрудненій московское правительство рѣшилось покончить войну съ Польшей, не добившись окончательнаго соединенія русскихъ земель, и въ 1667 г. заключено было Андрусовское перемиріе, по которому Днѣпръ дѣлался границей между польскимъ и московскимъ государствами и послѣднее получало еще Кіевъ на 2 года, по истеченіи которыхъ обязывалось отдать его Польшѣ. Но и этимъ перемиріемъ борьба не кончилась: малороссы не могли примириться съ договоромъ, которымъ, по ихъ словамъ, «государи разорвали на части Украйну». Выразителемъ національныхъ стремленій явился гетманъ Дорошенко. Собственными силами Малороссія не могла, однако, держаться противъ силъ Москвы и Польши, надо было искать покровителя. Изъ четырехъ державъ,

предложенныхъ въ роли такихъ покровителей Богданомъ Хмѣльницкимъ на Переяславской радѣ, Москва и Польша оказались неспособными удержать за собою всю Малороссію, оставалось неиспробованнымъ покровительство крымскаго хана и турецкаго султана. Дорошенко и рѣшилъ отдаться послѣднему, какъ сильнѣйшему, разсчитывая съ его помощью объединить всю Украйну. Султанъ принялъ это подданство и такъ возникла у Москвы борьба изъ-за Малороссіи съ новымъ врагомъ, Турціей. Мы видѣли, что уже въ 16-мъ вѣкѣ Турція пыталась вступить въ борьбу съ Москвой изъ-за покоренія послѣдней мусульманскихъ царствъ: теперь ей представилось болѣе удобное и близкое поприще борьбы. Въ свою очередь Москва, принявшая на себя значеніе главы православнаго міра, получала постоянно извѣстія, что христіане, живущіе подъ владычествомъ Турціи, готовы возстать противъ нея, если у нихъ появятся московскія войска. Для такихъ широкихъ политическихъ задачъ Москва не была еще подготовлена, она ограничилась пока только защитой Малороссіи и въ этомъ имѣла успѣхъ. Турецкія войска успѣли опустошить правый берегъ Днѣпра, но затѣмъ принуждены были отступить и правобережная Украйна опять признала власть московскаго царя въ 1674 г. При этомъ подтверждены были условія Богдана Хмѣльницкаго съ однимъ измѣненіемъ: Малороссія теряла впредь право сношеній съ иностранными государствами и московское правительство только сообщало ей то изъ переговоровъ съ ними, что ея касалось.

Такимъ образомъ втеченіе 17-го вѣка районъ задачъ внѣшней политики Московскаго государства существенно расширяется: борьба съ польско-литовскимъ государствомъ пріобрѣтаетъ, благодаря отпаденію отъ него Малороссіи, особенно напряженный характеръ, борьба съ Швеціей, начавшаяся въ концѣ 16-го вѣка, становится періодической, вслѣдствіе захвата ею русскихъ областей и стремленія Москвы овладѣть Ливоніей, наконецъ расширеніе границъ государства на югъ даетъ возможность осуществиться непосредственной борьбѣ съ Турціей, государствомъ, стоявшимъ въ естественномъ антагонизмѣ съ Московскимъ. Въ результатѣ московскому правительству приходится почти постоянно, за малыми промежутками, вести войны со своими сосѣдями и большинство этихъ войнъ оказываются для него неудачными. Послѣднее обстоятельство и не удивитъ насъ, если мы оглянемся на состояніе сосѣдей Москвы.

16-й вѣкъ въ исторіи Западной Европы былъ вѣкомъ крупныхъ переворотовъ. Давно подготовлявшееся паденіе феодальнаго хозяйства совершилось, наконецъ, подъ вліяніемъ развитія всемірной торговли и введенія въ обращеніе значительнаго количества денегъ, мѣсто его заняло хозяйство денежное и создавшійся торговый капиталъ быстро преобразовалъ общественныя и госу-

дарственныя отношенія. Преобразованія эти существенно отразились, между прочимъ, и въ военномъ строѣ государствъ Запада: мѣсто старыхъ феодальныхъ войскъ заступили постоянныя регулярныя арміи, хорошо вооруженныя и обученныя. Московское государство уже въ концѣ 16-го вѣка испытало всю силу этой перемѣны въ рядѣ понесенныхъ имъ пораженій и, стремясь уравновѣсить свои боевыя силы съ силами сосѣдей, въ 17-мъ вѣкѣ начало быстро увеличивать свою армію: за это столѣтіе численность арміи возрастаетъ въ 2—3 раза и стоимость ея содержанія въ 3—4 раза.

При такомъ расширеніи района внѣшней борьбы, какое ожидало Московское государство въ 17-мъ вѣкѣ, средства его для этой борьбы не только соотвѣтственно не увеличились, но еще скорѣе уменьшились. Когда послы отъ земскаго собора прибыли къ избранному на царство Михаилу Федоровичу Романову и матери его съ извѣстіемъ объ избраніи, Михаилъ и мать его, инокиня Марфа, «съ великимъ гнѣвомъ и плачемъ» говорили посламъ, что онъ на государствѣ «быти не хочетъ», а она его «не благословляетъ». «Московское государство», по словамъ Марфы, «разорилось до конца, прежнія сокровища царскія, изъ давнихъ лѣтъ собранныя, литовскіе люди вывезли», дворцовыя села и черныя розданы въ помѣстья служилымъ людямъ, а служилые люди бѣдны; «и кому повелитъ Богъ быти государемъ-царемъ, и ему, будучи на Московскомъ государствѣ, чѣмъ служилыхъ людей жаловати, свои государевы обиходы полнити и противъ пограничныхъ государей стояти?» Смутное время имѣло, дѣйствительно, своимъ результатомъ сильное разореніе государства. Не только была истощена и расхищена, «изъ давнихъ лѣтъ собранная», государева казна, но что гораздо важнѣе, разореніемъ страны отъ безчисленныхъ набѣговъ своихъ и чужихъ войскъ въ значительной степени подорвано было народное хозяйство. Между тѣмъ расходы при постоянныхъ почти войнахъ были непомѣрно велики; два года первой польской войны при Алексѣѣ Михайловичѣ обошлись государству въ 1.300.000 р. на тогдашнія деньги. Когда, такимъ образомъ, потребности государства расширились, а средства къ ихъ удовлетворенію одновременно даже уменьшились, вопросъ о томъ, «чѣмъ противъ пограничныхъ государей стояти», пріобрѣлъ для правительства самое жизненное и насущное значеніе. Насколько велики были жертвы, требовавшіяся отъ населенія этимъ «стояніемъ», можно судить еще по тому факту, что по неполнымъ даже даннымъ втеченіе 25 лѣтъ, съ 1654 по 1679 г. до 70.000 человѣкъ взято было въ даточные люди въ армію; расходы на содержаніе ихъ должны были составить не малую сумму. Чтобы имѣть возможность выдержать борьбу, правительство должно было напрягать какъ можно больше силы народа. Военныя и обусловленныя ими финансовыя нужды государства и дѣлаются не-

ходнымъ пунктомъ всей внутренней политики правительства втеченіе 17-го вѣка. Стремясь обезпечить себѣ бо́льшія средства, оно пытается достигнуть этого путемъ мѣропріятій двоякаго рода: измѣненій въ управленіи и измѣненій въ финансовой системѣ. Первыя имѣли своею цѣлью достиженіе правильнаго поступленія и расходованія сборовъ, вторыя направлены были на самый источникъ обложенія, регулировали порядокъ взиманія податей съ отдѣльныхъ лицъ и классовъ.

Измѣненія въ управленіи. Когда въ 16-мъ вѣкѣ вводились въ дѣйствіе земскія учрежденія ц. Ивана Васильевича, они, какъ было уже сказано, не были введены въ пограничныхъ областяхъ, гдѣ требовалось держать войско и его начальника. Такимъ начальникомъ войска и вмѣстѣ правителемъ области явился тогда воевода, замѣнившій прежняго намѣстника. Но втеченіе смутнаго времени нападенію непріятелей подвергались не только пограничныя области, но и всѣ почти внутреннія: надобность въ военной власти сказывалась поэтому почти въ каждомъ городѣ. Сверхъ того эпоха смутъ съ особенною яркостью выставила на видъ недостатокъ прежней системы мѣстнаго управленія, заключавшійся въ непомѣрной дробности его по мѣстностямъ и классамъ. Масса отдѣльныхъ міровъ, изъ которыхъ каждый зависѣлъ непосредственно отъ центра, не могли дѣйствовать единодушно, тѣмъ болѣе, что значительная часть населенія (служилые люди, гости) ускользала и отъ власти этихъ міровъ. Являлась необходимость въ такомъ органѣ управленія, который служилъ бы соединительнымъ звеномъ между областью и центральнымъ правительствомъ и власть котораго не ограничивалась бы однимъ классомъ тяглецовъ, какъ это было при намѣстникахъ, а простиралась бы на всѣ классы. Въ смутное время населеніе, сознавъ такую необходимость, само пыталось удовлетворить ей и съ этой цѣлью воспользовалось существовавшимъ раньше на границахъ учрежденіемъ, выбирая воеводъ и поручая имъ власть надъ всею областью. Такъ поступили жители Устюжны Желѣзнопольской въ 1609 г., такъ поступали и другіе города и области. Правительство ц. Михаила Федоровича сохранило этотъ порядокъ, распространивъ его уже на всѣ города, такъ какъ онъ обезпечивалъ бо́льшую связь отдѣльныхъ частей государства и бо́льшую возможность правительственнаго контроля. Различіе воеводъ отъ намѣстниковъ, помимо того, что ихъ власть распространялась на цѣлую область и на всѣхъ ея жителей безъ исключенія, заключалось еще въ томъ, что они управляли на государя, а не на себя, не ради кормленія. Царскіе указы предписывали жителямъ «воеводамъ кормовъ не давать, въ томъ самимъ себѣ убытковъ не чинить» и т. о. частный характеръ государственной власти въ теоріи былъ устраненъ совершенно. Достигнуть такого устраненія на практикѣ было болѣе мудрено: съ одной стороны лица,

посылаемыя воеводами, жалованья за эту службу не получали и сохраняли старыя привычки кормленщиковъ, съ другой — самое отношеніе ихъ къ выборнымъ властямъ населенія доставляло имъ возможность вымогать «кормы». Воевода дѣлался въ уѣздѣ главною властью, вѣдавшею всѣ государственныя дѣла, и появленіе этой власти повліяло на измѣненіе характера выборныхъ властей. И губныя, и земскія учрежденія продолжали существовать и при воеводахъ. Губные старосты, компетенція которыхъ въ 17-мъ вѣкѣ распространилась съ дѣлъ о разбоѣ и грабежѣ на всѣ уголовныя и полицейскія дѣла, съ теченіемъ времени сдѣлались товарищами воеводы. Тогда ихъ власть распространилась на всѣ отрасли управленія и правительство, находя излишнимъ имѣть въ уѣздахъ двѣ однородныя власти, по временамъ уничтожало одну изъ нихъ, передавая все управленіе въ руки однихъ воеводъ или однихъ губныхъ старостъ. Такія колебанія продолжались вплоть до времени Петра В., когда губныя учрежденія были окончательно уничтожены. Отношенія воеводъ къ земскому управленію сложились также не сразу. Первоначально эти отношенія выразились въ съуженіи района дѣятельности земскаго управленія и въ поставленіи надъ ними воеводскаго контроля. Дѣла судебныя отошли къ воеводамъ и за земскими старостами и мірами осталась только раскладка и сборъ податей, причемъ и эта сфера дѣятельности находилась подъ наблюденіемъ воеводы, хотя и не имѣвшаго права непосредственнаго вмѣшательства въ нее. Воеводамъ предписывалось царскими наказами «беречь накрѣпко, чтобъ мужики горланы богатые... серединнымъ и молодчимъ людемъ продажи не чинили и лишнихъ поборовъ не сбирали». При этомъ воевода однако не могъ устранять замѣченныхъ имъ безпорядковъ своею властью, а долженъ былъ доносить объ нихъ царю. Но право надзора вскорѣ повело къ тому, что воеводы начали и вмѣшиваться въ дѣла земскаго управленія. Земскія выборныя власти, собравъ подати, вручали ихъ воеводѣ и послѣдній начинаетъ слѣдить за правильнымъ сборомъ ихъ; земскій староста дѣлается тогда изъ власти самостоятельной простымъ орудіемъ приказной избы, въ которой сидитъ воевода съ дьякомъ. При такомъ отношеніи воеводской власти къ выборнымъ естественно послѣднія не могли противиться стремленію воеводъ кормиться на счетъ населенія. Стремленіе это приняло настолько широкіе размѣры, такъ вошло въ нравы, что само правительство, запрещая кормы указами, на практикѣ должно было мириться съ ними и признавать ихъ существованіе. При Алексѣѣ Михайловичѣ одинъ небогатый дворянинъ обратился къ нему съ просьбою дать ему воеводство, указывая на свою бѣдность. Царь приказалъ справиться въ разрядѣ «есть ли свободный городъ, гдѣ бы можно было нажить 500 или 600 рублей?», и когда получился отвѣтъ, что такой городъ есть, именно

Кострома, послалъ туда просителя воеводой. Но проживъ тамъ положенное время (срокъ воеводства обыкновенно длился два-три года), дворянинъ снова сталъ просить царя дать ему другой городъ, такъ какъ въ Костромѣ онъ нажилъ всего 400 р. Алексѣй Михайловичъ велѣлъ справиться на мѣстѣ, такъ ли это. Опрошенные жители показали, что воевода бралъ только то, что ему приносили, насильствомъ же ничего не вымогалъ. Тогда царь, убѣдившись въ справедливости словъ воеводы, велѣлъ дать ему другой, лучшій городъ. Нужно замѣтить, что это происходило послѣ неоднократныхъ запрещеній правительствомъ всякихъ кормовъ подъ угрозами взыскать на воеводахъ все взятое вдвое, чтобы понять все безсиліе правительства въ этомъ отношеніи, разъ власть воеводъ подчинила себѣ земскія власти. Посадскіе люди на соборѣ 1642 г. имѣли право заявить, что они «обнищали и охудали въ конецъ отъ твоихъ государевыхъ воеводъ». Правительство однако, нуждаясь въ сплошной связи частей государства, въ значительномъ напряженіи народныхъ силъ, не измѣняло избранному имъ направленію бюрократической централизаціи и эта послѣдняя привела къ полному паденію самостоятельности земскихъ міровъ и ихъ выборныхъ органовъ, обратившихся въ чисто служебные органы администраціи.

Такая же централизація производилась и въ области центральнаго управленія. Стремясь облегчить дѣло управленія и надзоръ за нимъ, правительство пыталось упростить ту сложную и запутанную систему множества отдѣльныхъ приказовъ, какая досталась ему въ наслѣдство отъ 16-го вѣка. Такое упрощеніе производилось двумя путями: или нѣсколько приказовъ сливались въ одинъ, или же одно и то же лицо ставилось начальникомъ надъ нѣсколькими приказами. Такъ всѣ почти областные приказы были подчинены Посольскому, вѣдавшему иностранныя дѣла, Разрядъ вѣдалъ военныя дѣла во всѣхъ приказахъ и т. д. Наконецъ, то же стремленіе къ централизаціи управленія выразилось въ созданіи новыхъ приказовъ съ болѣе обширнымъ райономъ дѣятельности. Такихъ приказовъ при Алексѣѣ Михайловичѣ было устроено два: приказъ счетныхъ дѣлъ и приказъ тайныхъ дѣлъ. Первый изъ нихъ обязанъ былъ вести счетъ всѣмъ государственнымъ приходамъ и расходамъ и въ него же собирались всѣ суммы, остававшіяся отъ расходовъ въ другихъ центральныхъ и областныхъ учрежденіяхъ. На второй возложена была обязанность слѣдить за всею администраціей и доносить объ ея дѣйствіяхъ непосредственно самому царю. Первый игралъ т. о. роль государственнаго контроля, второй можно уподобить государственной полиціи или прокурорскому надзору. И тотъ, и другой были учрежденіями совершенно новыми, порождались стремленіемъ упорядочить управленіе и облегчить надзоръ за нимъ. Подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій внѣшней жизни государства,

требовавшихъ бо́льшей энергіи и единства въ дѣйствіяхъ администраціи, правительство стремится т. о. централизовать ее, какъ въ центральномъ, такъ и въ мѣстномъ управленіи. Но эта централизація, пошедшая по пути бюрократіи, убила мѣстное общинное самоуправленіе.

Финансовыя мѣропріятія. Параллельно съ мѣрами, принимавшимися для упрощенія управленія, шелъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ поднятію доходовъ государства и доставленію ему этимъ путемъ большей силы въ борьбѣ съ внѣшними врагами. Нуждаясь въ деньгахъ, правительство стремилось возвысить размѣръ податнаго бремени, лежавшаго на населеніи. Самымъ простымъ средствомъ для этого представлялось непосредственное увеличеніе подати. Къ этому средству и прибѣгало первоначально правительство, но скоро оно столкнулось здѣсь съ серьезными затрудненіями. Мы видѣли, что уже къ концу 16-го вѣка тяжесть податей побуждала крестьянское населеніе «брести розно» съ своихъ земель. Условія взиманія подати доставляли ему еще одно средство пассивнаго сопротивленія повышенію податнаго оклада. Подать въ деревняхъ и селахъ бралась съ обработанныхъ или, какъ тогда говорилось, «живущихъ» земель. Не имѣя возможности уплачивать ее, крестьяне начинаютъ сокращать размѣры своихъ запашекъ. Это было весьма серьезнымъ предостереженіемъ правительству. Продолжая придерживаться той же политики, оно въ конецъ подорвало бы народное хозяйство. И, замѣтивъ это явленіе по уменьшенію суммы платежей, правительство дѣйствительно постаралось устранить его, но, не будучи въ состояніи уменьшить размѣра платежей, оно избрало другой путь и прибѣгло къ измѣненію единицы обложенія. Подать стала раскладываться не на землю, а на дворы и каждый дворъ, много ли или мало пахалъ онъ земли, долженъ былъ, по представленію правительства, платить одну и ту же сумму; при этомъ тяглымъ людямъ предоставлялось однако право путемъ своихъ земскихъ учрежденій раскладывать подать «по животомъ и промысломъ» каждаго и тѣмъ вносить извѣстныя поправки въ систему правительственнаго обложенія. Такой реформой устранялась опасность сокращенія запашекъ, но новая подать по дворамъ была гораздо тяжелѣе старой поземельной и постепенно все еще повышалась, поэтому она имѣла только фискальное значеніе, а на народное хозяйство оказывала все-таки разрушительное дѣйствіе. Помимо повышенія размѣровъ существовавшихъ уже податей правительство прибѣгало еще къ другимъ мѣрамъ, установляя новые сборы. Многіе сборы, существовавшіе раньше лишь временно, въ видѣ экстренныхъ, въ 17-мъ вѣкѣ обращаются въ постоянные. Такъ напр. въ 16-мъ столѣтіи собирались время отъ времени т. н. полоняничныя деньги на выкупъ плѣнныхъ изъ Крыма; въ 17-мъ эти деньги превращаются въ посто-

ляный налогъ. То же самое произошло со многими другими сборами. Но и правительство 17-го вѣка практиковало временные сборы. Во время войнъ и производившихся ими финансовыхъ напряженій назначался обыкновенно соборами единовременный сборъ со всѣхъ тяглыхъ людей: съ крестьянъ въ опредѣленномъ размѣрѣ, по двѣ гривны, по полтинѣ, по рублю съ каждаго двора, съ торговыхъ посадскихъ людей—извѣстный процентъ съ ихъ промысловаго оборота. Послѣдній сборъ первоначально производился обыкновенно въ размѣрѣ 5%, и назывался двадцатой деньгой, но вскорѣ эта двадцатая деньга повысилась до 10-й, а затѣмъ и до 5-й, т. е. до 20%. Правительство брало себѣ т. о. пятую часть всего дохода торговаго человѣка. Притомъ такіе сборы не ограничивались обыкновенно однимъ годомъ, но продолжались на нѣсколько лѣтъ, и легко можно себѣ представить, какую тяжесть составлялъ подобный сборъ въ бюджетѣ крестьянина или посадскаго человѣка. Наконецъ нѣкоторыя мелкія подати предшествовавшаго времени, измѣняя свой характеръ, становились, можно сказать, новыми. Въ ряду такихъ сборовъ одно изъ наиболѣе видныхъ мѣсть занимаетъ стрѣлецкая подать. Въ 16-мъ столѣтіи она производилась въ видѣ взноса хлѣбомъ на содержаніе стрѣлецкихъ полковъ, имѣвшаго небольшіе сравнительно размѣры. Когда въ 17-мъ вѣкѣ расходы на содержаніе арміи увеличились и сказались прежде всего въ увеличеніи суммы, шедшей на жалованье стрѣльцамъ, подать эта для нѣкоторыхъ мѣстностей обращается въ постоянный денежный налогъ. Размѣры его растутъ втеченіе 17-го столѣтія съ поразительной быстротой и нѣкоторыя цифры дадутъ Вамъ понятіе объ этомъ ростѣ и о возрастаніи вообще тяжести ложившихся на населеніе сборовъ. Въ 1630 г. сборъ стрѣлецкой подати въ г. Чарондѣ (на оз. Воже) производится въ размѣрѣ 95 руб. съ сохи, въ 1636 г. тамъ же онъ доходитъ до 120 руб., въ 1637 г. — до 240 р., въ 1639 г. спускается до 120 р., но уже въ 1641 г. опять повышается до 168 р. и остается на этомъ уровнѣ до 1654 г., когда новое повышеніе доводитъ его до 228 руб., наконецъ втеченіе 1663—1671 гг. этотъ сборъ равняется 822 руб. съ сохи, увеличившись такимъ образомъ за 33 года болѣе чѣмъ въ $8^1/_2$ разъ.

Такое обремененіе народнаго хозяйства естественно не могло привести къ хорошимъ результатамъ. Масса земель пустѣла, брошенная своими владѣльцами, и еще болѣе разоряла остававшихся на мѣстѣ, населеніе все чаще обращалось къ правительству съ заявленіями о томъ, что имъ государевыхъ податей нести не въ мочь, что оно разоряется благодаря непомѣрнымъ налогамъ. Пассивное сопротивленіе населенія тяжести этихъ налоговъ разгоралось все сильнѣе, области все болѣе и болѣе пустовали, а вмѣстѣ съ тѣмъ падала и ихъ платежная способность, что и вы-

разплось въ громадномъ ростѣ недоимокъ. Никакія средства при сборѣ ихъ не помогали: крестьяне и посадскіе люди стойко выносили наказанія, отстаивались на правежѣ, но требуемыхъ правительствомъ денегъ не платили, указывая на то, что платить имъ не съ чего. Параллельно съ увеличеніемъ налоговъ шло и увеличеніе недоимокъ. Чтобы можно было судить объ этомъ увеличеніи, я приведу одинъ примѣръ, заимствованный изъ сбора той же стрѣлецкой подати: въ 1664 г. съ городовъ Устюжской четверти, т. е. сѣверо-восточныхъ областей Московскаго государства, собрано было стрѣлецкихъ денегъ 61,557 р., а въ доимкѣ осталось 1,888 р. Втеченіе всѣхъ слѣдующихъ годовъ цифра сборовъ быстро падала и соотвѣтственно этому повышалась сумма недоимки. Въ 1670 г. сборъ достигалъ уже только 41,253 р., а недоимка простиралась до 19,192 р. Такимъ образомъ доходъ государственной казны не увеличивался, а быстро падалъ. Пониженіе его внушительно указывало на то, что платежныя силы населенія рѣшительно ослаблены и не въ состояніи выносить дальнѣйшаго напряженія. Правительство очутилось въ своего рода заколдованномъ кругѣ: чтобы имѣть возможность устроить государственное и народное хозяйство, надо было рѣшить задачи внѣшней политики, но для рѣшенія ихъ требовались средства, а истощенное уже усиленными жертвами населеніе не могло ихъ доставить.

Тогда при ц. Алексѣѣ Михайловичѣ правительство попыталось выйти изъ этого положенія путемъ совершенно новыхъ финансовыхъ мѣропріятій. Первымъ изъ нихъ было громадное повышеніе размѣра одного изъ косвенныхъ налоговъ, именно налога на соль. Отъ налоговъ прямыхъ при ихъ тяжести многіе старались ускользнуть и дѣйствительно успѣвали въ этомъ, тѣмъ самымъ слагая съ себя тяжесть податнаго бремени на другихъ плательщиковъ. И вотъ, руководясь принципами всеобщности и равномѣрности обложенія, или, какъ говорили тогда, заботясь, «чтобы никто въ избылыхъ не былъ» и «никто ни за кого лишнихъ доходовъ не платилъ», правительство задумываетъ произвести коренную реформу въ финансовой системѣ. Сущность этой реформы заключалась въ слѣдующемъ. Соль облагалась въ продажѣ громадной пошлиной, вчетверо превышавшей прежнюю: пудъ соли до 1646 г., когда произведена была эта реформа, облагался пошлиной въ 10 денегъ, а новая пошлина на него накладывалась въ размѣрѣ 2-хъ гривенъ или 40 денегъ; благодаря этому цѣна соли поднялась вдвое. При этомъ разсчетъ заключался въ томъ, что соль составляетъ предметъ первой необходимости, покупать ее будутъ всѣ, несмотря на высокую цѣну, и избылыхъ отъ платежа въ государственную казну не будетъ. Въ случаѣ же полнаго сбора соляного налога правительство обѣщало облегчить платежъ прямыхъ податей. Разсчеты однако не оправдались: непомѣрное возвышеніе цѣны на соль вызвало мятежъ въ Москвѣ,

послѣ котораго правительство вынуждено было отказаться отъ своего плана и понизить размѣръ пошлины до прежняго уровня. Когда при началѣ польской войны финансовыя затрудненія опять предстали передъ правительствомъ во всей своей неприглядной наготѣ, оно попробовало обойти ихъ другимъ путемъ. Издавна одинъ изъ доходовъ казны заключался въ перечеканкѣ иностранной монеты—ефимковъ—въ русскую, рубли, при чемъ очищалась весьма значительная прибыль. На этой почвѣ родилась у московскаго правительства мысль воспользоваться кредитомъ и съ помощью его удовлетворить необходимыя нужды. Мысль о кредитѣ и была осуществлена въ 1654 г. путемъ выпуска мѣдныхъ денегъ съ принудительнымъ курсомъ денегъ серебряныхъ, своего рода мѣдныхъ ассигнацій. Но и эта операція не удалась правительству. Подъ давленіемъ громадныхъ расходовъ, требовавшихся войною, оно стало увеличивать выпуски мѣдныхъ денегъ; къ этому присоединились еще два неблагопріятныхъ обстоятельства: во-первыхъ завѣдывавшій этой финансовой операціей тесть царя, боярин Милославскій, вздумалъ нажиться при помощи ея и съ этою цѣлью выпустилъ отъ себя въ обращеніе значительное количество такихъ мѣдныхъ денегъ; во-вторыхъ несовершенство монеты и доставляемая ею огромная выгода повели къ поддѣлкамъ и разными лицами была пущена въ ходъ масса поддѣльной монеты. Это множество мѣдной монеты, собравшейся на рынкѣ, уронило ея цѣну и такъ какъ новые выпуски ея не сразу были прекращены, то паденіе курса мѣдныхъ денегъ дошло до поразительныхъ размѣровъ. За одинъ серебряный рубль давали, по свидѣтельству Котошихина, 17 мѣдныхъ. Соотвѣтственно этому цѣна всѣхъ предметовъ поднялась до неслыханной раньше величины, дороговизна и сопряженный съ нею голодъ вызвали народныя волненія, и правительству не оставалось ничего иного, какъ признать реформу не удавшейся и изъять мѣдныя деньги изъ обращенія. При прекращеніи ихъ оборота изъ казны «за рубль мѣдныхъ денегъ положено было платить серебряными по 10 денегъ» или 5 копѣекъ, т. е. правительство принимало обратно свои ассигнаціи лишь за одну двадцатую объявленной ихъ стоимости. Такая неудача постигла эту первую попытку государственнаго кредита въ Россіи.

Московскому правительству не удалось такимъ образомъ втеченіе 17-го столѣтія произвести какой-либо коренной реформы въ своей финансовой системѣ и оно должно было удовольствоваться въ интересахъ увеличенія доходовъ только повышеніемъ размѣра налоговъ и измѣненіемъ податной единицы съ сохи на дворъ, средствами, которыя, какъ мы видѣли, далеко не обезпечивали еще дѣйствительнаго и серьезнаго удовлетворенія государственныхъ нуждъ. Чтобы придать имъ болѣе дѣйствительности правительство втеченіе 17-го вѣка принимаетъ рядъ мѣръ, не

направленныхъ непосредственно на финансовыя отношенія, но имѣющихъ своею конечною цѣлью все то же обезпеченіе государственныхъ потребностей. Такой характеръ носили именно мѣры, клонившіяся къ измѣненію отношеній общественныхъ классовъ народа.

Измѣненія въ общественномъ строѣ Московскаго государства за 17-й вѣкъ. Одною изъ первыхъ заботъ московскаго правительства должно было сдѣлаться устройство служилаго класса. Мы видѣли, что уже мать ц. Михаила Федоровича заявляла, что черныя и дворцовыя земли розданы въ помѣстья, а служилые люди бѣдны. Не имѣя болѣе возможности производить раздачу новыхъ земель въ помѣстья въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, въ какихъ она практиковалась въ предъидущемъ столѣтіи, правительство должно было изыскать средства къ поддержанію служебной состоятельности людей этого класса. Такія средства подсказаны были ему самими служилыми людьми. Они заключались именно въ большемъ сплоченіи этого класса и дарованіи ему извѣстныхъ привилегій. Мы видѣли раньше, что уже въ 16 вѣкѣ выходъ изъ служилаго класса былъ сильно ограниченъ: выходить изъ него въ частную зависимость могли только тѣ изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые не были приняты въ государеву службу. Безпомѣстные служилые люди имѣли т. о. возможность уйти въ холопство къ частному лицу, а на практикѣ это дѣлали и лица, надѣленные помѣстьями, но въ маломъ размѣрѣ, или же вообще находившіе для себя службу черезчуръ тяжелой. Численное ослабленіе служилаго класса вело къ усиленію службы остальныхъ помѣщиковъ и потому естественно было съ ихъ стороны заботиться о прекращеніи возможности такого выхода. Въ 1641 г. дворяне и подали царю Михаилу челобитную, заявляя, что многіе ихъ товарищи, «не хотя государевы службы служити и бѣдности терпѣти», поступили въ холопство къ боярамъ и дворянамъ. Въ результатѣ этой челобитной и явился правительственный указъ, которымъ предписывалось всѣхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, имѣющихъ вотчины или помѣстья и поступившихъ въ холопство къ частнымъ лицамъ, взять обратно, оставивъ въ холопствѣ только безвотчинныхъ и безпомѣстныхъ дворянъ; на будущее же время всѣмъ служилымъ людямъ отдача въ холопство была безусловно воспрещена. Этимъ указомъ было слѣдовательно завершено окончательно прикрѣпленіе служилыхъ людей къ государевой службѣ, «избывать» которой впредь они уже не могли никакимъ образомъ. Но одно прикрѣпленіе еще не обезпечивало состоятельности этого класса. Служилые люди стремятся поднять ее путемъ достиженія податныхъ и землевладѣльческихъ привилегій. Въ 16-мъ вѣкѣ владѣльческія земли окладывались легче черныхъ, но при этомъ окладъ въ нихъ ложился на всю обработанную землю, безъ различія, обработывалась ли она самимъ владѣльцемъ на себя при помощи

дворовыхъ людей и обязательной крестьянской работы или отдавалась въ аренду крестьянамъ. Съ начала 17-го столѣтія дворяне начинаютъ стремиться къ тому, чтобы избавить отъ обложенія податями собственное хозяйство, оставивъ его только на крестьянскихъ земляхъ. Условіе подобнаго рода помѣщается уже въ договорахъ Салтыкова съ королевичемъ Владиславомъ. Въ царствованіе Михаила Федоровича эти стремленія дворянъ находятъ себѣ удовлетвореніе у правительства и владѣльческая запашка освобождается отъ податей. Въ слѣдующее царствованіе дворяне получаютъ новую привилегію: Уложеніемъ ц. Алексѣя Михайловича запрещено было монастырскимъ служкамъ и боярскимъ людямъ покупать и брать въ закладъ вотчины, и право вотчиннаго землевладѣнія осталось только за служилыми людьми. Такъ послѣдніе втеченіе 17-го вѣка окончательно обособились въ отдѣльный классъ съ особыми обязанностями и правилами. Это обособленіе было еще усилено параллельными измѣненіями въ положеніи тяглаго сельскаго и городскаго населенія.

Тѣ же причины, какія обусловили собою прикрѣпленіе служилаго класса, побудили правительство еще въ концѣ 16-го вѣка признать фактъ прикрѣпленія крестьянъ, хотя такое признаніе и не было еще тогда полнымъ. Бѣжавшаго или свезеннаго крестьянина владѣльцу, по закону ц. Федора Ивановича можно было искать только втеченіе пяти лѣтъ, условіе, не совсѣмъ выгодное для мелкихъ землевладѣльцевъ. Крупный помѣщикъ, свезя къ себѣ крестьянина, могъ скрывать его втеченіе пяти лѣтъ безъ особеннаго труда, а по прошествіи этого времени прежній владѣлецъ терялъ уже право иска. Поэтому средніе и мелкіе дворяне начинаютъ стремиться къ полному запрещенію крестьянскаго перехода и постепенно достигаютъ этого. При ц. Михаилѣ срокъ для розыска бѣглыхъ крестьянъ былъ увеличенъ до 10 лѣтъ. Затѣмъ въ 1645 г. изданъ былъ законъ, согласно которому десятилѣтній срокъ давности оставался въ силѣ только для крестьянъ, бѣжавшихъ ранѣе этого года, для розыска же всѣхъ крестьянъ, бѣжавшихъ и свезенныхъ послѣ него, всякая давность уничтожалась. Наконецъ послѣдняя рѣшительная санкція правительства дана была прикрѣпленію крестьянъ въ Уложеніи ц. Алексѣя Михайловича. 11-я глава этого Уложенія гласила: «по нынѣшній государевъ указъ государевы заповѣди не было, что никому за себя крестьянъ не пріимати. А будетъ кто съ сего государева уложенія учнетъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей и ихъ дѣтей и братью и племянниковъ принимать» тотъ долженъ будетъ не только возвратить ихъ прежнему владѣльцу «со всѣми ихъ животы... безъ урочныхъ лѣтъ», но еще и уплатить 10 рублей за каждый годъ держанія ихъ у себя «за государевы подати и за помѣщиковы доходы». Крестьяне прикрѣпляются теперь навсегда къ тѣмъ земельнымъ участкамъ, на которыхъ они сидятъ, и

притомъ не одни, а со всѣми живущими при нихъ родственниками. Это было собственно не запрещеніе перехода крестьянъ, а запрещеніе ихъ своза, но какъ таковое посило уже вполнѣ государственный характеръ. Крестьянинъ, прикрѣпленный къ землѣ, не можетъ болѣе сойти съ нея въ частную зависимость, не можетъ продаться въ холопство ни стороннему человѣку, ни своему помѣщику. Послѣдній также не можетъ разорвать связи крестьянина съ землею, не можетъ въ помѣстьяхъ освободить крестьянина. Наконецъ государство вмѣшивается и въ отношенія между землевладѣльцемъ и крестьянами: по разсказу Котошихина, у помѣщиковъ, разорявшихъ своихъ крестьянъ, имѣніе отбиралось. Но этотъ принципъ государственнаго прикрѣпленія къ землѣ не былъ проведенъ съ достаточной послѣдовательностью въ Уложеніи, въ немъ напротивъ были допущены нѣкоторыя существенныя уклоненія отъ обусловливавшагося такимъ принципомъ порядка: въ вотчинахъ напр. землевладѣльцу позволено было отпускать крестьянъ на волю. Другія права землевладѣльцевъ надъ крестьянами, именно право суда ихъ во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ уголовныхъ, и отвѣтственность за казенные платежи крестьянъ повели къ тому, что во второй половинѣ 17-го столѣтія помѣщики уже начинаютъ усвоивать себѣ взглядъ на крестьянъ, какъ на людей, стоящихъ въ полной и личной зависимости отъ нихъ. Крестьянская собственность начинаетъ разсматриваться, какъ принадлежащая помѣщику, сами крестьяне переходятъ въ положеніе, близкое къ положенію холоповъ, владѣльцы продаютъ ихъ безъ земли, отдаютъ въ приданое, мѣняются ими и т. д. Слѣдовательно и крестьянское населеніе въ 17-мъ вѣкѣ испытало на себѣ государственное прикрѣпленіе, и путемъ его окончательно отдѣлилось отъ другихъ классовъ, собравъ въ себѣ всѣ мелкія подраздѣленія крестьянства. Только его это прикрѣпленіе вело къ личной зависимости, къ крѣпостной неволѣ.

Какъ въ 17-омъ столѣтіи закончено было совершенно прикрѣпленіе служилыхъ людей къ службѣ, какъ совершившееся въ 16-мъ вѣкѣ путемъ частныхъ обязательствъ прикрѣпленіе крестьянъ въ этомъ столѣтіи получило государственный характеръ, такъ не избѣжали общей участи и тяглые жители городовъ. Правительство не въ состояніи было уменьшить тяжесть тягла, падавшаго на городское населеніе, а послѣднее, не видя возможности выносить это тягло, бѣжало изъ городовъ въ деревни, въ холопство къ частнымъ лицамъ, въ дальнія области и тѣмъ еще болѣе ослабляло платежныя силы городскихъ общинъ. При томъ направленіи, какое приняла уже политика государства по отношенію къ другимъ классамъ населенія, единственнымъ исходомъ изъ этого порочнаго круга являлось прикрѣпленіе посадскаго населенія къ посадамъ. Уже съ начала 17-го вѣка стали приниматься частныя мѣры такого прикрѣпленія: въ 1613 г. послѣдовалъ

указъ, которымъ приказывалось возвратить въ Москву бѣжавшихъ изъ нея посадскихъ. Черезъ шесть лѣтъ, въ 1619 г., земскій соборъ постановилъ, что всѣ ушедшіе посадскіе люди должны быть возвращены на прежнія мѣста жительства. Такіе указы повторялись еще нѣсколько разъ до Уложенія Алексѣя Михайловича, которое и здѣсь сыграло такую же роль подтвержденія и обобщенія прежнихъ мѣръ. Согласно Уложенію всѣ посадскіе люди, поступившіе ли въ кабалу или перешедшіе въ служилый классъ, возвращаются обратно въ посады. Впредь выходъ изъ посадовъ запрещается подъ угрозою ссылки въ Сибирь; равнымъ образомъ запрещается и переходъ изъ одного посада въ другой и по позднѣйшему указу 1658 г. за такой переходъ назначается смертная казнь. Въ силу этихъ мѣръ посадскіе люди дѣлаются настолько же крѣпкими своимъ посадамъ, насколько служилые люди—службѣ или крестьяне—землѣ.

Но одними мѣрами прикрѣпленія Уложеніе не ограничилось по отношенію къ посадскому классу. Помимо тяжести податей, помимо бѣгства тяглецовъ была еще причина, подрывавшая платежную способность городскихъ общинъ и заключавшаяся въ конкурренціи съ ними людей, находившихся въ частной зависимости и не плативщихъ податей. На посадахъ существовали владѣльческія слободы, населенныя кабальными холопами церковными и боярскими. Частью слободы эти селили сами владѣльцы своими старинными холопами, частью къ нимъ переходили посадскіе люди и становились холопами. Въ томъ и другомъ случаѣ населеніе такихъ слободъ занималось тою же промышленностью и торговлей, что и посадскіе люди, но государственныхъ податей не платило. Правительство постаралось избавить посадскихъ людей отъ такой опасной конкурренціи и Уложеніе 1649 г. предписало уничтожить подобныя слободы. Въ томъ случаѣ, если онѣ были выстроены на посадской землѣ, но на такую постройку не было дано указа, онѣ отбирались у владѣльцевъ совершенно со всѣми жившими въ нихъ людьми и приписывались къ посадамъ. Если же слободы были построены на владѣльческой землѣ, по сосѣдней съ посадомъ, жители ихъ дѣлились на двѣ категоріи: бывшіе посадскіе люди возвращались въ посадъ, а пашенныхъ и дворовыхъ людей своихъ владѣльцамъ предписывалось вывести въ другія вотчины и помѣстья, дальше отъ посада. Вмѣстѣ съ тѣмъ запрещалось имѣть недвижимое имущество въ городахъ какъ людямъ петяглымъ, «бѣломѣстцамъ», такъ и крестьянамъ. Тѣ и другіе должны были продать имѣвшіеся у нихъ на посадахъ дома и лавки посадскимъ людямъ и впредь не могли торговать въ городѣ. Право торговли исключительно стало принадлежать городскому тяглому населенію, крестьяне же сохранили только право привозить свои товары въ городъ и продавать ихъ прямо

съ возовъ. Всѣ главнѣйшія черты этихъ законовъ были заимствованы изъ челобитій самихъ посадскихъ людей.

Такъ подъ вліяніемъ тяжелыхъ финансовыхъ потребностей государства, въ различномъ видѣ ложившихся на различные классы общества, классы эти обособились одинъ отъ другаго, пріобрѣли исключительныя права, стянули въ себя болѣе мелкіе разряды и приблизились къ сословіямъ. Служилый классъ былъ прикрѣпленъ къ военной и административной службѣ, пользовался исключительнымъ правомъ вотчиннаго землевладѣнія и свободой отъ податей на своихъ запашкахъ. Крестьяне были прикрѣплены къ землѣ, несли съ нея тягло и стояли подъ финансовой и судебной властью землевладѣльцевъ. Наконецъ посадскіе люди прикрѣплены были къ посадамъ по тяглу и мѣсту, служили по финансовому управленію (гости и земскія власти) и пользовались исключительнымъ правомъ торговли и промышленности въ городахъ, занимаясь однако и земледѣліемъ.

13-я ЛЕКЦІЯ.

Проникновеніе новыхъ культурныхъ идей въ русскую государственную и частную жизнь въ 17-мъ вѣкѣ.

Мы видѣли тѣ мѣры, какія принимало московское правительство втеченіе 17-го вѣка, пытаясь измѣнить и улучшить организацію государственнаго управленія, разложить болѣе равномѣрно государственныя тяжести на различные общественные классы, доставить имъ бо̀льшую возможность къ исправленію ихъ службъ и вмѣстѣ съ тѣмъ повысить размѣры этихъ службъ и доходовъ государства. Мы видѣли также, что послѣдняя цѣль далеко не была достигнута: при всѣхъ напряженныхъ усиліяхъ правительства оно не въ состояніи было взять съ населенія болѣе того, что послѣднее могло дать. Тяжелые поборы и службы истощали государство, но мало подвигали его къ осуществленію намѣченныхъ имъ себѣ задачъ. Очевидно требовалось нѣчто иное, что измѣнило бы существовавшее положеніе вещей, дало возможность достиженія желанныхъ результатовъ съ меньшими затратами, или поставило бы народный трудъ въ иныя, болѣе благопріятныя условія, сдѣлавъ его производительнѣе и страну богаче. За 17-ое столѣтіе сношенія Московскаго государства съ его западными сосѣдями, сношенія и мирныя, и враждебныя, сдѣлались гораздо оживленнѣе. Москва, уже въ 16-мъ вѣкѣ втянутая отчасти въ систему европейской политики, теперь сама уже стремилась воспользоваться ею для своихъ цѣлей. Ведя борьбу съ ближайшими своими сосѣдями, борьбу по бо̀льшей части неудачную, она пыталась найти для себя союзъ и помощь въ государствахъ болѣе отдаленныхъ: московскіе послы все чаще появляются при дворахъ западныхъ государей, въ Германіи, Италіи, Франціи и Англіи, съ предложеніями союза. По мѣрѣ развитія сношеній, по мѣрѣ бо̀льшаго знакомства съ Западомъ все болѣе выяснялись для московскихъ людей его преимущества,

заключавшіяся въ большемъ искусствѣ и богатствѣ. Бѣдная, угрюмая жизнь Московскаго государства, гдѣ всякая отдѣльная личность подавлялась государственнымъ организмомъ, жила, такъ сказать, прежде всего для него, а не для себя, гдѣ неизвѣстны были ни наука, ни искусства, представлялась какой-то тюрьмой для людей, познакомившихся съ широкимъ и могучимъ развитіемъ Запада, съ его кипучей, разнообразной жизнью, съ великими созданіями европейскаго искусства, широкимъ размахомъ науки, сбросившей съ себя оковы схоластики. Отъ такого знакомства, отъ внезапнаго перехода изъ Москвы на Западъ кружилась часто голова у московскихъ людей. При ц. Борисѣ Годуновѣ нѣсколько молодыхъ людей по его приказанію отправлены были за границу для образованія; ни одинъ изъ нихъ не возвратился обратно, очарованные вновь раскрывшеюся передъ ними жизнью, всѣ они остались на чужбинѣ, забывъ свою скудную родину. Но если такими оказывались результаты близкаго и непосредственнаго знакомства съ западно-европейской культурой, то и безъ него преимущества этой культуры весьма ощутительно давали себя знать Москвѣ въ ея враждебныхъ столкновеніяхъ съ сосѣдями. Громадныя дворянскія арміи, выставляемыя московскимъ правительствомъ, оказываются не въ состояніи выдержать столкновенія съ постоянными полками иноземцевъ; ни храбрость, ни многочисленность не спасаютъ москвичей отъ пораженія почти всякій разъ, какъ они встрѣчаются съ этими полками. Еще легче сравнительно борьба съ Польшей, гдѣ постоянная армія невелика, а главную боевую силу государства составляетъ общее ополченіе шляхты, но уже изъ столкновеній съ шведскими войсками Москва никакъ не можетъ выйти побѣдительницей, несмотря на громадный свой численный перевѣсъ. Одно напряженіе силъ государства, увеличеніе численнаго состава арміи не помогало дѣлу; такъ же мало помогало ему и увеличеніе стрѣлецкой пѣхоты, обращеніе ея изъ гвардіи и городскихъ гарнизоновъ въ постоянную армію. Стрѣлецкая пѣхота доставляла не болѣе успѣха, чѣмъ дворянская конница. Такъ на почвѣ враждебныхъ столкновеній съ государствами Запада Москва постепенно дошла до мысли объ ихъ преимуществахъ въ этомъ отношеніи. Чтобы уравнять условія борьбы, московское правительство и задумываетъ воспользоваться силами тѣхъ же иноземцевъ. На службу московскихъ государей начинаютъ нанимать отряды иностранцевъ, сперва небольшіе, потомъ все болѣе и болѣе многочисленные, пока наконецъ они не начинаютъ составлять замѣтной части арміи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаются и неудобства такого порядка, дурныя стороны наемныхъ войскъ. Съ одной стороны, имъ приходится платить большое жалованье, съ другой— нельзя быть увѣреннымъ въ вѣрности наемника, которому все равно, кому ни служить, лишь бы получать хорошее жалованье,

а при случаѣ и добычу. Такія неудобства проявились уже втеченіе смутнаго времени, когда наемные нѣмцы одинаково усердно служили и Годунову, и Лжедимитрію, и Шуйскому, и полякамъ, пока это было выгодно, и одинаково измѣняли всѣмъ по очереди, когда представлялся достаточный соблазнъ. Разъ были сознаны неудобства наемныхъ отрядовъ иностранцевъ, явилась мысль о возможности перенесенія ихъ хорошихъ качествъ на своихъ людей путемъ обученія ихъ «воинскимъ хитростямъ» иноземцевъ. Дворянскіе полки не годились однако для этого: изученіе сложной военной техники требовало времени, требовало постоянныхъ упражненій, а этимъ условіямъ не могли удовлетворить люди, призывавшіеся въ службу только на время похода, а затѣмъ жившіе въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, занимаясь хозяйствомъ. Поэтому прибѣгли къ другому способу и стали набирать особые полки изъ охочихъ людей и изъ безпомѣстныхъ дворянъ, которыхъ и обучали затѣмъ иноземному строю. Полки эти были нѣшіе, и назывались въ такомъ случаѣ солдатскими, и конные, получившіе названіе рейтарскихъ. Возникновеніе ихъ относится ко времени Михаила Федоровича и затѣмъ число ихъ все увеличивалось, такъ что уже при внукѣ его, Федорѣ Алексѣевичѣ, количество этихъ солдатъ и рейтаровъ простирается отъ 70—100 тысячъ человѣкъ. Но, устраиваемые на совершенно новыхъ основаніяхъ, солдатскіе и рейтарскіе полки требовали гораздо болѣе заботъ о себѣ со стороны правительства, чѣмъ полки дворянскіе. Дворяне являлись на службу изъ уѣздовъ съ собственнымъ вооруженіемъ, со своими запасами, и на правительствѣ лежала только забота спабженія ихъ помѣстьями и жалованьемъ, да назначенія вождей собравшемуся войску. Иное было съ возникавшей регулярной арміей. По отношенію къ ней кругъ правительственныхъ заботъ значительно расширялся: солдатъ и рейтаровъ надо было снабдить оружіемъ, а слѣдовательно надо было позаботиться и о покупкѣ или изготовленіи его. Первоначально, дѣйствительно, необходимое оружіе и покупалось за границей, но неудобства такого порядка, заключавшіяся въ дороговизнѣ и возможности прекращенія ввоза въ случаѣ войны, были слишкомъ очевидны и правительство начало пытаться устроить заготовленіе военныхъ припасовъ внутри страны. Для этого существовали и благопріятныя условія. Развившійся въ Западной Европѣ капиталъ уже искалъ себѣ въ то время новыхъ рынковъ и новыхъ поприщъ дѣятельности, европейскіе купцы мечтали объ открытіи торговли съ Востокомъ черезъ московское государство и также охотно брались за промышленныя предпріятія въ странѣ, гдѣ отсутствіе промышленности, а слѣдовательно и конкурренціи обезпечивало хорошій сбытъ и прибыль. Къ помощи этихъ иностранныхъ капиталистовъ и прибѣгло правительство. Такъ, при Михаилѣ Федоровичѣ дана была привилегія

голландскому купцу Синіусу на устройство желѣзнаго завода, при чемъ Синіусъ обязывался поставлять въ казну опредѣленное количество разнаго рода оружія. Подобныя же привилегіи давались и другимъ иностраннымъ промышленникамъ, вслѣдъ за открытіемъ оружейныхъ заводовъ послѣдовало открытіе и другихъ, уже не такъ тѣсно связанныхъ съ военнымъ дѣломъ, кожевенныхъ, стекляныхъ и др. Въ результатѣ послѣдовалъ сильный наплывъ въ Москву иностранцевъ, военныхъ, промышленниковъ, мастеровъ, купцовъ и т. п. Рейтарскіе и солдатскіе полки обучались наемными офицерами иноземцами, для отысканія естественныхъ богатствъ страны вызывали изъ-за границы рудокопныхъ мастеровъ, точно также приглашали оружейниковъ и разныхъ другихъ ремесленниковъ и нанимали ихъ на царскую службу съ тѣмъ, чтобы они учили своему искусству русскихъ людей. Въ Москвѣ издавна, еще съ 16-го вѣка, существовала т. н. Иноземная слобода, гдѣ жили исключительно заѣзжіе иностранцы. Въ началѣ 17-го столѣтія, во время бурь смуты много иностранцевъ было перебито фанатическою московскою чернью и самая слобода была почти уничтожена. Съ царствованія Михаила она начинаетъ быстро населяться новыми пріѣзжими изъза границы и вскорѣ уже населеніе ея считается тысячами. Эта Иноземная или Кокуева слобода становится какъ бы посредникомъ между Москвой и Западной Европой, передавая первой выработанныя послѣднею техническія знанія, знакомя ее съ европейскимъ образомъ жизни. Такъ военныя столкновенія съ западноевропейскими государствами повели въ концѣ концовъ московское государство къ большему сближенію съ западной культурой и прежде всего съ ея представителями—носителями техническихъ знаній, явившимися въ Москву. Но это сближеніе въ свою очередь не могло остаться безъ серьезныхъ дальнѣйшихъ результатовъ, вызывая сравненія и сопоставленія московской жизни съ западно-европейской. Выводъ изъ такого сравненія дѣлался одинъ и тотъ же, производили ли его сами москвичи или иностранцы. Московскій подъячій Котошихинъ, жившій во время Алексѣя Михайловича и оставившій по себѣ записки, о которыхъ мнѣ не разъ уже приходилось упоминать, говоритъ въ нихъ между прочимъ о московскихъ людяхъ, что они ни къ какому дѣлу непривычны, ничему не обучены и не хотятъ учиться. Онъ отмѣчаетъ это невѣжество, какъ особенно характерную черту, сообщая, что «русскіе люди... въ государствѣ своемъ ученія никакого добраго не имѣютъ и не пріемлютъ»; невѣжество это распространено по всѣмъ классамъ, есть и «бояре многіе грамотѣ неученые». Пріѣзжаютъ въ Москву восточные патріархи и отмѣчаютъ хорошія стороны въ положеніи московскаго государства: оно не подчиняется никакой иноземной власти, оно сохранило у себя невредимымъ свѣтъ истиннаго православія,

но рядомъ съ этими хорошими сторонами они не могутъ сейчасъ же не отмѣтить и дурной,—именно невѣжества москвичей и ихъ небреженія къ наукѣ. То же самое повторяетъ пріѣхавшій въ Москву славянскій патріотъ, хорватъ Юрій Крижаничъ. У себя на родинѣ онъ скорбѣлъ объ униженіи славянства, о подчиненіи его иноплеменникамъ, мечталъ объ освобожденіи его отъ иноплеменной власти, о созданіи всеславянскаго государства и, наслышавшись о Москвѣ, какъ сильной славянской землѣ, сталъ связывать ее въ своихъ мечтахъ съ возрожденіемъ славянскаго міра, придавать ей дѣятельную и первенствующую роль въ дѣлѣ этого возрожденія. Съ такими планами отправился онъ въ Москву въ царствованіе Алексѣя Михайловича, но то, что онъ здѣсь нашелъ, значительно охладило его первоначальный пылъ. Онъ не отказался, правда, отъ своихъ славянофильскихъ идей, не отказался и отъ мысли поставить Москву во главѣ предполагавшагося славянскаго движенія, но предварительно указывалъ московскому правительству рядъ недостатковъ его государства, которые слѣдовало бы исправить, и во главѣ ихъ и онъ ставитъ невѣжество народа. Московское государство, по его мнѣнію, оттого и бѣдно, что въ немъ нѣтъ никакой науки, никакого образованія; благодаря этому не могутъ развиться въ немъ ни торговля, ни промышленность и, чтобы насадить то и другое, нужно прежде всего позаботиться объ образованіи, заимствуя его отъ западно-европейскихъ народовъ, позаботиться о пересадкѣ выработанной на западѣ науки къ себѣ. Забота же объ образованіи народа должна прежде всего составить дѣло правительства, которое можетъ принудить къ наукѣ, заставить отдѣльныхъ лицъ образовать себя.

Такъ продолжавшееся сближеніе съ Западомъ, сопоставленіе его быта съ московскимъ порождало мысль о коренномъ различіи между ними: одинъ представлялся построеннымъ на образованности, на наукѣ, въ другомъ эта послѣдняя рѣшительно отсутствовала. Первый былъ богаче, сильнѣе, искуснѣе втораго. Чтобы усвоить себѣ всѣ эти качества, надо было перенять его науку, ознакомиться съ нею и тогда съ ея помощью было бы легче рѣшить задачи, которыя теперь давались такъ трудно. Хорватъ Крижаничъ предлагалъ взять на себя эту роль царскому правительству, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что въ рукахъ его сосредоточена громадная власть надъ народомъ. Эта власть въ сущности могла быть только средствомъ, которымъ можно было пользоваться въ ту и другую сторону. Но въ жизни русскаго народа того времени заключались условія, вынуждавшія правительство позаботиться о перенесеніи образованія въ государство. Мы видѣли, что главнымъ факторомъ этой жизни, опредѣлившимъ ея направленіе втеченіе 17-го вѣка, были задачи внѣшней политики, естественно сосредоточившіяся въ рукахъ правительства.

Само образованіе являлось лишь новымъ средствомъ для достиженія этихъ задачъ, средствомъ, отъ котораго ожидали бо́льшаго успѣха и которое поэтому готовы были культивировать на московской почвѣ. Оно важно было прежде всего не въ силу своего непосредственнаго значенія, а въ силу тѣхъ практическихъ и именно государственныхъ выгодъ, которыя оно могло доставить, облегчая правительству его задачи, уравнивая и сглаживая путь къ намѣченнымъ цѣлямъ. Потребность въ немъ вытекала главнымъ образомъ не изъ соображеній о внутреннемъ строѣ государства и общества и его реформѣ, а изъ сознанія необходимости уравнять свои внѣшнія силы съ силами враждебныхъ сосѣдей и тѣмъ обезпечить равновѣсіе въ борьбѣ съ ними. Естественно, что при такой постановкѣ вопроса насажденіе образованія и являлось раньше всего дѣломъ правительственной политики, должно было исходить изъ среды тѣхъ лицъ, которые стояли къ этой политикѣ всего ближе, которые заправляли государственнымъ механизмомъ. Такъ оно и было въ дѣйствительности.

Между тѣмъ знакомство съ этимъ образованіемъ и усвоеніе его были облегчены еще однимъ обстоятельствомъ, именно присоединеніемъ къ Московскому государству единовѣрной, но болѣе образованной Малороссіи. Условія жизни малорусскаго общества сложились такимъ образомъ, что оно гораздо раньше общества великорусскаго познакомилось съ западной наукой. Еще значительно ранѣе той политической борьбы, результатомъ которой было оторваніе Малороссіи отъ Польши, между ними происходила борьба иного рода, именно религіозная. Со времени подавленія въ Польшѣ реформаціи и проникновенія въ нее іезуитовъ польское общество стало проявлять большую религіозную нетерпимость и обнаруживать покушенія на уничтоженіе другихъ вѣроисповѣданій на своей почвѣ. Малорусскому народу предстояло отстаивать свою вѣру отъ такихъ нападеній, вести борьбу за нее, и притомъ не только путемъ физической силы, но гораздо болѣе на поприщѣ литературы. Для успѣха этой борьбы надо было однако усвоить себѣ то оружіе, которымъ владѣли противники, оружіе научнаго образованія, книжной учености и съ этой цѣлью въ малорусскихъ городахъ основываются церковныя братства, въ свою очередь учреждающія школы, привлекающія въ нихъ учениковъ, въ Кіевѣ возникаетъ высшее духовное учебное заведеніе—Кіево-Могилянская Академія. Такъ Малороссія познакомилась съ западной наукой столѣтіемъ раньше Великороссіи, но подъ вліяніемъ аналогичныхъ условій борьбы за свою самостоятельность. Только характеръ этой борьбы былъ различенъ и оттуда и самое сближеніе съ Западомъ пріобрѣтало иной оттѣнокъ. Тогда какъ московское государство въ 17-мъ вѣкѣ стремилось усвоить себѣ результаты прикладныхъ знаній, выросшихъ на западной почвѣ, чтобы имѣть возможность съ успѣхомъ бо-

роться противъ вооруженныхъ этими знаніями государствъ, Малороссія развивала у себя еще съ 16-го столѣтія образованіе на западный образецъ и отвлеченную науку, примѣняя то и другое къ отстаиванію своей религіозной самобытности. Съ того времени, какъ Малороссія присоединилась къ Московскому государству, общество послѣдняго начинаетъ подпадать подъ ея культурное вліяніе. Малорусскіе образованные монахи являются въ Москвѣ въ качествѣ учителей въ боярскихъ домахъ, такой же монахъ, Симеонъ Полоцкій, дѣлается учителемъ въ царскомъ семействѣ. Они приносятъ съ собою то книжное образованіе, котораго недоставало въ Москвѣ и которое московскіе люди боялись заимствовать отъ иновѣрныхъ чужеземцевъ. Образованные малороссы дѣлаются въ Москвѣ авторитетомъ въ области церковнаго просвѣщенія, такъ опустившагося здѣсь за 16 и 17 вѣка, помогаютъ въ исправленіи книгъ, въ объясненіи обрядовъ и догматовъ вѣры и представляютъ изъ себя ту силу, какой пользуется правительство для удовлетворенія сознанной необходимости въ образованіи наравнѣ съ пріѣзжими изъ западныхъ странъ служилыми иноземцами.

14-я и 15-я ЛЕКЦІИ.

Проникновеніе новыхъ культурныхъ идей въ русскую государственную и частную жизнь въ 17-мъ вѣкѣ (продолженіе).

Войдя въ соприкосновеніе съ западной культурой, Московская Русь знакомилась съ ней, какъ мы видѣли, изъ двухъ источниковъ. Первымъ было непосредственное сближеніе съ самимъ Западомъ въ лицѣ его представителей—иностранцевъ, все въ большемъ количествѣ появлявшихся въ Московскомъ государствѣ, вторымъ — усвоеніе западной науки чрезъ посредство родственныхъ и единовѣрныхъ малороссовъ. Самыя знанія, почерпавшіяся изъ этихъ источниковъ, были различны по своей исходной точкѣ и по всему своему характеру. Къ первому источнику обращались ради того, чтобы перенять военное искусство и промышленность, и брали изъ него знанія практическаго, прикладнаго характера, необходимость которыхъ обусловливалась ходомъ внѣшней государственной жизни, продолжая относиться враждебно и подозрительно къ остальнымъ сторонамъ западной цивилизаціи. У единовѣрныхъ малороссовъ заимствовали свѣдѣнія, нужныя для исправленія внутреннихъ безпорядковъ, главнымъ образомъ церковныхъ, насаждали съ ихъ помощью у себя религіозное просвѣщеніе, устраняли вкравшіяся въ церковную жизнь неправильности. Но на практикѣ такое размежеваніе сферъ того и другаго вліянія удержалось лишь въ самыхъ общихъ очертаніяхъ, то и другое далеко вышли за назначенные имъ предѣлы и произвели болѣе глубокое, болѣе сильное вліяніе на московскую жизнь, чѣмъ этого хотѣли бы первоначальные ихъ насадители.

Хотя поселявшіеся въ Кокуевой слободѣ иноземцы и не пользовались никакимъ признаннымъ авторитетомъ за предѣлами того частнаго дѣла, ради котораго они были призваны, но уже одно присутствіе этихъ чужихъ людей, этихъ сторонніхъ наблюдателей оказывало нѣкоторое давленіе на нравы тѣхъ круговъ, съ кото-

рыми они соприкасались. Съ одной стороны они не оставались наблюдателями безмолвными, они судили и рядили московскіе порядки со своей точки зрѣнія, находя въ нихъ много несовершеннаго, грубаго, невѣжественнаго, съ другой—ихъ собственная жизнь давала русскимъ людямъ матеріалъ для сравненія, указывала, чего недостаетъ имъ. Въ этой жизни было болѣе простоты, но вмѣстѣ болѣе комфорта и роскоши, больше возможности матеріальныхъ и духовныхъ наслажденій, и вмѣстѣ съ сознаніемъ этого въ умы московскаго общества, соприкасавшагося съ иноземцами, т. е. по преимуществу общества высшаго, пробирается желаніе устроить и свою жизнь по этому образцу. Выработанная теченіе предшествовавшихъ столѣтій тяжелая и неуклюжая византійско-азіатская придворная пышность начинаетъ понемногу уступать мѣсто болѣе удобной европейской роскоши: вмѣсто прежнихъ громадныхъ, несуразныхъ колымагъ при дворѣ и у нѣкоторыхъ вельможъ появляются кареты, царь Алексѣй Михайловичъ самъ ѣздитъ въ каретѣ и даритъ карету второй супругѣ своей; въ комнатахъ дворца, въ домахъ отдѣльныхъ бояръ появляются зеркала, часы, болѣе изящная мебель; за придворными обѣдами благочестиваго царя Алексѣя Михайловича, строго охранявшаго чистоту вѣры, стремившагося, слѣдуя указаніямъ духовенства, все московское государство обратить въ своего рода громадный монастырь, изъ котораго изгнаны были бы всѣ увеселенія и развлеченія, не отмѣченныя печатью христіанства, и потому неоднократно въ своихъ указахъ предписывавшаго изгонять изъ селъ, деревень и городовъ всѣхъ скомороховъ и гудочниковъ, а ихъ музыкальные инструменты и шутовскія маски, какъ орудія проявленія бѣсовской силы, торжественно жечь на площадяхъ, за обѣдами этого самаго царя начинаетъ играть нѣмецкая оркестровая музыка. Наконецъ въ Москву проникаетъ и одно изъ высшихъ культурныхъ развлеченій—театръ, проникаетъ впрочемъ въ видѣ, не особенно зазорномъ для щепетильнаго религіознаго чувства московскихъ людей. Нѣмецкіе артисты разыгрываютъ передъ царемъ Алексѣемъ одну изъ тѣхъ мистерій, пьесъ религіозно-нравственнаго содержанія съ сюжетомъ, заимствованнымъ изъ церковной исторіи, какія были сильно распространены на Западѣ въ средніе вѣка, но въ то время уже выходили окончательно тамъ изъ моды, и царь со своими приближенными боярами такъ восхитился ею, что у нихъ явилась мысль подготовить своихъ, русскихъ артистовъ. Боярин Матвѣевъ и заводитъ театральную школу, отдавая въ науку нѣмцу Ягану Готфриду своихъ дворовыхъ людей и подъячихъ Посольскаго приказа, которымъ онъ завѣдывалъ. Но, не ограничиваясь сферой жизни общественной, иноземное вліяніе идетъ еще дальше и проникаетъ въ область семейнаго быта, наиболѣе, казалось бы, отъ него закрытую. Подъ напоромъ его начинаетъ расшатываться порядокъ затворничества

женщинъ высшаго круга, онѣ пытаются раздѣлить съ мужчинами удовольствія общественной жизни и по крайней мѣрѣ смотрѣть на рѣшеніе тѣхъ дѣлъ, въ которыхъ не могутъ участвовать. Царица Наталья Кириловна вмѣстѣ съ мужемъ присутствуетъ на театральныхъ представленіяхъ, хотя и дѣлаетъ уступку старинному этикету, садясь въ закрытую ложу, смотритъ изъ-за дверей пріемы иностранныхъ пословъ, появляется въ своей каретѣ на церковныхъ процессіяхъ. Позднѣе царевна Софья уже открыто участвуетъ въ послѣднихъ, идетъ на нихъ пѣшкомъ, а въ своихъ комнатахъ съ приближенными лицами разыгрываетъ комедію Мольера. Иные частные обычаи иностранной жизни вводятся самимъ правительствомъ ради тѣхъ фискальныхъ выгодъ, которыя они доставляютъ; такъ правительство царя Алексѣя въ моментъ особенно сильныхъ финансовыхъ затрудненій разрѣшаетъ ввозъ и продажу табаку, и хотя позднѣе эта продажа опять запрещается, но починъ уже сдѣланъ. Такъ заимствованія съ Запада, начавшись съ перениманія техническихъ знаній, подъ вліяніемъ бо́льшаго знакомства съ его жизнью продолжались подражаніемъ ей въ области общественнаго и семейнаго быта, усвоеніемъ житейской обстановки, привлекавшей къ себѣ тѣми наслажденіями, какія она сулила.

Также неожиданно и сильно раздвинуло свои предѣлы и вліяніе малорусское. Въ первые моменты по присоединеніи Малороссіи московское правительство косо посматривало на развившееся тамъ образованіе съ латинскимъ и польскимъ языкомъ, опасалось, какъ бы отъ него православію худа не учинилось, и царь Алексѣй подумывалъ даже объ уничтоженіи главнаго разсадника этого образованія—Кіево-Могилянской академіи. Такой шагъ былъ бы, однако, чрезчуръ рискованнымъ, въ виду привязанности малороссовъ къ своимъ школамъ и отъ него воздержались, а тѣмъ временемъ обстоятельства сложились такъ, что образованіе это понадобилось и въ самой Москвѣ. Благодаря отсутствію просвѣщенія, нельзя было имѣть достаточнаго количества знающихъ и толковыхъ переписчиковъ церковныхъ книгъ; невѣжественные же монахи, занимавшіеся этой перепиской, дѣлали много ошибокъ, вносили въ книги много лишняго, включая въ нихъ разные мѣстные обычаи, вродѣ двоеперстія, сугубой аллилуйи и т. п. или прямо искажая текстъ различными произвольными вставками и дополненіями. Со времени введенія книгопечатанія въ концѣ 16-го вѣка дѣло не только не улучшилось, но еще ухудшилось; корректорами или «справщиками» при печатаніи книгъ были тѣ же малообразованные монахи и печатный станокъ только разнесъ заблужденія еще болѣе. Сознаніе необходимости исправленія этого безпорядка возникло въ русскомъ церковномъ обществѣ очень рано и съ теченіемъ времени все усиливалось, но попытки такого исправленія не удавались за неимѣніемъ достаточныхъ для этого силъ. При царѣ Михаилѣ Фе-

доровичѣ исправленъ былъ Требникъ, но исправители его, троицкій архимандритъ Діонисій и монахъ Арсеній, тяжело пострадали по подозрѣнію въ ереси. Новая попытка сдѣлана была при патріархѣ Іосифѣ, предшественникѣ Никона, но оказалась совершенно неудачной, такъ какъ справщиками на этотъ разъ были мало свѣдущіе духовные, незнакомые съ греческимъ языкомъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ яснѣе становилось, что исправленіе книгъ и порядковъ церковныхъ возможно только подъ условіемъ обращенія къ первоначальному ихъ источнику—греческой церковной литературѣ, а для этого необходимо было знаніе языка послѣдней. Въ Московской Руси того времени это знаніе было распространено въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ, приходилось искать такихъ людей на сторонѣ и естественно было пригласить съ этой цѣлью самыхъ близкихъ единовѣрныхъ ученыхъ—именно кіевскихъ. Они и появляются въ Москвѣ и имъ поручаютъ сдѣлать переводъ Библіи съ греческаго языка на русскій. Но этимъ дѣло не ограничилось: какъ западныхъ иноземцевъ заставляли обучать русскихъ людей «воинскимъ хитростямъ» и секретамъ промышленности, такъ и отъ кіевскихъ ученыхъ иноковъ желали передачи ихъ мудрости Москвѣ. Разъ сознанъ былъ вредъ невѣжества, явилась и мысль о распространеніи образованія путемъ устройства учебныхъ заведеній. Эту мысль проповѣдывали въ Москвѣ и греческіе іерархи. Митрополитъ газскій Паисій Лигаридъ, по его словамъ, «старался открыть, откуда бы могло произойти такое наводненіе ересей (въ Россіи)... и наконецъ придумалъ и нашелъ, что все зло произошло отъ двухъ причинъ: отъ того, что нѣтъ народныхъ училищъ и библіотекъ». «Если бы меня спросили», продолжалъ онъ, «какіе столпы церкви и государства, я бы отвѣчалъ: во-первыхъ училища, во-вторыхъ училища и въ третьихъ училища». Черезъ 6 лѣтъ послѣ этого, въ 1666 г., восточные патріархи, пріѣхавшіе въ Москву, тоже убѣждали царя «сотворить на Москвѣ соборъ училищный». Въ дѣлѣ основанія училищъ частныя лица и общество даже опередили правительство. Бояринъ Ртищевъ пригласилъ изъ Кіева нѣсколькихъ ученыхъ иноковъ, помѣстилъ ихъ въ устроенный имъ Андреевскій монастырь и, пользуясь своимъ правительственнымъ положеніемъ, посылалъ молодыхъ и незначительныхъ служилыхъ людей учиться у этихъ иноковъ. Нѣсколько позже прихожане церкви Іоанна Богослова въ Москвѣ подали царю просьбу объ основаніи училища въ ихъ приходѣ. Разрѣшеніе было дано и патріархи московскій и двое восточныхъ подтвердили его своими грамотами. При царѣ Федорѣ Алексѣевичѣ составленъ былъ уже планъ академіи, которая должна была сдѣлаться высшимъ учебнымъ заведеніемъ Московскаго государства. Образованіе и въ ней должно было сохранить свой духовный характеръ: въ ней прежде всего предполагалось преподавать грамматику, риторику, піитику, діалектику, философію и богословіе, затѣмъ уже церковное и граж-

данское право и другія свободныя науки. Учителями въ академіи могутъ быть всѣ православные, какъ великороссы, такъ и малороссы, бѣлороссы и греки, но представители трехъ послѣднихъ національностей должны имѣть свидѣтельство о своемъ православіи и сверхъ того подвергнуться испытанію въ вѣрѣ въ Москвѣ. Открытіе этой академіи совершилось однако уже позже, въ правленіе царевны Софьи. Такъ малорусское культурное вліяніе привело къ насажденію образованности въ Москвѣ, не ограничившись однимъ устраненіемъ непорядковъ церковнаго быта. Малорусскіе ученые жестоко осмѣивали московскую жизнь, московскіе доморощенные авторитеты, этихъ, по выраженію Симеона Полоцкаго, «не учителей, но мучителей», никогда не бывавшихъ учениками, не знающихъ не только философіи, но даже и грамматики, и тѣмъ не менѣе осмѣливающихся учить другихъ. При этомъ, однако, та наука, которую вносили они въ Москву, не была тождественна съ западной наукой того времени. Малороссія, жившая общей культурной жизнью съ Польшей, усвоила себѣ только то изъ западной науки, что привилось въ польскомъ государствѣ. Между тѣмъ это послѣднее съ 16-го вѣка отстало отъ общаго европейскаго движенія: въ то время, какъ на западѣ Европы гуманизмъ и реформаціи создали новое научное движеніе, въ которомъ наука сбросила съ себя путы схоластики, рѣшительно отдѣлилась отъ религіи и пошла быстрыми шагами по новому пути положительнаго знанія, Польши это великое движеніе коснулось только въ очень слабой степени. Благодаря особымъ обстоятельствамъ, въ разсмотрѣніе которыхъ входить здѣсь не мѣсто, образованіе въ ней сохранило свой прежній религіозно-нравственный и схоластическій характеръ и такимъ же осталось оно и въ малорусскихъ школахъ. Вносимое оттуда въ Московскую Русь, оно служило какъ бы преддверіемъ къ свѣтской наукѣ Запада, подготовляя въ ней умы и давая средства ознакомленія съ ней въ видѣ изученія языковъ. Этотъ религіозный характеръ науки придавалъ ей все-таки нѣкоторую санкцію въ глазахъ москвичей, пуще огня боявшихся ереси. Почвы же для столкновенія ея съ настоящей западной наукой пока не было, такъ какъ послѣдняя еще и не появлялась въ Москвѣ.

Какъ бы то ни было, а это культурное вліяніе, шедшее съ двухъ сторонъ, съ запада и юго-запада, еще болѣе расшатывало поколебленное уже политическими неудачами самомнѣніе московскаго общества. Подпадая подъ это вліяніе, московскіе люди начинали замѣчать хорошія стороны чужой жизни и дурныя своей, пріучались къ безпощадной критикѣ домашнихъ порядковъ, еще недавно казавшихся нерушимыми, какъ міръ. Ученики малорусскихъ иноковъ уже начинаютъ поговаривать про своихъ, московскихъ священниковъ, что «слушать у нихъ нечего», «учатъ они просто, сами ничего не знаютъ, чему учатъ». Знакомство съ чу-

жими, лучшими порядками, развиваясь, порождало и желаніе ввести ихъ у себя и такимъ образомъ рьяные патріоты незамѣтно для самихъ себя превращались наполовину или совсѣмъ въ поклонниковъ иноземной жизни, въ дѣятелей реформы. Я укажу Вамъ такое превращеніе подробнѣе на одномъ примѣрѣ человѣка не особенно виднаго по своему общественному положенію, не особенно выдававшагося своими умственными способностями. Тѣмъ любопытнѣе наблюдать, какъ отразилось на немъ вліяніе чужой жизни, съ которой ему пришлось близко столкнуться.

Въ 1673 г. стольникъ Вас. Мих. Тяпкинъ назначенъ былъ постояннымъ посломъ въ Польшу, сношенія съ которой въ это время сдѣлались особенно оживленными благодаря малороссійскому вопросу, и пробылъ на этой должности около 4-хъ лѣтъ. Насколько можно видѣть его характеръ и взгляды изъ его собственныхъ донесеній, онъ вовсе не былъ поклонникомъ какихъ-либо заморскихъ хитростей. Напротивъ, идеалъ государственнаго и общественнаго устройства лежалъ для него назади, въ только что покинутомъ отечествѣ и съ точки зрѣнія этого идеала онъ критикуетъ польскіе порядки. «Не такіе тутъ порядки, пишетъ онъ, что въ государствѣ Московскомъ, идѣже яко пресвѣтлое солнце на небеси, единъ монархъ и государь по вселенѣй просвѣщается и своими государскими повелѣніями, яко солнечными лучами, всюду единъ сіяетъ. Единаго слушаемся, единаго боимся, единому служимъ всѣ, единъ дастъ и отъемлетъ по данной ему Господомъ свыше благодати. А здѣсь что жбанъ, то панъ, не боится подобно и сотворшаго самого, не токмо обрашаго короля своего. Идѣже отнюдь не познаешь, какого постановленія и указу въ дѣлѣ одержать, токмо всѣ господа польскіе до лакомства (подарковъ) души свои завѣсили». Не нравятся русскому послу польскіе государственные порядки, не нравятся и люди. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ боярину Матвѣеву онъ сравниваетъ ихъ съ «лисами лукавыми» и жалуется, что отъ нихъ «правды трудно выразумѣть». Тѣмъ любопытнѣе слѣдить, какъ этотъ самый человѣкъ, такъ враждебно относящійся къ обстановкѣ, въ которую онъ попалъ, поддается все болѣе и болѣе ея дѣйствію, частью въ силу ея культурнаго обаянія, частью въ силу другихъ обстоятельствъ. Дѣло не ограничивается тѣмъ, что въ донесеніяхъ Тяпкина начинаютъ встрѣчаться польскія слова, даже тамъ, гдѣ имѣлись соотвѣтствующія русскія (такъ, онъ называетъ французское дворянство шляхтой, употребляетъ слово жалоба — печальныя одежды, нын. трауръ), тѣмъ, что сынъ его, бывшій вмѣстѣ съ нимъ въ посольствѣ, учился въ польскихъ школахъ и при отъѣздѣ, какъ доносилъ самъ Тяпкинъ, благодаря короля «за хлѣбъ и соль и за науку школьную», «говорилъ рѣчь по латынѣ, довольно переплетаючи съ польскимъ языкомъ, какъ тому обычай наукъ школьныхъ належитъ». Новыя понятія, съ которыми

познакомился Тяпкинъ, не ограничивались одною сферой частной жизни, но проникали и далѣе, въ его служебную дѣятельность, вызываемыя самымъ родомъ этой послѣдней. Въ его положеніи, какъ посла, была новость, заключавшаяся въ постоянствѣ должности. Жилъ онъ въ Польшѣ, говоря его словами, «въ странной, необыкновенной и новочинной службѣ пребывающе, которой отъ вѣка въ Московскомъ государствѣ не бывало» и эта новочинность службы незамѣтно влекла за собой другія новости и странности. Въ прежнее время послы московскіе служили простымъ орудіемъ передачи воли Посольскаго приказа, а черезъ него боярской думы. Они дѣлали и говорили только то, что имъ было предписано, произносили передъ правительствами, къ которымъ были отправлены, рѣчи, заранѣе составленныя въ приказѣ, имѣли при себѣ списки вопросовъ, которые могли быть имъ предложены по мнѣнію московскихъ правителей, и готовые отвѣты на нихъ, а на всѣ другіе вопросы должны были отзываться незнаніемъ. Доходило даже до того, что при посольскихъ съѣздахъ истинные наказы посламъ отправлялись не сразу, а тогда лишь, когда не было возможности согласиться на первыхъ поставленныхъ условіяхъ. Отправивъ свое дѣло, такіе послы немедленно и уѣзжали. Но Тяпкинъ находился въ иномъ положеніи. Живя въ Польшѣ въ качествѣ постояннаго посла, онъ видѣлъ необходимость выступать за рамки своего наказа. Ему уже стыдно отзываться невѣдѣніемъ о дѣлахъ, когда ему «смѣхи и укоризны дѣлаютъ, что резидентомъ будучи ни о чемъ не вѣдаетъ», и онъ добивается присылки вѣдомостей о важнѣйшихъ дѣлахъ изъ Посольскаго Приказа, ссылаясь на примѣръ польскаго резидента въ Москвѣ. Равнымъ образомъ онъ подмѣчалъ и усвоивалъ и другіе порядки иностранныхъ пословъ, по его мнѣнію, лучшіе. Такъ онъ писалъ, что при резидентахъ есть обыкновенно секретари «изъ равныхъ имъ братьевъ», которые могутъ при нуждѣ исправлять ихъ должность, сообщалъ, что резиденты имѣютъ обыкновенно портреты своихъ государей, а у кого ихъ нѣтъ, «тѣмъ великій позоръ приписуется». Не ограничиваясь и этими пассивными заимствованіями, Тяпкинъ, поставленный въ водоворотъ политическихъ событій, пріучается понемногу смотрѣть на нихъ болѣе критическимъ взоромъ. Вмѣсто простой передачи всего слышаннаго онъ сообщаетъ извѣстія со своей оцѣнкой, прибавляетъ свои соображенія и наконецъ даже совѣты — верхъ дерзости для московскаго посла. Остановившись на послѣднихъ, мы найдемъ въ нихъ не мало любопытнаго.

Въ началѣ 1667 года онъ пишетъ: «подобаетъ конечно Шведу отъ Лифляндовъ заиграть трубными и рыцерскими гласы. И не трудно. Господь поможетъ первымъ счастіемъ помазанника своего благословити, и не точію Лифляндты или Ригою, но и самымъ Варяжскимъ (Балтійскимъ) моремъ обдарити». Въ этихъ словахъ выражается какъ бы первая половина программы Петровской

внѣшней политики. Не менѣе любопытны и другіе совѣты Тяпкина. Въ мартѣ того же года, сообщая о готовящемся по слухамъ нападеніи Турокъ на Кіевъ, онъ прибавляетъ, что къ нему приходятъ «Волошскіе и Мурьянскіе великіе люди» и просятъ уговорить царя воевать съ Турціей, такъ какъ тогда они соединятся съ единовѣрной Россіей противъ общаго врага. Не ограничиваясь и этимъ, Тяпкинъ сообщаетъ, что и польскія области православнаго исповѣданія готовы соединиться съ Россіей, такъ какъ поляки преслѣдуютъ ихъ вѣру. «Протестантовъ и кальвинистовъ не смѣютъ трогать, потому что за нихъ стоятъ Бранденбургскій курфирстъ и шведскій король: еслибъ царь заступился за православныхъ въ договорахъ съ Польшей». Соединяя эти совѣты, мы получимъ всю программу политики Петровскаго правительства въ его отношеніяхъ къ Швеціи, Турціи и Польшѣ, съ той только существенной разницей, что этому правительству удалось осуществить на дѣлѣ только первую часть ея. На примѣрѣ Тяпкина мы видимъ, какъ средній московскій служилый человѣкъ, попавъ въ соприкосновеніе съ западной культурой, усвоиваетъ себѣ ея внѣшность и пытается схватить самое западное образованіе, какъ подъ вліяніемъ болѣе осложненныхъ отношеній, въ какія онъ попалъ, въ немъ вырабатывается способность и стремленіе къ болѣе сознательной дѣятельности и изъ простаго исполнителя онъ становится болѣе или менѣе самостоятельнымъ дипломатомъ.

Аналогичный съ этимъ процессъ происходилъ и въ жизни значительной части московскаго общества того времени. Поставленное въ соприкосновеніе съ иноземными порядками жизни, съ западной наукой, общество это въ значительной своей части стремится усвоить себѣ и порядки эти, и образованіе, рѣшительно подпадаетъ подъ чужое вліяніе. Только многіе изъ людей, поддавшихся такому вліянію, идутъ гораздо дальше въ своихъ заимствованіяхъ отъ него, чѣмъ это дѣлалъ Тяпкинъ. Знаменитый начальникъ Посольскаго приказа, б. Ординъ-Нащокинъ, до такой степени увлекся польскимъ вліяніемъ, что окружилъ своего молодого сына исключительно плѣнными поляками, преемники его по должности, Матвѣевъ и Голицынъ, шли въ томъ же направленіи: у послѣдняго была богатая библіотека и иностранцы отзывались о немъ, какъ о весьма образованномъ человѣкѣ. Старшіе сыновья и дочери ц. Алексѣя Михайловича учатся польскому языку, а царевичъ Федоръ переводитъ даже стихами псалмы. Стремленіе насадить у себя европейское образованіе, воспользоваться плодами западной культуры путемъ подражанія ей становится все сильнѣе и тотъ же Ординъ-Нащокинъ увѣряетъ, что русскіе все должны дѣлать съ примѣру нѣмцевъ. Но это стремленіе, развивающееся на почвѣ государственной политики и общественной жизни, встрѣчаетъ себѣ рѣзкій отпоръ въ религіозно-общественномъ движеніи, извѣстномъ подъ именемъ русскаго раскола.

Расколъ, какъ реакціонное религіозно-общественное движеніе.

Мы видѣли, каково было умственное состояніе московскаго общества въ 16-мъ вѣкѣ и какъ оно отразилось на религіозной почвѣ—суевѣріемъ, сухой обрядностью и соединенной съ ними нетерпимостью ко всему чужому, громаднымъ національнымъ самомнѣніемъ. Немного надобно добавить къ сообщеннымъ уже чертамъ для того, чтобы представить себѣ это состояніе въ половинѣ 17-го вѣка. Взошедшія уже сѣмена дали обильный плодъ и въ извѣстіяхъ иностранцевъ мы находимъ отраженіе грустной картины необразованности и суевѣрія народа. Одинъ изъ такихъ иностранцевъ, именно Маржеретъ, говоритъ: «таково невѣжество народа, что не найдется и трети, которая знала бы Отче нашъ и Вѣрую во единаго. *Можно сказать, что невѣжество народа есть мать его благочестія;* онъ ненавидитъ науки и особенно языкъ латинскій; не знаетъ ни школъ, ни университетовъ. Одни священники наставляютъ юношество чтенію и письму, чѣмъ впрочемъ немногіе занимаются». По словамъ того же Маржерета, въ московскихъ церквахъ никогда не бываетъ проповѣдей, а другой иностранецъ, бывшій въ Москвѣ въ 17-мъ столѣтіи, Олеарій, разсказываетъ, что патріархъ отправилъ даже въ ссылку одного священника, вздумавшаго вопреки обычаю проповѣдывать въ церкви. Представленіе же обо всемъ иноземномъ, какъ о неправославномъ, противорѣчащемъ истинной религіи, хранящейся въ Москвѣ, распространялось и на западную науку, предававшуюся въ этомъ смыслѣ даже проклятію въ Москвѣ. Въ одномъ изъ древнихъ поученій можно прочесть такія фразы: «богомерзостенъ передъ Богомъ всякъ любяй геометрію... а се душевніи грѣси, учитися астрологіи и еллинскимъ книгамъ... проклинаю прелесть тѣхъ, иже зрятъ на кругъ небесный, своему разуму вѣрующій удобь впадаетъ въ прелести различныя; люби простыню (простоту) паче мудрости; высочайшаго себѣ не изыскуй и глубочайшаго себѣ не испытуй, а елико ти предано отъ Бога готовое ученіе, то содержи». Вѣрно хранить завѣты предковъ, не допускать никакихъ противныхъ имъ новшествъ, стоять на святой старинѣ— вотъ въ чемъ была вся мудрость согласно такому міровоззрѣнію. А что взглядъ на эту обрядовую старину, какъ на нѣчто единственное правильное и священное, былъ очень сильно распространенъ, лучше всего доказывается тѣмъ фактомъ, что патріархъ Никонъ, впослѣдствіи самый крупный дѣятель церковной реформы, первоначально держался его, приписывая всѣмъ частнымъ обрядамъ, установившимся въ русской церкви, значеніе самыхъ древнихъ и правильныхъ. Проникновеніе въ московское общество чужихъ элементовъ, болѣе близкое общеніе съ образованіемъ у многихъ, въ томъ числѣ и у патріарха Никона, разбило такіе взгляды,

по другихъ заставило еще болѣе укрѣпиться въ нихъ и отшатнуться отъ самого образованія, являвшагося въ видѣ неправовѣрной латинской хитрости и оскорблявшаго національную гордость, привыкшую такъ высоко ставить Москву. Московскіе люди привыкли къ мысли, что они единственно православные, что всѣ другіе народы должны учиться у нихъ вѣрѣ и благочестію, а теперь явились учившіеся у поляковъ и латиновъ «хохлы», испестрившіе свою вѣру греки и утверждаютъ, что московскіе обычаи неправы, несогласны съ ученіемъ св. отцовъ. Понятно, какъ оскорбительны были такіе упреки, какое рѣзкое противодѣйствіе должны были они вызывать. Когда же московская церковная іерархія встала на сторону новыхъ учителей, стала исправлять книги и обряды согласно ихъ указаніямъ, часть общества рѣшительно отказалась слѣдовать за нею и такъ возникъ церковный расколъ. Одинъ изъ вождей раскола, знаменитый протопопъ Аввакумъ, весьма рельефно вскрываетъ передъ нами эту сторону его въ своей автобіографіи, разсказывая о соборѣ 1666—7 г. и тѣхъ увѣщаніяхъ, которыя дѣлались ему на этомъ соборѣ не отступать отъ церкви: «Послѣднее слово ко мнѣ (восточные патріархи) рекли: «что де ты упрямъ; вся де наша Палестина, и Серби, и Албансы, и Волохи, и Римляне, и Ляхи, всѣ де тремя персты крестятся; одинъ де ты стоишь на своемъ упорствѣ и крестишься двѣма персты; такъ не подобаетъ». И я имъ о Христѣ отвѣщалъ сице: «Вселенстіи учителіе! Римъ давно упалъ и лежитъ невосклонно и Ляхи съ нимъ же погибли, до конца враги были христіаномъ; и у васъ православіе пестро, отъ насилія Турскаго Магмета немощни есте стали; и впредь пріѣзжайте къ намъ учиться, у насъ божіею благодатію самодержство, до Никона отступника въ нашей Россіи у благочестивыхъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно и церковь немятежна». Столкновеніе такихъ двухъ противоположныхъ направленій не могло обойтись безъ борьбы. Дѣло было не въ однихъ обрядахъ двоеперстія и т. п., за которые стояли раскольники и которые отвергали ихъ противники. Эти обряды были лишь внѣшнимъ выраженіемъ противоположности двухъ стремленій, заходившей гораздо болѣе глубоко. Вопросъ ставился о томъ, идти ли московской Руси за «латинскими обычаями и нѣмецкими поступками», по выраженію того же Аввакума, или оставаться при своихъ началахъ быта, не допуская никакого чужеземнаго вліянія на нихъ. Но имѣнно при такой постановкѣ вопроса уступки казались невозможными. Уступить въ одной обрядовой мелочи значило признать превосходство въ дѣлахъ вѣры за чужеземцами, отказаться отъ обаянія своего православія, согласиться съ неизбѣжностію введенія западнаго образованія, такъ какъ всякая мелочь быта и тѣмъ болѣе церковнаго обряда представлялась въ глазахъ москвичей связанной со всей религіей, освященной авторитетомъ послѣдней.

Съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятна ожесточенная борьба, возникшая между представителями двухъ различныхъ теченій. Одни, увлеченные западной культурой и наукой, настаивали на необходимости усвоенія ея, другіе въ силу невѣжества, обостреннаго гордостью, отворачивались отъ нея, видя въ ней продуктъ страшной ереси, готовой подчинить себѣ и православную Москву. Понятно также, почему борьба этихъ двухъ теченій разразилась прежде всего на церковной почвѣ. Съ одной стороны именно связь всего государственнаго и частнаго быта съ понятіемъ православія, существовавшая въ умахъ московскихъ людей, побуждала ихъ переносить борьбу на эту почву, съ другой жалкое состояніе церковнаго образованія, все сильнѣе распространявшіеся безпорядки въ области церковныхъ обрядовъ вынуждали реформу въ этой области, которая при Никонѣ и послужила первымъ поводомъ къ столкновенію двухъ партій. Происшедшее теперь на церковной почвѣ, оно затрогивало однако весьма существенно и область государственнаго и общественнаго устройства и потому правительство, уже становившееся, какъ мы видѣли, во главѣ преобразовательныхъ стремленій, не могло оставаться равнодушнымъ зрителемъ начинавшейся въ лонѣ русской церкви борьбы и поторопилось поддержать церковную іерархію. Рѣзкая противоположность воззрѣній обѣихъ партій, не дававшая имъ возможности пойти на компромиссы, обусловила собою напряженность самой борьбы, жестокій характеръ средствъ, пускавшихся въ ходъ. Раскольники, противъ которыхъ встало правительство, очутились въ положеніи преслѣдуемыхъ и костры, тюрьмы, суровыя казни въ родѣ вырыванія языковъ были отвѣтомъ на ихъ обличенія церковной іерархіи въ неправовѣріи и отступничествѣ отъ православія. Казни неспособны были однако заглушить проповѣдуемыхъ раскольниками идей и только способствовали накопленію въ нихъ большей горечи и ненависти къ противникамъ. Ставя въ упрекъ послѣднимъ эти преслѣдованія рукою свѣтской власти, заявляя, какъ протопопъ Аввакумъ, что ихъ «Христосъ не приказалъ такъ учить, еже бы огнемъ да кнутомъ да висѣлицею въ вѣру приводить», они вмѣстѣ готовы были, какъ тотъ-же Аввакумъ, «руками растерзать проклятыхъ никоніанъ», когда бы ихъ воля была, еслибы имъ удалось захватить въ свои руки власть. Раздраженіе было обоюдное и начавшіяся преслѣдованія только все болѣе и болѣе раздували пламя вражды, вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно содѣйствуя перенесенію борьбы съ церковной на государственную почву. Преслѣдуемые свѣтскою государственной властью, раскольники усвоили себѣ взглядъ на ея представителей, какъ на зараженныхъ ересью, отрекшихся отъ православія, и начали проповѣдывать сопротивленіе приказаніямъ власти, касавшимся преобразованія церковнаго и гражданскаго быта.

Такъ болѣе близкое соприкосновеніе съ западной культурой вы-

звало въ русскомъ обществѣ 17-го вѣка глубокое разъединеніе интересовъ, раздѣлило его на двѣ партіи, рѣзко противоположныя по своимъ воззрѣніямъ и вступившія въ ожесточенную борьбу. Прежде чѣмъ перейти теперь къ проявленіямъ этой борьбы въ государственной жизни Москвы конца 17-го и начала 18-го вѣка, остановимся еще на минуту на тѣхъ условіяхъ, при которыхъ она велась. Мы видѣли уже, въ силу какихъ обстоятельствъ правительство становилось въ главѣ партіи преобразованія, но какими средствами могло оно располагать въ этой своей дѣятельности?

Значительную и безусловно преданную силу имѣло оно въ классѣ служилыхъ людей. Потерявшее свое старое политическое значеніе уже къ половинѣ 17-го вѣка боярство не могло помѣшать дальнѣйшему развитію тенденцій низшихъ служилыхъ людей, стремившихся къ открытію себѣ всѣхъ видныхъ чиновъ. Въ 17-мъ столѣтіи быстрое возвышеніе служилаго человѣка изъ скромнаго положенія дворянина или дьяка до боярскаго сана становится обычнымъ явленіемъ, мѣстничество все болѣе теряетъ свое значеніе для старыхъ аристократическихъ родовъ, а его неудобства въ государственной жизни становятся все болѣе осязательными. Съ окончательной побѣдой низшихъ служилыхъ людей, опиравшихся на царскую власть и въ свою очередь ее поддерживавшихъ, надъ родовой аристократіей, исчезло и мѣстничество: въ царствованіе Федора Алексѣевича оно было уничтожено по просьбѣ самихъ служилыхъ людей. Послѣдніе потеряли теперь послѣдній признакъ самостоятельнаго значенія, обратившись окончательно въ безусловно подчиненныхъ царской волѣ лицъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло между ними всякое различіе, не обусловливавшееся ихъ личнымъ служебнымъ положеніемъ. Эта масса непосредственныхъ слугъ, всѣмъ своимъ положеніемъ и служебнымъ, и экономическимъ обязанныхъ верховной власти и постоянно отъ нея зависѣвшихъ, создавала громадную силу въ рукахъ московскаго правительства и облегчала ему дѣло проведенія преобразовательныхъ плановъ.

Одновременно съ этимъ измѣняется положеніе правительства по отношенію къ народному представительству, падаетъ значеніе земскихъ соборовъ въ государственной жизни Москвы. Такое паденіе обусловлено было двумя обстоятельствами. Съ одной стороны разъединеніе общественныхъ классовъ, опредѣлившееся уже къ половинѣ 17-го столѣтія и нашедшее себѣ ясное выраженіе въ Уложеніи ц. Алексѣя, разбило бывшіе раньше общими интересы, принудило каждый классъ заботиться только о своихъ дѣлахъ и уклоняться даже отъ обсужденія вопросовъ, прямо его не затрогивавшихъ. На созываемыхъ правительствомъ соборахъ гости, купцы и духовенство начинаютъ отказываться отъ рѣшенія вопросовъ о воинскихъ дѣлахъ, служилые люди—

отъ сужденія о податяхъ, взимаемыхъ съ купцовъ и горожанъ, и т. д. Съ другой стороны опредѣлившееся уже участіе правительства въ дѣлѣ преобразованія, поднявшемъ такую ожесточенную борьбу взглядовъ, побуждаетъ его отстраниться отъ созыва большихъ представительныхъ собраній, на которыхъ легко можетъ отразиться та же борьба. Сильное сопротивленіе, встрѣченное первыми попытками церковной реформы, позволяло догадываться, что не меньшія преграды найдутъ себѣ и другіе вопросы преобразованія, и потому правительство предпочло избѣгнуть ожидаемаго сопротивленія на легальной почвѣ и не прибѣгать къ помощи соборовъ въ дѣлѣ перестройки московскаго быта. Но это необходимо предполагало и полное исчезновеніе соборовъ. Мѣсто ихъ заступаютъ теперь коммиссіи, созываемыя правительствомъ изъ членовъ какого-либо одного сословія, смотря по тому дѣлу, какое предстояло рѣшить, соборы же собираются все рѣже и наконецъ совсѣмъ исчезаютъ, не доживъ до 18-го вѣка. Правительство приняло такимъ образомъ форму безусловнаго самодержавія, не имѣя болѣе подлѣ себя ни народнаго представительства, ни сословій съ опредѣленными по отношенію къ государственной власти правами. Въ его рукахъ окончательно сосредоточилось и дѣло предстоявшей реформы, но это не устраняло конечно ведшейся изъ-за нея въ обществѣ борьбы, а лишь придавало ей особый видъ.

ВРЕМЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

16-я. ЛЕКЦІЯ.

Борьба дворцовыхъ партій при ц. Федорѣ. Избраніе Петра въ цари и майскій переворотъ 1682 года.

Отъ широкихъ вопросовъ общественной жизни, отъ великихъ партій, на которыя раздѣлился русскій народъ и которыя уже вступили въ борьбу другъ съ другомъ, ведя ее подъ церковнымъ знаменемъ, перейдемъ теперь временно въ болѣе тѣсную и узкую сферу домашней дворцовой жизни. Подъ конецъ 17-го вѣка и здѣсь шла борьба, правда лишь борьба различныхъ придворныхъ партій, но и она имѣетъ для насъ нѣкоторый интересъ. Съ одной стороны она нѣкоторыми своими сторонами приближалась къ грандіозному движенію народной жизни и съ теченіемъ времени все болѣе стала переплетаться съ нимъ, такъ что представители партій дворцовыхъ обратились затѣмъ и въ вождей народныхъ партій. Съ другой стороны вліяніе этихъ придворныхъ событій сказалось на будущемъ преобразователѣ раньше всякаго другаго, раньше, чѣмъ ему стали доступны и понятны запросы московской государственной политики и народнаго быта. Поэтому далеко не лишнимъ будетъ остановиться на фактахъ этой дворцовой борьбы.

Царь Алексѣй Михайловичъ женатъ былъ два раза, первый разъ на Милославской, второй—на Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной, и имѣлъ многочисленное потомство. Отъ перваго брака у него было 8 дочерей и 5 сыновей, изъ которыхъ впрочемъ только 6 дочерей и 2 сына пережили отца, отъ втораго брака—сынъ Петръ. Этотъ второй бракъ ц. Алексѣя—на Нарышкиной произвелъ въ свое время большую сенсацію при дворѣ. Москов-

скіе цари не заключали браковъ съ иноземными дворами, такъ какъ этому препятствовало различіе вѣроисповѣданій. Съ другой стороны, женясь у себя дома, они не выбирали себѣ невѣсть непремѣнно изъ знатныхъ фамилій, такъ какъ это могло бы возвысить значеніе послѣднихъ; стремясь всегда доказать, что передъ ними равны всѣ подданные, цари не оставляли этого стремленія и тогда, когда отыскивали себѣ подругу жизни, а потому и брали послѣднюю безразлично изо всѣхъ дворянскихъ и боярскихъ семей. Съ этой цѣлью при выборѣ царемъ или наслѣдникомъ себѣ невѣсты разсылались разсыльщики по всѣмъ городамъ и областямъ съ тѣмъ, чтобы они осмотрѣли всѣхъ дворянскихъ и боярскихъ дочерей и всѣхъ красивыхъ дѣвушекъ велѣли отцамъ или родственникамъ ихъ везти въ Москву на царскій смотръ. Привезенныхъ сюда дѣвушекъ осматривали прежде приближенные бояре царя, въ свою очередь выбирали изъ нихъ самыхъ красивыхъ и пригожихъ и ихъ уже представляли на царскія, смотрины. Та изъ нихъ, которая на этихъ смотринахъ наиболѣе полюбилась царю, и дѣлалась его женою. Такимъ образомъ Московской династіи случалось очень часто родниться съ самыми невидными фамиліями. Но какъ бы незнатенъ ни былъ родъ, онъ въ силу родства своего съ царемъ пріобрѣталъ новое значеніе: близкіе родственники царицы становились близко и къ ея мужу, быстро подпимались по лѣстницѣ чиновныхъ отличій и, если были одарены отъ природы необходимыми способностями, дѣлались великими людьми въ государствѣ. Имъ уже совѣстно становилось подчиняться правиламъ мѣстничества, гдѣ принималось въ разсчетъ только ихъ происхожденіе, а не вновь достигнутое ими положеніе, и Котошихинъ сообщаетъ, что, «которые бояре царю свойственные по царицѣ, и они въ думѣ и у царя за столомъ не бываютъ, потому что имъ подъ иными боярами сидѣть стыдно, а выше не умѣть, что породою не высоки». Но и не входя въ мѣстническіе счеты со знатными боярскими родами, царицыны родственники занимали въ силу естественной своей близости къ династіи видныя мѣста, пріобрѣтали важное значеніе и послѣднее дѣлалось тѣмъ серьезнѣе, чѣмъ болѣе сама царская власть освобождалась отъ всякихъ стѣсненій, становясь абсолютной. Такой порядокъ продолжался и при Алексѣѣ Михайловичѣ и родственники первой жены его— Милославскіе сдѣлались видными членами московскаго правительства, чѣмъ и пользовались безъ особыхъ стѣсненій ради своей выгоды и наживы. Царь Алексѣй былъ человѣкъ горячій, скорый и на слово, и на руку, и, разъ вспыливъ, не щадилъ уже никого. Случилось разъ во время польской войны, что кн. Хованскій потерпѣлъ сильное пораженіе и боярская дума созвана была на совѣтъ. Тесть царя, боярин Милославскій, заявилъ, что, если ему дадутъ начальство надъ войскомъ, онъ скоро при-

ведетъ плѣнникомъ самого польскаго короля. Такое безстыдное хвастовство взбѣсило царя, онъ съ бранью выдралъ старика тестя за бороду и вытолкалъ изъ палаты. Но это и подобныя происшествія были минутными вспышками, вообще же ц. Алексѣй, мягкій и добродушный по природѣ, не противился вліянію женпныхъ родственниковъ п, даже видя ихъ не совсѣмъ благовидные поступки, не всегда находилъ въ себѣ силу воспрепятствовать имъ. Милославскіе возвышались и богатѣли, и вмѣстѣ съ ними возвышались и всѣ ихъ родственники. Но царь овдовѣлъ и женился вторично на воспитанницѣ начавшаго въ это время подниматься въ гору Матвѣева. Прп новой царицѣ получили вліяніе и новые люди, Милославскіе были отодвинуты въ тѣнь, нѣкоторые изъ нихъ подверглись и наказанію за открытыя плутни и увлеченіе молодой женою заставило царя гораздо холоднѣе относиться даже къ своимъ дѣтямъ отъ перваго брака, особенно послѣ того какъ у Натальи Кирилловны родился сынъ, названный Петромъ. Самымъ приближеннымъ человѣкомъ къ царю сдѣлался Матвѣевъ, получившій санъ боярина и должность начальника Посольскаго приказа. Горечь, досада и ненависть противъ царицы и новыхъ людей, привлекшихъ къ себѣ царскую милость и любовь, накипали въ душѣ первой семьи царя и ея родственниковъ, Милославскихъ, за всѣ послѣдніе годы царствованія Алексѣя. При дворѣ образовалось двѣ партіи: Нарышкиныхъ и Милославскихъ, и если первая пока торжествовала, то вторая могла утѣшать себя тѣмъ, что наступитъ и на ея улицѣ праздникъ, такъ какъ наслѣдство по смерти Алексѣя Михайловича должно было перейти къ старшимъ сыновьямъ его отъ перваго брака. Но была одна подробность, набрасывавшая мрачную тѣнь на это предвкушеніе торжества и дозволявшая Нарышкинымъ разсчитывать и удержать за собою власть. По странной игрѣ природы всѣ почти сыновья Алексѣя Михайловича, пользовавшагося желѣзнымъ здоровьемъ и громадной силой, отличались замѣчательной хилостью и болѣзненностью. Трое изъ нихъ умерло при жизни отца, трое осталось жить, но изъ нихъ Федоръ, мальчикъ неглупый и образованный, былъ крайне слабъ, у Ивана же съ физической болѣзненностью соединялось еще и слабоуміе. Только Петръ—сынъ Натальи Кириловны, унаслѣдовалъ, казалось, физическія свойства своего отца. Эти свойства—крѣпость, сила и здоровье, перешли и къ дочерямъ царя отъ первой жены, которыя унаслѣдовали и другія качества отца, его свѣтлый, проницательный умъ и горячій характеръ. Особенно выдавалась этими качествами одна изъ царевенъ – Софья, о которой даже самые ярые враги ея отзывались, что она «великаго ума и самыхъ нѣжныхъ проницательствъ, больше мужеска ума исполненная дѣва». Благодаря новымъ вліяніямъ, проникшимъ въ царскій дворецъ, Софья получила и иное образованіе, не то, какое раньше получали царевны; вмѣстѣ съ

братомъ Федоромъ брала она уроки у Симеона Полоцкаго и сдѣлала не малые успѣхи. Но какъ бы то ни было, а при естественномъ ходѣ дѣлъ царевны не могли управлять государствомъ: имъ предстояла только одинокая жизнь въ дворцовомъ теремѣ. Придворныя партіи, одна съ надеждой, другая со страхомъ, могли ожидать, что ц. Алексѣй, переживший уже трехъ своихъ сыновей отъ Милославской, переживетъ и остальныхъ двухъ, и тогда власть естественнымъ и законнымъ путемъ перейдетъ къ Петру и, слѣдовательно, къ Нарышкинымъ.

Эти ожиданія и опасенія не сбылись. Алексѣй Михайловичъ умеръ неожиданно, когда находился, повидимому, еще въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ, и законнымъ наслѣдникомъ его остался 14-тилѣтній Федоръ. Существуетъ извѣстіе, что Матвѣевъ и Нарышкинъ, ожидая себѣ всякаго худа отъ родственниковъ молодого царя, пытались мимо Федора возвести на престолъ Петра, но попытка эта не удалась имъ. Какъ бы то ни было, гроза, давно собиравшаяся, не замедлила разразиться надъ Нарышкиными. Ближними совѣтниками царя сдѣлались теперь Милославскіе и первымъ ихъ дѣломъ было погубить Матвѣева. У него отнято было начальство надъ Посольскимъ приказомъ и велѣно было ему ѣхать воеводою на Верхотурье. До мѣста назначенія ему однако доѣхать не пришлось. По дорогѣ нагнали его гонцы, остановили и взяли у него всѣхъ людей и все имущество его; надъ нимъ начался судъ по обвиненію въ чернокнижіи и отравленіи покойнаго царя. Держаніе у себя лечебника было вмѣнено Матвѣеву въ государственное преступленіе, такъ какъ лечебникъ этотъ на судѣ принялъ видъ «черной книги». О смыслѣ обвиненій, объ ихъ цѣлесообразности враги его не особенно заботились, имъ важно было найти предлогъ для обвиненія и разъ предлогъ этотъ подвернулся въ видѣ доноса на Матвѣева одного изъ его слугъ и доктора, то оставалось лишь держаться за него. Поэтому же судъ надъ опальнымъ бояриномъ былъ совершенъ почти безъ допроса его и онъ напрасно жаловался, что съ нимъ поступаютъ хуже, чѣмъ со Стенькой Разинымъ, котораго судили всѣ бояре. Лишенный всего имущества, Матвѣевъ былъ отправленъ въ ссылку въ Пустозерскъ, причемъ ему дана была тысяча рублей. Но однимъ Матвѣевымъ расходившаяся ненависть Милославскихъ не удовольствовалась, она обрушилась и на родственниковъ вдовой царицы. Изъ послѣднихъ наиболѣе выдавался своимъ смѣлымъ, самонадѣяннымъ характеромъ братъ ея — Иванъ Кирилловичъ. Вскорѣ и онъ попалъ подъ судъ уже по обвиненію въ умыслѣ на жизнь Федора съ цѣлью будто бы возвести на престолъ Петра, и также отправился въ ссылку. Положеніе самой Натальи Кирилловны стало крайне тяжелымъ: ей пришлось теперь на себѣ испытать всю горечь, соединенную съ положеніемъ опальнаго члена царской семьи, пришлось ежеминутно дрожать за сво-

ихъ родственниковъ и приверженцевъ. Ея воспитатель и названный отецъ, ея любимый братъ были въ ссылкѣ, а люди, стоявшіе теперь у власти, относились къ ней съ пренебреженіемъ, вымещая всѣ прежнія обиды. Такая жизнь продолжалась для вдовой царицы и Нарышкиныхъ втеченіе всего почти царствованія Федора Алексѣевича, хотя господство Милославскихъ надъ нимъ скоро кончилось и мѣсто ихъ заняли другіе люди. Этими людьми были незнатные, но самые приближенные по своей должности къ царю и съумѣвшіе ему понравиться, дворяне — первый постельничій Языковъ и комнатный стольникъ Лихачевъ. Ихъ возвышеніе началось съ того момента, когда Федоръ отшатнулся отъ Милославскихъ, замѣтивъ ихъ корыстныя и себялюбивыя цѣли, и пошло впередъ быстрыми шагами; къ концу царствованія Федора Языковъ былъ уже боярином — возвышеніе, въ прежнее время немыслимое. Къ этимъ двумъ лицамъ присоединился третій человѣкъ, членъ одного изъ самыхъ знатныхъ родовъ Москвы, кн. Вас. Вас. Голицынъ, выдававшійся своимъ образованіемъ, умомъ и дипломатическими способностями и сблизившійся съ сестрой царя царевной Софьей. Этимъ лицамъ не за что было мстить Натальѣ Кирилловнѣ, не не зачѣмъ было и угождать ей: для нихъ, опиравшихся исключительно на милость ц. Федора, вдовая царица и ея родственники были безразличны, и такое отношеніе къ послѣднимъ измѣнилось лишь въ концѣ царствованія Федора, когда умеръ единственный его ребенокъ, а вслѣдъ за нимъ и жена. При все увеличивавшейся слабости Федора нельзя было думать, чтобы онъ могъ жениться во второй разъ и имѣть потомство, стало быть наслѣдство должно было перейти къ одному изъ его братьевъ, Ивану или Петру. Съ первымъ получали власть Милославскіе, оттертые изъ нея временщиками Федорова царствованія и потому негодовавшіе на нихъ, со вторымъ—Нарышкины, съ которыми можно еще было примириться. Языковъ и Лихачевъ и пошли на послѣднее, ссылка Матвѣева была облегчена: кн. Голицынъ, тѣсно связанный съ Софьей, занялъ выжидательное положеніе.

28 апрѣля 1682 года Федоръ Алексѣевичъ скончался и обѣ партіи, Милославскихъ и Нарышкиныхъ, опять стояли одна противъ другой, готовясь къ борьбѣ. Но взаимное положеніе ихъ было теперь иное. Если Федоръ былъ только слабъ физически, то новый претендентъ на корону со стороны Милославскихъ былъ еще и слабоуменъ, тогда какъ Петръ, оставшійся послѣ отца трехлѣтнимъ ребенкомъ, достигъ теперь уже десятилѣтняго возраста и быстрое его развитіе подавало надежду, что за него не долго будутъ править другіе. Тѣмъ не менѣе положеніе Милославскихъ было такое, что заставляло ожидать съ ихъ стороны самыхъ отчаянныхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Наиболѣе приверженные къ Петру и его матери бояре, въ числѣ ихъ дядька

Петра -ки. Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, отправляясь по смерти царя во дворецъ, сочли даже нужнымъ одѣть подъ платье панцыри и кольчуги. Однако до вооруженной схватки дѣло на этотъ разъ не дошло. Спорный вопросъ — кому изъ двухъ царевичей заступить мѣсто покойнаго брата, былъ рѣшенъ чинами земскаго собора, большинство которыхъ высказалось за Петра. Послѣдній и былъ провозглашенъ царемъ и этимъ былъ покончень,—какъ оказалось вскорѣ, лишь на самое короткое время—споръ двухъ партій. Нарышкины сразу почувствовали свою силу и не старались скрывать торжества. Посланы были гонцы вернуть Матвѣева изъ ссылки въ Москву, а вернувшійся еще ранѣе его Иванъ Нарышкинъ возвратилъ себѣ всю самонадѣянность. На отпѣваніи покойнаго царя царица Наталья съ Петромъ не дождалась даже конца обряда въ придворной церкви и ушла къ себѣ домой. Старшія царевны оскорбились такимъ неуваженіемъ къ памяти брата и послали съ выговоромъ къ царицѣ, но та отвѣчала, что Петръ еще малъ и не можетъ выстоять долгой службы не ѣвши, а братъ ея прибавилъ: «кто умеръ, тотъ пусть и лежитъ, а царское величество не умиралъ, живъ». Мало хорошаго предвѣщало такое начало и сестрамъ Федора, и всѣмъ Милославскимъ. Ихъ противники не скрывали своихъ чувствъ по отношенію къ нимъ и они для предотвращенія грозящей имъ бѣды должны были прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, которыя одни могли спасти ихъ. Въ эту критическую минуту изъ семьи царевенъ выдвинулась впередъ умная, энергичная и властолюбивая Софья. На похоронахъ Федора, она вопреки обычаю отправилась изъ придворной церкви пѣшкомъ за похоронной процессіей въ соборъ и во все продолженіе пути горько причитала и плакала. Но причитанія эти носили не совсѣмъ обыкновенный характеръ. «Видите, обращалась царевна къ народу, какъ братъ нашъ царь Феодоръ неожиданно отошелъ съ сего свѣта, отравили его враги зложелательные; умилосердитесь надъ нами сиротами, нѣтъ у насъ ни батюшки, ни матушки, ни брата; старшій братъ нашъ Иванъ не выбранъ на царство; а если мы передъ вами или боярами провинились, то отпустите насъ живыхъ въ чужія земли, къ королямъ христіанскимъ».

Эти слова, бросавшія мрачную тѣнь на новое правительство, были только прелюдіей къ жестокой и кровавой драмѣ, подготовлявшейся уже въ стѣнахъ Москвы. Послѣдній годъ жизни ц Федора былъ между прочимъ ознаменованъ волненіями московскихъ стрѣлецкихъ полковъ. Стрѣльцы, заведенные первоначально для отправленія полицейской службы, обратились затѣмъ въ постоянную армію, причемъ число ихъ значительно возросло, но на нихъ же лежали и первыя ихъ обязанности. Главная часть стрѣлецкаго войска жила слободами въ Москвѣ и ея предмѣстьяхъ, занимаясь въ свободное отъ службы время земледѣліемъ и тор-

говлей Духъ раздраженія и недовольства, охватившій московское общество съ половины 17-го вѣка, когда появились особенно сильныя повизны и началась борьба двухъ направленій, проникъ и въ ряды стрѣлецкой арміи, а къ этому еще присоединилось обстоятельство, составившее конкретную причину неудовольствія. Приближенные царя Федора, будучи вынуждены считаться съ знатными боярами, которыхъ оскорбляло ихъ возвышеніе, и представляя изъ себя людей не особенно энергическихъ, ослабили бразды правленія и далеко не съ должной строгостью относились къ злоупотребленіямъ начальниковъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ и начальника Стрѣлецкаго Приказа, князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго. Послѣдній былъ старъ и боленъ, управлялъ приказомъ собственно сынъ его Михаилъ, и благодаря его небрежности стрѣльцы терпѣли много обидъ. Ихъ полковники обращали ихъ въ свою прислугу, брали поборы, заставляли работать на себя и т. д. Жалобы стрѣльцовъ непосредственно центральному правительству не приносили пользы, такъ какъ правители боялись обидѣть Долгорукаго; жалобы послѣднему, который стоялъ за полковниковъ, также оставались безуспѣшными. Все это вызвало среди стрѣльцовъ глухое волненіе уже при Федорѣ и послѣ его смерти оно выразилось тѣмъ, что часть стрѣльцовъ отказалась присягать избранному на царство Петру. Ихъ успѣли однако убѣдить и волненіе временно улеглось. Но вскорѣ явилась во дворецъ депутація отъ стрѣльцовъ съ требованіемъ выдачи имъ головою 9-ти наиболѣе возстановившихъ противъ себя войско полковниковъ. Правительство Нарышкиныхъ, не вполнѣ еще увѣренное въ своей крѣпости, пошло на уступки: оно не выдало полковниковъ, но распорядилось арестовать ихъ, безъ суда признало ихъ виновными въ насиліяхъ надъ стрѣльцами и поборахъ съ нихъ и велѣло выставить ихъ на правежъ съ цѣлью возвращенія ими награбленныхъ денегъ. Стрѣльцы почувствовали свою силу и слабость правительства, дисциплина въ войскѣ рухнула и начальники потеряли всякое значеніе. Въ это время среди стрѣльцовъ появились агенты Софьи, доказывая, что новое правительство незаконно, что обойденъ прямой царь и стрѣльцамъ слѣдуетъ возстановить его, причемъ ихъ услуги конечно не останутся безъ вознагражденія. Войску, разъ ступившему уже на путь бунта, не трудно было поддаться такимъ увѣщаніямъ: отъ стараго правительства оно могло рано или поздно ждать себѣ наказанія, новое обѣщало ему награду. Но пока движеніе еще сдерживалось тѣми же самыми агентами, которые его возбуждали. Софья и Милославскіе ждали пріѣзда Матвѣева, въ которомъ они видѣли главную силу Нарышкиныхъ. Однимъ изъ главныхъ дѣятелей по возмущенію стрѣльцовъ сдѣлался при этомъ князь Хованскій, человѣкъ смѣлый и честолюбивый, но не особенно

способный, затправшійся до тѣхъ поръ другими и мечтавшій выдвинуться впередъ при новомъ правительствѣ.

Наконецъ, вечеромъ 12-го мая пріѣхалъ въ Москву Матвѣевъ. 15-го числа агенты Милославскихъ подали сигналъ и стрѣлецкій бунтъ разразился. Утромъ этого дня по стрѣлецкимъ слободамъ разнеслась вѣсть, что царевичъ Иванъ убитъ Нарышкиными. Вооруженныя толпы стрѣльцовъ немедленно двинулись въ Кремль, заняли всѣ ворота его, наводнили площадь передъ Краснымъ крыльцомъ и громко требовали выдачи царскихъ лиходѣевъ. Къ нимъ вышла на крыльцо окруженная придворными царица съ Петромъ и Иваномъ и этотъ видъ на нѣкоторое время успокоилъ толпу, но вслѣдъ затѣмъ она съ новой яростью начала требовать выдачи ей нѣсколькихъ бояръ, приверженцевъ Нарышкиныхъ, увѣряя, что они хотятъ погубить Ивана и не сегодня—завтра изведутъ его. Кроткая рѣчь Матвѣева успокоила было на время стоявшихъ передъ крыльцомъ стрѣльцовъ, но начальникъ ихъ, князь Михаилъ Юрьевичъ Долгорукій, гнѣвными приказаніями снова вывелъ ихъ изъ себя. Въ это же время рванулась на крыльцо другая толпа, занедужая въ обходъ. Долгорукій, Матвѣевъ и нѣсколько другихъ бояръ пало подъ ударами копій, остальные разбѣжались, бѣжала и царица въ комнаты дворца. Стрѣльцы, не слушая увѣщаній патріарха, кинулись тутъ же искать «измѣнниковъ» т. е. наиболѣе ревностныхъ и опасныхъ приверженцевъ Нарышкиныхъ, списокъ которыхъ розданъ былъ имъ заранѣе. Другіе разсыпались по городу, разыскивая намѣченныя жертвы, убивая ихъ и грабя ихъ дома Одна изъ такихъ толпъ зашла къ князю Юрію Алексѣевичу Долгорукому извиниться въ убійствѣ его сына. Старикъ выслушалъ ихъ, далъ имъ прощенье, котораго они просили, и даже угостилъ ихъ виномъ. Но, когда они ушли, онъ сталъ утѣшать плакавшую сноху, говоря, что скоро всѣ стрѣльцы будутъ перевѣшаны. Слова эти подслушалъ холопъ и передалъ стрѣльцамъ: они вернулись и старикъ Долгорукій былъ убитъ, какъ и его сынъ. Но особенно ревностно искали теперь стрѣльцы брата царицы, Ивана Кирилловича Нарышкина. Два дня царица скрывала его во дворцѣ, но на третій къ ней приступили всѣ бояре и царевна Софья съ упреками, что изъ-за ея брата имъ всѣмъ придется погибнуть, и настойчиво требовали выдачи его стрѣльцамъ. Растерянная, не видѣвшая никакого средства усмирить волненіе, царица должна была уступить. Иванъ Нарышкинъ вышелъ къ стрѣльцамъ, они долго пытали его, добиваясь сознанія въ замыслахъ на жизнь царевича Ивана и въ желаніи захватить себѣ московскую корону, но онъ ни въ чемъ подобномъ не сознался и наконецъ былъ казненъ стрѣльцами Три дня продолжался этотъ стрѣлецкій бунтъ. три дня улицы Москвы представляли сцены убійствъ и грабежей; къ стрѣльцамъ присоединились многіе холопы, желавшіе путемъ убійства господъ выйти на волю.

Наконецъ послѣ казни Ивана Нарышкина волненіе стало улегаться. Но оно было средствомъ для достиженія болѣе далекой цѣли и съ болѣе серьезными требованіями пришлось имѣть дѣло только теперь. Напугавъ и обезсиливъ правительство, стрѣльцы стали предъявлять ему одну за другой челобитныя, заключавшія въ себѣ какъ тѣ желанія Софьи и Милославскихъ, ради которыхъ и былъ поднятъ бунтъ, такъ и собственныя требованія стрѣльцовъ. 18-го мая стрѣлецкая депутація подала царю просьбу о постриженіи дѣда его, боярина Кирилла Полуэхтовича Нарышкина. 19-го новая челобитная требовала награды стрѣлецкому войску за оказанныя имъ услуги въ дѣлѣ искорененія измѣнниковъ въ размѣрѣ 240.000 р. и предоставленія ему же всего имѣнія убитыхъ бояръ, 20-го была подана челобитная о ссылкѣ нѣсколькихъ изъ Нарышкиныхъ, А. Матвѣева и еще нѣкоторыхъ бояръ и дворянъ, державшихъ сторону Петра. Всѣ эти просьбы и требованія были исполнены правительствомъ и такимъ образомъ расчищена была почва для выполненія главной цѣли всего предпріятія. 23-го мая стрѣльцы опять подали челобитную и въ ней требовали, чтобы оба царя —Петръ и Иванъ, правили вмѣстѣ. Этого дѣла правительство не могло рѣшить своею властью и созванъ былъ снова земскій соборъ. Подъ угрозою стрѣлецкихъ копій члены его быстро перемѣнили свое мнѣніе и согласились на двоевластіе, находя, что это очень удобная форма правленія. Стрѣльцы однако и послѣ того продолжали свои челобитья, ставя, такъ сказать, точки надо всѣми і. Новая депутація ихъ потребовала, чтобы Иванъ былъ первымъ царемъ, а Петръ лишь вторымъ. Ни Иванъ, ни Петръ не могли еще править самостоятельно и требованіе это въ сущности означало только желаніе, чтобы Нарышкины совершенно были устранены отъ управленія. Наконецъ 29-го мая послѣдовала еще челобитная: такъ какъ оба царя еще молоды и сами править не могутъ, то за нихъ должна править сестра ихъ, царевна Софья Алексѣевна. Такое требованіе было лишь подтвержденіемъ установившагося уже порядка. Въ дни смуты, когда всѣ правительственныя лица растерялись и попрятались, одна Софья, вызвавшая волненіе, сохранила присутствіе духа и распоряжалась всѣмъ. Разъ партія Нарышкиныхъ была сломлена и отодвинута отъ власти, разъ первымъ царемъ становился немощный и слабоумный Иванъ, то конечно только одна Софья, главная виновница всего этого, могла быть и правительницей, тѣмъ болѣе, что родственники ея Милославскіе не имѣли никакого авторитета и компрометировали себя еще при покойныхъ отцѣ и братѣ ея. Софья сочла нужнымъ однако втеченіе нѣкотораго времени отказываться отъ званія и власти правительницы и приняла то и другое лишь послѣ долгихъ уговоровъ. Закончивъ переворотъ, стрѣльцы чувствовали однако, что онъ не можетъ быть названъ легальнымъ, и стремились оправдать себя. Съ этой цѣлью

они обратились къ государямъ и къ Софьѣ еще съ одной просьбой. Указывая на свои заслуги, они просили увѣковѣчить память объ нихъ и для этого перемѣнить названіе стрѣльцовъ на имя надворной пѣхоты и поставить на Красной площади столбъ, на которомъ была бы вырѣзана похвала стрѣльцамъ за ихъ славныя ратныя дѣянія. Благодарная правительница не отказала имъ въ этомъ. Начальникомъ же надворной пѣхоты сдѣлался князь Хованскій.

Такъ закончился первый актъ этой трагедіи — борьбы придворныхъ партій. Старшая семья царя Алексѣя Михайловича еще разъ, путемъ напряженныхъ усилій, побѣдила младшую и представительница ея — царевна Софья, встала у кормила правленія. Нарышкины были унижены и оттерты отъ престола и вся власть собралась въ рукахъ Софьи. Но пораженіе не было еще безусловнымъ; Софья могла удержать власть лишь до тѣхъ поръ, пока братья, именемъ которыхъ она управляла, не требовали ее себѣ. Одинъ изъ нихъ, Иванъ, не могъ этого сдѣлать никогда, другой, Петръ, былъ еще слишкомъ молодъ. Но современемъ борьба должна была возобновиться еще разъ.

17-я и 18-я ЛЕКЦІИ.

Правленіе царевны Софьи. Положеніе правительства. Общественныя и дворцовыя движенія. Внѣшняя политика правительства. Петръ — его образованіе и забавы. Переворотъ 1689 года и сверженіе Софьи.

Правленіе царевны Софьи. Новое правительство, захватившее въ свои руки власть путемъ майскаго переворота 1682 года, было одушевлено самыми благими намѣреніями. Главою его была царевна Софья, ученица Симеона Полоцкаго, дѣвушка, обладавшая умомъ «больше мужеска»; самымъ приближеннымъ къ ней человѣкомъ сдѣлался князь Вас. Вас. Голицынъ, одинъ изъ наиболѣе образованныхъ людей среди московскаго боярства, поклонникъ западной науки и жизни. Можно было ждать, что при такомъ составѣ правительства оно рѣшительно встанетъ на сторону партіи реформы и будетъ дѣйствовать въ ея смыслѣ, отбросивъ тѣ колебанія между старымъ и новымъ, какія были еще свойственны правительству царей Алексѣя и Федора. И дѣйствительно, мы имѣемъ свѣдѣнія, что Голицынъ задумывалъ широкіе планы преобразованій государственныхъ и общественныхъ отношеній Московской Руси. Вниманіе его, какъ и другихъ московскихъ государственныхъ дѣятелей, мечтавшихъ о преобразованіи, прежде всего устремлялось на военное дѣло, составлявшее самое слабое, самое больное мѣсто въ государственной жизни Москвы конца 17-го вѣка. Голицынъ хотѣлъ устроить въ Москвѣ постоянную армію изъ тѣхъ же дворянъ, которые теперь составляли временныя ополченія, и съ этимъ соединялъ рѣшеніе еще одного вопроса, также начавшаго уже занимать умы болѣе прозорливыхъ людей, именно вопроса о положеніи крестьянства, годъ отъ году становившемся хуже. По плану любимца царевны эти вопросы должны были рѣшиться слѣдующимъ образомъ: крестьяне освобождались отъ власти своихъ помѣщиковъ и выходили на волю, сохраняя при этомъ за

собою ту землю, которую они обрабатывали, но въ видѣ вознагражденія за нее они должны были вносить постоянный ежегодный оброкъ и этотъ послѣдній образовывалъ изъ себя фондъ, шедшій на содержаніе служилыхъ людей на службѣ. Къ нему присоединялась еще подать, взимаемая съ крестьянъ, совершенно увольнявшихся отъ военной службы, вмѣсто прежняго сбора даточныхъ людей въ армію. Войско такимъ образомъ дѣлалось постояннымъ и исключительно дворянскимъ, а крестьяне совершенно освобождались отъ частной зависимости, переходя въ непосредственное вѣдѣніе государства. Къ сожалѣнію эти планы извѣстны намъ только въ очень общей и несовсѣмъ ясной передачѣ ихъ иностранцемъ, французомъ Невплемъ, бывшимъ въ Москвѣ, но не освоившимся достаточно съ ея жизнью, чтобы имѣть возможность вполнѣ понять то направленіе, какое хотѣлъ придать реформѣ Голицынъ, и тѣ средства, какими онъ думалъ ее осуществить. Самъ человѣкъ высоко образованный, Голицынъ указывалъ и другимъ на необходимость образованія, совѣтовалъ московскимъ боярамъ отдавать своихъ дѣтей въ польскія коллегіи и посылать въ западныя государства для науки. При Софьѣ сдѣлана была наконецъ попытка насадить высшее образованіе и въ самой Москвѣ: задуманная при Федорѣ Академія была открыта и главными учителями въ ней сдѣланы выѣхавшіе съ Востока греки, братья Лихуды.

Но правительству Софьи не удалось далеко зайти на пути реформы московскаго государственнаго быта и роившіеся въ головѣ ки. Голицына преобразовательные планы такъ и остались планами, не перейдя въ дѣло. Причина этого коренилась въ основной непрочности правительства, выросшаго изъ дворцовыхъ смутъ, постоянно угрожаемаго ими и столкнувшагося съ глубокими общественными задачами, съ сильной борьбой внутри государства и съ крупными вопросами и дѣлами внѣшней политики. Прежде всего правительству пришлось выдержать столкновеніе съ недовольными общественными элементами.

Со времени собора 1666/7 г., произнесшаго анаѳему на раскольниковъ, проведена была среди русскаго общества красной чертой граница, раздѣлившая его на двѣ партіи. Правительство и раньше стояло на стражѣ церковнаго единства, подавляя ереси, въ данномъ же случаѣ его интересы были затронуты такъ сильно, что оно тѣмъ болѣе не могло оставаться равнодушнымъ. Оно употребило всѣ свои силы на борьбу съ расколомъ: проповѣдниковъ его ссылали въ Сибирь и другія отдаленныя области, рѣзали имъ языки, жгли и вѣшали ихъ, уклоняющихся въ расколъ также казнили смертью или вѣчнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Всѣ эти мѣры плохо помогали: расколъ росъ и ширился, число его послѣдователей все увеличивалось, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ душахъ ихъ накоплялась ненависть къ этому гнету и желаніе его сбросить, начинавшее принимать все болѣе рѣшительныя формы.

Сперва дѣло дошло до пассивнаго сопротивленія. Преслѣдованія создали особую секту самосожигателей: раскольники, ожидая себѣ за мученическую смерть награды свыше, но не рѣшаясь выносить тѣ муки, какимъ ихъ подвергали царскіе палачи, предпочитали самоубійство. Запершись въ избѣ, они при приближеніи приставовъ и командъ, отправленныхъ для ихъ ареста, поджигали строеніе и гибли въ пламени при пѣніи священныхъ псалмовъ. Такая смерть удовлетворяла аскетовъ и людей, всей душой увѣровавшихъ въ гибель міра, но массѣ были свойственны болѣе жизненные инстинкты и въ ней зародилась мысль о возможности борьбы со злою силой, о возможности возстановленія древняго благочестія путемъ активнаго сопротивленія никоніанамъ. Центромъ этой мысли и орудіемъ ея выполненія стали тѣ самые стрѣлецкіе полки, съ помощью которыхъ только что былъ произведенъ дворцовый переворотъ и которые узнали этимъ путемъ силу возстанія. Едва прошло нѣсколько дней съ окончанія этого переворота, какъ среди стрѣльцовъ снова поднялось волненіе. Раскольники, въ значительномъ количествѣ наполнявшіе ряды стрѣлецкаго войска, вздумали воспользоваться пріобрѣтенной имъ силой и начали раздумывать о подачѣ новой челобитной съ просьбой возстановить старую вѣру и прекратить гоненіе на ея проповѣдниковъ. Къ стрѣльцамъ примкнули въ этомъ дѣлѣ и многіе другіе люди, преимущественно изъ низшихъ классовъ населенія Москвы, отысканы были монахи-раскольники, которые должны были написать челобитную и вести споръ съ патріархомъ и духовенствомъ, а во главѣ всего движенія всталъ начальникъ «надворной пѣхоты»—кн. Хованскій. Самъ онъ придерживался раскола и при ц. Алексѣѣ его за это, по свидѣтельству протоп. Аввакума, даже батогами били, но кромѣ того это новое движеніе давало ему, приверженцу старины во всемъ, возможность стать во главѣ правленія. Стрѣльцы требовали назначенія собора, на которомъ подана была бы челобитная о старой вѣрѣ и раскольничье духовенство вело бы диспутъ о ней съ православнымъ. Правительству пришлось пойти на эти требованія и въ среду 5-го іюля назначенъ былъ соборъ. Въ этотъ день толпы стрѣльцовъ и народа опять наполнили Кремль, но во главѣ ихъ шли на этотъ разъ монахи съ крестами, иконами и книгами. На площади у Архангельскаго собора разставили они налои, разложили книги, зажгли свѣчи и готовились къ пренію. Правительница не рѣшилась однако выпустить патріарха и духовенство на площадь къ народу, опасаясь безпокойнаго состоянія умовъ: уже нѣсколько православныхъ священниковъ, осмѣлившихся публично выступить съ рѣчами противъ раскола, были жестоко избиты толпою. Рѣшено было призвать раскольниковъ для чтенія ихъ челобитной въ Грановитую палату, подъ тѣмъ предлогомъ, что прослушать ее хотятъ царевны, которымъ на площади передъ народомъ быть

не годится. Угрозы Хованскаго, что царевна можетъ поплатиться жизнью, присутствуя въ палатѣ не подѣйствовали на нее. Раскольники должны были уступить и отправиться въ палату, гдѣ они лишены были поддержки народныхъ массъ. Въ Грановитой палатѣ, передъ царевнами, патріархомъ и знатнѣйшимъ духовенствомъ прочли они свою челобитную о возстановленіи правой вѣры, но диспута не состоялось: обѣ стороны, раскольники и православные духовные, обмѣнялись лишь нѣсколькими упреками. Тѣмъ временемъ выборные стрѣльцы, поддерживавшіе раскольниковъ, услышали отъ царевны-правительницы новыя рѣчи. Ставя въ вину стрѣльцамъ дерзость раскольниковъ, взносящихъ хулы на царей и патріарха, Софья говорила: «если мы должны быть въ такомъ порабощеніи, то царямъ и намъ здѣсь больше жить нельзя: пойдемъ въ другіе города и возвѣстимъ всему народу о такомъ непослушаніи и разореніи». Соборъ кончился, ни къ чему не приведя, а угрозы этой не могли забыть стрѣльцы: они только что упрочили свое положеніе, обратили свой бунтъ въ подвигъ по милости царевны-правительницы, а теперь она грозитъ извѣстить народъ объ ихъ непослушаніи, иначе говоря, привести на нихъ дворянское войско. Щедрыя угощенія со стороны правительства довершили дѣйствіе угрозъ: стрѣльцы повинились, обязались впередъ за старую вѣру не вступаться и сами помогли перехватать раскольниковъ-монаховъ. Главный изъ нихъ, Никита, разъ уже отступившій отъ раскола подъ страхомъ казни, теперь былъ казненъ смертью, другіе, благодаря заступничеству Хованскаго, только разосланы въ ссылку и по монастырямъ въ заточеніе.

Но и подавивъ движеніе раскольниковъ, правительство не могло еще быть спокойнымъ. Одинъ изъ людей, выдвинутыхъ на первый планъ майскими событіями, кн. Хованскій, ясно разошелся съ остальнымъ правительствомъ, вставъ на сторонѣ приверженцевъ стараго порядка, а между тѣмъ въ рукахъ именно этого человѣка была сила, создавшая само правительство, — стрѣльцы. Чувствуя, что его положеніе при дворѣ пошатнулось, Хованскій старался тѣмъ болѣе упрочить свое вліяніе надъ стрѣлецкими полками, потакалъ имъ и въ то же время грозилъ царевнѣ и боярамъ, что безъ него въ Москвѣ по колѣна въ крови будутъ ходить. Всѣ чувствовали раздвоеніе правительства и предвидѣли неизбѣжность борьбы. По Москвѣ стали ходить смутные слухи о приготовленіяхъ къ ней съ обѣихъ сторонъ. Одни разсказывали, что Тараруй, какъ прозывали въ народѣ Хованскаго, готовитъ новый бунтъ, замышляетъ перебить бояръ, патріарха и весь царскій родъ, оставить въ живыхъ только одну изъ младшихъ царевенъ и, женившись на ней, сѣсть на престолъ самъ; другіе говорили, что Софья и бояре собираютъ уже дворянскіе полки и нанимаютъ людей для избіенія стрѣльцовъ. Среди этихъ

неясныхъ слуховъ и предположеній, все болѣе возбуждавшихъ волненіе, прошелъ конецъ лѣта; наконецъ въ августѣ правительство Софьи приняло рѣшительныя мѣры. 19-го августа въ Москвѣ бывалъ обыкновенно большой крестный ходъ. Пронесся слухъ, что въ этотъ день стрѣльцы нападутъ на государей во время хода. Никто изъ царской семьи не явился участвовать въ процессіи и на другой же день весь дворъ выѣхалъ въ подмосковное село Коломенское. Стрѣльцы перепугались и отправили къ Софьѣ депутацію, убѣждать ее, что стрѣльцы не имѣютъ никакого злаго умысла, и просить воротиться въ Москву. Но депутація получила отвѣтъ, что царп ихъ и не подозрѣваютъ, а поѣхали въ Коломенское, какъ и раньше ѣздили. Стрѣльцы удовлетворились этимъ отвѣтомъ, а дворъ продолжалъ жить внѣ Москвы, переѣзжая изъ одного села въ другое и незамѣтно стягивая къ себѣ больше людей. Наконецъ, пріѣхавъ въ половинѣ сентября въ село Воздвиженское, правительница послала въ Москву указъ всѣмъ думнымъ людямъ и дворянамъ московскимъ пріѣхать сюда же къ 18-му сентября. Накануѣ назначеннаго дня были именины Софьи и много бояръ и придворныхъ пріѣхали поздравить правительницу, выѣхалъ изъ Москвы и Хованскій, увѣренный еще въ своей силѣ. Но въ тотъ же день происходило у Софьи тайное засѣданіе думы, на которомъ обсуждались вины начальника надворной пѣхоты и постановлено было казнить его смертью. Хованскій и одинъ изъ его сыновей были схвачены по дорогѣ въ Воздвиженское, привезены сюда и казнены. Но другой сынъ Хованскаго успѣлъ бѣжать въ Москву и извѣстить стрѣльцовъ о происшедшемъ. Сильное волненіе охватило стрѣлецкіе полки при неожиданной вѣсти: они схватились за оружіе, заняли кремль, укрѣпили его пушками и готовились обороняться. Вскорѣ однако горячность ихъ ослабѣла, такъ какъ новыя вѣсти показали имъ, что борьба была бы для нихъ непосильна. Дворъ удалился въ Троицкій монастырь и оттуда разосланы были грамоты къ служилымъ людямъ съ приказаніемъ спѣшить туда же. Отряды служилыхъ людей начали уже собираться и стрѣльцы могли ждать, что скоро противъ нихъ выступитъ вся дворянская армія. Они поспѣшили вступить въ переговоры съ правительницей и испросить у нея прощеніе, обѣщаясь впередъ вести себя смирно. Сынъ Хованскаго былъ выданъ и отправленъ въ ссылку, полки надворной пѣхоты опять переименованы въ стрѣлецкіе и столбъ на Красной площади съ хвалебнымъ изложеніемъ майскихъ подвиговъ стрѣльцовъ срытъ. Дворъ возвратился въ Москву, начальникомъ Стрѣлецкаго приказа назначенъ былъ новый довѣренный человѣкъ Софьи, думный дьякъ Шакловитый и правительство, казалось, крѣпче встало на ноги.

Но это могло только такъ казаться. Подавленіе Софьей стрѣлецкихъ движеній въ пользу раскольниковъ и въ дѣлѣ Хованскаго подорвало ту силу, посредствомъ которой и создалось пра-

вительство, обращеніе послѣдняго къ массѣ служилыхъ людей вывело его изъ сферы тѣсныхъ дворцовыхъ отношеній на просторъ, поставило лицомъ къ лицу съ народомъ. Между тѣмъ, сознаніе своего нелегальнаго происхожденія не давало ему возможности оставаться спокойнымъ, оно должно было оправдать себя и свое существованіе, подкрѣпить свой авторитетъ и путемъ какихъ-либо дѣйствій найти въ народѣ ту поддержку, какую потеряло оно въ стрѣлецкомъ войскѣ. Обстоятельства указали путь къ этому во внѣшней политикѣ государства.

Къ концу 17-го вѣка континентальныя государства Западной Европы распались на два большіе лагеря: во главѣ одного изъ нихъ стояла Франція, во главѣ другого Австрія. Первая, стремясь одолѣть вторую, возбуждала противъ нея Турцію, по нападенія турокъ на Австрію и усиленіе ихъ возбуждали опасенія въ сосѣднихъ государствахъ и, прежде всего, въ Польшѣ. Польскій король Янъ Собѣскій заключилъ союзъ съ императоромъ австрійскимъ Леопольдомъ и поразилъ турокъ подъ Вѣной. Но война продолжалась и послѣ того и союзники стали искать себѣ помощи у другихъ странъ; къ союзу привлечена была еще Венеція, а чтобы отвлечь отъ турокъ силы крымскаго хана, который могъ напасть на польскія владѣнія, задумали поднять противъ него Москву. Въ 1684 г. Собѣскій и Леопольдъ завязали съ этою цѣлью сношенія съ московскимъ правительствомъ. Для послѣдняго война съ Турціей и ослабленіе послѣдней представлялись дѣломъ не менѣе важнымъ, чѣмъ и для союзниковъ, московскимъ войскамъ приходилось уже сталкиваться съ турецкими и въ Москвѣ знали, что Турція далеко еще не оставила своихъ притязаній на Малороссію, правый берегъ которой былъ ей уступленъ отъ Польши. Московское правительство не прочь было поэтому вступить въ союзъ, но хотѣло предварительно устроить свои отношенія къ польскому государству и, извлекая выгоду изъ затруднительнаго положенія послѣдняго, упрочить за собою навсегда Кіевъ, уступленный ему по Андрусовскому договору лишь на два года, но затѣмъ не отданный. Поэтому Москва объявила, что она не иначе вступитъ въ союзъ, какъ по заключеніи мира съ Польшей, путемъ котораго Кіевъ и нѣсколько мѣстечекъ на правой сторонѣ Днѣпра были бы на вѣки уступлены въ московскую сторону. Такія требованія казались слишкомъ тяжелы для поляковъ, но начальникъ Посольскаго приказа, князь Вас. Вас. Голицынъ, твердо стоялъ на своемъ. Наконецъ, Польша, начавшая тѣмъ временемъ терпѣть неудачи, вынуждена была уступить и въ 1686 г. заключенъ былъ вѣчный миръ, по условіямъ котораго Россія получала Кіевъ и нѣсколько правобережныхъ мѣстечекъ и за это обязывалась уплатить Польшѣ 146.000 рублей и начать войну съ Крымомъ. Въ 1687 г. самъ Голицынъ во главѣ стотысячнаго войска выступилъ изъ Москвы въ походъ на Крымъ. Въ случаѣ

удачи похода «великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель» покрылся бы славою, отблескъ которой палъ бы и на все правительство Софьи. Но походъ не удался и окончился плачевно. Войско не дошло до Крыма, встрѣченное степнымъ пожаромъ и воротилось не только безъ побѣды, но даже безъ битвы. Неудовольствіе малороссійской старшины и козаковъ на гетмана Самойловича дало возможность сложить причину неудачи похода на послѣдняго, обвинивъ его въ поджогѣ степи. Поданному на гетмана доносу дали ходъ, онъ былъ смѣненъ и на его мѣсто избранъ по указанію Голицына другой, Мазепа. Въ 1689 году совершенъ былъ новый походъ, нѣсколько болѣе удачный; русское войско отбило хана и дошло до Перекопи, но припасы истощились, впереди предвидѣлся походъ по безводнымъ степямъ и Голицынъ отступилъ, не взявъ укрѣпленнаго Перекопскаго замка. Въ дѣлѣ священнаго союза противъ турокъ походы русскихъ войскъ сыграли свою роль, успѣвши отвлечь хана крымскаго отъ главнаго театра военныхъ дѣйствій. Москва получила за нихъ вознагражденіе въ видѣ Кіева отъ Польши, но та интимная цѣль правительства Софьи, съ которой оно бралось за это предпріятіе, не была достигнута. Голицыну не удалось покрыть себя славой завоевателя крымскихъ хищниковъ, не удалось даже проникнуть въ самое гнѣздо ихъ, и если правительница въ порывѣ радости по поводу благополучнаго возвращенія «свѣта Васеньки», какъ она называла его въ своихъ письмахъ, готова была видѣть въ немъ героя, именовала его вторымъ Моисеемъ и не знала, «чѣмъ платить за такіе труды непсчетные», то самъ этотъ второй Моисей слишкомъ хорошо понималъ неудачу и предвидѣлъ ея послѣдствія. Въ предстоявшей борьбѣ изъ-за власти не на что и не на кого было теперь опереться правительству Софьи, кромѣ все тѣхъ же стрѣльцовъ. А что борьба приближалась, что на правительницу и ея сотрудниковъ готовилась гроза, въ этомъ нельзя было уже сомнѣваться. Первые ясные признаки ея совпали съ возвращеніемъ Голицына изъ похода. Участники послѣдняго, и прежде всѣхъ, конечно, самъ Голицынъ, были осыпаны наградами отъ царевны, но, когда они отправились благодарить царей, отъ имени которыхъ оффиціально даны были имъ эти награды, царь Петръ не принялъ ихъ и тѣмъ ясно выразилъ свое неудовольствіе. Голицынъ былъ слишкомъ умнымъ человѣкомъ, чтобы не видѣть, что у того правительства, членомъ котораго онъ былъ, нѣтъ моральныхъ средствъ для борьбы, нѣтъ ни обаянія, ни вліянія въ народѣ, и вмѣстѣ былъ человѣкомъ черезчуръ гуманнымъ и мягкимъ, чтобы присовѣтовать или исполнить рѣшительныя, кровавыя мѣры дворцоваго переворота. Втеченіе стрѣлецкаго бунта 1682 г. онъ оставался въ сторонѣ, дѣйствовали сама Софья и Милославскіе: теперь онъ, случалось, жалѣлъ, что тогда стрѣльцы не убили царицу Наталью съ сыномъ, такъ какъ въ такомъ слу-

чаѣ все было бы спокойно, но ему не приходило въ голову, что то же самое можно сдѣлать теперь, или, если и приходило, то самъ онъ не хотѣлъ въ это мѣшаться. Во всякомъ случаѣ правительство царевны не могло теперь думать о преобразованіяхъ, несмотря на благопріятныя внѣшнія условія; все вниманіе его было поглощено подготовлявшейся внутренней борьбой, попытками удержать свое положеніе въ виду партіи Нарышкиныхъ, вновь поднявшей голову къ концу семилѣтняго правленія Софьи. Когда послѣдняя стала писать свое имя въ грамотахъ вмѣстѣ съ именами царей, Наталья Кирилловна сказала: «у насъ люди есть и они того дѣла не покинутъ». Эти люди считали, что пришелъ конецъ зазорному женскому правленію государствомъ, такъ какъ единственно способный младшій царь теперь выросъ и самъ можетъ управлять. Посмотримъ, что же представлялъ изъ себя этотъ 17-тилѣтній юноша, противникъ Софьи и ея любимца.

Дѣтство Петра. Его образованіе и забавы. По смерти отца Петръ остался трехъ лѣтъ отъ роду. При Федорѣ мать его была отдалена отъ двора, близкіе къ ней люди подверглись ссылкѣ и опалѣ и молодому царевичу пришлось расти въ печальной обстановкѣ той же опалы, вмѣстѣ съ разсказами о своемъ отцѣ, объ его планахъ и намѣреніяхъ слышать вѣчно толки о ненавистныхъ Милославскихъ, о сестрѣ Софьѣ, пользующейся своимъ вліяніемъ на брата Федора, чтобы угнетать Нарышкиныхъ. На пятомъ году стали учить Петра грамотѣ. Съ этой цѣлью, по заведенному обычаю, приглашенъ былъ одинъ изъ московскихъ подъячихъ, Никита Моисеевъ сынъ Зотовъ, человѣкъ «въ Писаніи свѣдущій», т. е. знавшій многое изъ Св. Писанія наизусть и умѣвшій бѣгло читать и писать. Пріемы древнерусской начальной педагогіи были весьма несложны: вся ея задача заключалась въ томъ, чтобы передать ученику божественную мудрость, т. е. заставить его заучить на память побольше священныхъ и богослужебныхъ книгъ, да научить его бѣгло читать и писать. Эту-то науку преподалъ Зотовъ и своему ученику, какъ могъ и умѣлъ. Впослѣдствіи Петръ зналъ наизусть всю церковную службу, любилъ пѣть на клиросѣ и могъ на память прочесть Евангеліе и Апостола. Читалъ онъ бѣгло, но писалъ невозможно, не соблюдая никакихъ правилъ орографіи. Въ педагогическихъ пріемахъ Зотова была, впрочемъ, и одна новость для того времени: замѣтивъ именно, что царевичъ съ удовольствіемъ смотритъ картины, Зотовъ выпросилъ у царицы нѣсколько книгъ съ картинками и, видя, что царевичъ утомленъ урокомъ, показывалъ ему картинки, объясняя ихъ значеніе. Быть можетъ, эти-то объясненія впервые и дали толчокъ любознательности Петра. Но ей не суждено было получить то направленіе, какъ у его старшаго брата Федора и сестры Софьи, обратиться въ сторону книжнаго ученія. Обстоятельства его жизни сложи-

лись такъ, что наука обернулась къ нему прежде всего своей практической стороной. Умеръ царь Федоръ Алексѣевичъ, за этой смертью послѣдовали разсказанныя уже событія, избраніе Петра, стрѣлецкій бунтъ и установленіе правленія Софьи. Петру въ это время было почти десять лѣтъ. Здоровый, крѣпкій и живой мальчикъ обнаруживалъ уже и недюжинную силу духа; по разсказамъ очевидцевъ онъ, стоя съ матерью на Красномъ крыльцѣ, даже не дрогнулъ, когда передъ его глазами стрѣльцы убивали бояръ. Картина власти только на мгновеніе промелькнула передъ глазами Нарышкиныхъ, а затѣмъ они попали въ еще худшее положеніе, чѣмъ прежде, и это положеніе отразилось и на Петрѣ. Съ окончаніемъ обученія грамотѣ у Зотова прекратились и всякія занятія его. Старшимъ своимъ дѣтямъ ц. Алексѣй Михайловичъ давалъ и высшее образованіе и съ этою цѣлью приглашалъ къ нимъ ученаго кіевскаго монаха, Симеона Полоцкаго. Но у Петра такого учителя не было. Не Софьѣ же въ самомъ дѣлѣ, видѣвшей въ этомъ ребенкѣ единственное препятствіе къ власти, было снабжать его такимъ преподавателемъ и вообще заботиться объ его образованіи? Въ Москвѣ старались скорѣе позабыть о самомъ существованіи села Преображенскаго, куда удалилась вдовая царица съ сыномъ, родственниками и немногими боярами. Петръ остался безъ дальнѣйшаго книжнаго образованія, одинъ среди людей грустныхъ и печальныхъ, постоянно жалующихся на Софью, похитившую ту власть, которая по праву принадлежала Петру и имъ. Эти толки посеяли въ ребенкѣ ненависть къ притѣснительницѣ, желаніе мести, но ни та, ни другое не могли наполнить собою всей жизни здороваго и сильнаго мальчика. Предоставленный самому себѣ, онъ сталъ искать занятія и нашелъ его въ играхъ. Играмъ этимъ наши историки вообще склонны были придавать слишкомъ большое значеніе и видѣть въ нихъ нѣчто предопредѣлившее даже до нѣкоторой степени самую дѣятельность Петра, а отчасти и ходъ его преобразованій. Но думать такъ значило бы придавать уже черезчуръ много значенія біографическому элементу въ исторіи народа. На самомъ дѣлѣ молодой царевичъ игралъ такъ, какъ играютъ всѣ дѣти его возраста, а если его игры получили болѣе широкіе размѣры, то это зависѣло лишь отъ особенностей его положенія. Любимой игрой его сдѣлалась та самая, которая и теперь остается любимой забавой мальчиковъ, игра въ войну. Ради этой игры набирались товарищи царевичу, изъ Москвы выписывались придворные конюхи, изъ которыхъ Петръ образовалъ потѣшные полки. Въ числѣ этихъ конюховъ, сдѣлавшихся «потѣшными» воинами, былъ и знаменитый впослѣдствіи князь Ингерманландскій, Александръ Даниловичъ Меншиковъ. Но мѣрѣ того однако, какъ Петръ выростал, какъ яснѣе видѣлась впереди перспектива трона уже не фиктивнаго, а настоящаго, среди товарищей его игръ появляются и

юноши знатныхъ фамилій. Между тѣмъ играя въ войско, въ войну, царевичъ старается устроить свои потѣшные полки по тому идеалу, какой существовалъ въ тогдашней Москвѣ, по образцу полковъ солдатскихъ или иноземныхъ. Въ играхъ проходили годы, развертывались силы, развивалось здоровье, но мало затрогивались умственныя способности. Сильный толчокъ имъ былъ данъ тѣмъ самымъ сближеніемъ съ иноземцами, которое въ то время толкало и всю Русь. Завѣтная нѣмецкая слобода лежала недалеко отъ села Преображенскаго, не тотъ, такъ другой случай могъ дать поводъ къ столкновенію Петра съ ней. Поводъ къ такому знакомству и не замедлилъ представиться, данный тою же любознательностью Петра. Въ 1687 г. кн. Долгорукій, отправлялся посломъ во Францію, былъ на прощальной аудіенціи у царицы Натальи Кирилловны и въ разговорѣ съ Петромъ упомянулъ, что у него былъ такой инструментъ, которымъ можно было вымѣрять разстоянія, не доходя до мѣста, да жаль—украли. Петръ, падкій до всякихъ хитрыхъ иноземныхъ игрушекъ, сталъ просить Долгорукаго купить и привезти ему такой инструментъ изъ Франціи. Астролябія была привезена ему, но оказалось, что никто изъ русскихъ приближенныхъ царя не умѣетъ съ ней обращаться. Пришлось искать нѣмца и такой нѣмецъ нашелся въ лицѣ Тиммермана. Онъ и сдѣлался новымъ учителемъ Петра, открывшимъ передъ нимъ таинства практической науки. Подъ его руководствомъ Петръ быстро усвоилъ себѣ тѣ знанія по математикѣ, какими обладалъ его учитель, и съ жадностью набросился на всѣ тѣ практическія свѣдѣнія, какія могъ дать Тиммерманъ и какія возможно было сейчасъ же примѣнить на дѣлѣ, къ любимымъ потѣхамъ и забавамъ, причемъ приготовленіе огнестрѣльныхъ снарядовъ, ручныхъ бомбъ, гранатъ и вообще военное дѣло продолжали занимать главное, первенствующее мѣсто въ ряду этихъ забавъ. Но вскорѣ къ нему присоединилась и еще одна новая забава, надолго увлекшая Петра и впослѣдствіи, подобно его игрѣ въ войну, обратившаяся въ государственное дѣло. Еще правительство ц. Алексѣя, подумывая о расширеніи русской торговли, думало о заведеніи флота, послѣ неудачныхъ попытокъ пробиться къ Балтійскому морю входило въ переговоры съ Курляндіей, не позволитъ ли она Московскому государству пользоваться своими гаванями, и получивъ отрицательный отвѣтъ, хотѣло завести флотъ на Каспійскомъ морѣ. Единственный построенный при Алексѣѣ Михайловичѣ корабль былъ сожженъ Разинымъ во время возстанія послѣдняго. Петръ еще мальчикомъ могъ слышать отъ матери и приближенныхъ разсказы объ этихъ замыслахъ и планахъ отца, видѣть позднѣе хранившіяся въ Москвѣ модели кораблей, но не видалъ самыхъ кораблей. Когда ему случилось найти въ с. Измайловѣ старый ботъ, онъ попытался ѣздить на немъ съ помощью другаго ино-

земца Брантa и вскорѣ увлекся новымъ удовольствіемъ. Съ прудовъ, на которыхъ онъ сперва пыталъ боть, онъ перешелъ на озера, Переяславское и Кубенское, и замышлялъ уже пробраться и къ морю. Среди этихъ забавъ, игръ и физической работы молодой царь рось и крѣпъ физически и умственно. Его большая и отъ природы физическая сила еще увеличилась благодаря постояннымъ упражненіямъ и въ зрѣлые годы онъ былъ однимъ изъ первыхъ силачей въ Европѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти игры доставили пищу его уму и опредѣлили собою то практическое направленіе, какое всегда отличало впослѣдствіи Петра. Прошедшее же на почвѣ ребяческихъ забавъ сближеніе съ иноземцами оказало значительное вліяніе на личность юнаго царя. Его знакомцы изъ Нѣмецкой слободы открыли передъ нимъ новый міръ, новые порядки жизни, знакомили его въ своихъ разсказахъ съ блестящими сторонами западной культуры, которыя такъ притягательно дѣйствовали на московскихъ людей того времени. Большинство этихъ знакомцевъ юнаго царя, въ томъ числѣ и человѣкъ, сдѣлавшійся самымъ близкимъ его другомъ — Лефортъ, не обладало большимъ образованіемъ, это были люди практическаго дѣла, разные ремесленники и мастера, офицеры, купцы и т. п., но въ области своего дѣла они обладали весьма большими свѣдѣніями сравнительно съ русскими и внушали высокое мнѣніе объ иноземныхъ странахъ, представителями которыхъ они были. Подъ вліяніемъ ихъ у юноши-царя невольно должна была зарождаться мысль, что въ чужихъ земляхъ все устроено лучше, чѣмъ въ Москвѣ, что тамъ больше знаній, больше образованія, что русскимъ надо всему учиться у иностранцевъ, во всемъ имъ подражать, та мысль, которая сдѣлала такіе большіе успѣхи въ правительственныхъ кругахъ Москвы конца 17-го вѣка. Не мало привлекала Петра и та веселая, порою разгульная, но въ самомъ разгулѣ простая жизнь, какая велась въ Нѣмецкой слободѣ, составляя рѣзкій контрастъ съ придворной чопорностью и напыщенностью. Громадныя физическія силы находили себѣ широкій просторъ въ этой жизни съ ея переходами изъ рабочей мастерской или съ корабельной верфи къ веселой застольной бесѣдѣ. Были въ ней, правда, и дурныя стороны. Помимо того, что въ обществѣ иноземцевъ и потѣшныхъ царь пріучался къ разгулу, онъ, вращаясь среди этихъ людей, стоявшихъ очень невысоко по своему общественному положенію, пріучался не сдерживать себя, давать волю своей природной горячности. По мѣрѣ того, какъ Петръ становился старше, у него являлось желаніе обратить свои игры и забавы въ серьезное дѣло, онъ начиналъ мечтать объ усвоеніи Москвою европейскихъ порядковъ, о преобразованіи всего войска на иностранный ладъ, о заведеніи флота и т. п. Но въ этихъ мечтахъ, совпадавшихъ съ планами тогдашнихъ государственныхъ людей, было много еще и ребя-

ческаго. Думая объ устройствѣ флота, Петръ не зналъ еще, гдѣ, на какомъ морѣ будетъ этотъ флотъ, но уже проектировалъ назначить Лефорта адмираломъ, зналъ, что на его кораблѣ будетъ развиваться флагъ съ изображеніемъ Спаса. Погруженный въ свои забавы и мечты, онъ мало пока обращалъ вниманія на дѣйствительное теченіе государственныхъ дѣлъ, лишь отдѣльными выходками показывая, что онъ не признаетъ власти сестры и постарается отъ нея избавиться. За нимъ слѣдили Софьей его мать, дядька кн. Бор. Голицынъ и родственники царицы, Нарышкины, люди, больше понимавшіе опасность, угрожавшую со стороны Софьи, и стремившіеся къ власти, какую могли получить именемъ юнаго царя.

Августовскій переворотъ 1689 года. Сверженіе правительства Софьи. Съ обѣихъ сторонъ сознавали неизбѣжность и близость момента послѣдней, рѣшительной борьбы. Сторонники Петра могли опереться въ ней на законность его правленія, разъ онъ достигъ возмужалости, но что могло противопоставить ихъ требованіямъ правительство Софьи? Не пріобрѣтя себѣ такого обаянія въ народѣ, какое давало бы царевичу возможность какимъ-либо открытымъ путемъ устранить брата, оно должно было стать опять на путь дворцоваго переворота. Но и средства къ послѣднему были уже не тѣ, что раньше. Стрѣльцы научены были самою Софьей, что противъ нихъ легко можно поднять дворянскую армію, мѣры, уже принятыя правительницей для усмиренія волненій послѣ 1682 года, разсылка многихъ буйныхъ стрѣльцовъ въ отдаленные города и т. п., значительно охладили ихъ настроеніе. Поэтому они оставались равнодушными къ усиліямъ правительницы поднять ихъ противъ Петра и послѣ нѣсколькихъ безполезныхъ попытокъ Софья должна была убѣдиться, что повтореніе бунта, посредствомъ котораго всего легче было бы провести желанный переворотъ, невозможно и остается одинъ путь—заговоръ. На этотъ путь и ступила Софья и дѣятельнымъ ея помощникомъ въ этомъ сдѣлался Шакловитый, человѣкъ, изъ дьяковъ возвышенный ею до званія окольничаго и потому могшій тѣмъ болѣе поплатиться и тѣмъ ниже пасть при перемѣнѣ правительства. Онъ подыскалъ средп стрѣльцовъ нѣсколько отчаянныхъ людей, готовыхъ на все, и составилъ заговоръ на жизнь Петра. Напряженное состояніе правительства не могло укрыться отъ общества: по Москвѣ опять поползли смутные слухи о намѣреніяхъ обѣихъ сторонъ, частью умышленно распускаемые приверженцами Софьи, слухи о притѣсненіяхъ, дѣлаемыхъ Нарышкинами ц. Ивану, о планѣ Петра перебить всѣхъ стрѣльцовъ и т. д. Время рѣшительныхъ дѣйствій близилось и наконецъ послѣдовалъ взрывъ.

7-го августа 1689 г. правительница приняла особенно тревожныя мѣры. Кремль занятъ былъ сильными стрѣлецкими карауламп, много стрѣльцовъ поставлено было у самаго дворца, по-

сились слухи, что ц. Петръ уже идетъ изъ Преображенскаго со своими потѣшными на Москву, и остальнымъ стрѣльцамъ приказано было держаться наготовѣ. Ночью въ тотъ же день нѣсколько стрѣльцовъ прискакали въ Преображенское съ вѣстью, что Петра хотятъ убить. Полуодѣтый бѣжалъ Петръ изъ дому въ ближній лѣсъ, туда привели ему лошадь и онъ поскакалъ въ Троицкій монастырь и туда же отправились его приближенные. На другой день вѣсть объ отъѣздѣ царя къ Троицѣ какъ громомъ поразила московское населеніе, понявшее, что борьба началась. Правительство Софьи пыталось сперва сохранить хладнокровіе. «Вольно ему, взбѣсяся, бѣгать», сказала только царевна, узнавъ объ отъѣздѣ брата. Но вскорѣ она поняла, что это было не простое бѣгство. Одинъ за другимъ отъ Троицы стали приходить указы, требовавшіе отправленія туда бояръ и служилыхъ людей, иноземныхъ отрядовъ и стрѣльцовъ, обличавшіе умыселъ Шакловитаго и требовавшіе выдачи его. Напрасно пыталась Софья примириться съ братомъ и сама отправилась ради этого къ Троицѣ. Ее туда не допустили, объявивъ, что, если она будетъ упорствовать въ своемъ намѣреніи, съ нею «нечестно поступлено будетъ». Софьѣ пришлось вернуться и подчиниться требованіямъ брата, такъ какъ стрѣльцы, видя, что Петръ и его сторонники прибѣгли къ испытанному уже средству борьбы противъ нихъ, что къ Троицѣ собираются уже отряды служилыхъ людей, не рѣшались вступить въ открытую борьбу. Софья должна была выдать Шакловитаго и вслѣдъ за тѣмъ всѣ отшатнулись отъ потерявшей значеніе правительницы. Знать, дворяне и всѣ служилые люди спѣшили къ младшему царю. У Троицы шли розыски по дѣлу объ умыслахъ Шакловитаго и Софьи и новое правительство готовилось вступить во власть. Туда же пріѣхалъ наконецъ и кн. Вас. Голицынъ, не для того, чтобы примкнуть къ нему, а чтобы узнать рѣшеніе своей участи. Благодаря родству своему съ дядькой Петра кн. Бор. Голицынымъ, теперь самымъ могущественнымъ человѣкомъ, онъ поплатился за свое участіе въ правительствѣ Софьи только ссылкой, сперва въ Каргополь, потомъ, когда вскрылась большая близость его съ Шакловитымъ, въ Яренскъ. Самъ Шакловитый и участвовавшіе въ заговорѣ на жизнь Петра стрѣльцы были казнены, правительница вынуждена была отказаться отъ своего титула и поселиться въ монастырѣ, и Петръ сдѣлался главою новаго правительства, переживъ еще разъ впечатлѣнія бунта, знакомыя ему съ дѣтства. На этотъ разъ они и въ его желѣзной натурѣ оставили неизгладимый слѣдъ на всю жизнь въ непроизвольномъ, нервномъ подергиваніи лица и дрожаніи головы. Дѣйствительнымъ правителемъ и теперь однако былъ не онъ. Сперва такую роль игралъ кн. Бор. Голицынъ, затѣмъ оттѣснившіе его отъ царя Нарышкины, въ третій разъ пробившіеся къ власти.

19-я и 20-я ЛЕКЦІИ.

Первые годы правленія Петра (1689—1698).

Петръ въ первые годы правленія. Азовскіе походы. Мысль о заграничномъ путешествіи. Столкновеніе съ партіей старины.

Переворотъ 1689 года поставилъ Петра во главѣ правительства, но не измѣнилъ ни привычекъ, ни образа жизни 17-лѣтняго юноши-царя. Тѣ же забавы, развлеченія и игры занимали первое мѣсто въ его умѣ, съ той лишь разницей, что теперь онъ получилъ возможность поставить ихъ на еще болѣе широкую ногу. Къ воинской игрѣ молодого государя были притянуты теперь всѣ бывшія на лицо въ Москвѣ войска, совершались большіе «потѣшные» походы, происходили маневры, примѣрныя сраженія, изъ которыхъ самымъ крупнымъ былъ пресловутый Кожуховскій походъ. Пріобрѣтенной свободой Петръ воспользовался для развитія и другой своей страсти — къ мореплаванію и кораблестроенію. Не удерживаемый болѣе въ окрестностяхъ Москвы опасеніями враждебныхъ дѣйствій со стороны сестры, онъ отправился къ морю, единственному, къ которому имѣла доступъ тогдашняя Россія, т. е. къ Бѣлому, въ Архангельскъ, тамъ плавалъ на иностранныхъ корабляхъ по морю, знакомился и пировалъ съ иностранными капитанами и шкиперами. Подъ вліяніемъ этихъ знакомствъ мысль о заведеніи собственнаго флота, еще раньше бывшая у него, начинаетъ принимать конкретную форму: заказанъ былъ корабль заграницей, дѣлались приготовленія къ постройкѣ кораблей и въ Архангельскѣ. Поглощенный своими заботами, занятый вооруженіемъ потѣшныхъ отрядовъ и постройкой кораблей, а въ промежуткахъ бурными попойками, Петръ почти не обращалъ вниманія на теченіе государственныхъ дѣлъ. Матери стоило большихъ трудовъ вызвать сына въ Москву для пріема иностранныхъ пословъ, если ради этого приходилось бросить одну изъ любимыхъ забавъ. Живой, энергичный юноша, обладавшій

громадной силой, еще болѣе развившейся благодаря постояннымъ физическимъ упражненіямъ и искавшей себѣ примѣненія и выхода, гораздо лучше чувствовалъ себя за работой на верфи, съ топоромъ въ рукахъ, на судиѣ въ морѣ или въ рядахъ своихъ потѣшныхъ полковъ, или наконецъ за пирушкой въ простой и дружеской компаніи своихъ приближенныхъ и голландскихъ капитановъ, чѣмъ на тронѣ или во дворцѣ, гдѣ его окружала вся пышность придворной обстановки, гдѣ онъ долженъ былъ подчиняться докучнымъ требованіямъ строгаго московскаго церемоніала. Онъ предпочиталъ совершенно устраняться отъ дворцовой жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ отстранялся и отъ государственныхъ дѣлъ, предоставивъ веденіе ихъ ближайшимъ своимъ родственникамъ Нарышкинымъ, и сдѣлавшимся самыми вліятельными и видными людьми новаго правительства. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ у молодого царя было свое, готовое мнѣніе, онъ не особенно настаивалъ на немъ и охотно имъ поступался. Въ 1690 году умеръ патріархъ московскій Іоакимъ и въ вопросѣ о выборѣ ему преемника духовенство и правительство раздѣлились: приверженцы старины хотѣли видѣть патріархомъ митрополита казанскаго Адріана, партія же сторонниковъ реформы указывала на Маркелла, митрополита псковскаго, человѣка, извѣстнаго своей образованностью. Уже покойный патріархъ своими нападками на иноземцевъ и непріятіе ихъ обычаевъ московскими людьми сильно раздражалъ приверженцевъ реформы и не меньшаго сопротивленія новому теченію можно было ожидать отъ Адріана. Естественно было поэтому, что Петръ всталъ на сторону кандидатуры Маркелла. Тѣмъ не менѣе онъ не особенно усердно отстаивалъ свое мнѣніе и уступилъ настояніямъ матери, желавшей видѣть патріархомъ Адріана.

Годы шли за годами, умерла царица Наталья Кирилловна и со смертью ея Петръ получилъ еще большую свободу въ своихъ дѣйствіяхъ, продолжая увлекаться воинскими и морскими потѣхами. Тѣмъ временемъ жизнь государства шла своимъ чередомъ и возмужавшій царь долженъ былъ по немногу принять въ ней дѣятельное участіе. Первыми дѣлами, которыя оторвали его отъ излюбленныхъ потѣхъ или вѣрнѣе начали обращать эти потѣхи въ государственное дѣло, были событія внѣшней политики Москвы, совпавшія съ неясными планами, роившимися въ головѣ самого Петра. Послѣдній, сознавая всѣ неудобства Бѣлаго моря, лишь короткое время открытаго для навигаціи, мечталъ уже открыть себѣ доступъ къ какому либо другому морю. Мысли его останавливались то на Каспійскомъ морѣ, то на Балтійскомъ, когда событія внѣшней политики рѣшительно обратили его вниманіе на югъ и сдѣлали цѣлью его стремленій на нѣкоторое время – море Азовское. Со времени крымскихъ походовъ князя Голицына Московское государство не выступало изъ священнаго союза про-

тивъ турокъ, но участіе его въ послѣднемъ приняло чисто пассивный характеръ. Татарскіе отряды нападали на Украйну, иногда безнаказанно опустошали ее, иногда встрѣчали отпоръ, но рѣшительныхъ дѣйствій ни та, ни другая сторона не предпринимали: татары безъ помощи турокъ, отвлеченныхъ борьбою на Западѣ, были слишкомъ слабы, а попытки ихъ возмутить Малороссію не удавались, московское же правительство было занято своими домашними дѣлами. Тѣмъ временемъ увѣщанія вести войну болѣе дѣятельно приходили къ нему отовсюду: и отъ союзниковъ, и изъ Малороссіи, желавшей обезопасить себя отъ постоянныхъ набѣговъ, и отъ находившихся подъ владычествомъ Турціи православныхъ, жаловавшихся на притѣсненія султанскаго правительства. Петръ, искавшій дѣла, ухватился теперь за войну, оставленную ему въ наслѣдство сестрой, и рѣшилъ связать съ ней свои собственные планы, задумавъ перенести главное мѣсто борьбы изъ татарскихъ владѣній въ турецкія и завоевать Азовское море. Къ тому же въ этой войнѣ ему представлялся удобный случай примѣнить свои потѣхи къ настоящему дѣлу, воспользоваться добытыми уже знаніями, какъ казалось по крайней мѣрѣ въ первое время. Самое это дѣло представлялось для увлеченнаго потѣхами Петра своего рода игрой, и, отправляясь въ походъ, онъ писалъ: «шутили подъ Кожуховымъ, а теперь подъ Азовъ играть идемъ». Походъ былъ предпринятъ въ 1695 г. одновременно въ двухъ направленіяхъ: старое войско, дворянская конница, выступило къ низовьямъ Дѣпра, соединяясь по пути съ главными силами малороссійскихъ козаковъ, а четыре потѣшныхъ полка, стрѣльцы и вспомогательные отряды малороссійскихъ и донскихъ козаковъ, всего болѣе 30.000 человѣкъ направились къ главной цѣли предпріятія—Азову. Но Азовская игра оказалась не такой удобной и легкой, какъ шутки подъ Кожуховымъ. Многочисленное, но плохо обученное и плохо снабженное войско не успѣло взять крѣпости, нѣсколько лѣтъ назадъ взятой горстью козаковъ, и трехмѣсячная осада окончилась отступленіемъ русской арміи. Это былъ первый полученный Петромъ серьезный урокъ, подстрекнувшій его энергію и самолюбіе. Отступиться отъ начатаго дѣла значило окончательно скомпрометтировать себя, значило доказать, что предпринятое дѣло не по силамъ. Петръ и не отступился отъ него, напротивъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы довести до успѣшнаго окончанія начатое предпріятіе. Характеръ этихъ мѣръ опредѣлялся и сложившимся уже направленіемъ царя, и родомъ предстоявшаго дѣла. Русскія войска показали свое неумѣнье брать крѣпости и вести осадныя работы, поэтому выписаны были изъ-за границы новые инженеры и артиллеристы. Успѣшному ходу осады препятствовалъ также турецкій флотъ, подвозившій въ Азовъ съ моря подкрѣпленія и припасы; чтобы парализовать его дѣйствія, Петръ рѣшилъ построить собственный флотъ, самъ

отправился въ Воронежъ и принялся за работу. Одновременно онъ и самъ дѣйствовалъ топоромъ, и наблюдалъ надъ всѣми работами, подгоняя и поощряя всѣхъ своимъ присутствіемъ. Въ маѣ слѣдующаго 1696 года подъ Азовомъ опять стояло русское войско, но теперь его еще сопровождалъ и флотъ изъ 2-хъ кораблей, 23-хъ галеръ и 4-хъ брандеровъ, имѣвшій цѣлью пресѣчь осажденной крѣпости сообщеніе съ моремъ. Правда, флотъ этотъ оказался на дѣлѣ настолько плохимъ, что его нужно было едва не прятать отъ выстрѣловъ непріятельской артиллеріи, но тѣмъ не менѣе осада была поведена энергично. Прибытіе иноземныхъ инженеровъ особенно подвинуло осадныя работы, они же помогли направить, какъ слѣдуетъ, дѣйствіе артиллеріи, до того времени безуспѣшно громившей Азовскія укрѣпленія, и 18-го іюля азовцы, «видя конечную тѣсноту», сдались подъ условіемъ безпрепятственнаго выхода изъ города съ оружіемъ, семьями и имуществомъ.

Этотъ первый успѣхъ былъ въ глазахъ Петра, его приближенныхъ и многихъ московскихъ людей оправданіемъ избраннаго правительствомъ направленія. Правда, во время Азовскихъ походовъ много оказалось недостатковъ, раньше не такъ замѣтныхъ, въ новой арміи; правда, ясно было, что далеко еще не усвоены московскими людьми ни ратный строй, ни кораблестроеніе по западному образцу, что «все то дѣло, какъ выражался потомъ самъ Петръ, яко младенческое играніе было», правда, русскаго посла въ Польшѣ конфузили польскіе вельможи, увѣряя, что Азовъ взятъ «на договоръ, а не воинскимъ промысломъ», но ясно было все-таки и то, что успѣхъ, какъ бы великъ или малъ онъ ни былъ, достигнутъ новыми средствами. Сознаніе этого обязывало заботиться о дальнѣйшемъ примѣненіи такихъ новыхъ средствъ и избавленіи ихъ отъ всѣхъ недостатковъ, о лучшемъ усвоеніи западнаго искусства и насажденіи его у себя дома. Такія мысли породило въ Петрѣ первое его столкновеніе съ государственными заботами и съ свойственной ему энергіей онъ немедленно и принимается за исполненіе ихъ. Азовъ рѣшено было удержать и укрѣпить стрѣльцами; чтобы воспользоваться всѣми выгодами побѣды, постановлено было немедленно завести сильный флотъ на Азовскомъ морѣ. Тяжесть этого новаго государственнаго дѣла была разложена на всѣ нетяглые классы; какъ раньше они выставляли ратниковъ, такъ теперь они обязывались выставить корабли, но такъ какъ постройка послѣднихъ была слишкомъ дорога, то для нея составлялись особыя группы или «кумпанства». Духовенство должно было построить и вооружить корабль съ каждыхъ 8.000 крестьянскихъ дворовъ, служилые люди—съ 10.000 дворовъ; гости и города должны были вмѣсто прежнихъ денежныхъ поборовъ на военныя нужды выставить 12 кораблей. Такимъ образомъ составилось 35 кум-

нанствъ, 17 изъ духовенства, остальныя изъ свѣтскихъ лицъ. Но первый опытъ съ постройкой флота принесъ уже урокъ въ этомъ отношеніи и теперь позаботились, чтобы новый флотъ вышелъ лучше перваго. Каждому кумпанству поставлено было въ обязанность нанять и содержать во все время постройки корабля помимо русскихъ рабочихъ еще иностранныхъ мастеровъ, которые и должны были собственно завѣдывать постройкой; правительство само распорядилось вызовомъ этихъ мастеровъ изъ за границы. Одновременно съ тѣмъ было приглашено много иноземныхъ офицеровъ, инженеровъ и всякаго рода техниковъ на русскую службу и всѣмъ имъ вмѣнялось въ обязанность учить своему искусству русскихъ людей безъ хитрости, ничего не скрывая и не утаивая. Для скорѣйшаго же и болѣе вѣрнаго достиженія намѣченной цѣли—усвоенія западнаго военнаго и мореходнаго искусства—принята была еще одна мѣра: 50 молодыхъ придворныхъ людей отправлены были учиться корабельному строенію въ страны, славившіяся этимъ искусствомъ, Италію, Голландію и Англію. Таковы были мѣры, принятыя правительствомъ съ цѣлью обезпечить себѣ успѣхъ въ продолжавшейся войнѣ. Ими однако дѣло не ограничилось. Человѣкъ, стоявшій во главѣ правительства, въ дѣтствѣ и юности наслышался столькихъ чудесъ объ иноземной жизни и въ то же время обладалъ такой ненасытной любознательностью и такой энергіей и жаждой дѣятельности, что онъ не могъ уже ограничиться приглашеніемъ иностранныхъ мастеровъ и посылкой другихъ людей за границу. Его тянуло самого посмотрѣть на заморскія чудеса, онъ мечталъ о томъ, чтобы и самому выучиться всѣмъ тайнамъ того западнаго искусства, которое онъ хотѣлъ перенести въ Москву, помимо соображеній царя, желавшаго умѣть оцѣнить всякую работу, въ немъ едва ли не съ равной силой говорилъ инстинктъ рабочаго и ремесленника, стремящагося къ лучшей выучкѣ Путешествіе Петра за границу было рѣшено и притомъ въ той формѣ, которая наиболѣе соотвѣтствовала стремленіямъ, съ какими онъ собирался въ эту поѣздку. Въ Москвѣ снаряжено было великое посольство къ императору австрійскому, королямъ англійскому и датскому, къ папѣ, голландскимъ штатамъ, курфирсту бранденбургскому и въ Венецію, т. е. въ государства, входившія въ составъ священнаго союза противъ турокъ, или по крайней мѣрѣ дружественныя главѣ этого союза, Австріи. Цѣль отправленія посольства заключалась въ подкрѣпленіи прежнихъ договоровъ противъ Турціи и заключеніи новыхъ. а послами назначены были Лефортъ, Головинъ и думный дьякъ Возницынъ. Но въ свитѣ ихъ находился и самъ царь подъ именемъ дворянина Петра Михайлова. Такое инкогнито позволяло ему безпрепятственно отдаться тому ученію, которое было основною цѣлью всей задуманной имъ поѣздки.

Но прежде чѣмъ посольство отправилось въ путь, Петру пришлось пережить еще одно впечатлѣніе московской жизни. Правительство молодого царя рѣшительно становилось на тотъ путь, по которому хотѣли идти еще Софья и Голицынъ, и приверженцы старины, еще раньше пытавшіеся повернуть теченіе государственной жизни въ старое русло, опять задумали преградить ему путь. Явное сближеніе царя съ иноземцами, его воинскія потѣхи, его пиры и небреженіе государственными дѣлами, охлажденіе къ женѣ, а больше всего нарушеніе старыхъ обычаевъ — возбуждали ропотъ и неудовольствіе, когда ихъ сопоставляли съ тѣмъ, что въ сферѣ управленія не было никакихъ улучшеній, кормы, поборы и взятки составляли общую привычку судей и властей, а тяжелое бремя податей, лежавшее на народѣ, еще увеличилось новыми поборами на войско и флотъ. Нашелся смѣльчакъ—монахъ Аврамій, рѣшившійся передать царю ходящіе про него слухи съ увѣщаніемъ оставить потѣхи, перестать «творити всѣмъ печальное и плачевное» и «обратиться на лучшее». Онъ былъ подвергнутъ тяжелой пыткѣ и затѣмъ сосланъ: тяжкимъ наказаніямъ подверглись и всѣ оговоренныя имъ съ пытки лица. Аврамій явился представителемъ наиболѣе мягкихъ и лойяльныхъ противниковъ правительства, попытавшихся дѣйствовать на него убѣжденіемъ, но предшествовавшее время борьбы съ расколомъ и правительственныхъ смутъ подготовило значительные кадры людей, шедшихъ въ своей оппозиціи гораздо дальше. Въ Москвѣ составился заговоръ на жизнь Петра, заговоръ, истинными руководителями котораго были два члена родовитаго московскаго боярства, Алексѣй Соковнинъ и Федоръ Пушкинъ, а орудіемъ долженъ былъ сдѣлаться стрѣлецкій полковникъ Иванъ Цыклеръ. Соковнинъ принадлежалъ къ старовѣрамъ, его родныя сестры, боярыня Морозова и княгиня Урусова, при Алексѣѣ Михайловичѣ тяжело поплатились за свою приверженность къ расколу заключеніемъ въ земляной тюрьмѣ. Родственникъ Соковнина Пушкинъ тоже принадлежалъ къ защитникамъ старины, а между тѣмъ дѣти ихъ обоихъ назначены были въ число молодыхъ людей, отправленныхъ за границу, «учиться невѣдомо чему», какъ иронизировали они. У людей, фанатически привязанныхъ къ порядкамъ родной старины, видѣвшихъ ломку этой старины и пережившихъ смуты 1682 и 1689 гг., явилась мысль, нельзя ли повторить исторію разыгрывавшихся тогда трагедій и свергнуть непріятное правительство. Матеріалъ для вспышки представлялся имъ готовымъ въ тѣхъ самыхъ стрѣлецкихъ полкахъ, которые раньше бывали главнымъ орудіемъ смуты и теперь именно поэтому испытывали явную немилость государя. Соковнинъ и Пушкинъ вошли въ переговоры съ Цыклеромъ и имъ не трудно оказалось уговорить его принять участіе въ заговорѣ. Человѣкъ смѣлый и честолюбивый, Цыклеръ былъ раньше сторонникомъ Софьи, затѣмъ перешелъ къ Петру.

но не пользовался ни любовію, ни довѣріемъ новаго правительства. Чувствуя шаткость своего положенія, видя, что ему во всякомъ случаѣ не удастся при Петрѣ выдвинуться впередъ, онъ готовъ былъ на всякую смѣлую и отчаянную выходку и безъ особыхъ затрудненій согласился играть роль главы заговора, прельщенный тѣми перспективами, какія развертывали передъ нимъ заговорщики, указывавшіе ему даже на возможность сдѣлаться царемъ. Заговорщики задумали воспользоваться привычками царя, всегда ѣздившаго по улицамъ Москвы съ незначительной свитой, или совсѣмъ безъ нея, и убить его во время одной изъ такихъ поѣздокъ или на пожарѣ. Цыклеръ началъ подговаривать стрѣльцовъ на этотъ замыселъ. Недовольныхъ нашлось много, послышались рѣчи о возможности возстановленія правительства Софьи (царь Иванъ Алексѣевичъ умеръ еще передъ вторымъ Азовскимъ походомъ, такъ что теперь не было возможности прикрываться его именемъ), о возстаніи стрѣльцовъ и козаковъ, но заговоръ не успѣлъ созрѣть. Одинъ изъ стрѣльцовъ донесъ на Цыклера, а послѣдній, не стерпѣвъ пытки, назвалъ и остальныхъ заговорщиковъ. Всѣ они поплатились жизнью, но этимъ раздраженный Петръ не удовольствовался. Заговоръ Цыклера напомнилъ ему заслоненное иными впечатлѣніями, но не забытое прошлое, вызвалъ передъ нимъ призракъ сестры правительницы съ ея замыслами на его жизнь, о которыхъ говорилъ въ допросѣ и Цыклеръ, пробудилъ безграничную жажду мести. Въ день казни Цыклера съ сообщниками жителей Москвы поразило никогда не виданное зрѣлище: трупъ боярина Ив. Милославскаго былъ вырытъ изъ земли и на свиньяхъ привезенъ къ мѣсту казни заговорщиковъ; здѣсь его поставили у эшафота, такъ что кровь казненныхъ текла прямо въ гробъ.

Заговоръ Соковнина и Цыклера не удался, но показалъ Петру, какого сопротивленія могъ онъ ожидать въ дальнѣйшей своей дѣятельности. Этотъ заговоръ не былъ уже простымъ отголоскомъ прежнихъ дѣйствій приверженцевъ Софьи, какъ понялъ его самъ Петръ, не былъ только проявленіемъ дворцовой смуты, корни его лежали глубже, заключаясь въ недовольствѣ извѣстной и довольно значительной части общества дѣйствіями правительства. Вдохновителями заговора являются люди, которые не только не были близкими приверженцами Софьи, но напротивъ, должны были скорѣе стоять въ числѣ ея враговъ, люди, тянувшіе въ старинную Русь, отвергавшіе никоніанство въ церковной сферѣ и возставшіе противъ новшествъ, шедшихъ съ Запада, тѣхъ самыхъ новшествъ, ревностнымъ проповѣдникомъ которыхъ былъ князь В. Голицынъ, важнѣйшій правительственный дѣятель временъ Софьи. Если имя послѣдней упомянулось въ заговорѣ, то лишь потому, что оно представляло собою наиболѣе удобное знамя для похода противъ Петровскаго правительства, для соединенія враговъ его. Софья

страдаетъ отъ Петра, она заточена въ монастырь и этого достаточно, чтобы имя бывшей правительницы сдѣлалось лозунгомъ для покушеній противъ царя. Ни Соковнинъ, ни Пушкинъ не произносили этого имени; его пустилъ въ ходъ Цыклеръ, тоже не бывшій особенно ревностнымъ приверженцемъ царевны, пустилъ съ цѣлью набрать себѣ помощью его сторонниковъ. Начинавшаяся же этимъ заговоромъ борьба имѣла гораздо болѣе серьезное значеніе въ жизни русскаго общества. Заговорщики 1697 года, если и стояли къ связи съ волненіями 1682 года, то не съ майскимъ переворотомъ, а съ іюльскимъ раскольничьимъ движеніемъ, Соковнинъ и Пушкинъ были преемниками не Шакловитаго, а Хованскаго съ его стремленіями возстановить старину и стряхнуть иноземное вліяніе. Но именно это начавшееся переплетеніе дворцовыхъ движеній съ общественными, угрозы именемъ сестры, бывшей правительницы, и составляли то обстоятельство, которое наиболѣе раздражало и ослѣпляло Петра вносило въ его борьбу съ недовольными общественными элементами характеръ самозащиты. Отношеніе правительства къ недовольнымъ опредѣлялось и общей его программой, и личнымъ элементомъ и вначалѣ послѣдній рѣшительно восторжествовалъ, чѣмъ объясняется и жестокость, и утонченная мстительность принятыхъ мѣръ. Борьба двухъ направленій русской жизни еще разъ вспыхнула, съ тѣмъ, чтобы не прекратиться уже втеченіе долгаго времени, а, продолжаясь, принимать все болѣе и болѣе рѣзкій характеръ. Съ почвы религіозно-общественныхъ теорій, съ почвы церковной жизни она надолго переходитъ теперь на почву жизни государственной и мѣсто односторонихъ гоненій заступаетъ ожесточенное столкновеніе двухъ рѣзко противоположныхъ партій съ оружіемъ въ рукахъ.

Путешествіе Петра заграницу и его значеніе. Черезъ нѣсколько дней послѣ казни Цыклера и его сообщниковъ великое посольство выѣхало изъ Москвы, направляясь въ западныя приморскія государства. Во время этого путешествія Петръ самымъ наглядимъ образомъ показалъ, чего искалъ онъ для себя и своего государства въ чужихъ земляхъ. Черезъ шведскія владѣнія въ Эстляндіи и черезъ Курляндію посольство прибыло въ Пруссію, гдѣ была сдѣлана первая болѣе значительная остановка. Петръ воспользовался этой остановкой для того, что бы начать учиться артиллеріи и вскорѣ получилъ отъ своего учителя свидѣтельство, что онъ «вездѣ за исправнаго, осторожнаго, благоискуснаго, мужественнаго и безстрашнаго огнестрѣльнаго мастера и художника признаваемъ и почитаемъ быть можетъ». Изъ Пруссіи Петръ, оставивъ посольство, съ небольшой свитой отправился въ Голландію и тамъ поселился въ городкѣ Сардамѣ, выдавая себя за простаго плотника и работая на корабельной верфи. Прожившъ и проработавъ здѣсь нѣсколько дней, онъ переѣхалъ въ

Амстердамъ и уже на второй день послѣ переѣзда началъ работу на верфяхъ Ость-индской компаніи, гдѣ нарочно для него заложенъ былъ корабль. Постройка кораблей, мореплаваніе — вотъ что главнымъ образомъ занимало Петра и самъ онъ въ письмѣ изъ Голландіи къ патріарху такъ опредѣлялъ свою жизнь: «трудимся... добраго ради пріобрѣтенія морскаго пути». Морское и военное дѣло не составляли однако исключительнаго предмета вниманія царя. Его жажда знанія принимала громадные размѣры, но вмѣстѣ съ тѣмъ носила характеръ односторонности. Онъ осматривалъ фабрики, заводы, госпитали, воспитательные дома, музеи, клиники, присматривался ко всевозможнымъ ремесламъ и мастерствамъ, стараясь усвоить ихъ. Извѣстенъ разсказъ о томъ, какъ Петръ посѣтилъ бумажную фабрику; втеченіе нѣсколькихъ минутъ присматривался онъ къ работѣ, наконецъ не утерпѣлъ и, зачерпнувъ массы, попытался вылить листъ. Попытка удалась и обрадованный царь подарилъ денегъ рабочему, котораго онъ замѣнилъ. Эта рабочая жизнь въ Голландіи, на верфи, фабрикахъ и заводахъ, помогла окончательно сложиться характеру Петра: его жаждѣ дѣятельности предоставленъ былъ здѣсь полный просторъ, полное удовлетвореніе; ведя скромную жизнь простаго рабочаго, онъ знакомился съ массой техническихъ знаній, усвоивалъ множество ремеслъ и съ тѣхъ поръ привычка къ физической работѣ осталась у него на всю жизнь. Даже въ самыя трудныя минуты своей жизни онъ находилъ время для ручнаго труда, даже въ промежутокъ между рѣшеніемъ важныхъ государственныхъ дѣлъ онъ работалъ на токарномъ станкѣ въ своей комнатѣ или на кораблѣ въ Петербургскомъ Адмиралтействѣ и ему случалось на мачтѣ принимать даже посланниковъ иностранныхъ державъ. Вмѣстѣ съ знаніями и привычкой къ труду эта жизнь дала ему и пониманіе цѣнности труда, окончательно отучила отъ всякой безполезной роскоши. Петръ, у котораго съ самаго дѣтства оспаривали власть, дорого цѣнилъ ее и во всей тогдашней Европѣ быть можетъ трудно было бы найти монарха, который такъ высоко ставилъ себя надъ подданными, въ чемъ сказывался результатъ жизни Московскаго государства. Но аттрибуты власти ни мало не привлекали его, онъ не любилъ ихъ и пренебрегалъ ими. Подписываясь подъ своими письмами «шкиперъ Питеръ», онъ и жилъ по шкиперски, такъ что вниманіе всей Европы обращалось на удивительнаго «сѣверпаго варвара», въ которомъ одни готовы были видѣть чудака, другіе великаго человѣка. Торжественные пріемы и церемоніи не только утомляли, но и конфузили его. Селился онъ обыкновенно въ маленькихъ, бѣдныхъ квартиркахъ, избѣгалъ всякой роскоши, и позднѣе монархъ могущественнаго государства дорожилъ нѣсколькими серебряными блестками, упавшими съ его кафтана, помня что онѣ равняются дневному жалованью солдата. Привыкши къ простой обстановкѣ, онъ по возвра-

щеніи своемъ въ Москву въ нѣсколько разъ сократилъ суммы, шедшія на содержаніе двора: вмѣсто пышнаго штата придворной прислуги при его дворѣ прислуживали 10—12 деньщиковъ, изъ которыхъ иные обращались потомъ въ государственныхъ дѣятелей, и московскій царь, позднѣе императоръ Всероссійскій, не имѣлъ даже приличнаго экипажа. Ѣздилъ онъ въ городѣ обыкновенно въ простой одноколкѣ, запряженной одной плохой лошадью. а въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимъ былъ болѣе парадный выѣздъ, къ кому-нибудь на свадьбу, крестины или т. п., онъ занималъ экипажъ у одного изъ своихъ приближенныхъ, чаще всего у щеголя генералъ-прокурора Ягужинскаго. Въ Голландіи онъ требовалъ, чтобы его инкогнито ни въ какомъ случаѣ не нарушалось и, если кто-нибудь обращался къ нему не со словами: «мастеръ Петръ», а называлъ его «ваше величество», онъ поворачивался и уходилъ. Съ другой стороны жизнь среди голландскихъ матросовъ не могла, конечно, уничтожить привычекъ, пріобрѣтенныхъ въ Преображенскомъ въ общеніи съ конюхами, не могла пріучить Петра сдерживать свою необузданную вспыльчивость. Простое обращеніе соединялось у него съ грубостью и рѣзкостью манеръ и если встрѣтившая его еще на пути изъ Пруссіи курфюрстина бранденбургская замѣтила, что онъ получилъ плохое образованіе и «желательно было бы, чтобы въ немъ было поменьше грубости», то такое желаніе вполнѣ примѣнимо было къ Петру и впослѣдствіи. Русскій царь не стѣснялся въ Голландіи дать пощечину зазѣвавшемуся на него любопытному, не стѣснялся впослѣдствіи плюнуть въ лицо надоѣвшему ему своимъ хвастовствомъ иноземному офицеру.

Среди кипучей дѣятельности, по временамъ прерываемой пирами, прошли въ Голландіи четыре съ половиной мѣсяца. Но любопытно отмѣтить одну черту этой дѣятельности. Съ жадностью набрасываясь на техническія, прикладныя знанія, стремясь постигнуть тайны всякаго ремесла, Петръ не обращалъ совсѣмъ вниманія на иныя стороны западно-европейской жизни. Ему, занятому кораблями и заводами, казалось, некогда было пополнить пробѣлы своего теоретическаго образованія, познакомиться не съ примѣненіемъ наукп, а съ ней самою, его, повидимому, совершенно не интересовали формы политическаго и общественнаго быта тѣхъ народовъ, среди которыхъ онъ очутился. Общественное устройство Голландскихъ штатовъ не только не пробуждало въ немъ никакихъ новыхъ идей, но и совсѣмъ не входило въ кругъ его интересовъ. Во всемъ, что не касалось излюбленной имъ промышленной и военной техники, Петръ остается истымъ москвичемъ стараго закала, холоднымъ и равнодушнымъ ко всему чужому. Постоянно сталкиваясь съ протестантами, имѣя дѣло съ инымъ религіознымъ міровоззрѣніемъ, онъ не проявляетъ никакого внутренняго интереса къ нему и безъ всякой внутренней борьбы

остается такимъ же набожнымъ православнымъ, какимъ былъ и раньше. Единственное, дозволенное имъ себѣ отступленіе отъ обрядовъ церкви заключалось въ томъ, что онъ не постился, но и на это онъ испросилъ предварительно разрѣшеніе у восточныхъ патріарховъ. Такъ же мало, какъ вопросы религіознаго мышленія, интересовали его на западѣ и вопросы соціальнаго и политическаго строя. Изъ Голландіи Петръ ради усовершенствованія въ кораблестроеніи переѣхалъ въ Англію. Здѣсь онъ попрежнему работалъ на верфяхъ, осматривалъ разныя промышленныя заведенія, но за все время пребыванія въ этой странѣ, такъ рѣзко отличавшейся всѣмъ своимъ внутреннимъ строемъ отъ Московскаго государства, только разъ побывалъ въ парламентѣ. Засѣданія послѣдняго очевидно не интересовали царя, не находившаго въ нихъ ничего поучительнаго. Это съуженіе круга интересовъ, ограниченіе его одною техникой западно-европейской цивилизаціи обусловливалось не одними личными вкусами Петра, не только даже его воспитаніемъ, оно было порожденіемъ всей московской жизни, вѣрнымъ отраженіемъ которой являлась гигантская фигура шкипера-царя. Тѣ самыя побужденія обезпечить себѣ успѣхъ во внѣшней политикѣ, которыя были главнымъ двигателемъ реформы въ московскомъ обществѣ, толкнули, какъ мы видѣли, на этотъ путь и Петра. Но для достиженія этой цѣли представлялось вполнѣ достаточнымъ заимствовать внѣшнюю сторону культуры европейскихъ народовъ. Такое заимствованіе необходимо предполагало насажденіе западнаго образованія, но образованія техническаго; и дальше московскіе люди въ своихъ планахъ не шли. Они не думали о реформѣ общественнаго или политическаго строя своей страны на чужой образецъ. У самыхъ смѣлыхъ изъ нихъ подобныя желанія не заходили далѣе преобразованія управленія, но не касались основъ выработаннаго уже строя. Весь вопросъ заключался именно въ сближеніи съ иноземцами, заимствованіи ихъ науки и перенесеніи ея на московскую почву, снабженіи московскаго государства тѣмъ оружіемъ просвѣщенія, которымъ обладали другіе народы, и пользованіи этимъ оружіемъ ради государственныхъ цѣлей. Такъ понимали будущность реформы ея сторонники въ концѣ 17-го вѣка, такъ понималъ ее и самъ Петръ. Вотъ почему онъ самъ старался усвоить и другихъ заставлялъ усвоивать плоды этой науки въ ея примѣненіи къ жизни прежде всего. Европейской техникѣ учился самъ царь, учились ѣхавшіе съ нимъ дворяне и волонтеры и разосланные въ разные города молодые люди, отправленные изъ Москвы еще раньше путешествія царя. Вмѣстѣ съ тѣмъ на царскую службу нанимались и ѣхали въ Москву громадныя толпы представителей той же техники — инженеровъ, корабельныхъ мастеровъ, заводчиковъ, докторовъ и т. д., обязанныхъ насаждать ее въ Московскомъ государствѣ. Самъ Петръ изъ Англіи проѣхалъ въ Вѣну, куда

его призывали дипломатическіе переговоры, и собирался для полнаго усовершенствованія въ кораблестроеніи посѣтить Венецію, когда нежданныя вѣсти заставили его спѣшить въ Москву.

Стрѣлецкій бунтъ и возвращеніе Петра. Съ момента поѣздки Петра за границу направленіе правительства въ вопросѣ, волновавшемъ все русское общество, выяснилось настолько, что на этотъ счетъ не могло уже оставаться никакихъ сомнѣній. Если раньше была еще надежда, что царь одумается, «обратится на лучшее» и примкнетъ къ консервативной партіи, то теперь такія надежды потеряли послѣднюю точку опоры. Не только иноземцевъ наѣзжаетъ все больше въ Москву, не только растетъ и усиливается ихъ вліяніе, не только наконецъ русскіе люди посланы въ ученіе къ почестивымъ нѣмцамъ, но и самъ царь отправился туда же и можно ожидать, что онъ возвратится, всецѣло поддавшись безбожному, еретическому вліянію чужихъ странъ и начнетъ еще круче, еще безпощаднѣе ломать порядки родной старины. Въ виду такихъ подавляющихъ своимъ значеніемъ обстоятельствъ партія старины рѣшилась сдѣлать новую отчаянную попытку свергнуть правительство и захватить власть въ свои руки. Средства, съ помощью которыхъ эта попытка была произведена, были прежнія: орудіемъ и дѣятельной силой партіи явились стрѣльцы, лозунгомъ—имя царевны Софьи.

Положеніе стрѣльцовъ было незавиднымъ съ самой минуты вступленія Петра во власть. Царское правительство косо смотрѣло на нихъ, видимо не довѣряло имъ, вводило новый строй арміи, при которомъ стрѣльцы оказывались болѣе ненужными, и они чувствовали, что «имъ все равно пропадать». Между тѣмъ въ рядахъ этой стрѣлецкой арміи много было приверженцевъ старины, не разъ уже и вступавшихъ въ борьбу за нее, всѣ традиціи стрѣлецкихъ полковъ влекли ихъ назадъ, да и сами эти полки рядомъ съ потѣшными и солдатами были живымъ воплощеніемъ старины. Они составляли поэтому единственную вооруженную силу, на которую могли опереться ревнители дѣдовскаго благочестія. Къ общимъ причинамъ неудовольствія присоединились частныя, вызванныя мѣрами оставленнаго Петромъ въ Москвѣ боярскаго правительства, и ускорили взрывъ. Послѣднее, замѣтивъ броженіе въ стрѣлецкихъ полкахъ, постаралось именно очистить отъ нихъ столицу: московскіе полки посланы были на смѣну въ Азовъ, а полки, стоявшіе въ этомъ городѣ, распорядились передвинуть къ Великимъ Лукамъ. Волненіе усилилось, полки, пришедшіе въ Великія Луки, жаловались на тяжелую службу, стремились уйти въ Москву и многіе рядовые бѣжали въ столицу. Здѣсь они вошли въ переговоры и сношенія со многими недовольными и завели пересылки съ бывшей правительницей, заточенной въ Дѣвичьемъ монастырѣ. Сестры Софьи передали имъ приглашеніе придти въ Москву со всѣми стрѣлецкими полками и поставить

бывшую правительницу опять во главѣ правленія. Предложеніе пришло во время: оно указывало готовившемуся движенію вождя, сообщало ему опредѣленное направленіе. Приказаній боярскаго правительства оставить Москву бѣглые стрѣльцы не слушали и только силою удалось выгнать ихъ изъ Москвы. Но, вернувшись въ свои полки, они принесли туда предложенія Софьи и извѣстія о тревожномъ настроеніи Москвы, о возможности поднять смуту и оспилить правительство, выгнать нѣмцевъ и возстановить благочестіе. Стрѣльцы взволновались. На требованіе выдать бѣгавшихъ въ Москву товарищей они отвѣчали отказомъ и лишь послѣ долгихъ уговоровъ согласились идти въ тѣ города, куда ихъ назначило правительство. Но на пути въ войскѣ вспыхнуло уже рѣшительное возмущеніе. Рѣшено было идти на Москву, разорить Нѣмецкую Слободу и перебить всѣхъ нѣмцевъ, «за то, что, отъ нихъ православіе закоснѣло»; вмѣстѣ съ нѣмцами постановлено было избить и бояръ, за нихъ стоявшихъ, и призвать въ правительство царевну Софью и кн. В. Голицына. Такимъ образомъ люди предъидущаго правительства, по основнымъ своимъ воззрѣніямъ совершенно противоположные тѣмъ стремленіямъ, какія воодушевляли массу стрѣлецкаго войска, но совпавшіе съ ней въ ненависти къ Петровскому правительству, дѣлались ея представителями. Значеніе дворцоваго переворота окончательно потонуло въ могучемъ общественномъ движеніи и образованная Софья сдѣлалась вождемъ людей, возставшихъ противъ иноземнаго образованія, своего рода иронія событій, иронія непреднамѣренная, случайная, и потому не замѣченная современниками. Стрѣльцы приняли во вниманіе и личность Петра; они постановили «государя въ Москву не пустить и убить за то, что началъ вѣровать въ нѣмцевъ, сложился съ нѣмцами». Толпы стрѣльцовъ измѣнили путь и направились къ Москвѣ.

Когда извѣстіе объ этомъ дошло до бояръ-правителей и населенія Москвы, въ городѣ поднялась великая тревога. Живо вспомнились грозныя событія прежнихъ стрѣлецкихъ бунтовъ, само правительство растерялось и лишь послѣ долгихъ колебаній рѣшилось отправить противъ стрѣльцовъ войско новаго строя съ пушками. Начальникъ этого войска, боярин Шеинъ, не сразу однако началъ враждебныя дѣйствія, а попытался еще уговорить стрѣльцовъ покориться. Но уговоры были напрасны, стрѣльцы отвѣчали на нихъ челобитною, въ которой жаловались на дѣлавшіяся имъ притѣсненія, виною которыхъ былъ противникъ благочестія, нѣмецъ Францко Лефортъ, и указывали, что идутъ они въ Москву для защиты правой вѣры, такъ какъ слышали, будто «идутъ къ Москвѣ нѣмцы, и то знатно послѣдуя брадобритію и табаку во всесовершенное благочестія испроверженія». Эта челобитная заключала въ себѣ рѣшительное осужденіе политики правительства и дѣлала дальнѣйшіе переговоры невозможными. Началась битва и стрѣльцы на себѣ испытали все превосходство

новой военной тактики. Передъ огнемъ направленныхъ на нихъ пушекъ они бѣжали въ безпорядкѣ; нѣсколько изъ нихъ было убито, остальные переловлены и борьба на этотъ разъ окончилась; кровавымъ планамъ стрѣльцовъ не пришлось осуществиться. Окончилась борьба съ одной стороны, но другая начала ее страшнымъ возмездіемъ. Московскія тюрьмы были переполнены стрѣльцами, ихъ подвергли жестокимъ пыткамъ, узнали ихъ планы и намѣренія, но ничего не довѣдались объ ихъ сношеніяхъ съ царевной; объ этомъ стрѣльцы упорно молчали. Многіе изъ нихъ были казнены въ Москвѣ, другіе разосланы по городамъ въ тюрьмы и монастыри Вѣсть объ этомъ бунтѣ и его усмиреніи и пришла къ Петру въ Вѣну. Она раскрыла передъ царемъ, съ жаромъ предававшимся своимъ любимымъ занятіямъ, все значеніе предпринятой борьбы, показала ему всю степень сопротивленія, какого онъ можетъ ожидать въ намѣченной уже дѣятельности, и вмѣстѣ вызвала всю накопившуюся годами ненависть къ сестрѣ, именемъ которой опять попытались отнять у него власть. Желѣзная воля и энергія Петра, его властолюбивыя привычки требовали уничтоженія преградъ, стоявшихъ на пути къ цѣли, проснувшаяся месть жаждала крови, и Петръ остался недоволенъ жестокимъ розыскомъ Шеина, обвинявшаго его въ мягкости и обѣщавшаяся самъ произвести новый розыскъ. Поспѣшно выѣхалъ онъ изъ Вѣны, уже не въ Венецію, а въ Москву и пріѣхалъ сюда 25 августа 1698 года. Вскорѣ отдано было приказаніе свозить въ Москву всѣхъ стрѣльцовъ, участвовавшихъ въ бунтѣ и оставшихся въ живыхъ и болѣе 1700 человѣкъ ихъ опять наполнило московскія тюрьмы Началось слѣдствіе, сопровождаемое такими ужасными пытками и мученіями, что нѣкоторые стрѣльцы не выдержали ихъ и сознались, что къ нимъ были присылки отъ Софьи. Ослѣпленный ненавистью Петръ временами не выдерживалъ и самъ начиналъ рубить въ застѣнкахъ головы стрѣльцамъ, заставляя дѣлать то же самое и своихъ приближенныхъ: Меншиковъ обезглавилъ 20 человѣкъ, князь Ромодановскій, носившій въ Петровской компаніи шутливое прозвище Пресбургскаго короля, 4-хъ; только иноземцы, и прежде всѣхъ Лефортъ, нашли въ себѣ мужество отказаться отъ этой кровавой потѣхи. За розыскомъ слѣдовали казни, не менѣе ужасныя: втеченіе 10-ти дней, съ 11-го по 21-го октября, около 900 человѣкъ разными способами предано было смерти. 195 человѣкъ повѣшено было около Новодѣвичьяго монастыря, передъ кельей Софьи, изъ нихъ трое, впсѣвшіе подъ самыми окнами царевны, держали въ рукахъ челобитныя. Втеченіе пяти мѣсяцевъ трупы казненныхъ, колесованныхъ и повѣшенныхъ не убирались съ улицъ и площадей Москвы. Одновременно съ тѣмъ рѣшалась и судьба Софьи. Петръ самъ ее допрашивалъ, но получилъ холодный и гордый отвѣтъ, что она стрѣльцамъ не писала, а если они говорили, чтобъ призвать ее правительницей, то это вѣрно потому, что она была

такой раньше. Письмо царевны къ стрѣльцамъ отыскано не было, прямыхъ уликъ участія ея въ заговорѣ такимъ образомъ не существовало, но нужно было сдѣлать ее безвредной, устранить возможность для враговъ правительства пользоваться ея именемъ и бывшая правительница превратилась въ смиренную инокиню Сусанну.

Такъ Петровское правительство, только что приступивъ къ реформѣ въ широкихъ размѣрахъ, было остановлено и принуждено выдержать борьбу за самое свое существованіе. Рѣзкій характеръ этой борьбы помимо запутанныхъ въ ней личныхъ элементовъ, помимо нравовъ эпохи, не отличавшихся мягкостью, объясняется еще и важностью поднятаго вопроса: побѣдили бы стрѣльцы, крови было бы не меньше. Но это было только началомъ борьбы двухъ партій втеченіе Петровскаго царствованія, началомъ, ярко опредѣлявшимъ ихъ взаимное положеніе и указывавшимъ тотъ путь, по которому пойдетъ реформа. Правительство, проводившее послѣднюю, должно было отстаивать себя и свое дѣло отъ враговъ и оттуда тѣ безконечные страшные розыски и казни, которые наполняютъ все царствованіе Петра, оттуда приближеніе къ царю начальника застѣнковъ, князя Ромодановскаго, дѣятельность котораго лучше всего характеризуется словами его собственнаго письма: «омываемся въ кровяхъ». Эти казни и застѣнки составляютъ самую мрачную сторону Петровскаго царствованія, но они только обострялись личнымъ раздраженіемъ сторонъ, а основная причина жестокости этой борьбы лежала гораздо глубже, въ принципіальномъ различіи партій, дѣлавшемъ уступки невозможными, и въ условіяхъ, перенесшихъ эту борьбу на такую почву, гдѣ ее рѣшала сила. Вспомните протопопа Аввакума, готоваго «разорвать своими руками никоніанъ», и хотя не симпатичнѣе, но понятнѣе станетъ вамъ «омывающійся въ кровяхъ» князь Ромодановскій Петровскаго царствованія.

21-я ЛЕКЦІЯ.

Первые годы правленія Петра (продолженіе).

Первыя нововведенія Петровскаго правительства. Впечатлѣніе, произведенное ими на московское общество. Опасенія московскихъ консерваторовъ, такъ жестоко поплатившихся за свою попытку свергнуть враждебное имъ правительство, скоро оправдались. Послѣднее не замедлило предпринять рядъ дѣйствій, путемъ которыхъ стремилось водворить въ жизни общества и государства новые порядки. Вліяніе иноземныхъ обычаевъ, до тѣхъ поръ проникавшее въ эту жизнь путемъ частныхъ заимствованій отдѣльныхъ лицъ, было теперь закрѣплено правительственными указами и повелѣніями, сдѣлано обязательнымъ. Петръ, вернувшись изъ-за границы подъ сильнымъ обаяніемъ чужеземной жизни, желалъ какъ можно скорѣе сдѣлать русскихъ похожими на западныхъ европейцевъ, похожими во всемъ, даже въ мелочахъ повседневнаго быта, стереть ту рѣзкую грань, какую клали русскіе люди между собою и нечестивыми нѣмцами. Такое различіе проявлялось уже въ самой наружности. Въ то время, какъ на Западѣ распространенъ былъ обычай брить бороду, въ Россіи, напротивъ, бороды отращивали и, противополагая себя въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, иноземцамъ, считали свой обычай православнымъ и благочестивымъ, а чужой богомерзкимъ и блудопоснымъ. Съ того времени, какъ иностранцы стали въ большемъ количествѣ появляться въ Московскомъ государствѣ и начались заимствованія отъ нихъ въ области частнаго быта, въ числѣ этихъ заимствованій появилось и брадобритье, но оно въ особенности возбудило противъ себя рѣзкую оппозицію, такъ какъ относилось къ той внѣшней обрядности, въ области которой московскіе люди 17-го вѣка были такіе великіе мастера. Для людей, стоявшихъ за неизмѣнность старины, бритье бородъ представлялось страшнымъ грѣхомъ, такъ какъ это значило «образъ, отъ Бога

дарованный, губити» и на мѣсто благолѣпной внѣшности, завѣщанной святыми отцами, изображавшимися на иконахъ съ бородами, вводить «еллинскій, блудническій и гнусный обычай». Верховный представитель церкви, патріархъ Адріанъ, издалъ посланіе противъ брадобритія, которое, по его словамъ, уподобляетъ человѣка котамъ или псамъ, и торжественно вопрошалъ брадобрійцевъ, гдѣ они станутъ на страшномъ судѣ, «съ праведниками ли, украшенными брадою, или съ обритыми еретиками». Эти взрывы негодованія имѣли силу и значеніе до тѣхъ поръ, пока само правительство колебалось между двумя теченіями, старымъ и новымъ, и среди этихъ колебаній готово было еще своимъ авторитетомъ поддерживать ревнителей старины, но когда, со времени царя Федора Алексѣевича, оно рѣшительно подчинилось новому вліянію и отказалось отъ запретительныхъ мѣръ по отношенію къ иноземнымъ обычаямъ, послѣдніе получили значительно большую возможность распространенія. Въ такомъ положеніи находилось дѣло до возвращенія Петра изъ-за границы: борьба между двумя партіями затрогивала, между прочимъ, и вопросъ о внѣшности, о ношеніи бороды, о заимствованіи иноземнаго платья, но вопросъ этотъ трактовался исключительно на почвѣ убѣжденія. Вскорѣ, однако, это измѣнилось. Петровское правительство, занявшее, какъ мы видѣли, положеніе проводителя новыхъ идей въ жизнь общества, столкнувшееся въ этомъ дѣлѣ съ сильнымъ сопротивленіемъ и принужденное для побѣды надъ нимъ употребить всю свою власть, естественно стало усвоивать себѣ такой взглядъ на всѣ вопросы преобразованія, по которому эти послѣдніе составляли его достояніе. Дѣлаясь главою партіи, оно усвоивало себѣ и всю партійную исключительность и употребляло свою власть въ такой же степени на рѣшеніе подробностей частнаго быта, какъ и на реформу государства. Петръ становится гонителемъ бородъ и стараго русскаго платья почти въ такой же степени, какъ приверженцы старины гнали людей, подражавшихъ въ своей внѣшности иноземцамъ.

На другой день по возвращеніи Петра въ Москву толпы знати и служилыхъ людей съѣхались во дворецъ государя. Здѣсь ихъ встрѣтилъ неожиданный пріемъ. Государь былъ вооруженъ ножницами и, ласково всѣхъ принимая, всѣмъ во время разговора обрѣзывалъ бороды. Люди подогадливѣе, видя самого Петра обритымъ, поняли, что значитъ неожиданное обращеніе государя въ цирюльника, и сбрили бороды, для менѣе же догадливыхъ былъ приготовленъ болѣе чувствительный урокъ. Черезъ нѣсколько дней происходилъ большой обѣдъ у Шеина и гостямъ, явившимся съ бородами, послѣднія отрѣзывалъ царскій шутъ. Вслѣдъ за этимъ изданы были указы, предписывавшіе брить бороды и на всѣхъ нежелавшихъ подчиниться этому обычаю накладывавшіе особую пошлину. Точно такимъ же путемъ уничтожено было впослѣдствіи

русское платье и предписано было носить платье по иностранному образцу. Этимъ не ограничилось нарушеніе старыхъ обычаевъ. Еще до поѣздки своей заграницу Петръ опять разрѣшилъ продажу табаку: будучи же въ Англіи, онъ далъ маркизу Кармартену привилегію на исключительное право торговли табакомъ во всемъ Московскомъ государствѣ за 48.000 рублей и такимъ образомъ табакъ, это богоненавистное зелье, выросшее по раскольничьимъ сказаніямъ изъ тѣла блудницы, снова получило право гражданства въ московскомъ обществѣ. Въ ряду такихъ нововведеній видное мѣсто заняло измѣненіе лѣтосчисленія. Въ старой Москвѣ годы считались отъ сотворенія міра и новый годъ начинался съ 1-го сентября. Петръ, стремясь какъ можно болѣе приблизить московскіе обычаи къ западнымъ, какъ можно менѣе оставить различій между жизнью Москвы и остальной Европы, указомъ отъ 20 декабря 1699 года измѣнилъ этотъ порядокъ: впредь предписано было считать годы съ Рождества Христова и начинать новый годъ съ 1-го января, причемъ въ объясненіе такой перемѣны указъ ссылался на то, что многіе европейскіе народы, славяне и самые греки, отъ которыхъ принята православная вѣра, такъ ведутъ лѣтосчисленіе. Это объясненіе было не лишнимъ въ виду тѣсной связи, существовавшей въ умахъ москвичей между житейскими обычаями и вѣрою, но оно далеко не для всѣхъ было убѣдительно. Люди, думавшіе, что свѣтъ истинной вѣры и истинно благочестивая жизнь сохранились въ одномъ только московскомъ государствѣ, не могли конечно съ легкимъ сердцемъ согласиться на отмѣну стариннаго обычая только потому, что этотъ обычай не существуетъ въ странахъ иновѣрныхъ или отпавшихъ отъ правой вѣры. Правительственное объясненіе удовлетворяло только тѣхъ лицъ, которые сознавали неудобства замкнутой русской жизни, у которыхъ подъ вліяніемъ предшествовавшихъ событій уже выработалось убѣжденіе въ необходимости болѣе тѣсной связи съ чужеземными странами. Но подчиняться указу должны были всѣ и должны были даже праздновать вновь установленный день новаго года, такъ какъ тѣмъ же указомъ предписывалось въ день 1-го января устраивать въ домахъ иллюминацію, стрѣлять изъ имѣвшихся у домовладѣльцевъ пушекъ и ружей и наконецъ законодатель позаботился даже обязать жителей поздравлять другъ друга съ новымъ годомъ

Наряду съ частными преобразованіями происходили уже и государственныя, и въ нихъ проявлялось то же направленіе, та же основная тенденція. Первое крупное преобразованіе, предпринятое въ эти годы сравнительнаго спокойствія государства до начала Великой Сѣверной войны, заключалось именно въ реформѣ городскаго быта. Сидѣвшіе по городамъ воеводы завѣдывали, какъ мы знаемъ, главнымъ образомъ, судебными и административными дѣлами. дѣла же финансовыя по сбору и взносу

податей сосредоточивались въ рукахъ мѣстныхъ выборныхъ властей — земскихъ старость. Но неудобства воеводскаго управленія сильно давали себя чувствовать, такъ какъ города часто жаловались на раззоряющія ихъ притѣсненія воевод, на препятствія, какія ставили имъ послѣдніе въ ихъ торгахъ и промыслахъ. Въ тотъ моментъ, когда подготовлялось напряженіе силъ государства, когда правительство увеличивало военныя средства страны, усиливая войско и заводя флотъ, для него эти насплія воеводъ представлялись особенно неудобными, такъ какъ они вліяли на уменьшеніе числа государственныхъ доходовъ. Поэтому правительство начало сокращать кругъ воеводской дѣятельности. Прежде всего они были совершенно исключены отъ сбора податей и послѣдній исключительно предоставленъ былъ земскимъ старостамъ и выборнымъ изъ городскихъ общинъ людямъ. Вернувшись изъ-за границы, Петръ развилъ эту реформу далѣе: земскіе старосты московскаго государства были имъ переименованы по голландскому образцу въ бурмистровъ и городамъ предоставлена возможность, «буде они похотятъ» освободиться отъ воеводскихъ «обидъ и налогъ и поборовъ и взятковъ»: въ случаѣ такого хотѣнія со стороны городовъ судебная власть въ нихъ передавалась бурмистрамъ, которыхъ горожане избирали въ такомъ числѣ, въ какомъ хотѣли, и изъ которыхъ каждый долженъ былъ сидѣть по мѣсяцу президентомъ. Цѣли доставить бо́льшую выгоду государственной казнѣ были преобладающими въ этой реформѣ, по именно въ виду фискальныхъ же соображеній правительство попыталось выставить ее, какъ особую милость для посадскихъ людей, которая и должна быть особо оплачена. Указъ постановлялъ, что посадскіе люди за такія къ нимъ государевы «милость и призрѣніе, что они отъ воеводъ... будутъ свобожены», должны платить вдвое противъ прежняго оклада податей. Но желанія правительства не сбылись: лишь весьма незначительная часть городовъ согласилась платить двойной окладъ за бурмистерское управленіе, большинство же или прямо отказалось отъ него или избрало бурмистровъ, но умолчало о двойномъ платежѣ. Тогда и правительству пришлось измѣнить свой образъ дѣйствій; отказавшись отъ двойнаго платежа, оно вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлало реформу обязательной, такъ что съ этихъ поръ уже во всѣхъ городахъ «купецкій чинъ» долженъ былъ вѣдаться бурмистрами. Одновременно съ учрежденіемъ бурмистровъ по городамъ въ Москвѣ была устроена Бурмистерская Палата, затѣмъ переименованная въ Ратушу, въ которой должны были собираться всѣ доходы изъ городовъ: отсюда они и выдавались въ расходъ, но только по именному повелѣнію государя. Путемъ этого учрежденія во первыхъ достигалась для казны бо́льшая увѣренность въ поступленіи доходовъ съ городовъ, а во вторыхъ подъ вліяніемъ этой главной цѣли городское сословіе еще болѣе обособлялось.

получая новое устройство, хотя и развившееся изъ старыхъ московскихъ учрежденій, но и подъ замѣтнымъ уже вліяніемъ иноземныхъ образцовъ.

То же иноземное вліяніе сказывалось и въ жизни самого царя. Вводя иноземные порядки и обычаи въ жизнь государства и общества, Петръ самъ первый проводилъ ихъ и примѣнялъ на себѣ. Русскіе люди видѣли теперь своего царя въ совершенно непривычномъ для нихъ видѣ: одѣвался онъ не по старому, носилъ короткій нѣмецкій кафтанъ, бороду брилъ, курилъ коротенькую голландскую трубку, словомъ представлялся по своей наружности скорѣе какимъ-нибудь голландскимъ или нѣмецкимъ капитаномъ, чѣмъ благолѣпнымъ московскимъ царемъ. Вмѣсто прежнихъ колымагъ или каретъ, служившихъ царямъ для выѣздовъ, Петръ ѣздилъ въ одноколкѣ, исчезла прежняя придворная пышность, царь появлялся запросто въ публикѣ, въ обществѣ своихъ и чужихъ, но во всемъ, даже въ семейной жизни, казалось, лынулъ больше къ послѣднимъ. Его первая жена, Евдокія Лопухина, женщина красивая, но мало развитая и необразованная, выросшая въ теремѣ, какъ и всѣ почти московскія женщины въ высшемъ обществѣ того времени, скоро ему наскучила, а ея привязанность къ старинному складу жизни полагала слишкомъ рѣзкое противорѣчіе между нею и ея мужемъ. Петръ былъ не такимъ человѣкомъ, чтобы терпѣть около себя препятствія. Вернувшись изъ-за границы, онъ принудилъ жену постричься въ монастырь, причемъ вздумавшіе противиться этому нѣкоторые члены духовенства попали въ застѣнки къ кн. Ромодановскому. Любимицей царя еще раньше открытаго разрыва съ женой сдѣлалась одна изъ красавицъ Нѣмецкой слободы, дѣвица Монсъ, и это обстоятельство придавало особенный смыслъ и самому факту такого разрыва, сообщало ему характеръ отреченія отъ всего своего, роднаго, ради чужаго. Жизнь царя дѣлалась предметомъ обсужденія московскаго общества, слухи объ ней, какъ о чемъ-то необычномъ, заходили далеко за предѣлы Москвы и впечатлѣніе этихъ слуховъ присоединялось къ тому, какое создавалось подъ вліяніемъ дѣйствій правительства. Одной основной идеей связывалась въ умахъ русскихъ людей дѣятельность правительства въ крупныхъ и мелкихъ вопросахъ и жизнь самого царя и этой идеей было сближеніе съ иноземцами.

Отношеніе московскаго общества къ первымъ реформамъ. Какъ же отнеслось общество къ этому сближенію? Опасенія консерваторовъ, выраженныя имп въ челобитной стрѣльцовъ, сбылись, хотя исполненіе ихъ послѣдовало и не совсѣмъ съ той стороны, откуда его ждали. Пришли на Москву не нѣмцы, а русскіе люди съ самимъ царемъ во главѣ, но пришли все-таки, «послѣдуя брадобритію и табаку», и утвердили это послѣдованіе, сдѣлали его обязательнымъ. Между тѣмъ еще такъ недавно не одинъ

стрѣльцы, но и высшее духовенство, и самъ патріархъ заявляли, что оно поведетъ къ «всесовершенному благочестія испроверженію», именовали куренье табаку и бритье бородъ еретическими, гнусными обычаями. Теперь, когда такіе обычаи вводились самимъ правительствомъ, когда имъ прежде всѣхъ другихъ слѣдовалъ самъ царь, патріарху и поддерживавшимъ его духовнымъ оставалось или выказать рѣзкое сопротивленіе, перейти въ рѣшительную оппозицію, или же замолчать. Такая оппозиція со стороны духовенства не могла быть общей, ибо оно тоже дѣлилось на партіи, и патріархъ, равно какъ и другіе видные духовные, принадлежавшіе къ партіи приверженцевъ старины, предпочли смолчать и прекратить свои проповѣди противъ новыхъ обычаевъ. Но такой образъ дѣйствій съ ихъ стороны привелъ только къ тому, что они потеряли свой авторитетъ въ глазахъ болѣе послѣдовательныхъ и энергичныхъ ревнителей старыхъ порядковъ. Такіе ревнители, не видя никакого противодѣйствія правительству со стороны патріарха, рѣшительно заявляли, что послѣдній «живетъ изъ куска, спать бы ему да ѣсть, да бережетъ мантіи да клобука бѣлаго, за тѣмъ онъ и не обличаетъ», и также рѣшительно объявляли всѣ духовныя власти «накупными». Заимствованіе чужеземныхъ порядковъ для такихъ ревнителей продолжало представляться уничтоженіемъ благочестія, никакъ не могло примириться со всѣхъ ихъ міровоззрѣніемъ. Построенное на мелочахъ обрядоваго быта, это міровоззрѣніе никакъ не могло слить въ себѣ представленій о чистотѣ вѣры и одновременныхъ заимствованіяхъ у другихъ народовъ ихъ образа жизни. Если русскіе люди перенимаютъ у нѣмцевъ ихъ обычаи, бороды брѣютъ по нѣмецки, то ясно, что и вѣра стала нѣмецкая, разсуждали многіе московскіе люди. Вводится проклятое зелье-табакъ, еретическое брадобритіе, новое лѣтосчисленіе, неизвѣстное святымъ отцамъ, вводится все это на основаніи чужеземныхъ примѣровъ, очевидно нарушается древнее русское благочестіе, вѣра пестрится еретической прелестью — таково было впечатлѣніе, оставленное на значительной части московскаго общества первыми реформами Петра. Но мало того — самый способъ проведенія этихъ реформъ прибавлялъ къ такому впечатлѣнію еще новый оттѣнокъ. Жестокое подавленіе стрѣлецкаго бунта, страшный розыскъ и казни вызвали ужасъ, но вызвали и сочувствіе къ пострадавшимъ, въ иныхъ случаяхъ и желаніе мести. Начались толки между уцѣлѣвшими стрѣльцами о томъ, чтобы снова подняться и идти на Москву мстить «за стрѣлецкую обиду и казнь». Эта послѣдняя озаряла зловѣщимъ свѣтомъ самую фигуру Петра. Въ народѣ ходили разсказы, будто Петръ и кн. Ромодановскій каждый день человѣческую кровь пьютъ, «а котораго дня не изопьютъ, того дня имъ и хлѣбъ не ѣстся». Государь, такъ жестоко расправившійся со старой партіей, потерялъ для нея ав-

торитетъ, онъ воплотилъ въ себѣ всѣ начала, противъ которыхъ она шла, и не было надежды повернуть его дѣятельность въ другую сторону. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло и старое знамя, служившее этой партіи во время государственныхъ переворотовъ, имя царевны Софьи, но кого-нибудь надобно было противопоставить царю и ревнители старины нашли себѣ новый лозунгъ въ имени малолѣтняго царевича, сына Петра отъ нелюбимой, заключенной въ монастырь жены. Царь, разсказывали въ Москвѣ и по областямъ, любитъ нѣмцевъ, а царевичъ не любитъ, царь совсѣмъ обусурманился и ожидовѣлъ, въ среду и пятницу мясо ѣстъ, а царевичъ держится истинной вѣры. Такъ народная фантазія создавала уже себѣ въ мечтахъ новаго вождя, отъ котораго ждала искорененія заморскихъ новшествъ. Пытки и казни не останавливали этихъ толковъ, а скорѣе дѣйствовали въ противоположномъ смыслѣ Какъ проклятіе, положенное при Алексѣѣ Михайловичѣ на расколъ, окончательно освятило разладъ въ міросозерцаніи русскаго народа, такъ строгія мѣры правительства теперь при введеніи чужихъ обычаевъ еще усиливали такой разладъ, доставляя ему новое знамя, новые лозунги. Къ двуперстному сложенію, двукратной аллилуіи и т. п. церковнымъ обрядамъ присоединились теперь отрицаніе брадобритія, нѣмецкаго платья, табаку и сдѣлались такими же внѣшними признаками, раздѣляющими двѣ противоположныя партіи. Расколъ изъ церковно-общественнаго движенія окончательно перешелъ въ сферу государственной и общественной жизни, пріобрѣтая все болѣе и болѣе характеръ движенія политическаго лишь съ религіознымъ оттѣнкомъ. Въ отвѣтъ на наказанія, практиковавшіяся правительствомъ относительно непокорныхъ, раскольники все усерднѣе начинаютъ проповѣдывать незаконность нечестиваго правительства и отказываются молиться за него.

Совершенно иное отношеніе встрѣтили, конечно, реформы у тѣхъ людей, которые сознали уже нужду въ преобразованіяхъ путемъ заимствованій отъ иностранцевъ. Помимо тѣхъ лицъ, которые были близкими приверженцами Петра съ первыхъ лѣтъ его дѣятельности, какъ Меншиковъ, Апраксинъ и др., такихъ людей много было въ московскомъ обществѣ разсѣяно по всѣмъ классамъ и состояніямъ его. Теперь, почувствовавъ, что правительство на ихъ сторонѣ, они стремятся собраться вокругъ него, пособить ему въ борьбѣ. Однимъ изъ наиболѣе типичныхъ людей такихъ былъ извѣстный «промышленникъ» Петровскаго времени — Курбатовъ. Будучи дворецкимъ б. Шереметева, онъ вмѣстѣ съ нимъ путешествовалъ заграницей и тамъ видѣлъ много порядковъ, которые казались ему пригодными и для Россіи. Вернувшись оттуда, онъ скоро и выдвинулся. Разъ въ одномъ изъ приказовъ нашли письмо съ надписью: «поднести государю, не распечатавъ». Въ письмѣ вмѣсто доноса, какихъ масса подбрасывалась

тогда такимъ образомъ, оказался проектъ гербовой бумаги для доставленія государству лишняго дохода. Она и была немедленно введена, а самъ Курбатовъ принятъ на государственную службу, пожалованъ въ дьяки и вскорѣ занялъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ Петровскомъ правительствѣ.

Такимъ образомъ первыя реформы Петра, указавъ тотъ путь, по которому пойдетъ преобразованіе, окончательно опредѣлили и положеніе партій въ государствѣ и вмѣстѣ перевели ихъ борьбу съ почвы церковной на почву гражданскаго и государственнаго быта, заставили однихъ людей отшатнуться отъ правительства и встать въ полную оппозицію къ нему, а другихъ наоборотъ привлекли къ правительственной дѣятельности, которая вмѣстѣ сдѣлалась и дѣятельностью реформаторской. Въ слѣдующій разъ мы познакомимся съ тѣми условіями, среди которыхъ реформа должна была находить себѣ осуществленіе.

22-я ЛЕКЦІЯ.

Внѣшняя политика Петровскаго правительства.

Мы видѣли тѣ условія, при которыхъ подготовлялась реформа въ жизни московскаго общества и которыя положили свою печать на самое дѣло реформы, поставивъ его на такой путь, какой всего вѣрнѣе опредѣляется словомъ: революціонный. Теперь намъ предстоитъ познакомиться съ другой стороной той обстановки, среди которой совершалось это преобразованіе, отъ настроенія русскаго народа и его правительства перейти къ дѣламъ внѣшней политики государства. Раньше уже приходилось говорить, что эта послѣдняя и послужила именно первымъ толчкомъ, вызвавшимъ сближеніе московскаго государства съ Западомъ и на почвѣ такого сближенія породившимъ самую мысль о реформѣ. Но чѣмъ сильнѣе становилась эта мысль, чѣмъ большее значеніе и ясность пріобрѣтала она, тѣмъ крѣпче становилась и связь ея съ внѣшней политикой Москвы. Чтобы вступить въ тѣсныя сношенія съ Западной Европой, заимствуя отъ нея культуру, надо было имѣть путь для этихъ сношеній, который не могъ бы быть закрытъ по произволу враждебныхъ сосѣдей. Еще до Петра въ правительственныхъ кругахъ Москвы выработалось убѣжденіе, что такимъ путемъ можетъ быть только морской, и неясные порывы ц. Ивана Грознаго къ Балтійскому морю къ концу 17-го столѣтія замѣнились опредѣленными планами пріобрѣсти себѣ гавани на этомъ морѣ и завести свой флотъ. Петровское правительство унаслѣдовало эти планы и готовилось привести ихъ въ исполненіе: пріобрѣтеніе портовъ у моря сдѣлалось главной цѣлью его внѣшней политики. Война съ Турціей представляла, повидимому, возможность къ этому и явилась мысль добиться желаннаго морскаго пути на югѣ, черезъ Черное море. Съ этою мыслью взятъ былъ Азовъ и строился флотъ на Азовскомъ морѣ, но взятіемъ Азова крупные успѣхи русскаго оружія и кончились. Тѣмъ временемъ западные союзники Москвы въ этой войнѣ, и особенно Австрія, готовились прекратить свою борьбу съ Турціей. Напрасно Петръ во время своего заграничнаго путешествія пытался убѣдить австрійскаго императора къ продолженію войны, слишкомъ серьезныя для Габсбурговъ дѣла отвлекали ихъ вниманіе въ другую сторону, на западъ, гдѣ Франція, успѣвшая занять

враждебныя ей государства турецкой войной, непомѣрно усилилась и мечтала уже о всемірной монархіи. Первый шагъ къ послѣдней французскій король видѣлъ въ посаженіи своего внука на испанскій тронъ, но имению этого и не хотѣли допустить другія державы, боявшіяся уже излишняго могущества Франціи. Составлялась коалиція изъ Англіи, Голландіи и Австріи съ цѣлью воспрепятствовать появленію Бурбона на испанскомъ престолѣ, подготовлялась война за Испанское наслѣдство и Австрія стремилась стянуть всѣ свои силы для этой войны и добивалась заключенія мира съ Турціей. Для Московскаго государства такой оборотъ дѣлъ былъ столько же непріятенъ, сколько и неожиданъ. Ему легко сравнительно было вести борьбу съ Оттоманской имперіей, когда главныя силы послѣдней отвлекались на западѣ Австріей и Венеціей, но борьба одинъ на одинъ обѣщала слишкомъ много опасностей и слишкомъ мало выгодъ. Петръ попытался по крайней мѣрѣ добиться предположенной цѣли войны въ мирныхъ договорахъ и требовалъ, чтобы Австрія не заключала отдѣльнаго мира и поддерживала требованія Россіи: послѣднія заключались въ уступкѣ Турціей не только взятаго уже русскими Азова, но и Керчи, чѣмъ былъ бы обезпеченъ для русскихъ кораблей выходъ въ Черное море. Иначе и самое владѣніе моремъ Азовскимъ не приносило никакой выгоды, такъ какъ сообщеніе съ западной Европой осталось бы для Москвы закрытымъ. Но и эта попытка не удалась: Австрія заключила миръ отдѣльный и Турція, освободившись отъ наиболѣе грознаго для нея противника, не только не хотѣла уступать Керчи, но еще требовала уступки Азова и подѣпровскихъ городковъ. Нужно было слѣдовательно искать морскаго пути въ другой сторонѣ и взоры Петровскаго правительства обратились на сѣверъ, къ морю Балтійскому.

Сѣверная война. Мысль о возможности для Москвы овладѣнія берегами послѣдняго была присуща не одной московской политикѣ, она внушалась ей и другими державами, видѣвшими свои выгоды въ ослабленіи первенствовавшаго на сѣверѣ Европы государства—Швеціи. Такъ, еще въ 1767 г. датскій посолъ Габель, стараясь склонить Россію къ войнѣ со Швеціей, говорилъ, что Данія соглашается на водвореніе ея власти на берегахъ Балтійскаго моря, если ей удастся отнять ихъ отъ шведовъ. Когда Петръ совершалъ свое первое путешествіе за границу и жилъ въ Пруссіи, курфирстъ бранденбургскій также указывалъ ему на тѣ выгоды, какія Россія можетъ получить отъ войны съ Швеціей. Выгоды эти были хорошо извѣстны и самому московскому правительству, но для него важно было пріобрѣсти поддержку для своихъ плановъ въ другихъ государствахъ, найти себѣ союзниковъ. Сношенія съ сосѣдями показали, что союзники найдутся въ лицѣ Даніи и Польши. Король польскій и вмѣстѣ

курфюрстъ саксонскій Августъ самой своей короной въ Польшѣ былъ до извѣстной степени обязанъ русскому царю, придвинувшему войска къ границамъ Польши для рѣшенія его избранія на польскій тронъ. Теперь Августъ замышлялъ возвратить Польшѣ отвоеванную у нея Швеціей Лифляндію и притомъ такъ чтобы она стала въ непосредственное подчиненіе не къ Рѣчи Посполитой польской, а къ личности короля. Эти планы его находили себѣ поддержку въ настроеніи части населенія самой Лифляндіи, именно тамошняго дворянства. Короли шведскіе, изъ желанія частью увеличить средства своей казны, частью облегчить тяжелое положеніе крестьянства въ этой провинціи, стали производить здѣсь т. н. редукцію или возвращеніе имѣній, отдававшихся нѣкогда дворянамъ на извѣстныхъ, ограничивавшихъ ихъ власть, условіяхъ, но затѣмъ захваченныхъ ими въ полную собственность. Всѣ земли, принадлежавшія коронѣ, а раньше ордену и высшему духовенству, были отобраны у дворянъ и дворянское землевладѣніе сразу сократилось въ Лифляндіи въ 5 разъ. Дворянство негодовало на то, что оно называло нарушеніемъ своихъ правъ, и хотя не осмѣливалось поднять открытаго возстанія, но готово было поддержать сильнаго врага Швеціи, если бы такой появился въ предѣлахъ Ливоніи. Одинъ изъ такихъ дворянъ, Паткуль, выступилъ въ качествѣ ревностнаго защитника правъ своего сословія, навлекъ на себя гнѣвъ шведскаго правительства и, укрываясь отъ него, бѣжалъ. Осужденный заочно на смерть, онъ явился къ Августу, указывая ему на выгоды овладѣнія Ливоніей и на союзниковъ для войны со Швеціей, главными изъ которыхъ должны были быть, по его мнѣнію, Данія и Россія. Лифляндскій изгнанникъ вѣрно угадалъ политическія обстоятельства. Данія, ссорившаяся постоянно съ Швеціей изъ-за вассальнаго герцогства голштейнъ-готторпскаго, охотно приняла участіе въ союзѣ. Не менѣе охотно отнесся къ этому и Петръ, но война съ Турціей мѣшала ему принять немедленно предложеніе Августа. Поэтому ограничились въ 1699 г. заключеніемъ договора, по которому Августъ въ качествѣ курфирста саксонскаго обязывался послать свои войска въ Ливонію и склонить къ войнѣ и Польшу, царь же обѣщалъ тотчасъ по заключеніи мира съ Турціей двинуть свои войска въ Ингрію и Карелію.

Такимъ образомъ представлялась перспектива съ помощью двухъ союзныхъ государствъ пробиться наконецъ къ Балтійскому морю и нужно было только закончить войну турецкую, не только не представлявшую теперь никакой выгоды, но еще и мѣшавшую началу борьбы на сѣверѣ. Послѣ долгихъ усилій наконецъ удалось заключить съ Турціей перемиріе на 30 лѣтъ; Азовъ уступленъ былъ Россіи, а мѣсто, гдѣ стояли взятые московскими войсками поднѣпровскіе городки, отходило къ Турціи, но самые

эти городки должны были быть срыты. 8 августа 1700 года извѣстіе о заключеніи мира пришло въ Москву, а на другой день, 9 августа, войска уже выступали изъ Москвы на сѣверъ и началась упорная и продолжительная борьба, извѣстная подъ именемъ Великой Сѣверной войны.

Еще прежде, чѣмъ Россія могла принять въ ней дѣятельное участіе, союзники ея начали уже свои дѣйствія, но не особенно удачно. Саксонскія войска вторглись въ Ливонію, взяли Кокенгаузенъ, дошли до Риги, но этимъ городомъ овладѣть не могли. Датчане заняли герцогство голштейнское и принудили самого владѣльца его искать убѣжища въ Швеціи, но и ихъ успѣхъ былъ непродолжителенъ. Юный шведскій король (ему было 18 лѣтъ) Карлъ XII съ 15-тысячнымъ войскомъ явился неожиданно подъ стѣнами Копенгагена и датскій король, опасаясь за участь своей столицы, заключилъ съ нимъ миръ, по которому признавалась независимость Голштиніи. Покончивъ съ однимъ изъ союзниковъ, Карлъ обратился на двухъ другихъ и съ 18.000 солдатъ переправился въ Ливонію. Тѣмъ временемъ до 40.000 русскаго войска подъ предводительствомъ самого царя собралось подъ Нарвой; взятіемъ этой крѣпости Петръ думалъ начать войну и упрочить за собой Ливонію, разсчитывая, что это удастся сдѣлать, пока Карлъ отвлеченъ будетъ другими союзниками, какъ раньше удалось взять при подобныхъ же обстоятельствахъ Азовъ у Турціи. Вѣсти о пораженіи датчанъ, о высадкѣ шведовъ въ Лифляндіи и наконецъ о приближеніи арміи Карла разрушили эти планы. Можно было съ большою увѣренностью предполагать, что столкновеніе съ шведскими войсками, считавшимися тогда первыми въ Европѣ по своему искусству, опытности въ военномъ дѣлѣ и дисциплинѣ, не обойдется благополучно для русскихъ, только еще усвоивавшихъ себѣ иноземную тактику, не имѣвшихъ своихъ искусныхъ офицеровъ и полководцевъ. Самъ Петръ предвидѣлъ вѣроятный исходъ битвы и, не дожидаясь ея, удалился въ Новгородъ, передавъ главное начальство надъ арміей иноземцу, герцогу фонъ-Круи. Ожиданія и предвидѣнія сбылись вполнѣ: 19 ноября Карлъ XII во главѣ $8^1/_2$ тысячъ своихъ солдатъ появился передъ Нарвой и послѣ короткой битвы почти вся русская армія обратилась въ бѣгство, потерпѣвъ жестокій уронъ; много солдатъ погибло во время битвы, еще больше во время бѣгства, много потонуло въ р. Наровѣ, мостъ черезъ которую подломился подъ тяжестью бѣгущихъ. Около половины всего войска погибло или разсѣялось, лишь меньшая часть достигла Новгорода, но и та была лишена оружія, оборвана и измучена. Только нѣсколько полковъ отступило въ порядкѣ; вся артиллерія досталась Шведамъ и московское государство внезапно увидѣло себя безъ войска и безъ необходимыхъ для войны средствъ, почти не имѣя чѣмъ отразить грознаго непріятеля, стоявшаго уже не далеко

отъ его границъ и гордаго своей побѣдой. Коалиція противъ Швеціи представлялась почти разстроившейся, побѣды Карла XII вызывали восторженное удивленіе, а русскій царь, обратившій на себя вниманіе Европы своими замыслами, преслѣдовался язвительными насмѣшками. Въ это время выбита была между прочимъ извѣстная медаль по поводу Нарвскаго пораженія: на одной сторонѣ ея изображенъ былъ Петръ, грѣющійся у своихъ пушекъ, обстрѣливающихъ Нарву, съ подписью: «бѣ же Петра, стоя и грѣяся»; на другой сторонѣ Петръ бѣжитъ отъ Нарвы, царская шапка падаетъ съ него, шпага брошена онъ утираетъ слезы платкомъ и опять подпись: «пшедъ вонъ, плакася горько».

Положеніе московскаго государства было критическое. Послѣ легкихъ сравнительно внѣшнихъ дѣлъ, которыя можно было дѣлать безъ особаго вниманія, полусерьезно, полушутя, впервые столкнулось Петровское правительство съ дѣломъ настоящимъ, гдѣ шутки и игры были не у мѣста, дѣломъ, заставившимъ Петра сказать про тѣ самые Азовскіе походы, серьезностью которыхъ онъ нѣкогда гордился, «яко все то младенческое играніе было» Теперь надо было напрячь всѣ усплія для спасенія государства и энергія Петра, такъ выказавшаяся уже во время внутреннихъ смутъ, теперь опять проявилась въ полной своей силѣ. Велѣно укрѣплять пограничные города, Новгородъ и Псковъ, причемъ всѣ жители безъ исключенія, и даже священники, должны были принять участіе въ работахъ. На мѣсто уничтоженныхъ подъ Нарвой полковъ велѣно было набирать новые и вскорѣ образовалось 10 новыхъ полковъ, по 1,000 человѣкъ въ каждомъ. Чтобы имѣть возможность создать новую артиллерію, изданъ былъ приказъ «со всего государства съ знатныхъ городовъ отъ церквей и монастырей собрать часть колоколовъ на пушки и мортиры», и не прошло и году, какъ было уже готово до 300 новыхъ орудій. Правительство пустило въ ходъ всѣ силы, какими оно обладало, жестоко казня за неповиновеніе или плохое исполненіе обязанностей. За взятки нѣсколько человѣкъ было повѣшено, за неявку на работы офицеры обращались въ солдаты и подвергались наказанію батогами, казнь грозила и за отговорки отъ службы болѣзнью

Путемъ напряженныхъ усилій правительство успѣло поднять свои силы, успѣло даже начать мелкія наступательныя дѣйствія на границахъ, но всего этого было мало, если бы врагъ вновь появился со всѣми своими силами. Оставался еще третій союзникъ противъ Карла XII—курфюрстъ саксонскій и борьба съ нимъ могла отвлечь шведовъ отъ русскихъ предѣловъ, могла дать Москвѣ возможность оправиться и время собрать свои силы. Петръ поспѣшилъ заключить съ Августомъ новый договоръ, обязался помочь ему войскомъ и втеченіе трехъ лѣтъ выплачивать ежегодно по 100,000 рублей, лишь бы онъ воевалъ противъ шведовъ

въ Лифляндіи и Эстляндіи и тѣмъ отвлекъ ихъ вниманіе отъ дѣйствій русскихъ въ Ингріи и Карелии: Лифляндія и Эстляндія по окончаніи войны будутъ отданы Польшѣ и царь не заявитъ на нихъ никакихъ притязаній. Первый же взносъ денегъ совершился съ большими затрудненіями Въ казнѣ ихъ оказалось недостаточно, и мало того, что правительству пришлось теперь занимать деньги у монастырей, брать у богатыхъ купцовъ (такъ у гостя Филатьева взято было 10,000 р.), оно должно было прибѣгнуть и къ такимъ ничтожнымъ займамъ, какъ у поручика Меншикова—420 золотыхъ. Съ большими усиліями деньги были собраны и вручены союзнику, который теперь становился драгоцѣннымъ Дѣйствительно, Карлъ не пошелъ прямо на Россію, а направился къ саксонскимъ войскамъ и разбилъ ихъ при Ригѣ. Послѣ пораженія саксонцевъ Карлу представился опять выборъ, на какого изъ двухъ противниковъ двинуться. Онъ выбралъ того, кто казался ему сильнѣе.—Августа, и вошелъ въ Польшу, оставивъ въ Лифляндіи генерала Шлиппенбаха съ небольшимъ войскомъ. Это дало возможность оправиться русскимъ. Втеченіе всего почти 1701 года происходили только мелкіе набѣги съ обѣихъ сторонъ, но въ декабрѣ Шереметевъ напалъ съ далеко превосходными силами на Шлиппенбаха при селѣ Эрестферъ и разбилъ его. Извѣстіе объ этой первой побѣдѣ сильно обрадовало Петра и Шереметевъ получилъ чинъ фельдмаршала. Въ слѣдующемъ году имъ же была одержана новая побѣда надъ Шлиппенбахомъ при мызѣ Гуммельсгофѣ, причемъ въ битвѣ участвовало противъ 7.000 шведовъ около 30,000 русскихъ, и вся восточная Лифляндія была опустошена русскими войсками. Къ осени этого года военныя дѣйствія были перенесены въ Ингрію и здѣсь приняли иной характеръ: вмѣсто опустошенія производилось покореніе, такъ какъ эта область по договору съ Польшей должна была достаться Россіи. 11 октября взятъ былъ стоявшій при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера Нотебургъ, древній новгородскій Орѣшекъ, переименованный Петромъ въ Шлиссельбургъ Прекращенныя съ наступленіемъ зимы, военныя дѣйствія возобновились весною. 1 мая 1703 года взятъ былъ Ніеншанцъ, крѣпость, стоявшая на правомъ берегу Невы, вслѣдъ затѣмъ она была срыта и 16 мая на ея мѣстѣ началъ строиться Петербургъ, новая столица. На морѣ основана была крѣпость Кронштадтъ на островѣ Котлинѣ для защиты Петербурга. Въ томъ же году отняты были у шведовъ старинные русскіе города—Копорье и Ямы. Полуторавѣковое стремленіе московскаго государства къ морю наконецъ увѣнчалось успѣхомъ, морской путь былъ пріобрѣтенъ и Московское государство готовилось обратиться въ Европейскую Россію.

23-я и 24-я ЛЕКЦІИ.

Внѣшняя политика Петровскаго правительства (продолженіе).

Сѣверная война (продолженіе). Съ взятіемъ крѣпостей въ Ингріи, съ построеніемъ въ невскихъ устьяхъ городка, названнаго Петербургомъ, осуществилась завѣтная мечта Петра, осуществилось и полуторавѣковое стремленіе московскаго государства къ пріобрѣтенію морскаго пути. Въ новомъ городкѣ строплась крѣпость и вмѣстѣ строились суда, долженствовавшія создать русскій флотъ на Балтійскомъ морѣ, въ немъ начинали уже появляться и первые иноземные корабли съ торговыми цѣлями. Но это пріобрѣтеніе было еще далеко не прочно: грозный врагъ не только не потерялъ своей силы, но, казалось, обладалъ ею въ большемъ, чѣмъ когда-либо, размѣрѣ и только удаленіе его главныхъ силъ въ другую сторону дало возможность русскимъ войскамъ сравнительно легко завладѣть Ингріею. Предстояла необходимость упрочить за собою сдѣланныя уже пріобрѣтенія, обезпечить себя такъ, чтобы даже въ случаѣ несовсѣмъ удачнаго оборота дальнѣйшей войны не отступиться отъ моря. Съ этой цѣлью русскія войска вторично вторглись въ Лифляндію, но уже не съ цѣлью одного грабежа. Слабые шведскіе отряды, оставленные здѣсь Карломъ, должны были отступить и втеченіе 1704 года русскіе подъ предводительствомъ самого царя взяли Дерптъ и Нарву, первый на капитуляцію, вторую штурмомъ. Держа въ своихъ рукахъ эти сильныя крѣпости, можно было разсчитывать съ успѣхомъ отразить шведовъ даже въ томъ случаѣ, если бы Карлъ обратилъ въ эту сторону главныя свои силы. Еще выгоднѣе было однако не допускать войны близко къ своимъ предѣламъ, но пользоваться тѣмъ, что «шведъ, по выраженію Петра, увязъ въ Польшѣ», и постараться сосредоточить военныя дѣйствія въ этой послѣдней. Дѣйствительно, Карлъ продолжалъ свое пребываніе въ польскихъ областяхъ. Напрасно поляки предста-

ляли ему, что Августъ началъ войну съ нимъ въ качествѣ курфирста саксонскаго, а не короля польскаго, что войска Рѣчи Посполитой и не принимали никакого участія въ войнѣ; всѣ подобныя представленія, не поддержанныя никакою силою, не оказывали дѣйствія на гордаго завоевателя, тѣмъ болѣе, что саксонскія войска безпрепятственно входили на территорію Рѣчи Посполитой, хотя и терпѣли здѣсь постоянныя пораженія отъ шведовъ. Въ отвѣтъ на увѣщанія прекратить враждебныя дѣйствія противъ Польши и вывести свои войска изъ польскихъ предѣловъ Карлъ потребовалъ свержепія Августа съ польскаго престола и избранія на его мѣсто Якова Собѣскаго, сына предшествовавшаго короля. Вторая часть этого плана была разрушена Августомъ, измѣнпически захватившимъ Якова Собѣскаго и его брата и заключившимъ ихъ въ одномъ изъ саксонскихъ замковъ, но тогда Карлъ выставилъ новаго кандидата на тронъ въ лицѣ познанскаго воеводы Станислава Лещинскаго. Оставаться долѣе въ пассивномъ, выжидательномъ положепіи польская шляхта уже не могла, ей приходилось примкнуть къ одной изъ двухъ воюющихъ сторонъ, но среди нея не было единодушія и она распалась на партіи. Сторонники Лещинскихъ въ Великой Польшѣ составили конфедерацію, провозгласили безкоролевье и на сеймѣ 1704 года въ Варшавѣ подъ охраной и вмѣстѣ угрозой шведскихъ войскъ избрали Ст Лещинскаго королемъ. Въ Малой же Польшѣ составилась другая конфедерація, которая встала за Августа и обратилась за помощью къ русскимъ. Благодаря этому обстоятельства складывались такимъ образомъ, что Петръ легко могъ осуществить свой планъ задержать Карла въ Польшѣ и, пользуясь выграннымъ временемъ, укрѣпиться въ приморскихъ областяхъ. Съ Августомъ и поддержпвавшей его малопольской конфедерацiей былъ заключенъ новый наступательный и оборонительный союзъ, въ силу котораго въ борьбу съ Швецiею вступала и Польша, и русскія и саксонскія войска съ двухъ разныхъ сторонъ вступили на территорію Рѣчи Посполитой, гдѣ тѣмъ временемъ закипѣла отчаянная, разворявшая всю страну междоусобная война двухъ партій. Саксонцы успѣли возвратить Августу Варшаву, русскій корпусъ занялъ Литву и остановился въ Гродно, а между тѣмъ вмѣшался въ военныя дѣйствія еще новый дѣятель. Подъ шумъ разгорѣвшейся войны курфирстъ бранденбургскій, бывшій вмѣстѣ и герцогомъ восточной Пруссіи, еще въ 1701 г. короновался королемъ прусскимъ, а теперь, употребляя въ свою пользу слабость Польши, захватилъ и принадлежавшую ей западную Пруссію, носившую названіе королевской. Тогда создался даже планъ раздѣла Польши, по которому Россія должна была получить Бѣлоруссію и Литву, вновь образовавшееся королевство прусское—западную Пруссію, а Августъ сохранилъ бы за собой остальныя земли, установивъ въ нихъ съ по-

мощью Россіи и Пруссіи абсолютное правленіе. Но эти планы, шедшіе такъ далеко, были разрушены дѣйствіями Карла XII, не принятаго въ разсчетъ союзниками. Быстрыми переходами приблизился онъ къ русскимъ войскамъ, принудилъ ихъ запереться въ Гродиѣ, но, не будучи въ состояніи ни взять штурмомъ этого города, ни вызвать русскихъ въ открытое поле, обратился на саксонцевъ, на голову разбилъ ихъ, выгналъ Августа изъ Польши и заставилъ русскую армію также отступить изъ польскихъ предѣловъ къ своей границѣ. Петръ ждалъ, что побѣдоносный непріятель бросится на Россію, двинуты были войска на югъ, велѣно укрѣплять Кіевъ, чтобы можно было выдержать нападеніе съ этой стороны. Но шведскій король распорядился иначе: онъ удовольствовался отступленіемъ русскихъ войскъ изъ Польши, котораго не могла вознаградить побѣда, одержанная Меншиковымъ при Калишѣ надъ однимъ отрядомъ шведской арміи, и самъ съ главными силами бросился въ Саксонію. Опустошеніе шведами этой наслѣдственной страны повліяло на Августа гораздо сильнѣе, чѣмъ разореніе Польши, въ которой онъ былъ только наслѣдственнымъ королемъ, войска его были разбиты, города и крѣпости одинъ за другимъ сдавались непріятелю, и онъ рѣшился заключить съ Карломъ миръ, извѣстный подъ названіемъ Альтранштадтскаго, по которому онъ уступалъ польскій тронъ Лещинскому и прекращалъ всякія враждебныя дѣйствія противъ Швеціи. Такъ и второй членъ коалиціи, составившейся противъ Карла, былъ принужденъ къ миру и Россія осталась безъ союзниковъ, принужденная вести войну одинъ на одинъ. Король прусскій выражалъ готовность вступить съ нею въ союзъ, но только въ томъ случаѣ, если шведскія войска будутъ вытѣснены изъ Польши: часть поляковъ, не признававшая королемъ Лещинскаго, заключила новый союзъ съ Петромъ, но требовала денегъ и войска въ помощь и въ сущности не могла предпринять сама никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій: самъ Августъ тайно сообщалъ, что въ случаѣ успѣховъ русскаго оружія онъ нарушитъ заключенный съ шведскимъ королемъ миръ. Словомъ, не было сомнѣнія въ томъ, что, когда Россія одержитъ рѣшительную побѣду, союзники у нея найдутся, но первый, самый тяжелый ударъ, отъ котораго все зависелo, она должна была выдержать одна. Напрасно Петръ искалъ себѣ новыхъ союзниковъ, напрасно онъ обѣщалъ въ видѣ премін такому союзнику польскую корону, предлагая ее то Якову Собѣскому, то господарю валашскому Ракочи: охотника покупать эту корону дорогой цѣной союза противъ шведовъ не находилось.

Тѣмъ временемъ Карлъ готовился покончить и съ третьимъ членомъ коалиціи. Лишивъ Петра союзниковъ, онъ разсчитывалъ легко съ нимъ справиться и заранѣе хвалился, что проникнетъ въ самую Москву, свергнетъ Петра съ трона и посадитъ на его мѣсто—

Якова Собѣскаго. Въ августѣ 1707 г. 26.000-ное шведское войско выступило изъ Саксоніи и вошло въ предѣлы Польши. Въ началѣ слѣдующаго года загородившая ему дорогу русская армія была разбита при Головчинѣ, но несмотря на побѣду Карлу трудно было держаться въ опустошенной странѣ. Онъ поджидалъ Левенгаупта, который долженъ былъ привести ему подкрѣпленія и припасы, но долго не могъ дождаться и наконецъ повернулъ на югъ и пошелъ въ Малороссію, приказавъ Левенгаупту нагнать его. Ничто не могло быть для русскихъ выгоднѣе такого разъединенія непріятельскихъ силъ. Петръ напалъ на Левенгаупта и на голову разбилъ его, едва половина бывшаго съ нимъ войска успѣла спастись и дойти къ Карлу, а весь шведскій обозъ попалъ въ руки побѣдителей. Между тѣмъ вступленіе шведовъ въ Малороссію вызвало новое явленіе, создало новаго врага Петровской политики. Въ Малороссіи не исчезли противники связи съ московскимъ государствомъ, сторонники національной независимости, тѣмъ болѣе, что внутреннее состояніе страны, происходившая въ ней соціальная борьба заставляли искать какого-либо исхода и послѣдній всего чаще представлялся на пути возвращенія самостоятельности, на который отчасти толкали народъ и самыя дѣйствія московскаго правительства. Позднѣе намъ придется еще подробнѣе остановиться на этомъ вопросѣ, пока же можно ограничиться и этими общими замѣчаніями. Гетманъ Мазепа, занявшій этотъ санъ со времени свержения Самойловича, сперва старался подавлять неудовольствіе, существовавшее въ народѣ, и былъ вѣрнымъ слугою Москвы, тѣмъ болѣе, что не видѣлъ силы, на которую могло бы опереться противодѣйствіе ей. Польша, пытавшаяся возмутить Задѣпровье и привлечь его къ себѣ, была слишкомъ слаба для этой роли и слишкомъ ненавистна народу, живо помнившему польское крѣпостное иго. Поэтому гетманъ не поддавался на ея увѣщанія и выдавалъ польскихъ посланцевъ московскому правительству. Но теперь обстоятельства измѣнились: на Москву, истощенную уже долгой войной, шелъ грозный врагъ, на юго-востокѣ московскаго государства пылалъ бунтъ, а между тѣмъ война и сопряженныя съ ней тяжести усилили недовольство среди малороссовъ. Трудно было ждать, чтобы никѣмъ еще непобѣжденный Карлъ XII понесъ пораженіе отъ неопытныхъ въ войнѣ русскихъ, скорѣе надо было предвидѣть, что онъ одолѣетъ Петра и тогда въ Малороссіи окончательно возьметъ верхъ партія недовольныхъ Москвой. Мазепа рѣшилъ предупредить событія и самъ всталъ во главѣ этой партіи. Онъ завелъ переговоры съ Карломъ XII и въ моментъ вступленія его въ Малороссію перешелъ на его сторону, но только съ небольшимъ отрядомъ. Извѣстны послѣдствія этого шага. Лѣвобережная Малороссія не поднялась вся, какъ разсчитывалъ гетманъ, волненіе вспыхнуло

только на югѣ ея, въ полку Полтавскомъ, гдѣ болѣе сохранился еще духъ независимости, и на Запорожьѣ, всѣ же остальные полки остались на сторонѣ русскихъ. На мѣсто Мазепы избранъ былъ новый гетманъ по указанію царя, именно Скоропадскій, царскія войска подъ предводительствомъ Меншикова взяли и разорили Батуринъ, гдѣ Мазепой собраны были припасы для шведовъ, точно также разорены были городки Полтавскаго полка и самое Запорожье. Лишь нѣсколько тысячъ козаковъ послѣдовало за Мазепой въ шведскій лагерь, но всей же странѣ шведовъ принимали, какъ непріятелей. Русскія войска избрали ту тактику, какая указывалась обстоятельствами. Трудно было противостоять въ открытомъ полѣ шведской арміи подъ предводительствомъ самого короля, но и этой послѣдней на громадныхъ пространствахъ Россіи было далеко не такъ легко дѣйствовать, какъ въ Польшѣ, гдѣ она находила себѣ союзниковъ среди населенія, или въ маленькой Саксоніи. Русскіе все отступали передъ шведами, заманивая ихъ въ глубь края и вмѣстѣ разоряя окрестную страну, лишая непріятеля провіанта. Армія Карла таяла и слабѣла, но, поощряемый отступленіемъ царскихъ войскъ, онъ упорно оставался въ Малороссіи и провелъ въ ней зиму. Весной слѣдующаго года онъ бросился на Полтаву, намѣреваясь взять ее и этимъ успѣхомъ поднять духъ своей арміи. Но городъ былъ хорошо укрѣпленъ, въ немъ стоялъ сильный гарнизонъ и всѣ приступы шведовъ были отбиты. Когда же Карлъ началъ осаду Полтавы, подошла русская армія: Петръ рѣшился дать генеральную битву истощеннымъ войскамъ врага. Эта битва разразилась 27 іюня 1709 г. и была вполнѣ успѣшна для русскаго оружія: войско шведовъ было на голову разбито, его безпорядочное отступленіе вскорѣ обратилось въ простое бѣгство, во время котораго почти все оно было взято въ плѣнъ, самъ Карлъ съ Мазепой и небольшимъ отрядомъ шведовъ и козаковъ едва успѣлъ избѣжать рукъ побѣдителей и укрыться въ турецкихъ владѣніяхъ. «Преславная викторія», какъ величалъ Петръ Полтавскую битву, сломила могущество Швеціи и прочно укрѣпила, казалось, за Россіей сдѣланныя ею на сѣверѣ пріобрѣтенія. Оправдывая избранное Петромъ направленіе, она служила вѣщемъ его усилій сравнять русскую армію съ иноземной, доставить московскому государству тѣ средства борьбы, какія были въ распоряженіи Запада. Средства эти дали наконецъ результатъ, отъ нихъ ожидавшійся: въ тяжелой борьбѣ къ опаснымъ врагомъ преобразованная русская армія постепенно пріобрѣтала опытность и искусство, изъ рядовъ ея выходили хорошіе полководцы, солдаты усвоили себѣ дисциплину и Петръ, поднимая послѣ Полтавской битвы бокалъ за здоровье своихъ учителей, не дѣлалъ этимъ простаго комплимента шведамъ. Русскимъ войскамъ, какъ и всей Россіи, пришлось пройти трудную и долгую школу, но результаты ея были

теперь очевидны: съ помощью иноземцевъ западно-европейская техника была перенята настолько, что оказалось возможнымъ одержать побѣду надъ шведскими войсками, считавшимися лучшими въ Европѣ и находившимися подъ предводительствомъ одного изъ лучшихъ полководцевъ своего времени. Таково было значеніе этой побѣды для самой Россіи, но оно этимъ не исчерпывалось еще, въ немъ была и другая сторона, заключавшаяся въ отношеніяхъ Россіи къ ея прежнимъ союзникамъ по шведской войнѣ. Въ Европѣ ждали, что Карлъ справится съ Петромъ такъ же легко, какъ и съ другими членами коалиціи, думали, что московскій царь вынужденъ будетъ заключить позорный миръ, и вмѣсто этого пришло извѣстіе о полномъ пораженіи шведской арміи, о бѣгствѣ самого короля въ Турцію. Окружавшее Карла обаяніе сразу рухнуло и сообразно этому поднялся престижъ Россіи, первымъ слѣдствіемъ чего было возобновленіе коалиціи противъ Швеціи. Данія опять вступила въ союзъ съ Россіей и начала непріязненныя дѣйствія противъ Швеціи. Въ Польшѣ партія Лещинскаго, державшаяся только страхомъ шведскаго короля, быстро потеряла свое значеніе, правленіе Августа было возстановлено и саксонскія и польскія войска готовы были опять дѣйствовать въ союзѣ съ русскими. Такимъ образомъ въ результатѣ Полтавской побѣды Московское государство возвратило себѣ союзниковъ для продолженія Сѣверной войны и подняло свое значеніе въ глазахъ Европы.

Но пока дѣйствія Россіи были успѣшнѣе, чѣмъ ея союзниковъ. Въ 1710 г. московскія войска двинулись на сѣверъ, въ Финляндію и Карелію, взяли Выборгъ и Кексгольмъ и докончили покореніе всей Кареліи. Одновременно продолжались военныя дѣйствія въ Лифляндіи, измѣнившія однако теперь свой характеръ: вмѣсто опустошенія страны предпринималось подчиненіе ея. Русскіе осадили Ригу и принудили этотъ городъ къ сдачѣ, причемъ шведскому гарнизону позволено было выйти, но всѣ лифляндцы должны были остаться и принести присягу на вѣрность; за то жителямъ обѣщалось сохраненіе ихъ областнаго управленія и Аугсбургскаго исповѣданія, за г. Ригой обѣщано было оставить его земли и доходы, привилегіи и обычаи. Русское правительство обязалось не вводить никакихъ новыхъ законовъ и судей, оффиціальнымъ языкомъ въ управленіи и судѣ долженъ былъ остаться нѣмецкій, а въ назначеніяхъ на должности туземные жители должны были пользоваться преимуществомъ предъ русскими. Сверхъ того Петръ обѣщалъ, если возьметъ и Пернау, заботиться о тамошнемъ университетѣ, гдѣ преподаваніе должно было по прежнему производиться на нѣмецкомъ языкѣ; университетъ долженъ былъ сохранить и свое самоуправленіе, и царь выговорилъ себѣ только право ввести въ немъ преподаваніе русскаго языка и назначать профессора на эту каѳедру. Въ томъ

же году сдались на этихъ условіяхъ Пернау, Аренсбургъ, Ревель и Эльбингъ, и вся Лифляндія и Эстляндія признали власть русскаго царя. Петръ окончательно рѣшилъ уже удержать эти области за собою, несмотря на то, что по договору съ Августомъ Лифляндія должна была достаться Польшѣ. Поляки напрасно требовали передачи имъ ливонскихъ крѣпостей. Петръ обѣщалъ сдѣлать это послѣ войны, когда минуетъ опасность со стороны шведовъ, а въ сущности ясно выказывалъ желаніе удержать ихъ за собой. Русское вліяніе распространилось и на сосѣднюю Курляндію, герцогъ которой вступилъ въ бракъ съ племянницей Петра, Анной Іоанновной. Петръ готовился уже идти дальше и перенести главное поприщу военныхъ дѣйствій въ германскія владѣнія Швеціи, когда событія на югѣ отвлекли его вниманіе и впутали Россію въ новую войну—съ Турціей.

Турецкая война и Прутскій походъ. Турція не могла забыть потерь, понесенныхъ ею благодаря взятію Азова и съ все увеличивавшимися опасеніями смотрѣла на ростущее могущество Москвы, на ея побѣды надъ шведами и преобладаніе ея вліянія въ Польшѣ. Султанъ принялъ въ свои владѣнія бѣжавшихъ изъ подъ Полтавы шведовъ и козаковъ и, несмотря на требованія Петра, не выдавалъ ему Карла и Мазепы, изъ которыхъ послѣдній впрочемъ вскорѣ умеръ. Петръ продолжалъ настаивать если не на выдачѣ Карла, то по крайней мѣрѣ на высылкѣ его изъ турецкихъ владѣній, но турецкое правительство не только не исполняло этихъ желаній, а еще, возбуждаемое шведскимъ королемъ, все подозрительнѣе относилось къ дѣйствіямъ Петра, опасаясь, что онъ, усилившись въ Сѣверной войнѣ, вновь обратитъ свои силы противъ Турціи и попытается расширить свои владѣнія на югѣ пріобрѣтеніемъ береговъ Чернаго моря. Наконецъ Турція рѣшила предупредить Петра, воспользовавшись тѣмъ временемъ, пока силы его отвлечены борьбою на сѣверѣ, и въ 1711 г. объявила войну Россіи. Такимъ образомъ являлось новое препятствіе къ достиженію завѣтной цѣли, сильно измѣнявшее ходъ событій: русскія войска должны были въ большинствѣ уйти на югъ, что давало возможность вновь усилиться шведамъ, и такъ уже отбившимъ датчанъ отъ своихъ границъ. Новыхъ же союзниковъ Петру не являлось; король прусскій, послѣ Полтавской побѣды склонявшійся вновь къ заключенію союза съ Петромъ и Августомъ, при выступленіи на сцену турецкихъ силъ опять началъ колебаться. Съ Августомъ и Польшей былъ заключенъ союзъ, но отъ него нельзя было ожидать много пользы. При такихъ обстоятельствахъ Петръ рѣшилъ попытаться окончить войну однимъ смѣлымъ ударомъ. Въ борьбѣ съ Турціей у московскаго государства были естественные и постоянные союзники въ лицѣ православныхъ подданныхъ султана, давно уже искавшихъ себѣ защиты въ Москвѣ и смотрѣвшихъ на послѣднюю, какъ на свою будущую

освободительницу. Разсчитывая на ихъ-то помощь, преимущественно на господарей молдавскаго и валашскаго—Кантемира и Брынковяна, и на техническое превосходство своихъ войскъ, Петръ задумалъ вторгнуться въ предѣлы Турціи, поднять тамъ возстаніе православныхъ и вынудить у Порты быстрый и почетный миръ. Но онъ слишкомъ мало придалъ при этомъ значенія турецкому могуществу. Когда русская армія появилась въ Молдавіи, среди православнаго населенія этой и другихъ областей поднялось, правда, волненіе, господарь Кантемиръ съ небольшимъ отрядомъ присоединился къ Петру, но большаго войска привести не могъ благодаря близости турецкихъ силъ, а вскорѣ и все возбужденное было волненіе должно было потухнуть. На берегахъ Прута 38.000-ая армія Петра была окружена 200.000 турокъ и татаръ и отрѣзана отъ всякихъ сообщеній. Правда, всѣ нападенія турокъ были отбиты, но тѣмъ не менѣе русскіе попали въ блокаду, изъ которой не могли выбиться. Они могли еще отбить нѣсколько нападеній, но въ концѣ концовъ отсутствіе провіанта и голодъ все равно принудили бы ихъ къ сдачѣ. Храбрость и искусство русской арміи повели только къ тому, что турки, понесшіе большой уронъ при своихъ штурмахъ, готовы были выслушать мирныя предложенія, сдѣланныя имъ царемъ. Русскіе сами не вѣрили въ успѣхъ этихъ предложеній: фельдмаршалъ Шереметевъ отзывался, что не видѣлъ человѣка глупѣе того, кто присовѣтовалъ царю этотъ шагъ, но если визирь приметъ предложеніе, онъ несомнѣнно будетъ еще глупѣе. Визирь однако принялъ его, переговоры начались и въ результатѣ ихъ былъ заключенъ миръ, на слѣдующихъ условіяхъ: русская армія получала право отступить съ оружіемъ, царь же обязывался возвратить туркамъ Азовъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ взятъ у нихъ, срыть построенные имъ на берегу Азовскаго моря городки (Таганрогъ и др.), вывести свои войска изъ Польши и не мѣшаться въ польскія дѣла. Эти условія были достаточно выгодны для Турціи, возвращая ей обратно завоеванныя у нея Петромъ земли и устраняя русское вліяніе изъ Польши. Наоборотъ для Петра они представлялись крайне тяжелыми, такъ что онъ долго медлилъ выполнять ихъ и тѣмъ едва не навлекъ на себя второй турецкой войны. Уже отдавая приказаніе очистить Азовъ, онъ прибавлялъ: «какъ не своею рукою пишу». Но тѣмъ не менѣе пришлось подчиниться и выполнить условія мира, чтобы не быть принужденнымъ вступить снова въ двойную борьбу—на сѣверѣ и югѣ и чрезъ это можетъ быть потерять и сдѣланныя отъ Швеціи пріобрѣтенія. Неисполненной осталась только вторая часть Прутскаго договора относительно Польши: русскія войска были выведены изъ нея только на короткое время, а затѣмъ вновь вводились, такъ какъ въ шведскую Померанію могли они пройти только черезъ польскія владѣнія, и русскій царь продолжалъ мѣ-

шаться во внутреннія дѣла Польши, призываемый къ этому и королемъ Августомъ и шляхтой.

Продолженіе Сѣверной войны. Втеченіе слѣдующихъ годовъ война продолжалась въ двухъ направленіяхъ: русскія войска перешли въ Германію и, соединясь съ датчанами, вытѣснили шведовъ изъ Померанін; съ другой стороны отряды Петра двинулись на Финляндію и предприняли ея покореніе. Въ 1713 г. взятъ былъ русскими Гельсингфорсъ и Або, одержана надъ шведами блестящая побѣда при Таммерфорсѣ и вся Финляндія занята русскими отрядами. Въ слѣдующемъ году шведскій флотъ былъ уничтоженъ русскимъ при Гангудѣ. Дѣла шведовъ шли все хуже и ихъ не могло поправить появленіе среди шведскихъ войскъ самого Карла XII, высланнаго тѣмъ временемъ изъ Турціи. Шагъ за шагомъ должны были отступать шведы изъ Померанін и наконецъ въ 1716 г. пало передъ силами союзниковъ, къ которымъ присоединились еще герцогъ мекленбургскій и король прусскій, послѣднее ихъ германское владѣніе — Висмаръ. Швеція обращалась такимъ образомъ въ исключительно скандинавское государство и теряла свое первенствующее положеніе на сѣверѣ. Но въ это время ей улыбнулась мысль возвратить себѣ хотя отчасти потерянное значеніе путемъ союза съ самымъ опаснымъ изъ враговъ ея –русскимъ царемъ. Дѣло въ томъ, что между Петромъ и союзниками его начались раздоры, вызванные отчасти усиленіемъ Россіи, котораго опасались другіе члены коалиціи, отчасти измѣненіемъ политическихъ отношеній въ остальной Европѣ. Такіе раздоры начались прежде всего между Петромъ и Августомъ. Послѣдній не покидалъ своихъ плановъ образованія абсолютнаго правительства въ Польшѣ, но Петръ, который раньше готовъ былъ поддерживать эти планы ради территоріальнаго вознагражденія, съ момента своего усиленія измѣнилъ намѣренія: для него казалось гораздо болѣе выгоднымъ держать въ постоянной зависимости отъ себя всю слабую Польшу, чѣмъ получить часть ея, допустивъ въ другой образоваться сильному правительству. Поэтому, когда король разставилъ въ Польшѣ саксонскія войска, готовясь произвести переворотъ, а шляхта начала волноваться и требовать вывода ихъ, русскій посланникъ внушилъ ей мысль избрать царя посредникомъ въ этомъ дѣлѣ. Едва этотъ совѣтъ былъ исполненъ, какъ русскія войска вступили въ Литву, поддерживая шляхетскую конфедерацію, и, грозя обѣимъ сторонамъ, королю и шляхтѣ, принудили ихъ къ миру; саксонскія войска были выведены изъ польскихъ владѣній, конфедерація разошлась и русскій посолъ въ качествѣ посредника подписалъ договоръ между королемъ и шляхтой. Второе столкновеніе съ союзниками произошло у Петра въ Германіи: герцогъ Мекленбургскій вступилъ въ родство съ Петромъ путемъ брака на племянницѣ его Екатеринѣ Іоанновнѣ, и заключилъ съ нимъ союзъ, но мекленбургскіе дво-

ряне, бывшіе въ ссорѣ съ герцогомъ, побоялись, что онъ воспользуется помощью русскаго царя противъ нихъ, и постарались указать и остальнымъ союзникамъ, какъ опасно для нихъ усиленіе Россіи. Результатомъ этихъ опасеній явились крайне натянутыя отношенія между Петромъ и сѣверо-германскими князьями, такъ что они не впустили даже русскихъ войскъ въ отнятый у шведовъ Висмаръ. Между тѣмъ отношенія крупныхъ государствъ на западѣ Европы также измѣнились. Усиленіе Австріи заставило Англію, враждовавшею раньше съ Франціей, тѣсно сблизиться съ этой послѣдней и сообща съ ней дѣйствовать въ дипломатическихъ сношеніяхъ. Полное же пораженіе Швеціи не было желательно ни для Франціи, бывшей ея союзницы, ни для Англіи, такъ какъ оно созидало новую морскую силу въ лицѣ Россіи, несравненно болѣе опасную, чѣмъ Швеція. Поэтому хлопоты Петра о поддержкѣ съ запада оставались безуспѣшными и онъ напрасно ѣздилъ въ Голландію и Францію, пытаясь склонить правителей этихъ государствъ къ союзу. Вездѣ онъ получилъ отказъ и долженъ былъ разсчитывать на одни свои силы. Такимъ разладомъ между членами коалиціи и задумалъ воспользоваться министръ Карла XII, Герцъ. Онъ составилъ планъ, по которому Швеція вступила бы въ союзъ съ Россіей, уступая ей Ингрію, Карелію, часть Финляндіи, Лифляндію и Эстляндію, и за эти уступки при помощи Петра вознаградила бы себя въ Германіи, лишивъ ганноверскаго курфирста, вмѣстѣ бывшаго и англійскимъ королемъ, его владѣній въ Германіи и посадивъ на его мѣсто въ Англію президента Стюарта. Начались уже мирные переговоры между Россіей и Швеціей, когда внезапный переворотъ въ послѣдней прервалъ ихъ. Карлъ XII былъ убитъ, власть перешла въ руки аристократіи и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилось и направленіе внѣшней политики государства. Герцъ былъ казненъ, Швеція заключила миръ со всѣми своими противниками, кромѣ Россіи, отъ которой рѣшилась отнять ея завоеванія. Но обезсиленная страна не могла уже возстановить свое могущество, не могла даже успѣшно сопротивляться русскимъ войскамъ, въ 1719 и 1720 гг наводнившимъ самую Швецію и подвергшимъ ее страшному опустошенію. Шведское правительство вынуждено было приступить къ переговорамъ и 30 августа 1721 г. въ Ништадтѣ заключенъ былъ миръ, по которому Россія получила Лифляндію, Эстляндію, Ингерманландію, часть Кареліи и часть Финляндіи, причемъ въ договоръ включено было условіе, что жители этихъ провинцій сохранятъ за собою тѣ права и преимущества, какими они пользовались подъ шведскимъ владычествомъ, что евангелическая вѣра, церкви и школы останутся неприкосновенными. Цѣль войны была достигнута, даже въ большемъ противъ предполагавшагося размѣрѣ. Россія не только добилась морскаго пути, но и удержала въ своихъ рукахъ все восточное прибрежье Балтійскаго моря.

Передъ нею открывался широкій путь торговаго, промышленнаго и умственнаго общенія съ Западной Европой, отъ которой она была такъ долго отчуждена.

Война съ Персіею. Но съ окончаніемъ Сѣверной войны не прекратился еще рядъ войнъ, веденныхъ Петровскимъ правительствомъ. Не прошло и года со времени заключенія Ништадтскаго мира, какъ начата была новая война, на этотъ разъ на отдаленномъ юго-востокѣ, съ Персіей. Открывъ свободный путь торговаго сообщенія Россіи съ Западной Европой, Петръ задумалъ еще усилить значеніе этого пути, сдѣлавъ Россію необходимой посредницей между Западомъ и Востокомъ, направивъ черезъ нее всѣ товары, шедшіе изъ Азіи въ Европу. Для этого надо было утвердиться на востокѣ, надо было овладѣть берегами Каспійскаго моря, какъ уже овладѣли берегами Балтійскаго, и въ іюнѣ 1722 г. была объявлена война персидскому шаху, не удовлетворившему русское правительство за оскорбленіе московскихъ купцовъ въ Шемахѣ. Русскія войска заняли Тарки и Дербентъ, разбили отряды персовъ и взяли Баку. Шахъ вынужденъ былъ согласиться на миръ, по которому уступалъ Россіи Дербентъ и Баку съ областями Гиляномъ, Мазандераномъ и Астрабатомъ. Путемъ этого мира пріобрѣтена была точка опоры у Каспійскаго моря, хотя болѣе широкіе планы Петра о сосредоточеніи восточной торговли въ рукахъ русскихъ и не осуществились.

Общія начала внѣшней политики Петровскаго правительства и международное положеніе, занятое при немъ Россіей. Таковы были внѣшнія дѣла Россіи за время Петровскаго царствованія. Помимо тѣхъ результатовъ, какихъ она въ нихъ достигла, въ самой системѣ внѣшней политики правительства, въ самомъ пониманіи послѣднимъ своихъ задачъ и средствахъ къ ихъ осуществленію можно наблюдать существенныя измѣненія. Петровское правительство унаслѣдовало отъ своихъ предшественниковъ борьбу на три фронта, съ Швеціей, Польшей и Турціей, каждую съ опредѣленной, ясно сознанной цѣлью, вытекавшей только изъ нуждъ московскаго государства. При этомъ послѣднее пыталось само, собственными силами разрѣшить эти сознанныя имъ задачи. Мы видѣли однако, что такія попытки далеко не всегда были успѣшны, и видѣли вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ постепенно по мѣрѣ роста Москвы она начала принимать все большее участіе въ общеевропейской политикѣ, вступать въ союзы съ западными государствами, хотя такое участіе было еще пассивнымъ и самые союзы заключались по иниціативѣ чужеземной политики. Со времени Петра это участіе пріобрѣтаетъ постоянный и активный характеръ. Московское правительство само начинаетъ отыскивать себѣ союзниковъ и привлекать ихъ къ общему дѣлу, само составляетъ коалиціи и, отказавшись отъ прежней неподвижности и замкнутости, дѣятельно разыскиваетъ

среди иностранныхъ государствъ помощниковъ своимъ цѣлямъ и планамъ, будучи готово за оказанную ему помощь заплатить такою же. Всѣ свои внѣшнія дѣла оно рѣшаетъ въ рамкахъ общеевропейской политики и рѣшительно покидаетъ свою прежнюю обособленность. Словомъ, московское государство при Петрѣ, частью въ силу своихъ собственныхъ интересовъ и побужденій, частью въ силу параллельныхъ имъ интересовъ и соотвѣтственныхъ дѣйствій западныхъ державъ, обращается въ своей внѣшней политикѣ въ дѣятельнаго члена европейскаго дипломатическаго концерта. Впрочемъ, нужно оговориться: такое обращеніе совершилось не вполнѣ и въ Петровской политикѣ сохранилась еще крупная характерная черта старыхъ московскихъ дипломатовъ. Разрѣшая свои задачи при помощи иностранной политики, Петровское правительство обращало однако вниманіе на послѣднюю лишь постольку, поскольку она касалась непосредственно его самого, но совсѣмъ не интересовалось тѣми общеевропейскими дѣлами, которыя его прямо не затрогивали. Когда еще во время первой турецкой войны министры Людовика XIV сдѣлали Россіи предложеніе оставить австрійскій союзъ и перейти на сторону Франціи, они были удивлены наивно-откровеннымъ отвѣтомъ московскаго правительства, въ которомъ выражалось и искреннее недоумѣніе, зачѣмъ Москвѣ это дѣлать, когда ей и нынѣшніе союзники выгодны, и ставился прямой вопросъ, что она получитъ отъ Франціи за такой переходъ на ея сторону. По этому пути шла русская внѣшняя политика вплоть до конца Петровскаго царствованія. Когда въ 1717 и 1718 гг. Петру не удалось склонить Францію и Англію на свою сторону противъ Швеціи, онъ не колеблется вступить въ союзъ съ шведскимъ королемъ противъ англійскаго, поддерживать планы реставраціи Стюартовъ и католицизма въ Англіи, не заботясь о томъ, какой видъ приметъ въ случаѣ успѣха этого предпріятія Европа, лишь бы ему удалось удержать за собой Балтійское поморье. Войдя въ семью европейскихъ державъ, Россія чувствовала еще однако себя въ ней чужою, плохо разбирала общее положеніе Европы и старалась только направить въ свою выгоду дѣйствія отдѣльныхъ ея государствъ, приспособляя ихъ къ достиженію своихъ собственныхъ цѣлей.

Самыя цѣли эти тоже не остались буквально тѣми, какими онѣ были для старой Москвы и сообразно этому и политика Петровскаго правительства по отношенію къ ближайшимъ сосѣдямъ принимаетъ нѣсколько иной характеръ. Прежнее направленіе удержано этой политикой по отношенію къ Швеціи и Турціи, но съ совершенно различными результатами. Тогда какъ война съ первою имѣла своимъ послѣдствіемъ пріобрѣтеніе Россіей восточнаго побережья Балтійскаго моря и Лифляндіи, къ которымъ она долго и упорно стремилась, война съ Турціей,

въ которой Москва была предоставлена только собственнымъ своимъ силамъ, окончилась полной неудачей. Разрѣшеніе заразъ задачъ внѣшней политики на сѣверѣ и на югѣ оказалось не по силамъ московскому государству; сдѣлавъ рѣшительные шаги по отношенію къ Турціи, попытавшись выполнить ту программу защиты православныхъ и освобожденія ихъ отъ власти турокъ, какая подсказывалась ему съ Балканскаго полуострова еще съ конца 16-го столѣтія, возбудивъ надежды въ единовѣрныхъ валахахъ, румынахъ, грекахъ и славянахъ, жившихъ подъ владычествомъ Турціи, оно увидѣло себя вынужденнымъ затѣмъ обмануть эти надежды и могло только предложить убѣжище и вознагражденіе въ своихъ владѣніяхъ тѣмъ изъ участниковъ возстанія, которые успѣли бѣжать. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно должно было отказаться и отъ плановъ расширенія своей территоріи на югъ и удовольствоваться сохраненіемъ того самаго положенія, какое было еще до вступленія Петра во власть.

Иное дѣло было съ Польшей. Прежняя московская политика по отношенію къ этому государству заключалась въ томъ, чтобы отнять отъ него всѣ земли, населенныя родственными и единовѣрными малорусскимъ и бѣлорусскимъ племенами, и мы видѣли, съ какимъ постоянствомъ и упорствомъ стремилось московское правительство къ этой основной цѣли. Но возраставшая слабость Польши, ея все усиливавшееся внутреннее разложеніе, обусловившія собою полное безсиліе Рѣчи Посполитой во внѣшнихъ дѣлахъ, такъ ясно сказавшееся уже во время Петра, когда русскія и саксонскія войска безнаказанно гуляли взадъ и впередъ по польской территоріи, указали Петру возможность и другой цѣли—полнаго подчиненія Польши во всемъ ея составѣ Россіи съ помощью поддерживанія въ ней внутренняго безпорядка. Къ этой цѣли и начинаетъ стремиться Петровская политика, она уже не отрываетъ польскихъ провинцій, но напротивъ охраняетъ цѣлость Польши, завоевывая въ ней въ то же время для себя преобладающее вліяніе, русскій царь становится посредникомъ между польскимъ королемъ и польской шляхтой, вводитъ въ Польшу свои войска для охраненія въ ней порядка. Но, измѣняя конечную цѣль своей политики и свой образъ дѣйствій по отношенію къ Польшѣ, Петровское правительство не совсѣмъ отказывается отъ завѣтовъ старой Москвы. Послѣдняя въ присоединеніи принадлежавшихъ Польшѣ русскихъ областей руководилась принципами защиты національности и вѣры. Правительство Петра, замѣнивъ первый изъ нихъ стремленіемъ къ территоріальному усиленію государства, хотя бы такое происходило и на счетъ иной народности, не отступилось отъ втораго и, не пытаясь оттягать себѣ православное населеніе Польши, стало еще настойчивѣе прежняго требовать отъ послѣдней уваженія къ православію и религіозной терпимости. Много разъ

Петръ обращался къ Августу и сейму польскому съ жалобами на тѣ притѣсненія, какія испытываютъ православные въ Польшѣ, на насилія, путемъ которыхъ ихъ принуждаютъ переходить въ унію, и наконецъ, не получая удовлетворенія, началъ грозить. Въ 1722 г. онъ уже заявилъ Августу: «если, паче чаянія, по этому нашему представленію и прошенію удовлетворенія по силѣ договора не воспослѣдуетъ, то мы будемъ принуждены сами искать себѣ удовлетворенія». Но слабое королевское правительство не имѣло уже въ это время силы въ Польшѣ: страной правили не король, не сеймъ даже, а толпы невѣжественной и праздной шляхты, служившей интересамъ того или другаго знатнаго пана. Никакого прочнаго правительства въ ней не было, а шляхта, проникнутая благодаря воспитанію въ іезуитскихъ школахъ духомъ религіозной нетерпимости, не хотѣла и слышать о правахъ православныхъ. Поэтому требованія русскаго правительства не производили никакого результата.

Итакъ за время Петра программа московской внѣшней политики была осуществлена въ одномъ своемъ пунктѣ, именно захватѣ у Швеціи береговъ Балтійскаго моря, потерпѣла пораженіе въ своихъ планахъ на борьбу съ Турціей при помощи славянъ и существенно измѣнилась въ своихъ отношеніяхъ къ Польшѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнилось и общее положеніе московскаго государства среди европейскихъ державъ. Оно не только вступило въ рядъ этихъ державъ, но еще вступило съ усиленнымъ значеніемъ, какого раньше не имѣло или, точнѣе, какое принадлежало раньше другой странѣ Со времени тридцатилѣтней войны первенствующее значеніе въ ряду сѣверныхъ державъ пріобрѣла Швеція и за нею оно оставалось вплоть до начала 18-го вѣка, когда противъ нея составилась коалиція изъ Даніи, Польши и Россіи. Великая Сѣверная война подорвала это значеніе, обезсилила Швецію и низвела ее въ разрядъ второстепенныхъ государствъ, но не усилила ни Даніи, ни Саксоніи, ни Польши настолько, чтобы онѣ могли сдѣлаться преемниками этого значенія. Его унаслѣдовала именно Россія, развившая въ этой борьбѣ свои силы и получившая на свою долю наиболѣе богатую добычу. Изъ государства, отдаленнаго отъ остальной Европы, не пользовавшагося никакимъ значеніемъ въ рѣшеніи общихъ дѣлъ ея, событія Сѣверной Европы обратили Россію въ первую по своему значенію и силѣ державу на сѣверѣ, съ которой впредь уже нельзя было не считаться. Такое измѣненіе положенія Россіи отразилось и въ измѣненіи титула ея государей: съ момента окончанія Сѣверной войны Петръ по желанію сенаторовъ принялъ титулъ императора и царство московское обратилось во Всероссійскую имперію. Новый титулъ должны были признать и всѣ иностранныя державы, такъ какъ Петръ не хотѣлъ считаться съ классической старшой, дозволявшей но-

сить этотъ титулъ только императору германскому, наслѣднику величія древняго Рима. Какъ великіе князья московскіе обратили сами себя въ царей, такъ теперь царь московскій и всея Руси присвоилъ себѣ титулъ императора, выражая въ этомъ титулѣ вновь пріобрѣтенное значеніе Россіи, поставившее ее на ряду съ наиболѣе могущественными державами Запада.

Таковы были тѣ результаты, къ какимъ привела политика Петровскаго правительства въ области внѣшнихъ сношеній.

25-я ЛЕКЦІЯ.

Внутренняя дѣятельность Петра В.

Общій ходъ преобразованій. Познакомившись съ реальными нуждами русской жизни въ исходѣ 17-го вѣка, съ тѣми преобразовательными стремленіями, которыя этими нуждами вызывались, наконецъ съ тою обстановкой, при какой совершалось преобразованіе, мы можемъ теперь перейти къ удовлетворявшей такимъ запросамъ дѣятельности Петра, къ его внутреннимъ реформамъ. Строгаго, заранѣе поставленнаго и во всѣхъ своихъ частностяхъ обдуманнаго плана такихъ реформъ не было у Петра при началѣ его дѣятельности. Мы видѣли, что онъ вернулся изъ перваго своего заграничнаго путешествія съ одною ясно сознанной общей идеей о необходимости введенія въ своемъ отечествѣ европейскаго образованія и сближенія Москвы съ З. Европой. Результатомъ ея явились частичныя преобразованія и начало войны съ Швеціей. Эта-та война, продолжавшаяся втеченіе всего почти царствованія Петра, и опредѣлила собою окончательно ходъ реформы. Благодаря ей, благодаря тому напряженію силъ и средствъ, какого она требовала отъ народа и правительства, вскрывались недостатки правительственной системы, нужды народной жизни, и притомъ это происходило съ такой настойчивостью, съ такой, если можно такъ выразиться, выпуклостью, какой не могло бы быть въ мирное время. Чтобы вести съ успѣхомъ тяжелую борьбу, надо было обладать вполнѣ исправнымъ арсеналомъ средствъ для нея, а между тѣмъ она выставляла въ яркомъ свѣтѣ непригодность отдѣльныхъ частей государственнаго механизма. Слѣдовало торопиться съ ихъ исправленіемъ, откладывать его нельзя было подъ страхомъ не получить перевѣса въ борьбѣ, и вотъ начинается кипучая дѣятельность Петра. Одно за другимъ ломаются старыя учрежденія, старые порядки, воздвигаются на ихъ мѣсто новые, болѣе соотвѣтствующіе поставленнымъ жизнью цѣлямъ. Такая

ломка происходитъ во всѣхъ сферахъ государственной и народной жизни и притомъ почти одновременно. Естественно, что при подобныхъ условіяхъ въ ней не могло быть опредѣленнаго порядка, что преобразованіе не могло двигаться размѣреннымъ ходомъ заранѣе предусмотрѣнной работы. Нужды и запросы удовлетворялись по мѣрѣ своего появленія или обнаруженія, ждать было некогда и невозможно, и въ одно и то же время происходила перестройка государственнаго управленія, военнаго строя, общественныхъ отношеній, церковныхъ порядковъ и т. д. Мелкіе указы, трактовавшіе о какой-либо мелочи быта, издавались рядомъ съ важнѣйшими законодательными актами, съ лихорадочной поспѣшностью создавались новые органы управленія, проводились новыя идеи, а разсмотрѣнное уже нами положеніе правительства придавало всей этой грандіозной законодательной дѣятельности его своего рода боевой характеръ, отражавшійся въ каждомъ указѣ—отъ самыхъ неважныхъ до самыхъ крупныхъ—угрозами жестокихъ наказаній для противниковъ велѣній царя. Въ виду такихъ условій преобразовательной дѣятельности Петровскаго правительства немыслимо вести ея разсмотрѣніе въ томъ порядкѣ, въ какомъ она происходила, такъ какъ это значило бы постоянно перескакивать изъ одной сферы жизни въ другую. Поэтому я изложу вамъ реформы Петра В., руководясь ихъ внутреннею связью, а не соображеніями объ ихъ хронологической послѣдовательности.

Реформа военнаго устройства. Первой и наиболѣе важной по тогдашнимъ отношеніямъ была реформа войска. Неудобства дворянской и стрѣлецкой арміи были окончательно сознаны и, собираясь вести большія войны, надо было имѣть войско, устроенное по иному образцу, войско регулярное. Такой образецъ былъ уже въ Москвѣ въ солдатскихъ полкахъ, по нему были созданы и Петровскіе потѣшные полки и дальнѣйшая реформа пошла по этому же пути, обращая всю армію въ постоянную, устраняя изъ нея совершенно временные элементы въ видѣ дворянъ-землевладѣльцевъ, которые, отбывъ походъ, снова возвращались въ свои помѣстья. Съ Петра военные люди стали исключительно принадлежать своей службѣ, не имѣя права предаваться никакимъ другимъ занятіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился и порядокъ пополненія рядовъ арміи въ виду необходимости и увеличенія боевыхъ силъ государства: съ нетяглыхъ классовъ общества обязательная повинность военной службы распространилась и на тяглые, изъ которыхъ раньше лишь отдѣльные охочіе люди вступали въ ряды солдатскихъ полковъ. Передъ началомъ Сѣверной войны, именно въ 1699 году, былъ произведенъ первый рекрутскій наборъ какъ изъ нетяглыхъ, такъ и изъ тяглыхъ людей, путемъ котораго и была создана двинувшаяся подъ Нарву армія. Послѣ того, какъ она подверглась почти полному уничтоженію

въ Нарвской битвѣ, явилась необходимость новыхъ наборовъ, принявшихъ особенно сильный характеръ съ того момента, какъ русскія войска опять перешли въ наступленіе. За 1705—6 гг. было три такихъ общихъ рекрутскихъ набора. Этимъ путемъ армія была не только возстановлена, но и въ значительной степени усилена сравнительно съ прежнимъ ея положеніемъ. Къ концу царствованія Петра цифра регулярной арміи достигла 180,000 человѣкъ. Сверхъ того создана была новая военная сила, совершенно незнакомая старой Московской Руси—флотъ, въ которомъ въ послѣдніе годы жизни Петра считалось 48 линейныхъ кораблей и до 800 мелкихъ судовъ и на нихъ было 28,000 человѣкъ экипажа. Все это войско было вооружено и обмундировано на иноземный ладъ; оно получало жалованье частью провіантомъ, частью деньгами. Изъ всей массы войска выдѣлялась еще гвардія, составившаяся изъ первоначальныхъ потѣшныхъ полковъ и заключавшая въ себѣ по преимуществу членовъ дворянскихъ фамилій. Новый принципъ регулярной арміи, на основаніи котораго было преобразовано военное устройство, не остался безъ вліянія и на отношенія иного порядка и глубже всего это вліяніе сказалось въ измѣненіи положенія отдѣльныхъ общественныхъ классовъ и ихъ взаимныхъ отношеній.

Мѣры относительно сословій. Дворянство. Измѣненія въ его служебной повинности. Петръ не перенесъ военной повинности съ одного класса на другой, онъ только подъ вліяніемъ бо́льшей нужды въ войскѣ расширилъ число лицъ, на которыхъ эта повинность падала, привлекъ къ ней и тѣ классы, какіе раньше непосредственно ея не отбывали. Но рекрутскіе наборы, отбиравшіе въ войско извѣстный процентъ населенія, не уничтожили раньше дѣйствовавшаго принципа обязательности такой службы для всѣхъ служилыхъ людей поголовно. Напротивъ того, произведенное Петромъ преобразованіе военныхъ отношеній еще усилило и обострило этотъ принципъ. Всякій дворянинъ теперь, какъ и прежде, обязанъ былъ служить государству съ момента вступленія въ зрѣлый возрастъ вплоть до смерти, полной дряхлости или увѣчья, такую службы прекращавшихъ, но этого мало: характеръ службы былъ уже иной, изъ временной она обратилась въ постоянную и это дѣлало ее гораздо тяжелѣе. Дворянинъ долженъ былъ посвящать всѣ свои силы и время государственной службѣ и эта мысль при Петрѣ проводилась такъ строго, что втеченіе всего почти его царствованія дворянамъ не давалось не только отставки, но даже и сколько-нибудь продолжительныхъ отпусковъ и послѣднихъ стало возможно добиться лишь съ окончаніемъ Сѣверной войны. Для новаго войска требовались люди опытные въ военномъ искусствѣ, постоянно въ немъ упражняющіеся, и это и вызывало обостреніе и безъ того уже лежавшей на дворянахъ обязательной военной службы. Со времени учреж-

дѣнія сената на него возложена была обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы дворяне не уклонялись отъ службы, а въ 1721 году возникла особая должность—герольдмейстера, обязаннаго вести списки всѣхъ дворянъ и наблюдать за порядкомъ отбыванія ими службы. Время отъ времени устраивались смотры дворянамъ, преимущественно недорослей. Послѣдніе свозились въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ въ Москву или въ новую столицу—Петербургъ, здѣсь осматривались, по большей части самимъ царемъ, и распредѣлялись по полкамъ или школамъ. Не явившимся на службу грозило жестокое наказаніе. По указу 1714 г. всякій «нѣтчикъ» (такъ назывались не явившіеся на службу) терялъ все свое имущество и это послѣднее получалъ въ награду тотъ, кто доносилъ о такомъ укрываніи, хотя бы этотъ доноситель былъ крѣпостнымъ нѣтчика. Одинъ изъ позднѣйшихъ указовъ, именно 1722 г., установилъ еще болѣе суровое наказаніе для неявившихся на службу дворянъ: согласно ему такіе дворяне подвергались «шельмованію», ихъ напечатанное имя съ барабаннымъ боемъ прибивалось къ висѣлицѣ и затѣмъ они объявлялись внѣ закона, такъ что всякій могъ безнаказанно даже убить ихъ, не говоря уже о томъ, что всѣ имѣнія такихъ лицъ отбирались въ казну. Но, несмотря на такіе грозные указы, нѣтчиковъ при Петрѣ находилось очень много: тяжесть службы возбуждала въ дворянахъ желаніе уклониться отъ нея, и это тѣмъ болѣе, что къ повинности собственно службы прибавлялась еще повинность образованія, въ такой же степени обязательная и едва ли менѣе тяжелая. Правительство, желая имѣть на своей службѣ людей образованныхъ, убѣжденное въ пользѣ образованія, воспользовалось своею широкою властью и потребовало отъ дворянъ въ видѣ своего рода службы пріобрѣтенія образованія: дома или въ школѣ, но къ извѣстному возрасту, именно къ 15 годамъ, когда надо было вступать на службу, дворянинъ обязанъ былъ усвоить себѣ извѣстныя познанія, обучиться грамотѣ, цыфири или ариѳметикѣ и «нѣкоторой части геометріи» (указъ 1714 г.). Невыполненіе этого требованія вело къ лишенію нѣкоторыхъ правъ: такъ дворянинъ, не имѣвшій свидѣтельства отъ учителя объ окончаніи этого начальнаго курса, не могъ жениться. Правительство заботилось и объ открытіи школъ, въ которыхъ дворяне могли бы получать требуемое отъ нихъ образованіе, предписывая устраивать такія школы при монастыряхъ или же само открывая спеціальныя учебныя заведенія; роль послѣднихъ играли главнымъ образомъ морскія училища или, какъ они тогда назывались, навигацкія школы. Образованіе примѣнялось къ насущнымъ государственнымъ потребностямъ и съ этой точки зрѣнія далеко не являлось безразличнымъ для правительства, какое образованіе получаютъ дворяне. Точно такъ же, какъ слѣдило оно за отбываніемъ службы дворянами, оно смотрѣло и за полученіемъ ими надлежащаго, предписаннаго указами образо-

ванія. Петръ часто самъ экзаменовалъ присланныхъ на смотръ дворянскихъ недорослей и сурово каралъ всякія попытки уклониться отъ правительственныхъ требованій. Былъ разъ случай, что нѣсколько молодыхъ дворянъ, которые должны были учиться математикѣ и мореплаванію въ одной изъ московскихъ школъ, вмѣсто того поступили въ духовное училище. Петръ распорядился взять ихъ изъ него и, отправивъ въ Петербургъ, заставилъ ихъ здѣсь на Мойкѣ вколачивать сваи. Отъ образованія дворянину стало теперь такъ же невозможно уйти, какъ и отъ государевой службы. Даже стѣны монастыря не спасали отъ науки, такъ какъ Петръ приказывалъ брать бѣглецовъ и оттуда и возвращать въ школы. Кромѣ собственныхъ русскихъ школъ, частныхъ и правительственныхъ, существовалъ еще способъ пріобрѣтенія образованія посредствомъ посылки за границу, которая носила такой же обязательный характеръ. Но, требуя отъ дворянъ, чтобы они обучались наукѣ въ свѣтскихъ школахъ, правительство само клало и предѣлъ этому обученію: указомъ 1723 г. было предписано «свѣтскимъ далѣе 15 лѣтъ не учиться, хотя бы и желали». Съ этого возраста дворянинъ долженъ былъ уже вступать на службу, военную или гражданскую.

Эти два рода службы, слитые въ Московской Руси, гдѣ одно и то же лицо служило въ войскѣ и въ гражданской администраціи, удѣляя послѣдней весь промежутокъ времени между двумя походами, требовавшими отъ него дѣйствительной военной службы, должны были раздѣлиться съ того времени, какъ армія обратилась въ постоянную и служившія въ ней лица должны были отдать все свое время занятіямъ военнымъ дѣломъ. Къ тому же и самая служба въ Петровскихъ гражданскихъ учрежденіяхъ требовала спеціальной подготовки, отличной отъ подготовки къ арміи или флоту: сообразно этому для лицъ, посвящающихъ себя гражданской службѣ, устраивались и особыя школы. Но эта служба, болѣе спокойная и выгодная, могла притянуть къ себѣ большую часть дворянства и лишить государство его услугъ на военномъ поприщѣ, гдѣ по условіямъ государственной жизни того времени они были нужнѣе. Петръ позаботился о томъ, чтобы предотвратить такую опасность. Онъ установилъ именно, что изъ каждой дворянской фамиліи на гражданской службѣ не должно быть болѣе одной трети всѣхъ служащихъ лицъ этой фамиліи. Таковы были главнѣйшія мѣропріятія Петровскаго правительства по вопросу о службѣ дворянства. Вы легко можете видѣть, что они не заключали въ себѣ какихъ-либо новыхъ принциповъ. Напротивъ того, въ основаніи ихъ лежалъ все тотъ же старый, выработанный московскою жизнью принципъ обязательности службы государству дворянскаго класса и принудительной регламентаціи этой службы со стороны правительства. Мѣры Петра только обострили этотъ принципъ, обративъ службу изъ

временной въ постоянную, расширили подъ вліяніемъ новыхъ запасныхъ потребностей его примѣненіе, сдѣлавъ обязательной и подготовку къ службѣ въ видѣ пріобрѣтенія образованія, наконецъ точнѣе разграничили роды службы.

Подобное же явленіе встрѣтитъ насъ, когда мы перейдемъ къ положенію дворянина на службѣ. Мы видѣли, что въ Москвѣ 16 вѣка такое положеніе опредѣлялось степенью знатности, родовитости даннаго служилаго человѣка, дававшей ему право на то или другое мѣсто въ ряду другихъ родовъ, но видѣли и то, какъ уже тогда рядомъ съ этимъ принципомъ всталъ другой, требовавшій для служилыхъ людей того мѣста среди чиновной іерархіи, какого они заслуживаютъ по личнымъ своимъ качествамъ, по ихъ собственной службѣ: видѣли и то, что теченіе 17-го столѣтія этотъ принципъ сдѣлалъ большіе успѣхи и нашелъ себѣ постоянное примѣненіе въ службѣ, особенно происходившей на виду у государя. Указы Петра окончательно подтвердили и освятили этотъ принципъ, распространивъ его на всю массу служилыхъ людей и выливъ въ прочныя формы бюрократической іерархіи. Прежде всего Петръ требовалъ отъ дворянъ, чтобы они начинали свою службу въ войскѣ съ рядовыхъ, проходя въ этомъ отношеніи своего рода школу. Въ 1714 г. было запрещено производить въ офицеры дворянина, не служившаго солдатомъ въ гвардіи и это постановленіе имѣло двойныя слѣдствія. Во-первыхъ благодаря ему всякому дворянину, къ какому бы знатному роду онъ ни принадлежалъ, приходилось начинать военную службу съ простаго рядоваго, а это въ суровое Петровское время было не шуткой. Такой солдатъ-дворянинъ не пользовался никакими льготами. Онъ затѣмъ и дѣлался солдатомъ, чтобы «съ фундамента солдатское дѣло узнать», и долженъ былъ узнавать его на личномъ опытѣ, исполнять всѣ работы, рыть каналы, служить офицерамъ и т. д. Сосредоточеніе же этихъ дворянъ-солдатъ въ гвардіи придало послѣдней тотъ привилегированный характеръ, который отличаетъ ее до нѣкоторой степени и теперь, когда старое значеніе самого дворянства уже исчезло, дѣлаю ее своего рода аристократіей въ войскѣ и представительницей сословія. Петръ унаслѣдовалъ тотъ старинный русскій взглядъ, по которому только служба отличала дворянина отъ другихъ классовъ, но къ нему присоединилъ и другой, болѣе новый, въ силу котораго эта служба повышаетъ его независимо отъ его родовой чести. Естественнымъ выводомъ изъ этого было то, что служба можетъ дать и самое дворянство. И дѣйствительно, указомъ 1721 г. Петръ постановилъ, что всякій рядовой недворянскаго происхожденія, дослужившійся до офицерскаго чина, вмѣстѣ съ нимъ получаетъ потомственное дворянство. Путемъ этого постановленія онъ, открывая доступъ въ дворянство людямъ другихъ классовъ, приподнималъ личность надъ условіями

ея обстановки и давалъ полное развитіе демократически-бюрократическому принципу. Полную санкцію и совершенное осуществленіе нашелъ себѣ этотъ принципъ въ знаменитой «Табели о рангахъ», изданной подъ конецъ Петровскаго царствованія, въ 1722 году. Въ этой табели всѣ должности, придворныя, военныя и гражданскія, были раздѣлены на 14 классовъ, такимъ образомъ, что каждому придворному и военному чину соотвѣтствовалъ чинъ гражданскій. Классы эти, носившіе нѣмецкія названія, замѣнили собою старые разряды служилыхъ людей, въ основѣ распредѣленія которыхъ лежало, какъ вы припомните, происхожденіе. Послѣднее уже въ до-петровское время все сильнѣе теряло свое значеніе при повышеніяхъ изъ одного разряда въ другой, а теперь такое значеніе его было рѣшительно и безповоротно уничтожено. Въ приложеніяхъ къ табели и поясняющихъ ее статьяхъ по этому поводу прямо говорится: «людямъ знатной породы никакого ранга не дается, пока отечеству и государю заслугъ не покажутъ и за оныя характера не получатъ». Такимъ образомъ всякому человѣку въ государствѣ открытъ былъ путемъ службы доступъ въ высшее сословіе, дворянство, и точно также повышеніе на службѣ каждаго ставилось въ исключительную зависимость отъ его личныхъ заслугъ съ полнымъ устраненіемъ всякихъ соображеній, основанныхъ на степени знатности рода. Аристократія совершенно устранялась, слѣдовательно, изъ государственнаго обихода, оставаясь только въ видѣ болѣе или менѣе почетнаго украшенія, и правящій классъ въ государствѣ замыкался въ рамки строго бюрократическаго порядка. Несмотря на нѣмецкія названія чиновъ, взятыя изъ чужой жизни, этотъ порядокъ не былъ далеко простымъ заимствованіемъ, произвольной передѣлкой существовавшихъ отношеній на иной, и именно иноземный ладъ, онъ являлся въ видѣ рѣшительнаго и смѣлаго, но неизбѣжнаго обобщенія началъ и порядковъ, выработавшихся уже въ московскомъ государствѣ и теперь только облеченныхъ въ общую, принципіальную форму путемъ законодательства. Вспомните идеи, высказывавшіяся на этотъ счетъ мелкими служилыми людьми и приказными дѣятелями 16-го и 17-го вѣковъ, вспомните возвышеніе худородныхъ людей до Петра. Матвѣева при ц. Алексѣѣ, Языкова при ц. Федорѣ, Шакловитаго при Софьѣ и вы увидите, что законы Петра и здѣсь являлись лишь завершеніемъ раньше нихъ начавшагося процесса.

Такимъ образомъ мѣры Петровскаго правительства, направленныя на опредѣленіе порядка службы и служебнаго положенія дворянства, представляли собой окончательный выводъ изъ тѣхъ началъ, на какихъ строилась жизнь этого класса еще раньше, но выводъ, сдѣланный подъ вліяніемъ обострившихся условій государственной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ закончилъ и обособленіе дворянства, какъ сословія, и въ Петровскую эпоху впер-

вые встрѣчается и общее для него названіе пока еще чужимъ словомъ «шляхетство». Въ слѣдующій разъ я познакомлю васъ съ отношеніемъ Петровскаго законодательства къ другой сторонѣ жизни дворянства, именно экономической и ея основѣ—земле-владѣнію, равно какъ и съ мѣрами Петра относительно другихъ сословій.

26-я и 27-я ЛЕКЦІИ.

Внутренняя дѣятельность Петра В. (продолженіе).

Регламентація дворянскаго землевладѣнія. За свою службу дворяне въ Московскомъ государствѣ получали вознагражденіе въ видѣ поземельныхъ владѣній. Эти имѣнія оставались за ними и въ Петровскую эпоху, но самыя основанія владѣнія ими подверглись существеннымъ измѣненіямъ въ законодательствѣ Петра. Московское государство знало два рода землевладѣнія служилаго класса, отличавшіе его отъ всѣхъ другихъ, вотчинный и помѣстный. Въ 17-мъ вѣкѣ всѣ служилые люди безъ исключенія могли уже владѣть и вотчинами, и помѣстьями, но оставалось въ силѣ различіе между этими двумя родами имѣній. Вотчиной можно было распоряжаться, какъ угодно, помѣстьемъ обладатель его могъ только пользоваться до смерти, не имѣя права ни при жизни, ни по смерти передать его въ чьи бы то ни было руки. Поэтому вотчина по смерти владѣльца дѣлилась обыкновенно между всѣми его сыновьями, помѣстье же передавалось отъ имени государства одному изъ нихъ. Такимъ естественнымъ наслѣдникомъ помѣстья дѣлался обыкновенно младшій сынъ: по мѣрѣ того, какъ сыновья землевладѣльца—служилаго человѣка выростали и приходили въ зрѣлый возрастъ, они получали отъ правительства особыя помѣстья, съ которыхъ и служили; при отцѣ же оставался младшій сынъ, помогавшій ему въ хозяйствѣ и при достиженіи имъ полной старости, дѣлавшей его неспособнымъ въ службѣ, или по смерти его получавшій отцовское помѣстье уже на себя. Такимъ образомъ въ вотчинахъ дѣйствовалъ общій всему русскому частному праву принципъ равнаго раздѣла имущества между наслѣдниками, въ помѣстьяхъ—принципъ единонаслѣдія, установленный однако не въ силу сословныхъ тенденцій и стремленій сословія поддержать свое значеніе, какъ это было на Западѣ въ дворянскомъ маіоратѣ, а въ силу потребностей государства и го-

сударственнаго значенія помѣстій. Но по мѣрѣ того, какъ классъ дворянъ-помѣщиковъ пріобрѣталъ все большую силу въ государствѣ, становясь въ качествѣ правительственной бюрократіи правящимъ классомъ на мѣсто стараго боярства, для него открывалась возможность проводить свои намѣренія и желанія не только въ жизнь, но и въ практику законодательства. Онъ и воспользовался такимъ положеніемъ прежде всего на почвѣ экономической. Служилые люди стремились къ тому, чтобы пріобрѣсти въ помѣстьяхъ тѣ же права наслѣдства и распоряженія, какими они пользовались въ вотчинахъ, чтобы обратить помѣстья изъ государственной въ частную собственность и тѣмъ упрочить свое положеніе, какъ сословія. Такія стремленія проникали понемногу въ практику московской государственной жизни, отражаясь въ установлявшихся здѣсь обычаяхъ. Помимо того уже, что владѣльцемъ помѣстья послѣ отца дѣлался обыкновенно сынъ, помѣстье же служило для пропитанія вдовы и дочерей помѣщика: имъ стали давать часть отцовскаго или мужниnаго помѣстья «на прожитокъ» до выхода замужъ или до смерти, своего рода пенсія, еще болѣе способствовавшая однако укрѣпленію понятія о наслѣдственности помѣстья. Въ случаѣ отсутствія сына у умершаго помѣщика помѣстье все-таки уже не выходило изъ рода, а передавалось какому-либо изъ родственниковъ покойнаго, чаще всего ближайшему. Путемъ установленія этихъ обычаевъ помѣстное землевладѣніе сильно приблизилось къ вотчинному, поскольку дѣло касалось наслѣдованія въ тѣхъ и другихъ имѣніяхъ. Такое же приближеніе происходило и въ другомъ отношеніи, въ правѣ распоряженія поземельнымъ владѣніемъ. Законъ въ этомъ отношеніи былъ строже: втеченіе всего 17-го столѣтія продажа помѣстій безусловно воспрещалась и за такую продажу совершившій ее дворянинъ подвергался наказанію батогами. Но и тутъ допущены были такія постановленія, которыя давали возможность обходить прямой смыслъ закона и совершать продажу помѣстья подъ видомъ иныхъ, дозволенныхъ сдѣлокъ. Такъ за дворяниномъ признано было право въ случаѣ старости или увѣчья, не дававшихъ ему возможности болѣе служить самому, передавать свое помѣстье не только сыну или родственнику, но и совсѣмъ чужому человѣку на извѣстныхъ условіяхъ. Здѣсь опять имѣлось въ виду лишь содержаніе служилаго человѣка при негодности его къ службѣ, но подъ видомъ такой передачи помѣстій развилась настоящая продажа ихъ. Точно также дозволено было мѣняться помѣстьями, но лишь въ случаѣ полнаго ихъ равенства; такъ какъ равенство встрѣчалось однако рѣдко, то затѣмъ разрѣшено было доплачивать разницу деньгами и эта доплата послужила опять удобнымъ средствомъ для обхода закона при продажѣ помѣстій. Такимъ образомъ дворяне обнаруживали явное стремленіе создать себѣ изъ помѣстій такую же частную собственность, какою были

для ихъ вотчины, и въ значительной степени успѣли въ этомъ уже до Петра, частью передавая свое стремленіе законодательству, частью обходя противорѣчившіе ему законы на практикѣ. Ко времени Петра стала настоятельно чувствоваться необходимость устроить дворянское землевладѣніе, дать ему прочную регулировку въ законѣ. Петръ распорядился собрать и разсмотрѣть законы о наслѣдованіи въ западно-европейскихъ странахъ, изучить положеніе вопроса въ Россіи и плодомъ этихъ правительственныхъ занятій явился извѣстный законъ 23 марта 1721 года о единонаслѣдіи, часто, но неправильно, называемый закономъ о майоратѣ. Главное содержаніе этого закона заключалось въ слѣдующемъ. Всякій землевладѣлецъ могъ оставлять все свое недвижимое имущество по завѣщанію, сыну ли, дочери или кому изъ родственниковъ, но непремѣнно все цѣликомъ, не имѣя права дѣлить его между нѣсколькими наслѣдниками. Въ случаѣ отсутствія завѣщанія имѣніе переходило также цѣликомъ къ старшему сыну, если не было сыновей, къ старшей дочери, наконецъ, если и дочерей не было, къ ближайшему родственнику. Всѣ остальныя дѣти, не получившія наслѣдства въ недвижимомъ имѣніи, могли быть надѣлены завѣщателемъ изъ движимаго имущества. Майората, обязательнаго наслѣдованія имѣнія старшими родственниками и притомъ въ мужской линіи, этотъ законъ стало быть не установлялъ, онъ дѣлалъ только обязательнымъ единонаслѣдіе, воспрещая на будущее время дробленіе дворянскихъ имѣній. Самый принципъ единонаслѣдія не было надобности заимствовать извнѣ, такъ какъ онъ былъ знакомъ и русской жизни въ помѣстномъ землевладѣніи и если что можно считать въ этомъ законѣ прямо заимствованнымъ, такъ это развѣ порядокъ наслѣдованія именно старшимъ сыномъ при отсутствіи завѣщанія, тогда какъ въ помѣстномъ правѣ наслѣдовалъ помѣстье младшій сынъ. Значеніе этого закона заключается не въ установленіи майората, а въ другомъ. Путемъ его, во первыхъ, окончательно сглаживалось различіе между вотчинами и помѣстьями, и въ тѣхъ, и въ другихъ устанавлялся одинъ общій порядокъ наслѣдованія и государство отказывалось отъ своихъ непосредственныхъ правъ на помѣстную землю. Помѣстья рѣшительно признавались собственностью дворянъ, которую они могли завѣщать кому угодно, не только сыновьямъ, но и дочерямъ, и которая даже при отсутствіи завѣщанія оставалась въ родѣ, но не возвращалась къ государству. Въ этомъ пунктѣ, значитъ, Петровское законодательство признало и санкціонировало стремленія дворянства къ обращенію помѣстій въ частную собственность. Во вторыхъ, указъ 1714 г. стѣснялъ право распоряженія недвижимымъ имуществомъ, установляя обязательный во всѣхъ имѣніяхъ, и помѣстьяхъ и вотчинахъ, порядокъ единонаслѣдія. Отказываясь отъ своихъ правъ собственности въ дворянскихъ имѣніяхъ, правительство за то

строго регулировало распоряженіе этими имѣніями со стороны дворянства и какъ первая часть закона была признаніемъ дворянскихъ стремленій, такъ эта вторая представляла изъ себя осуществленіе государственныхъ требованій. Устанавливая недѣлимость имѣній, Петръ старался предотвратить дробленіе ихъ, которое могло бы привести къ невыгоднымъ для государства результатамъ, увеличить производительныя силы страны, обративъ часть дворянства на занятія промыслами и торговлей (съ этой цѣлью не получившимъ въ наслѣдство имѣній дворянскимъ сыновьямъ позволено было, прослуживъ до 40-лѣтняго возраста, выходить въ отставку и записываться въ купцы, заниматься промышленностью и ремеслами, даже поступать въ священники), наконецъ пытался облегчить положеніе крестьянъ, въ мелкихъ имѣніяхъ болѣе обременявшихся поборами и работами, чѣмъ въ крупныхъ. Прежде государство заботилось о равномѣрности распредѣленія помѣстныхъ владѣній между дворянами, такъ какъ эти владѣнія обезпечивали службу ихъ государству. Теперь съ образованіемъ регулярной арміи условія перемѣнились. Правительство стало вознаграждать за службу денежнымъ жалованьемъ, отказалось отъ помѣстной системы и признало существовавшія раньше помѣстья собственностью дворянъ, но, создавъ такимъ образомъ изъ прежняго вотчиннаго и помѣстнаго землевладѣнія одинъ общій видъ — землевладѣнія частнаго, въ своихъ интересахъ подчинило право дворянъ на распоряженіе всѣми ихъ имѣніями спеціальному государственному распорядку. Сообразно этимъ двумъ сторонамъ Петровскаго закона 1714 г. онъ вызвалъ и двойное отношеніе къ себѣ въ средѣ дворянства. Дворяне какъ нельзя болѣе довольны были утвержденіемъ за ними помѣстій въ собственность, называли его «изящнѣйшимъ благодѣяніемъ» со стороны Петра, но совсѣмъ иначе относились они къ установленнымъ Петромъ въ томъ же законѣ стѣсненіямъ права распоряженія. Они пытались обходить законъ объ единонаслѣдіи, завѣщая напр. одному сыну имѣніе, а другому весь хозяйственный инвентарь, или прямо его нарушали.

Итакъ Петровское законодательство дало новую организацію дворянству: въ силу ея оно распадалось теперь на двѣ группы. Одна, состоявшая изъ владѣльцевъ имѣній, обязана была постоянной службой государству, военной ли или гражданской, получая за это денежное жалованье и пользуясь имѣніями, которыми не могла однако распоряжаться произвольно. Другая, постоянно пополнявшаяся изъ первой и составлявшаяся изъ обдѣленныхъ имѣніями дворянъ, также служила государству, но обязанность службы лежала на ней лишь до извѣстнаго времени, послѣ котораго она могла предаваться свободнымъ занятіямъ, увеличивая собою производительныя силы страны. Сверхъ того всѣ дворяне обязаны были въ видѣ подготовки къ службѣ получать образованіе. Такая организація возникла изъ старой подъ вліяніемъ съ

одной стороны опредѣлившихся стремленій самого дворянскаго сословія, съ другой нуждъ и потребностей государства, связанныхъ съ образованіемъ постоянной арміи и появленіемъ нужды въ образованныхъ людяхъ. Тѣ же двѣ причины оказали рѣшительное вліяніе и на судьбу отношеній дворянъ къ поселеннымъ на ихъ землѣ крестьянамъ.

Крестьяне. Смѣшеніе владѣльческихъ крестьянъ съ холопами. Мы видѣли, что въ половинѣ 17-го вѣка Уложеніемъ ц. Алексѣя Михайловича крестьяне совершенно были лишены права перехода и прикрѣплены къ землѣ. Изъ этого факта прикрѣпленія развился рядъ новыхъ слѣдствій. Крестьянинъ не могъ теперь уже и по закону противиться требованіямъ владѣльца и повышенію работы; въ свою очередь владѣлецъ, недовольный крестьяниномъ, не могъ сослать его съ своей земли и тѣмъ избавиться отъ него. Отсюда является новый фактъ въ отношеніяхъ землевладѣльца къ крестьянамъ: наказаніе первымъ вторыхъ въ видѣ штрафовъ и тѣлесныхъ наказаній, начинающее практиковаться именно со второй половины 17-го столѣтія. Это право еще усиливается благодаря существованію въ рукахъ землевладѣльцевъ судебной власти надъ крестьянами. Помѣщики постепенно все расширяли кругъ этой власти, предпочитая даже въ уголовныхъ дѣлахъ не обращаться къ посредству общихъ судовъ, а судить сами своихъ крестьянъ или обращаться къ суду другаго помѣщика, если въ дѣло замѣшаны были его крестьяне. Наконецъ такое стѣсненіе правъ крестьянъ приняло вполнѣ опредѣленное направленіе благодаря сближенію ихъ съ владѣльческими холопами. Эти послѣдніе жили обыкновенно во дворѣ владѣльца, исправляя обязанности его слугъ или занимаясь различными ремеслами и въ такомъ случаѣ назывались «дворовыми» или «дѣловыми людьми». Но съ одной стороны стремленіе землевладѣльцевъ расширить свою запашку и тѣмъ увеличить свой поземельный доходъ, съ другой—существованіе у нихъ весьма значительнаго числа холоповъ повели къ тому, что они стали сажать на землю этихъ послѣднихъ, получавшихъ въ такомъ случаѣ названіе «задворныхъ людей». Этимъ путемъ значительная часть землевладѣльческаго дохода ускользала и отъ правительственнаго обложенія и по мѣрѣ того, какъ это явленіе усиливалось и количество задворныхъ людей, т. е. посаженныхъ на землю холоповъ, у землевладѣльцевъ увеличивалось, правительство обратило на это свое вниманіе, приказало заносить дворовыхъ и задворныхъ людей въ писцовыя книги наравнѣ съ крестьянами и въ случаяхъ чрезвычайной важности стало взимать съ нихъ какъ экстраординарные налоги, такъ и рекрутъ въ солдатскіе и рейтарскіе полки. Такимъ путемъ во взглядѣ самого правительства холопы нѣсколько приблизились къ крестьянамъ, потеряли значеніе исключительно частной собственности, людей, до которыхъ государству нѣтъ дѣла,

Обратный процессъ происходилъ съ крестьянами. Землевладѣльцы ихъ сближали съ холопами, на нихъ переносили тѣ права, которыми они пользовались надъ послѣдними. Установившееся прикрѣпленіе не давало помѣщикамъ такихъ правъ, напротивъ того, крестьянинъ прикрѣплялся къ землѣ, а не къ лицу владѣльца. По Уложенію владѣлецъ не могъ оторвать крестьянина отъ земли, не могъ перевести его изъ помѣстья въ вотчину, не могъ въ помѣстьѣ освободить крестьянина, такъ какъ этимъ нарушалась бы состоятельность помѣстья -государственной собственности. Но этотъ государственный характеръ прикрѣпленія поземельнаго не былъ распространенъ съ такою же точностью на вотчины и эта неполнота закона повела къ тому, что владѣльцамъ открылась возможность злоупотребленій. Они начали переводить крестьянъ изъ одной деревни въ другую по собственной волѣ, начали даже продавать крестьянъ безъ земли. Такія сдѣлки были узакопены самимъ правительствомъ, дозволившимъ ихъ въ 1675 и 1682 гг., и съ той поры торговля людьми приняла въ Россіи широкіе размѣры, пользуясь охраной закона. Самъ великій преобразователь, не стѣснявшійся въ очень и очень многомъ ломать старые порядки, не рѣшился запретить этой торговли, на которой все больше начинало основывать свое благосостояніе дворянство, не рѣшился несмотря на то, что ея существованіе противорѣчило его нравственному чувству, и ограничился только тѣмъ, что заклеймилъ ее. Въ 1721 году именно издалъ онъ указъ, въ которомъ говорилось: «продажу людей пресѣчь: а если нельзя ужь совсѣмъ, то продавать цѣлыми семьями, а не порознь, какъ скотъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится». Но это запрещеніе осталось безъ всякаго вліянія на дѣйствительное положеніе дѣлъ.

Таково было положеніе крестьянъ въ Петровскую эпоху. Выработавшись изъ слѣдствій прикрѣпленія и изъ сближенія ихъ съ холопами, оно еще не охватывало всѣхъ сторонъ ихъ быта, вытекало болѣе изъ эгоистическихъ стремленій одного сословія, чѣмъ изъ государственныхъ установленій. Правительству открывалось поэтому два пути, по которымъ оно могло направить свою дѣятельность: или оно могло возстановить и подтвердить въ полной силѣ государственный характеръ прикрѣпленія, начавшій теперь затемняться, и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно освободить крестьянъ отъ частной зависимости или же должно было признать притязанія дворянъ на личность крестьянина, какъ на ихъ собственность, замѣнить крѣпость землѣ крѣпостью владѣльцу и обратить злоупотребленіе въ законъ. По первому изъ этихъ путей мечталъ повести московское законодательство кн. В. В. Голицынъ, на второй толкнули его податныя преобразованія Петра. Замѣна подворной подати поголовной или подушной, введеніе ревизій сыграли рѣшительную роль въ судьбѣ русскаго крестьянства и мы должны поэтому обратиться теперь къ этимъ фактамъ и по-

смотрѣть, чѣмъ они были вызваны и какія въ свою очередь произвели слѣдствія.

Введенная правительствомъ ц. Михаила Федоровича подворная подать далеко не вполнѣ удовлетворила тѣмъ фискальнымъ цѣлямъ, ради которыхъ она была создана. По мѣрѣ того, какъ уровень ея возвышался, населеніе отыскивало новыя средства укрываться отъ нея. Если раньше крестьянинъ начиналъ пахать меньше земли, чтобы меньше платить, то теперь онъ селилъ въ своемъ дворѣ возможно большее количество рабочихъ силъ, чтобы легче было опять-таки взнести требовавшуюся съ двора подать. Количество населенія во дворѣ увеличивалось и вмѣстѣ съ этимъ ускользали отъ правительственнаго обложенія рабочія силы. Между тѣмъ финансовыя нужды государства увеличивались и ему нужно было позаботиться, чтобы всѣ силы страны были равно привлечены къ участію въ расходахъ. Эти расходы приняли особенно сильный характеръ со времени образованія регулярной арміи и перевода такимъ образомъ значительной части государственнаго хозяйства на деньги. Нужно было изыскать средства для содержанія этой арміи и, чтобы такія средства оказались достаточными, возможно болѣе расширить кругъ государственныхъ плательщиковъ. Эти чисто фискальныя цѣли и опредѣлили собою первую ревизію и подушный окладъ. По указу 26 ноября 1718 года предписано было взять у всѣхъ землевладѣльцевъ сказки, сколько у кого въ которой деревнѣ душъ мужескаго пола и «росписать на сколько душъ (придется) солдатъ рядовой, съ долею на него роты и полковаго штаба (т. е. общихъ ротныхъ и полковыхъ расходовъ), положа средній окладъ». По такому плану произведена была затѣмъ въ 1719 году и самая первая ревизія правительственными чиновниками. При этомъ подъ именемъ душъ мужескаго пола въ деревнѣ владѣльцы поняли сперва только крестьянъ и сидѣвшихъ на землѣ холоповъ, но послѣдующими указами правительство разъяснило, что оно требуетъ включенія въ ревизію всѣхъ подданныхъ владѣльческихъ, какъ крестьянъ и задворныхъ людей, такъ и людей дворовыхъ. Затѣмъ указомъ 1722 года велѣно было всѣмъ вольнымъ гулящимъ людямъ, не имѣвшимъ опредѣленнаго мѣста жительства и постоянныхъ занятій, или поступить въ армію, или записаться въ постоянное «дворовое служеніе» къ какому-либо владѣльцу, иначе говоря, вступить въ число крѣпостныхъ. Когда путемъ ревизіи опредѣлено было число всѣхъ владѣльческихъ подданныхъ и государственныхъ крестьянъ въ видѣ душъ мужескаго пола, на это количество разложена была сумма содержанія постояннаго войска, такъ что на каждую душу падалъ опредѣленный сборъ, первоначально въ размѣрѣ 74 к., и названный подушною податью. Путемъ введенія ея правительство стремилось прежде всего удовлетворить своимъ фискальнымъ интересамъ, но этой же мѣрой

оно затрогивало и интересы болѣе глубокіе—соціальные. Въ такомъ порядкѣ мы и разсмотримъ значеніе этихъ мѣръ. Прежде всего ими вводилась новая податная единица—т. н. ревизская душа на мѣсто прежней сохи и замѣнившаго ее двора. Подать снималась благодаря этому рѣшительно съ земли, съ хозяйства и обращалась непосредственно на личность, на ея трудъ, даже не на произведенія этого труда, а на самый трудъ, теряла послѣдніе признаки подоходнаго налога, обращаясь въ единообразный и равный, но не равномѣрный налогъ. Мало или много обработывалъ земли крестьянинъ, велико или ничтожно было его хозяйство, но за каждаго мужчину въ своемъ семействѣ онъ платилъ одну и ту же сумму. Такой способъ раскладки податей являлся наиболѣе удобнымъ для правительства, такъ какъ тутъ оно имѣло дѣло съ величинами не измѣняющимися, какъ количество обработываемой земли или населенный дворъ, но постоянными и могло быть увѣрено, что никакая часть населенія не избѣгнетъ обложенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта новая податная система открывала бо́льшій просторъ народному труду, побуждала крестьянъ расширять свои запашки и хозяйство, такъ какъ такое расширеніе не влекло теперь за собою увеличенія податнаго бремени. Но ея неравномѣрность, основанная на расчисленіи однихъ только рабочихъ силъ, а не всѣхъ средствъ населенія, составляла большой недостатокъ, умѣрявшійся только происшедшимъ уже къ тому времени расширеніемъ крестьянской общины, введшей въ число своихъ порядковъ передѣлы общинныхъ земель время отъ времени между членами общины. Теперь, стремясь противостоять финансовымъ требованіямъ государства и сохранить ту равномѣрность между обложеніемъ и имущественнымъ состояніемъ, какая отсутствовала въ правительственной системѣ, община начинаетъ дѣлить земли между своими членами сообразно количеству ревизскихъ душъ въ ихъ семьяхъ и пріурочиваетъ самые передѣлы ко времени ревизій. Тѣми же фискальными стремленіями правительства обусловливалась и другая сторона указовъ о ревизіи и подушной подати—расширеніе числа лицъ, подлежавшихъ обложенію, путемъ включенія въ него задворныхъ дворовыхъ холоповъ и уничтоженія вольныхъ гуляющихъ людей. Теперь государство не хотѣло болѣе видѣть нетяглыхъ людей среди низшихъ классовъ общества, равнымъ образомъ какъ не хотѣло признавать различія между крестьянами и холопами, сидѣвшими на пашнѣ или дворовыми, по отношенію къ государственнымъ податямъ и повинностямъ. Смѣшивая всѣхъ владѣльческихъ подданныхъ въ одинъ общій классъ, первая ревизія потребовала службы государству, въ видѣ уплаты податей и постановки рекрутъ, со всего этого класса безъ исключенія, повысивъ въ этомъ смыслѣ значеніе холоповъ, сдѣлавъ ихъ изъ предмета полной частной собственности государевыми людьми, служащими государству и состоящими

членами общества. Въ этомъ отношеніи она была завершеніемъ тѣхъ частныхъ мѣръ, которыми московское правительство 17-го вѣка стремилось привлечь холоповъ частныхъ лицъ къ государственной службѣ, завершеніемъ, происшедшимъ подъ вліяніемъ усиленія финансовыхъ нуждъ государства. Но насколько первая ревизія подняла холоповъ, настолько же она уронила крестьянъ. Уничтоживъ различіе между полнымъ холопомъ и холопомъ временнымъ, кабальнымъ, и крестьяниномъ, она тѣмъ самымъ дала возможность полнаго и безпрепятственнаго развитія притязаніямъ дворянъ обратить крестьянъ въ холоповъ. Государство требовало теперь съ холоповъ податей и тѣмъ сравнивало ихъ съ крестьянами: владѣльцы, удовлетворяя этому требованію, считали себя въ правѣ во всемъ остальномъ смотрѣть на крестьянъ, какъ на холоповъ. Лишнее основаніе такому взгляду дано было и тѣми еще распоряженіями Петра, по которымъ собирать съ крестьянъ подати и отвѣчать за полноту этого сбора передъ правительствомъ должны были не сами крестьяне, а землевладѣльцы. Въ видѣ обычая этотъ порядокъ существовалъ и раньше, но теперь его утверждало правительство, оно само ставило посредника между государствомъ и крестьянами и съ послѣднихъ падали такимъ образомъ непосредственныя обязанности передъ первымъ, переходя на личность ихъ владѣльца. Такой владѣлецъ платилъ государству подушныя подати, самъ собирая ихъ съ своихъ крестьянъ и пользуясь надъ ними властью судебной, административной и частной. Всѣ эти виды власти и стали сливаться въ одинъ послѣдній, образовавъ изъ себя то, что извѣстно въ нашей исторіи подъ именемъ крѣпостнаго права. Какъ изъ прежняго вотчиннаго и помѣстнаго землевладѣнія Петровское законодательство, слѣдуя намѣченному уже пути, создало одно частное дворянское землевладѣніе, такъ изъ холопства и крестьянства оно образовало крѣпостное право или вѣрнѣе способствовало его образованію, стремясь въ сущности удовлетворить свои вновь выросшія фискальныя потребности.

Изъ закона, освящавшаго житейскую практику, вытекала такимъ образомъ полная личная зависимость крестьянина отъ владѣльца. Подъ этой общей юридической формулой можетъ однако скрываться весьма различное реальное содержаніе и потому слѣдуетъ отвѣтить еще на вопросъ, какъ выражалась эта зависимость не только въ существованіи правъ владѣльца на крестьянина въ видѣ права продажи, наказанія, произвольнаго накладыванія работы и т. д., но и въ повседневной обстановкѣ хозяйственной жизни. Существовавшая зависимость давала уже и здѣсь полную возможность разгуляться произволу землевладѣльцевъ и мы дѣйствительно имѣемъ свидѣтельство современника, крестьянина Посошкова, о подобныхъ случаяхъ. Вотъ что говоритъ онъ въ своемъ сочиненіи «о скудости и богатствѣ», написанномъ въ

1724 году: «Помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена неудобоносимыя; ибо есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ рабочую пору не даютъ крестьянамъ своимъ единаго дня, еже бы ему на себя что сработать. И тако пахатную и сѣнокосную пору всю и потеряютъ у нихъ. Или что положено на ихъ крестьянъ оброку или столовыхъ запасовъ, и то положенное забравъ, и еще требуютъ съ нихъ излишняго побору, и тѣмъ излишествомъ крестьянъ въ нищету приганяютъ, и который крестьянинъ станетъ мало посытѣе быть, то на него и подати прибавятъ. И за такимъ ихъ порядкомъ крестьянинъ никогда у такого помѣщика обогатиться не можетъ: и многіе дворяне говорятъ: крестьянину не давай обрости, но стриги его яко овцу до гола: и тако творя, царство пустопатъ, понеже такъ ихъ обираютъ, что у иного и козы не оставляютъ. Отъ таковые нужды домы свои оставляютъ и бѣгутъ иные въ Поповыя мѣста, иные жъ и во Украинныя, а иные и въ зарубѣжныя; тако чужія страны населяютъ, а свою пусту оставляютъ». Въ этихъ словахъ нельзя видѣть преувеличенія, тѣмъ болѣе, что за время царствованія Петра крестьянскіе побѣги приняли дѣйствительно весьма широкіе размѣры и самыя крайнія мѣры правительства не могли ихъ остановить. Но нужно замѣтить однако, что были обстоятельства, значительно смягчавшія тяжелыя формы крестьянской зависимости и заключавшіяся въ общихъ условіяхъ, въ какихъ стоялъ въ то время землевладѣльческій дворянскій классъ, и въ частныхъ мѣрахъ правительства. Первыя создавались обязательствомъ постоянной службы дворянъ, не дававшей имъ возможности жить въ своихъ имѣніяхъ. Благодаря въ значительной степени этому отсутствію дворянъ въ имѣніяхъ за Петровскую эпоху не развивается до крайнихъ предѣловъ помѣщичья власть, большинство имѣній остается на оброкѣ, а не барщинѣ, поэтому крестьяне въ нихъ обезпечены экономически, управляются сами чрезъ посредство общины, выборный которой утверждается только господиномъ и не такъ подлежатъ произволу помѣщиковъ. Хуже конечно было положеніе менѣе многочисленныхъ барщинныхъ крестьянъ, но они до нѣкоторой степени охранялись отдѣльными узаконеніями Петра. Такъ въ 1719 г. въ наказѣ воеводамъ онъ предписывалъ помѣщиковъ, раззоряющихъ своихъ крестьянъ, лишать управленія деревнями и отдавать послѣднее въ руки ихъ родственниковъ съ тѣмъ, чтобы они выдавали владѣльцамъ опредѣленные доходы.

Утерявъ тѣ внутреннія признаки, которые раньше его раздѣляли, обратившись въ одну массу крѣпостнаго крестьянства, сельское населеніе распадалось теперь на разряды только по роду владѣльцевъ. Существовали именно крестьяне государственные и дворцовые, различіе между которыми уже утрачивалось и которые, состоя исключительно на оброкѣ, платили его въ видѣ

возвышенной до 1 р. 14 к. подушной подати, и крестьяне владѣльческіе, въ одинаковомъ съ которыми положеніи находились крестьяне монастырскіе. Особый разрядъ составляли только т. н. одподворцы — обѣдиѣвшіе дворяне, принужденные сами заниматься земледѣліемъ, и обложенные наравнѣ съ крестьянами подушною податью, но сохранившіе право владѣть крѣпостными людьми.

Реформа городскаго сословія и его устройство. Сословныя преобразованія не ограничились одними дворянами и крестьянами, но распространились и далѣе, на третье сословіе городское. Не только оно со времени возвращенія ему самоуправленія въ видѣ бурмистерскихъ палатъ было въ своемъ управленіи обособлено отъ членовъ другихъ сословій, но и внутреннія отношенія его собственныхъ членовъ подверглись затѣмъ строгому упорядоченію путемъ правительственныхъ мѣръ. Эти мѣры, принимаемыя Петромъ, имѣли своей цѣлью выдѣлить изъ городскаго класса представителей торговли и промышленности, обладателей движимаго капитала, и поставить ихъ въ привилегированное положеніе, подобное тому, какое они занимали на западѣ Европы, гдѣ оно досталось имъ благодаря ихъ собственнымъ вѣковымъ усиліямъ. Въ московскомъ государствѣ, стремившемся теперь скорѣе усвоить западные порядки, поскольку разсчитывали получить отъ нихъ государственную выгоду, правительство, желая поднять торговлю и промышленность страны, само отводило ихъ представителямъ почетное мѣсто. Сообразно этой цѣли городской классъ, или иначе посадскіе люди, изъ которыхъ раньше выдѣлялась лишь группа гостей, былъ разбитъ на три разряда. Въ первый входили банкиры, крупные торговцы или гости, шкиперa, золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера, живописцы и лекаря, словомъ представители крупнаго капитала и наиболѣе выгодныхъ профессій; они именовались «гражданами» и составляли изъ себя первую гильдію. Мелкіе, розничные торговцы, ремесленники и мастеровые составляли вторую гильдію и назывались «подлыми гражданами». Наконецъ чернорабочіе и наемники подъ общимъ именемъ «подлыхъ людей» составили третій разрядъ городскаго населенія; они гильдіи не составляютъ и, по выраженію регламента главнаго магистрата 1719 г., установившаго это различіе городскихъ классовъ «между регулярными гражданами не считаются». Первые два разряда городскихъ обывателей или гильдіи выбирали себѣ старосту и его помощника, члены третьяго разряда выбирали десятскихъ и старшинъ. Путемъ этого узаконенія равноправные прежде передъ закономъ посадскіе люди разбивались теперь на нѣсколько группъ, обладавшихъ различною степенью правъ съ явнымъ предпочтеніемъ для лицъ, обладавшихъ большимъ имущественнымъ благосостояніемъ. Между жителями города, имѣвшими свое постоянное хозяйство и занятіе, и простыми рабочими проведена была рѣзкая

черта. Въ слѣдующій разъ, говоря о преобразованіяхъ въ области управленія, мы увидимъ, что этотъ низшій классъ городскаго населенія и въ правахъ самоуправленія отличался отъ двухъ первыхъ. Равнымъ образомъ намъ придется еще говорить и о тѣхъ причинахъ, которыя побуждали Петра такъ выдѣлять представителей движимаго капитала.

Въ результатѣ мѣръ Петровскаго правительства классы населенія государства окончательно отдѣлились другъ отъ друга, приняли форму сословій, подобную западно-европейской. Но это отдѣленіе и обособленіе ихъ закончилось преимущественно въ виду требованій, предъявляемыхъ къ нимъ государствомъ, совершалось на почвѣ ихъ обязанностей передъ послѣднимъ и эта черта, общая всему ихъ развитію въ Московскомъ государствѣ, связывавшая Петровскую эпоху съ предшествовавшимъ временемъ, отличала ихъ отъ сословій Западной Европы, выросшихъ въ силу внутренняго развитія, входившихъ въ государственное тѣло, какъ живые организмы. Придавая ради государственныхъ потребностей болѣе точное разграниченіе сословіямъ, облекая ихъ въ чуждыя формы и названія, Петръ оставался однако сыномъ своего времени и своего круга, не отказывался отъ преданій московской политики 17-го столѣтія, не могъ, да и не хотѣлъ влить въ эти формы живой духъ широкаго сословнаго самоуправленія, какой одухотворялъ ихъ на Западѣ. Въ этомъ мы убѣдимся полнѣе въ слѣдующій разъ при разсмотрѣніи совершенныхъ имъ преобразованій въ сферѣ московской администраціи.

28-я ЛЕКЦІЯ.

Внутренняя дѣятельность Петра (продолженіе).

Мѣры относительно управленія. Въ виду той настойчивости и энергіи, съ какою преслѣдовались при Петрѣ государственныя задачи, въ виду громаднаго расширенія области государственныхъ расходовъ, наконецъ въ виду той борьбы, какую правительство должно было вести при этомъ съ значительною частью общества, старый административный механизмъ московскаго государства оказывается несостоятельнымъ. Уже до Петра сознаны были его недостатки и начаты были попытки къ его преобразованію въ смыслѣ большей централизаціи, которая могла бы обезпечить правительству и увѣренность въ распоряженіи народными силами и болѣе вѣрное поступленіе доходовъ въ государственную казну. Попытки эти были однако частичны, осторожны: московскіе правители, сознавъ уже неудобства старыхъ административныхъ порядковъ, шли къ новымъ, такъ сказать, ощупью. Иной характеръ приняли административныя реформы при Петрѣ: въ соотвѣтствіе съ напряженнымъ состояніемъ всего государства, съ ускореннымъ біеніемъ пульса этого громаднаго организма, онѣ, какъ и всѣ иныя преобразованія Петра, носятъ отпечатокъ буйной порывистости, стремительности, часто граничащей даже съ необдуманностью. Важныя дѣла, рѣшеніе которыхъ стоитъ на очереди, не ждутъ, надо какъ можно скорѣе измѣнить ли учрежденія, создать ли новыя, лишь бы добиться благопріятнаго рѣшенія ихъ, лишь бы не упустить удобнаго момента. И вотъ одно за другимъ поспѣшно ломаются московскія учрежденія, на мѣсто ихъ съ такою же поспѣшностью воздвигаются новыя, передѣлываются, отмѣняются, вновь возстановляются. Лихорадочная дѣятельность ни на минуту не останавливается, и она же не даетъ возможности всесторонне обдумать нововведенія, такъ что недостатки ихъ становятся замѣтными уже послѣ ихъ осуществленія и само правитель-

ство по временамъ вынуждено бываетъ сознаться, что то или другое имъ «не осмотря сдѣлано». Поэтому же формы учрежденій заимствуются готовыми со стороны и лишь приспособляются къ условіямъ русской жизни. Но и совершая эти заимствованія, Петровское правительство остается вѣрнымъ выработаннымъ московской жизнью принципамъ: оно беретъ изъ чужой жизни лишь то, что подходитъ къ этимъ принципамъ, заимствуетъ лишь форму, оболочку, тщательно, хотя подчасъ и невольно, вытравляя изъ этой оболочки все то, что по духу своему противорѣчитъ государственнымъ началамъ Москвы. Путемъ этой дѣятельности, основанной на заимствованіи и передѣлкѣ чужихъ формъ, къ концу царствованія Петра возникаетъ новый, болѣе стройный и приспособленный къ условіямъ государственной жизни административный механизмъ въ области центральнаго и мѣстнаго управленія. Посмотримъ же, какъ складывался этотъ механизмъ и какой видъ онъ принялъ.

Центральное управленіе. Сенатъ и перемѣны въ немъ. Высшимъ органомъ центральнаго управленія въ старомъ московскомъ государствѣ была боярская дума, въ 16-мъ вѣкѣ бывшая учрежденіемъ политическимъ, въ 17-мъ съ паденіемъ боярства обратившаяся въ простой органъ управленія. Но съ одной стороны это учрежденіе не вполнѣ поспѣвало за измѣненіями, происходившими въ отношеніяхъ общественныхъ силъ, и сохраняло еще старыя политическія традиціи въ то время, когда для нихъ не было уже почвы въ его значеніи и составѣ, съ другой — оно привыкло дѣйствовать совмѣстно съ царемъ, а теперь постоянныя отлучки послѣдняго по военнымъ дѣламъ требовали созданія такого учрежденія, которое могло бы дѣйствовать и безъ царя, но несло бы передъ нимъ отвѣтственность за свои дѣйствія. Боярская дума исчезаетъ поэтому изъ государственной практики уже около 1700 г. Первоначально на мѣсто ея и не возникло никакого другаго постояннаго учрежденія: во время пребыванія въ столицѣ Петръ самъ занимался дѣлами, совѣщаясь съ боярами въ т. н. Ближней канцеляріи, на время же отъѣздовъ своихъ поручалъ дѣла нѣсколькимъ лицамъ. Неудобства такого порядка были очевидны, трудно было полагаться на такое случайное правительство и самъ Петръ выказывалъ явное недовѣріе къ этимъ правителямъ, предписывая напр. въ 1707 г. имъ всѣмъ подписывать дѣла, «ибо симъ всякаго дурость явлена будетъ». Наконецъ въ 1711 г. передъ новой отлучкой для войны съ Турціей, которая грозила быть продолжительной, Петръ указомъ отъ 28 февраля создалъ высшее правительственное учрежденіе — сенатъ. Цѣль и характеръ этого учрежденія ясно опредѣлены были однимъ изъ послѣдующихъ указовъ, гдѣ говорилось: «мы для всегдашнихъ нашихъ въ войнахъ отлучкахъ опредѣлили управительный сенатъ, которому всякъ и ихъ указамъ да будетъ послушенъ, какъ намъ

самому, подъ жестокимъ наказаніемъ или смертію, по винѣ смотря». «Господа сенатъ», какъ обращался къ нимъ Петръ, въ виду отлучекъ государя должны были, значитъ, заступать его мѣсто. Кругъ вѣдомства сената былъ поэтому весьма широкъ: онъ долженъ былъ слѣдить за всею администраціею и судопроизводствомъ, составлялъ верховную судебную инстанцію, судилъ и наказывалъ подвѣдомственныхъ ему судебныхъ чиновниковъ, наблюдалъ за отбываніемъ службы дворянствомъ, наконецъ долженъ былъ особенно заботиться объ увеличеніи денежныхъ доходовъ государства, этой, по выраженію Петра, «артеріи войны». Если въ этомъ отношеніи онъ имѣлъ нѣкоторое сходство съ думой, то было и существенное различіе: во-первыхъ окончательно порвана была старая аристократическая традиція: въ число 9 членовъ сената попали равно и знатные, и незнатные административные дѣятели: во-вторыхъ сенатъ дѣйствовалъ только въ сферѣ администраціи и судопроизводства, область же законодательства была для него совершенно закрыта. Въ такомъ видѣ сенатъ просуществовалъ до 1718 года. Въ это время произведено было новое преобразованіе центральнаго управленія въ видѣ введенія коллегій—своего рода министерствъ,—о которыхъ намъ еще придется говорить. Благодаря этому всѣ административныя функціи сената распались между коллегіями, а въ сенатѣ получили мѣста президенты ихъ и онъ принялъ характеръ какъ бы совѣта министровъ, оставаясь въ то же время высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ. Но въ этомъ порядкѣ скрывались значительныя неудобства, такъ какъ президенты коллегій въ качествѣ членовъ сената являлись сами надъ собой начальниками. Петръ замѣтилъ это и, сознавшись, что «сіе не осмотря учинено», въ 1722 г. произвелъ новую реформу сената. Президенты коллегій, исключая трехъ важнѣйшихъ, воинской, адмиралтейской и иностранной, были изъ него исключены и за сенатомъ осталась роль высшей судебной инстанціи, соединенная еще съ задачей верховнаго контроля надъ всѣми остальными органами администраціи, причемъ однако эта послѣдняя въ значительной степени тоже отходитъ отъ него въ особое учрежденіе—прокуратуру, и такимъ образомъ значеніе сената весьма сильно сократилось.

Коллегіи. На ряду съ высшимъ органомъ центральнаго управленія были преобразованы и низшіе. Такими низшими органами въ московскомъ государствѣ до Петра были приказы и мы видѣли, что слишкомъ большое количество и мелочность ихъ уже раньше побуждали московское правительство заботиться объ ихъ централизаціи и сокращеніи ихъ числа. При Петрѣ, когда дѣятельность администраціи стала особенно сильной и потребовалось болѣе быстрое дѣлопроизводство, и это преобразованіе пошло быстрѣе и на мѣсто массы московскихъ приказовъ съ путаницей въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ явилось сперва 9, затѣмъ 10 кол-

легій, болѣе точно разграниченныхъ одна отъ другой. Коллегіи явились на свѣтъ не такъ поспѣшно, какъ сенатъ, и потому не претерпѣвали и такихъ измѣненій въ своей судьбѣ. Сознаніе необходимости измѣненія прежнихъ приказовъ рано явилось у Петра и было въ немъ поддержано знакомствомъ съ учрежденіями иныхъ государствъ, особенно Швеціи. Совѣтъ учредить коллегіи подавалъ царю въ 1711 г. и состоявшій съ нимъ въ перепискѣ знаменитый философъ Лейбницъ, писавшій: «какъ въ часахъ одно колесо приводится въ движеніе другимъ, такъ и въ большой государственной машинѣ одна коллегія должна возбуждать другую и если все будетъ находиться въ надлежащей соразмѣрности и тѣсной гармоніи, тогда стрѣлка мудрости будетъ указывать странѣ часы благоденствія». Но трудно было все-таки произвести сразу эту большую административную реформу, не имѣя точныхъ указаній и знающихъ людей. Поэтому велѣно было достать уставы датскихъ коллегій, а, увидавъ, что «по однѣмъ книгамъ нельзя будетъ дѣлать, потому что всѣхъ обстоятельствъ въ книгахъ никогда не пишутъ», Петръ распорядился призвать въ учреждавшіяся коллегіи иностранныхъ ученыхъ юристовъ, писцовъ изъ чеховъ и даже плѣнныхъ шведовъ. Въ 1718 г. наконецъ приказано было выработать регламенты для отдѣльныхъ коллегій и составленъ общій планъ ихъ, но правильныя дѣйствія новыхъ учрежденій начались лишь съ 1720 года. Первоначально было устроено 9 коллегій, именно слѣдующія: коллегія чужестранныхъ дѣлъ, соотвѣтствовавшая прежнему посольскому приказу; юстицъ-коллегія; коллегіи вотчинская и адмиралтейская, вѣдавшія дѣла арміи и флота; камеръ-коллегія, слѣдившая за государственными доходами; штатсъ-конторъ-коллегія, вѣдавшая расходы; ревизіонъ-коллегія, соотвѣтствовавшая счетному приказу или государственному контролю и производившая счетъ государственныхъ доходовъ и расходовъ; коммерцъ-коллегія, въ которой сосредоточивались дѣла по торговлѣ; и мануфактуръ- и бергъ-коллегія, вѣдавшая промышленность и горное дѣло. Вскорѣ однако въ этой системѣ произошли нѣкоторыя измѣненія: послѣдняя именно изъ названныхъ коллегій раздѣлилась на двѣ самостоятельныя, ревизіонъ-коллегія была уничтожена и роль ея передана сенату, но за то возникла новая вотчинная коллегія, замѣнившая собою прежній Помѣстный приказъ и сосредоточившая въ себѣ дѣла по дворянскому землевладѣнію. Такимъ образомъ всѣхъ коллегій было 10, и изъ нихъ 5 были посвящены финансамъ, торговлѣ и промышленности, что лишній разъ можетъ подтвердить основную тенденцію Петровскаго правительства. Каждая коллегія состояла изъ президента, вице-президента, 4 совѣтниковъ и 4 ассессоровъ; при этомъ Петръ принялъ за правило въ каждой коллегіи назначать президентомъ русскаго, а вице-президентомъ иностранца; такъ, въ военной коллегіи президентомъ былъ Меншиковъ, вице-

президентомъ же генералъ Вейде. Равнымъ образомъ къ русскимъ совѣтникамъ и ассессорамъ прибавлялся одинъ иностранецъ въ томъ или другомъ званіи; этимъ путемъ обезпечивалось, по мысли Петра, болѣе правильное дѣйствіе новыхъ учрежденій, устроенныхъ по иностранному образцу, но въ то же время устранялась возможность слишкомъ сильнаго вліянія чужеземцевъ на дѣла. Самыя дѣла должны были рѣшаться большинствомъ голосовъ и это въ связи съ болѣе точнымъ распредѣленіемъ дѣлъ по роду ихъ и съ болѣе широкой сферой дѣятельности составляло главное отличіе коллегій отъ прежнихъ приказовъ. Коллегіи непосредственно подчинялись сенату, служившему для нихъ высшей инстанціей, въ случаѣ недоразумѣній ли въ самыхъ учрежденіяхъ или жалобъ на нихъ со стороны частныхъ лицъ. Но далеко не всѣ центральныя учрежденія были замкнуты въ рамки коллегій. На ряду съ ними уцѣлѣли еще многіе старые приказы и благодаря этому сложность системы центральнаго управленія была лишь въ нѣкоторой степени устранена.

Совершенно особое мѣсто въ ряду центральныхъ учрежденій Петровскаго времени заняла знаменитая Тайная канцелярія. Правительство, принужденное постоянно отстаивать свое существованіе противъ недовольныхъ элементовъ общества, должно было позаботиться объ обезпеченіи себя въ этой борьбѣ тѣмъ или инымъ путемъ. При той строго бюрократической системѣ, какая окончательно возобладала при Петрѣ, этимъ путемъ явилось основаніе особаго учрежденія, которое бы вѣдало дѣла по розысканію и наказанію заговорщиковъ противъ правительства, своего рода тайная полиція, но тайная полиція тѣхъ временъ, когда сыщикъ не только розыскивалъ преступника, но и добивался отъ него признанія путемъ пытки. Сперва эту роль игралъ Преображенскій приказъ со своимъ начальникомъ кн. Ромодановскимъ, затѣмъ была учреждена Тайная канцелярія, которою завѣдывали Ушаковъ и Толстой. Сюда направлялись всѣ доносы, для которыхъ установлена была даже особая форма: всякій, крикнувшій на улицѣ или въ другомъ публичномъ мѣстѣ «слово и дѣло», забирался и отправлялся въ Тайную канцелярію, куда приводились и всѣ оговоренныя имъ лица; если они не сознавались во взведенномъ на нихъ преступленіи, начиналась пытка ихъ и доносчика, продолжавшаяся до тѣхъ поръ, пока обвиненные сознавались въ своей винѣ или доносчикъ—во лжи. Самыя пытки были немногосложны, но мучительны: наболѣе употребительны были висѣніе и встряска на дыбѣ и битье кнутомъ. Само собою, это поощреніе доносовъ и система пытокъ развивали массу доносчиковъ; часто осужденные преступники заявляли «слово и дѣло», разсчитывая избавиться отъ наказанія, выдержавъ пытку; часто люди за одно неосторожное слово попадали въ застѣнки Тайной канцеляріи; часто на-

конецъ гибли совершенно невинные люди по ложнымъ доносамъ или подозрѣніямъ, единственно потому, что не могли выдержать физическихъ мученій. Впрочемъ Тайная канцелярія вѣдала не одни государственныя преступленія, но и всѣ, такъ сказать, государственные секреты и, соблюдая полную тайну въ своихъ дѣлахъ, взносила ихъ прямо къ государю.

Областное управленіе. Сенату подчинялись не только центральныя, но и мѣстныя учрежденія, также при Петрѣ преобразованныя. Въ сферѣ мѣстнаго управленія централизація его была, какъ мы знаемъ, проведена еще московскимъ правительствомъ 17 вѣка, но проведена, надо прибавить, односторонне. Власть была централизована въ рукахъ воеводъ, но объектъ этой власти—уѣздъ былъ весьма ничтоженъ и области распадались на множество мелкихъ единицъ, не имѣвшихъ никакихъ посредниковъ между собою и центромъ. Петровская реформа и восполнила этотъ недостатокъ, создавъ новыя, болѣе крупныя, областныя единицы. Въ 1708 г. все государство было раздѣлено на 8 губерній, во главѣ которыхъ поставлены были мѣстные правители—губернаторы и вице-губернаторы, въ уѣздахъ же остались воеводы, только правившіе теперь (съ 1702 г.) съ участіемъ выборныхъ совѣтниковъ отъ уѣзднаго дворянства. Губерніи эти представляли однако слишкомъ большіе округа, въ нѣсколько разъ большіе нынѣшнихъ губерній, и потому являлось черезчуръ значительное несоотвѣтствіе между громадной губерніей и маленькимъ уѣздомъ, вызвавшее новую реформу. Съ 1711 года уѣзды начинаютъ соединять въ провинціи и такъ являются три единицы въ областномъ дѣленіи: губернія, провинція и уѣздъ; въ 1719 г. прибавились еще губерніи изъ вновь завоеванныхъ земель и тогда устроено было 12 губерній и 47 провинцій. Вмѣстѣ съ тѣмъ еще раньше измѣненъ былъ нѣсколько порядокъ управленія. Въ 1713 году совѣты выборныхъ отъ дворянъ перенесены были изъ уѣзда въ губернію, отъ воеводы къ губернатору; такихъ выборныхъ, смотря по размѣрамъ губерніи, должно было быть отъ 8—12; они назывались ландратами и, помогая губернатору въ управленіи, составляли коллегію, въ которой губернаторъ былъ «не яко властитель, но яко президентъ». Такимъ образомъ коллегіальное начало проникло и въ мѣстныя учрежденія, но здѣсь оно удержалось не долго. Когда въ 1719 году введено было новое дѣленіе областей, ландраты были уничтожены. Мѣсто ихъ заступили тоже выборные отъ дворянства, т. н. земскіе коммиссары, но уже съ совершенно иною ролью. Коммиссаръ, ежегодно избираемый въ уѣздѣ, долженъ былъ лишь собирать подати и исправлять другія полицейскія обязанности, но не править вмѣстѣ съ губернаторомъ или воеводой. Роль сословнаго представительства въ мѣстномъ управленіи была такимъ образомъ ограничена весьма скромными рамками. Была однако

другая область этого управленія, гдѣ такое представительство приняло болѣе широкіе размѣры, именно управленіе городское.

Еще въ 1699 г. введено было Петромъ городское самоуправленіе въ видѣ бурмистерскихъ палатъ, объединявшихся подъ главенствомъ одной Бурмистерской палаты въ Москвѣ. Цѣлью этой реформы было удовлетвореніе фискальныхъ нуждъ государства и сообразно этому главною обязанностью вновь выбранныхъ бурмистровъ поставленъ былъ сборъ податей, причемъ правительство надѣялось, что послѣднія при нихъ будутъ поступать полнѣе и исправнѣе, чѣмъ при воеводахъ. Надежды на такое значеніе самоуправленія, облеченнаго только обязанностями, но не снабженнаго никакими широкими правами, весьма естественно не оправдались и подъ конецъ царствованія Петръ долженъ былъ, по его выраженію, «разсыпанную храмину паки собрать», т. е. вновь приняться за переустройство городскаго управленія. Цѣли законодателя и теперь остались старыя, но путь къ нимъ избранъ былъ уже иной. Реформа управленія стояла въ связи съ произведенной въ томъ же 1720 году реформой городскаго сословія. Мѣсто бурмистерскихъ палатъ или ратушъ заняли городовые магистраты, члены которыхъ избирались городами, но не на одинъ годъ, а на всю жизнь; магистраты эти въ важныхъ торговыхъ дѣлахъ должны были совѣтоваться съ гражданами, но только первыхъ двухъ гильдій. Они пользовались надъ городскимъ населеніемъ широкой гражданской и уголовной юрисдикціей и только смертные приговоры, произносимые ими, должны были утверждаться главнымъ Петербургскимъ магистратомъ. Этотъ послѣдній, подчинявшійся наравнѣ съ коллегіями непосредственно Сенату и получавшій своего президента по назначенію отъ самого государя, вѣдалъ всѣ отдѣльные магистраты, утверждалъ ихъ членовъ, рѣшалъ споры между магистратами и горожанами и долженъ былъ заботиться о развитіи промышленности и торговли. При такомъ положеніи принципъ самоуправленія осуществлялся въ весьма незначительной мѣрѣ, магистраты являлись скорѣе начальниками горожанъ, чѣмъ ихъ представителями и въ сущности бюрократическій порядокъ возобладалъ и въ городскомъ управленіи.

Органы контроля. Вся эта сложная система управленія,— сенатъ съ подвѣдомственными ему коллегіями съ одной стороны, мѣстными учрежденіями—губернскими и уѣздными и магистратами—съ другой, требовала надзора и контроля. И въ этомъ отношеніи Петра предупредили его предшественники и ему оставалось только развить въ систему учрежденіе, принадлежавшее еще отцу его, именно приказъ тайныхъ дѣлъ. Начало постояннаго, контролирующаго дѣйствія администраціи, учрежденія въ Петровскую эпоху относится ко времени основанія сената. На послѣдній возложена была именно обязанность выбирать оберъ-

фискала, «человѣка умнаго и добраго, изъ какого бы то ни было чина». Онъ долженъ былъ тайно наблюдать за дѣйствіями всей администраціи и суда и въ особенности беречь государственные доходы; замѣтивъ какое-либо злоупотребленіе, онъ привлекалъ виновнаго къ суду сената и, если доказывалъ свое обвиненіе, получалъ половину штрафа съ виновнаго, но и въ противномъ случаѣ не подвергался никакому наказанію. При оберъ-фискалѣ находилось 4 помощника, изъ нихъ 2 отъ купечества, «дабы могли тайно вѣдать купеческое сословіе», подчиненные ему же фискалы находились въ губерніяхъ и провинціяхъ и «у всякаго дѣла». Надъ всей этой организаціей стоялъ такимъ образомъ сенатъ, надъ нимъ же самимъ былъ особый контроль. Сперва такимъ контролеромъ надъ сенатомъ былъ генеральный ревизоръ или «надзиратель указовъ», которымъ былъ назначенъ сынъ учителя Петра—Зотова. Ревизоръ этотъ, сидя за особымъ столомъ въ сенатѣ, записывалъ сенатскіе указы и слѣдилъ за дѣйствіями сенаторовъ. Затѣмъ въ 1721 г. ревизоръ былъ смѣненъ оберъ-офицерами гвардіи, которые назначались помѣсячно состоять при сенатѣ. Они смотрѣли за тѣмъ, чтобы сенаторы прилично вели себя, могли даже арестовать того или другаго изъ нихъ и по песочнымъ часамъ смотрѣли, чтобы сенаторы рѣшали дѣла втеченіе назначеннаго имъ времени. Но уже принимая эту мѣру, Петръ предупредилъ, что она лишь временная, «пока не будетъ выбранъ государственный фискалъ». Приблизительная по своему значенію должность и была учреждена при преобразованіи сената въ 1722 г. въ видѣ генералъ-прокурора. Послѣдній, по выраженію Петровскаго указа, «яко око наше»; сидя въ сенатѣ, онъ долженъ смотрѣть, «чтобы сенатъ свою должность хранилъ и всѣ дѣла... истинно, ревностно и порядочно... отправлялъ» и «чтобы въ сенатѣ не на столѣ только дѣла вершились, но самымъ дѣйствіемъ исполнялись». Слѣдя за самимъ сенатомъ и исполненіемъ его указовъ, генералъ-прокуроръ не участвуетъ въ обсужденіи дѣлъ, но безъ его согласія никакое рѣшеніе сената не имѣетъ значенія. Если онъ не соглашался съ постановленіемъ сената, ему давалось 8 дней на обсужденіе дѣла и въ томъ случаѣ, когда онъ и послѣ того не мѣнялъ рѣшенія, дѣло передавалось на усмотрѣніе государя. Такимъ образомъ генералъ-прокуроръ являлся какъ бы намѣстникомъ послѣдняго и начальникомъ надъ сенатомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ его руки отошло и вѣдѣніе фискалами и органы контроля сложились въ одну стройную, независимую отъ остальной администраціи цѣпь. Въ такомъ видѣ представлялись административныя преобразованія Петровской эпохи. Вглядываясь въ нихъ пристальнѣе, не трудно видѣть, что они основаны на утвердившемся еще раньше въ Москвѣ принципѣ бюрократической централизаціи и, заимствуя много подробностей изъ западно-европейскаго быта, представляютъ все-таки лишь развитіе и выполненіе въ системѣ начатыхъ еще ранѣе Петра реформъ.

29-я и 30-я ЛЕКЦІИ.

Внутренняя дѣятельность Петра (продолженіе).

Мѣры для развитія народнаго хозяйства. Какъ мы видѣли, правительство Петра ставило населенію громадныя и тяжелыя задачи во имя блага государства, пользуясь при этомъ старымъ московскимъ началомъ принудительной раскладки повинностей, усиливая и повышая размѣръ обязанностей, лежавшихъ на различныхъ классахъ общества. Но къ тому времени существовало уже сознаніе, что однимъ этимъ мало чего можно добиться, что слѣдуетъ взяться за другія, болѣе дѣйствительныя средства, и эти послѣднія тоже были уже указаны предшествовавшей практикой путемъ сближенія съ иноземцами и знакомства съ западноевропейскою жизнью. Одно изъ нихъ заключалось въ усвоеніи техническихъ знаній, которое облегчило бы всякое дѣло, и такое усвоеніе сдѣлалось одной изъ важнѣйшихъ цѣлей Петровскаго законодательства. Другое основывалось на непосредственномъ поднятіи уровня народнаго благосостоянія путемъ расширенія области народнаго труда, обращенія его на такія стороны, которыя раньше оставались для него закрытыми. При знакомствѣ съ Западной Европой московскихъ людей поражало между прочимъ ея богатство сравнительно съ ихъ родиной и причину его они справедливо видѣли въ грандіозномъ развитіи на Западѣ торговли и промышленности, въ существованіи значительнаго торгово-промышленнаго класса, создавшаго денежный капиталъ и державшаго его въ своихъ рукахъ. Въ Московской Руси торговые обороты были крайне слабы, промышленности въ широкихъ размѣрахъ почти не существовало и денежный капиталъ страны былъ весьма ограниченъ: хозяйство ея покоилось преимущественно, можно бы сказать почти исключительно, на землѣ, и соотвѣтственно этому наиболѣе видную роль въ ней играли люди, этой землею владѣвшіе, классъ служилыхъ землевладѣльцевъ, совершенно закры-

вавшій собою немногочисленное и слабое городское населеніе. Столкновеніе съ западно-европейскою жизнью вызвало стремленіе развить промышленность и торговлю и у себя дома, но это стремленіе высказывалось лишь въ отдѣльныхъ попыткахъ, только со времени Петра объединенныхъ въ одну цѣльную правительственную систему. Дѣятельность правительства при немъ коснулась всѣхъ отраслей народнаго хозяйства, которому онъ старался придать болѣе выгодное направленіе, сообщить бо́льшую производительность. Съ этою цѣлью Петровскіе указы предписывали снимать хлѣбъ съ полей серпами, а не жать косами, съ этой же цѣлью принимались мѣры для развитія винодѣлія, шелководства, для разведенія табаку въ южныхъ областяхъ. Равнымъ образомъ заботы правительства обращались и на другую отрасль сельскаго хозяйства—скотоводство. Изъ-за границы выписывались лучшія породы рогатаго скота и разводились въ Россіи, главнымъ образомъ въ Холмогорахъ, откуда и ведетъ свое начало извѣстный холмогорскій скотъ; усиленное вниманіе обращалось на улучшеніе овцеводства, для чего приглашались на русскую службу овчары изъ Силезіи; основывались конскіе заводы. Равнымъ образомъ правительство слѣдило за лѣсоводствомъ, запрещая истребленіе лѣсовъ и принимая мѣры для разведенія новыхъ. Но гораздо болѣе привлекала вниманіе правительства другая сторона народнаго хозяйства, до тѣхъ поръ совершенно почти не развитая, это—торговля и промышленность. Добываніе и обработка естественныхъ богатствъ страны было здѣсь одной изъ главныхъ задачъ, къ которымъ стремился Петръ. «Наше россійское государство, говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ указовъ, предъ многими иными землями преизобилуетъ, потребными металлами и минералами благословенно, которые до нынѣшняго времени безо всякаго прилежанія исканы; причина этому была, что наши подданные не разумѣли рудокопнаго дѣла, частію же нждивенія и трудовъ не хотѣли къ этому приложить». Петровское правительство и приняло рядъ мѣръ, которыя должны были содѣйствовать развитію рудокопнаго дѣла. Помимо развитія его на казенныхъ рудникахъ путемъ приглашенія изъ-за границы искусныхъ мастеровъ—«рудознатцевъ», оно притянуло къ этому дѣлу и частныхъ лицъ, не поколебавшись въ этомъ случаѣ ради государственной пользы нарушить и ограничить права частной собственности. Петровскими указами всякому давалось право отыскивать и обработывать всякіе металлы и минералы на чьей бы то ни было землѣ, его ли собственной или чужой: если владѣлецъ земли, на которой найдется руда, не захочетъ самъ разработывать ее, то право такой разработки передается другому лицу, съ обязанностью лишь уплатить землевладѣльцу 32 процента изъ прибыли. Тотъ же, кто скроетъ найденную руду или будетъ препятствовать устройству заводовъ другимъ лицомъ, подвергается жестокому

тѣлесному наказанію и даже смертной казни. Всѣ эти мѣры, принятыя, говоря языкомъ Петровскихъ указовъ, съ тѣмъ, «дабы Божіе благословеніе втунѣ не оставалось», должны были побудить частныхъ лицъ къ развитію промышленности. Но однихъ побужденій, хотя бы и подкрѣпленныхъ обѣщаніями значительныхъ выгодъ въ будущемъ, было мало, какъ мало было и теоретическихъ доказательствъ, въ изобиліи разсыпанныхъ въ указахъ Петра, того, что торги и промыслы не менѣе почетны и полезны для государства, чѣмъ непосредственная служба ему. Для дѣйствительнаго, серьезнаго развитія торговли и промышленности она нуждалась въ движимомъ капиталѣ, деньгахъ, и въ свободныхъ рабочихъ рукахъ. Петровское законодательство и позаботилось о доставленіи этихъ условій ради выгодъ, какихъ ожидали отъ промышленности. Правительство само заботилось о созданіи денежнаго капитала и въ значительной степени облегчало его дѣйствія. Ради первой цѣли создавались компаніи для торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, въ которыхъ соединялись люди самыхъ различныхъ общественныхъ положеній, купцы и вельможи. Всякое новое предпріятіе получало широкія льготы со стороны правительства, всякая фабрика или заводъ имѣли до нѣкоторой степени обезпеченный его стараніями сбытъ. Но и этого недостаточно. Стремясь развить частную предпріимчивость и насадить въ Россіи обрабатывающую промышленность въ широкихъ размѣрахъ, Петръ производилъ такое насажденіе на счетъ казны. Онъ основывалъ казенные фабрики и заводы и затѣмъ передавалъ ихъ на льготныхъ условіяхъ въ частныя руки. Всякій же желавшій самъ основать подобное предпріятіе, могъ получить отъ казны заимообразно деньги на него безъ процентовъ. Кромѣ этихъ покровительственныхъ пріемовъ въ большомъ ходу были торговыя и промышленныя монополіи, льготы въ уплатѣ податей и отбываніи повинностей торговыми и промышленными людьми, словомъ всѣ средства, какія только изобрѣтены были господствовавшимъ тогда въ Европѣ меркантилизмомъ. Такими мѣрами создавался капиталъ и облегчались пути его дѣйствій. Торговцы и промышленники въ своей дѣятельности встрѣчали полную поддержку правительства, больше, чѣмъ кто бы то ни было другой, и это конечно не могло не содѣйствовать успѣху такой дѣятельности. Но если перечисленныхъ мѣръ и было достаточно для того, чтобы развить въ значительной степени успѣхи и движеніе денежнаго капитала въ сферѣ торговыхъ отношеній, то ихъ не хватало для обезпеченія такого же успѣха мануфактурнымъ предпріятіямъ. Послѣднія требовали для себя значительнаго количества рабочихъ рукъ, свободныхъ отъ всякихъ другихъ занятій, но такихъ не оказывалось среди тогдашняго русскаго общества. Городской классъ былъ слишкомъ незначителенъ по своему составу и не могъ удовлетворить своими силами

потребностямъ промышленности, крестьяне на пространствѣ всей Великороссіи были уже прикрѣплены къ землѣ и владѣльцы послѣдней находили болѣе выгоды для себя эксплуатировать трудъ крестьянина на пашнѣ, чѣмъ на фабрикѣ. Привлечь крестьянскій трудъ на послѣднюю могло или его полное освобожденіе или прикрѣпленіе его къ фабриканту, какъ раньше онъ былъ прикрѣпленъ къ землевладѣльцу. На Западѣ промышленность, развиваясь медленно и постепенно въ городахъ, привлекая къ себѣ понемногу сельское населеніе и нечувствительно измѣняя систему народнаго хозяйства, содѣйствовала уничтоженію крѣпостной зависимости крестьянина и замѣнѣ труда несвободнаго свободнымъ, выставляя выгоды послѣдняго, у насъ же она, введенная правительственными мѣрами сразу, поощряемая покровительственной системой и занявшая привилегированное положеніе въ эпоху полнаго господства крѣпостнаго, невольнаго труда, сама оперлась на этомъ трудѣ и послужила источникомъ еще бо́льшаго отягощенія народныхъ массъ, создавъ самый худшій видъ крѣпостной зависимости—фабричную работу крѣпостныхъ. Указомъ отъ 18 января 1721 года фабрикантамъ и заводчикамъ, хотя бы даже они были купцами, дано было право пріобрѣтать къ фабрикамъ и заводамъ земли, населенныя крѣпостными крестьянами. Такіе крестьяне должны были впредь составлять неотъемлемую принадлежность заводовъ, или, какъ говорилось въ указѣ: «какъ шляхетству, такъ и купецкимъ людямъ къ тѣмъ заводамъ деревни покупать невозбранно... токмо подъ такою кондиціею: дабы тѣ деревни всегда были уже при тѣхъ заводахъ неотлучно. И для того, какъ шляхетству, такъ и купечеству тѣхъ деревень особо безъ заводовъ отнюдь никому не продавать и не закладывать, и никакими вымыслы ни за кѣмъ не крѣпить, и на выкупъ такихъ деревень никому не отдавать...» Такимъ образомъ и дворяне, и купцы могли равно покупать имѣнія къ фабрикамъ и заводамъ и эти имѣнія одинаково подвергались затѣмъ ограниченію, одинаково должны были постоянно находиться при данныхъ заведеніяхъ, а населявшіе ихъ крестьяне образовывали изъ себя особый классъ прикрѣпленныхъ къ фабричной и заводской промышленности рабочихъ, или, какъ ихъ стали называть, посессіонныхъ крестьянъ. Этотъ классъ былъ увеличенъ Петровскимъ указомъ 1722 года, по которому повелѣно было не отдавать съ фабрикъ рабочихъ, оказавшихся бѣглыми помѣщичьими людьми. Фабриканты и заводчики, стало быть, не только были сравнены съ служилыми людьми въ правѣ владѣнія населенными имѣніями, но и снабжены привилегіей, какой тѣ не имѣли, получивъ право удерживать у себя бѣглыхъ крестьянъ. Къ этому надо прибавить, что заводскіе мастеровые были освобождены отъ подушной подати—что́ было выгодно не столько для нихъ самихъ, сколько для заводчиковъ,—что судъ надъ ними принадле-

жалъ ихъ хозяевамъ и хотя затѣмъ онъ былъ переданъ въ мануфактуръ- и бергъ-коллегіи, но за фабрикантами осталось право налагать тѣлесныя наказанія на рабочихъ. Поставленный въ такія благопріятныя условія, снабженный рядомъ льготъ и привилегій, занявшій положеніе, болѣе привилегированное, чѣмъ даже служилое землевладѣніе, промышленный капиталъ началъ дѣйствительно быстро развиваться и это развитіе выразилось въ значительномъ количествѣ промышленныхъ заведеній, открытыхъ при Петрѣ. Къ концу его царствованія количество всѣхъ фабрикъ и заводовъ, казенныхъ и частныхъ, достигало 233. Оцѣнивая это явленіе и его результаты, мы видимъ въ немъ двѣ стороны и если при такой оцѣнкѣ упустить изъ виду одну изъ нихъ, то получится неполное представленіе относительно ихъ значенія. Во-первыхъ принятыя Петромъ мѣры расширили область примѣненія народнаго труда, создали въ странѣ въ большихъ размѣрахъ мануфактурное производство, усилили торговые и промышленные обороты ея и этимъ несомнѣнно подняли уровень ея благосостоянія. Но, во-вторыхъ, основанныя на общемъ той эпохѣ принципѣ крѣпостнаго труда, онѣ сообщали односторонее направленіе самому этому благосостоянію, сосредоточивая его въ одномъ классѣ, создавая этотъ классъ на счетъ прикрѣпленныхъ рабочихъ массъ, еще усиливая и безъ того уже большую тяжесть положенія крестьянства. Тяжело было, какъ мы видѣли, положеніе крестьянина, прикрѣпленнаго къ владѣльцу въ земледѣльческихъ имѣніяхъ и все болѣе терявшаго свои права передъ государствомъ; еще тяжелѣе было его положеніе, когда онъ дѣлался фабричнымъ рабочимъ. Общія условія, дѣлающія фабричный трудъ тяжелѣе земледѣльческаго и домашняго, соединялись здѣсь еще съ принудительностью этого труда. Такимъ образомъ общимъ результатомъ экономической политики Петра было созданіе болѣе широкой торговли и промышленности, которая должна была сослужить большую службу государству, поднявъ его средства, и которой поэтому принесены въ жертву интересы рабочаго класса. Теперь мы перейдемъ къ финансовой политикѣ Петра и разсмотримъ главныя его мѣры въ этомъ отношеніи.

Финансовая политика Петра. Большинство реформъ, о которыхъ шла у насъ рѣчь до сихъ поръ, преобразованіе стараго войска въ постоянную армію, содержавшуюся на денежномъ жалованьѣ, заведеніе флота, образованіе новыхъ административныхъ учрежденій, и прежде всего сопровождавшая всю дѣятельность Петра война—требовали большихъ расходовъ. Мы знаемъ, что финансы были самымъ больнымъ мѣстомъ Московскаго государства втеченіе всего 17-го вѣка, теперь такое значеніе ихъ еще увеличилось. И въ самомъ дѣлѣ, уже въ 1700 г., когда произведена была повѣрка государственныхъ доходовъ и расхо-

довъ, оказалось, что первыхъ имѣется на сумму немного болѣе 3.000.000 р., а вторыхъ—3.800.000 слишкомъ. Государству, слѣдовательно, недоставало 800.000 р., т. е. болѣе, чѣмъ пятой части всѣхъ его средствъ, и чѣмъ дальше шли преобразованія, чѣмъ болѣе затягивалась и разгоралась война, тѣмъ настоятельнѣе и неотложнѣе становилось удовлетвореніе финансовыхъ нуждъ. Нельзя было дожидаться, пока предпринятыя экономическія преобразованія повысятъ уровень народнаго благосостоянія и сдѣлаютъ для него болѣе возможными большія жертвы во имя государственныхъ интересовъ безъ ущерба для себя, нужно было немедленно принять средства къ тому, чтобы сравнять доходы съ расходами и поставить государственный бюджетъ въ возможность выносить громадное увеличеніе послѣднихъ. Такими средствами и явилось увеличеніе податей, лежавшихъ на населеніи, въ видѣ равно прямыхъ и косвенныхъ налоговъ. Я уже говорилъ о введеніи Петромъ подушной подати вмѣсто прежней подворной; нужно еще прибавить, что эта новая подать была приблизительно вдвое тяжелѣе старой. На ряду съ этимъ происходило такое же увеличеніе и другихъ налоговъ и появленіе новыхъ. По плану Курбатова введена была «орленая» или гербовая бумага для сдѣлокъ, требовавшихъ засвидѣтельствованія государственныхъ учрежденій. Сборомъ въ пользу правительства обложены были продажа съѣстнаго въ городахъ, отдача домовъ въ наемъ, бани, наконецъ бороды и русское платье, даже религіозныя вѣрованія, такъ какъ правительство брало двойной окладъ съ раскольниковъ. Изъ всего стремились извлечь выгоду, все, что можно было, облагали податями и налогами. Помимо ихъ немалый доходъ извлекало правительство изъ своихъ монополій, какими являлись продажа крѣпкихъ напитковъ, табаку и—гробовъ. Русскіе люди того времени любили именно хоронить своихъ покойниковъ въ возможно болѣе крѣпкихъ гробахъ и богатые люди пользовались преимущественно дубовыми гробами. Петръ указомъ 1705 года предписалъ взять всѣ дубовые гробы въ казну и продавать ихъ изъ нея по учетверенной цѣнѣ, а частнымъ лицамъ на будущее время запретить торговлю дубовыми гробами. Это былъ такимъ образомъ своего рода налогъ на роскошь, только выраженный въ очень оригинальной формѣ. Вообще можно сказать, что ни одна отрасль народнаго хозяйства и труда не избѣгла при Петрѣ правительственнаго обложенія и послѣднее даже далеко переступало за эти границы, вторгаясь и въ область народныхъ обычаевъ и вѣрованій. Надо было платить за право носить бороду, ходить въ старомъ платьѣ, платить за право креститься двумя пальцами и т. д. Въ области государственнаго хозяйства и финансовой политики мы сталкиваемся, слѣдовательно, съ такимъ же напряженіемъ народныхъ силъ, вызываемымъ правительствомъ подъ вліяніемъ преимущественно внѣшнихъ отношеній, какое мы наблюдали уже ранѣе во всѣхъ остальныхъ облас-

тяхъ. Бывали моменты, когда и такое напряженіе оказывалось недостаточнымъ и въ виду колебаній государственнаго бюджета являлась необходимость еще болѣе крайнихъ средствъ. Тогда правительство назначало подоходные налоги, вычитало десятую часть изъ жалованья всѣхъ служащихъ и т. д. Жалованье, особенно гражданскимъ чиновникамъ, назначено было вообще очень маленькое и, сознавая это, правительство узаконило извѣстные поборы чиновниковъ съ частныхъ лицъ, дозволивъ имъ при разбирательствѣ частныхъ гражданскихъ дѣлъ брать съ праваго по 3, а съ виноватаго по 10 копѣекъ съ рубля. Этимъ указомъ содержаніе суда въ значительной степени возлагалось непосредственно на тяжущихся лицъ и государство принимало въ немъ лишь нѣкоторое участіе, что составляло въ законодательной практикѣ уже шагъ назадъ, ко временамъ намѣстниковъ и волостелей. Путемъ такихъ рѣшительныхъ мѣръ Петру удалось сохранить равновѣсіе въ бюджетѣ государства и поднять его доходы къ послѣднему году своей жизни до 10.000.000 рублей, т. е. болѣе, чѣмъ въ 3 раза. Если экономическая политика Петра покоилась на новомъ принципѣ поднятія народнаго благосостоянія, чтобы путемъ его поднять и средства государства, то въ политикѣ финансовой мы находимъ старый, доведенный до крайнихъ предѣловъ своихъ, принципъ подчиненія частныхъ интересовъ государственнымъ и сочетаніе этихъ двухъ, не совсѣмъ хорошо мирящихся между собою началъ порождало оригинальное явленіе: только одна торговля и промышленность, долженствовавшая, согласно ученію меркантилизма, создать богатство страны и государства, освобождалась отъ тяжести податнаго бремени, во всѣхъ же остальныхъ областяхъ жизни страны интересы фискальные рѣшительно господствовали надъ народно-хозяйственными.

Мѣры относительно духовенства. Чтобы закончить очеркъ преобразовательной дѣятельности Петра, намъ надо остановиться еще на одной сторонѣ его реформы, именно на измѣненіяхъ въ сферѣ церковнаго управленія. Эти измѣненія вызывались съ одной стороны общими государственными нуждами, съ которыми мы уже знакомы, съ другой спеціальнымъ отношеніемъ духовенства къ реформѣ, обусловленнымъ въ свою очередь той перемѣной, какую вносило въ его положеніе общее направленіе реформы. Эту перемѣну и вызванное ею настроеніе духовенства я и укажу вамъ предварительно въ немногихъ словахъ. Въ старой московской Руси духовенство было классомъ наиболѣе образованнымъ и, такъ сказать, ex officio.—по обязанности, вѣдавшимъ дѣла образованія и науки. Въ его рукахъ были всѣ школы, оно исключительно занималось образованіемъ молодаго поколѣнія, оно сообщало свой религіозно-нравственный характеръ и направленіе и жизни, и наукѣ, если только можно назвать этимъ громкимъ въ данномъ случаѣ именемъ тѣ слабыя попытки обобщенія житейскаго опыта.

какія заступали мѣсто настоящей науки въ Москвѣ, оно наконецъ являлось законодателемъ въ области народныхъ обычаевъ и правовъ. Теперь эта роль его исчезала. Рядомъ съ духовными школами являлись многочисленныя свѣтскія, рядомъ съ прежнимъ образованіемъ, всецѣло основаннымъ на религіозныхъ и церковныхъ представленіяхъ, выростала свѣтская образованность и наука, опровергавшая многое, что духовенство считало непарушимымъ, и все это происходило не только при помощи правительства, но и по прямой его волѣ. Духовенство почувствовало себя устраненнымъ отъ руководства умственной жизнью народа, увидѣло, что его значеніе сведено на одно отправленіе религіозныхъ обрядовъ и заботу о душахъ, тогда какъ господство надъ умами перешло къ другимъ людямъ и въ этомъ скрывалась существенная причина, побуждавшая его къ недовольству правительствомъ, не говоря уже о томъ, что средп этого класса наиболѣе, быть можетъ, насчитывалось полныхъ приверженцевъ старины. Къ тому же правительство, оберегая себя отъ вліянія какого бы то пп было класса, строго охраняя свой самодержавный характеръ, не допускало и вмѣшательства духовенства въ государственныя дѣла во имя нравственныхъ интересовъ, вмѣшательства, такъ часто имѣвшаго мѣсто въ прежней Руси. Когда патріархъ Адріанъ во время стрѣлецкихъ казней 1698 года вздумалъ по старому обычаю попечаловаться за осужденныхъ и, поднявъ пкону Богородицы, отправился съ нею къ Петру, тотъ велѣлъ ему уйти, такъ какъ онъ самъ знаетъ, какъ государственныя дѣла рѣшать, а дѣло патріарха—только молиться за людей. Вытѣсненное изъ прежней своей позиціи, лишенное стараго значенія, духовенство естественно накопляло въ себѣ вражду и раздраженіе, относилось недовѣрчиво и подозрительно къ дѣйствіямъ правительства. Но при этомъ авторитетъ духовенства въ народныхъ массахъ, духовною жизнью которыхъ оно столько времени заправляло, былъ еще очень великъ и надо было позаботиться, чтобы онъ не могъ быть употребленъ противъ правительства. Съ этою цѣлью Петръ и принимаетъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ переустройству церковнаго управленія. Первою изъ нихъ по времени явилось уничтоженіе патріаршества. Въ 1700 году умеръ патріархъ Адріанъ. Петръ воспользовался этимъ и, не уничтожая пока еще самаго сана, не позволилъ однако избрать новаго патріарха, а поручилъ всѣ дѣла по верховному управленію церкви одному изъ образованнѣйшихъ митрополитовъ, именно рязанскому—Стефану Яворскому съ званіемъ блюстителя патріаршаго престола. Эта мѣра была лишь подготовительною. Въ 1721 году санъ патріарха былъ совершенно уничтоженъ въ русской церкви и замѣненъ коллегіальнымъ учрежденіемъ, названнымъ Святѣйшимъ Синодомъ. Въ регламентѣ или уставѣ для этого послѣдняго Петръ ясно высказалъ причины уничтоженія

патріаршества. «Отъ соборнаго управленія, говорилось здѣсь, нельзя опасаться отечеству мятежей и смущенія, какія могутъ произойти, когда въ челѣ церковнаго управленія находится одинъ человѣкъ; простой народъ не знаетъ, какъ различается власть духовная отъ самодержавной, и удивленный славою и честію верховнаго пастыря церкви, помышляетъ, что этотъ правитель есть второй государь, самодержцу равносильный, или еще и больше его, и что духовный чинъ есть другое лучшее государство, и если случится между патріархомъ и царемъ какое-нибудь разногласіе, то скорѣе пристанутъ къ сторонѣ перваго, мечтая, что побораютъ по самомъ Богѣ». Слѣдовательно причиною уничтоженія патріаршества было опасеніе возможнаго сопротивленія со стороны патріарха, тѣмъ болѣе опаснаго, что этотъ санъ пользовался большимъ авторитетомъ въ народѣ. Замѣнившее его учрежденіе въ видѣ Синода не могло имѣть такого авторитета и легче подвергалось контролю со стороны правительства. Помимо того регламентъ обязывалъ всякаго епископа содержать въ своемъ домѣ школу для приготовленія священниковъ. Устанавливая новые порядки, Духовный Регламентъ, написанный однимъ изъ немногихъ епископовъ, всецѣло стоявшихъ на сторонѣ Петра и его преобразованій, Феофаномъ Прокоповичемъ, въ то же время заключаетъ язвительныя выходки противъ привычекъ и нравовъ духовенства. Стремясь вмѣстѣ съ тѣмъ увеличить доходы государства, Петръ подумывалъ объ отобраніи у духовенства его имѣній и, какъ первый шагъ къ этому, устроилъ Монастырскій приказъ, который долженъ былъ этими имѣніями завѣдывать. Такія мѣры еще болѣе разожгли неудовольствіе духовенства и понудили отдѣльныхъ членовъ его, преимущественно монаховъ, принять дѣятельное участіе въ ведшейся противъ правительства борьбѣ путемъ литературной пропаганды своихъ мнѣній. Это въ свою очередь вызвало новыя мѣры Петра, направленныя къ стѣсненію монастырской жизни. Затрудняя поступленіе въ монастыри, чтобы не давать возможности спасаться туда отъ государственной службы и тягла, Петръ вмѣстѣ возсталъ противъ безполезной и праздной жизни монаховъ и потребовалъ и отъ нихъ службы государству. Эта служба, по указу 1724 года, должна была заключаться въ устройствѣ богадѣленъ, дѣтскихъ пріютовъ и школъ при монастыряхъ и въ подготовкѣ изъ монаховъ кандидатовъ на высшія церковныя должности. Равнымъ образомъ монахи обязывались содержать на счетъ своихъ доходовъ бѣдныхъ отставныхъ военныхъ. Съ цѣлью же прекращенія шедшей изъ монастырей пропаганды жизнь монаховъ подчинялась впредь строгому надзору: ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ права держать бумагу и чернила въ своей кельѣ, а долженъ былъ писать все, что ему понадобилось бы, въ трапезѣ, на виду у остальной братіи и игумена. Жизнь бѣлаго духовенства равнымъ образомъ не

избѣгла строгой правительственной регламентаціи: всѣ дѣти священниковъ и дьяконовъ должны были впредь учиться въ школахъ, не получившихъ школьнаго образованія. Петръ запрещалъ посвящать въ духовные чины, а приказывалъ забирать въ солдаты. Такъ и духовенство было притянуто къ общей службѣ государству, положеніе его измѣнено и сопротивленіе сломлено энергическими мѣрами правительства. Духовные роптали, отдѣльныя лица изъ среды ихъ рѣшались даже на прямой протестъ, но большинство рѣшило подчиниться новымъ порядкамъ, опасаясь навлечь на себя еще худшія бѣдствія и не видя достаточно серьезной поддержки для протеста, если бы такой проявился. Мѣстоблюститель патріаршаго престола. Стефанъ Яворскій, оскорбленный рѣзкими мѣрами Петра по отношенію къ духовенству, могъ, опираясь на свой личный авторитетъ, позволять себѣ рѣзкія выходки, могъ въ своихъ проповѣдяхъ выражать недовольство системой заведенныхъ Петромъ фискаловъ, могъ наконецъ въ день именинъ царевича Алексѣя разразиться проповѣдью, въ которой указывалъ на недостатки Петровскаго правительства и выражалъ надежду на исправленіе ихъ, на поворотъ къ старымъ порядкамъ при вступленіи на престолъ царевича, дѣлая притомъ все это именно въ то время, когда отношенія между царемъ и его сыномъ все болѣе обострялись, но это были лишь отдѣльныя выходки. Онѣ и подобныя имъ со стороны другихъ лицъ не переходили за рамки единичнаго протеста, не сообщались всей массѣ духовенства, давно уже потерявшей въ Московскомъ государствѣ свою самостоятельность по отношенію къ верховной власти. Благодаря послѣднему обстоятельству Петровскому правительству и удалось вполнѣ провести мѣры, такъ сильно ограничивавшія вліяніе и права духовенства, не порождая явнаго протеста во всей массѣ послѣдняго. Только отдѣльныя лица, хотя и многочисленныя, изъ этого сословія вполнѣ примкнули къ партіи, враждебной правительственнымъ начинаніямъ, и, раздѣливъ всѣ ея дѣйствія, вмѣстѣ раздѣлили и ея участь.

Но, лишая духовенство его прежней роли руководителя умственной жизни народа, отрицая его права политическія и ограничивая имущественныя, Петръ, подобно предшественникамъ своимъ, не только охранялъ, но и дѣятельно защищалъ права церкви на почвѣ религіи. Сближеніе русскаго общества съ иностранцами, знакомство его съ новыми идеями не замедлило сказаться и здѣсь. Пропагандѣ католическихъ и протестантскихъ религіозныхъ идей открытъ былъ широкій путь благодаря наплыву чужеземцевъ въ Россію и результаты этой пропаганды обнаружились уже при самомъ Петрѣ. Стали появляться все чаще случаи обращенія въ католичество русскихъ людей, другіе напротивъ увлекались протестантствомъ. Особенно сильные размѣры приняло то и другое движеніе въ самой Мос-

сквѣ. Лѣкарь Дмитрій Тверитиновъ сдѣлался здѣсь главнымъ распространителемъ мнѣній, имѣвшихъ несомнѣнно источникъ свой въ протестантствѣ. Отрицая иконы, отвергая излишнюю, по его мнѣнію, обрядность въ богослуженіи и требуя большаго простора для личнаго разума въ толкованіи св. Писанія, онъ успѣлъ путемъ дѣятельной пропаганды собрать вокругъ себя кружокъ единомышленниковъ. Въ 1713 году однако кружокъ этотъ былъ открытъ, члены его арестованы, надъ ними наряжено слѣдствіе и они подверглись различнымъ наказаніямъ. Равнымъ образомъ приняты были правительствомъ мѣры и противъ распространенія католичества и іезуиты, явившіеся наиболѣе усердными дѣятелями въ этомъ смыслѣ, подверглись изгнанію изъ Россіи. Охраняя такимъ образомъ русское общество путемъ правительственной опеки отъ иновѣрческой пропаганды, Петровское правительство не проявляло уже однако религіозной нетерпимости въ той рѣзкой мѣрѣ, въ какой она свойственна была его предшественникамъ. Не только иностранцы могли свободно отправлять въ Россіи свои религіозные обряды, но прекращено было и гоненіе на раскольниковъ, поскольку послѣдніе не переходили за предѣлы чисто религіозной секты и не становились участниками политическаго движенія. Въ такомъ случаѣ они могли болѣе или менѣе свободно отправлять богослуженіе по своимъ обрядамъ, обязываясь однако платить за это двойную подать. Государственный порядокъ, его требованія, нужды и идеалы и по отношенію къ дѣламъ церкви и религіи возобладали, стало быть, въ это время надъ всѣми другими идеями и повлекли за собою не только рѣшительное ограниченіе правъ духовенства, какъ сословія, и большее подчиненіе его общимъ условіямъ службы государству, но и значительныя уступки по вопросу о свободѣ совѣсти въ дѣлахъ религіи. «Господь далъ царямъ власть надъ народами, но надъ совѣстію людей властенъ одинъ Христосъ», сказалъ однажды Петръ, когда католическіе духовные завели съ нимъ рѣчь о выгодахъ соединенія церквей, и если въ его дѣятельности мы не находимъ полнаго отраженія этого взгляда, то не нужно все-таки забывать, что онъ былъ сыномъ старой Москвы, глубоко убѣжденной въ нечестіи всѣхъ окружающихъ ее народовъ. Такъ или иначе, но идеалъ государственный былъ уже при немъ отдѣленъ отъ церковнаго и поставленъ выше послѣдняго.

Общее значеніе Петровской реформы. Прослѣдивъ всѣ отдѣльныя главнѣйшія стороны преобразовательной дѣятельности Петра и его правительства, мы можемъ теперь поставить общій вопросъ относительно значенія этой дѣятельности въ жизни русскаго народа и тѣхъ измѣненій, какія благодаря ей были внесены въ послѣднюю. Раньше мы видѣли происхожденіе этой дѣятельности, узнали, что она не явилась внезапно и неожиданно, какъ результатъ личной воли одного человѣка или нѣсколь-

кихъ единичныхъ личностей, и имѣли случай наблюдать постепенный ходъ событій, подготовившихъ ее, какъ неизбѣжный результатъ предшествовавшаго развитія. Общія государственныя потребности и явная невозможность удовлетворить ихъ старыми средствами, привели къ сознанію несостоятельности этихъ средствъ, къ сближенію съ чужеземцами, а то и другое вмѣстѣ породило мысль о необходимости заимствованія европейскаго образованія, какъ могучаго средства борьбы за существованіе; характеръ самыхъ этихъ потребностей, по преимуществу заключавшихся въ рѣшеніи внѣшнихъ задачъ государства, и выработавшійся уже государственный строй опредѣлили собою то, что дѣло преобразованія составило собою не столько даже задачу общества, сколько задачу правительственной политики, передали его въ руки центральнаго правительства и создали въ рядахъ составлявшихъ его лицъ большой кругъ подготовителей и дѣятелей реформы; наконецъ, событія личной жизни Петра сдѣлали его человѣкомъ особенно воспріимчивымъ къ носившимся уже въ воздухѣ идеямъ реформы и сдѣлали его главою преобразовательной партіи и вмѣстѣ наиболѣе полнымъ и типичнымъ представителемъ ея плановъ и стремленій. Такимъ образомъ въ самомъ своемъ происхожденіи реформа не была полнымъ разрывомъ со всѣми старыми порядками и идеями, являясь скорѣе новымъ средствомъ къ поддержанію ихъ. Разсматривая далѣе самую реформу, мы видѣли, что она являлась не столько заимствованіемъ, какъ принято ее обыкновенно называть, сколько перестройкой государственнаго и общественнаго быта во имя старыхъ началъ. Дѣйствительно, принциповъ государственнаго и общественнаго устройства эта реформа не затронула, и напротивъ еще развила ихъ до крайнихъ послѣдствій. Политическій строй государства, какъ онъ сложился до Петра, выражаясь въ самодержавной власти московскихъ государей, былъ окончательно закрѣпленъ при Петрѣ, когда исчезли послѣднія учрежденія, стоявшія рядомъ съ монархомъ и сохранявшія еще тѣнь политической власти, и былъ провозглашенъ принципъ, что «воля монарха творитъ законъ». Равнымъ образомъ въ отношеніяхъ различныхъ общественныхъ классовъ населенія къ государству Петровское законодательство вполнѣ слѣдовало по пути стараго московскаго принципа, въ силу котораго всѣ они обязывались службой государству и различались только этой службой, и сохранивъ обязательность службы, усиливъ ея тяжесть, вмѣстѣ точнѣе распредѣлило ее между отдѣльными классами, а признавъ за ними фактически выработавшіяся на почвѣ правъ отличія, обратило ихъ въ сословія. Въ сферѣ жизни административной правительство Петра путемъ учрежденія табели о рангахъ развило въ строгую систему тотъ бюрократическій принципъ, который существовалъ уже въ московской жизни, но плохо мирился съ старыми чинами, возникшими еще изъ прежняго

аристократическаго порядка, и создало соотвѣтствовавшую этому цѣпь административныхъ учрежденій, отстранявшихъ отъ участія въ управленіи равно и обломки аристократіи, и общественные классы въ цѣломъ ихъ видѣ, но дававшихъ въ себѣ мѣсто единичнымъ представителямъ и тѣхъ, и другихъ. Словомъ, поскольку дѣло касалось общихъ идей самаго государственнаго строя, реформа Петра явилась завершеніемъ, приведеніемъ въ систему московскаго порядка и вмѣстѣ усиленіемъ характерныхъ чертъ этого порядка. Но была въ ней и другая сторона, способствовавшая ниспроверженію по крайней мѣрѣ отдѣльныхъ частей этого порядка уже на первыхъ порахъ своего дѣйствія. Такой стороной явилось именно европейское просвѣщеніе, европейская наука, привлеченная въ качествѣ силы, способной поддержать государство. Наука эта ставилась, правда, въ служебное положеніе, въ ней видѣли средство, а не цѣль, и притомъ именно средство поддержанія государственнаго организма, но именно ея появленіе, хотя и въ качествѣ первоначально такого подчиненнаго фактора, сыграло огромную роль въ жизни русскаго общества. Она вызвала критику стараго узкаго міросозерцанія, создала борьбу различныхъ направленій, борьбу, смыслъ которой оставался яснымъ, не смотря на присоединеніе къ ней иныхъ, чисто политическихъ движеній, и въ результатѣ этой борьбы дала русскому обществу болѣе широкое міровоззрѣніе, замѣнивъ исключительные и національные идеалы его идеалами болѣе приближавшимися къ общечеловѣческимъ, сблизивъ его съ Западной Европой. Путемъ всѣхъ этихъ средствъ, путемъ страшнаго напряженія народныхъ силъ и привлеченія на помощь къ нимъ въ широкихъ размѣрахъ западнаго образованія правительству Петраудалось разрѣшить большинство задачъ, поставленныхъ государству предшествовавшей эпохой Вмѣстѣ съ тѣмъ упрочилось и достигнутое сближеніе, разрывъ съ нимъ сдѣлался невозможнымъ и то, что было сначала только средствомъ, стало пріобрѣтать все болѣе значеніе дѣятельнаго фактора народной жизни, такъ какъ на почвѣ недоступнаго старому Московскому государству широкаго просвѣщенія въ новой Россіи развивается рядъ иныхъ идей, требовавшихъ измѣненія старыхъ порядковъ жизни. Такъ Петровская эпоха, нѣкоторыми своими сторонами заканчивая старый періодъ жизни русскаго народа, другими начинаетъ новый и въ этомъ отношеніи служитъ однимъ изъ доказательствъ непрерывнаго развитія народовъ, ни на минуту не останавливающагося и по тому самому не позволяющаго подчинить себя строгому и точному дѣленію на періоды.

31-я ЛЕКЦІЯ.

Малороссія за время Петра I.

Внутреннія процессы въ жизни страны и отношеніе къ нимъ царскаго правительства. Изъ области государственныхъ и общественныхъ отношеній Великороссіи, окончательно опредѣленныхъ дѣятельностью Петра, намъ слѣдуетъ теперь, мм. гг., перейти въ сферу иныхъ вопросовъ. Припомните, что Московское государство въ томъ видѣ, какъ оно было передано Петру его предшественниками, не представляло уже изъ себя одной цѣльной и однообразной массы: рядомъ съ Великороссіей, слитой уже въ такую массу, стояла особая страна — Малороссія, съ иными порядками въ области народной и административной жизни, соединившаяся съ Московскимъ государствомъ лишь на условіи личной или, вѣрнѣе, династической уніи. До сихъ поръ мы совсѣмъ не говорили о внутреннемъ бытѣ этой страны и это было тѣмъ возможнѣе, что отношенія ея къ собственно Московскому государству и его правительству опредѣлялись по преимуществу вопросомъ политическимъ, тяготѣніемъ различныхъ малорусскихъ партій къ Польшѣ и Москвѣ. Результатомъ этой внутренней борьбы партій было лишь то, что московское правительство, хотя и вынужденное отказаться отъ своихъ скороспѣлыхъ попытокъ централизаціи, пріобрѣло однако большее вліяніе, чѣмъ какое дозволялось ему договоромъ, проявляя его преимущественно въ дѣлѣ избранія гетмана и въ непосредственномъ давленіи на это лицо, представлявшее собою высшую власть страны. Въ самомъ дѣлѣ, среди жестокой борьбы партій рѣдко удавалось гетману сохранить свое положеніе. Послѣ Хмѣльницкаго ни одинъ почти изъ гетмановъ не кончилъ мирно своего поприща: одни, какъ Брюховецкій, погибали отъ руки возмутившихся противъ нихъ козаковъ, другіе, какъ Дорошенко, выдавались московскому правительству и отправлялись въ ссылку. Благодаря такому положенію дѣлъ послѣднее и успѣло захватить себѣ сильное вліяніе, могло проводить своихъ кандидатовъ на гетманскую должность

и оказывать на нихъ давленіе, но при этомъ вопросъ шелъ главнымъ образомъ, если не исключительно, о томъ, останется ли Малороссія въ соединеніи съ Москвой или порветъ его, т. е. оставался на почвѣ политической. Поскольку вопросъ ставился въ такомъ видѣ, онъ былъ уже рѣшенъ ко времени Петра благодаря усиленію Московскаго государства и шедшему параллельно съ нимъ упадку Польши, и попытка Мазепы явилась въ этомъ смыслѣ лишь отзвукомъ запоздалыхъ стремленій части малорусскаго народа. Съ этого времени отношенія обѣихъ странъ сильно мѣняются. Петровское правительство не довольствуется уже однимъ подчиненіемъ Малороссіи, оно начинаетъ стремиться къ инкорпораціи этой страны, начинаетъ мѣшаться въ ея внутреннее устройство, отмѣнять ея старыя учрежденія и создавать новыя. Вмѣсто вопроса о томъ, пріобрѣсти ли себѣ полную самостоятельность, принять предложенія Польши или остаться въ соединеніи съ Москвой, передъ Малороссіей ставился теперь другой вопросъ: успѣетъ ли она сохранить независимость въ своемъ внутреннемъ бытѣ или же должна будетъ подчиниться московскимъ порядкамъ. Рѣшеніе этого вопроса, касавшагося опять-таки политическихъ отношеній страны къ верховному правительству имперіи, тѣсно связывалось съ вопросомъ иного рода, соціальнымъ, возникшимъ въ самой Малороссіи, и только благодаря послѣднему оно и могло такъ быстро пойти въ направленіи, желанномъ для Петровскаго правительства. Поэтому прежде, чѣмъ говорить о мѣрахъ Петра по отношенію къ Малороссіи, необходимо познакомиться съ предшествовавшими имъ условіями быта малорусскаго народа, такъ какъ иначе не будутъ понятны ни возможность этихъ мѣръ, ни степень ихъ воздѣйствія на ту почву, на которую онѣ были направлены. Я и постараюсь по возможности въ короткихъ словахъ выполнить это и познакомить васъ съ внутреннею жизнью Малороссіи.

Въ моментъ разрыва съ Польшей и присоединенія къ Москвѣ малорусскій народъ хотѣлъ порвать со всѣми ненавистными ему преданіями прошлаго подъ польскимъ владычествомъ, мечталъ о сверженіи всѣхъ трехъ видовъ неволи, надъ нимъ тяготѣвшей, политической, религіозной и экономической. Первыя двѣ цѣли достигались самымъ актомъ соединенія съ Москвою, государствомъ православнымъ и обѣщавшимъ блюсти внутреннюю независимость присоединившейся страны, третья должна была быть достигнута во внутреннемъ устройствѣ Малороссіи. Польское дворянство, владѣвшее землями съ поселенными на нихъ крестьянами, было частью перебито, частью изгнано и, какъ сословіе, исчезло вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ. Весь малорусскій народъ, пріобрѣтя путемъ возстанія полную личную свободу, составилъ изъ себя чисто демократическое общество, дѣлившееся лишь на два класса: посполитыхъ и козаковъ, разли-

чавшіеся между собой не столько объемомъ правъ или своими занятіями, сколько родомъ своихъ повинностей по отношенію къ государственной жизни страны. Первые были свободными крестьянами, сидѣвшими на собственныхъ земельныхъ участкахъ и несшими съ нихъ денежныя и личныя повинности на содержаніе администраціи и войска, вторые, также сидя на своихъ земельныхъ участкахъ, отправляли съ нихъ военную службу. При этомъ переходъ изъ одного класса въ другой былъ на практикѣ совершенно свободенъ: козакъ, не желавшій нести военной службы, легко могъ сдѣлаться посполитымъ, и наоборотъ. Посполитые и козаки вмѣстѣ составляли сельскую общину, носившую названіе «громады». Такая община имѣла и экономическое, и административное значеніе. Она являлась верховной распорядительницей всѣхъ земель, находившихся въ ея границахъ, могла отдавать и продавать ихъ своимъ членамъ и другимъ лицамъ, давала разрѣшеніе на поселеніе вновь приходившимъ людямъ и т. д. Отъ великорусской общины ее отличала однако та особенность, что она почти не знала передѣловъ земли Изъ своей же среды такая община избирала себѣ начальника—атамана. Этотъ послѣдній производилъ судъ въ присутствіи членовъ общины, вѣдалъ административныя дѣла и вмѣстѣ являлся предводителемъ козаковъ въ походахъ; тамъ, гдѣ община посполитская отдѣлялась отъ козацкой, она имѣла и особеннаго выборнаго представителя, именовавшагося войтомъ. Отдѣльныя сельскія общины объединялись въ болѣе крупныя единицы, именовавшіяся сотнями; во главѣ ихъ стоялъ опять избираемый всѣмъ населеніемъ сотни сотникъ, соединявшій въ своемъ лицѣ судебную, административную и военную власть. Нѣсколько сотенъ составляли изъ себя полкъ; такихъ полковъ во всей лѣвобережной Малороссіи было 10 и каждымъ изъ нихъ управлялъ избираемый населеніемъ и утверждаемый гетманомъ полковникъ съ нѣсколькими помощниками, также занимавшими свои должности въ силу избранія и носившими общее названіе полковой старшины. Наконецъ верховное мѣсто въ гражданской и военной администраціи страны занималъ гетманъ, при которомъ также были помощники въ видѣ такъ называвшейся генеральной старшины; въ числѣ ея были генеральный судья, составлявшій со своею канцеляріей верховную судебную инстанцію, въ которую поступали апелляціонныя жалобы изъ полковничьихъ судовъ, генеральный есаулъ, завѣдывавшій всѣмъ войскомъ, генеральный обозный, вѣдавшій артиллерію, и другіе. Какъ гетманъ, такъ и вся генеральная старшина избирались радой или народнымъ собраніемъ, на которомъ могъ присутствовать всякій членъ народа. Такимъ образомъ въ идеалѣ малорусскій народъ представлялъ изъ себя строго демократическое общество, основанное на полной свободѣ всѣхъ его членовъ, на исключительно трудовомъ хозяйствѣ и полномъ само-

управленіи и поддерживаемое избирательной на всѣхъ своихъ ступеняхъ администраціей. Но въ дѣйствительности такой идеалъ никогда не былъ вполнѣ осуществленъ: уже на первыхъ же порахъ существованія Малороссіи, какъ независимой страны, въ народномъ быту рядомъ съ хозяйствомъ трудовымъ образовалось или, вѣрнѣе, сохранилось и хозяйство капиталистическое, основанное на принудительномъ трудѣ, и это послужило исходнымъ пунктомъ для процесса, постепенно создавшаго глубокое соціально-экономическое разъединеніе въ народѣ. Дворянство, какъ сословіе, болѣе не существовало въ лѣвобережной Украйнѣ, но дворянскія имѣнія не вполнѣ исчезли. Многіе изъ прежнихъ владѣльцевъ ихъ, видя силу поднятаго Хмѣльницкимъ возстанія, сочли болѣе благоразумнымъ пристать къ нему и такимъ путемъ сохранить земли, какими владѣли раньше; Хмѣльницкій же въ свою очередь не отказывалъ имъ въ утвержденіи имѣній, стремясь увеличить свои силы. Благодаря этому обстоятельству возстаніе далеко не разрушило всего дворянскаго землевладѣнія: значительные обломки его уцѣлѣли въ Украйнѣ и особенно на сѣверѣ, въ Черниговскомъ и Стародубскомъ полкахъ. Къ нимъ присоединился еще особый видъ крупнаго землевладѣнія, именно монастырское. Православные монастыри, при полякахъ уже владѣвшіе громадными поземельными имѣніями, теперь тоже обратились къ гетману съ просьбами утвердить имъ эти имѣнія, указывая на то, что воинамъ, сражавшимся за вѣру, неприлично будетъ лишить церковь ея достоянія; на этомъ основаніи они требовали утвержденія за собою имѣній и обязательства для жившихъ въ послѣднихъ крестьянъ работать на нихъ. Хмѣльницкій уступилъ этимъ представленіямъ и исполнилъ желаніе монаховъ; случалось даже, «козацкій батько» такъ разщедривался, что «отдавалъ въ послушенство», по тогдашнему выраженію, монастырямъ не только посполитыхъ, но и козаковъ, и послѣднимъ немалаго труда стоило освободиться отъ монашеской власти, подъ которую они неожиданно подпадали. Такимъ образомъ въ Малороссіи сохранились крупныя имѣнія, сохранились и обязанные своимъ трудомъ владѣльцу крестьяне. Пока это были лишь частныя исключенія, хотя и очень многочисленныя, но значеніе ихъ пріобрѣло болѣе важный характеръ, когда по образцу ихъ стало строиться старшинское землевладѣніе. Старшина содержалась непосредственно на счетъ народнаго труда. Гетманъ во всей Малороссіи, полковники каждый въ предѣлахъ своего полка имѣли право раздавать чинамъ администраціи пустыя и населенныя земли, причемъ жившіе на послѣднихъ крестьяне обязывались состоять у нихъ «въ послушенствѣ», т. е. помогать имъ въ ихъ хозяйствѣ. Первоначально эта обязательная помощь была очень незначительна и заключалась только въ рубкѣ и возкѣ дровъ и кошеніи сѣна на дворѣ такого владѣльца, но постепенно она стала рас-

ширяться и расширеніе это совпало съ измѣненіемъ положенія самой старшины. Сперва только одни личныя качества рѣшали вопросъ объ избраніи того или другого человѣка на должность, но такъ продолжалось не долго. Пользуясь своимъ положеніемъ, дававшимъ имъ въ руки широкую власть надъ населеніемъ, люди, разъ занявшіе должность, скапливали себѣ значительныя имущества. По смерти Богдана Хмѣльницкаго, нѣкогда бывшаго простымъ, хотя и значительнымъ козакомъ, Выговскій укралъ изъ его частной казны милліонъ рублей, которые, конечно, явились не изъ хозяйственныхъ оборотовъ бывшаго владѣльца Субботова. Полковники и сотники получали по обычаю въ свою пользу штрафы съ обвиненныхъ по суду и могли произвольно увеличивать размѣры этихъ штрафовъ. Путемъ этихъ и другихъ поборовъ съ населенія, экономическое благосостояніе старшины стало замѣтно повышаться и она выдѣлилась изъ общаго уровня козачества, не отдѣляясь однако отъ послѣдняго никакими юридическими признаками. Всякій козакъ имѣлъ одинаковое право быть избраннымъ на должность, но фактически это право осуществлялось по преимуществу для членовъ болѣе богатыхъ семей, оказывавшихъ сильное экономическое давленіе на массу народа. Выдѣлявшіеся изъ этой массы по своей зажиточности роды примыкали къ ранѣе образовавшейся старшинѣ и послѣдняя образовала такимъ образомъ какъ бы родъ отдѣльнаго общественнаго класса, стоявшаго выше другихъ. Это была своего рода аристократія, но аристократія не военная, а промышленная по преимуществу, многіе, самые видные впослѣдствіи роды въ ней происходили отъ торговцевъ свиньями, какъ напр. Милорадовичи, или отъ крещеныхъ евреевъ, какъ Маркевичи и т. д.; словомъ, въ основѣ ея лежала не знатность происхожденія, не военныя даже заслуги, а экономическая состоятельность. Отъ остальной массы народа ее отличало, помимо послѣдней, еще лишь владѣніе землею. Обративъ свои капиталы на землю, старшина расширяла свое частное землевладѣніе двумя путями: во-первыхъ, скуплей земель отъ посполитыхъ и козаковъ, во-вторыхъ—укрѣпленіемъ за собой недвижимыхъ имѣній, данныхъ ея членамъ лишь на время отбыванія ими должности. Для того и другого требовалось утвержденіе гетмана, представителя верховной власти въ народѣ. Но гетманъ, избираемый изъ рядовъ той же старшины и нуждавшійся въ ея помощи въ виду борьбы политическихъ партій для сохраненія собственнаго положенія, не отказывалъ въ разрѣшеніи скупать земли и равнымъ образомъ часто, исполняя просьбы того или другого члена старшины, передавалъ ему земли изъ условнаго владѣнія въ полное. Такъ росло и ширилось экономическое могущество старшины и она становилась классомъ землевладѣльческимъ по преимуществу. Въ связи съ этимъ-то измѣнилось и положеніе крестьянства, сидѣвшаго на такихъ земляхъ,

а отчасти и козачества. Прежнюю обязанность крестьянъ владѣльцы понемногу стали обращать въ барщинную работу и, повышая ея предѣлы, стали сводить отношенія между крестьяниномъ и владѣльцемъ къ безусловному подчиненію второму перваго, заявляя вмѣстѣ съ тѣмъ и притязанія на права собственности по отношенію къ крестьянскимъ землямъ. Крестьяне роптали, были даже случаи отдѣльныхъ попытокъ силой сбросить господство новыхъ пановъ, но борьба съ старшиной, соединившей въ своихъ рукахъ административную власть и экономическое могущество, была имъ не по силамъ и они вынуждены были подчиняться, выражая свой протестъ лишь тѣмъ, что продавали или бросали свои земли и уходили въ другія мѣста. Тогда владѣльцы на опустѣлыхъ земляхъ селили другихъ крестьянъ и надъ ними пріобрѣтали уже болѣе широкія права. Вмѣстѣ съ тѣмъ, стремясь увеличить число рабочихъ рукъ на своихъ земляхъ, владѣльцы, пользуясь опять-таки своимъ служебнымъ положеніемъ, стали вынуждать козаковъ переходить въ число посполитыхъ путемъ различныхъ притѣсненій и обидъ. Жизнь народа сильно измѣнилась: существовавшія формы самоуправленія не обезпечивали ему сами по себѣ спокойнаго и мирнаго существованія, такъ какъ фактически власть сосредоточилась въ рукахъ одного класса, наиболѣе экономически состоятельнаго и пользовавшагося этой властью въ своихъ личныхъ интересахъ. Не находя самъ возможности исправить это зло, народъ сталъ обращаться съ жалобами къ московскому правительству.

Такъ въ жизнь малорусскаго народа проникло глубокое разъединеніе, интересы представлявшихъ его классовъ раздвоились и часть его призывала московское правительство возстановить среди него истинный порядокъ. Посмотримъ, какъ же воспользовалось послѣднее такимъ призывомъ. Петровское правительство не осталось безучастнымъ къ жалобамъ малорусскаго населенія и постаралось отчасти оградить его интересы тамъ, гдѣ они тѣснѣе всего соприкасались съ интересами самаго правительства. По указу Петра въ 1723 году произведена была во всей Малороссіи ревизія, въ которой записаны были всѣ посполитые и козаки и впредь строго было запрещено переходить изъ одного класса въ другой, причемъ старшинѣ подъ угрозой наказанія запрещалось принуждать козаковъ къ переходу въ посполитые. Это запрещеніе важно было и для самого правительства, такъ какъ при существованіи перехода ослаблялась сила козацкаго войска, но значеніе этой мѣры въ сильной степени подрывалось другими обстоятельствами: не говоря уже о томъ, что козакамъ малорусскимъ приходилось при Петрѣ постоянно участвовать въ военныхъ походахъ, Петръ первый подъ напоромъ обще-государственныхъ нуждъ сталъ возлагать на Малороссію новыя обязанности, не условленныя въ договорѣ съ Алексѣемъ Михайловичемъ, требуя

напр. козаковъ въ большомъ количествѣ на работы при сооруженіи Ладожскаго канала. Эти «канальскія работы», какъ ихъ прозвали въ Малороссіи, въ связи съ постоянными военными походами сильно подрывали благосостояніе козацкаго хозяйства и вынуждали козаковъ становиться въ тѣсную экономическую зависимость отъ капиталистовъ—старшины и наконецъ переходить на ихъ земли въ качествѣ посполитыхъ или подсусѣдковъ, т. е. крестьянъ же, но не имѣвшихъ постояннаго земельнаго участка, а работавшихъ на хозяйской землѣ и въ его пользу изъ извѣстной доли. Такимъ образомъ эта мѣра не оказала особенно сильнаго вліянія въ смыслѣ остановки начавшагося процесса ослабленія козацкой массы и экономическаго подчиненія ея старшинѣ.

Гораздо болѣе многочисленны и рѣшительны были мѣры Петровскаго правительства, направленныя на измѣненіе административнаго строя Малороссіи въ смыслѣ большаго подчиненія этой страны центральному правительству. Рядъ жалобъ, шедшихъ на малороссійскую администрацію отъ населенія, давалъ поводъ и возможность къ такимъ измѣненіямъ и Петръ послѣ измѣны Мазепы воспользовался ими въ своихъ интересахъ. При новомъ гетманѣ, Скоропадскомъ, назначенъ былъ особый великороссійскій чиновникъ, Измайловъ, который долженъ былъ помогать гетману въ управленіи и вмѣстѣ слѣдить за гетманомъ и высшей администраціей въ Малороссіи и извѣщать обо всѣхъ ихъ неправильныхъ или подозрительныхъ дѣйствіяхъ. Учрежденіе такого контроля было лишь первымъ шагомъ въ ряду предположенныхъ Петромъ мѣръ; вскорѣ за нимъ послѣдовали другіе, еще болѣе рѣшительные. Въ 1722 году правительство воспользовалось одной изъ жалобъ на генеральный судъ, чтобы совершенно устранить его и поставить на его мѣсто новое, великорусское учрежденіе. Устроена была именно особая коллегія изъ шести штабъ-офицеровъ подъ предводительствомъ бригадира Вельяминова, составившая высшую аппеляціонную инстанцію по дѣламъ судебнымъ и вмѣстѣ обязанная слѣдить за сборомъ податей и правильнымъ ходомъ дѣйствій администраціи. Такимъ образомъ кругъ гетманской власти, а вмѣстѣ и самоуправленія все болѣе стѣснялся. Наконецъ по смерти Скоропадскаго Петръ и вовсе не позволилъ избрать новаго гетмана, а поручилъ временно исправлять его должность черниговскому полковнику Полуботку. Подъ предводительствомъ послѣдняго старшина попыталась протестовать противъ такихъ дѣйствій. Составлена была челобитная, въ которой указывали и на нарушеніе договора, заключеннаго съ Хмѣльницкимъ, и просили о возстановленіи самоуправленія, и Полуботокъ съ нѣсколькими членами генеральной старшины повезли ее въ Петербургъ. Но этотъ протестъ вызвалъ только еще болѣе крутыя мѣры со стороны Петра: самъ Полуботокъ и подписавшая челобитную старшина были арестованы и посажены въ Петропавловскую крѣпость,

гдѣ Полуботокъ и умеръ, а на мѣсто прежнихъ выборныхъ полковниковъ назначены были управлять малорусскими полками великорусскіе офицеры. Еще ранѣе Петръ назначалъ самовольно на должности въ Малороссію многихъ людей, въ вѣрности которыхъ былъ увѣренъ. Всѣ эти мѣры не вызвали общаго недовольства въ Малороссіи, такъ какъ касались преимущественно старшины, далеко разошедшейся съ остальнымъ народомъ. Самъ Полуботокъ, глава національной оппозиціи, былъ однимъ изъ наиболѣе богатыхъ землевладѣльцевъ и вмѣстѣ наиболѣе сильныхъ притѣснителей крестьянъ. Паденіе его и ему подобныхъ было скорѣе желательнымъ, чѣмъ печальнымъ явленіемъ. Но за этимъ не послѣдовало никакихъ общихъ мѣръ, которыя ослабили бы неправильнымъ путемъ создавшееся экономическое положеніе старшины и возвратили бы народному самоуправленію его первоначальную чистоту. Взамѣнъ того послѣднее было просто замѣнено бюрократической администраціей великорусскаго происхожденія и эта послѣдняя, выросшая въ атмосферѣ московскихъ приказовъ съ ихъ посулами и великорусскаго крѣпостного права, врядъ ли была многимъ лучше администраціи малорусской. Члены Вельяминовской коллегіи болѣе заботились о личномъ обогащеніи, чѣмъ о благѣ народа, и создали массу новыхъ поборовъ, офицеры, управлявшіе полками, иногда вели себя хорошо, но иногда грабили крестьянъ и козаковъ не хуже малорусскихъ полковниковъ, а хуже всего было то, что явилось много такихъ администраторовъ, которые, проявляя безусловную покорность центральному правительству, возводились имъ на должность и, опираясь на фактъ своего вѣрноподданничества, тяжко гнели населеніе поборами и насиліемъ въ свою личную пользу, не признавая никакой мѣстной власти.

Появленіе подобныхъ людей въ средѣ администраціи— а ихъ было не мало—объясняется только напряженными условіями, опасеніями Петра за вѣрность Малороссіи, но, само собою, такая администрація тоже не могла избавить народъ отъ его тяжелаго положенія, а еще ухудшала послѣднее. Равнымъ образомъ пожалованіе многихъ имѣній въ Малороссіи великороссіянамъ, какъ напр. Меншикову и Толстому, имѣло свои плохія слѣдствія, такъ какъ эти помѣщики во-первыхъ переносили сюда свои помѣщичьи привычки, а во-вторыхъ, пользуясь своей силой при дворѣ, отказывали въ повиновеніи мѣстной администраціи и тѣмъ еще болѣе расшатывали ея авторитетъ.

Такимъ образомъ Петръ, направивъ свои мѣры преимущественно на то, чтобы обезпечить вѣрность Малороссіи и притянуть ея населеніе къ несенію обще-государственныхъ тягостей, воспользовался существовавшимъ въ средѣ малорусскаго народа разъединеніемъ и сломилъ его самоуправленіе, но не устранилъ шедшаго въ его жизни экономическаго процесса, не возстано-

вплъ имущественныхъ правъ простого народа и его независимости въ поземельныхъ отношеніяхъ, ограничившись здѣсь лишь нѣсколькими частными мѣрами. Малороссія тѣснѣе соединилась съ Великороссіей, больше подчинилась московскому правительству, но народъ ея отъ этого мало выигралъ.

32-я и 33-я ЛЕКЦІИ.

Отношеніе современниковъ къ дѣятельности Петра.

Мы закончили обозрѣніе дѣятельности Петра на всѣхъ важнѣйшихъ поприщахъ внѣшней и внутренней политики и видѣли, какое положеніе заняла благодаря ей Россійская Имперія въ ряду другихъ государствъ и какъ сложились отношенія внутри ея самой. Но, чтобы представить себѣ вполнѣ ясно результаты этой дѣятельности и ея вліяніе на послѣдующія эпохи, намъ надобно отвѣтить еще на одинъ вопросъ: какъ же относился русскій народъ, русское общество къ дѣятельности своего правительства? При изложеніи первыхъ годовъ правленія Петра мы видѣли, что народъ раздѣлился на двѣ партіи, изъ которыхъ одна стояла за преобразованія, другая же напротивъ отстаивала старину и боролась противъ начинаній правительства, но не имѣла въ этомъ успѣха. Мы видѣли далѣе, что въ своихъ мѣрахъ правительство постоянно принуждено было считаться съ извѣстнымъ противодѣйствіемъ, сламывать сопротивленіе, которое онѣ вызывали, но до сихъ поръ мы не останавливались подробно на этомъ противодѣйствіи. Теперь я и укажу вамъ, какое отношеніе вызывали въ народныхъ массахъ мѣропріятія Петровскаго правительства, и прежде всего остановлюсь именно на ихъ противникахъ.

Жестокій розыскъ и казни стрѣльцовъ сломили вооруженное сопротивленіе партіи приверженцевъ старины, но, само собою, не уничтожили ея недовольства. Оно осталось въ еще болѣе горькомъ видѣ и по мѣрѣ того, какъ преобразованія шли впередъ, захватывая собою все большій кругъ явленій частной и государственной жизни, по мѣрѣ того, какъ разгоралась Сѣверная война и правительство требовало съ населенія все бо̀льшихъ жертвъ деньгами и службой, усиливалось и это недовольство и обращалось въ ропотъ, распространяясь вмѣстѣ съ тѣмъ на всѣ классы общества. Крестьяне жаловались, что съ тѣхъ поръ, какъ Петра «Богъ на царство послалъ, такъ и свѣтлыхъ дней не видали, тягота на міръ, рубли да полтины да подводы, отдыху нашей

братьи крестьянину пѣтъ»; не менѣе сильныя жалобы вызывали и рекрутскіе наборы, крестьянки сѣтовали, что царь «крестьянъ раззорилъ съ домами, мужей побралъ въ солдаты, а ихъ съ дѣтьми осиротилъ и заставилъ плакать вѣкъ». Не мало недовольныхъ находилось равнымъ образомъ и среди отягощеннаго службою дворянства; такіе недовольные толковали, что и сами они на службѣ пропали, и крестьянъ ихъ забираютъ на службу, да нигдѣ и не уйдешь отъ царя, который самъ на службу ходитъ; «какъ бы его убили, такъ бы и служба минулась и черти бы легче было». Благодаря съ одной стороны окончательно установившейся абсолютной формѣ правленія, сосредоточивавшей всю власть и вмѣстѣ всю отвѣтственность за нее въ рукахъ царя, съ другой—личности самого Петра, такъ рѣзко и открыто ставшаго за реформу, всѣ жалобы недовольныхъ направлялись именно на него: онъ представлялся виновникомъ всѣхъ перемѣнъ и вызываемой ими тяжести народнаго положенія, съ его устраненіемъ, казалось недовольнымъ, все опять пойдетъ по старому. Какъ прежде въ дѣлѣ церковнаго исправленія Никонъ, а затѣмъ и ц. Алексѣй Михайловичъ являлись центрами ненависти партіи ревностныхъ націоналистовъ, сторонниковъ своей русской старины, такъ теперь при общемъ преобразованіи такимъ центромъ сдѣлался Петръ. Нельзя было ссылаться и на то, что царь обманутъ своими совѣтниками, что дѣла государственныя дѣлаются не по его волѣ, когда Петръ такъ рѣзко и постоянно выказывалъ свое направленіе, когда онъ самъ присутствовалъ и участвовалъ во всякомъ дѣлѣ, начиная съ бритья бородъ до постройки кораблей или призыва дворянскихъ недорослей на службу и въ ученье. Петръ, этотъ царь по преимуществу православнаго и во имя своего православія гордо и брезгливо отворачивавшагося отъ другихъ народовъ Московскаго государства, несомнѣнно являлся главою партіи реформы, стремившейся именно къ заимствованіямъ отъ другихъ народовъ, и въ этомъ фактѣ для приверженцевъ русской національной старины заключалось непримиримое противорѣчіе. Подъ вліяніемъ его московскіе люди начинаютъ понемногу додумываться до того, что у нихъ царь не настоящій, и возникаетъ цѣлый рядъ легендъ въ этомъ смыслѣ. Сперва эта мысль появляется въ народныхъ толкахъ лишь въ видѣ слабаго намека. «Нѣмцы царя обошли, разсказываютъ на Москвѣ: часъ добрый найдетъ—все хорошо, а иной найдетъ—такъ рветъ да мечетъ; да вотъ ужъ и на Бога наступилъ: отъ церквей колокола снимаетъ». Но усиливалось преобразовательное движеніе, усиливалось давленіе, оказываемое правительствомъ на народную жизнь, и это первоначальное объясненіе оказалось уже слишкомъ слабо. Стремясь объяснить себѣ возможность такихъ дѣйствій со стороны царя и вмѣстѣ подыскать оправданіе для сопротивленія имъ, ревнители старины и пускаютъ слухи о томъ, что государ-

ствомъ править въ лицѣ Петра подложный царь. Являются различныя версіи легендъ, разсказывающія, какъ именно совершился такой подлогъ. Я говорилъ уже объ нихъ въ первой своей лекціи и потому теперь не буду повторять сказаннаго раньше, а только напомню, что Петръ въ этихъ сказаніяхъ является нѣмцемъ, то пріѣхавшимъ изъ-за границы вмѣсто настоящаго царя, то подложеннымъ въ колыбель истиннаго царевича, бывшаго тогда еще ребенкомъ. Такое объясненіе удовлетворяло возникшее въ народныхъ массахъ недоумѣніе и потому получило широкое и быстрое распространеніе. Нѣмецъ можетъ нарушать всѣ исконные русскіе обычаи, можетъ перенимать заграничные порядки, такъ какъ они для него свои, но и сопротивленіе ему естественно и законно. Не разъ распространители такихъ слуховъ попадали въ застѣнки и гибли въ пыткахъ и казняхъ, но это не прекращало самыхъ слуховъ. Они расходились все шире и шире, еще поддерживаемые рѣзкими мѣрами правительства, и пробуждали сильное волненіе въ средѣ народа. Окончательный же разрывъ правительства съ старыми земскими традиціями, направленіе всѣхъ его дѣйствій по пути чиновнической бюрократіи сообщили этому волненію еще новую черту. Люди, стоявшіе за старину, стали придавать своему протесту противъ реформы, противъ дѣйствій правительства характеръ протеста земскаго, обще-народнаго, стали указывать на необходимость участія народа въ государственной жизни, при которомъ и тяжесть государственныхъ повинностей не ложилась бы такимъ бременемъ на народъ. Такая постановка вопроса естественно доставляла партіи старины много приверженцевъ и сторонниковъ, такъ какъ рѣзкія дѣйствія правительства возбуждали сильное недовольство во всѣхъ общественныхъ классахъ. Изъ этихъ-то двухъ мотивовъ, протеста противъ реформы и ея сторонниковъ, преимущественно же самого царя, и протеста противъ способа осуществленія реформы, требованія участія народа въ правительственныхъ дѣлахъ, и исходила пропаганда противниковъ правительства въ Петровскую эпоху. Помимо устныхъ рѣчей въ народѣ она шла и чисто литературнымъ путемъ, съ помощью т. н. подметныхъ писемъ, раскидывавшихся въ разныхъ мѣстахъ.

Однимъ изъ такихъ литературныхъ дѣятелей старой партіи явился Григорій Талицкій. Въ 1700 году составилъ онъ въ Москвѣ воззваніе къ народу, которое намѣревался затѣмъ напечатать и распространить въ Москвѣ. Возставая противъ нововведеній Петра, онъ въ этомъ своемъ сочиненіи доказывалъ, что цѣль ихъ заключается въ искаженіи православной вѣры, и утверждалъ, что самъ Петръ не кто иной, какъ антихристъ, основываясь на томъ, что восьмой царь по словамъ Апокалипсиса будетъ антихристъ, а Петръ именно восьмой московскій царь. Нечестивому царю Талицкій противопоставлялъ земство, убѣждалъ

народъ не покоряться противнымъ православію велѣніямъ царя, не брить бородъ и не мѣнять платья, встать за правую вѣру и, свергнувъ правительство, выбрать новаго царя. Талицкій не успѣлъ еще распространить своего воззванія, какъ былъ схваченъ по доносу, но по разслѣдованіи оказалось, что его замысламъ сочувствовали весьма многіе, не только изъ простого народа, но и изъ лицъ, занимавшихъ видныя мѣста, между прочимъ кн. Ив. Хованскій и епископъ тамбовскій Игнатій. Оба они знали, что замышляетъ Талицкій и поощряли его въ его намѣреніяхъ. Розыскъ окончился казнями участниковъ заговора, самъ Талицкій и еще нѣсколько лицъ поплатились жизнью, еп. Игнатій былъ лишенъ сана и посланъ въ монастырь, кн. Хованскій умеръ въ тюрьмѣ до произнесенія приговора. Но пропаганда подобныхъ мнѣній продолжалась и не переставали выходить подметные листки, появлявшіеся преимущественно изъ лагеря раскольниковъ. По мѣрѣ того, какъ росла и усиливалась эта пропаганда, распространяясь все далѣе и находя удобную для себя почву въ недовольствѣ населенія тяжелыми налогами и службами, рождалась и мысль перевести ее въ область дѣйствій, поднять знамя бунта противъ правительства. Сдѣлать это въ Москвѣ было неудобно: со времени послѣднихъ стрѣлецкихъ волненій правительство зорко слѣдило здѣсь за всѣми проявленіями неудовольствія и подавляло попытки сопротивленія въ самомъ началѣ. Другое дѣло было въ областяхъ, гдѣ не было сосредоточено достаточнаго количества войска и куда стекались недовольные изъ центра, спасаясь бѣгствомъ отъ тяжелыхъ податей и службы. Тамъ легче было организовать возстаніе и больше было надежды на успѣхъ

Въ 1705 году и вспыхнулъ бунтъ въ одной изъ самыхъ отдаленныхъ областей, именно въ Астрахани, но ни по составу его участниковъ, ни по цѣлямъ, которыя они себѣ поставили, онъ не былъ бунтомъ мѣстнымъ, областнымъ, а отражалъ въ себѣ общее настроеніе народа. Въ Астрахань собрались бѣглецы изъ многихъ городовъ сѣверной и центральной Россіи и, пользуясь отдаленностью этого города отъ центра, задумали произвести здѣсь возстаніе. Указы правительства относительно перемѣны платья и бритья бородъ, которыми мѣстный воевода воспользовался еще для притѣсненія и вымогательства лишнихъ поборовъ съ населенія, произвели здѣсь сильное волненіе. Оно еще увеличилось, когда начали ходить слухи о перемѣнѣ вѣры, будто бы требуемой правительствомъ, о кумирскихъ болванахъ, которымъ уже поклоняются начальные люди, а вскорѣ должны будутъ поклоняться и всѣ остальные, наконецъ о вышедшемъ будто бы указѣ, которымъ предписывалось выдать всѣхъ русскихъ дѣвушекъ замужъ за нѣмцевъ. Многіе рѣшительно отказывались носить нѣмецкое платье и брить бороды, въ числѣ ихъ встрѣча-

лись даже и низшіе начальники, а послѣдній слухъ—о приказаніи выдавать дѣвушекъ за нѣмцевъ — совершенно перепугалъ астраханцевъ. Всѣ почти, имѣвшіе взрослыхъ дочерей, кинулись выдавать ихъ замужъ за кого попало, лишь бы за русскаго, а не за нѣмца, и въ одинъ день 29 іюля сыграно было въ Астрахани 100 свадебъ. Въ ночь на слѣдующій день и вспыхнулъ бунтъ. Мятежники завладѣли крѣпостью, стрѣльцы и солдаты передались на ихъ сторону, а воевода и нѣсколько другихъ начальниковъ были убиты. Овладѣвъ Астраханью, мятежники послали грамоты на Донъ, къ тамошнимъ козакамъ, просить и ихъ пристать къ движенію и отправили войско вверхъ по Волгѣ, которое должно было возмутить или взять силою всѣ волжскіе города и въ случаѣ успѣха дойти до самой Москвы и возстановить тамъ старые порядки. Эти широкіе планы очень скоро однако разсыпались. Донскіе козаки не подали помощи астраханцамъ, такъ какъ не были подготовлены къ возстанію, отправленное по Волгѣ войско дошло только до Царицына и, не встрѣтивъ сочувствія въ населеніи этого хорошо укрѣпленнаго города, должно было возвратиться, а тѣмъ временемъ Петръ отправилъ на Астрахань фельдмаршала Шереметева съ войскомъ. Астраханцы увидѣли, что ихъ дѣло плохо, что однѣхъ собственныхъ силъ ихъ не хватитъ для сопротивленія царскимъ войскамъ, и рѣшили было покориться. Они отправили челобитную къ царю, прося помилованія и объясняя, что воевода убитъ за его притѣсненія и вымогательства, отъ которыхъ никому житья не было, выслали депутацію и къ Шереметеву, обѣщая покорность. Но затѣмъ партія сторонниковъ борьбы взяла перевѣсъ и, когда Шереметевъ подступилъ къ Астрахани, онъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе. Тѣмъ не менѣе городъ былъ взятъ послѣ упорной борьбы, засѣвшіе въ крѣпости мятежники сдались и бунтъ такимъ образомъ былъ подавленъ. Но и послѣ того волненіе въ Астрахани было еще очень сильно и Шереметевъ не сразу рѣшился прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ для наказанія бунтовщиковъ.

Почти одновременно съ волненіями въ Астрахани начались волненія и въ другой окраинной области, среди занимавшихъ заволжскія области башкиръ, волненія, къ концу 1707 года перешедшія въ открытый бунтъ. Главною причиною его были притѣсненія русскихъ чиновниковъ, ихъ взяточничество и насилія. Подъ вліяніемъ этихъ обидъ среди башкиръ долго распространялось глухое недовольство, наконецъ страшнымъ, пожирающимъ пламенемъ вырвавшееся наружу. Въ 1707 году у нихъ явился предводитель, назвавшійся ханомъ и стянувшій вокругъ себя разрозненные башкирскіе роды. Толпы вооруженныхъ башкиръ бросились на русскія деревни и послѣднія запылали по всей окрестности. Посланныя правительствомъ войска разбили башкиръ, но долго не могли еще вполнѣ усмирить бунта, произведшаго

страшное раззореніе восточныхъ областей: втеченіе его до 13.000 русскихъ людей было убито и взято въ плѣнъ, болѣе 300 селъ и деревень сожжено только въ Казанскомъ и Уфимскомъ уѣздахъ, гдѣ бунтъ свирѣпствовалъ наиболѣе.

Не былъ еще окончательно усмиренъ этотъ инородческій бунтъ, какъ правительству пришлось имѣть дѣло съ новымъ русскимъ бунтомъ, поднятымъ опять людьми, желавшими ниспровергнуть реформаторскую программу правительства, враждебными его начинаніямъ, и поднятымъ притомъ въ такой области, которая могла выставить наиболѣе сильное сопротивленіе—на Дону. Собственно донскихъ козаковъ не затрогивали московскія преобразованія, они, хотя и строго подчиненные царской власти, пользовались широкимъ самоуправленіемъ и большими привилегіями. Но съ одной стороны сюда очень рано проникла проповѣдь раскола, пріобрѣвшаго себѣ много ярыхъ сторонниковъ среди козачества, съ другой—была еще болѣе серьезная причина неудовольствія донцовъ на московское правительство въ видѣ дѣлъ о бѣглыхъ. Донъ издавна служилъ убѣжищемъ и сборнымъ мѣстомъ для людей, почему либо бѣжавшихъ изъ центральныхъ областей московскаго государства, и козаки пользовались правомъ не выдавать такихъ бѣглецовъ. За время Петра количество послѣднихъ стало особенно велико: на Донъ бѣжали и крестьяне отъ тяжелыхъ помѣщичьихъ и государевыхъ повинностей и отъ рекрутскихъ наборовъ, и посадскіе люди, не стерпѣвшіе тяжести податей, и даже мелкіе дворяне, укрывавшіеся отъ государевой службы въ вольномъ козацкомъ кругу. Такое бѣгство служилыхъ и тяглыхъ людей ослабляло силы государства и это особенно чувствительно было въ ту эпоху, когда въ виду тяжелой внѣшней борьбы правительству приходилось требовать все бо́льшихъ жертвъ отъ населенія. Петръ началъ поэтому требовать отъ донскихъ козаковъ, чтобы они не принимали къ себѣ бѣглыхъ, не позволяли имъ селиться на своихъ земляхъ, а выдавали ихъ обратно московскому правительству. Такія требованія произвели раздвоеніе въ средѣ козачества. Старые козаки, сидѣвшіе станицами по Дону, готовы были исполнить требованія правительства, лишь бы не нажить себѣ хлопотъ, но новые козаки, недавно еще пришедшіе и сами въ свое время бѣжавшіе съ сѣвера, не хотѣли подчиняться приказаніямъ царя и поговаривали о нарушеніи ихъ вольностей и о походѣ на Москву. Въ результатѣ получалось то, что козацкая старшина отписывала царю о полной готовности своей исполнить его указы, но на дѣлѣ ихъ не исполняла и бѣглыхъ не выдавала. Тогда Петръ сдѣлалъ рѣшительный шагъ и въ 1707 г. отправилъ на Донъ кн. Юрія Влад. Долгорукаго съ отрядомъ солдатъ, давъ ему порученіе отыскивать бѣглецовъ и возвращать ихъ на старыя мѣста. Прибывъ въ Черкаскъ, главный городъ Донской области, Долгорукій взялъ съ собою

нѣсколько старшинъ и отправился на поиски. Послѣдніе были успѣшны, въ короткое время успѣлъ онъ отыскать до 3000 бѣглыхъ, но тѣмъ временемъ между козаками встало сильное волненіе. Появленіе солдатскаго отряда на Дону какъ бы указывало на то, что козацкія вольности уже окончились, а малочисленность этого отряда вызывала искушеніе сопротивляться ему силой. Нашелся и предводитель недовольнымъ въ лицѣ бахмутскаго старшины, Кондратія Аѳанасьевича Булавина. Собравъ значительное количество козаковъ, онъ напалъ ночью на отрядъ Долгорукаго и истребилъ его весь, вмѣстѣ съ предводителемъ. Это было начало бунта, но онъ не сразу вспыхнулъ въ широкихъ размѣрахъ. Противъ Булавина атаманъ Донского войска, Максимовъ, отправилъ козаковъ же, которые разбили его отрядъ; самъ онъ бѣжалъ и скрылся въ Запорожьѣ. Весною слѣдующаго года онъ снова явился однако на Дону съ отрядомъ поддерживавшихъ его охотниковъ изъ Сѣчи и разослалъ по всѣмъ городкамъ грамоты, приглашая козаковъ присоединиться къ нему для защиты правой вѣры. Козаки не замедлили отозваться на давно желанное приглашеніе и толпы ихъ изъ городковъ вскорѣ направились къ Булавину. На сторонѣ правительства остались лишь немногіе старые козаки, но и они должны были примкнуть къ возстанію, когда Булавинъ, разбивъ высланное противъ него войско, подступилъ къ Черкаску. Населеніе послѣдняго перешло на его сторону, атаманъ Максимовъ и другіе старшины, противодѣйствовавшіе замысламъ Булавина, поплатились теперь жизнью и атаманомъ всего войска назначенъ былъ Булавинъ. Тѣмъ временемъ возстаніе разлилось по всей странѣ, отряды возставшихъ козаковъ вышли даже изъ предѣловъ Донской области и бросились на западъ и на востокъ, въ Поволжье. Одинъ изъ такихъ отрядовъ, подъ предводительствомъ Голаго, вырѣзалъ Сумскій полкъ, другіе шли вверхъ по Волгѣ и къ нимъ приставали новыя толпы народа, желавшаго избавиться отъ тяжелыхъ повинностей и постоять за старую вѣру. Эти отряды, изъ которыхъ особенно многочисленны были два, дѣйствовавшіе подъ начальствомъ козаковъ Некрасова и Хохлача, захватили Саратовъ, Царицынъ, Камышинъ. Волненіе перекинулось такимъ образомъ на дальній юго-востокъ, въ безпокойную приволжскую область, и поднималось все на сѣверъ, приближаясь къ областямъ, еще не вполнѣ успокоившимся послѣ башкирскаго бунта. Чтобы вполнѣ ясно представить себѣ, въ какое затруднительное положеніе ставилъ правительство этотъ Булавинскій мятежъ, надобно прибавить еще, что въ это самое время Карлъ XII вторгся въ Малороссію и слѣдовательно нельзя было отправить большаго войска на усмиреніе мятежниковъ. Правительство и дѣйствительно было очень сильно озабочено и Петръ самъ готовился ѣхать на Донъ, если бы дѣйствія отправленныхъ туда войскъ оказались неудачны. Но до этого не

дошло. Булавинъ сдѣлалъ большую ошибку, направивъ главныя силы возстанія на Черкаскъ, а не на Волгу, гдѣ къ нему могла присоединиться масса недовольныхъ элементовъ, и поэтому его бунтъ не получилъ тѣхъ громадныхъ размѣровъ, какіе принялъ раньше бунтъ Разина или позднѣе Пугачева. Собственными силами козаки не могли справиться съ правительственными войсками, несмотря на малочисленность послѣднихъ, такъ какъ на ихъ сторонѣ было превосходство вооруженія, тактики и строгой военной дисциплины. Къ тому же въ средѣ самихъ козаковъ не было полнаго единства, напротивъ разобщеніе интересовъ отдѣльныхъ группъ козачества оставалось въ силѣ. Поэтому, когда на Донъ явились новыя войска подъ предводительствомъ кн. Вас. Влад. Долгорукаго, брата убитаго Булавинымъ, они скоро начали одерживать побѣды надъ мятежниками. Одинъ изъ главныхъ предводителей послѣднихъ послѣ Булавина, котораго сами мятежники считали даже важнѣе Булавина, козакъ Драный, былъ разбитъ въ битвѣ съ царскимъ войскомъ и потерялъ жизнь. Кн. Долгорукій, разбивая отдѣльные отряды, подходилъ къ Черкаску и въ этомъ городѣ опять взяла верхъ партія мира. Сторонники ея возстали на Булавина и осадили его въ его куренѣ. Видя ихъ силу и опасаясь выдачи въ руки Долгорукаго, Булавинъ застрѣлился и вслѣдъ затѣмъ Черкаскъ сдался. Взятіемъ главнаго города была сломлена сила бунта, но онъ еще не былъ уничтоженъ: отдѣльные отряды козаковъ еще продолжали сопротивленіе и царскимъ войскамъ приходилось гоняться за ними по одиночкѣ. Вся страна подверглась при этомъ жестокому опустошенію; страшныя казни непокорныхъ наводили ужасъ на козаковъ; въ сопротивлявшихся станицахъ и городкахъ каждый десятый человѣкъ подвергался повѣшенію, многія станицы были совершенно раззорены и вообще Долгорукій дѣйствовалъ такъ, что даже Петръ останавливалъ его и упрекалъ, что онъ уже черезчуръ мститъ за брата. Къ концу 1708 года бунтъ былъ уже совершенно подавленъ и всѣ предводители его погибли или бѣжали; одинъ изъ нихъ, Некрасовъ, увелъ съ собою 2.000 козаковъ, успѣлъ добраться до Кубани и передался въ подданство крымскаго хана.

Съ подавленіемъ Булавинскаго бунта пала и послѣдняя попытка вооруженнаго сопротивленія правительству со стороны партіи, державшейся за старые порядки и противной преобразованіямъ. Потерпѣвъ пораженіе въ центрѣ государства, лишенная политическаго вліянія, партія эта перенесла свое дѣло въ области, пытаясь путемъ мѣстныхъ движеній опрокинуть правительство и отстоять свои государственные идеалы. И эта попытка не удалась однако ей. Собравшіеся въ окраинныхъ областяхъ недовольные элементы охотно готовы были возстать противъ правительства, но не имѣли достаточно силъ, чтобы вести такую борьбу съ успѣхомъ. Большинство народа шло съ преобразова-

телемъ, а не противъ него, и побѣжденному, разъединенному меньшинству пришлось покинуть почву активнаго политическаго протеста и, замкнувшись въ тѣсныя рамки раскольничьихъ общинъ, ограничиться однимъ пассивнымъ сопротивленіемъ, упорнымъ отказомъ въ признаніи нововведеній, отреченіемъ отъ общихъ церковныхъ и гражданскихъ учрежденій, бѣгствомъ отъ нихъ на далекія окраины и укрывательствомъ отъ государственныхъ властей. Расколъ, какъ политическая партія, какъ противники реформы, потерпѣлъ такимъ образомъ въ царствованіе Петра рѣшительную и полную неудачу въ борьбѣ съ сторонниками ея.

Сторонники и сотрудники Петра. Сознаніе необходимости преобразованія, какъ мы знаемъ, еще до Петра проникло во всѣ классы московскаго общества. Самая реформа производилась подъ давленіемъ этого сознанія и каждый дальнѣйшій шагъ на пути преобразованій еще усиливалъ его.

Но далеко не всѣ смотрѣли одинаково на тѣ средства, которыми реформа должна была осуществляться, и это различіе во взглядахъ тогдашняго русскаго общества настолько характерно, что на немъ не мѣшаетъ остановиться и изучить его причины. Разные взгляды на способъ реформы существовали дѣйствительно и въ той части общества, которая согласна была относительно самаго преобразованія и нужды въ немъ. «Видимъ мы вси, говорилъ современникъ Петра, крестьянинъ Посошковъ, какъ великій нашъ монархъ о семъ трудитъ себя, да ничего не успѣетъ, потому что пособниковъ по его желанію не много: онъ на гору аще и самъ-десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ; то како дѣло его споро будетъ?.. И того ради, не измѣня древнихъ порядковъ, колько ни бившись, покинуть будетъ». Посошковъ видитъ однако средство побѣдить затрудненія реформы, обратить эти милліоны, тянущіе подъ гору, эти косныя массы въ живыхъ и активныхъ участниковъ великаго дѣла преобразованія. Только это, по его мнѣнію, «безъ многосовѣтія и безъ вольнаго голоса никоими дѣлы невозможно; понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ одному совершеннаго разумія не далъ, но раздѣлилъ въ малыя дробинки, комуждо по силѣ его: овому далъ много, овомужъ менѣе». Въ этихъ словахъ ясно рисуются взгляды одной части общества—и притомъ довольно значительной—на то, какимъ путемъ должно было пойти дѣло государственнаго и общественнаго обновленія; въ силу такого взгляда оно должно было производиться при активномъ содѣйствіи всего общества и народа въ его цѣломъ, осуществляться путемъ «народосовѣтія», при которомъ и «малосмысленные» не уничижались бы, а призывались на совѣтъ. Служа отголоскомъ старыхъ земскихъ традицій, при которыхъ «народосовѣтіе» было явленіемъ обычнымъ, этотъ взглядъ требовалъ отъ Петровскаго правительства непосредственнаго об-

ращенія къ силамъ народа, предоставленія имъ права рѣшенія государственныхъ вопросовъ. Такого обращенія не состоялось однако. Реформа продолжала и увѣнчала собою политическое направленіе московскихъ государей, въ томъ видѣ, какъ оно выразилось во второй половинѣ 17-го вѣка въ смыслѣ сформированія исключительно самодержавной власти и исключительно бюрократическаго управленія, и этотъ путь, избранный правительствомъ, но не отвѣчавшій желаніямъ извѣстной группы сторонниковъ преобразованія, заставилъ послѣднюю, если и не отшатнуться отъ самаго дѣла, то смотрѣть съ нѣкоторымъ недовѣріемъ на попытки провести его въ жизнь. Въ дальнѣйшемъ путь, по которому пошло правительство, опредѣлилъ собою и степень, и характеръ непосредственнаго участія общества въ его дѣятельности. Такое участіе было невозможно при господствовавшей бюрократической системѣ для всего общества въ его цѣломъ, но двери къ нему широко распахнулись для всякаго отдѣльнаго члена общества. Въ самомъ дѣлѣ та самая система, которая отрицала старинное народосовѣтіе, народное представительство, ниспровергала и всякія перегородки между лицами, находившимися на государственной службѣ, поскольку эти перегородки не зависѣли отъ самой службы; она, эта система, завершила уничтоженіе прежнихъ аристократическихъ тенденцій правительственнаго класса и рѣшительно поставила службу, личныя заслуги выше происхожденія. Благодаря этому силамъ той части общества, которая состояла изъ сторонниковъ реформы и шла вмѣстѣ съ правительствомъ, открытъ былъ опредѣленный исходъ: стремясь къ осуществленію своихъ желаній, онѣ должны были, примѣняясь къ политической программѣ правительства, становиться его сотрудниками, даже болѣе того, его слугами и тогда передъ ними открывался широкій просторъ для дѣятельности. Поэтому-то, говоря объ участіи общества въ дѣятельности Петровскаго правительства, мы должны остановиться на отдѣльныхъ личностяхъ, сплотившихся вокругъ фигуры царя. Въ нихъ отражается съ одной стороны та государственная система, въ рамкахъ которой онѣ дѣйствовали, съ другой—характеръ того общества, изъ котораго онѣ вышли. Характеристика нѣкоторыхъ изъ нихъ поможетъ намъ уяснить себѣ то и другое.

Самой оригинальной и выдающейся фигурой между администраторами Петровскаго времени, между сотрудниками императора былъ несомнѣнно Александръ Даниловичъ Меншиковъ. Сынъ конюха, онъ попалъ въ число потѣшныхъ воиновъ Петра, обратилъ на себя его вниманіе своей смѣтливостью и смѣлостью и быстро выдвинулся впередъ, дойдя къ концу царствованія Петра до высшихъ ступеней административной лѣстницы, сдѣлавшись петербургскимъ губернаторомъ и членомъ сената и получивъ титулъ князя Ижорскаго. Мы уже встрѣчали нѣсколько разъ его имя при

изложеніи событій Петровскаго времени, а теперь остановимся на его положеніи и свойствахъ его характера. Своимъ возвышеніемъ онъ воплотилъ именно ту сторону реформы, которая уничтожала аристократическій порядокъ управленія, равняла служилыхъ людей. Уже это одно должно было сдѣлать его ярымъ приверженцемъ новаго, противникомъ старины; его личные интересы привязывали его къ преобразованіямъ и къ личности Петра и онъ защищалъ тѣ и другую съ непреклонной и безпощадной энергіей. Онъ безъ содроганія рубилъ стрѣлецкія головы, жестоко усмирилъ бунтъ въ Малороссіи и всегда проявлялъ наибольшую приверженность къ планамъ Петра. Оставаясь въ сущности человѣкомъ довольно невѣжественнымъ, онъ ревностно служилъ однако интересамъ вносимаго въ Россію просвѣщенія и благодаря природнымъ дарованіямъ успѣшно исполнялъ возлагаемыя на него порученія. Эти дарованія и связь его личнаго положенія съ общими принципами Петровскаго правительства, дѣлавшая изъ него наиболѣе ревностнаго защитника этого правительства, и поставили Меншикова во главѣ сотрудниковъ Петра. Но въ характерѣ Меншикова, какъ государственнаго дѣятеля, была и другая сторона: его нравственность была далеко не устойчива, а съ привязанностью къ возвысившему его Петру у него соединялась еще бо́льшая любовь къ самому себѣ, съ несомнѣннымъ умомъ—еще бо́льшая хитрость. Личные интересы, понимаемые притомъ очень узко, всегда занимали у него главное мѣсто и государственная дѣятельность представлялась его уму преимущественно какъ средство наживы и удовлетворенія честолюбія. Онъ былъ замѣшанъ во множествѣ темныхъ дѣлъ, не гнушался открыто брать взятки и нещадно обворовывалъ казну. Не разъ ему приходилось испытывать на себѣ всю силу Петровскихъ кулаковъ, не разъ пресловутая дубинка гуляла по его спинѣ, но даже и такія экстраординарныя мѣры не дѣйствовали на Даниловича. Петръ разъ какъ-то сказалъ объ немъ: «Меншиковъ во беззаконіи зачатъ, во грѣхахъ родила его мать, и въ плутовствѣ скопчаетъ животъ свой и, если не исправится, быть ему безъ головы». Черты, такъ рѣзко выраженныя въ этой фигурѣ, въ нѣсколько ослабленномъ видѣ и въ нѣсколько иной формѣ повторялись во многихъ другихъ. За Меншиковымъ стоялъ цѣлый рядъ лицъ, подобно ему выдвинутыхъ личной волей царя или счастливымъ случаемъ изъ низшихъ слоевъ общества и сдѣлавшихся проводниками и пособниками реформы, съ которой ихъ связывали и собственные ихъ интересы. Тутъ былъ и крещеный еврей Шафировъ, выдвинувшійся было на дипломатическомъ поприщѣ, но затѣмъ столкнувшійся враждебно съ Меншиковымъ и вслѣдствіе того сосланный, и полякъ по происхожденію Ягужинскій, генералъ-прокуроръ, и финансистъ Курбатовъ, подъ конецъ жизни судившійся за казнокрадство. Къ нимъ примыкали немногочисленные роды старой знати, сочув-

ствовавшіе замысламъ и идеямъ Петра, Апраксины, Шереметевы и немногіе другіе. Изъ этой группы наиболѣе выдѣлялся фельдмаршалъ Петра, графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ. Онъ присоединился къ дѣятельности правительства въ силу своего внутренняго убѣжденія: уже въ почтенномъ возрастѣ, 45 лѣтъ отъ роду, отправился онъ за границу, изучалъ тамъ военное дѣло и наглядно убѣдился въ превосходствѣ западной культуры и необходимости ея усвоенія. Это убѣжденіе и сдѣлало его вѣрнымъ слугою Петра, въ свою очередь высоко цѣнившаго его заслуги и способности.

Рядомъ съ группой всѣхъ этихъ лицъ, русскихъ или обрусѣвшихъ, служившихъ дѣлу реформы по искреннему своему убѣжденію или по тому, что въ ней они находили наибольшее удовлетвореніе личныхъ своихъ интересовъ сравнительно со старымъ порядкомъ, въ Петровской администраціи существовала другая группа, исключительно состоявшая изъ русскихъ людей, притомъ по преимуществу знатныхъ родовъ. Эти люди служили правительству, но не сочувствовали его направленію, выполняли его идеи, но не раздѣляли ихъ и въ глубинѣ души таили желаніе вернуться къ старому порядку, порою позволяя себѣ и громко высказать его. Реформа не могла найти себѣ сочувствія у нихъ не только потому, что они не желали осуществленія основнаго принципа ея—общенія съ Западомъ, не только потому, что она опрокидывала старое національническое міровоззрѣніе, но и потому еще, что она подкапывалась подъ ихъ значеніе, лишала ихъ того первенства, какое имъ принадлежало раньше, и ставила рядомъ съ ними людей незнатныхъ родовъ. Во главѣ этой группы стояли двѣ наиболѣе знатныя фамиліи изъ числа уцѣлѣвшихъ старыхъ родовъ: князья Голицыны и Долгорукіе. Кн. Дм. Мих. Голицынъ, старшій изъ представителей перваго рода, былъ самъ человѣкомъ очень образованнымъ по тому времени. Онъ познакомился съ западно-европейской наукой, много читалъ, составилъ себѣ большую библіотеку, и чтеніемъ и занятіями развилъ свой отъ природы недюжинный умъ. Унаслѣдованныя отъ предковъ аристократическія тенденціи не позволяли ему однако примириться съ Петромъ, съ его пестрой демократической администраціей, съ его убѣжденіемъ въ равенствѣ всѣхъ передъ государствомъ, и Голицынъ, чувствуя себя оскорбленнымъ и униженнымъ, брезгливо относился къ преобразованію, упорно и высокомѣрно осуждалъ всю дѣятельность правительства и самого царя. Человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, онъ не скрывалъ своихъ мнѣній, открыто высказывался за старину и за все русское въ противоположность иностранному, открыто негодовалъ на бракъ Петра съ Скавронской, видя въ немъ униженіе царскаго достоинства, но Петръ, вообще мало кого щадившій, щадилъ его, уважая его умъ и прямоту. Принужденный въ общественной жизни подчиниться

новымъ порядкамъ, Голицынъ тѣмъ упорнѣе сохранялъ всю старинную обстановку частнаго быта со всѣми ея строгими правилами. Его младшій братъ, кн. Михаилъ Михаиловичъ, уже будучи фельдмаршаломъ, не смѣлъ сѣсть въ присутствіи старшаго брата и покорно исполнялъ его приказанія; самъ царь, пріѣзжая къ Дмитрію Михайловичу въ то время, когда онъ находился въ молельной, долженъ былъ дожидаться, пока хозяинъ кончитъ молиться. Вліянію Голицыныхъ подчинялись, но болѣе шли на уступки настоящему многочисленные члены фамиліи Долгорукихъ. Ихъ идеалы равнымъ образомъ лежали назади, въ Московской Руси съ ея боярской аристократіей, они равнымъ образомъ недовольны были новыми порядками, при которыхъ люди безъ отечества становились выше родовитыхъ бояръ, но, заботясь болѣе о своихъ собственныхъ интересахъ, чѣмъ о принципахъ, они скорѣе шли на компромиссъ и, затаивая свои взгляды, видимо подчинялись новизнѣ. Пока живъ былъ Петръ, пока его мощная рука не переставала тяготѣть надъ всѣми окружающими, дѣятели названной группы завистливо и враждебно смотрѣли на своихъ неродовитыхъ соперниковъ, но не смѣли обнаруживать этой вражды черезчуръ открыто, мечтая объ отомщеніи при переходѣ власти къ нимъ и пріурочивая этотъ переходъ къ моменту смерти царя.

За этими двумя группами стояла третья, менѣе видная, затемнявшаяся первыми двумя. У лицъ, входившихъ въ составъ первыхъ двухъ группъ, даже при всемъ ихъ расположеніи къ дѣлу, предпринятому правительствомъ, не хватало въ большинствѣ случаевъ свѣдѣній, необходимыхъ при веденіи массы новыхъ дѣлъ. Чтобы восполнить этотъ пробѣлъ, Петръ обращался туда же, куда и его преемники, т. е въ чужія страны, только еще энергичнѣе перезывалъ къ себѣ работниковъ изъ послѣднихъ и въ результатѣ они составили весьма замѣтную часть его администраціи, какъ гражданской, такъ и церковной. Въ русской духовной іерархіи того времени видное мѣсто заняли малороссы, превосходившіе великороссовъ своими знаніями и ученостью. Малороссъ былъ блюститель патріаршаго престола, Стефанъ Яворскій, ревностный православный, защищавшій ученіе православной вѣры отъ протестантовъ въ своемъ сочиненіи «Камень Вѣры», малороссъ былъ и усердный и, такъ сказать, оффиціозный восхвалитель Петровскаго правительства, архіерей новгородскій Ѳеофанъ Прокоповичъ, безусловный врагъ старины, авторъ «Духовнаго Регламента» и «Правды воли Монаршей», малороссъ былъ и Димитрій Ростовскій, авторъ «Розыска о раскольничьей Брынской вѣрѣ», сочиненія, направленнаго противъ раскольниковъ, и еще многіе другіе. Опираясь на этихъ іерарховъ, обладавшихъ бо́льшимъ запасомъ образованія, чѣмъ какой можно было встрѣтить въ средѣ великорусскаго духовенства, правительство и проводило свои взгляды въ эту среду. Въ администраціи граждан-

ской такое же мѣсто занимали чужеземцы западнаго происхожденія, по преимуществу нѣмцы. По отношенію къ нимъ, Петръ держался, однако, правила, пользуясь ихъ знаніями, поручать имъ лишь второстепенныя мѣста въ управленіи. Поэтому, какъ ни много иностранцевъ, и въ частности нѣмцевъ, служило при немъ въ Россіи, они не пользовались особенно большимъ вліяніемъ на ходъ государственныхъ дѣлъ и могли развѣ мечтать о такомъ вліяніи въ будущемъ. Изъ нихъ наиболѣе выдавались по своимъ дарованіямъ и положенію два человѣка. Сынъ вестфальскаго пастора, Генрихъ-Іоганнъ Остерманъ, пріѣхавъ въ Россію, поступилъ здѣсь на службу и вскорѣ превратился въ барона Андрея Ивановича Остермана. Служилъ онъ въ вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ и въ числѣ дипломатовъ того времени, когда слова дипломатія и обманъ считались синонимами, представлялся однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ. Онъ былъ въ числѣ русскихъ уполномоченныхъ при заключеніи Ништадтскаго мира и съ того времени быстро пошелъ впередъ. Другимъ видным человѣкомъ среди нѣмцевъ, служившихъ въ Россіи, былъ Минихъ, вступившій на русскую службу въ 1721 году и по порученію Петра принявшійся за постройку Ладожскаго канала. Смѣлый, храбрый и честолюбивый солдатъ, онъ зналъ свое дѣло и усердно исполнялъ его, но стремился и къ большему, жаждалъ возвышенія...

Если всѣ эти администраторы иностраннаго происхожденія имѣли преимущество надъ русскими въ своихъ знаніяхъ, то нравственный уровень ихъ былъ врядъ ли многимъ выше такого же уровня русскихъ. Большинство изъ нихъ были авантюристы, изъ разныхъ странъ явившіеся въ Россію искать счастья и наживы, способные ради личной выгоды забывать интересы государства, которому служили. Тѣмъ легче могли они дѣлать это, что примѣръ подавали имъ сами русскіе, а сдержки помимо личной воли царя они не встрѣчали... Такимъ образомъ характерной чертой Петровской администраціи, въ которой по преимуществу сосредоточились силы общества, помогавшія правительству въ его государственной дѣятельности, служили ея низкій нравственный уровень и вслѣдствіе того господство низменныхъ личныхъ интересовъ, развивавшіеся благодаря низкой степени образованности въ обществѣ съ одной стороны, полному отсутствію какого бы то ни было контроля общества надъ дѣйствіями администраціи съ другой. Другая характерная черта послѣдней заключалась въ ея разрозненности, раздѣленіи на нѣсколько враждебныхъ группъ, изъ которыхъ каждая служила представительницей особыхъ началъ и которыя готовы были вступить въ борьбу другъ съ другомъ, какъ только нашлась бы для этого подходящая почва. Она и нашлась по смерти Петра...

34-я ЛЕКЦІЯ.

Семейныя отношенія Петра.

Въ сегодняшней лекціи, мм. гг., я изложу вамъ семейныя дѣла Петра В. Эти семейныя отношенія императора, не смотря на свой личный, интимный характеръ, оказали свою долю вліянія на ходъ послѣдующихъ событій, подготовивъ именно собою ту почву, на которой разыгралась затѣмъ борьба различныхъ направленій и партій, образовавшихся среди царедворцевъ Петра.

Съ первой своей женой, Евдокіей Лопухиной, Петръ развелся еще въ 1700 г. и постригъ ее въ монахини. Еще раньше открытаго разрыва между мужемъ и женой любимицей Петра сдѣлалась дочь виноторговца Нѣмецкой слободы, Анна Монсъ, женщина замѣчательно красивая, но весьма невысоко стоявшая по своему нравственному и умственному уровню. Не только она не получила никакого образованія, но не обладала и простою грамотностью и ея письма изобилуютъ грубыми ошибками. Ея умственный кругозоръ былъ очень не широкъ и близость къ царю служила ей только для удобнаго и безопаснаго обдѣлыванія своихъ мелкихъ имущественныхъ дѣлишекъ, причемъ она не гнушалась ни крупными, ни мелкими взятками. Истинной любви къ Петру она не питала, напротивъ того крутой и вспыльчивый царь внушалъ ей только страхъ, не мѣшавшій ей впрочемъ обманывать потихоньку Петра и измѣнять ему. Молва того времени называла и лицъ, которыхъ она дарила своимъ расположеніемъ, это были два иностранные посланника при русскомъ дворѣ, саксонскій Кёнигсенъ и прусскій—графъ Кейзерлингъ. И однако Петръ былъ сильно привязанъ къ Аннѣ Монсъ, не смотря на всѣ ея недостатки, на всѣ несимпатичныя стороны ея характера. Долгое время эта привязанность ослѣпляла его и мѣшала ему разглядѣть фаворитку поближе, около 10 лѣтъ продолжались такія отношенія между царемъ и дочерью виноторговца, и только къ концу этого періода Петръ началъ охладѣвать къ красавицѣ. Расположеніе его перешло на другую женщину и эта послѣдняя вскорѣ всецѣло покорила себѣ его сердце. Это была Марта Скавронская.

Она выросла въ ливонскомъ городкѣ Маріенбургѣ въ домѣ пастора Глюка, гдѣ занимала положеніе, среднее между пріемной дочерью и служанкой. Когда Ливонія была завоевана русскими войсками, Марта, незадолго передъ тѣмъ вышедшая замужъ за шведскаго драгуна Іогапна, попала къ фельдмаршалу Шереметеву. У послѣдняго увидалъ ее любимецъ царя, Меншиковъ, и выпросилъ ее себѣ. Въ домѣ Меншикова впервые познакомилась и сблизилась Марта съ Петромъ. Трудно сказать, было ли это сближеніе заранѣе обдуманнымъ шагомъ со стороны Меншикова, желавшаго упрочить свое положеніе при дворѣ съ помощью новой фаворитки, или оно произошло случайно, вѣрно только то, что Марта сразу произвела сильное впечатлѣніе на царя, вѣрно и то, что она до конца своей жизни оставалась въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Меншиковымъ и не разъ впослѣдствіи спасала свѣтлѣйшаго князя Ижорскаго отъ грознаго царскаго гнѣва. Дочь латышскаго крестьянина, Самойла Скавронскаго, сдѣлалась такимъ образомъ любимицею русскаго царя. Петръ съ его могучей физической натурой не особенно стѣснялся въ своей частной жизни требованіями нравственности, и такихъ любимицъ у него было много, но Марта скоро успѣла выдѣлиться изъ ряда ихъ. Ни по своимъ умственнымъ способностямъ, ни по полученному ею воспитанію она не была многимъ выше Анны Монсъ. Какъ и послѣдняя, она лишена была всякаго образованія. не умѣла даже читать и писать, и не выучилась этому и впослѣдствіи, говоря, что она учится угождать Петру и этого съ нея довольно. Тайна ея вліянія на царя, помимо покорившей ей его сердце красоты, скрывалась именно въ этомъ угожденіи, въ томъ искусствѣ, съ которымъ она успѣла изучить привычки и вкусы Петра и приспособиться къ нимъ, въ томъ сочувствіи, которое она—искренно или притворно—выказывала во всякомъ случаѣ ко всѣмъ планамъ Петра. Петръ не искалъ себѣ въ женщинахъ помощниковъ, не дѣлалъ любимицъ участницами своихъ стремленій, но и его желѣзная натура искала себѣ болѣе нѣжнаго сочувствія и участія, чѣмъ какое онъ могъ найти у своихъ сподвижниковъ, и давшая ему такое сочувствіе Марта восполнила этотъ недостатокъ въ его жизни. Поэтому-то отношенія его съ Мартою, начавшись довольно грубо и прозаично, съ теченіемъ времени не только не порываются, но все болѣе упрочиваются и подъ конецъ пріобрѣтаютъ характеръ нѣжности, какого совершенно не имѣли вначалѣ. Петръ изъ Ливоніи отослалъ Марту въ Москву съ довѣреннымъ гвардейскимъ офицеромъ, приказалъ поселить ее тамъ, заботиться объ ней и ежедневно отправлять къ нему рапорты о ея здоровьѣ. Первоначально и по пріѣздѣ Петра въ Москву пребываніе здѣсь Марты и отношенія ея къ царю оставались тайной небольшого кружка лицъ, но по мѣрѣ того какъ новая привязанность Петра усиливалась, она полу-

чала и бо́льшую огласку. Марта, лютеранка по воспитанію, приняла православіе и воспріемникомъ ея былъ сынъ Петра отъ перваго брака—царевичъ Алексѣй Петровичъ. Петръ все чаще и чаще проводилъ всѣ свободные часы въ ея домѣ, тамъ происходили уже и совѣщанія его съ министрами о государственныхъ дѣлахъ и Екатерина Алексѣевна—какъ ее назвали при крещеніи—присутствовала на нихъ. Въ походахъ и поѣздкахъ все чаще сопровождала Екатерина царя, и ихъ связь еще скрѣпилась рожденіемъ дѣтей—дочерей, названныхъ Анной и Елизаветой. Измѣненіе отношеній можно прослѣдить и по письмамъ Петра къ Екатеринѣ: въ первыхъ изъ нихъ онъ обращается къ ней съ простымъ и грубоватымъ привѣтствіемъ: «здравствуй, матка», но постепенно обращенія становятся нѣжнѣе и ласковѣе и наконецъ Петръ величаетъ свою подругу: «сердешненькой другъ Катеринушка». Въ 1711 г., предъ отправленіемъ въ Прутскій походъ, Петръ рѣшился скрѣпить наконецъ свои отношенія къ Екатеринѣ брачнымъ союзомъ и въ присутствіи немногихъ свидѣтелей женился на ней, но обнародованъ былъ этотъ бракъ лишь въ слѣдующемъ 1712 году. Екатерина, какъ извѣстно, сопровождала Петра во время этого похода, и, когда русскія войска были окружены турками при Прутѣ, отдала свои драгоцѣнности Шафирову для подкупа съ помощью ихъ визиря. Этотъ поступокъ, не заключавшій собственно въ себѣ ничего особеннаго, и подалъ Петру поводъ и возможность окружить Екатерину ореоломъ славы, какъ своего рода избавительницу его и арміи, и сообщить торжественную огласку своему браку съ нею. Сдѣлавшись оффиціальной супругой царя, Екатерина получила титулъ государыни, дочери ея сдѣлались принцессами, и такимъ образомъ новая царская семья встала рядомъ со старой.

Рядомъ съ старой—говорю я, такъ какъ отъ первой, заточенной въ монастырь, жены у Петра остался сынъ, царевичъ Алексѣй Петровичъ, къ несчастью своему унаслѣдовавшій и многія материнскія качества и отцовскую нелюбовь. Этотъ первый сынъ Петра, родившійся въ 1690 году, уже по своему физическому сложенію представлялъ полную противоположность отцу: хилый и болѣзненный, онъ часто хворалъ и это отразилось и на его характерѣ неспособностью къ напряженной физической или умственной дѣятельности, слабостью воли и отсутствіемъ рѣшительности. И умственныя его способности были не особенно велики. До девяти лѣтъ оставался онъ на рукахъ матери, нѣжной и заботливой, но не особенно старавшейся о развитіи его ума, затѣмъ, послѣ того, какъ она попала въ монастырь, былъ переданъ на руки учителей, сперва русскаго, потомъ нѣмцевъ. Ученье однако шло туго; не смотря на лестные отзывы учителей, мальчикъ не особенно быстро усвоивалъ себѣ знанія, да и особенной охоты къ ученію не обнаруживалъ. Со стороны отца это вызывало гнѣвъ, иногда

наказанія,—но и только. Никакихъ сердечныхъ, теплыхъ отношеній между отцомъ и сыномъ не существовало. Петръ холодно смотрѣлъ на сына нелюбимой жены, относился къ нему чисто разсудочно, ставилъ требованія, какимъ онъ долженъ былъ удовлетворить, но не заботился о томъ, чтобы привязать сына къ себѣ, не силой, а лаской пріучить его къ себѣ и своимъ планамъ. Человѣкъ крутой и безпощадный, привыкшій уже путемъ насилія и угрозъ осуществлять свою волю, онъ примѣнилъ ту же тактику и въ семейной жизни. Въ свою очередь царевичъ, мало видѣвшій отца въ дѣтствѣ, воспитанный покинутой имъ матерью, переданный затѣмъ въ чужія руки, привыкшій видѣть отца грознымъ, въ ужасающей обстановкѣ пытокъ и казней, боялся его, но не любилъ и на требованія отца, на насиліе отвѣчалъ пассивнымъ, но упорнымъ сопротивленіемъ. Рознь между царемъ и сыномъ росла и ею воспользовались люди, недовольные дѣятельностью Петра. Такихъ людей было много и они стали сосредоточивать свои надежды на Алексѣѣ Петровичѣ, видѣть въ немъ вождя своей партіи, который по смерти отца, вступивъ на престолъ, отмѣнитъ новые отяготительные порядки и все опять повернетъ на старый путь. Отдѣльныя лица изъ этой партіи уже и собирались вокругъ царевича, направляли его помыслы въ сторону старыхъ порядковъ, уговаривали не идти по отцовскому пути и ихъ слова падали на хорошо подготовленную почву. Однимъ изъ такихъ людей, наиболѣе возстановленныхъ противъ Петра и наиболѣе близкихъ къ царевичу, былъ духовникъ его Кикинъ; кромѣ того многіе и изъ духовенства, и изъ знатныхъ бояръ выражали, хотя большею частью втайнѣ, свою приверженность царевичу. Все это еще болѣе укрѣпляло его на избранномъ пути и вмѣстѣ обостряло разладъ между нимъ и отцомъ, который не могъ не видѣть, въ какую сторону клонятся вкусы сына. Петръ не терялъ еще однако надежды измѣнить ихъ и избѣгалъ слишкомъ рѣзкой постановки вопроса; уже одно то могло побудить его къ этому, что Алексѣй Петровичъ являлся единственнымъ его наслѣдникомъ. Поэтому онъ посылалъ сына доканчивать образованіе за границей, затѣмъ нашелъ ему невѣсту въ Германіи въ лицѣ принцессы Софіи Брауншвейгъ-Вольфенбюттельской, но ни то, ни другое средство не повліяли. Ученье царевича за границей шло такъ же медленно, какъ и въ Россіи, онъ по прежнему обнаруживалъ сильную нелюбовь къ тѣмъ военнымъ наукамъ, къ которымъ старался пріохотить его Петръ, а когда по возвращеніи онъ долженъ былъ сдать передъ отцомъ экзаменъ, то, чтобы не сознаться въ неумѣньѣ чертить, онъ даже прострѣлилъ себѣ руку. Бракъ его на Софіи, отъ котораго Петръ ждалъ хорошихъ результатовъ, думая, что женанѣмка пробудитъ въ его сынѣ энергію и вмѣстѣ привяжетъ его къ Западу и къ преобразованіямъ, также обманулъ эти надежды.

Алексѣй женился по приказанію отца, но не любилъ своей супруги и согласія между ними не было. По прежнему царевичъ оставался безучастенъ къ дѣламъ отца, по прежнему онъ склонялся къ старымъ обычаямъ и порядкамъ и все яснѣе высказывался въ кругу своихъ приверженцевъ за московскую старину. Охотно слушалъ онъ разговоры о томъ, что власть по смерти отца перейдетъ къ нему и онъ передѣлаетъ все, сдѣланное преобразователемъ, охотно выслушивалъ предположенія, что царь долго не проживетъ, безъ возраженій выслушивалъ и планы, заходившіе очень далеко, планы убійства царя. Но только пассивнымъ безъучастіемъ, молчаливымъ сопротивленіемъ и проявлялъ онъ себя, не принимая никакихъ мѣръ къ тому, чтобы перевести свои мечты и планы въ дѣйствительность. А между тѣмъ гроза собирается на него. Въ 1715 г. у него родился сынъ, получившій имя Петра, нѣсколько дней спустя и у Екатерины родился сынъ, названный также Петромъ. Теперь наслѣдство престола было обезпечено и давно подготовлявшаяся, но до тѣхъ поръ сдерживаемая вражда царя къ сыну могла разразиться съ полной силой. Царевичъ и самъ понималъ это и вскорѣ послѣ рожденія сына говорилъ, что теперь отецъ навѣрно лишитъ его наслѣдства. Его друзья и совѣтники совѣтовали ему покориться и отречься отъ престола въ надеждѣ, что по смерти Петра это отреченіе все равно не будетъ имѣть силы. Петръ однако попыталъ еще послѣднее средство и написалъ сыну, требуя, чтобы онъ перемѣнился и занялся военнымъ дѣломъ съ охотой. «Если не перемѣнишься, продолжалъ онъ, то знай, что лишу тебя наслѣдства, ибо я за отечество и за поддапныхъ моихъ жизни не жалѣлъ и не жалѣю, то неужели пожалѣю тебя? лучше будь чужой добрый, чѣмъ свой негодный». Царевичъ отвѣтилъ короткимъ письмомъ, въ которомъ заявлялъ, что онъ чувствуетъ себя неспособнымъ къ правленію и потому готовъ отречься отъ престола. Если вокругъ царевича были люди, поддерживавшіе въ немъ вражду противъ отца, то и около послѣдняго были такія лица, для которыхъ примиреніе отца съ сыномъ было бы невыгодно, особенно Меншиковъ и Екатерина, встрѣчавшіе сильную вражду среди старой знати и народа и могшіе питать сильныя опасенія насчетъ своей участи при воцареніи Алексѣя. Во всякомъ случаѣ Петръ и еще разъ отложилъ рѣшеніе и далъ сыну шесть мѣсяцевъ на размышленіе съ тѣмъ, чтобы онъ по истеченіи этого срока или выполнилъ отцовскія требованія или постригся въ монахи. Послѣднимъ условіемъ Петръ думалъ навсегда заградить непокорному сыну путь возвращенія въ міръ, а слѣдовательно и на престолъ, но иначе думали друзья царевича. Кикинъ говорилъ ему, что и «клобукъ вѣдь не гвоздемъ къ головѣ прибитъ»; указывалъ на возможность сбросить монашество по смерти Петра и совѣтовалъ пока подчиниться и вступить въ монастырь. Но обстоятельства открыли Алек-

сѣю иной путь, какъ казалось ему, болѣе безопасный. Въ началѣ 1716 года Петръ уѣхалъ за границу и изъ Франціи написалъ сыну, требуя рѣшительнаго отвѣта и приглашая пріѣхать къ себѣ, если онъ согласенъ подчиниться его требованіямъ. Царевичъ рѣшилъ воспользоваться тѣмъ, что отецъ самъ открылъ ему дорогу изъ Россіи, и, немедленно отвѣтивъ согласіемъ, выѣхалъ изъ русскихъ предѣловъ, но не во Францію, а въ Германію и тамъ просилъ защиты и убѣжища у императора Карла VI. Это бѣгство окончательно рѣшило участь царевича. Послы Петра— Петръ Толстой и Румянцевъ отыскали его въ Неаполѣ, куда онъ укрылся изъ Вѣны, и потребовали отъ императора выдачи его, грозя въ противномъ случаѣ войной. Самъ царевичъ сдался на увѣщанія Толстого, обѣщавшаго ему отъ имени отца полное прощеніе, и согласился вернуться. Его московскіе друзья предвидѣли результатъ этого возвращенія, знали, что готовится въ Москвѣ, но не могли предупредить Алексѣя, опасаясь за себя. Въ началѣ 1718 года пріѣхалъ Алексѣй въ Москву и вскорѣ увидѣлъ, какъ обманулся онъ въ своихъ надеждахъ. Подъ строгимъ присмотромъ его перевезли въ Петербургъ и здѣсь начался розыскъ, вскрывшій всю степень вражды между отцомъ и сыномъ. Открылись всѣ мечты и планы Алексѣя, они были зачтены ему въ дѣло, семейная вражда была возведена на степень государственнаго преступленія и надъ царевичемъ наряженъ былъ судъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ. Духовенство высказалось за помилованіе, свѣтскіе чины приговорили царевича къ смерти. Этотъ приговоръ не былъ однако формально осуществленъ. Измученный розыскомъ, во время котораго его съ другими обвиняемыми подвергали пыткѣ, царевичъ Алексѣй умеръ въ крѣпости и вотъ какъ записано это событіе въ «записной книгѣ с.-петербургской гарнизонной канцеляріи»: «26 іюня по полуночи въ 8-мъ часу начали собираться въ гарнизонъ его величество, свѣтлѣйшій князь, кн. Яковъ Федоровичъ (Долгорукій), Гаврило Ивановичъ (Головкинъ), Федоръ Матвѣевичъ (Апраксинъ), Иванъ Алексѣевичъ (Мусинъ-Пушкинъ), Тихонъ Никитичъ (Стрѣшневъ), Петръ Андреевичъ (Толстой), Петръ Шафировъ, генералъ Бутурлинъ; и учиненъ былъ застѣнокъ, и потомъ, бывъ въ гарнизонѣ до 11-го часа, разъѣхались. Того же числа пополудни въ 6-мъ часу, будучи подъ карауломъ въ Трубецкомъ раскатѣ въ гарнизонѣ царевичъ Алексѣй Петровичъ преставился».

Такъ Петръ устранилъ пошедшаго противъ него сына, устранилъ еще съ большей рѣшимостью, чѣмъ его мать. Наслѣдство престола открывалось теперь для другого его сына, рожденнаго отъ Екатерины Петра Петровича, и онъ и былъ объявленъ наслѣдникомъ. Но съ этого времени семейныя дѣла и отношенія Петра принимаютъ все болѣе мрачный характеръ. Въ апрѣлѣ 1719 года этотъ новообъявленный наслѣдникъ умираетъ, всего

4-хъ лѣтъ отъ роду, и снова возникаетъ вопросъ о престолонаслѣдіи. Право на престолъ, по старому обычаю, несомнѣнно принадлежало сыну царевичу Алексѣя, Петру Алексѣевичу, но его воцареніе могло повлечь за собою сильную опасность для Екатерины и еще бо́льшую для Меншикова, котораго прямо называли виновникомъ смерти его отца. Вліяніе Меншикова на Екатерину было сильно, не меньшимъ вліяніемъ пользовалась и Екатерина надъ своимъ мужемъ. Въ 1722 г. Петръ издалъ указъ, въ которомъ порицалъ установившійся въ московскомъ государствѣ обычай наслѣдованія престола отъ отца къ старшему сыну, такъ какъ этотъ послѣдній можетъ оказаться неспособнымъ или зараженнымъ «авессаломскою злостью», и, ссылаясь на свои указы о наслѣдованіи недвижимыхъ имѣній, установлялъ право каждаго царствующаго государя назначать себѣ преемника. Въ оправданіе этого указа, ломавшаго прежній порядокъ московскаго государства, оффиціальный восхвалитель Петра, Ѳеофанъ Прокоповичъ, написалъ сочиненіе «Правда воли монаршей», доказывая пользу новаго установленія. Такимъ образомъ съ окончательнымъ сложеніемъ чистой самодержавной власти государя эта власть переступила даже за границы его жизни и выразилась въ полной волѣ его избрать себѣ преемника. Современники истолковали себѣ этотъ указъ Петра, какъ подготовительную мѣру для передачи престола одной изъ дочерей его и Екатерины. Дѣйствительно положеніе послѣдней становилось все прочнѣе. Мало того, что съ наименованіемъ Петра императоромъ и ей данъ былъ титулъ императрицы, а ея дочери названы цесаревнами, въ концѣ 1723 года Петръ задумалъ даже короновать ее. 7 мая 1724 года съ великою пышностью совершенъ былъ обрядъ коронаціи въ Москвѣ, но именно въ это время коронаціонныхъ торжествъ впервые дошелъ до Петра неясный, темный слухъ о невѣрности его «сердешненького друга». Дѣйствительно при дворѣ давно уже ни для кого не были тайной близкія отношенія Екатерины къ ея камергеру, Вилиму Ивановичу Монсу, брату бывшей любимицы царя, Анны Ивановны. Враги Екатерины и поддерживаемаго ею Меншикова не замедлили воспользоваться этимъ страшнымъ орудіемъ. Осенью того же года царь получилъ подробный безымянный доносъ и потрясающая истина открылась предъ его глазами. Монсъ былъ немедленно арестованъ и не понадобилось даже пытки, чтобы вынудить у него сознаніе; отъ одного грознаго взгляда Петра онъ упалъ въ обморокъ и немедленно во всемъ повинился. Слѣдствіе, во время котораго Монсъ оффиціально обвинялся во взяткахъ, которыя онъ бралъ съ разныхъ лицъ, пользуясь своимъ положеніемъ при дворѣ, продолжалось недолго и 16 ноября голова казненнаго камергера была воткнута на колъ на одной изъ площадей столицы. Съ этимъ открытіемъ, глубоко потрясшимъ Петра, соедини-

лось другое: его ближайшій любимецъ, Меншиковъ, котораго онъ столько разъ прощалъ, снова попался въ величайшихъ злоупотребленіяхъ. Черная туча повисла надъ головами Екатерины и Меншикова, но разразиться не успѣла. Простилъ ли Петръ жену, какъ увѣряютъ нѣкоторые, не особенно впрочемъ достовѣрные, иностранные источники, или онъ только откладывалъ выполненіе тяжелой мести, достовѣрно неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ отношенія его къ императрицѣ были уже не прежними. Тѣмъ временемъ перенесенныя волненія усилили болѣзнь, которою давно уже страдалъ онъ, и окончательно подорвали его силы, расшатанныя неправильною жизнью и усиленной дѣятельностью. Петръ тяжело заболѣлъ и не успѣлъ воспользоваться установленнымъ имъ правомъ назначить себѣ преемника. Въ послѣдній день своей жизни онъ потребовалъ бумаги и чернилъ, но успѣлъ написать только: «отдайте все»... Перо выпало изъ рукъ умирающаго императора, кому и что отдать, осталось неизвѣстно, и такъ 28 января 1725 года скончался преобразователь, оставивъ свой престолъ вакантнымъ.

Время отъ смерти Петра Великаго до вступленія на престолъ Елизаветы.

35-я и 36-я ЛЕКЦІИ.

Дворцовыя событія съ 1725 по 1741 годъ.

Страшныя явленія начались въ Россійской имперіи со смертью Петра. Едва успѣлъ закрыть глаза грозный царь, передъ которымъ трепетали всѣ его приближенные, не исключая и самыхъ ближайшихъ, который окончательно сбросилъ всѣ, правда, уже очень слабыя, традиціи, сдерживавшія нѣсколько самодержавную власть и поставилъ ее на громадную высоту, представивъ въ своемъ лицѣ наиболѣе яркій типъ самодержца, едва не стало этого царя, какъ престолъ его, такъ высоко стоявшій, дѣлается предметомъ борьбы и искапій съ разныхъ сторонъ, можно сказать даже больше, дѣлается игрушкой въ рукахъ различныхъ дворцовыхъ партій. Тѣ самые люди, которыхъ мы при Петрѣ видѣли лишь исполнителями его велѣній, сотрудниками его дѣятельности, снабженными, однако, весьма ограниченной властью, теперь распоряжаются не только дѣлами государства, но и самымъ престоломъ, возводятъ на него то или другое лицо по собственному выбору. Въ свою очередь носители верховной власти вступаютъ на престолъ не въ силу своего непосредственнаго права на него, а лишь съ помощью какой-либо изъ дворцовыхъ партій, не по наслѣдству, не по закону, наконецъ, даже не по волѣ прежде царствовавшаго государя, какъ то установилъ Петръ, а путемъ смуты, производящей нарушеніе законнаго порядка. Смуты и раньше бывали въ Московскомъ государствѣ и сами по себѣ не составляли еще особой новости, но новость заключалась въ ихъ характерѣ. Прежде онѣ охватывали собою широкіе народ-

ные круги, являлись результатомъ борьбы различныхъ политическихъ партій или отражали въ себѣ народное неудовольствіе. Теперь смута сосредоточилась исключительно на вопросѣ о престолонаслѣдіи, заключилась въ тѣсныхъ предѣлахъ дворца и примыкавшаго къ нему высшаго класса общества и имѣла своимъ результатомъ не измѣненіе политическаго направленія, а возвышеніе того или другого лица изъ этого класса. По очереди одна за другою въ этой борьбѣ берутъ верхъ всѣ тѣ партіи, которыя мы видѣли въ придворномъ кругу сотрудниковъ Петра, по очереди всѣ онѣ падаютъ тѣмъ ниже, чѣмъ выше успѣли подняться, и на ихъ мѣсто являются новыя. Но каждое такое возвышеніе обусловливаетъ для этихъ партій, вѣрнѣе, для лицъ, ихъ составляющихъ, громадную власть надъ всѣмъ государствомъ, власть, вызванную, однако, не ихъ политическимъ значеніемъ, а лишь приближеніемъ ихъ къ государю. «Временщики», «фавориты», «случайные люди» наполняютъ собою все то время, пока длятся дворцовые перевороты, пока мѣсто опредѣленнаго закономъ порядка въ наслѣдованіи престола заступаютъ различныя «конъюнктуры», какъ говорили въ 18-мъ столѣтіи, и время это охватываетъ весьма значительный промежутокъ отъ смерти Петра I до вступленія на престолъ Павла. Въ то время, какъ происходятъ эти смуты и перевороты во дворцѣ, устраиваемые тамъ силою немногихъ лицъ при помощи войска, народъ безучастно смотритъ на нихъ, не предпринимая никакихъ движеній въ пользу того или другого кандидата, не выступая на эту арену политической жизни. Народную массу занимаютъ иные интересы, отличные отъ интересовъ дворцовыхъ партій, и когда временами сквозь шумъ дворцовыхъ переворотовъ слышится гулъ народнаго движенія, онъ является одинаково страшнымъ для всѣхъ этихъ партій, заставляетъ всѣхъ ихъ забывать о своей враждѣ, соединяться вмѣстѣ.

Таковы отличительныя черты политической жизни Россіи въ періодъ времени, послѣдовавшій непосредственно за смертью Петра и продолжавшійся вплоть до воцаренія Павла: дворцовые перевороты, господство временщиковъ и разъединеніе интересовъ высшихъ и низшихъ классовъ народа, разъединеніе настолько глубокое, что эти двѣ части одного народа сдѣлались почти чужими другъ для друга, надолго утратили способность взаимнаго пониманія и совмѣстныхъ дѣйствій. Ходячее объясненіе этихъ общихъ фактовъ русской жизни того времени въ высшей степени просто. Оно говоритъ именно, что Петръ нарушилъ старый порядокъ престолонаслѣдія, установилъ новый и въ результатѣ этого явились смуты, что на престолѣ сидѣли люди малолѣтніе или неспособные и оттого явились временщики, наконецъ, что Петровская реформа, внеся въ русскую жизнь западно-европейскія начала, западное образованіе и науку, разъединила народъ, такъ какъ одни его классы прониклись этими началами и этой наукой, а другіе нѣтъ,

откуда и возникло взаимное непониманіе и вражда; одни составили изъ себя классъ людей образованныхъ, другіе остались чуждыми просвѣщенія и враждебными ему. Какъ видите, это объясненіе дѣйствительно просто, но другой вопросъ, удовлетворительно ли оно. Оно ставитъ всѣ тѣ факты, о какихъ я упомянулъ, въ зависимость отъ причинъ чисто случайныхъ, не обращая вниманія на неполноту и недостаточность такого сужденія, или прямо вступаетъ въ противорѣчіе съ дѣйствительностью. Въ самомъ дѣлѣ, если Петръ установилъ право государя назначать себѣ преемника, то это еще не значило, чтобы установлялись смуты, равно какъ и неспособность отдѣльныхъ государей въ старомъ Московскомъ государствѣ не вызывала такой широкой власти временщиковъ. Не менѣе неудачна попытка выставить реформу, какъ проводницу западныхъ ли началъ или образованія, виной того раздѣленія, какое вкоренилось въ русскій народъ. Мы уже видѣли, что эта реформа по своему духу была не столько подражаніемъ Западу, сколько удовлетвореніемъ назрѣвшихъ уже потребностей Московскаго государства на томъ самомъ пути, по которому оно шло и раньше, а что касается образованія и науки, то необходимость ихъ сознавалась и до Петра, и при немъ, и въ высшихъ, и въ низшихъ классахъ народа; сотрудники перваго императора въ значительной своей части вышли именно изъ послѣднихъ, равно какъ и противники образованія имѣлись и въ средѣ бояръ и «шляхетства» не менѣе рьяные, чѣмъ въ средѣ низшихъ общественныхъ классовъ. Почему же послѣ Петра реформа пріобрѣла характеръ такого разъединяющаго отдѣльные классы элемента, какого далеко не имѣла ранѣе, разъединяя только отдѣльныя лица, а не классы. Очевидно, причина всѣхъ этихъ явленій лежитъ нѣсколько глубже, чѣмъ ее обыкновенно отыскиваютъ, заключается не въ случайныхъ фактахъ и личностяхъ, которыхъ достаточно перемѣнилось въ Россіи за это время, а въ чемъ-то болѣе существенномъ и общемъ. Поэтому не слѣдуетъ раздѣлять и того пренебреженія, съ какимъ часто смотрятъ у насъ на это время дворцовыхъ переворотовъ, только нужно глубже вглядѣться въ представляющіе его факты, попытаться оцѣнить ихъ значеніе съ болѣе общей и сознательной точки зрѣнія. Тогда они явятся передъ нами не случайными фактами, а показателями процессовъ, совершавшихся въ народной жизни. Пока я и остановлю ваше вниманіе на дворцовыхъ событіяхъ за время отъ смерти Петра до воцаренія Елизаветы.

Вступленіе на престолъ Екатерины I. Еще не успѣлъ Петръ закрыть глаза, еще онъ боролся съ предсмертной агоніей, когда въ одной изъ залъ его дворца уже собрался сенатъ для разсужденія объ его преемникѣ. Самъ Петръ не воспользовался установленнымъ имъ правомъ назначить себѣ таковаго и теперь престолъ долженъ бы былъ перейдти къ прямому и естествен-

ному наслѣднику, сыну царевича Алексѣя и внуку умирающаго императора, Петру. Но тѣ же причины, которыя заставляли нѣкоторыхъ изъ сотрудниковъ Петра опасаться воцаренія Алексѣя Петровича, и теперь вынуждали ихъ со страхомъ смотрѣть на кандидатуру его сына, сдѣлавшуюся для нихъ еще особенно опасной со смертью отца. При ребенкѣ-царѣ наибольшую силу должны были бы получить тѣ фамиліи, которыя выказывали приверженность его отцу, старые, знатные роды, съ Голицыными и Долгорукими во главѣ, и плохо могло тогда прійтись тѣмъ худороднымъ людямъ, какіе своимъ возвышеніемъ при Петрѣ Великомъ намозолили имъ глаза и возбудили въ нихъ вражду и зависть, плохо могло прійтись и самой Екатеринѣ, этой «невѣдомой Ливонской плѣнницѣ», какъ ее величали гордые бояре. Поэтому неудивительно, что двѣ партіи сейчасъ же столкнулись, какъ только поднятъ былъ вопросъ о престолонаслѣдіи. Но кого же можно было противопоставить малолѣтнему Петру? Дочери Петра В., о которыхъ часто шла рѣчь при жизни отца ихъ, теперь не могли быть противопоставлены прямому наслѣднику, противъ котораго можно было высказывать, оставаясь на лойяльной почвѣ, только то соображеніе, что онъ еще молодъ и не можетъ самъ править государствомъ. Оставалась мать ихъ, женщина, коронованная Петромъ В., и за нее и встали всѣ тѣ люди, которые не хотѣли видѣть на престолѣ сына Алексѣя, и во главѣ ихъ свѣтлѣйшій князь Меншиковъ. Въ сенатѣ поднялся споръ: Меншиковъ, Бутурлинъ, Ягужинскій стали за Екатерину, Голицыны, Долгорукіе, кн. Репнинъ—за Петра. Но въ то время, какъ сенаторы спорили, въ углу той же залы, неизвѣстно, какимъ образомъ и зачѣмъ, очутились гвардейскіе офицеры. Они не вмѣшивались въ пренія объ избраніи государя, на что не имѣли и права, но, стоя въ сторонѣ, высказывали свои мнѣнія нѣсколько по другому поводу, причемъ дѣлали это настолько громко и рѣшительно, что сенаторы невольно должны были прислушаться къ ихъ разговору. Офицеры говорили именно, что они разобьютъ головы тѣмъ изъ старыхъ бояръ, которые будутъ противодѣйствовать провозглашенію Екатерины императрицей. Въ то самое время, когда эти заявленія показали сенаторамъ, что свобода ихъ преній не вполнѣ безгранична, подъ окнами залы, въ которой происходили совѣщанія, раздался барабанный бой. Сенаторы выглянули и увидали двѣ роты гвардейцевъ, расположившіяся передъ дворцомъ. Понять, что означало это появленіе солдатъ, было не трудно. Раздраженный фельдмаршалъ Репнинъ воскликнулъ: «кто осмѣлился привести ихъ сюда безъ моего вѣдома? развѣ я не фельдмаршалъ?» Бутурлинъ отвѣчалъ на это: «я велѣлъ прійти имъ сюда по волѣ императрицы, которой всякій подданный долженъ повиноваться, не исключая и тебя». Сенаторы, стоявшіе за Петра, покорились,

и такъ Екатерина вопреки ихъ волѣ взошла на престолъ. Еще раньше дала она порученіе Меншикову склонить на ея сторону войско и особенно гвардію и, уже взявъ правленіе въ свои руки, старалась постоянно выказать вниманіе къ послѣдней. Императрица сама дѣлала смотры, сама угощала на нихъ водкой гвардейцевъ, въ газетахъ, издававшихся тогда въ Россіи правительствомъ подъ именемъ Курантовъ, появлялись статьи, восхвалявшія любовь и заботы Екатерины о гвардіи, новый прекрасный мундиръ, пожалованный этому войску и т. д.

Учрежденіе Верховнаго Тайнаго Совѣта. Не смотря на увѣренія стоявшихъ за Екатерину породовитыхъ дѣльцовъ Петровскаго времени, что она можетъ наилучшимъ образомъ замѣнить Петра, она далеко къ этому была не способна и не обладала качествами, необходимыми для правительницы, если она хотѣла продолжать дѣло Петра въ томъ же направленіи. Вся власть при немъ была сосредоточена въ его рукахъ, его воля являлась единственнымъ источникомъ закона и всѣ правительственныя учрежденія, не исключая и сената, высшаго изъ нихъ, только творили велѣнія этой воли, не имѣя никакой политической роли. Чтобы удержаться на этой высотѣ при тогдашнемъ далеко не совершенномъ административномъ механизмѣ, надобно было быть въ состояніи вести такую же напряженную дѣятельность, какую развилъ Петръ, но это мало кому было подъ силу и не всегда могло сопровождаться одинаковыми результатами. Екатерина, женщина необразованная и совсѣмъ уже мало свѣдущая въ государственныхъ дѣлахъ, не могла и думать взять на себя этой роли. Она досталась ея главному сторонику и давнишнему другу, князю Меншикову, который и сдѣлался теперь дѣйствительнымъ правителемъ государства, распоряжаясь отъ имени императрицы. Но преданія боярства, игравшаго прежде такую крупную политическую роль, не совсѣмъ еще замерли среди уцѣлѣвшихъ членовъ этого класса. Съ другой стороны уже при Петрѣ его произволъ возбуждалъ мысль объ ограниченіи власти извѣстнымъ кругомъ, о возможности созданія такого учрежденія, которое бы составляло своего рода посредника между верховной властью и остальными учрежденіями и, ограничивая первую, имѣло бы законодательный, политическій характеръ. Эта мысль, возникавшая теперь не среди плотнаго класса, однообразнаго по своему политическому настроенію, а у отдѣльныхъ людей, скоро нашла себѣ случай проявиться и выразиться на дѣлѣ. Самовластіе Меншикова, его произвольныя дѣйствія, гордость и надменность все болѣе оскорбляли другихъ членовъ правительства, по преимуществу же тѣхъ изъ нихъ, которые принадлежали къ старой знати. Это недовольство вырвалось наконецъ наружу въ одномъ изъ засѣданій сената въ 1726 году. Минихъ, продолжавшій завѣдывать работами по сооруженію Ладожскаго канала, обратился

въ сенатъ съ требованіемъ прислать ему для производства этихъ работъ 15.000 солдатъ. Мнѣнія сенаторовъ раздѣлились: одни, и въ томъ числѣ Меншиковъ, находили излишнимъ посылать солдатъ на земляныя работы, предлагая удовольствоваться наемными рабочими, другіе предпочитали удовлетворить желаніе Миниха. Пренія тянулись уже довольно долго, когда Меншиковъ внезапно прекратилъ ихъ, объявивъ, что по волѣ императрицы въ этомъ году ни одинъ солдатъ не будетъ отправленъ на каналъ. Сенаторы обидѣлись: если такова воля императрицы, то почему же одинъ Меншиковъ изъ всѣхъ знаетъ ее и, разъ уже зная, зачѣмъ онъ не объявилъ сразу остальнымъ, а заставилъ долго спорить и потомъ всѣхъ поставилъ въ неловкое положеніе. Недовольные и съ ропотомъ разъѣхались они по домамъ, заявляя, что незачѣмъ стало имъ и въ сенатъ ѣздить и впредь они ѣздить и не будутъ. По Петербургу разошлись однако слухи, что этимъ пассивнымъ протестомъ недовольные ограничиться не думаютъ, что у нихъ уже составляется планъ свергнуть Екатерину и посадить на престолъ Петра и что то и другое будетъ совершено при помощи расположенной въ Малороссіи арміи, надъ которой начальствовалъ кн. Мих. Мих. Голицынъ, братъ кн. Дмитрія Михайловича, ставшаго теперь во главѣ недовольныхъ. Меншиковъ испугался этихъ слуховъ, его другъ и приверженецъ, такой же выслужившійся и незнатный человѣкъ, Толстой сталъ ѣздить къ главнѣйшимъ сенаторамъ и уговаривать. Въ концѣ концовъ обѣ стороны пошли на сдѣлку и, какъ результатъ ея, въ февралѣ 1726 года былъ обнародованъ указъ, учреждавшій Верховный Тайный Совѣтъ. Это новое учрежденіе состояло изъ шести лицъ, равныхъ въ значеніи по закону, но въ него попалъ только одинъ изъ представителей старыхъ боярскихъ родовъ, наиболѣе умный, образованный и выдающійся, именно кн. Дм. Мих. Голицынъ. Остальные были Меншиковъ, Толстой, Апраксинъ, Головкинъ и Остерманъ, четверо выслужившихся русскихъ дѣльцовъ и одинъ иностранецъ; такимъ образомъ этотъ компромиссъ оставилъ въ сущности власть въ рукахъ тѣхъ, кому она принадлежала и раньше. Верховный Совѣтъ долженъ былъ рѣшать всѣ важныя дѣла, не предусмотрѣнныя законами, равно какъ слѣдить за всею внѣшнею политикою, и всѣдствіе этого пріобрѣталъ характеръ высшаго правительственнаго учрежденія съ характеромъ законодательнымъ, какого не имѣлъ сенатъ. Его засѣданія происходили въ присутствіи самой государыни и подъ ея предсѣдательствомъ и впредь никакой указъ не могъ выйти безъ предварительнаго рѣшенія дѣла въ Верховномъ Совѣтѣ.

Въ такомъ видѣ осуществилась эта первая попытка положить преграды господству временщиковъ, попытка, имѣвшая, впрочемъ, очень скромные размѣры. Но, не говоря уже о томъ, что люди родовитые не могли быть особенно довольны личнымъ составомъ

новаго учрежденія, оставлявшимъ власть за Меншиковымъ и его сторонниками, они, да и всѣ другіе вскорѣ уже могли убѣдиться, что это учрежденіе въ данномъ своемъ видѣ не достигаетъ и главной своей цѣли—ограниченія личнаго произвола свѣтлѣйшаго князя. Меншиковъ продолжалъ дѣйствовать по прежнему самовластно, опираясь на волю Екатерины, и тѣхъ, кто рѣшался противиться ему, ожидала жестокая кара. Злоупотребленія и казнокрадство князя Ижорскаго достигли высшей степени. повидимому, и его главнымъ противникамъ, Голицынымъ и Долгорукимъ, оставалось только надѣяться на то, что дѣло измѣнится со смертью Екатерины, когда на престолъ вступитъ внукъ Петра. И эта надежда однако обманула ихъ, когда Меншиковъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ сторонниковъ воцаренія мальчика-Петра.

Вступленіе на престолъ Петра II. Возведеніе на престолъ Екатерины только на время отсрочило ту опасность, какая грозила незнатнымъ дѣльцамъ Петровскаго царствованія отъ воцаренія внука Петрова. Существовали, правда, проекты совершенно устранить его отъ престолонаслѣдія, проекты, которые одно время раздѣляла и сама Екатерина. думая возвести на престолъ старшую свою дочь, выданную замужъ за герцога голштинскаго, но было слишкомъ ясно, что такіе проекты не могутъ осуществиться. Въ хитрой и разсчетливой головѣ нѣмца Остермана зародился тогда новый планъ обезопасить отъ преслѣдованій потомство Петра отъ второй жены, не устраняя отъ престола потомка первой. Онъ собирался именно достичь этого путемъ брака Петра на остававшейся еще не замужемъ второй дочери Екатерины, цесаревнѣ Елизаветѣ, и доказывалъ возможность такого брака, не смотря на близкое родство, между прочимъ и тѣмъ соображеніемъ, что въ первое время существованія человѣческаго рода женились же братья на сестрахъ. Такой союзъ, соединявшій двѣ линіи Петровской семьи, дѣйствительно, казалось, могъ бы принести большія выгоды, но онъ не осуществился въ виду какъ существованія такого близкаго родства, такъ и слишкомъ большого неравенства лѣтъ: Петру въ то время было едва двѣнадцать, Елизаветѣ—уже семнадцать лѣтъ. Чѣмъ дальше шло время, чѣмъ слабѣе становилось здоровье Екатерины. тѣмъ серьезнѣе приходилось наиболѣе усердпымъ ея сторонникамъ задумываться надъ вопросомъ, что будетъ съ ними послѣ ея смерти. Главный изъ нихъ, Меншиковъ, задумалъ рѣшить этотъ затруднительный вопросъ, ставъ на сторону кандидатуры Петра. Такъ какъ послѣдняя представлялась неизбѣжной, то Меншикову оставалось лишь постараться обезпечить свое положеніе и при воцареніи Петра и онъ попытался достигнуть этого черезъ императрицу. Именно составлено было послѣднею завѣщаніе, въ которомъ Меншиковъ назначался регентомъ государства, а будущему императору предписывалось вступить въ бракъ съ одной изъ дочерей

свѣтлѣйшаго князя. Обрученіе состоялось еще при жизни Екатерины и по смерти ея Меншиковъ остался такимъ образомъ главнымъ лицомъ въ государствѣ, а его значеніе, прежде покоившееся исключительно на личномъ фаворѣ, теперь готово было закрѣпиться родственными отношеніями къ императору. Этого послѣдняго однако именно и не случилось: произволъ Меншикова, почувствовавшаго себя полновластнымъ распорядителемъ государства, возстановилъ противъ него всѣхъ, не исключая и самого 12-лѣтняго Петра, единственной же опорой его явилось расположеніе императора. Когда это послѣднее было уже поколеблено поступками правителя, его врагамъ не трудно было окончательно подорвать его значеніе и самимъ выступить на той почвѣ фавора, на которой до того безраздѣльно царилъ Меншиковъ. Въ этой роли выступили именно Долгорукіе, представители иного теченія среди русскихъ государственныхъ людей того времени. Но, расходясь съ Меншиковымъ въ направленіи, они въ своей дѣятельности пользовались тѣми же средствами, шли по тому же пути личнаго возвышенія, а не какихъ-либо государственныхъ реформъ. Кн. Иванъ Долгорукій, юноша по лѣтамъ, служилъ при дворѣ Петра и пріобрѣлъ его любовь и расположеніе, сдѣлался ближайшимъ его другомъ; этой дружбой и воспользовались отецъ Ивана—Алексѣй Григорьевичъ и родственникъ его Василій Лукичъ Долгорукіе для того, чтобы возстановить малолѣтняго императора противъ Меншикова и проложить себѣ путь къ собственному возвышенію. Первое удалось безъ особаго труда: едва 4 мѣсяца прошло со смерти Екатерины, какъ Меншиковъ былъ отрѣшенъ отъ всѣхъ своихъ должностей и чиновъ и отправленъ въ ссылку со всѣмъ своимъ семействомъ, сперва въ Раненбургъ, потомъ въ Березовъ, а всѣ его громадныя богатства были конфискованы. Вмѣстѣ съ тѣмъ подверглись гоненію и многіе изъ бывшихъ его сторонниковъ, людей, шедшихъ съ нимъ за одно; Долгорукіе, возвышаясь сами, тянули за собою и другихъ, сажали на видныя мѣста такихъ людей, въ которыхъ они могли быть увѣрены.

Мѣсто правителей государства заняли теперь, стало быть, другіе люди, выросшіе на иныхъ идеалахъ, питавшіе иные взгляды, чѣмъ ихъ предшественники, и это не замедлило сказаться въ дѣятельности правительства. Явился цѣлый рядъ признаковъ, заставлявшихъ предполагать поворотъ въ этой дѣятельности, стремленіе возвратиться назадъ, къ старымъ порядкамъ. Дворъ переѣхалъ изъ Петербурга, этого излюбленнаго нѣкогда Петровскаго «парадиза», въ Москву и въ этомъ видѣли какъ бы начало отреченія отъ политики, ставившей сближеніе съ Западной Европой главной своею цѣлью. Такое впечатлѣніе еще болѣе усиливалось слухами о готовящейся высылкѣ за границу всѣхъ иностранцевъ, жившихъ въ Россіи, и придавало господству Долгорукихъ какъ бы характеръ господства той національнической

партіи, которая потерпѣла такое полное пораженіе при Петрѣ I. Принадлежа сами несомнѣнно къ этой партіи, Долгорукіе успѣли оттѣснить отъ власти Меншикова и его товарищей, ту фракцію въ средѣ Петровской администраціи, которая состояла изъ дѣятельныхъ пособниковъ и сторонниковъ реформы, и, ставъ на ея мѣсто, неизбѣжно до нѣкоторой степени воплощали въ себѣ иные принципы. Такое воплощеніе было однако далеко не полнымъ въ виду той главной первенствующей цѣли, на которую была направлена ихъ дѣятельность, и тѣхъ условій, которыми она была обставлена. Многочисленный родъ Долгорукихъ не выставилъ въ эту эпоху ни одного дѣйствительно выдающагося государственнаго дѣятеля, который бы руководился ясно сознанными идеями и сообразно имъ направлялъ свою дѣятельность. Самый способный изъ всей семьи, Василій Лукичъ Долгорукій, былъ способнымъ дѣльцомъ, ловкимъ интриганомъ, но не болѣе того, и стремился прежде и больше всего къ достиженію личнаго благополучія; въ этомъ отношеніи съ нимъ не безъ успѣха соперничали и остальные его родственники, далеко уступавшіе ему въ способностяхъ. Наиболѣе одаренъ былъ изъ нихъ нравственнымъ чутьемъ, если не сознательною нравственностью, самъ фаворитъ императора, кн. Иванъ, но и его могло хватить развѣ на то, чтобы укусить подписывавшаго смертный приговоръ Петра II за ухо и тѣмъ наглядно показать ему, какъ непріятна физическая боль. У него не было однако ни выдержки, ни энергіи настолько, чтобы обратить это чутье въ активную силу и проявить послѣднюю на почвѣ государственной дѣятельности. Послѣдняя очень мало и привлекала его къ себѣ, даже своими блестящими сторонами; онъ всему предпочиталъ удовольствіе и веселье, главнымъ образомъ занятъ былъ кутежами, на которые и уходило почти все его время, и благодаря этому на теченіе государственныхъ дѣлъ и не хотѣлъ и не могъ оказывать никакого почти вліянія. Но за этимъ молодымъ человѣкомъ, малообразованнымъ, ограниченнымъ и легкомысленнымъ, хотя по своему честнымъ и привязаннымъ къ императору, стояла цѣлая фаланга родственниковъ, лишенныхъ даже и этихъ, надо сознаться, не особенно значительныхъ, достоинствъ. Всѣ они, до сихъ поръ остававшіеся въ тѣни, страстно жаждали возвышенія, стремились выдвинуться впередъ, достигнуть того положенія, на которое, по ихъ понятіямъ, давала имъ право знатность ихъ рода, и съ этимъ возвышеніемъ у нихъ неизмѣнно связывалась мечта унизить тѣхъ людей, которые столько времени господствовали надъ ними, отдаляя ихъ отъ источниковъ власти, оскорбляя ихъ родовую гордость своимъ незнатнымъ происхожденіемъ. Далѣе этихъ чисто личныхъ плановъ, лишь совпадавшихъ, соприкасавшихся отчасти, но далеко не сливавшихся съ болѣе широкими теченіями, и не шли Долгорукіе. Они усиленно хлопотали о томъ, чтобы провести другъ друга на болѣе высокія мѣста, чтобы захватить

для себя наиболѣе важныя должности, наконецъ, чтобы обогатиться на счетъ государства, вымогая подарки у мальчика-императора. Одинъ Алексѣй Григорьевичъ успѣлъ получить отъ Петра II около 15.000 душъ крестьянъ въ пожалованіе. Такимъ характеромъ стремленій Долгорукихъ обусловливались уже въ значительной степени и тѣ средства, которыя они пускали въ ходъ, чтобы достигнуть своей цѣли. Имъ не было необходимости измѣнять форму правленія для удовлетворенія своихъ желаній, достаточно было пользоваться уже существующей, взявъ ее въ свои руки, составивъ правительство изъ среды лицъ, принадлежавшихъ къ ихъ фамиліи или къ ихъ фракціи. Стоя по преимуществу на почвѣ личныхъ желаній и требованій, они являлись представителями партіи лишь постольку, поскольку эти ихъ личные интересы совпадали со взглядами послѣдней, но не воплощали всѣхъ ея взглядовъ и стремленій, довольствовались утвержденіемъ своего вліянія, не думая объ осуществленіи интересовъ цѣлой группы семействъ и лицъ, не связанныхъ съ ними непосредственно, но подобно имъ стоявшихъ раньше въ затаенной оппозиціи къ правительству. Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ Долгорукіе, не представляя собою партіи, не мечтая о государственныхъ преобразованіяхъ, вышли на ту же дорогу, по которой шелъ раньше ихъ Меншиковъ, и пошли по ней безъ оглядки. Этой дорогой былъ путь личнаго вліянія на императора, путь фавора. Но такъ какъ непадежность этого вліянія слишкомъ бросалась въ глаза, такъ какъ вокругъ мальчика-императора было не мало лицъ, желавшихъ встать въ положеніе Долгорукихъ, то имъ пришлось охранять свое вліяніе путемъ отстраненія всякаго другого. Съ этой цѣлью они, стремясь упрочить расположеніе Петра, предлагали ему одно удовольствіе за другимъ, прервали его ученіе, равно какъ и занятія дѣлами, пристрастили къ охотѣ, наконецъ склонили къ браку съ сестрой кн. Ивана. Исторія Меншикова была такимъ образомъ въ точности повторена ими во всѣхъ своихъ деталяхъ. Не надѣясь на одно свое вліяніе, они попытались закрѣпить его родственными связями. Равнымъ образомъ они подобно тому, какъ это дѣлалъ раньше Меншиковъ, тщательно оберегали Петра отъ всякаго чуждаго имъ вліянія, отстраняли отъ него всѣхъ непадежныхъ лицъ и учредили надъ нимъ своего рода постоянную опеку. Но именно это повело къ тому, что съ ними стала повторяться и другая часть исторіи Меншикова: Петръ почувствовалъ надъ собою опеку и сталъ тяготиться ею. Въ его отношеніяхъ къ объявленной невѣстѣ его, кн. Екатеринѣ Алексѣевнѣ, стала проявляться холодность и сухость, при дворѣ уже поговаривали о возможности близкой опалы на Долгорукихъ, когда 19 января 1730 года внезапная смерть Петра II, простудившагося на катаньѣ, положила конецъ его царствованію, низведя вмѣстѣ съ тѣмъ Долгорукихъ изъ положенія фаворитовъ

въ ряды обыкновенныхъ государственныхъ сановниковъ и разбивъ такимъ образомъ всѣ ихъ планы.

Избраніе императрицы Анны. Въ первый моментъ однако, когда возможность такой будущности обрисовалась передъ Долгорукими, они еще сдѣлали попытку отстранить ее и сохранить за собою добытое положеніе. Какъ только болѣзнь императора пріобрѣла опасный характеръ, они озаботились составленіемъ духовной отъ его имени, духовной, которую, по увѣщаніямъ родственниковъ, подписалъ за Петра кн. Иванъ Алексѣевичъ. Этимъ документомъ наслѣдницей престола на случай смерти Петра назначалась его объявленная невѣста—княжна Екатерина Долгорукая, и фавориты разсчитывали, что у нихъ найдется реальная сила, которая поможетъ имъ обратить въ дѣйствительность содержаніе подложнаго документа. Эту силу они усматривали въ гвардіи, которую считали возможнымъ повести за собою. Когда на семейномъ совѣтѣ, собравшемся во время болѣзни Петра, фельдмаршалъ Василій Владиміровичъ Долгорукій выразилъ сомнѣніе въ возможности сдѣлать княжну Екатерину императрицей, Алексѣй Григорьевичъ возразилъ на это: «ты въ Преображенскомъ подполковникъ, а князь Иванъ маіоръ, и въ Семеновскомъ спорить о томъ будетъ некому». Такъ надежда на поддержку гвардіи, часть которой состояла подъ начальствомъ Долгорукихъ, давала послѣднимъ возможность строить самые смѣлые планы относительно возведенія ихъ родственницы на престолъ, причемъ они и не считали совсѣмъ нужнымъ справляться съ мнѣніями другихъ правительственныхъ лицъ на этотъ счетъ. Вскорѣ однако они должны были убѣдиться, что эти планы зашли уже черезчуръ далеко, что никто не повѣритъ подложному духовному завѣщанію и не станетъ серьезно поддерживать кандидатуру кн. Екатерины. Съ той минуты, какъ они сознали это, необходимо измѣнялась и вся ихъ тактика: не видя возможности удержать исключительно и лично за собою пріобрѣтенное было положеніе у источника власти, они должны были искать союзниковъ, стараться связать свое личное дѣло какъ можно тѣснѣе съ интересами другихъ лицъ, которымъ и сдѣлать для этого соотвѣтственныя уступки. Сила вещей обращала ихъ, слѣдовательно, изъ фаворитовъ въ членовъ партіи, но одновременно съ этимъ и руководящая роль ушла отъ нихъ и перешла къ другимъ лицамъ, именно къ кн. Дм. Мих. Голицыну, истинному автору непосредственно затѣмъ послѣдовавшихъ событій, человѣку, по отношенію къ которому Долгорукіе явились только въ роли исполнителей. Голицынъ, стоявшій въ сторонѣ отъ вліянія и власти при Петрѣ I-мъ и Екатеринѣ, когда правительство держалось политики, не совпадавшей съ его взглядами, не получилъ особаго значенія и при Петрѣ II, такъ какъ въ это время фаворъ Долгорукихъ заслонялъ дорогу всѣмъ остальнымъ. У него много за это время на-

кипѣло на душѣ и онъ составилъ планъ такого государственнаго устройства, при которомъ бы вліяніе и власть прочно сосредоточивались въ рукахъ лицъ, принадлежавшихъ къ старой аристократіи. Проведенію такого плана много содѣйствовало и то обстоятельство, что Верховный Тайный Совѣтъ, это высшее государственное учрежденіе, въ данное время всецѣло находился въ рукахъ двухъ фамилій: изъ восьми его членовъ четверо было Долгорукихъ, два Голицыныхъ. Когда по смерти Петра II Верховный Совѣтъ собрался для разсужденія о томъ, кому долженъ теперь перейти престолъ, Голицынъ и приступилъ къ осуществленію своего плана. По его предложенію Верховный Совѣтъ объявилъ, что потомство Петра I со смертью внука его прекратилось и рѣшилъ передать корону въ потомство ц. Ивана, именно его дочери, Аннѣ Ивановнѣ, герцогинѣ Курляндской. Для верховниковъ при этомъ избраніи дѣло было не только въ аристократическомъ пренебреженіи къ потомству Петра отъ брака съ Екатериною, не въ одной брезгливости, но и въ болѣе широкихъ намѣреніяхъ, скрывавшихся подъ этимъ выборомъ. Анна Ивановна, въ силу его получавшая корону, не могла разсчитывать на послѣднюю сама и потому, какъ слѣдовало ожидать, должна была оказаться сговорчивѣе другихъ наслѣдниковъ. И дѣйствительно, предложивъ ея избраніе, Голицынъ вслѣдъ затѣмъ заявилъ: «ваша воля, кого изволите; только надобно и себѣ полегчить», и на вопросъ одного изъ членовъ: «какъ это себѣ полегчить?» добавилъ: «такъ полегчить, чтобы воли себѣ прибавить». Онъ предложилъ и прямое средство къ этому въ видѣ «пунктовъ», ограничивавшихъ верховную власть, на которые должна была согласиться Анна Ивановна до вступленія своего на престолъ. Проектъ Голицына былъ принятъ остальными членами Верховнаго Совѣта и къ герцогинѣ курляндской вмѣстѣ съ извѣстіемъ объ избраніи на русскій престолъ отправлены были и «пункты» или условія, на которыхъ состоялось это избраніе. Они заключались въ слѣдующемъ: Анна Ивановна должна дать обязательство не вступать въ бракъ и не назначать себѣ наслѣдника; она обязывается править вмѣстѣ съ Верховнымъ Совѣтомъ, безъ его согласія не начинать войны и не заключать мира, не назначать новыхъ податей и не расходовать государственныхъ доходовъ, не жаловать имѣній, придворныхъ чиновъ и чиновъ военныхъ выше полковника; ни одинъ дворянинъ не можетъ подвергнуться лишенію жизни, чести или имущества иначе, какъ по приговору суда; управленіе войскомъ, и въ частности гвардіей, находится въ рукахъ Верховнаго Совѣта. Эти условія, на которыя, какъ и предполагалъ Голицынъ, Анна Ивановна, не видя другого способа получить корону, дала свое согласіе, передавали верховную власть въ государствѣ отъ императора Тайному Совѣту, составленному изъ восьми лицъ и ничѣмъ не связанному ни съ массой

населенія, ни даже съ остальнымъ шляхетствомъ. Это была попытка обломковъ старой аристократіи возсоздать свое значеніе, воспользовавшись благопріятными обстоятельствами, случайно доставившими имъ первенствующее положеніе и, какъ таковая, она вызвала рѣзкій протестъ противъ проекта верховниковъ, какъ ихъ теперь стали называть, со стороны шляхетскихъ круговъ. Протестъ этотъ не былъ однако совершенно одинаковъ, не шелъ весь въ одномъ направленіи, а замѣтно раздвоился на два главныя теченія. Первое носило чисто отрицательный характеръ по отношенію къ замысламъ верховниковъ, стремилось отстоять старый порядокъ отъ ихъ покушеній, такъ какъ люди, его составлявшіе, видѣли въ этихъ покушеніяхъ будущую олигархію. «Слышно здѣсь, писалъ въ это время изъ провинціи въ Москву Волынскій, что дѣлается у васъ или уже и сдѣлано, чтобы быть у насъ республикѣ. Я зѣло въ томъ сумнителенъ. Боже сохрани, чтобъ не сдѣлалось вмѣсто одного самодержавнаго государя десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій! И такъ мы, шляхетство, совсѣмъ пропадемъ и принуждены будемъ горше прежняго подолопоклонничать и милости у всѣхъ искать, да еще и искать будетъ трудно». Безусловнымъ противникомъ замысловъ верховниковъ явился и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ и многіе другіе изъ шляхетства. Но не все шляхетство остановилось на отрицаніи проекта верховниковъ, часть его пошла дальше и вступила на путь активныхъ политическихъ дѣйствій. Обстоятельства благопріятствовали движенію, развивавшемуся среди сословія: значительное количество дворянъ съѣхалось въ это время въ Москву ради предполагавшейся свадьбы Петра II и послѣ смерти его, оставшись здѣсь, было увлечено въ водоворотъ политическихъ событій. Возможность легкаго общенія другъ съ другомъ облегчала и возможность совокупныхъ дѣйствій, а слухи о проектѣ верховниковъ, направленномъ на ограниченіе самодержавной власти, возбуждали по крайней мѣрѣ въ части этихъ дворянъ желаніе произвести такое же ограниченіе въ своихъ интересахъ, оградить себя отъ возможности того произвола, который такъ часто и такъ тяжело падалъ на нихъ и обезпечить себѣ участіе въ управленіи государствомъ. Вскорѣ уже это движеніе приняло значительные размѣры. Москва закипѣла кружками, вырабатывавшими свои проекты государственнаго устройства и дѣятельно разыскивавшими себѣ адептовъ и соучастниковъ. Въ короткое время составилось 12 такихъ особыхъ проектовъ, подъ которыми въ общей сложности насчитывалось до 1.000 подписей, и всѣ они вели къ ограниченію самодержавія въ пользу шляхетства. По одному изъ нихъ, пользовавшемуся, повидимому, наибольшею популярностью, въ государствѣ должно было быть два главныхъ учрежденія, которыя бы дѣлили съ императрицей ея власть: сеймъ, которому принадлежала бы власть законодательная, и сенатъ въ количествѣ

30 членовъ, избираемыхъ шляхетствомъ и генералитетомъ, т. е. высшими военными и гражданскими сановниками; сенатъ этотъ долженъ былъ сосредоточивать въ себѣ собственно управленіе государствомъ, вмѣстѣ съ императрицей, предсѣдательствовавшей въ немъ, но пользовавшейся всего тремя голосами при рѣшеніи дѣлъ. Такимъ образомъ въ то время, какъ одна часть шляхетства глухо волновалась при вѣсти о замыслахъ верховниковъ и готовилась стать на защиту самодержавія, другая, не менѣе сильно протестуя противъ плановъ олигархіи, замышляла пересоздать государственное устройство въ свою пользу и добиться болѣе или менѣе широкихъ политическихъ правъ. Въ виду этого общаго протеста верховники не могли уже разсчитывать удержаться однѣми собственными силами и пошли на уступки. Ихъ идейный глава, кн. Голицынъ, составилъ новый планъ устройства имперіи. И по этому новому плану управленіе государствомъ и верховная власть въ немъ должны были покоиться въ рукахъ Верховнаго Совѣта, тогда какъ императрица завѣдывала бы только своимъ дворомъ. Но Верховный Совѣтъ долженъ былъ состоять уже изъ 10 или 12 членовъ знатнѣйшихъ фамилій имперіи. Еще важнѣе было то, что къ нему по этому плану присоединялись новыя учрежденія, границы компетенціи которыхъ не были однако точно обозначены. Первымъ изъ такихъ учрежденій былъ сенатъ, который состоялъ бы изъ 36 членовъ и предварительно обсуждалъ всѣ дѣла, поступавшія на окончательное рѣшеніе въ Верховный Совѣтъ. За нимъ слѣдовали шляхетская камера изъ 200 членовъ, избираемыхъ шляхетствомъ, охраняющая права послѣдняго отъ покушенія со стороны Верховнаго Совѣта, и городская камера, которая, состоя изъ представителей городовъ, завѣдывала бы торговыми и промышленными дѣлами и блюла за интересами простого народа. Но и этотъ планъ, въ которомъ интересамъ нѣсколькихъ знатныхъ фамилій давался все-таки рѣшительный перевѣсъ надъ интересами остальной массы шляхетства, могущей лишь пассивно охранять свои права, не примирилъ послѣднюю съ верховниками и заставилъ ее ожидать исполненія своихъ требованій отъ самой императрицы. Между тѣмъ не дремала и партія сторонниковъ самодержавія, къ которой примкнули и всѣ администраторы-нѣмцы, а во главѣ ихъ Остерманъ. Аристократическія притязанія Голицыныхъ и Долгорукихъ съ ихъ націоналистическимъ оттѣнкомъ, ихъ явная нелюбовь ко всему иностранному, слухи объ угрозахъ ихъ выслать изъ Россіи всѣхъ иностранцевъ, все это заставляло нѣмцевъ становиться на сторону приверженцевъ самодержавія. Уже въ Митаву Аннѣ посылались подъ рукою извѣщенія о разногласіяхъ верховниковъ съ шляхетствомъ, о томъ, что большинство послѣдняго стоитъ за сохраненіе самодержавія и что въ виду этого, можно будетъ уничтожить подписанные было Анной «пункты». Съ пріѣздомъ Анны въ Москву сношенія ея съ людьми, хлопо-

тавшими о возстановленіи самодержавія, сдѣлались еще дѣятельнѣе и не могли быть прекращены, не смотря на всѣ усилія Долгорукихъ. На сторонѣ этой партіи оказалась и гвардія и это дало ей окончательный перевѣсъ. 25 февраля гвардейскіе офицеры во дворцѣ бросились на колѣна передъ Анной Ивановной со словами: «Государыня, мы вѣрные подданные Вашего Величества, вѣрно служили прежнимъ великимъ государямъ и сложимъ свои головы на службѣ Вашего Величества, но мы не потерпимъ, чтобы Васъ притѣсняли. Прикажите, и мы принесемъ къ Вашимъ ногамъ головы Вашихъ злодѣевъ». Вслѣдъ за тѣмъ и дворяне просили императрицу уничтожить пункты верховниковъ и принять въ свои руки самодержавное правленіе, присоединяя однако къ этому желаніе, чтобы мѣста сенаторовъ, губернаторовъ и президентовъ коллегій замѣщались по выборамъ шляхетства.

Анна Ивановна исполнила первую половину этой просьбы, разорвала подписанныя ею условія верховниковъ, но оставила безъ вниманія вторую. Самодержавіе такимъ образомъ было возстановлено и конституціонныя мечтанія части русскаго дворянства не нашли себѣ осуществленія. Голицынъ похоронилъ свою неудавшуюся попытку словами: «Трапеза была уготована, но званые оказались недостойными ея. Я знаю, что надъ жертвой неудачи этого дѣла. Такъ и быть: пострадаю за отечество,—мнѣ уже немного остается жить; но тѣ, которые заставляютъ меня плакать, будутъ плакать дольше моего».

Не нужно было быть пророкомъ, чтобы сдѣлать такое предсказаніе. Верховный Тайный Совѣтъ былъ уничтоженъ императрицей. Черезъ нѣсколько дней Долгорукіе отправились въ ссылку; нѣкоторые изъ нихъ умерли въ ней, нѣкоторые были казнены черезъ нѣсколько лѣтъ, когда случайно всплыло дѣло о составленной ими подложной духовной. Самъ кн. Дм. Голицынъ сперва остался цѣлъ, но черезъ нѣсколько лѣтъ добрались и до него и, преданный суду за злоупотребленія по службѣ, онъ умеръ въ заточеніи. Паденіе верховниковъ и ихъ замысловъ было полное...

37-я и 38-я ЛЕКЦІИ.

Политика Анны и господство иноземцевъ при дворѣ. Анна Ивановна сдѣлалась самодержавною императрицей всея Россіи, но одинъ этотъ фактъ, рѣшившій вопросъ о формѣ правительства, не рѣшилъ еще самъ по себѣ другого вопроса—о направленіи его политики. И рѣшенъ былъ этотъ послѣдній не столько личными вкусами и взглядами самой Анны, которая, проживъ много лѣтъ въ нѣмецкой странѣ—Курляндіи, научилась только понимать нѣмецкій языкъ, но не могла говорить на немъ свободно, сколько обстоятельствами, сложившимися помимо ея воли, отчасти даже до появленія ея въ Россіи въ качествѣ императрицы. Въ той борьбѣ, какая началась по смерти Петра I между бывшими его сотрудниками, борьбѣ изъ-за власти въ государствѣ, постепенно сошли со сцены государственной жизни наиболѣе видные дѣятели: многіе изъ нихъ были устранены успѣхами Меншикова, многіе при паденіи этого послѣдняго раздѣлили съ нимъ его судьбу, наконецъ пораженіе, понесенное Долгорукими и Голицыными, отстранило отъ власти эти знатнѣйшія фамиліи тогдашней Россіи и ихъ приверженцевъ. На мѣсто, очистившееся и ставшее вакантнымъ съ удаленіемъ всѣхъ этихъ соперниковъ, выдвинулся третій слой сотрудниковъ Петровской дѣятельности, при самомъ Петрѣ бывшій хотя и замѣтнымъ, но не пользовавшійся особенно большимъ вліяніемъ на ходъ государственныхъ дѣлъ, занимавшій второстепенное мѣсто, именно служилые иноземцы. Они становятся теперь въ свою очередь у кормила правленія, дѣлаются руководителями государственной политики и во главѣ ихъ стоятъ два знакомыя уже намъ лица, Остерманъ и Минихъ. Сынъ вестфальскаго пастора, Генрихъ-Іоганнъ Остерманъ, обратившись въ Андрея Ивановича Остермана, сдѣлался вмѣстѣ съ тѣмъ барономъ и членомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Втеченіе всего того времени, какое послѣдовало за кончиной Петра I, онъ неспѣшно и осторожно, но вмѣстѣ рѣшительно повышался и, примкнувъ при воцареніи Анны Ивановны къ партіи сторонниковъ самодержавія, этимъ шагомъ еще упрочилъ свое положеніе. Его

главнымъ поприщемъ были дѣла дипломатическія, тогда какъ на другомъ поприщѣ внѣшнихъ сношеній Россіи—военномъ занялъ наиболѣе видное положеніе также одинъ изъ сотрудниковъ Петра, хотя изъ наиболѣе позднихъ—Минихъ, изъ инженера, занятаго постройкой Ладожскаго канала, обратившійся въ славнаго полководца. Иностранцамъ, служившимъ русскому правительству, естественно было въ вопросѣ о формѣ правленія встать на сторону неограниченной власти, которая могла возвысить ихъ до первенствующаго значенія, естественно было и враждовать съ проектами ограниченія этой власти, особенно, когда эти проекты соединялись съ такою враждою къ иноземцамъ вообще, какая отличала Долгорукихъ и Голицыныхъ. Понятно поэтому, что наиболѣе выдающіеся представители этихъ иностранцевъ, Остерманъ и Минихъ, встали на сторону императрицы Анны, а первый изъ нихъ явился и дѣятельнымъ помощникомъ ея въ дѣлѣ возстановленія самодержавія, поскольку оно происходило на почвѣ придворныхъ интригъ. Ставъ во главѣ сторонниковъ Анны, эти люди сдѣлались затѣмъ и членами ея правительства.

Но вскорѣ уже значеніе ихъ стало сильно меркнуть передъ новой звѣздой, появившейся на горизонтѣ русскаго двора. Этой звѣздой былъ нѣкій Эрнстъ-Іоганнъ Биренъ или Бирономъ, считавшій себя курляндскимъ дворяниномъ и приблизившійся къ Аннѣ Ивановнѣ, когда она жила еще въ Митавѣ въ качествѣ герцогини Курляндской. Принадлежалъ онъ къ числу искателей приключеній, какихъ много было и бываетъ во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, но которые въ 18-мъ вѣкѣ особенно охотно стекались къ русскому двору, надѣясь составить себѣ здѣсь быструю фортуну. И Биронъ еще при жизни Петра В. стремился пристроиться при его дворѣ, думая вступить на службу къ его невѣсткѣ, женѣ Алексѣя Петровича, но не успѣлъ въ этомъ. Тогда онъ постарался устроиться въ другомъ мѣстѣ, именно при дворѣ герцогини курляндской, и здѣсь его старанія увѣнчались большей удачей. Назначенный конюшимъ Анны Ивановны, онъ вскорѣ пріобрѣлъ ея расположеніе и сдѣлался первымъ ея довѣреннымъ лицомъ. Когда по восшествіи на престолъ имп. Екатерины изъ Курляндіи отправились депутаты принести ей поздравленія, и Биронъ попалъ въ ихъ число. Но расположеніе курляндской герцогини само по себѣ было еще не достаточно сильно, чтобы возвысить человѣка, ничѣмъ не отличавшагося и вмѣстѣ худороднаго, и Биронъ не замедлилъ испытать это на себѣ. Два другіе депутата заявили императрицѣ, что для нихъ оскорбительно участіе въ депутаціи человѣка, дворянское происхожденіе котораго подвержено сомнѣнію, и Екатерина должна была устранить Бирона отъ аудіенціи, которая дана была его товарищамъ. Анна не могла исправить оскорбленія, нанесеннаго ея любимцу, но она по крайней мѣрѣ и не лишила его своего довѣрія. Когда

верховники подняли вопросъ объ избраніи на русскій престолъ Анны, они предвидѣли возможность появленія съ нею въ Россіи и Бирона и вліянія его на дѣла, но постарались устранить это, обязавъ Анну не брать съ собою его въ Москву. Биронъ однако самъ явился сюда слѣдомъ за Анной, а когда рухнули обязательства, наложенныя на послѣднюю верховниками, съ ними исчезла и послѣдняя преграда его вліянію и въ его лицѣ создался новый временщикъ въ Россіи, господство котораго пріобрѣло особенно ощутительный и оскорбительный характеръ благодаря его нраву и происхожденію. Человѣкъ гордый и надменный, онъ упивался легко доставшеюся ему властью, презиралъ страну, въ которой онъ этой власти достигъ, презиралъ народъ, эксплуатація котораго дала ему богатство и могущество. Своекорыстный и честолюбивый, онъ имѣлъ въ виду только собственное обогащеніе и возвышеніе и считалъ совершенно излишнимъ заботиться еще о благѣ кормившей его страны. Къ тому же онъ лишенъ былъ всякаго серьезнаго образованія, хотя и обладалъ нѣкоторыми спеціальными познаніями, главнымъ образомъ по коннозаводской части, что въ связи съ его грубостью въ обращеніи и отзывахъ о людяхъ подало поводъ говорить про него, что онъ о лошадяхъ говоритъ, какъ человѣкъ, но о людяхъ, какъ лошадь. Явное презрѣніе, выказываемое Бирономъ ко всему русскому, неизбѣжно должно было возстановлять противъ него русское общество и недовольство послѣдняго должно было еще усилиться благодаря тому, что въ лицѣ Бирона оно имѣло дѣло съ человѣкомъ, говоря появившимся уже тогда терминомъ, «подлороднымъ». Нѣмецъ сомнительнаго происхожденія замѣнилъ во главѣ управленія знатные русскіе роды и людей, выдвинувшихся при первомъ императорѣ, и какое впечатлѣніе выносили изъ этого факта русскіе люди, можно видѣть между прочимъ изъ того, что Наталья Борисовна Долгорукая старается увѣрить въ своихъ запискахъ, будто отецъ Бирона былъ сапожникомъ и шилъ сапоги на ея отца, фельдмаршала Шереметева.

Такой видъ приняло положеніе правительства. Не слѣдуетъ думать, что тутъ была какая-либо новость въ самой сущности правительственной власти, въ ея политической практикѣ. Съ возвращеніемъ Аннѣ самодержавія возстановленъ былъ лишь старый принципъ этой власти и даже внѣшнія формы ея проявленія не измѣнились. Въ самомъ дѣлѣ, хотя мартовскимъ указомъ 1730 г. и былъ уничтоженъ Верховный Тайный Совѣтъ, попытавшійся ограничить власть императрицы, но уже вскорѣ на его мѣсто появилось учрежденіе вполнѣ аналогичное, только подъ инымъ названіемъ Кабинета. Члены этого новаго учрежденія, именовавшіеся кабинетъ-министрами, составляли при императрицѣ совѣтъ, подобно прежнему Верховному, восполнявшій пространство между высшею правительственною властью и административными учреж-

деніями, но подобно ему же являвшійся въ сущности лишь простымъ орудіемъ въ рукахъ временщика. Новость заключалась такимъ образомъ не въ сущности власти, не въ ея формахъ даже, а въ той группѣ людей, къ которымъ теперь эта власть перешла и во главѣ которыхъ стоялъ Бирономъ. Временщичество, воплощенное такимъ образомъ, возбуждало не только чисто политическія стремленія, не только даже оскорбляло личную гордость родовитыхъ людей, оно задѣвало еще и гораздо болѣе чувствительную струну—національное самолюбіе. Появленіе нѣмцевъ во главѣ правленія, замѣщеніе ими наиболѣе важныхъ должностей, господство ихъ при дворѣ вызываютъ на сцену оскорбленную національную гордость и, быстро разростаясь, чувство это скоро въ значительной степени закрываетъ собою всѣ другія. Протестъ противъ нѣмцевъ и ихъ господства въ Россіи заслоняетъ протестъ противъ тѣхъ условій, которыя создавали временщиковъ. Послѣдніе бывали и до Бирона, но они при всѣхъ своихъ недостаткахъ были своими людьми, Бирономъ же являлся чужимъ и это дѣлало направленный противъ него протестъ исключительнымъ и рѣзкимъ, связывая его съ народнымъ самолюбіемъ.

Такое концентрированіе недовольства на вопросѣ о національности лицъ, стоявшихъ во главѣ правительства, можно было замѣтить уже при жизни императрицы Анны и особенно ярко сказалось оно въ извѣстномъ дѣлѣ Волынскаго. Артемій Петровичъ Волынскій, одинъ изъ младшихъ сотрудниковъ Петра, человѣкъ способный и талантливый, но принадлежавшій къ администраторамъ такого рода, какіе вызвали въ Петрѣ въ послѣдніе годы его жизни желаніе издать указъ о смертной казни всѣмъ ворамъ, въ царствованіе Анны быстро возвысился и сталъ въ первомъ ряду государственныхъ дѣятелей. Не отличаясь высокимъ нравственнымъ уровнемъ, онъ обладалъ однако недюжиннымъ умомъ и обращалъ большой интересъ на вопросы политическаго характера. Недовольный положеніемъ дѣлъ и дѣйствіями императрицы, онъ находилъ неудобство и во всемъ тогдашнемъ политическомъ строѣ Россіи, подумывалъ объ его исправленіи, составлялъ даже проекты такого исправленія, клонившіеся къ ограниченію самодержавной власти, но сильнѣе всего говорило въ немъ чувство оскорбленнаго національнаго самолюбія, заставлявшее его видѣть главное зло въ господствѣ нѣмцевъ. Поэтому и основною цѣлью своей дѣятельности онъ поставилъ борьбу съ этимъ господствомъ, поведя ее на той же почвѣ, на которой оно создалось, т. е. на почвѣ придворнаго фавора, и оставивъ въ сторонѣ свои болѣе широкіе политическіе планы. Попытка его не удалась: императрица, сперва къ нему благоволившая, отняла у него свое расположеніе, какъ только замѣтила, что онъ старается возстановить ее противъ Бирона и Остермана, и Волынскій былъ предоставленъ мщенію своихъ враговъ. Преданный суду по обвиненію

въ различныхъ злоупотребленіяхъ, въ неуваженіи къ императрицѣ и Бирону, онъ былъ казненъ смертью и вмѣстѣ съ нимъ пострадало нѣсколько друзей его, раздѣлявшихъ его замыслы о необходимости свергнуть владычество нѣмцевъ въ правительствѣ.

Бирономъ и вся партія, однимъ изъ представителей которой онъ былъ, крѣпко держались въ своемъ положеніи. Но это положеніе, исходной точкой котораго было то же самое, что создавало и предшествовавшія правительства, т. е. личный фаворъ составлявшихъ ихъ лицъ, могло сразу измѣниться со смертью императрицы Анны и неоднократные уже примѣры такихъ измѣненій должны были побуждать членовъ партіи стараться упрочить свое положеніе. Возникавшій вопросъ о престолонаслѣдіи былъ разрѣшенъ волей Анны Ивановны въ пользу потомства царя Ивана. Именно дочь старшей сестры Анны, Екатерины Ивановны, принцесса мекленбургская Анна Леопольдовна была выдана за принца брауншвейгскаго Антона-Ульриха и родившійся отъ этого брака сынъ, названный Иваномъ, и былъ назначенъ наслѣдникомъ престола. Но это назначеніе не обезпечивало еще интересовъ нѣмецкой партіи въ правительствѣ. Бирономъ по смерти послѣдняго изъ Кетлеровъ въ 1737 году тѣми самыми курляндскими дворянами, которые не хотѣли раньше признать его правъ на дворянство, былъ избранъ герцогомъ подъ давленіемъ русскихъ войскъ, но такое избраніе не давало ему независимаго положенія. Напротивъ того, онъ и герцогомъ могъ оставаться только до тѣхъ поръ, пока сильно было его вліяніе въ Россіи, пока онъ могъ распоряжаться русскими штыками. Въ самой же Россіи онъ возбудилъ противъ себя наибольшее недовольство и потому наиболѣе долженъ былъ и опасаться измѣненія въ своемъ положеніи со смертью Анны Ивановны. Бирономъ и предпринялъ дѣйствія, съ помощью которыхъ должно было быть обезпечено его участіе въ правительствѣ и по смерти императрицы, когда обнаружилось, что послѣдняя уже недалеко. Съ помощью угодливыхъ кабинетъ-министровъ Бирономъ представилъ императрицѣ просьбу о назначеніи его регентомъ на время малолѣтства Ивана Антоновича. Анна, оказавшаяся въ этомъ случаѣ болѣе прозорливою, чѣмъ ея любимецъ, долго отказывалась исполнить эту просьбу, но наконецъ согласилась и подписала назначеніе Бирона регентомъ. 17 октября 1740 года умерла Анна Ивановна; императоромъ въ силу ея духовной былъ провозглашенъ младенецъ Иванъ, а регентомъ герцогъ курляндскій Бирономъ.

Дальнѣйшіе перевороты. Недовольство не замедлило сказаться тотчасъ же за этимъ провозглашеніемъ, проявившись прежде всего въ толкахъ о ненормальности такого положенія, при которомъ пріѣзжій нѣмецъ управлялъ Россіей, а отецъ и мать императора оказывались отстраненными отъ дѣлъ. Такіе толки велись во всемъ Петербургѣ, но особенно рѣшительный характеръ принимали они въ

средѣ гвардейскихъ полковъ, гдѣ не прочь были перейти и къ дѣйствіямъ. Гвардейскій подполковникъ Пустошкинъ собралъ вокругъ себя цѣлый кружокъ гвардейцевъ, убѣжденныхъ въ необходимости свергнуть Бирона, велъ дѣятельную пропаганду въ этомъ смыслѣ и наконецъ обратился къ кабинетъ-министру Черкаскому съ предложеніемъ объявить Бирона лишеннымъ регентства и передать послѣднее въ руки отца императора. Черкаскій, правда, не осмѣлился на это и выдалъ какъ самого Пустошкина, такъ и его товарищей, но постигшее ихъ наказаніе не остановило начавшагося движенія: ропотъ среди гвардіи продолжался и принималъ все болѣе угрожающій характеръ. Самъ Биронъ понималъ все значеніе этого ропота и думалъ принять мѣры для подавленія его: «зачѣмъ рядовые гвардіи изъ дворянъ? говорилъ онъ.— дворянъ можно перевести офицерами въ гвардейскіе полки, набравъ на ихъ мѣсто въ гвардію изъ простаго народа». Съ цѣлью предупредить возможность движенія гвардіи въ Петербургъ введено было для карауловъ 6 армейскихъ баталіоновъ. Но эта мѣра не спасла Бирона отъ паденія. Волненіе сдѣлалось уже настолько серьезнымъ и всеобщимъ, что вспышка была неизбѣжна и вопросъ былъ только въ томъ, кто встанетъ во главѣ движенія и въ чью пользу оно обратится. На первый разъ имъ воспользовался Минихъ въ интересахъ Анны Леопольдовны. Исключительное возвышеніе и господство Бирона подготовило раздоръ среди самой нѣмецкой правительственной партіи, вооружило противъ него Миниха и Остермана въ то самое время, какъ грубый деспотизмъ герцога курляндскаго заставилъ самое Анну Леопольдовну и ея мужа опасаться насильственныхъ дѣйствій съ его стороны. Съ ротой преображенцевъ Минихъ арестовалъ Бирона и вслѣдъ затѣмъ регентство было передано Аннѣ Леопольдовнѣ, провозглашенной императрицею. Этимъ не кончились еще интриги въ придворной сферѣ: Остерманъ, задумывавшій сдѣлать императоромъ Антона-Ульриха, успѣлъ отстранить Миниха отъ вліянія, такъ что оскорбленный фельдмаршалъ подалъ въ отставку, разсчитывая напугать этимъ правительство, но противъ его ожиданія просьба его была принята.

Во всякомъ случаѣ результатъ переворота, какъ тотчасъ послѣ его совершенія, такъ и по замѣнѣ уже Миниха Остерманомъ во главѣ правительства, одинаково не соотвѣтствовалъ тѣмъ ожиданіямъ, съ какими этотъ переворотъ начинался, тѣмъ чувствамъ и стремленіямъ, во имя которыхъ онъ былъ произведенъ. Эти чувства и стремленія носили по преимуществу національный характеръ, заключались въ оскорбленномъ самолюбіи общества, увидавшаго надъ собою чуждое господство, и состоявшаяся перемѣна въ правительствѣ не могла удовлетворить ихъ. Минихъ и Остерманъ, Анна Леопольдовна и Антонъ-Ульрихъ съ точки зрѣнія этихъ стремленій равно представлялись чужими людьми, вла-

дычество которыхъ заключало въ себѣ нѣчто унизительное. Господство этихъ иноземцевъ, продолжавшееся и теперь, какъ и во все царствованіе Анны, невольно заставляло оглядываться назадъ, въ прошлое, на время Петра, когда русскіе люди учились у иностранцевъ, но не отдавали имъ въ управленіе свое государство, и такія воспоминанія пріобрѣтали тѣмъ болѣе жгучій интересъ, что рядомъ съ правительствомъ, составленнымъ по преимуществу изъ нѣмцевъ, стояла лишенная правъ принцесса, дочь Петра В., Елизавета Петровна. Въ ея лицѣ имѣлся готовый кандидатъ на престоль, личность, на которой могли сосредоточиться симпатіи къ своему, родному, стремленіе провести національный элементъ въ правительство. Она представлялась жертвой тѣхъ самыхъ порядковъ, которые такъ назойливо уже 10 лѣтъ давали себя знать русскому обществу въ лицѣ нѣмецкихъ временщиковъ, и этого для общества было достаточно, чтобы отожествить ея фигуру со своими интересами, направить на нее всѣ свои симпатіи, съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ самомъ особенно сильно стало сказываться національное самолюбіе. «Не обидно ли?—говорилось въ гвардіи уже во время непродолжительнаго регентства Бирона.—Вотъ чего императоръ Петръ I въ Россійской имперіи заслужилъ: короновапнаго отца дочь, государыня цесаревна, отставлена!» Съ паденіемъ Бирона и установленіемъ регентства Анны Леопольдовны такіе разговоры не прекратились. Стало быть, въ результатѣ движенія, возбужденнаго оскорбленіемъ національныхъ чувствъ за время имп. Анны, Бирона и Анны Леопольдовны, общество выдвигало новаго кандидата на корону. Присмотримся же къ самой личности этого кандидата.

Дочь Петра и Екатерины, Елизавета провела свое дѣтство по преимуществу на попеченіи нянь: отецъ ея почти постоянно былъ въ разъѣздахъ, мать очень часто его сопровождала. Вліяніе этого первоначальнаго воспитанія всю жизнь сказывалось на Елизаветѣ, уже и въ преклонныхъ годахъ страстно любившей всякія сказки и не могшей заснуть иначе, какъ подъ разсказы нарочно для этого собранныхъ женщинъ. Сказалось это вліяніе и тѣмъ, что снабдило Елизавету массой предразсудковъ и суевѣрій, и тѣмъ еще наконецъ, что его нѣжащая обстановка развила въ ней мягкость и нерѣшительность характера, глубокую женственность нрава. Это вліяніе не устранено было и полученнымъ затѣмъ Елизаветою образованіемъ, тѣмъ болѣе, что послѣднее было не особенно серьезно и шло немногимъ развѣ далѣе изученія языковъ. Елизавета говорила на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, знала отчасти итальянскій, но, и сдѣлавшись уже императрицей, она все еще была убѣждена, что въ Англію можно проѣхать сухимъ путемъ. Ни воспитаніе первыхъ лѣтъ, ни образованіе, ни послѣдовавшая затѣмъ привольная и спокойная жизнь при отцѣ и матери въ качествѣ уже взрослой дѣвушки не способствовали

выработкѣ въ ней честолюбія или даже простой энергіи. Въ ней, и дѣйствительно, не было и тѣни ни той грозной силы характера, той непреклонной, все ломающей воли, которая такъ отличала ея отца, ни того мягкаго, но настойчиваго упорства, съ какимъ преслѣдовала свои цѣли мать ея. Екатерина изъ положенія простой крестьянки взошла постепенно на тронъ, Елизавета съ трона спускается въ положеніе частнаго человѣка и не особенно тяготится этимъ. При жизни отца ее прочили въ наслѣдницы престола, по смерти его и матери она оказалась отодвинутой отъ трона, но пользовалась полной свободой. Она поселяется въ селѣ Покровскомъ близъ Москвы и живетъ здѣсь, развлекаясь охотой на волковъ и хороводами крестьянскихъ дѣвушекъ, въ которыхъ и сама принимаетъ участіе. Такъ проходятъ для нея три года царствованія Петра II-го и смерть послѣдняго со всѣми сопровождавшими ее событіями не вызвала никакихъ дѣйствій со стороны Елизаветы. Она не сдѣлала ни малѣйшей попытки защитить свои права на престолъ, довольствуясь своимъ положеніемъ. Но воцареніе Анны Ивановны многое измѣнило въ этомъ положеніи. Эта императрица, происходившая изъ другой линіи царствующаго дома, видѣла въ Елизаветѣ свою соперницу, опасалась враждебныхъ дѣйствій съ ея стороны и потому все болѣе стѣсняла ея свободу, окружала ее шпіонами и довела до того, что одно время Елизавета начала уже думать о постриженіи, какъ объ единственно возможномъ выходѣ. Правленіе Анны Леопольдовны не принесло съ собою никакой перемѣны къ лучшему для Елизаветы: и теперь на тронѣ былъ потомокъ царя Ивана, и теперь ея существованіе являлось помѣхой для правительства, такъ какъ она могла выступить въ роли претендентки. Поэтому и теперь она должна была испытывать рядъ оскорбленій и униженій, имѣвшихъ своей цѣлью отодвинуть ее въ тѣнь, уменьшить и ослабить значеніе, какое ей могли придавать. Мало того, что ей приходилось жить подъ постояннымъ надзоромъ, что всѣ ея дѣйствія вызывали подозрѣніе, что люди, съ которыми ей случалось сближаться, гибли въ ссылкѣ,—и непосредственно ей самой стала грозить опасность, по меньшей мѣрѣ, заключенія въ монастырь, такъ какъ правительство Анны Леопольдовны, чувствуя свою шаткость, все болѣе недоброжелательными глазами смотрѣло на нее и начинало помышлять объ окончательномъ устраненіи ея съ политическаго горизонта тѣмъ или инымъ путемъ, что въ свою очередь не могло остаться неизвѣстнымъ Елизаветѣ. Ей предстояла такимъ образомъ альтернатива: сойти со сцены политической жизни, удалившись въ монастырь, или попытаться свергнуть правительство и самой встать на его мѣсто. Она не была подготовлена къ политической дѣятельности и не чувствовала къ ней никакого призванія, но рѣшительный отказъ отъ нея влекъ теперь за собою слишкомъ мрачную будущность. Благодаря такой

постановкѣ личнаго положенія Елизаветы у нея находилось много точекъ соприкосновенія съ движеніемъ, шедшимъ въ обществѣ: то самое обстоятельство, которое такъ задѣвало самолюбіе русскаго общества, вынудило и Елизавету выйти изъ своего бездѣйствія; цѣли и стремленія были у цесаревны общія съ патріотами, возмущавшимися нѣмецкимъ владычествомъ. Не Елизавета однако управляла обстоятельствами, а ее выдвигали впередъ обстоятельства, ей давало силу совпаденіе ея интересовъ съ общественнымъ движеніемъ. Благодаря такому совпаденію изъ этого движенія легко родился заговоръ: вокругъ Елизаветы собрался кружокъ лицъ, желавшихъ видѣть ее на престолѣ, лицъ, принадлежавшихъ уже къ новому поколѣнію, проникнутому національнымъ самолюбіемъ и не имѣвшему ничего общаго съ остатками Петровской администраціи, группировавшимися въ правительствѣ; тутъ были гвардейцы Воронцовы, Шуваловъ, Грюнбергъ, пѣвчій Разумовскій, наконецъ докторъ Лестокъ. Всѣ они поддерживали дѣятельныя сношенія съ гвардейскими полками, пастраивая ихъ въ пользу Елизаветы.

Эти внутреннія отношенія перепутались съ отношеніями внѣшними, которыя ускорили взрывъ. Франція старалась въ это время отвлечь Россію отъ союза съ Австріей и ея посланникъ въ Петербургѣ, Шетарди, не надѣясь успѣть въ своихъ планахъ у Анны Леопольдовны, сталъ помогать деньгами Елизаветѣ. Между тѣмъ правительство начало войну съ Швеціей, гдѣ воспитывался внукъ Петра I и племянникъ Елизаветы; это дало послѣдней поводъ и возможность еще усилить свою пропаганду, а данное гвардейскимъ полкамъ приказаніе выступать въ походъ, угрожавшее лишить движеніе поддержки гвардіи, опредѣлило собою и моментъ рѣшительныхъ дѣйствій. Ночью на 25 ноября 1741 года Елизавета во главѣ роты преображенцевъ арестовала во дворцѣ Анну Леопольдовну съ ея сыномъ и мужемъ и одновременно съ этимъ произведены были и аресты важнѣйшихъ лицъ въ правительствѣ. Переворотъ совершился обычнымъ уже порядкомъ, съ той разницей однако, что на этотъ разъ не было ни одной смертной казни; главные члены предшествовавшаго правительства поплатились лишь ссылкой. Остерманъ отправленъ былъ въ Березовъ, Минихъ въ Пелымъ, Анна Леопольдовна съ семьей въ Холмогоры, откуда впрочемъ бывшій императоръ, Иванъ Антоновичъ, былъ затѣмъ перевезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, гдѣ этотъ несчастный узникъ и томился за чужіе грѣхи вплоть до воцаренія Екатерины II, когда караульные офицеры убили его, при попыткѣ Мировича освободить его изъ крѣпости. Новое правительство утвердилось въ Россіи и оказалось прочнѣе предшествовавшихъ ему: двадцать лѣтъ прошло безъ переворотовъ.

39-я ЛЕКЦІЯ.

Причины придворныхъ смутъ въ первой половинѣ 18-го вѣка и значеніе въ нихъ гвардіи.

Въ прошлый разъ мы закончили, мм. гг., обозрѣніе фактической стороны дворцовыхъ событій за время отъ смерти Петра I до вступленія на тронъ Елизаветы и теперь съ этими фактами въ рукахъ можемъ вновь обратиться къ поставленному мною ранѣе вопросу,—въ чемъ заключалась причина, заставившая ихъ принять именно такой характеръ. Припомнимъ въ общихъ чертахъ ходъ этихъ событій. Въ теченіе 16 лѣтъ шесть разъ мѣнялось высшее правительство страны и всякій разъ новое правительство являлось неожиданно, вступленіе его во власть сопровождалось смутою и иногда производилось даже прямо насильственнымъ путемъ. Эти смуты и составляютъ то основное явленіе политической жизни Россіи за этотъ періодъ, которое намъ предстоитъ объяснить. Я уже раньше говорилъ, что ихъ нельзя объяснять однимъ отсутствіемъ строгаго, законнаго порядка престолонаслѣдія, и теперь вы еще яснѣе можете видѣть неудовлетворительность такого, чисто внѣшняго объясненія. Въ самомъ дѣлѣ, въ попыткахъ установить порядокъ престолонаслѣдія не было недостатка и въ этотъ періодъ: такую попытку сдѣлала уже Екатерина и повторила Анна, причемъ первая желала упрочить престолъ за потомствомъ Петра, а вторая—за потомствомъ ц. Ивана, но обѣ эти попытки прошли безрезультатно. Чтобы получить возможность найти и указать основную причину этого явленія, намъ надобно вглядѣться попристальнѣе въ дѣятелей смутъ. Такими дѣятелями не были прежде всего сами правители, вступавшіе на русскій престолъ за время съ 1725—41 г. Напротивъ, почти всѣ они становились во главѣ правительства, не будучи подготовленными къ этой роли, почти для всѣхъ ихъ, начиная съ Екатерины, продолжая Анной Ивановной и кончая Елизаветой, тронъ являлся болѣе или менѣе пріятной неожиданностью. Не они управляли событіями и склоняли ихъ въ свою пользу, а на-

оборотъ, сложившіяся помимо ихъ воли обстоятельства выдвигали ихъ на политическую арену, превращая ихъ изъ безучастныхъ зрителей въ участниковъ и дѣятелей разыгрывавшихся на ней сценъ. Личныя качества всѣхъ этихъ людей были весьма разнообразны, но судьба всѣхъ ихъ была одинакова: выдвинутые впередъ силою условій, лежавшихъ внѣ ихъ воли, они правили, удачно или—что бывало чаще—неудачно, до смерти и затѣмъ сходили со сцены, оставляя за собою такую же смуту, какая предшествовала ихъ появленію. Стало быть, смута такъ же мало вызывалась личными качествами правителей, какъ и отсутствіемъ строгаго порядка престолонаслѣдія; то и другое равно представляло лишь ту конкретную почву, на которой разыгрывались явленія, имѣвшія болѣе глубокую причину, болѣе серьезное основаніе и чтобы выяснить себѣ это послѣднее, намъ слѣдуетъ обратиться отъ оффиціальныхъ представителей смуты къ тѣмъ людямъ, которые ее дѣлали, и тѣмъ вопросамъ, какіе они при этомъ ставили. Въ чемъ же заключалась та сила, съ помощью которой производились перевороты и сажался на тронъ то одинъ, то другой изъ имѣвшихся кандидатовъ? Такою силой являлось войско и притомъ не все, а только одна его часть, именно гвардія. Въ самомъ дѣлѣ, Меншиковъ посадилъ на престолъ Екатерину съ помощью гвардейскихъ полковъ и передъ ними оказалась безсильной вся оппозиція сенаторовъ, стоявшихъ за Петра Алексѣевича; Долгорукіе, думая послѣ смерти Петра II возвести на тронъ бывшую невѣсту его, свою родственницу, старались обезпечить себѣ только поддержку гвардіи; немного позднѣе гвардейскіе офицеры рѣшили вопросъ о самодержавіи Анны, выразивъ ей свою полную преданность и готовность истребить ея враговъ; затѣмъ Минихъ арестовалъ Бирона при помощи роты преображенцевъ; такая же рота помогла Елизаветѣ низвергнуть регентство Анны Леопольдовны и замѣнить самой на престолѣ малолѣтняго Ивана Антоновича. Словомъ, всѣ перевороты происходили и рѣшались участіемъ въ нихъ гвардіи и что она не была при этомъ только слѣпымъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ, лучше всего доказывается тѣмъ фактомъ, что люди, сегодня ею пользовавшіеся и ею возвышенные, завтра гибли на ея глазахъ или даже и съ ея помощью. Это обязываетъ насъ внимательнѣе вглядѣться въ самый характеръ гвардейскихъ полковъ, опредѣлить, что же давало имъ такую силу. Гвардія того времени отличалась отъ всѣхъ другихъ войскъ своимъ происхожденіемъ. По плану Петра I-го она должна была служить своего рода школой военнаго искусства для дворянъ, которые и обязаны были начинать свою службу именно въ Преображенскомъ и Семеновскомъ полку въ качествѣ рядовыхъ. Такой порядокъ удержался и впослѣдствіи, и тогда, когда гвардія, уже при императрицѣ Аннѣ, была расширена учрежденіемъ еще двухъ полковъ,

и опъ-то и выдѣлилъ гвардейцевъ изъ рядовъ всего остального войска, поставилъ ихъ въ привилегированное положеніе и сдѣлалъ эту часть арміи, такъ сказать, представительницей и органомъ сословія. Не только всѣ офицеры, но и весьма значительная часть, если не большинство, рядовыхъ происходили изъ дворянъ и, живо чувствуя интересы своего сословія, являлись ихъ защитниками и представителями; путь же подобной защиты указывался уже положеніемъ гвардіи, какъ особаго отряда войскъ, и былъ окончательно опредѣленъ привлеченіемъ этой вооруженной силы на помощь къ себѣ со стороны отдѣльныхъ членовъ правительства и отдѣльныхъ дворцовыхъ партій.

Такъ вопросъ переносится на иную, болѣе широкую почву. Мы имѣемъ дѣло уже не съ отдѣльными личностями, въ силу своей энергіи и предпріимчивости или случайно благопріятно для нихъ сложившихся обстоятельствъ выдвигавшимися впередъ и захватывавшими власть въ свои руки, а съ интересами и настроеніемъ цѣлой широкой общественной группы лицъ, которые и должны были играть господствующую роль во всемъ движеніи, поддерживавшемся и создававшемся исключительно этой группой. Теперь намъ и остается опредѣлить, каковы же были эти интересы и какимъ образомъ они могли произвести смуту.

Реформа Петра, какъ мы знаемъ, закончила собою процессъ созданія опредѣленнаго государственнаго порядка, начавшійся задолго до нея въ московскомъ государствѣ. Достроивъ окончательно такъ долго воздвигавшееся зданіе самодержавія, она вмѣстѣ совершенно разбила остатки старыхъ аристократическихъ порядковъ, равно какъ и порядковъ земскихъ и, поставивъ монархическую власть одиноко на грандіозной высотѣ, лишила всѣ общественные классы возможности приближенія къ ней. Изъ правительственной системы были вычеркнуты старыя учрежденія политическаго и законодательнаго характера, какими были боярская дума и земскіе соборы, и замѣнившій послѣднюю сенатъ служилъ только послѣднимъ, высшимъ звеномъ въ цѣпи чисто административныхъ учрежденій, не соединяя съ этимъ никакого политическаго значенія... Вмѣстѣ съ тѣмъ та же реформа закончила собою и процессъ иного рода, шедшій въ связи съ первымъ. Она слила именно служилый классъ въ одну массу, точно опредѣлила его обязанности и, основавъ на немъ все государственное управленіе, построенное на бюрократическомъ принципѣ, сдѣлала этотъ классъ въ видѣ дворянскаго сословія или «шляхетства» первенствующимъ, возложила на него значеніе руководителя жизни народа и въ административномъ, и въ экономическомъ отношеніи. Изъ этихъ двухъ политическихъ основаній реформы и развилось все то движеніе, съ которымъ мы имѣли дѣло въ своемъ изложеніи. Сосредоточеніе всей верховной, законодательной и политической власти на одномъ лицѣ неизбѣжно

вело къ произволу, тѣмъ болѣе при несовершенствѣ административнаго механизма государства. Такой произволъ сдѣлался обычнымъ явленіемъ русской жизни того времени; при Петрѣ, когда грандіозная фигура государя затмѣвала собою всѣхъ остальныхъ, онъ и сосредоточился въ этой фигурѣ, принимая по временамъ крайне рѣзкія формы. Но уже и тогда стало обнаруживаться другое слѣдствіе такого порядка: рядомъ съ носителемъ верховной власти явились лица, пріобрѣтавшія его милость больше другихъ, возлагавшія на себя нѣкоторыя его функціи въ силу личнаго его расположенія и при помощи послѣдняго развивавшія затѣмъ подобный же произволъ уже исключительно въ личныхъ своихъ цѣляхъ и выгодахъ. Такое явленіе, вытекавшее изъ фактической невозможности для одного человѣка сосредоточить въ своихъ рукахъ на дѣлѣ верховную власть надъ громадной страной, послѣ Петра пріобрѣло особенно громадные размѣры и подъ остроумнымъ именемъ «временщичества» сдѣлалось неизбѣжнымъ спутникомъ самодержавной власти на многіе годы. Ни одно царствованіе не обходилось безъ временщика и какъ при Петрѣ его личность заслоняла самый государственный порядокъ, такъ послѣ него временщики заслоняли собою самыхъ государей. Перенося на себя большую часть функцій власти послѣднихъ, они эксплуатировали государство ради личной своей выгоды путемъ ничѣмъ не сдержанныхъ, произвольныхъ дѣйствій. Такъ явилось первое послѣдствіе порядка, установленнаго Петровской реформой, послѣдствіе, выразившееся въ существованіи временщиковъ, олицетворявшихъ собою безграничный произволъ, дѣлавшійся возможнымъ благодаря тому, что старые, сдерживавшіе его порядки были уничтожены, а новыхъ препонъ и преградъ поставлено еще не было.

Такой произволъ въ равной степени давилъ все общество, но наиболѣе чувствителенъ былъ онъ конечно для верхнихъ слоевъ послѣдняго, стоявшихъ ближе къ власти, и потому среди послѣднихъ именно и развилась мысль о поставленіи ему границъ. Помимо сознанія неудобствъ даннаго порядка условія возникновенія этой мысли были двоякаго рода: во-первыхъ на верхахъ дворянскаго класса не мало было еще людей, происходившихъ отъ старыхъ бояръ, помнившихъ ихъ широкую политическую практику, ихъ аристократическія тенденціи; именно эти люди были между тѣмъ наиболѣе затронуты мѣрами Петровскаго правительства, возвышеніемъ при немъ людей худородныхъ и въ ихъ средѣ естественно было появиться мысли о возстановленіи до нѣкоторой степени стараго политическаго порядка, объ ограниченіи власти государей. Съ другой стороны представители русскаго дворянства при Петрѣ благодаря сношеніямъ съ Западомъ успѣли нѣсколько ознакомиться съ тамошними порядками, съ той видной ролью, какая принадлежала дворянской аристократіи во многихъ западныхъ

странахъ и хотя кое-какія, хотя смутныя политическія идеи необходимо должны были запасть въ головы русскихъ дворянъ при этомъ знакомствѣ. Первые и выступили со своими попытками новаго политическаго порядка члены старыхъ знатныхъ родовъ, оскорбленные дѣйствіями Меншикова. Ближайшимъ результатомъ ихъ дѣйствій было учрежденіе Верховнаго Совѣта, значеніе котораго было позднѣе унаслѣдовано Кабинетомъ. Но это учрежденіе было лишь компромиссомъ между различными дворцовыми партіями и, оставаясь подъ руководствомъ верховной власти, но не ограничивая ее, приносило съ собою лишь бо́льшія удобства въ управленіи и не удовлетворяло политическихъ стремленій старой аристократіи. Вторая попытка, уже болѣе опредѣленнаго характера, была сдѣлана ею по смерти Петра II. Но эта аристократія уже совершенно не представляла изъ себя того плотнаго класса, какимъ была она нѣкогда; теперь она состояла изъ нѣсколькихъ разъединенныхъ фамилій, ничѣмъ не связанныхъ между собою, кромѣ тѣхъ или другихъ личныхъ интересовъ, и потому дѣйствовавшихъ врозь, каждая собственными силами. Сообразно этому и плапы государственнаго устройства, созданные въ это время Голицыными и Долгорукими, имѣли своей цѣлью установленіе не аристократіи въ строгомъ смыслѣ этого слова, а олигархіи нѣсколькихъ фамилій. Поэтому они не нашли себѣ и никакой поддержки въ средѣ остальнаго дворянскаго общества и наоборотъ пробудили въ немъ живое недовольство и сопротивленіе. Разъединенные знатные роды, не составляя болѣе класса, стремились сосредоточить власть въ своихъ рукахъ на почвѣ договора съ верховною властью, но не имѣли при этомъ никакой реальной, дѣйствительной силы и потерпѣли полное пораженіе, столкнувшись съ интересами всего шляхетскаго сословія, верхній слой котораго они составляли. Теперь и масса шляхетства, слѣдомъ за отдѣльными лицами изъ своей среды, выступила на политическую арену въ качествѣ активнаго дѣятеля, пытаясь осуществить свои сословные интересы. Тѣ причины, которыя содѣйствовали пробужденію политической мысли въ высшихъ его кругахъ, не остались безъ дѣйствія и на остальную часть сословія. На нее также чувствительно ложился произволъ временщиковъ и въ ней равнымъ образомъ развилась идея объ ограниченіи самодержавной власти ради устраненія этого произвола, идея, нашедшая себѣ выраженіе въ заявленіяхъ отдѣльныхъ членовъ шляхетства и въ тѣхъ проектахъ политическаго устройства, какіе вышли въ то время изъ его среды и о какихъ я уже имѣлъ случай говорить раньше. И эти проекты и заявленія не были однако выраженіемъ общаго всему классу настроенія. Сходясь вполнѣ въ своемъ протестѣ противъ олигархическихъ стремленій верховниковъ, шляхетство по своимъ положительнымъ стремленіямъ распадалось на двѣ части, шло двумя различными пу-

тями: одни желали прежде всего обезопасить себя отъ возможнаго и на будущее время произвола, создать себѣ прочныя политическія гарантіи, установивъ представительный образъ правленія, другіе предпочитали остаться при старомъ политическомъ порядкѣ, сохранить самодержавіе государей. Если въ первую сторону толкало дворянство существованіе временщиковъ, то на второй путь ему указывала и создавшаяся уже привычка дѣйствовать вмѣстѣ съ самодержавною властью и надежда удовлетворить свои интересы въ союзѣ съ нею. Незакончившаяся еще выработка первенствующаго положенія дворянскаго сословія и существованіе на ряду съ политическими другихъ интересовъ поставили такимъ образомъ значительную часть дворянства въ враждебное отношеніе какъ къ замысламъ верховниковъ, такъ и къ конституціоннымъ планамъ вообще. Когда же къ этой группѣ примкнула гвардія, явившись открытой выразительницей ея взглядовъ, вопросъ о политическомъ порядкѣ былъ рѣшенъ въ смыслѣ сохраненія самодержавія и при послѣдовавшихъ затѣмъ переворотахъ въ такомъ видѣ уже и не поднимался, такъ какъ наиболѣе существенныя желанія дворянства нашли себѣ удовлетвореніе на иномъ пути. Добиваясь участія въ управленіи, дворянство должно было бы поступиться передъ правительствомъ иными сторонами своего привилегированнаго положенія и оно предпочло отказаться отъ этого участія, но за то упрочить за собою другія условія своего быта, дававшія ему возможность фактическаго первенства передъ другими сословіями. Поэтому политическій вопросъ былъ разрѣшенъ въ смыслѣ благопріятномъ для самодержавной власти, но тѣмъ бо̀льшимъ должна была эта послѣдняя поступиться въ смыслѣ удовлетворенія иныхъ претензій сословія; поэтому же перевороты затронули только дворянскіе круги, не вызывая никакихъ дѣйствій со стороны другихъ классовъ народа: вопросы, хотя и касавшіеся ихъ, разрѣшались исключительно на почвѣ интересовъ одного сословія, дворянства, между нимъ и правительствомъ. При дальнѣйшихъ переворотахъ рѣчь шла уже не столько о формѣ правительства, сколько объ его направленіи, протестъ противъ произвола временщиковъ соединялся съ протестомъ противъ господства нѣмцевъ и въ значительной степени заслонялся послѣднимъ. Сверженіе Бирона и затѣмъ Анны Леопольдовны явилось главнымъ образомъ результатомъ не политическихъ плановъ, а оскорбленнаго національнаго самолюбія въ лицѣ тѣхъ же гвардейскихъ полковъ, которые производили и предшествовавшіе перевороты.

Теперь мы можемъ уже дать полный отвѣтъ на вопросъ о причинахъ дворцовыхъ переворотовъ и ихъ слѣдствіяхъ. Являясь результатомъ положенія высшей государственной власти и ея отношенія къ обществу и административнымъ органамъ управленія съ одной стороны, мѣсту, занятому въ государствѣ дво-

рянскимъ сословіемъ—съ другой, перевороты эти были попытками со стороны различныхъ группъ дворянства разрѣшить вопросы, касавшіеся его политическаго быта. Не измѣнивъ сами по себѣ общихъ основаній государственнаго устройства, они однако должны были придать опредѣленное направленіе политикѣ правительства по отношенію къ сословнымъ интересамъ, ради которыхъ дворянство отступилось отъ своихъ плановъ политическаго переустройства. Каково было это направленіе правительственной политики, мы скоро увидимъ.

40-я и 41-я ЛЕКЦІИ.

Внутреннее управленіе Россіи въ 1725—1741 гг.

Переходя теперь отъ политическаго строя русскаго государства за данную эпоху къ обозрѣнію иныхъ сторонъ народной жизни, я прежде всего остановлюсь на тѣхъ общихъ причинахъ, какія повліяли на складъ этихъ отношеній въ опредѣленномъ направленіи, давая тѣ или иные толчки правительственной политикѣ. Съ одною изъ такихъ причинъ мы уже познакомились ранѣе. Ею было именно положеніе, занятое дворянствомъ въ рядѣ дворцовыхъ переворотовъ, какъ силы, низвергающей и создающей правительства. Такое положеніе не доставило сословію опредѣленныхъ политическихъ правъ, не дало ему гарантированнаго закономъ участія въ управленіи, но позволило ему тѣмъ не менѣе оказать сильное и замѣтное давленіе на правительственную политику въ смыслѣ удовлетворенія по преимуществу его сословныхъ нуждъ и желаній, которыя получали такимъ образомъ первенствующее значеніе, выдѣляясь изъ ряда другихъ цѣлей государственнаго механизма. Иного рода была другая общая причина, заключавшаяся уже не въ политическомъ, а въ экономическомъ положеніи государства, и именно въ крайне плохомъ состояніи государственнаго и народнаго хозяйства. Послѣдствія крайняго его напряженія при Петрѣ сказались непомѣрнымъ истощеніемъ народныхъ силъ, проявлявшимся въ такихъ серьезныхъ признакахъ, что они не могли не обращать на себя вниманіе правительства, порождая въ послѣднемъ сознаніе необходимости принять какія-либо мѣры. Недоимка по сбору подушной подати достигла громадныхъ размѣровъ, приближаясь къ милліону рублей. Ясно было, что экономическое положеніе народа весьма сильно разстроено, и это понимали всѣ тогдашніе администраторы. Уже вскорѣ послѣ смерти Петра одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ его сотрудниковъ, генералъ-прокуроръ Ягужинскій, подалъ имп. Екатеринѣ докладную записку, въ которой указывалъ на неудовлетворительность даннаго экономическаго состоянія государства.

Всякое государство, по его мнѣнію, держится на двухъ основахъ: земледѣліи и торговлѣ, и объ эти основы, но послѣдняя въ особенности, въ Россіи совсѣмъ почти пали; «всякому россійскаго отечества сыну разсуждать надлежитъ, дабы такъ славнаго государства не допустить нерадивымъ смотрѣніемъ въ конечную погибель и бѣдство». Проникшее такимъ образомъ въ среду правительства сознаніе неудовлетворительнаго состоянія народнаго хозяйства въ свою очередь обязывало его принять мѣры для поддержанія послѣдняго или по крайней мѣрѣ для того, чтобы уменьшить ложившуюся на него тяжесть путемъ болѣе цѣлесообразнаго устройства государственнаго механизма. Передъ правительствомъ ставился рядъ задачъ, которыя оно должно было осуществить въ своей дѣятельности и которыя сводились къ удержанію равновѣсія между состояніемъ народнаго хозяйства и государственнымъ бюджетомъ. Слѣдовательно, экономическое положеніе государства составляло вторую причину, сообщавшую своего рода импульсъ правительственной политикѣ, обращавшую ея вниманіе на извѣстныя задачи и придававшую ей даже опредѣленное направленіе въ рѣшеніи этихъ задачъ. Подъ вліяніемъ двухъ указанныхъ общихъ причинъ и развивалась дѣятельность правительства, сказавшаяся рядомъ измѣненій, внесенныхъ въ административныя, экономическія и сословныя отношенія. Не всѣ они были одинаково важны, но всѣ одинаково направлялись и вызывались одними и тѣми же общими условіями, являлись ихъ послѣдствіями и результатами. Разборомъ этихъ частныхъ фактовъ, къ которымъ привели указанныя только что причины, мы теперь и займемся, начавъ съ измѣненій въ средѣ администраціи, какъ той формы, въ которой проявлялось отношеніе правительства къ населенію.

Измѣненія административной системы. Серьезныя задачи, представившіяся правительству со смертью Петра I, требовали отъ него весьма значительныхъ усилій, въ то самое время, какъ царствованіе Петра, уничтоживъ переходныя ступени между политическими и административными учрежденіями и собравъ всю безъ исключенія политическую власть въ рукахъ одного лица, возложило на это лицо тяжелыя обязанности и серьезную отвѣтственность. Преемникамъ Петра не по плечу была эта отвѣтственность и эти обязанности и мы видѣли уже, что вслѣдъ за смертью перваго императора въ созданной имъ системѣ центральной администраціи произошло существенное измѣненіе: надъ сенатомъ появилось новое учрежденіе, сперва Тайный Верховный Совѣтъ, потомъ Кабинетъ министровъ. Съ исторіей возникновенія этихъ учрежденій мы уже ознакомились ранѣе, теперь же намъ предстоитъ опредѣлить ихъ значеніе. Пріобрѣтая власть значительно болѣе широкую, чѣмъ та, какою пользовался сенатъ, такъ какъ она простиралась какъ на управленіе, такъ и на законо-

дательство, Верховный Совѣтъ и отличавшійся отъ него только своимъ именемъ и мелкими деталями организаціи его преемникъ, Кабинетъ министровъ, не имѣли однако никакихъ политическихъ правъ ни въ своемъ цѣломъ, ни въ лицѣ каждаго отдѣльнаго своего члена. Государь назначалъ въ эти учрежденія, кого хотѣлъ, не стѣсняясь никакими не зависѣвшими отъ его власти соображеніями, и ни рѣшеніе ихъ по какому-нибудь дѣлу, ни предлагаемые ими законопроекты не были обязательны для верховной власти. Въ виду этого результатомъ дѣйствія этихъ новыхъ учрежденій не могло быть установленіе какихъ-либо твердыхъ формъ политической жизни страны, такъ какъ они не заключали въ себѣ никакихъ гарантій для этого. Но, не располагая правами политическими, стѣсненныя сверху, они пользовались на практикѣ широкимъ просторомъ въ области управленія и законодательства и, состоя изъ небольшаго числа довѣренныхъ лицъ государя, въ свою очередь стѣсняли сферу дѣйствій сената, учрежденія, дѣйствовавшаго только на основаніи законовъ и наблюдавшаго за исполненіемъ ихъ. Прямымъ послѣдствіемъ установленія этихъ учрежденій явился поэтому произволъ высшей администраціи, господство ея надъ законнымъ порядкомъ и доставленіе ей возможности направлять отдѣльныя дѣла и жизнь государства въ ея цѣломъ по своему усмотрѣнію. Возникшіе изъ потребностей административнаго свойства и направляемые въ своемъ устройствѣ желаніями высшихъ чиновъ государства, Верховный Совѣтъ и Кабинетъ министровъ воплотили въ себѣ стремленіе этихъ чиновъ стать выше закона, завѣдывать имъ и подчинять его своей волѣ, но, установивъ такимъ путемъ личный произволъ въ широкихъ размѣрахъ, не создали прочныхъ формъ политическаго существованія.

Если это измѣненіе вызвано было потребностями управленія, то другое измѣненіе въ области центральной администраціи вызывалось экономическими нуждами государства. Сообразно этому оно не создавало новыхъ учрежденій, и даже не уничтожало старыхъ, а только сокращало ихъ. Оно касалось именно коллегій, которыя были преобразованы уже при Екатеринѣ I. Все преобразованіе впрочемъ заключалось въ сокращеніи штата служащихъ: вмѣсто прежнихъ 8 членовъ, кромѣ президента и вице-президента, теперь осталось только четыре: 2 совѣтника и 2 ассессора. Сверхъ того штатъ каждой коллегіи дѣлился на двѣ смѣны, которыя и засѣдали лишь по очереди, мѣняясь черезъ годъ; при этомъ жалованье получалось каждой смѣной лишь за время дѣйствительнаго засѣданія, а не за все время службы. Тяжелое экономическое положеніе, въ которомъ очутилось государство, привело, слѣдовательно, къ сокращенію штатовъ въ центральныхъ учрежденіяхъ, но это послѣднее имѣло еще и такой результатъ, котораго нельзя было сразу предвидѣть. Уже

въ коллегіяхъ Петровскаго времени, перенявшихъ иноземную форму, плохо усвоивалась ея сущность: коллегіальное начало, рѣшеніе дѣлъ по большинству голосовъ плохо прививалось среди русской администраціи съ ея привычками къ единоличному рѣшенію и безусловному повиновенію начальству, выработанными въ старыхъ московскихъ приказахъ. Теперь же, послѣ того, какъ число членовъ коллегій было сокращено почти на половину, а раздѣленіе ихъ на двѣ смѣны еще ослабило ихъ численность, коллегіальное начало было окончательно подорвано и на практикѣ голосъ президента пріобрѣлъ въ коллегіяхъ такое значеніе, какого онъ не долженъ былъ имѣть по закону; президентъ сдѣлался начальникомъ, а остальные члены лишь его помощниками и подчиненными. Принципъ единоличнаго управленія возобладалъ, стало быть, почти окончательно въ этой области центральной администраціи.

Съ этими измѣненіями совпало еще третье, не стоявшее однако въ столь прямомъ согласіи съ цѣлями правительства и происходившее какъ бы невзначай, но тѣмъ не менѣе упорно и систематически. Оно заключалось въ ослабленіи органовъ контроля, учрежденныхъ Петромъ. Должность генералъ-прокурора, этого «ока государева», въ пятилѣтній промежутокъ времени между смертью Петра I и вступленіемъ на престолъ Анны Ивановны исчезла неизвѣстно куда и имп. Анна въ своемъ указѣ отъ 2 октября 1730 года констатировала фактъ этого исчезновенія: «какимъ указомъ, говорилось здѣсь, оный чинъ по кончинѣ дяди нашего отставленъ и кѣмъ отрѣшенъ, о томъ намъ неизвѣстно». Анна Ивановна возстановила было эту должность, но въ регентство Анны Леопольдовны она вновь исчезла, отмѣненная на этотъ разъ Остерманомъ. Нетрудно понять, чѣмъ объяснялось такое гоненіе на генералъ-прокурора: спеціальный блюститель закона, обязанный смотрѣть за правильностью дѣйствій всей администраціи, онъ былъ неудобенъ тамъ, гдѣ надъ закономъ начинала уже властвовать личная воля случайныхъ правителей-временщиковъ, гдѣ администрація переставала быть простымъ орудіемъ управленія и пріобрѣтала себѣ значеніе, далеко выходившее за эти скромныя рамки.

Таковы были измѣненія въ сферѣ центральнаго управленія. Параллельно имъ шли измѣненія управленія областнаго, коснувшіяся главнымъ образомъ городовъ. Въ послѣднихъ при Петрѣ I дѣйствовали въ качествѣ органовъ управленія и суда магистраты, сдѣланные вполнѣ независимыми отъ всѣхъ мѣстныхъ властей и подчинявшіеся лишь главному Петербургскому магистрату, а черезъ его посредство сенату. Такой порядокъ, хотя и не олицетворялъ самоуправленія, благодаря внутреннимъ отношеніямъ магистратовъ къ горожанамъ, отдѣлялъ по крайней мѣрѣ городское управленіе отъ остальной администраціи, ставилъ его въ

болѣе независимое положеніе. По смерти Петра онъ не долго однако удержался: вскорѣ произведены были въ немъ существенныя измѣненія, еще далѣе отодвинувшія его отъ типа чистаго самоуправленія въ сторону бюрократіи. При Екатеринѣ I магистраты были подчинены въ своихъ дѣйствіяхъ губернаторамъ и воеводамъ, при Петрѣ II уничтоженъ былъ главный Петербургскій магистратъ, и въ силу этихъ распоряженій городское управленіе вошло въ общую систему областнаго управленія, потерявъ свое независимое положеніе и сохранивъ нѣкоторыя особенности въ способѣ полученія власти служащими въ немъ лицами, но не въ самомъ ея характерѣ и не въ способѣ пользованія ею. Такъ столь широко практиковавшійся прежде принципъ общественнаго самоуправленія былъ постепенно вытравленъ изъ всѣхъ отраслей государственной дѣятельности и пріютился только въ быту сельскихъ общинъ, имѣя передъ собою весьма ограниченный кругъ дѣйствій и проявляясь по преимуществу въ хозяйственной области.

Стремленіе правительства сокращать административные органы съ цѣлью уменьшенія издержекъ на ихъ содержаніе отозвалось и на областномъ управленіи, принеся съ собою и сюда весьма невыгодныя слѣдствія. Въ Петровскую эпоху судъ въ провинціи составлялъ особое учрежденіе, совершенно отдѣльное отъ воеводъ и не подчинявшееся ихъ власти. Теперь, и именно при имп. Петрѣ II, отдѣльныя судебныя учрежденія были уничтожены и судопроизводство передано въ руки воеводъ. Какъ уменьшеніе числа членовъ коллегій, такъ и соединеніе въ лицѣ воеводы правителя съ судьей были мѣрами, одинаково вызванными у правительства желаніемъ уменьшить свои расходы на управленіе, но онѣ имѣли и одинаковое слѣдствіе: если первая способствовала обращенію президента коллегіи въ начальника ея, вторая увеличивала власть воеводы, открывая для нея новую, прежде остававшуюся закрытой передъ нею область. Та и другая мѣра на ряду съ сокращеніемъ административныхъ органовъ приводили и къ большему сконцентрированію власти въ рукахъ отдѣльныхъ личностей, одна въ центральныхъ, другая въ областныхъ учрежденіяхъ. Какъ общи были мотивы, побуждавшіе позднѣйшія правительства къ измѣненію Петровской системы центральной и областной администраціи, такъ обще было, какъ нетрудно уже видѣть изъ сдѣланнаго изложенія, направленіе этихъ мѣръ и ихъ значеніе. Не взирая на все разнообразіе людей, управлявшихъ Россіей за этотъ періодъ времени, на различіе ихъ личныхъ вкусовъ и стремленій, всѣ они въ этомъ отношеніи дѣйствовали въ одномъ и томъ же духѣ, такъ какъ стояли въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ и равно находились подъ ихъ вліяніемъ. Результаты этихъ мѣръ выразились въ двухъ главныхъ фактахъ: во-первыхъ путемъ ихъ ослаблены были и тѣ

остатки самоуправленія, какіе еще сохранились отъ Петровскаго времени, именно въ городахъ, и все управленіе пріобрѣло исключительно бюрократическій характеръ; 2) въ этой бюрократической системѣ частью совершенно исчезли, частью были сильно ослаблены тѣ гарантіи законности, какія были установлены Петровскимъ правительствомъ, и благодаря этому явилась почва для произвольныхъ дѣйствій отдѣльныхъ администраторовъ, возможность перевѣса произвола надъ закономъ. Это и приводило на практикѣ къ сосредоточенію громадной власти въ рукахъ единичныхъ личностей, власти, которою они пользовались почти безконтрольно, очень мало при этомъ обращая вниманія на законы. Такимъ образомъ административный порядокъ былъ поставленъ въ соотвѣтствіе съ политическимъ, не только по формѣ, но и по тѣмъ интересамъ, которые скрывались подъ тѣмъ и другимъ и руководили ими.

Измѣненія экономической политики. Тѣ же причины, которыя обусловили собою мѣропріятія правительства по отношенію къ администраціи, не остались безъ вліянія и на другія стороны его дѣятельности и между прочимъ подготовили серьезныя отступленія отъ завѣщанной Петровскимъ правительствомъ экономической политики. Характерными чертами этой послѣдней было тяжелое обложеніе народнаго труда и полицейское его регулированіе. Необходимые государственные доходы добывались по преимуществу путемъ подушной подати, тяжелымъ бременемъ падавшей на подлежавшихъ ей лицъ. Съ цѣлями увеличенія доходности промышленнаго труда принимался цѣлый рядъ мѣръ, регулировавшихъ торговлю и промышленность: внѣшняя торговля должна была исключительно сосредоточиваться въ Петербургѣ, предметы этой торговли въ свою очередь подвергались правительственному регулированію, промышленность поощрялась путемъ пошлинъ, накладываемыхъ на вывозъ сырыхъ товаровъ. Наконецъ, видное мѣсто въ государственномъ хозяйствѣ занимали правительственныя монополіи, изъ которыхъ извлекались значительныя выгоды. Плачевное состояніе народнаго хозяйства, такъ сильно дававшее себя чувствовать преемникамъ Петра, заставило подвергнуть критикѣ эту систему экономической политики и усомниться въ ея полезности. Правительства второй четверти 18-го столѣтія, не рѣшаясь еще на полное уничтоженіе этой системы и замѣну ея другимъ направленіемъ, тѣмъ не менѣе подъ давленіемъ обстоятельствъ все дальше отходили отъ нея въ частныхъ своихъ мѣропріятіяхъ. Уже съ первыхъ дней царствованія Екатерины начались толки о невыносимой тяжести подушной подати и о необходимости уменьшить ея размѣры; объ этой необходимости говорили и сенатъ, и позднѣе Верховный Совѣтъ съ самаго момента своего появленія, но дѣло кончилось почти ничѣмъ: подушная подать была уменьшена всего на 4 копѣйки. Если въ

дѣлѣ облегченія обложенія правительство удовольствовалось теоретическимъ сознаніемъ его необходимости, не переведя этого сознанія въ область рѣшительныхъ практическихъ мѣропріятій, то нѣсколько энергичнѣе дѣйствовало оно въ другихъ случаяхъ. По отношенію къ промышленности и торговлѣ при Екатеринѣ же было принято нѣсколько мѣръ, ослаблявшихъ ту полицейскую заботливость, съ какой относился къ нимъ Петръ I. Позволено было именно опять открыть архангельскій портъ и вести торговлю въ немъ, позволено было владѣльцамъ ткацкихъ фабрикъ вырабатывать по своей волѣ узкія или широкія полотна, тогда какъ при Петрѣ отъ нихъ требовалось непремѣнно производство широкихъ полотенъ, наконецъ въ 1727 году была уничтожена пошлина съ вывоза льняной пряжи, назначенная при Петрѣ съ цѣлью развитія въ Россіи собственнаго производства тканей. Эти мѣры не уничтожали совершенно протекціонизма, установленнаго Петромъ въ политикѣ правительства, но значительно ослабляли его. Въ царствованіе Петра II послѣдовалъ новый рядъ мѣръ, касавшихся торговли и промышленности. но уже съ инымъ оттѣнкомъ. Въ силу этихъ мѣръ правительство отступалось отъ нѣкоторыхъ преимущественныхъ правъ, которыми оно пользовалось въ этой области. Такъ уничтожена была табачная монополія и дозволена была повсемѣстная свободная продажа табаку съ уплатою пошлинъ; позднѣе такое же позволеніе дано было и на продажу соли. Другимъ указомъ правительство дозволяло свободную добычу металловъ въ мѣстностяхъ, лежащихъ за Тобольскомъ. Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ передъ промышленностью и торговлей открывался большій просторъ, какъ въ смыслѣ предоставленія извѣстныхъ отраслей въ распоряженіе частныхъ лицъ, такъ и въ смыслѣ большей свободы въ пользованіи ими, въ употребленіи своего труда. Если однако первое вытекало изъ одного желанія правительства улучшить положеніе промышленнаго труда, поднять его производительность, то второе помимо этой экономической причины вызывалось еще и причиною иного рода, именно тѣми интересами, какіе преимущественно были представлены въ это время въ правительствѣ. Такими интересами были интересы дворянъ, иначе говоря, землевладѣльцевъ, которыхъ ничто не побуждало черезчуръ много заботиться о торговлѣ и мануфактурной промышленности. Напротивъ, интересы земледѣлія занимаютъ теперь первое мѣсто въ правительственной политикѣ, пользуются преимущественнымъ покровительствомъ и въ связи съ этимъ стоитъ отчасти и большій просторъ, данный торговлѣ, предоставленіе ея собственнымъ ея силамъ. Программа экономической политики правительства такимъ образомъ измѣнилась: были подмѣчены неудобства слишкомъ тяжелаго прямаго обложенія и сдѣлана слабая попытка облегчить его; неудача протекціонизма заставила частью отступиться отъ него, предоставивъ болѣе сво-

боды народному труду, частью открыть для частнаго свободнаго труда новыя области его примѣненія; въ связи съ этимъ центръ тяжести вниманія правительства былъ перенесенъ на земледѣліе, а заботы о развитіи торговли и промышленности въ значительной степени сократились.

Перемѣны въ положеніи сословій. Но наибольшее вниманіе и энергія правительственной политики за данный періодъ были направлены на отношенія сословныя, не принявшія еще вполнѣ опредѣленной формы и требовавшія поэтому особеннаго вниманія. Въ этихъ отношеніяхъ съ наибольшею полнотою сказалась и пріобрѣтенная дворянствомъ возможность вліянія на правительственную политику, такъ какъ они представляли изъ себя почву, на которой сосредоточивались наиболѣе важные интересы сословія. Послѣдніе развивались въ двухъ направленіяхъ, касаясь съ одной стороны отношеній между дворянствомъ и государствомъ, съ другой между дворянствомъ и крѣпостными крестьянами. Въ первыхъ сословіе стремилось добиться сложенія съ себя своей служебной и имущественной зависимости отъ государства, во вторыхъ — власти надъ другимъ сословіемъ. Поэтому первыя относятся главнымъ образомъ къ исторіи дворянства, вторыя— преимущественно къ исторіи крестьянства или крѣпостнаго права.

Дворянство. Уменьшеніе его служебныхъ повинностей и увеличеніе имущественныхъ правъ. Зависимость шляхетства, образовавшагося изъ сліянія всѣхъ служилыхъ людей, отъ государства сказывалась двумя путями: тою службою, которую послѣднее заставляло нести себѣ шляхтичей, и тѣми ограниченіями, которыя оно накладывало на ихъ земельныя владѣнія, пріобрѣтенныя ими въ силу этой службы. Въ свою очередь шляхетство стремилось сбросить съ себя эту двоякую зависимость и пріобрѣсти самостоятельное положеніе; по мѣрѣ же того, какъ благодаря политическимъ событіямъ правительство должно было обращать болѣе вниманія на желанія дворянъ, эти стремленія стали находить себѣ все болѣе осуществленія въ правительственныхъ указахъ.

Что касается службы, то уже въ Петровское время дворяне, тяготясь ею, нерѣдко противопоставляли строгимъ указамъ правительства пассивное, но тѣмъ не менѣе во многихъ случаяхъ успѣшное сопротивленіе. Посошковъ, напр., по этому вопросу говоритъ: «Колико послано указовъ во всѣ городы о недорослѣхъ и молодыхъ дворянскихъ дѣтяхъ; и аще коего дворянина и на имя приказано выслать, то и того не скоро высылаютъ, и буде ничѣмъ отбыть не могутъ, то уже выплютъ. И въ таковомъ ослушаньѣ ихъ дворяне уже состарѣлись въ деревняхъ живучи, а на службѣ одною ногою не бывали... Въ Устрицкомъ стану есть дворянинъ Ѳедоръ Макѣевъ сынъ Пустошкинъ, уже состарѣлся, а на службѣ ни на какой не бывалъ; и какія посылки жестокія на него не бывали, никто взять его не могъ; овыхъ дарами угоб-

зитъ, а кого дарами угобзить не можетъ, то притворитъ себѣ тяжкую болѣзнь или возложитъ на себя юродство и въ озерѣ по бороду поступитъ. И за такимъ его пронырствомъ ниіи и съ дороги отпущали; а егда изъ глазъ у посылщиковъ выѣдетъ, то юродство свое отложитъ и домой пріѣхавъ яко левъ рыкаетъ. И аще никаковыя службы государю не оказалъ кромѣ огурства (лѣности), а сосѣды всѣ его боятся... И не сей токмо Пустошкинъ, но и многое множество дворянъ такъ вѣки свои прожпваютъ. Въ Алексинскомъ уѣздѣ видѣлъ я такого дворянина, именемъ Ивана Васильева сына Золотарева; дома сосѣдямъ своимъ страшенъ яко левъ, а на службѣ хуже козы». Постоянная служба, отрывавшая дворянство отъ его имѣній, заставлявшая жить въ городѣ и не дававшая возможности заниматься хозяйствомъ, въ глазахъ сословія была тяжелымъ бременемъ, отъ котораго оно старалось избавиться всѣми путями. Уже при Екатеринѣ правительство стало снисходительнѣе относиться къ этому стремленію дворянства, что и выразилось въ облегченіи возможности для служащаго дворянина получить отставку. Тогда какъ при Петрѣ трудно было добиться даже продолжительнаго отпуска, теперь отставки сдѣлались если и не обычнымъ, то во всякомъ случаѣ довольно частымъ явленіемъ. Еще чаще практиковались отпуски дворянъ на время со службы въ ихъ помѣстья. Во время политическаго движенія, сопровождавшаго избраніе императрицы Анны Ивановны шляхетство прямо выразило желаніе ограниченія своей обязательной службы опредѣленнымъ срокомъ; одинъ изъ представленныхъ въ Верховный Совѣтъ шляхетскихъ проектовъ предлагалъ именно установить 20-лѣтній срокъ, по истеченіи котораго дворянинъ пріобрѣталъ бы полную свободу распоряженія своею личностью. Анна, чувствовавшая необходимость вознаградить дворянъ за ихъ поддержку и содѣйствіе и привязать къ себѣ это сословіе, удовлетворила этому желанію. Въ изданномъ ею 31 декабря 1736 года указѣ предписывалось: «Всѣмъ шляхтичамъ отъ 7 до 20 лѣтъ возраста ихъ быть въ наукахъ, а отъ 20 лѣтъ употреблять въ военную службу, и всякій долженъ служить въ воинской службѣ отъ 20 лѣтъ возраста своего 25 лѣтъ; а по прошествіи 25 лѣтъ всѣхъ, хотя бы кто еще и въ службу былъ годенъ, отъ воинской и статской службы отставлять, съ повышеніемъ одного ранга, и отпускать въ домы, а кто изъ нихъ добровольно больше служить пожелаетъ, такимъ давать на ихъ волю; а которые шляхтичи, за болѣзнями или ранами, по свидѣтельствамъ, явятся къ службѣ неспособны, могутъ быть отставлены и отпущены въ домы свои и до урочныхъ лѣтъ». Со времени этого указа дворянинъ, достигши 45 лѣтъ, освобождался уже отъ обязательной службы, могъ выйти въ отставку, поселиться въ деревнѣ и заняться своимъ хозяйствомъ. Одновременно съ тѣмъ и имущественныя права сословія были расширены, такъ

какъ государство отказалось отъ послѣдняго ограниченія, которое оно налагало раньше на дворянскія поземельныя имѣнія, и предоставило въ нихъ владѣльцамъ полное право распоряженія. Въ мартѣ 1731 года Анна Ивановна отмѣнила Петровскій указъ о единонаслѣдіи, вызывавшій сильныя жалобы дворянъ тѣми своими постановленіями, которыя стѣсняли ихъ право распоряженія имѣніями. «Милосердуя о своихъ вѣрныхъ подданныхъ, говорила Анна въ своемъ указѣ, пожаловали, повелѣли впредь съ сего нашего указа, какъ помѣстья, такъ и вотчины именовать одно недвижимое имѣніе, вотчина». Дворяне могли впредь распоряжаться всѣми своими поземельными имѣніями совершенно такъ же, какъ и остальнымъ имуществомъ, могли ихъ продавать, закладывать, дробить по завѣщанію и т. д.; въ случаѣ смерти владѣльца безъ завѣщанія его имѣніе шло въ раздѣлъ между наслѣдниками подобно движимому имуществу. Въ этомъ указѣ иногда видятъ побѣду русскаго порядка наслѣдованія надъ маіоратомъ, который пытался установить Петръ, но мы уже видѣли, что значеніе Петровскаго указа 1714 года лежало въ иномъ, и сообразно этому и отмѣнившій его мартовскій законъ 1731 года имѣлъ болѣе глубокое значеніе. Это была побѣда частныхъ, сословныхъ интересовъ надъ государственными: процессъ сліянія вотчинъ съ помѣстьями закончился, приведя къ поглощенію послѣднихъ первыми, къ обращенію государственной собственности въ частную и отреченію отъ всякихъ правъ на нее со стороны правительства, воплощавшаго въ себѣ государство. Дворяне, сложивъ съ себя часть обязанностей по отношенію къ государству, въ то же время пріобрѣли права частныхъ владѣльцевъ тамъ, гдѣ раньше распоряжалось государство, и такимъ образомъ стали въ болѣе независимое, болѣе самостоятельное положеніе. Послѣднее пріобрѣло еще особенное значеніе благодаря процессу, происходившему во взаимныхъ отношеніяхъ сословій дворянскаго и крестьянскаго при содѣйствіи того же правительства.

Крестьянство. Усиленіе крѣпостной зависимости его. Процессъ этотъ въ свою очередь развивался подъ вліяніемъ тѣхъ же общихъ причинъ, вліяніе которыхъ мы уже наблюдали въ другихъ сферахъ государственной жизни, т. е. давленія дворянства на правительственную политику, подчиненія послѣдней интересамъ этого сословія, и тяжелаго экономическаго положенія, въ которомъ очутилось государство. Такое положеніе, какъ мы видѣли, порождало мысль о неудовлетворительности государственнаго и народнаго хозяйства, возбуждало въ правительственныхъ кругахъ толки о необходимости измѣненія податной системы въ смыслѣ облегченія крестьянъ. По мѣрѣ того однако, какъ къ кормилу власти стало въ силу обстоятельствъ ближе всего сословіе, смотрѣвшее на крестьянъ, какъ на свою собственность, которой оно можетъ и должно распоряжаться, эта еще совсѣмъ не выработ-

такая программа замѣнилась другою, очень опредѣленной и указывавшей иной выходъ изъ затруднительнаго положенія, который долженъ былъ заключаться въ переводѣ правъ государства надъ крестьянами на помѣщиковъ. Въ силу этой программы государство могло сложить съ себя заботу о податяхъ и о положеніи крестьянъ на руки ближайшихъ къ нимъ лицъ, отъ которыхъ они находились въ непосредственной зависимости, именно дворянъ-землевладѣльцевъ, и такимъ образомъ рѣшить трудную задачу уравновѣшенія государственнаго бюджета съ народнымъ хозяйствомъ или, по крайней мѣрѣ, избавиться отъ непосредственнаго рѣшенія этой задачи и сложить съ себя прямую отвѣтственность. Отдѣльныя мѣры въ такомъ смыслѣ встрѣчались уже въ Петровскомъ законодательствѣ, когда оно передавало помѣщикамъ наблюденіе за сборомъ податей и судебную власть надъ ихъ крестьянами. Теперь эти мѣры были доразвиты въ цѣлую систему отношеній. Изданный Екатериною I въ 1727 году указъ предписывалъ взыскивать лежавшую на селахъ недоимку съ владѣльцевъ и ихъ приказчиковъ, подвергая въ частности этихъ послѣднихъ наказаніямъ административнымъ путемъ. Владѣльцы, отвѣчавшіе за исправность своихъ крестьянъ въ податномъ отношеніи, должны были заботиться объ ней и располагать достаточными для этого средствами, и уже въ 1731 году новый указъ, подтвердивъ, что подати должны собираться и доставляться правительственнымъ органамъ помѣщиками и ихъ уполномоченными, вмѣстѣ съ тѣмъ обязалъ мѣстныя воинскія команды оказывать имъ необходимую помощь въ случаѣ сопротивленія со стороны крестьянъ. Вслѣдъ затѣмъ, идя далѣе по тому же направленію, правительство передало на отвѣтственность помѣщиковъ и крестьянское хозяйство, указомъ 1734 года предписавъ помѣщикамъ кормить своихъ крестьянъ въ случаѣ неурожая. Въ силу этихъ мѣръ съ одной стороны съ крестьянъ слагалась непосредственная отвѣтственность передъ правительствомъ за неисправный взносъ податей и перелагалась на дворянъ, съ другой — правительство снимало съ себя обязательства по отношенію къ поддержанію экономическаго благосостоянія крестьянства, передавая ихъ опять-таки дворянству, и такимъ образомъ въ томъ и другомъ случаѣ между государствомъ и крестьянами являлся посредникъ. Такимъ посредникомъ было другое сословіе, пользовавшееся уже раньше частною властью надъ крестьянствомъ, но теперь присоединившее къ ней еще и аттрибуты власти государственной. Это послѣднее обстоятельство толкнуло впередъ и развитіе самой частной власти. Передъ помѣщикомъ, получившимъ значеніе правительственнаго агента, крестьянинъ не могъ удержать своего прежняго, независимаго во многихъ отношеніяхъ, положенія и въ то время, какъ значеніе помѣщика выростало, гражданское значеніе крестьянина стало быстро падать. Съ принятіемъ правительствомъ его новой про-

граммы въ отношеніяхъ между государствомъ и крестьянствомъ и проведеніемъ ея въ законодательство, отношенія сословныя стали слагаться изъ двухъ противоположныхъ по направленію, но общихъ по цѣли теченій. Одно вело къ постепенному ограниченію правъ крестьянина, какъ члена общества и государства, другое заключалось въ расширеніи области правъ дворянина-помѣщика надъ крестьяниномъ. Указъ 1730 года запрещалъ крестьянамъ покупать недвижимыя имѣнія, указъ 1731 года лишалъ ихъ права вступать въ откупа, въ 1734 году имъ запрещено было заводить суконныя фабрики, въ 1739 году—покупать людей. Всѣ эти указы, слѣдовательно, существенно ограничивали права крестьянства, ставили его въ низшее сравнительно съ другими сословіями положеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ хозяйственная и личная жизнь крестьянъ подвергалась болѣе строгой регулировкѣ со стороны владѣльцевъ, такъ какъ права послѣднихъ надъ первыми все увеличивались Уже въ 1726 году указъ имп. Екатерины воспретилъ впредь крестьянамъ уходить на отхожіе промыслы безъ отпусковъ отъ своихъ владѣльцевъ. Въ 1732 году послѣдовало новое, и очень важное, расширеніе правъ землевладѣльцевъ. Уже при Петрѣ помѣщики могли переводить своихъ крестьянъ изъ одной мѣстности въ другую, но лишь испросивъ предварительно на это разрѣшеніе камеръ-коллегіи. Имп. Анна уничтожила это послѣднее условіе и дозволила помѣщикамъ свободно переводить крестьянъ изъ одного уѣзда въ другой, заявляя лишь объ этомъ мѣстному начальству. Слѣдовательно, права дворянъ надъ крестьянами сильно повысились, тогда какъ личность крестьянина передъ закономъ въ значительной степени потеряла свое прежнее значеніе.

Можно спросить еще, какъ представлялись эти отношенія, установленныя закономъ, на практикѣ, какъ пользовались дворяне пріобрѣтенными правами. Любопытный отвѣтъ даютъ намъ на это «Экономическія записки», составленныя извѣстнымъ дѣятелемъ этой эпохи, Татищевымъ, и относящіяся къ концу данной эпохи, именно къ 1742 году. Татищевъ совѣтуетъ здѣсь, прежде всего, надѣлить крестьянъ достаточнымъ количествомъ земли, отдавъ имъ половину земли въ имѣніи, при чемъ минимумомъ надѣла на тягло онъ считаетъ 3 десятины, а если настолько земли не хватитъ, то находитъ нужнымъ предоставить все имѣніе крестьянамъ и брать съ нихъ оброкъ. Заботой о достаточномъ надѣлѣ еще не ограничивается забота помѣщика о крестьянахъ: Татищевъ предписываетъ старостѣ смотрѣть, чтобы каждый крестьянинъ имѣлъ достаточное количество скота, хозяйственаго инвентаря, домашней утвари и т. д. «А кто всего вышеписаннаго въ домѣ своемъ имѣть не будетъ, продолжаетъ Татищевъ, таковыхъ отдавать другому въ батраки безъ заплаты, который за него будетъ платить всякую подать и землею его владѣть, а его лѣнивца

имѣть работникомъ, пока онъ заслужитъ хорошую похвалу». Точно также приказывается смотрѣть за крестьянскими работами не только на господской, но и на ихъ собственной землѣ: «работу производить, сдѣлавъ сперва помѣщичью, а потомъ принуждать крестьянъ свою, а не давать имъ то на волю». Тѣхъ, «кто къ работѣ лѣнивъ будетъ», Татищевъ совѣтуетъ «сажать въ тюрьму и не давать хлѣба двои или троп сутки». Въ имѣньѣ строилась такимъ образомъ собственная помѣщичья тюрьма. Далѣе, помѣщикъ, по совѣту Татищева, долженъ былъ имѣть магазины, изъ которыхъ продавалъ бы крестьянамъ все нужное для ихъ хозяйства; равнымъ образомъ «крестьянинъ не долженъ продавать хлѣбъ, скотъ и птицъ лишнихъ кромѣ своей деревни, а когда купца нѣтъ, то долженъ купить помѣщикъ повольною цѣною..., а кто безъ вѣдома продастъ, тѣхъ сажать въ тюрьму»... Наконецъ предписывается «вдовъ и дѣвокъ на выводъ (т. е. замужъ въ чужую деревню) не давать подъ жестокимъ наказаніемъ». Въ этой программѣ дѣятельности помѣщика, нарисованной однимъ изъ образованнѣйшихъ людей этого класса, мы видимъ несомнѣнную заботу о крестьянинѣ: послѣдній долженъ имѣть достаточно земли, хорошее хозяйство и т. д. Но рядомъ съ этой заботой объ экономическомъ благосостояніи крестьянина, является полное попираніе его самыхъ элементарныхъ человѣческихъ правъ: надъ нимъ вѣчно царитъ помѣщичій произволъ, принужденіе, не только на барскомъ полѣ, но и на его собственномъ, не только въ работахъ, но и въ торговлѣ, и даже въ бракѣ. Тюрьма грозитъ ему за лѣность и за свободную торговлю; за неимѣніе полнаго хозяйственнаго инвентаря онъ обращается въ батрака. Уже изъ этого не трудно видѣть, что и самыя заботы объ экономическомъ процвѣтаніи крестьянъ основаны въ этой программѣ далеко не на альтруистическихъ чувствахъ. Дѣйствительно, основаніемъ ихъ служитъ убѣжденіе, что благосостояніе крестьянъ нужно для выгоды помѣщика; уничтожится это убѣжденіе и помѣщикъ перестанетъ заботиться о своихъ крѣпостныхъ. Послѣдніе въ его глазахъ являются уже лишь частью рабочаго инвентаря имѣнія, не болѣе. Всѣ права человѣческой личности ихъ исчезаютъ передъ помѣщичьей выгодой, являющейся единственнымъ регуляторомъ взаимныхъ отношеній.

Слѣдовательно, значеніе крестьянъ въ качествѣ гражданъ государства и членовъ общества сильно пало. Дворянство, выдвинувшись изъ ряда другихъ сословій, пріобрѣтя сильное вліяніе на правительство, толкнуло его политику въ соціальныхъ отношеніяхъ на путь закрѣпощенія, передачи власти надъ однимъ сословіемъ другому и успѣло сдѣлать крупные шаги на этомъ пути. Упрочивъ свое положеніе, какъ сословія, окончательнымъ закрѣпленіемъ за собою въ полную собственность недвижимыхъ имѣній, ограничивъ опредѣленнымъ срокомъ службу и тѣмъ сокративъ

свои обязательства по отношенію къ государству, оно расширило свои права на почвѣ соціальныхъ отношеній, тѣснѣе подчинивъ себѣ крестьянство. Это подчиненіе еще не перешло въ исключительно частную зависимость, но было уже недалеко отъ нея, такъ какъ государственный характеръ его выражался уже только въ обязательной службѣ дворянъ.

42-я и 43-я ЛЕКЦІИ.

Отношеніе правительства къ Малороссіи и внутренняя исторія ея.

Я позволю себѣ, мм. гг., напомнить вамъ въ короткихъ словахъ выводы, полученные нами изъ обозрѣнія политическихъ и соціальныхъ отношеній въ русскомъ государствѣ за время отъ смерти Петра I до воцаренія Елизаветы. Та форма, въ которую вылились политическія отношенія страны, осталась прежней, неизмѣнной, но содержаніе, въ ней заключавшееся, существенно видоизмѣнилось. Классъ среднихъ и низшихъ служилыхъ людей, бывшихъ раньше простыми подчиненными слугами верховной власти, преобразовался въ сословіе, объединился подъ именемъ шляхетства и выступилъ на политическую арену уже со своими собственными желаніями и стремленіями. Правда, шляхетству этому не удалось осуществить всѣ свои планы, оно потерпѣло рѣшительное пораженіе въ дѣлѣ пріобрѣтенія себѣ политическихъ правъ и гарантій, но за то тѣмъ прочнѣе былъ его успѣхъ на иной почвѣ—соціальныхъ отношеній и собственныхъ экономическихъ интересовъ. Путемъ участія въ дворцовыхъ переворотахъ, путемъ созданія и низверженія правительствъ шляхетство, не измѣняя основной формы государства, вынудило верховную власть на уступки, заставило ее считаться съ интересами дворянъ, какъ служилыхъ людей и какъ землевладѣльцевъ Эти интересы постепенно находили себѣ теперь удовлетвореніе и правительство, сохраняя свою старую внѣшность, на дѣлѣ все далѣе заходило по дорогѣ, указывавшейся ему дворянскими стремленіями. Въ награду за помощь, оказанную при вступленіи во власть, отдѣльныя правительства давали дворянамъ различныя льготы, которыхъ тѣ добивались, и это, пока еще частичное, удовлетвореніе желаній сословія становилось чѣмъ далѣе, тѣмъ полнѣе. Понемногу дворянство стало освобождаться изъ-подъ полной своей зависимости отъ государственной службы, послѣдняя была ограничена и выходъ изъ нея дозволенъ. Такимъ образомъ уже

нарушался старый принципъ московскаго государства, въ силу котораго служба въ томъ или иномъ видѣ была обязательна для всякаго. Но рядомъ съ этимъ не произошло не только повсемѣстной отмѣны этого принципа, но даже и облегченій въ его примѣненіи для остальной, недворянской массы. Положеніе, занятое дворянствомъ, являлось исключеніемъ, результатомъ уступки правительства сословнымъ интересамъ этой группы людей и такъ государственный порядокъ сталъ строиться на болѣе узкомъ фундаментѣ, допуская изъ себя массовыя исключенія и обрушиваясь всею своею тяжестью на остальную часть населенія. Но и этого еще мало Дворяне не ограничивались однимъ уходомъ отъ государственной службы, они преслѣдовали свои интересы еще и въ другомъ отношеніи, какъ землевладѣльцы. И здѣсь равнымъ образомъ правительство пошло на встрѣчу желаніямъ дворянства и, укрѣпивъ за нимъ всѣ его права на поземельныя имѣнія, вмѣстѣ подтвердило и укрѣпило права его на трудъ жившихъ въ этихъ имѣніяхъ крестьянъ. Воспользовавшись тѣми отношеніями между крестьянами и ними, какія созданы были мѣрами Петровскаго правительства, дворяне расширили область своихъ правъ надъ крестьянствомъ и разъ такое расширеніе было вслѣдъ затѣмъ признано и правительствомъ, то произошло уже коренное измѣненіе государственной политики. Прикрѣпленные ранѣе къ службѣ дворяне стали постепенно отъ нея освобождаться, но рядомъ съ этимъ процессомъ шелъ иной: прикрѣпленіе крестьянъ, раньше носившее чисто государственный характеръ, быстро обращалось въ частную крѣпостную зависимость, и оба эти процесса тѣсно связывались между собою, оба они направлялись волею и желаніями одного сословія, ставшаго теперь активнымъ и первенствующимъ политическимъ дѣятелемъ. Жизнь политическая тѣсно переплеталась съ соціальной, но такъ какъ такое переплетеніе происходило преимущественно на почвѣ интересовъ одного сословія, то въ дальнѣйшемъ развитіи оно обусловливало собою рѣзкое соціальное разъединеніе, поддерживаемое дѣятельностью правительства. Проникновеніе послѣдней интересами и взглядами одного сословія породило и новое явленіе, видоизмѣнивъ отношеніе правительства къ областямъ, и именно къ той, положеніе которой вызывало наиболѣе вниманія, т. е. Малороссіи.

Мы покинули исторію этой страны на томъ моментѣ, когда Петръ провелъ свои крутыя мѣры по отношенію къ ея самоуправленію, уничтожилъ гетманство и назначилъ своею властью Коллегію и многихъ низшихъ администраторовъ въ лицѣ полковниковъ и сотниковъ. Эти мѣры, основною цѣлью которыхъ была бо́льшая централизація управленія, установленіе болѣе тѣсной связи между Малороссіей и верховной властью въ видѣ непосредственнаго подчиненія страны послѣдней, проведены были однако подъ по-

кровомъ демократическаго принципа—защиты народа отъ притѣсненій и самоуправства старшины, отъ грозившаго ему порабощенія. Но такъ какъ мѣропріятія Петровскаго правительства направлены были почти исключительно на переустройство администраціи и лишь отчасти пытались установить строгія юридическія отношенія, точныя грани между различными классами народа (козаками и посполитыми), совершенно уже не касаясь экономической стороны отношеній между крестьянствомъ и крупными землевладѣльцами, иначе говоря старшиною, то и этотъ демократическій принципъ остался въ нихъ лишь покровомъ, одною безплотной идеей, которой предстояло еще дать плоть и кровь. Изъ двухъ задачъ, поставленныхъ себѣ Петровскимъ правительствомъ по отношенію къ Малороссіи,—тѣсно связать ее съ верховной имперской властью и отстоять въ ней интересы народа, оно успѣло выполнить только ближе его касавшуюся первую, нанеся при этомъ лишь косвенный ударъ могуществу старшины, который во многихъ случаяхъ отразился и на народѣ. Благодаря тому, что правительство выставило общій принципъ съ демократической окраской, но не приняло мѣръ къ его дѣйствительному проведенію въ жизнь, народъ, по своему понявшій эти мѣры, самъ принялся за такое проведеніе. Вслѣдъ за уничтоженіемъ гетманства крестьяне многихъ селъ и деревень отказались повиноваться своимъ «державцамъ», какъ назывались въ Малороссіи помѣщики, и не хотѣли больше работать на нихъ. Изъ самыхъ различныхъ угловъ Малороссіи въ генеральную войсковую канцелярію, замѣнившую собою гетмана, шли жалобы державцевъ, что крестьяне ихъ, проникшись «легкомысліемъ», не слушаются ихъ и не хотятъ «въ жатвѣ, косовицѣ и въ другихъ работизнахъ послушенства до дворцовъ тамошнихъ отдавати». Въ иныхъ мѣстахъ дѣло не ограничилось этимъ и среди крестьянства вспыхнуло болѣе серьезное волненіе: козаки, притянутые было владѣльцами въ число посполитыхъ, выходили изъ этого разряда, безъ суда отказываясь отъ исправленія всякихъ посполитскихъ обязанностей, посполитые роптали на увеличившійся размѣръ повинностей и въ случаѣ принужденія со стороны владѣльца выходить на работу, на насиліе отвѣчали уже не только пассивнымъ сопротивленіемъ, но и насиліемъ же. Нѣсколько помѣщичьихъ усадьбъ сгорѣло отъ поджоговъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отдѣльные, наиболѣе ненавистные своими притѣсненіями члены старшины были избиты. Волненіе ширилось и росло, охватывая все большія пространства, вспыхивая отдѣльными огоньками въ различныхъ мѣстахъ. Народъ заявлялъ свой протестъ противъ устанавливавшихся порядковъ, противъ того гнета, который ложился на его плечи въ видѣ владѣльческаго и административнаго произвола. Генеральная войсковая канцелярія въ качествѣ главнаго учрежденія страны поспѣшила принять свои

мѣры для прекращенія волненій. Эти мѣры были, впрочемъ, несложны: во всѣ мѣстности, гдѣ волновались крестьяне, были разосланы къ нимъ грозные универсалы съ приказаніемъ немедленно покинуть свою противность и подчиниться требованіямъ владѣльцевъ, «оставивши всякую шатость и ослушаніе». Не довольствуясь этими частными мѣрами, канцелярія въ декабрѣ 1722 года разослала по всѣмъ полкамъ такого рода универсалъ (привожу его въ переводѣ съ малорусскаго подлинника): «изъ разныхъ мѣстъ приходится намъ слышать, что многіе легкомысленные подданные изъ посполитыхъ, вооружившись какимъ-то самовольствомъ, не хотятъ отдавать должнаго послушенства своимъ владѣльцамъ; поэтому мы, имѣя по милости Его И. В. повѣренную себѣ на это время между гетманствомъ власть устраивать всякіе въ Малой Россіи надлежащіе порядки и стараясь, чтобы чрезъ самовольство такихъ легкомысленныхъ подданныхъ не прекратилось обыкновенное ихъ послушаніе, разсылаемъ этотъ универсалъ, черезъ который настоятельно требуемъ и приказываемъ, чтобы какъ самъ панъ полковникъ, такъ и всякая городовая и сельская старшина накрѣпко смотрѣли, чтобы поспольство, пребывающее въ подданствѣ, не проявляло никакого самовольства противъ своихъ владѣльцевъ, а если бы гдѣ и отъ какихъ-либо подданныхъ произошли какія-нибудь самовольство, легкомысліе и противность, таковыхъ приказываемъ заключать въ тюрьмы и по разсмотрѣніи вины нещадно публично карать». Генеральная канцелярія становилась, стало быть, въ своихъ универсалахъ всецѣло на сторону владѣльцевъ, защищая установившійся соціальный строй, противный интересамъ народа, пытавшагося высказать свой протестъ и сломить невыгодныя для себя стороны этого строя. Надежды народа на то, что административныя измѣненія сослужатъ ему службу на этомъ пути, оказались неосновательными и разсыпались передъ универсалами генеральной войсковой канцеляріи. Малороссійская же коллегія, учрежденная въ 1722 году, хотя въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаяхъ и вступалась за посполитыхъ и козаковъ противъ владѣльцевъ, но въ то же время сильно повысила сборы съ нихъ: тогда какъ въ 1722 г. по всей Малороссіи собиралось 45.000 рублей и 17.000 четвертей муки, въ 1724 г. сборъ равнялся 140.000 р. и 40.000 четвертей муки, а въ 1725 году, при Екатеринѣ I, 118.000 руб. и 36.000 четвертей.

Слѣдовательно, Петровскія административныя учрежденія не рѣшили вопроса о преобразованіи намѣчавшагося соціальнаго строя въ иномъ, болѣе близкомъ къ интересамъ народа, направленіи и, сломивъ самоуправленіе, не сломили власти старшины, какъ экономической и общественной силы, а продолжали поддерживать ее и тѣмъ содѣйствовать усиленію ея гнета надъ низшими слоями народа. Послѣдовавшимъ затѣмъ правительствамъ

предстояло выработать ту или иную систему отношеній къ соціальнымъ запросамъ Малороссіи, послѣ того, какъ правительство Петра дало возможность широкаго вмѣшательства въ жизнь страны. Отъ направленія политики центральнаго правительства въ значительной степени зависѣло теперь то или иное направленіе внутренней жизни страны, если не исходъ совершавшихся въ ней процессовъ. Преемники Петра могли теперь взяться за другую половину задачи его — обезпеченіе интересовъ народа, на которую при немъ были направлены лишь отдѣльныя и болѣе случайныя мѣры, не принесшія осязательныхъ плодовъ. Но въ тотъ моментъ, какъ передъ русскимъ правительствомъ открывалась эта задача воздѣйствія на внутреннюю жизнь Малороссіи въ ея соціальныхъ отношеніяхъ, установленія нормъ, въ предѣлахъ которыхъ должны были развиваться эти послѣднія, оно само все болѣе, какъ мы видѣли, проникалось стремленіями класса, имѣвшаго на этотъ вопросъ весьма опредѣленныя воззрѣнія. Вопросъ объ устройствѣ жизни свободнаго малорусскаго крестьянства, объ охранѣ его личной свободы и экономической независимости отъ притязаній старшины выступилъ на очередь передъ русскимъ правительствомъ тогда, когда оно, слѣдя за желаніями великорусскаго дворянства, сильно проникалось уже крѣпостническими тенденціями. Неудивительно, что онъ не привлекъ къ себѣ теперь большаго вниманія: онъ лежалъ слишкомъ въ сторонѣ отъ непосредственныхъ интересовъ правительства, не совпадалъ съ его взглядами и часто даже прямо противорѣчилъ имъ. Это обстоятельство оказало могущественное и рѣшительное вліяніе на политику правительствъ за 1725—41 гг. по отношенію къ Малороссіи, вліяніе, которое выразилось въ двухъ фактахъ: 1) главное вниманіе правительственной политики было обращено не на соціальные, а на политическіе и административные вопросы, путемъ которыхъ думали установить возможно болѣе тѣсную связь съ центромъ; 2) тамъ, гдѣ эта политика соприкасалась съ вопросами соціальнаго быта, она, продолжая теоретически отстаивать интересы народа, на практикѣ проводила мѣры, шедшія въ разрѣзъ съ ними, содѣйствовавшія все большему закрѣпощенію крестьянства.

По смерти Петра та крутая и произвольная политика, какой онъ держался по отношенію къ политическимъ правамъ малорусскаго народа и въ частности старшины, была замѣнена болѣе мягкой системой. При Екатеринѣ старшины, сидѣвшіе въ Петропавловской крѣпости, были выпущены изъ нея и имъ возвращены были ихъ имущества, съ тѣмъ условіемъ однако, чтобы они не выѣзжали изъ Петербурга. Со смертью Екатерины и паденіемъ Меншикова правительство пошло еще далѣе въ своихъ примирительныхъ стремленіяхъ. Были возстановлены именно прежнія формы малорусскаго самоуправленія, гетманство и генеральный

судъ, и уничтожена Малороссійская Коллегія, успѣвшая возбудить противъ себя общую ненависть, владѣльцевъ — вслѣдствіе попытокъ ея вступаться за крестьянъ, посполитыхъ и козаковъ — вслѣдствіе непомѣрныхъ поборовъ, накладывавшихся ею. Возстановлялись, впрочемъ, только уже однѣ формы самоуправленія, а не суть его: гетманъ былъ избранъ по указанію изъ Петербурга, именно миргородскій полковникъ Даніилъ Апостолъ, въ генеральномъ судѣ было посажено 3 великорусскихъ члена по назначенію отъ правительства. Недовольные рѣшеніемъ генеральнаго суда могли аппеллировать государю. Администрація, при такомъ порядкѣ, сохраняла лишь тѣнь самостоятельности по отношенію къ верховной власти, но во внутреннихъ дѣлахъ страны въ ней предоставленъ былъ большій просторъ стремленіямъ старшины. И эта форма управленія продержалась однако не долго: при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, когда умеръ Апостолъ, гетмана не дозволено было избрать, а 31 декабря 1734 года послѣдовалъ указъ, вновь перестраивавшій административныя учрежденія страны. Главнымъ учрежденіемъ въ ней, согласно этому указу, сдѣлалась коллегія, состоявшая изъ 7 членовъ, четверо изъ которыхъ должны быть малороссами, а трое великороссами, причемъ они назначались бы на свою должность верховною властью. Отъ этой коллегіи возможна была аппелляція, и притомъ уже не къ личности государя, а въ сенатъ. Легко видѣть, что всѣ эти постепенныя преобразованія имѣли своей цѣлью приведеніе Малороссіи въ болѣе тѣсную административную связь съ остальной имперіей и шагъ за шагомъ шли все дальше къ этой цѣли. Подчиненіе Малороссіи сенату, учрежденію, вѣдавшему всѣ провинціи имперіи, явилось уже крупнымъ пріобрѣтеніемъ на этомъ пути. Что касается степени воздѣйствія этихъ мѣръ на внутреннюю жизнь народа, то здѣсь надо отмѣтить два обстоятельства.

Въ высшей администраціи, т. е. той, которая и подвергалась собственно преобразованію, не было болѣе мѣста для представительства народныхъ интересовъ, такъ какъ ее составляли или чуждые народу, его понятіямъ и интересамъ, великороссы или же успѣвшіе заявить себя передъ правительствомъ члены малорусской старшины. Свободное проявленіе народной воли совершенно отсутствовало даже тогда, когда существовали выборы, и благодаря этому подъ формой самоуправленія удобно укрывались эгоистическіе интересы одной общественной группы. Администраціи низшей, полковой и сотенной, преобразованія не коснулись, здѣсь самоуправленіе сохраняло еще до нѣкоторой степени прежнія традиціи, но и здѣсь оно не было полнымъ. Давленіе высшей администраціи на низшую было очень сильно, равно какъ сильна была и та поддержка, какую послѣдняя могла найти себѣ у первой, и въ результатѣ этого низшіе чины администраціи, хотя и выборные, въ большинствѣ случаевъ пользовались своею властью

не въ интересахъ народа, а противъ него, такъ какъ они отдѣлялись отъ него своими соціальными интересами и находили для нихъ поддержку наверху.

Въ силу всего этого, какъ прямое послѣдствіе административныхъ преобразованій, явилась болѣе тѣсная административная связь Малороссіи съ остальной имперіей; косвеннымъ послѣдствіемъ ихъ было то, что въ преобразованной администраціи воплотились по преимуществу интересы класса старшины.

Далеко не такъ многочисленны, настойчивы и опредѣленны были мѣры, направленныя на опредѣленіе взаимныхъ отношеній различныхъ общественныхъ классовъ. Въ нихъ можно различить два теченія: одно какъ бы стремилось удовлетворить интересы народа, другое подтверждало или вновь создавало факты, шедшіе въ разрѣзъ съ этими интересами. Правительство и послѣ Петра не отказывалось еще всецѣло отъ той демократической тенденціи, какая свойственна была взглядамъ перваго императора. Втеченіе всего этого періода издавались и повторялись указы, запрещавшіе переводить козаковъ въ число посполитыхъ и такимъ образомъ противодѣйствовавшіе эгоистическимъ стремленіямъ старшины. Но помимо этой, ставшей уже шаблонною, формы выраженія участія къ народу ничего болѣе реальнаго не было предпринято. Между тѣмъ рядомъ правительство совершало дѣйствія, имѣвшія уже совершенно другую окраску. Такъ, оно раздавало разнымъ лицамъ, и часто великороссамъ, имѣнія въ Малороссіи, остававшіяся еще «свободными», т. е. не имѣвшія никакихъ державцевъ. Одинъ Меншиковъ, напр., получилъ въ 1726 году г. Батуринъ съ 1.302 дворами посполитыхъ и г. Гадячъ съ селами, гдѣ было 2.705 посполитскихъ дворовъ, всего 4.007 дворовъ. Немалыя пожалованія дѣлались также и другимъ лицамъ, и такимъ путемъ число свободныхъ, только государству несшихъ обязанности крестьянъ быстро и постоянно уменьшалось. Еще большее значеніе имѣла мѣра, предпринятая правительствомъ при имп. Аннѣ въ 1730 году. Тогда именно произведено было т. н. генеральное слѣдствіе о маетностяхъ, т. е. объ имѣніяхъ и тѣхъ правахъ, на основаніи которыхъ пользовались ими владѣльцы. Въ результатѣ этого слѣдствія всѣ имѣнія были раздѣлены на нѣсколько группъ: частновладѣльческія и монастырскія, ранговыя или принадлежащія на чины, и свободныя, и эти группы утверждены на будущее время. Вслѣдствіе этого частновладѣльческія имѣнія впервые получили общее законное обоснованіе своего существованія, котораго они раньше не имѣли, и старшина почувствовала наконецъ подъ своими ногами твердую экономическую почву. Но рядомъ съ этой заботой о землевладѣніи, послужившей на пользу преимущественно старшинъ, не проявилось никакой заботы къ крестьянскому населенію имѣній и правительство, довольствуясь тѣмъ, что законъ утверждалъ

свободу этого населенія, не приняло никакихъ мѣръ къ охранѣ этой свободы.

Слѣдовательно правительственная политика, поскольку она касалась отношеній общественныхъ классовъ въ Малороссіи, была скорѣе благопріятна для класса старшины. Доставивъ ему возможность участія въ управленіи, закрѣпивъ его шаткое экономическое положеніе, создавшееся въ ущербъ нижнимъ слоямъ народа, она и на будущее время не положила серьезныхъ преградъ его притязаніямъ на народный трудъ и крестьянскую землю, сдѣлавъ только попытку отгородить козаковъ отъ возможности перехода въ посполитые, попытку, не обѣщавшую, впрочемъ, особаго успѣха въ виду элементарности сопровождавшихъ ее мѣръ, заключавшихся въ простомъ запрещеніи такого перехода, но не устранявшихъ его причинъ, коренившихся по преимуществу въ экономической зависимости козачества отъ старшины. При такомъ положеніи притязанія владѣльцевъ на практикѣ могли осуществляться почти безпрепятственно и разростаться все болѣе. Дѣйствительно, скупля земель козачьихъ и посполитскихъ владѣльцами за это время приняла громадные размѣры и вмѣстѣ съ тѣмъ классъ посполитыхъ сильно росъ въ числѣ благодаря переходу въ него значительнаго количества козаковъ. Положеніе же посполитыхъ ухудшалось: владѣльцы отягощали ихъ тяжелой работой, не стѣсняясь въ этомъ отношеніи никакими соображеніями. Уже въ это время мы встрѣчаемъ извѣстія, что нѣкоторые державцы заставляютъ крестьянъ работать на себя по 6 дней въ недѣлю; это еще рѣдкое исключеніе, конечно, но оно показываетъ, до чего уже могъ доходить помѣщичій произволъ. Одновременно и личныя права крестьянина страдали отъ произвола владѣльца, тѣмъ болѣе въ этомъ случаѣ сильнаго, что выросши на экономической почвѣ, онъ подкрѣплялся и административною властью, находившеюся въ рукахъ самого ли державца или его собратій, соединенныхъ съ нимъ общими интересами. Жестокія наказанія посполитыхъ, даже истязанія входятъ мало по малу въ практику жизни и удерживаются въ ней, не смотря на все несоотвѣтствіе, какое они представляютъ съ признаваемой закономъ личной свободой посполитаго. Эта свобода даетъ ему при установившемся порядкѣ вещей только одну возможность избѣжать произвола—уйти отъ такого владѣльца, но такой уходъ приноситъ мало ущерба послѣднему, такъ какъ развился уже довольно многочисленный классъ бродячихъ безземельныхъ крестьянъ, и на мѣсто одного ушедшаго рабочаго являются ихъ нѣсколько. Тѣмъ не менѣе переходъ отъ одного владѣльца къ другому, все болѣе ослабляющій крестьянство, такъ какъ при этомъ оно теряетъ свои земли, все сильнѣе развивается, ибо онъ представляетъ изъ себя уже единственно возможный протестъ противъ владѣльческаго гнета и насилія. Усиленіе фактовъ этого перехода вызвало однако новую

тенденцію и у владѣльцевъ: опасаясь лишиться рабочихъ рукъ, они стали силою задерживать у себя посполитыхъ и въ то же время предприняли хлопоты у администраціи о запрещеніи перехода, который теперь они стали называть уже «побѣгами». За 30-е годы извѣстно уже нѣсколько случаевъ такихъ просьбъ и подобная тенденція еще поддерживалась присутствіемъ въ странѣ великорусскихъ чиновниковъ и помѣщиковъ, вводившихъ сюда обычаи крѣпостнаго права Крестьянство все болѣе теряло свои права, и все дальше расходилось въ своихъ интересахъ съ державцами, находившими себѣ однако поддержку у правительства. Политика послѣдняго, имѣвшая главнымъ образомъ въ виду административную связь Малороссіи съ имперіей, дѣйствительно укрѣпила ее, даже болѣе, она установила связь между русскимъ дворянствомъ и малорусской старшиной, но не создала связи идейной, сознаваемой всѣмъ народомъ, находящимъ въ ней удовлетвореніе своихъ интересовъ.

Внѣшняя политика государства въ 1725—1741 г.г. Намъ осталось очертить еще одну сторону государственной жизни даннаго періода, именно характеръ и направленіе внѣшней политики Россіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣдямъ. Припомнимъ, что въ Петровское время были поставлены на очередь три задачи внѣшней политики, въ отношеніяхъ къ Швеціи, Турціи и Польшѣ. Лишь одна изъ этихъ задачъ была разрѣшена Петромъ въ ея цѣломъ и не могла болѣе привлекать на себя вниманія, такъ какъ Швеція была слишкомъ ослаблена, чтобы имѣть возможность серьезно пытаться возвратить себѣ старое значеніе. Оставалось такимъ образомъ устроить отношенія къ Турціи и Польшѣ, и это выпало уже на долю преемниковъ Петра. Споръ между Турціей и Россіей велся въ это время главнымъ образомъ изъ-за желанія послѣдней овладѣть сѣвернымъ побережьемъ Чернаго моря и Крымомъ, такъ какъ населявшіе его татары продолжали свои набѣги на Малороссію и не давали возможности распространяться на югъ русской земледѣльческой колонизаціи. Съ этой, вытекавшей изъ чисто практическихъ потребностей государства, задачей соединялась однако еще и другая, болѣе отдаленная, но равнымъ образомъ шедшая изъ давнихъ временъ и заключавшаяся именно въ освобожденіи южныхъ славянъ и вообще православныхъ народовъ, жившихъ подъ турецкимъ владычествомъ. Таковы были отношенія къ Турціи, какъ ихъ завѣщалъ Петръ своимъ преемникамъ: пріобрѣтеніе областей на югѣ государства и освобожденіе родственныхъ по происхожденію и религіи племенъ Балканскаго государства—были цѣлями этой политики, для достиженія которыхъ неизбѣжнымъ средствомъ являлась война. Въ иномъ видѣ представлялись отношенія къ западному сосѣду, Польшѣ; здѣсь со времени Петра русская политика поставила себѣ цѣлью подчиненіе этой страны всецѣло своему вліянію,

соединяя съ этимъ охрану религіозныхъ интересовъ ея православнаго населенія. Осуществленіе этихъ цѣлей достигалось болѣе мирнымъ путемъ вмѣшательства во внутреннія дѣла страны, сдѣлавшагося возможнымъ съ того времени, какъ государственный механизмъ Рѣчи Посполитой разстроился и она впала въ тяжелую и долгую анархію. Преемники Петра, унаслѣдовавъ отъ него эти задачи внѣшней политики, вмѣстѣ унаслѣдовали и способъ ихъ разрѣшенія. Уже самъ Петръ старался заключить постоянный союзъ съ Австріей, чтобы привлечь ее въ качествѣ помощника въ борьбѣ съ Турціей. Эта мысль Петра была осуществлена при ближайшей его преемницѣ, Екатеринѣ, когда въ 1726 г. союзъ съ имперіей Габсбурговъ дѣйствительно состоялся. Практическое значеніе получилъ онъ при Аннѣ Ивановнѣ, когда начата была Россіей и Австріею война съ Турціей. Особенно важныхъ результатовъ война эта однако не имѣла: не смотря на нѣсколько побѣдъ, не смотря на то, что до 100.000 солдатъ было уложено Минихомъ въ его походахъ, въ 1739 году Россіи пришлось заключить Бѣлградскій миръ, по которому ей достался только кусокъ степи между Днѣпромъ и Бугомъ. Такой исходъ обусловленъ былъ неудачными дѣйствіями союзныхъ австрійцевъ и противодѣйствіемъ, какое встрѣтили Австрія и Россія со стороны французской политики. Такимъ образомъ война съ Турціей и на этотъ разъ не дала ожидавшихся отъ нея результатовъ: не только не были достигнуты болѣе далекія задачи борьбы съ этимъ государствомъ въ видѣ освобожденія изъ-подъ его власти единовѣрныхъ народовъ, но не удалось осуществить и ближайшихъ цѣлей: сѣверные берега Чернаго моря по прежнему остались въ рукахъ турокъ и послѣдніе обязались только срыть Азовъ.

Большій успѣхъ сопровождалъ русскую политику въ ея отношеніяхъ къ Польшѣ. Союзъ съ Австріей распространялся и на эти отношенія, тѣмъ съ большею легкостью, что Австріи, какъ и Россіи, выгодно было поддерживать постоянную неурядицу въ Рѣчи Посполитой и не допускать ее возстановить спокойствіе и порядокъ въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ и тѣмъ самымъ стать независимой отъ сосѣдей и, пожалуй, опасной имъ. Правда, Австрія съ удовольствіемъ пошла бы и дальше и нѣсколько разъ австрійскіе политики дѣлали даже предложенія о раздѣлѣ польскихъ владѣній между Россіей, Австріей и Пруссіей, но русское правительство не шло на это. При имп. Аннѣ, когда по смерти польскаго короля Августа II престолъ польскій сдѣлался вакантнымъ, между Россіей и Австріей состоялось соглашеніе, закрѣпленное Варшавской конвенціей, въ силу которой оба государства обязывались содѣйствовать возведенію на тронъ Польши сына умершаго короля, курфирста саксонскаго Августа. Не смотря на то, что большинство поляковъ на сеймѣ подало голоса за другого кандидата, поляка Лещинскаго, союзнымъ государ-

ствамъ удалось навязать Польшѣ въ короли Августа. Русское войско вступило въ предѣлы Рѣчи Посполитой, разсѣяло пытавшіеся ему сопротивляться немногочисленные польскіе отряды и, осадивъ Лещинскаго въ Гданскѣ, принудило его наконецъ бѣжать за границу. Съ помощью русскихъ штыковъ взошедшій на польскій престолъ Августъ, конечно, служилъ русскимъ интересамъ и такимъ образомъ Польша еще болѣе подпала подъ русское вліяніе.

Таковы были результаты, достигнутые русской политикой во внѣшнихъ отношеніяхъ государства. Идя по тому направленію, какое придано было ей предшествующей эпохой, политика эта не рѣшила представлявшихся ей вопросовъ вполнѣ, но дѣлала усилія къ ихъ разрѣшенію. Въ одномъ изъ такихъ вопросовъ усилія эти остались почти безплодными, въ другомъ они сильно подвинули государство къ его рѣшенію. Была въ этой политикѣ еще и другая сторона, независимо отъ тѣхъ цѣлей, какія она себѣ ставила, и этой стороною было международное положеніе Россіи. Со времени Петра В. Россія уже выдвинулась впередъ, захватила себѣ то первенствующее мѣсто на сѣверѣ Европы, которое раньше принадлежало Швеціи, и благодаря этому получила возможность вѣскаго голоса въ рѣшеніи дѣлъ, касавшихся различныхъ государствъ Европы. Такое международное значеніе ея еще усилилось въ послѣдовавшее затѣмъ время и произвело то, что другія европейскія государства начали прилагать все болѣе заботъ о томъ, чтобы склонить эту новую силу на свою сторону, заключить съ нею союзъ и съ этою цѣлью даже дѣлали попытки вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи. Самое вступленіе на престолъ Елизаветы, закончившее собою эту эпоху, совершилось не безъ нѣкотораго участія французскаго посланника Шетарди, надѣявшагося склонить новое правительство къ союзу съ Франціей.

Время императрицы Елизаветы Петровны.

44-я ЛЕКЦІЯ.

Общее значеніе времени Елизаветы и дѣятели ея царствованія.

Мы переходимъ теперь къ изученію того промежутка времени, который охваченъ былъ царствованіемъ Елизаветы Петровны. Не обладая такими характерными и оригинальными, ему одному принадлежащими чертами, которыя давали бы поводъ и основаніе выдѣлить его въ особый крупный періодъ, это время представляло однако отличія отъ предъидущаго, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ своихъ сторонахъ довольно серьезныя и значительныя. Не только общее, намѣтившееся уже теченіе государственной и общественной жизни приняло болѣе опредѣленный характеръ, но еще сверхъ того въ немъ выступили наружу кое-какія новыя черты, раньше незамѣтныя и только теперь получившія возможность развитія и обнаруженія. На этихъ-то чертахъ, на этихъ сторонахъ жизни, составившихъ собою то, что можно опредѣлить, какъ особое, спеціальное значеніе времени Елизаветы въ русской исторіи 18-го вѣка, я и остановлю сегодня ваше вниманіе.

Такое значеніе обусловливалось прежде всего обстоятельствами, сопровождавшими вступленіе Елизаветы на отцовскій престолъ. Послѣднее совершилось благодаря движенію широкихъ шляхетскихъ круговъ, дѣйствовавшихъ противъ существовавшаго правительства не столько за его сущность, сколько за форму, въ которую оно облекалось, не столько противъ его политики и направленія, сколько противъ людей, создавшихъ ту и другое. Въ знакомую уже, почти привычную форму дворцоваго переворота, совершаемаго гвардіей, въ данномъ случаѣ уложился протестъ, исходившій главнымъ образомъ не изъ политическаго разсчета, а изъ оскорбленнаго національнаго самолюбія, изъ непріятнаго

сознанія, что въ русскомъ государствѣ правятъ и распоряжаются имъ нѣмцы, чужіе люди, появляющіеся изъ-за границы. Именно это оскорбленное національное чувство побудило недовольныхъ оглядываться на Елизавету, представительницу иной линіи царскаго рода, дочь императора, заставлявшаго русскихъ учиться у иноземцевъ, но не дававшаго послѣднимъ первенствующаго положенія въ своей странѣ. Ореолъ Петровскаго имени—съ одной стороны, естественный антагонизмъ между Елизаветой и правительствами Анны Ивановны и Анны Леопольдовны—съ другой послужили обстоятельствами, помогшими дочери Петра сдѣлаться главою партіи недовольныхъ, объединить подъ своимъ именемъ ихъ стремленія и наконецъ совершить переворотъ. Но разъ послѣдній былъ произведенъ, то стремленіе, которое служило его основнымъ двигателемъ, могло проявиться въ широкихъ размѣрахъ, получало возможность воздѣйствія на жизнь и, конечно, не замедлило этимъ и воспользоваться. Едва совершилось провозглашеніе Елизаветы императрицей, какъ и дѣйствительно такое стремленіе съ значительной силой сказалось въ различныхъ сферахъ государственной и общественной жизни.

Какъ только извѣстіе о воцареніи Елизаветы достигло войска, отправленнаго передъ тѣмъ въ Финляндію противъ шведовъ, въ немъ началось броженіе, перешедшее наконецъ въ открытый бунтъ противъ всѣхъ начальниковъ и офицеровъ иноземнаго происхожденія. Солдаты кричали, что надо избить всѣхъ нѣмцевъ, и только благодаря энергіи и рѣшительности генерала Кейта опасность такого массоваго избіенія была для послѣднихъ устранена и бунтъ усмиренъ. Въ самомъ Петербургѣ въ рядахъ войска долго сдерживавшееся раздраженіе противъ иноземцевъ прорывалось теперь съ тѣмъ бо́льшею силой. Одного случайнаго столкновенія солдата съ русскимъ же офицеромъ нѣмецкаго происхожденія оказалось достаточно для того, чтобы навлечь на послѣдняго и его товарищей толпу солдатъ и вызвать цѣлое побоище, въ результатѣ котораго нѣсколько офицеровъ-нѣмцевъ было избито до смерти. И при этомъ случаѣ въ рядахъ бушевавшихъ солдатъ раздавались такіе же крики, требовавшіе избіенія или по крайней мѣрѣ изгнанія изъ Россіи всѣхъ иностранцевъ. Первые годы послѣ воцаренія Елизаветы въ столицѣ ходили даже упорные слухи о томъ, что подобное изгнаніе и дѣйствительно готово совершиться въ силу правительственнаго указа, и послы иностранныхъ державъ, сообщая эти слухи своимъ правительствамъ, съ немалымъ безпокойствомъ прибавляли, что они со дня на день ожидаютъ высылки изъ предѣловъ Россіи. Обратившись отъ дѣйствій солдатскихъ толпъ, отъ слуховъ, ходившихъ въ обществѣ и народѣ, къ болѣе организованному проявленію общественнаго мнѣнія въ лицѣ литературы, мы и здѣсь найдемъ тѣ же стремленія, тѣ же чувства, только выраженныя, конечно, въ нѣсколько

иной, болѣе мягкой формѣ. Всякая перемѣна царствующаго лица сопровождалась въ ту эпоху подносимымъ новому правителю своего рода литературнымъ угощеніемъ, въ видѣ торжественныхъ одъ, въ болѣе или менѣе казенномъ и оффиціальномъ тонѣ воспѣвавшихъ его доблести и обѣщавшихъ ему блестящіе успѣхи. Такія же оды привѣтствовали и вступленіе на престолъ Елизаветы Петровны, но, пересматривая ихъ, нельзя не замѣтить, что въ нихъ сквозитъ и сильная нота искренняго чувства, цѣликомъ направленная въ одну сторону. То обстоятельство, что Елизавета была дочерью Петра, давало, конечно, наиболѣе удобный поводъ сближать ее съ великимъ преобразователемъ, но такое сближеніе производилось преимущественно на одной почвѣ и ею служило именно національное направленіе. Съ воцареніемъ Елизаветы тогдашніе «піиты» связывали представленіе о господствѣ русскаго, народнаго элемента и это заставляло ихъ особенно темными красками рисовать предшествовавшій періодъ господства чужестранцевъ и въ особенно розовомъ свѣтѣ видѣть будущее. То же самое сказывалось и въ другой отрасли тогдашней литературы, на этотъ разъ уже духовной, именно въ церковныхъ проповѣдяхъ, еще не вполнѣ утерявшихъ пріобрѣтенный ими за время Петра политическій характеръ. Проповѣдники желчно и злобно отзывались о предшествовавшемъ времени съ его правительствами, составленными изъ нѣмцевъ, представляли всю борьбу партій при дворѣ въ такомъ видѣ, что нѣмцы хотѣли уничтожить всѣхъ выдающихся русскихъ людей, взваливали на шею нѣмцевъ всѣ невзгоды, постигшія Россію за это время, и прославляли Елизавету, какъ побѣдительницу этого чужеземнаго элемента. Такъ и по совершеніи переворота въ разнообразныхъ формахъ продолжало сказываться стремленіе, вызвавшее его, и, естественно, оно не могло не оказывать сильнаго давленія на правительство, сообщая ему свою окраску и заставляя его идти по извѣстному, опредѣленному пути.

Правительство Елизаветы не приняло, правда, тѣхъ крайнихъ мѣръ, какія рекомендовались ему обществомъ, не изгнало иностранцевъ изъ Россіи, такъ какъ сдѣлать это значило бы отказаться отъ всѣхъ плодовъ реформы Петра, не смѣнило равно и всѣхъ иноземцевъ, состоявшихъ на его службѣ, ограничившись только смѣной и ссылкой важнѣйшихъ правительственныхъ лицъ. Это не значило однако, чтобы оно избѣгло давленія общественнаго мнѣнія, оно, само создавшееся и получившее власть въ свои руки благодаря этому давленію. Въ самомъ дѣлѣ, теперь правителями дѣлались тѣ самые люди, которые нѣсколько времени назадъ стояли въ оппозиціи именно во имя оскорбленнаго національнаго чувства, и они, возведшіе на престолъ Елизавету, какъ представительницу національныхъ началъ, естественно теперь должны были проводить въ своей правительственной практикѣ тѣ же самыя

начала. Присутствіе ихъ очень скоро и сказалось въ дѣйствіяхъ правительства. Былъ возстановленъ и по возможности примѣнялся забытый было принципъ Петра въ дѣлѣ служебнаго положенія иноземцевъ: давать имъ лишь второстепенныя мѣста, а на главныя ставить русскихъ людей. Правительство старалось и вообще всѣ вакантныя мѣста на государственной службѣ замѣщать русскими, обращаясь къ иностранцамъ лишь тогда, когда не находилось знающихъ людей въ родной средѣ. Такъ благодаря самому своему происхожденію и продолжавшемуся напряженію общественнаго мнѣнія въ опредѣленномъ направленіи правительство Елизаветы усвоило себѣ ту же національную окраску, какую приняло въ это время само русское общество. Но эта окраска въ значительной степени умѣрялась и ограничивалась другимъ условіемъ, равнымъ образомъ сопровождавшимъ вступленіе новаго правительства во власть и опредѣлявшимъ собою его характеръ. То движеніе, въ результатѣ котораго Елизавета сдѣлалась императрицей, не было общенароднымъ: если извѣстныя чувства и вожделѣнія и были до нѣкоторой степени общи всему народу, то активнымъ выразителемъ ихъ на почвѣ политической жизни явилось только одно сословіе, и этимъ сословіемъ было именно дворянство. Съ другой стороны съ дѣломъ Елизаветы, съ ея претензіями на престолъ связаны были интересы очень опредѣленной и весьма значительной части дворянства. Старая родовая аристократія, поскольку она не была окончательно истреблена въ дворцовыхъ смутахъ, примкнула къ правителямъ-нѣмцамъ, утерявъ со времени своего пораженія на почвѣ политическихъ замысловъ верховниковъ послѣдніе признаки самобытнаго существованія и стараясь, по крайней мѣрѣ, сохранить свое имущественное и служебное положеніе. Вокругъ Елизаветы сгруппировались по преимуществу люди, являвшіеся представителями среднихъ слоевъ дворянскаго сословія, молодые и незначительные гвардейскіе офицеры и рядовые. Такимъ былъ Воронцовъ, такимъ былъ Шуваловъ, два лица, получившія затѣмъ вмѣстѣ со своими родственниками наиболѣе крупное значеніе въ правительствѣ Елизаветы, таковы же были и остальные люди, окружавшіе ее въ моментъ, предшествовавшій перевороту, за исключеніемъ только двухъ, француза доктора Лестока и малорусскаго козака, затѣмъ пѣвчаго при дворѣ цесаревны, а впослѣдствіи графа и перваго богача Россійской имперіи, Алексѣя Григорьевича Разумовскаго. Но оба эти человѣка не были видными государственными дѣятелями. Лестокъ не пользовался никакимъ вліяніемъ въ дѣлахъ внутренней политики, а Разумовскій, связанный съ Елизаветой тѣсными личными отношеніями, не принималъ однако никакого серьезнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ, слишкомъ хорошо сознавая свою къ нимъ неспособность. Къ тому же онъ, несмотря на свое происхожде-

ніе, скоро подчинился вліянію новой обстановки, сошелся и сросся съ русской дворянской средой и только въ его полныхъ мѣткаго, подчасъ довольно злаго юмора шуткахъ еще сказывался человѣкъ, вышедшій изъ народа. Еще въ большей степени можно сказать то же самое объ его младшемъ братѣ, Кириллѣ, позднѣе гетманѣ Малороссіи: воспитанный въ Петербургѣ и за границей, онъ окончательно отрѣшился отъ народа, тѣсно примкнувъ къ взглядамъ и интересамъ той дворянской среды, съ которой его связало положеніе его брата. Въ общемъ же сторонниками Елизаветы до ея воцаренія, государственными дѣятелями послѣ него явились люди, принадлежавшіе къ среднему классу дворянства, совершенно чуждые аристократическихъ стремленій, но за то горячо исповѣдывавшіе тотъ политическій дворянскій катехизисъ, съ которымъ мы уже познакомились. Это обстоятельство въ свою очередь въ значительной степени опредѣляло характеръ и направленіе правительственной дѣятельности, обращая ее въ отраженіе процессовъ общественной жизни, отраженіе однако одностороннее. Та національная политика, которая отличала правительство Елизаветы, не дѣлалась и не могла сдѣлаться политикой народной; удовлетворяя національному самолюбію появленіемъ русскихъ людей у кормила правленія, она направлялась однако этими людьми въ сторону исключительно сословныхъ интересовъ такъ же, какъ это происходило и при предшествовавшихъ правителяхъ, и даже еще рѣшительнѣе, такъ какъ теперь эти интересы полнѣе воплощались въ личностяхъ, выступившихъ на поприще государственной дѣятельности. Прежняя аристократія совершенно сошла со сцены и лишь немногіе обломки ея еще держались рядомъ съ дворянскими родами, занявшими теперь самое видное мѣсто, да и тѣ все болѣе проникались обще-дворянскими и бюрократическими тенденціями.

Но само это дворянство въ существѣ своемъ было уже не тѣмъ, какимъ оно являлось во времена Петра. Десятилѣтія, протекшія съ Петровской эпохи, съ начала дѣятельности перваго императора, не прошли безслѣдно не только для формаціи сословія, для его соціальной и экономической жизни, но и для умственнаго его склада и душевнаго настроенія: они внесли съ собою въ эти послѣдніе новыя черты, оригинальныя особенности, въ силу положенія, принадлежавшаго теперь дворянству, не замедлившія отразиться и на общемъ ходѣ государственной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ совершались всѣ тѣ соціальные процессы, за развитіемъ которыхъ мы до сихъ поръ слѣдили, развивалась и росла и умственная жизнь, извѣстныя формы которой сосредоточились по преимуществу въ этомъ сословіи. Въ силу Петровскихъ указовъ дворянинъ долженъ былъ учиться, пріобрѣтать извѣстныя научныя свѣдѣнія, необходимыя для службы. Правда, самыя эти свѣдѣнія, сдѣланныя обязатель-

ными, носили характеръ преимущественно прикладнаго, техническаго знанія, не стояли на особенно высокой ступени, не вели съ собою научныхъ обобщеній. Но уже тогда однимъ этимъ не оканчивалось образованіе дворянина или, вѣрнѣе, наряду съ образованіемъ началось его воспитаніе на новый ладъ, усвоеніе имъ иныхъ порядковъ жизни, болѣе культурныхъ, чѣмъ тѣ, въ какихъ жили раньше. Первоначально при такомъ усвоеніи все вниманіе было устремлено на внѣшность, путемъ его переработывались не столько нравы и понятія сколько манеры. Уже при Петрѣ одною изъ первыхъ книгъ, переведенныхъ на русскій языкъ, были «Приклады, какъ пишутся комплементы разные», а затѣмъ послѣдовалъ переводъ и другой подобной же книги подъ названіемъ: «Юности честное зерцало». Эти книги, учившія, какъ надо держать себя въ обществѣ, въ чемъ заключаются истинно свѣтскія манеры, должны были сообщить русскому дворянству всю азбуку условныхъ приличій и хорошихъ манеръ и уже то обстоятельство, что вторая изъ нихъ выдержала нѣсколько изданій, показываетъ, какъ жадно накинулось русское общество на эту науку. Такъ первой ступенью въ умственной жизни этого общества явились техническое образованіе наряду съ внѣшней галантностью. Въ дальнѣйшемъ воздѣйствіе новыхъ порядковъ жизни проникло далѣе и сдѣлалось болѣе серьезнымъ, съ манеръ перешло на нравы. Постепенно развивавшееся знакомство и все болѣе близкое соприкосновеніе съ иною, болѣе культурною жизнью приводило къ смягченію прежде столь грубыхъ нравовъ, не всегда сознательному, но тѣмъ не менѣе ощутительному, живо дававшему себя чувствовать. Пытки и смертныя казни начинаютъ уже претить уму, познакомившемуся съ болѣе мягкими формами общежитія, чувству, усвоившему бо́льшую мягкость и деликатность. Рядомъ съ этимъ смягченіемъ общественныхъ нравовъ проявляется и другое теченіе, болѣе прочное, такъ какъ коренящееся на болѣе сознательной почвѣ. Общеніе съ образованіемъ въ его хотя бы и первичной формѣ выростило интересъ къ знанію въ болѣе широкомъ его видѣ и къ представительницѣ его—литературѣ. Русское общество начало знакомиться съ западноевропейскими литературами, и преимущественно съ французской, игравшей уже тогда первенствующую роль; среди него появились такіе люди, какъ И. И. Шуваловъ, внимательно изучавшіе произведенія французскихъ писателей, почерпавшіе изъ нихъ новые, гуманные взгляды. На этой почвѣ у такихъ людей, составлявшихъ еще меньшинство среди общества, но уже довольно значительное, возбуждался и росъ интересъ къ просвѣщенію и создавалось стремленіе насадить его у себя.

Такимъ образомъ, какъ одно изъ послѣдствій Петровской реформы, въ дворянскомъ обществѣ, и именно въ его душевномъ складѣ, произошла перемѣна, ставшая уже осязательной ко вре-

менн Елизаветы и заключавшаяся въ развитіи болѣе гуманныхъ правовъ и, хотя и не въ такой степени, болѣе гуманистическихъ понятій. При томъ вліяніи, какимъ пользовался уже этотъ классъ общества на правительство, такая перемѣна отразилась и на дѣятельности послѣдняго: отмѣна смертной казни и сокращеніе пытокъ съ одной стороны и учрежденіе Московскаго университета съ другой—служили отвѣтомъ правительства на эти запросы общества, и такъ образовалась въ Елизаветинскомъ правленіи третья его крупная отличительная черта — бо̀льшая гуманность административныхъ пріемовъ въ сравненіи съ предшествовавшимъ временемъ и стремленіе содѣйствовать развитію широкаго, универсальнаго образованія.

45-я ЛЕКЦІЯ.

Внутренняя дѣятельность правительства Елизаветы.

Мѣры относительно сословій. Усиленіе дворянства и развитіе крѣпостнаго права. Общее настроеніе правительства, общія начала, какими оно было проникнуто, съ особенной полнотой и яркостью сказались въ вопросѣ о положеніи и взаимныхъ отношеніяхъ сословныхъ группъ, вопросѣ, который пріобрѣлъ уже значеніе центральнаго пункта государственной дѣятельности и упорно приковывалъ къ себѣ общественное вниманіе. Дворянство, сдѣлавшееся первенствующимъ сословіемъ во имя государственныхъ интересовъ и олицетворявшаго ихъ положенія своего на службѣ, стремилось теперь удержать за собою это первенство уже во имя своихъ сословныхъ интересовъ и выразить его на почвѣ пріобрѣтенія исключительныхъ землевладѣльческихъ правъ и привилегій. Желая окончательно поработить себѣ трудъ крѣпостныхъ крестьянъ и обратить его въ предметъ частной собственности, оно вмѣстѣ съ тѣмъ старалось устранить всякихъ конкуррентовъ въ дѣлѣ обладанія этимъ трудомъ, сдѣлать его не только частной, но и исключительно своей собственностью. Интересы дворянъ сталкивались такимъ образомъ на этой почвѣ не только съ интересами порабощенной массы крестьянства, но и съ другими свободными сословіями, которымъ оно хотѣло заградить доступъ къ крѣпостному труду. Въ этой взаимной борьбѣ противоположныхъ стремленій правительство Елизаветы уже съ первыхъ дней своего существованія заняло опредѣленное положеніе и путь, имъ избранный, находился въ строгомъ соотвѣтствіи съ тѣми общими идеями, какія вдохновляли составлявшихъ его лицъ. Вскорѣ по воцареніи Елизаветы правительству пришлось разбирать вопросъ о правѣ крестьянъ вступать въ военную службу. Усиленіе крѣпостнаго права произвело то, что солдатская служба въ значительной степени потеряла въ глазахъ народа свой мрачный колоритъ, по крайней мѣрѣ по сравненію съ крѣпостной зависимостью. Для крестьянина, котораго помѣщикъ могъ и отягощать работой,

и наказывать по своему произволу, служба въ рядахъ арміи, не смотря на суровую дисциплину и тяжелыя тѣлесныя наказанія, не представляла уже часто предмета ужаса, а напротивъ привлекала къ себѣ, открывая впереди, хотя бы и въ далекомъ будущемъ, возможность выхода изъ крестьянской массы и вступленія въ привилегированное сословіе. Поэтому-то со стороны крестьянъ все чаще поступали заявленія о желаніи ихъ сдѣлаться солдатами, а въ первые годы царствованія Елизаветы уже цѣлыя толпы крестьянъ уходили отъ своихъ владѣльцевъ, обращаясь къ правительству съ просьбой принять ихъ въ военную службу и подавая такія челобитныя самой императрицѣ. По этому поводу 2 іюня 1742 г. изданъ былъ указъ, въ которомъ прежде всего констатировался самый фактъ. «Въ прошедшемъ маѣ мѣсяцѣ сего 1742 года многіе помѣщиковы люди, отбывая отъ помѣщиковъ своихъ, бѣжали и, затѣявъ собою, якобы помѣщиковыхъ людей повелѣно записывать въ вольницу, били челомъ о запискѣ себя въ военную службу, и о томъ подавали самой императрицѣ челобитныя, согласясь не малымъ собраніемъ и порознь. Другіе же о запискѣ себя въ военную службу хотя челобитенъ не подавали: но, смотря на другихъ свою братью, отъ помѣщиковъ своихъ бѣжали жь, желая записаться въ военную службу и, по поданнымъ отъ своей братьи объ ономъ челобитныхъ, якобы указа ждали». Всѣмъ этимъ челобитчикамъ, продолжаетъ указъ, «учинено на площади съ публикою жестокое наказаніе, а именно: которые подавали челобитныя не малымъ собраніемъ, тѣ биты кнутомъ, а изъ нихъ пущіе къ тому заводчики сосланы въ Сибирь на казенные заводы въ работу вѣчно; а которые челобитныя подавали порознь, тѣ вмѣсто кнута биты плетьми, а прочіе батоги, и по наказаніи, кромѣ тѣхъ, которые сосланы въ ссылку, отданы помѣщикамъ ихъ въ услуженіе по прежнему». Распорядившись такимъ образомъ съ появившимися охотниками вступить въ военную службу, правительство предписывало и на будущее время «паикрѣпчайше подтвердить, чтобы впредь помѣщиковы люди, отбывая отъ помѣщиковъ своихъ, отнюдь не бѣгали и о запискѣ въ военную службу нигдѣ не просили; а ежели кто впредь въ такихъ побѣгахъ и продерзостяхъ явится, такимъ конечно чинено будетъ жестокое наказаніе, биты кнутомъ и сосланы въ работу». Въ силу этого указа для крестьянъ рѣшительно закрывался послѣдній путь самостоятельнаго и самовольнаго выхода изъ крѣпостнаго состоянія и государство безповоротно отказывалось въ этомъ случаѣ имѣть дѣло непосредственно съ самими крестьянами, вѣдаться съ ихъ нуждами и желаніями. Отнынѣ крестьянинъ могъ сдѣлаться вольнымъ только по желанію своего владѣльца, по слѣдуетъ прибавить, что пріобрѣтенная даже и такимъ способомъ свобода была не особенно прочной въ виду общей неблагопріятной для крестьянина тенденціи законодательства. Крестьяне все болѣе теряли

свои права передъ закономъ. Въ инструкціи для второй ревизіи, производившейся въ этомъ же 1742 году, предписывалось разночинцевъ, незаконнорожденныхъ и вольноотпущенныхъ «по желаніямъ ихъ, ежели которые имѣютъ торговые промыслы и ремесла, писать въ посады и въ цехи, а прочихъ, кои годны будутъ, писать въ солдаты. А которые пожелаютъ быть у помѣщиковъ, таковыхъ всѣхъ писать къ помѣщикамъ и на фабрики, къ кому они въ услуженіе идти пожелаютъ и кто ихъ изъ платежа подушнаго оклада взять похочетъ, дабы ни одинъ безъ положенія не остался. А ежели ихъ изъ платежа подушнаго оклада никто не возьметъ, а въ службу негодны, такихъ посылать для поселенія въ Оренбургъ или на казенные заводы». Этими постановленіями, отрицавшими всякую свободу личности, проповѣдывалось вмѣстѣ полное недовѣріе къ силамъ послѣдней или, вѣрнѣе, оно вызвало ихъ. Обезпечивая свои фискальные интересы, правительство не только не поддерживало свободный трудъ, но и не вѣрило въ него: вольный человѣкъ долженъ или записаться въ посадъ, въ цехъ или пойти обратно въ крѣпостную зависимость, иначе ему грозитъ солдатская служба, ссылка на поселеніе въ Оренбургъ или работа на казенныхъ заводахъ. Изъ поручителей въ уплатѣ крестьянами податей помѣщики обратились въ единственныхъ гражданъ деревни, съ которыми государство имѣетъ дѣло, и вмѣстѣ ихъ обязанность государственнаго надзора надъ крестьянами перешла вполнѣ въ частное право. Правительство не желало болѣе вести счетовъ съ отдѣльными лицами изъ крестьянской массы и, отрицая за ними всю сумму гражданскихъ правъ, предпочитало вынуждать ихъ становиться въ зависимость отъ перваго помѣщика, который соглашался платить за нихъ подушный окладъ. Связь между государствомъ и значительной массой его членовъ если и не порвалась, то держалась уже въ высшей степени слабо.

Наряду съ этимъ права помѣщиковъ надъ крестьянами все болѣе повышались. По указу 4 декабря 1747 г. утверждено было за помѣщиками право продавать дворовыхъ людей и крестьянъ для отдачи въ рекруты, при чемъ продавецъ обязанъ былъ только платить подушную подать за проданныхъ имъ крестьянъ. Благодаря этому окончательно узаконялась торговля людьми, и безъ того уже принявшая широкіе размѣры. Всякій помѣщикъ съ сколько-нибудь болѣе значительными средствами старался съ этихъ поръ, не раззоряя хозяйства своихъ крестьянъ, купить за нихъ (и на ихъ же деньги, конечно) рекрутъ на сторонѣ. Образовались среди помѣщиковъ особаго рода промышленники, сдѣлавшіе своей спеціальной профессіей торговлю своими людьми, поставку ихъ на пушечное мясо. Личность крестьянина, служившаго предметомъ такой торговли, пала очень низко, но этимъ дѣло не ограничилось: паденіе ея повліяло и на армію, ради поддержанія которой производились всѣ эти операціи купли-про-

дажи. Крестьянинъ, проданный въ рекруты, смотрѣлъ на солдатскую службу, какъ на вторую неволю, болѣе легкую или болѣе тяжелую, но во всякомъ случаѣ онъ видѣлъ въ ней не государственную обязанность.

Еще болѣе серьезное значеніе во взаимныхъ отношеніяхъ крестьянъ и помѣщиковъ получилъ указъ, вышедшій черезъ 13 лѣтъ, именно 13 декабря 1760 г. Имъ предоставлено было помѣщикамъ право ссылки своихъ дворовыхъ людей и крестьянъ въ Сибирь, при чемъ казна даже съ своей стороны зачитывала эту ссылку помѣщику за поставку рекрута съ его имѣнія или прямо платила за ссылаемаго опредѣленную сумму денегъ, вознаграждая такимъ образомъ убытки, какіе могло потерпѣть хозяйство помѣщика отъ потери рабочихъ рукъ. Благодаря этому распоряженію правительство, отказавшееся уже отъ непосредственнаго обращенія къ крестьянамъ въ государственныхъ дѣлахъ, не только признавало широкія права частной помѣщичьей власти надъ крестьянами, но и повышало ихъ до предѣловъ своей собственной власти, предлагало къ услугамъ частныхъ землевладѣльцевъ свои средства, открывая помѣщичьему произволу путь государственныхъ наказаній. Всякій помѣщикъ въ силу правъ, данныхъ ему этими указами, могъ безнаказанно угнетать своихъ крѣпостныхъ, располагая полною властью надъ ними, и въ случаѣ малѣйшаго протеста со стороны кого-либо изъ нихъ широко пользовался правомъ наказанія. Если не помогали въ этомъ случаѣ домашнія тюрьмы или тѣлесныя наказанія, то въ рукахъ помѣщика находились теперь и еще болѣе сильныя средства воздѣйствія, переуступленныя ему государствомъ: онъ могъ продать непокорнаго крѣпостнаго въ рекруты или послать его въ Сибирь, при чемъ сопровождавшій послѣднюю мѣру зачетъ ссыльнаго въ рекруты избавлялъ его даже отъ неудобныхъ матеріальныхъ послѣдствій такого крайняго средства. Словомъ, не только передъ произволомъ помѣщиковъ въ дѣлѣ расправы ихъ съ подвластнымъ имъ крѣпостнымъ населеніемъ не было поставлено никакихъ преградъ, но еще ему былъ приданъ какъ бы оффиціозный характеръ: правительство становилось въ этомъ дѣлѣ какъ бы союзникомъ и слугою помѣщиковъ.

Одновременно съ такимъ быстрымъ и громаднымъ расширеніемъ помѣщичьихъ правъ, самый классъ помѣщиковъ, т. е. лицъ, владѣвшихъ населенными имѣніями, подвергся со стороны законодательства существеннымъ ограниченіямъ въ своемъ составѣ, въ основѣ которыхъ лежала опять-таки опредѣленная, ясно сознанная тенденція. Указомъ, изданнымъ 14 марта 1746 года, правительство Елизаветы постановило: «впредь купечеству, архіерейскимъ и монастырскимъ слугамъ и боярскимъ людямъ, и крестьянамъ, и написаннымъ къ купечеству и въ цехъ; такоже козакамъ и ямщикамъ и прочимъ разночинцамъ, состоящимъ въ подушномъ окладѣ, людей

и крестьянъ безъ земель и съ землями покупать во всемъ государствѣ запретить и крѣпостей онымъ нигдѣ не писать». Съ этой поры владѣть крестьянами могли только одни дворяне, всѣ остальные классы общества были исключены отъ этого права. Такое начало было развито еще далѣе въ своихъ логическихъ послѣдствіяхъ въ 1758 году, когда всѣмъ владѣльцамъ, не имѣвшимъ по закону права владѣть населенными имѣніями, предписано было продать ихъ въ полугодовой срокъ подъ угрозой отобранія въ казну. Владѣть крѣпостными могли отнынѣ лишь одни потомственные дворяне или же люди, не принадлежавшіе къ дворянству по происхожденію, но получившіе на службѣ «оберъ-офицерскіе ранги». Но эти дворяне, въ противность прежнимъ правиламъ, могли теперь имѣть въ своемъ владѣніи крѣпостныхъ людей, не имѣя земли. Такой безземельный помѣщикъ могъ селить своихъ крестьянъ на наемной землѣ и на ней они и записывались во время ревизіи. Право владѣнія крѣпостными людьми, крѣпостнымъ трудомъ было, слѣдовательно, по закону сосредоточено на одномъ классѣ общества, за исключеніемъ только крестьянъ заводскихъ и фабричныхъ или поссессіонныхъ, которыми могли владѣть всѣ фабриканты безъ различія званій. Дворянскій классъ, малочисленный по сравненію съ массой остального населенія, поставленъ былъ такимъ образомъ въ положеніе исключительнаго господина невольнаго крестьянскаго труда, прикрѣпленнаго къ пашнѣ, и нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ сдѣлались властителями многомилліонной массы. Но это исключительное господство, какъ мы видѣли, было вмѣстѣ и безусловнымъ. Лишь немногочисленныя постановленія, сохранившіяся еще отъ прежняго времени, охраняли еще, хотя уже въ очень малой степени, личность и трудъ крестьянина, лишь немногія права еще признавались за нимъ помимо воли помѣщика.

Не былъ еще отмѣненъ законъ Петра В. о вмѣшательствѣ государства въ отношенія между помѣщиками и ихъ крѣпостными, разъ первые проявляли особенную жестокость, но житейская практика заглушала дѣйствіе этого закона, стоявшаго теперь уже въ сильномъ противорѣчіи съ вновь воспринятыми законодательствомъ тенденціями, побуждавшими его облекать помѣщиковъ всѣми полномочіями правительственной власти ради наказанія крестьянъ. Нѣкоторые указы, изданные и при Елизаветѣ, продолжали еще какъ будто хотя до нѣкоторой степени признавать за крестьянами значеніе самостоятельное. Указомъ 1745 года, напримѣръ, дозволено было крестьянамъ, чьи бы они ни были, торговать въ селахъ и деревняхъ нѣкоторыми товарами, будутъ ли это ихъ собственныя произведенія или товары, купленные въ городахъ, и устранено было вмѣшательство помѣщиковъ въ эту торговлю. Указъ 13 февраля 1748 года разрѣшалъ крестьянамъ вступать въ купечество съ условіемъ, кромѣ подушной подати и

доходовъ помѣщику, платить еще въ казну и подати купеческія. «Которые монастырскіе и помѣщиковы крестьяне въ городахъ, говорилось здѣсь, желаютъ быть въ купечествѣ и дѣйствительно торги и промыслы, и домы свои, и лавки имѣютъ и торгуютъ на свои деньги отъ 500 до 300 рублей, а не меньше и по таможеннымъ записямъ доказать могутъ, таковыхъ записывать въ купечество». Но это и всѣ постановленія такого рода, касающіяся помѣщичьихъ крестьянъ, сидѣвшихъ на пашнѣ. Нѣсколько щедрѣе было законодательство по отношенію къ крестьянамъ поссессіоннымъ и казеннымъ. Указъ 1752 года постановилъ приписывать къ заводамъ и фабрикамъ лишь опредѣленное число крестьянскихъ душъ согласно росписанію, составленному бергъ- и мануфактуръ-коллегіей, что какъ будто указывало на желаніе правительства ограничить этотъ классъ крѣпостнаго населенія. Но если такое желаніе и дѣйствительно существовало,—а оно могло возникнуть у правительства подъ вліяніемъ дворянъ, враждебно смотрѣвшихъ на владѣвшихъ фабриками купцовъ,—то оно не нашло себѣ удовлетворенія. Позднѣе, именно въ 1754 году сдѣлана была попытка опредѣлить размѣръ работъ заводскихъ крестьянъ, но, принятая по одному частному случаю, мѣра эта общаго значенія не получила. Во всѣхъ отношеніяхъ лучше было положеніе крестьянъ государственныхъ: управляемые чиновниками, они менѣе страдали отъ произвола, скорѣе могли найти себѣ защиту у государственной власти и болѣе были обезпечены въ экономическомъ отношеніи. Принципъ неотдѣлимости крестьянина отъ земли, необходимости для него земельнаго надѣла, теоретически признаваемый правительствомъ по отношенію ко всему крестьянскому населенію, лишь для нихъ однихъ находилъ себѣ строгое практическое примѣненіе, обезпечивавшееся отдѣльными постановленіями, и все это дѣлало ихъ положеніе предметомъ зависти для остальныхъ крестьянъ. По отношенію же къ крестьянамъ владѣльческимъ всѣ перечисленныя правила, дававшія имъ самостоятельныя права и нѣсколько ихъ охранявшія отъ полнаго разгула помѣщичьяго произвола, играли роль, какъ бы слабыхъ ниточекъ, уцѣлѣвшихъ еще отъ прочныхъ узъ, связывавшихъ нѣкогда—и не такъ еще давно—крестьянское населеніе непосредственно съ государствомъ. Они еще сохраняли, правда, свое значеніе, пока оставалась цѣлою главная связь—зависимость дворянства отъ государственныхъ обязанностей, пока недвижимыя имѣнія, сдѣлавшіяся уже полною собственностью дворянъ, продолжали однако требовать отъ послѣднихъ службы, но и это значеніе должно было исчезнуть, разъ бы рухнула обязательность службы. Съ ней вмѣстѣ исчезла бы и всякая связь между крестьянами и государствомъ, служба первыхъ второму черезъ посредство дворянъ замѣнилась бы службой помѣщикамъ, какъ частнымъ лицамъ, и крестьянинъ окончательно обратился бы въ

крѣпостнаго, недалеко стоявшаго по своему положенію отъ раба. Между тѣмъ такая обязательность службы была подорвана до нѣкоторой степени уже въ царствованіе Анны Ивановны. Теперь дворянству, успѣвшему такъ воплотить свои взгляды и стремленія въ правительствѣ, расширившему свои права надъ крестьянствомъ и присвоившему его крѣпостной трудъ въ исключительную свою собственность, оставалось сдѣлать только одинъ шагъ для окончательнаго осуществленія своихъ сословно-экономическихъ стремленій.

При такомъ положеніи вещей, когда правительство проводило въ своихъ указахъ дворянскія желанія, когда сообразно этому положеніе крестьянъ съ году на годъ ухудшалось и, лишенные возможности выйти изъ крѣпостнаго состоянія по своей волѣ, даже загоняемые обратно въ него, если имъ разъ удался этотъ выходъ съ согласія господина, они все болѣе теряли свои права и становились подъ все болѣе тяжелый гнетъ помѣщиковъ, поддерживаемый правительствомъ, при такомъ положеніи крестьянство не могло, естественно, оставаться спокойнымъ. И дѣйствительно, среди него началось движеніе, имѣвшее своей цѣлью защиту его правъ, не находившихъ болѣе себѣ покровительства со стороны закона, или вѣрнѣе рядъ такихъ движеній въ самыхъ различныхъ мѣстностяхъ. Не объединенныя однимъ общимъ планомъ, не связанныя никакою организаціей, движенія эти вспыхивали въ разное время и по различнымъ поводамъ, проявлялись въ разныхъ формахъ, но подкладка ихъ была одинаковой, заключаясь въ усилившемся безправіи крестьянской массы. До сихъ поръ не собраны всѣ свѣдѣнія о крестьянскихъ волненіяхъ за время Елизаветы, но и имѣющихся уже указаній достаточно, чтобы видѣть, что они имѣли серьезный характеръ. Въ изданномъ въ 1758 г. указѣ правительство заявляетъ, что еще въ предшествующемъ году сенату было донесено «по жалобамъ помѣщиковъ изъ Тамбовскаго и Козловскаго уѣздовъ, что крестьяне, забирая свои пожитки и лошадей, бѣгутъ, а другіе чинятъ разглашеніе, якобы оные бѣглые, собравшись въ Царицынъ и переправясь черезъ Волгу и порывъ землянки, живутъ и принимать будутъ впредь всякихъ прихожихъ людей. А нѣкоторые крестьяне явнымъ образомъ бѣгутъ же, объявляя при томъ побѣгѣ, что они идутъ на поселеніе въ Царицынъ и Камышенку къ шелковому казенному заводу, гдѣ для принятія ихъ якобы опредѣленъ маіоръ Парубучь». Но не всегда волненіе находило себѣ исходъ въ бѣгствѣ. Въ иныхъ случаяхъ крестьяне, и оставаясь на мѣстѣ своего жительства, отказывали въ повиновеніи и тогда приходилось употреблять противъ нихъ открытую силу. Въ другомъ указѣ того же 1758 года говорится о многихъ случаяхъ отказа крестьянъ въ повиновеніи помѣщикамъ, когда приходилось посылать для ихъ усмиренія воинскія команды и въ ре-

зультатѣ происходили «многія кровопролитія», такъ какъ крестьяне не вѣрятъ письменнымъ указамъ, а начальники командъ часто попадаютъ не въ тѣ села и деревни, куда были посланы. Сенатъ предписалъ посылать указы печатные, а офицерамъ велѣлъ поступать впредь осторожнѣе и ранѣе экзекуціи просить разрѣшенія отъ высшихъ присутственныхъ мѣстъ. Но и это помогло не особенно. Въ 1760 году воинская команда съ пушкою посылалась въ Арзамасскій уѣздъ въ вотчину Воронцова, проданную имъ Безсонову, такъ какъ тамошніе крестьяне отказали въ повиновеніи новому владѣльцу, и такая же команда была отправлена въ Галицкую провинцію для усмиренія крестьянъ капитана Тараканова, отказавшихся платить сборы помѣщику.

Если въ этихъ фактахъ мы замѣчаемъ со стороны правительства и его органовъ рѣшительность дѣйствій, доходящую до слѣпой неразборчивости, лишь слегка умѣряемой сенатскими предписаніями, то въ самомъ крестьянскомъ движеніи нельзя не видѣть рѣшительнаго протеста противъ усиленія крѣпостнаго права, противъ разрыва непосредственной связи съ государствомъ. Поднимаясь противъ отдѣльныхъ дворянъ по поводу отдѣльныхъ фактовъ насилія, крестьяне не вѣрили въ поддержку этихъ дворянъ правительствомъ, не вѣрили въ подлинность правительственныхъ указовъ, свидѣтельствовавшихъ объ этой поддержкѣ. Сохраняя въ своей средѣ старые взгляды на свое значеніе, крестьяне все еще были убѣждены, что они раздѣляются и государственной властью. Но на дѣлѣ эти взгляды разошлись уже не только со взглядами и практикой дворянства, но и съ положеніемъ, занятымъ въ этомъ вопросѣ верховнымъ правительствомъ, и на фонѣ правительственной дѣятельности и законодательства того времени крестьянскій протестъ былъ мрачнымъ пятномъ, въ хорѣ ликованій по поводу установленія національнаго правительства онъ выдавался неизбѣжнымъ, но рѣзкимъ диссонансомъ. Стоило проникнуть въ массы убѣжденію, что ихъ тяжелая доля, ихъ безправіе, грубое насиліе надъ ними есть дѣло не единичныхъ личностей, но всего режима,—а путь къ такому убѣжденію пролагался усмиреніемъ волненій при помощи снабженныхъ пушками воинскихъ командъ,—и отдѣльныя вспышки волненій, легко заглушаемыя, могли разгорѣться яркимъ пламенемъ крестьянскаго бунта, зарево котораго освѣтило бы всю крѣпостную Россію.

46-я и 47-я ЛЕКЦІИ.

Внутренняя дѣятельность правительства Елизаветы.

Управленіе. Чтобы закончить ту бѣглую характеристику состоянія Россіи при Елизаветѣ, какую только я и могу дать въ своемъ курсѣ, я долженъ теперь остановиться еще на управленіи этого времени и указать тѣ черты, какія его отличали. Здѣсь мнѣ не придется много говорить, такъ какъ время Елизаветы не было отмѣчено никакими крупными реформами и преобразованіями въ области управленія государствомъ, какъ общаго, центральнаго, такъ и мѣстнаго. Правительство Елизаветы не было настолько энергично, чтобы стремиться къ такимъ преобразованіямъ по собственному почину, и не испытывало со стороны породившей и окружавшей его обстановки достаточно серьезныхъ и настойчивыхъ толчковъ въ этомъ направленіи. Люди, возводившіе Елизавету на престолъ, дѣйствовали такъ не въ силу принципіальнаго недовольства господствовавшей до тѣхъ поръ системой управленія, а лишь во имя защиты себя и общества отъ иноземцевъ, случайно получившихъ въ свои руки верховную власть. Сообразно такому своему настроенію эти люди и ставили своей непосредственной задачей не измѣненія въ строѣ административнаго механизма государства, а устраненіе изъ него элементовъ, свидѣтельствовавшихъ о пережитомъ періодѣ господства нѣмцевъ, не реформу и развитіе административныхъ учрежденій на какомъ-либо новомъ пути, а скорѣе возвращеніе назадъ, къ порядкамъ времени Петра В. Дѣйствительно, мы уже знаемъ, что переворотъ 1741 года и воцареніе Елизаветы были поставлены въ непосредственную связь съ Петромъ I и началами его политики, какъ національной по преимуществу. Такая связь, такая постановка вопросовъ управленія въ новое царствованіе не замедлила отразиться на личномъ составѣ правительственныхъ учрежденій. Но она оказала и болѣе глубокое вліяніе, именно на строй административныхъ учрежденій, подвергшійся со времени Петра, какъ мы видѣли, довольно существеннымъ видоизмѣненіямъ. Здѣсь однако

это вліяніе не могло и зайти слишкомъ далеко, не могло повести за собою коренной перестройки администраціи съ цѣлью удаленія изъ нея всего того, что противорѣчило Петровскимъ началамъ. Для такихъ цѣлей оно было слишкомъ слабо и поверхностно: когда имя Елизаветы сближали съ Петромъ, когда сама Елизавета заявляла, что она намѣрена въ способѣ управленія государствомъ слѣдовать примѣру отца, то этимъ указывалось опять-таки лишь на извѣстный оттѣнокъ, на нѣкоторыя стороны Петровской эпохи, а не на всю совокупность ея государственныхъ началъ. Возстановленію послѣдней мѣшало нѣсколько причинъ. Причиной второстепенною былъ характеръ самой Елизаветы, какъ личности, ставшей теперь во главѣ правленія. У дочери Петра не было ни присущаго ему въ такой высокой степени стремленія къ государственной дѣятельности, ни его несокрушимой энергіи. Въ противоположность отцу она не питала особаго пристрастія къ дѣламъ и охотно предоставляла занятія ими другимъ, сохраняя за собой авторитетъ власти и внѣшній престижъ ея и представляя въ этомъ отношеніи рѣзкій контрастъ съ отцомъ. Въ правительствѣ ея времени не было поэтому той единой, крѣпкой, все обнимающей собою воли, какая составляетъ такую характерную черту Петровскаго управленія. Отсутствіе же ея обусловливало собою большій просторъ для дѣйствій административныхъ органовъ, подвергавшихся прежде такому сильному сравнительно контролю и давленію со стороны центральной власти. Болѣе серьезной и важной причиной было состояніе общества въ данное время и прежде всего его дворянской части. Петръ имѣлъ дѣло съ дворянствомъ, какъ классомъ по преимуществу служилымъ и въ силу своей служебной повинности становившимся въ опредѣленныя отношенія къ другимъ общественнымъ классамъ. За время, протекшее со смерти Петра, это положеніе существенно измѣнилось. Дворянство выдвинуло впередъ иную сторону своего положенія, стало преобразовываться въ классъ по преимуществу землевладѣльческій и въ союзѣ съ правительствомъ стремилось воплотить и провести въ жизни именно эти, соціально-экономическіе свои интересы. За время Елизаветы ему почти уже и удалось довести эту задачу до конца, но, занятое погоней за упроченіемъ своего землевладѣльческаго, помѣщичьяго значенія и обезпеченіемъ себѣ поддержки въ этомъ дѣлѣ со стороны верховной власти, оно не имѣло времени и возможности обратить свое вниманіе въ иную сторону, на измѣненіе административной системы государства. Довольствуясь той помощью, которую ему оказывало послѣднее въ дѣлѣ окончательнаго закрѣпощенія крестьянскаго труда, оно въ своей массѣ и не помышляло пока о преобразованіи этой системы въ смыслѣ проведенія своихъ сословныхъ интересовъ уже въ самой формѣ управленія. Самостоятельныхъ плановъ реформы административнаго механизма въ этой средѣ такимъ

образомъ не возникало и, слѣдовательно, она не могла сообщить и правительству движенія въ этомъ смыслѣ. При этомъ однако, не выступая въ своихъ желаніяхъ за рамки бюрократической системы, дворянство не дѣлало въ этомъ исключенія и для другихъ сословій, цѣльнѣе прилѣплялось къ ней, чѣмъ нѣкогда само Петровское законодательство. Такъ правительство и въ силу первоначальныхъ своихъ стремленій и благодаря той общественной обстановкѣ, въ которой происходили его послѣдующія дѣйствія, могло сводить всю свою задачу въ дѣлѣ администраціи къ возстановленію Петровской ея системы, причемъ однако это возстановленіе должно было происходить исключительно на почвѣ цѣнтральныхъ административныхъ учрежденій, а личныя свойства правительства присоединяли къ этому еще особый отпечатокъ большей свободы дѣйствій для отдѣльныхъ органовъ администраціи. Эти общія условія и опредѣлили собою тотъ видъ, какой приняли административныя учрежденія Россіи въ царствованіе Елизаветы Петровны.

Крупная перемѣна въ самомъ строѣ ихъ произошла только на вершинѣ административной лѣстницы. Ближайшіе преемники Петра, не обладая его богатыми личными дарованіями и стремясь заполнить пробѣлъ, образовавшійся со времени его въ системѣ учрежденій между законодательной и административною областью, прибавили, какъ мы видѣли, къ созданному преобразователемъ ряду учрежденій новыя, съ новыми функціями. Надъ сенатомъ, прежде высшимъ административнымъ органомъ, возникали, смѣняя одно другое, иныя учрежденія, носившія, правда, различныя наименованія, но очень близкія другъ къ другу не только по общей своей идеѣ, но и по деталямъ своей организаціи. Таковы были Верховный Тайный Совѣтъ при Екатеринѣ I и Петрѣ II, Кабинетъ Министровъ при Аннѣ Ивановнѣ и Иванѣ Антоновичѣ. Они сосредоточивали въ себѣ важнѣйшія административныя функціи, перенося ихъ на себя съ сената, но къ этому присоединяли еще и функціи законодательныя, никогда не бывшія принадлежностью сената, и послѣдній, при существованіи этихъ новыхъ учрежденій съ небольшимъ числомъ членовъ, въ значительной степени потерялъ свое прежнее значеніе верховнаго органа администраціи, принизился до служебнаго положенія. Теперь правительство, задавшись цѣлью вернуться къ административной системѣ Петра, обратило свое вниманіе на сенатъ и постаралось придать ему его старую, первоначальную роль. Кабинетъ Министровъ, который застала Елизавета при вступленіи своемъ на престолъ, былъ уничтоженъ и всѣ дѣла, вѣдавшіяся имъ, перешли въ сенатъ. Но этимъ не ограничилось еще дѣло: сенатъ не только возвратилъ себѣ старое значеніе съ уничтоженіемъ учрежденій, ставшихъ надъ нимъ, но въ значительной степени унаслѣдовалъ и значеніе, имъ принадлежавшее. Екатерина II въ одномъ изъ

своихъ указовъ впослѣдствіи такъ отзывалась объ этомъ времени: «сенатъ установленъ для исполненія законовъ, ему предписанныхъ, а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ чины, деревни и утѣснялъ прочія судебныя мѣста». Такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ авторитетъ власти законодательной, учрежденія политическаго, авторитетъ, какого онъ не имѣлъ ни раньше, ни послѣ этого времени. Эта сторона его дѣятельности, конечно, не стояла уже ни въ какой внутренней связи съ значеніемъ Петровскаго сената, а представляла результатъ особыхъ условій Елизаветинской эпохи. Екатерина II въ томъ же указѣ своемъ объясняла такое положеніе сената «неприлежаніемъ къ дѣламъ нѣкоторыхъ своихъ предковъ», т. е. Елизаветы. Разъ достигнувъ такого положенія, сенатъ подчинилъ себѣ всѣ остальныя центральныя учрежденія, лишивъ ихъ всякой почти самостоятельности: коллегіи обратились въ своего рода сенатскія канцеляріи, исполнявшія только шедшія изъ сената къ нимъ приказанія, но почти не имѣвшія собственнаго голоса въ рѣшеніи дѣлъ, а сенаторы изъ блюстителей и толкователей закона сдѣлались какъ бы начальниками всей администраціи.

Такова была перемѣна, происшедшая въ роли и значеніи сената, и ею ограничились измѣненія строя администраціи. Но помимо этой юридической, правовой стороны ея намъ предстоитъ еще ознакомиться съ иной, бытовой, такъ сказать, стороной ея дѣятельности, заглянуть еще и въ тѣ практическіе пріемы, которыми сопровождались ея дѣйствія. Эти пріемы зависѣли и отъ тѣхъ формъ, какія присущи были дѣятельности администраціи, и отъ той общественной атмосферы, въ которой эта послѣдняя совершалась. Уже при Петрѣ взяточничество и казнокрадство были однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ пороковъ русской администраціи. Незадолго до смерти своей Петръ былъ такъ раздраженъ многочисленными случаями хищничества своихъ чиновниковъ, что собирался издать указъ, по которому всякій воръ, хотя бы укравшій на стоимость веревки, подвергался бы повѣшенію, и его остановило только замѣчаніе Ягужинскаго, что въ такомъ случаѣ онъ рискуетъ остаться безъ слугъ и помощниковъ, такъ какъ всѣ они крадутъ, только одни больше и замѣтнѣе, другіе меньше и скрытнѣе. Съ того времени условія мало благопріятствовали искорененію этого зла, скорѣе даже напротивъ. Ослабленіе системы контроля съ одной стороны, разростаніе бюрократіи на счетъ самоуправленія и сосредоточеніе болѣе крупной власти въ рукахъ учрежденій и отдѣльныхъ лицъ—съ другой, все это способствовало развитію произвола, а, слѣдовательно, и давало возможность направленія власти на личныя, корыстныя цѣли. Въ то же время съ развитіемъ крѣпостнаго права слабѣла и падала общественная нравственность. Въ этой атмосферѣ дароваго труда и безграничнаго почти произвола одного человѣка надъ другимъ не могли расти и развиваться идеи граждан-

скаго долга, трудолюбія и безкорыстія. Вліяніе крѣпостной атмосферы не ограничивалось ни однимъ кругомъ отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, ни однимъ слоемъ дворянства, оно шло дальше, проникало во всѣ иныя отношенія, всюду распространяя стремленіе къ легкой наживѣ, къ жизни на счетъ чужаго, даровaго труда и подрывая нравственныя основы, не давая возможности развиться въ обществѣ широкой и истинной морали. При наличности этихъ двухъ условій, низкаго уровня общественной нравственности и такихъ формъ администраціи, которыя обезпечивали ей возможность произвольныхъ дѣйствій, неудивительно, что для тогдашней администраціи въ громадномъ большинствѣ ея представителей, отъ нисшихъ и до высшихъ ступеней, идея общаго блага представлялась очень туманно и затемнялась стремленіемъ къ личному благосостоянію, осуществлявшимся путемъ беззаконной наживы. Взятки стали настолько обычнымъ явленіемъ, что среди дѣятелей времени Елизаветы трудно было найти человѣка, который не бралъ бы ихъ. Министры получали крупныя суммы отъ иностранныхъ дворовъ, чиновники и судьи брали съ просителей. Наивное убѣжденіе въ силѣ взятки доходило до такой степени, что одна костромская помѣщица, напр., предложила взятку самой императрицѣ, обѣщая ей подарить четырехъ собакъ, если мужу ея дадутъ чинъ коллежскаго ассессора. Административные нравы въ такомъ ихъ видѣ засвидѣтельствованы передъ нами самимъ правительствомъ. «Законы, писала Елизавета въ одномъ изъ своихъ указовъ, исполненія своего не имѣютъ отъ внутреннихъ общихъ непріятелей, которые свою беззаконную прибыль присягѣ, долгу и чести предпочитаютъ; съ какимъ прискорбіемъ видимъ мы это и чувствуемъ, что вкореняющееся зло пресѣченія не имѣетъ. Несытая алчба корысти до того дошла, что нѣкоторыя мѣста, учрежденныя для правосудія, сдѣлались торжищемъ, лихоимство и пристрастіе предводительствомъ судей, потворство и упущеніе ободреніемъ беззаконности». Помимо правительственныхъ указовъ распространенность этого явленія вскрывается намъ и изъ другого источника, а именно тогдашней литературы. Въ этой послѣдней, и именно въ сатирической ея части, одинъ типъ занимаетъ выдающееся, видное положеніе, которое можно уподобить тому, какое въ обличительной литературѣ временъ Петра В. принадлежало монаху, ревностному блюстителю старины, изувѣру внѣшности. Въ литературѣ Елизаветинской эпохи такимъ центральнымъ типомъ сатиры является приказный, или, говоря языкомъ нашего времени, чиновникъ. На него по преимуществу обрушивается вся злоба, изливается вся желчь сатириковъ и чертою, возбуждающею ихъ преимущественное негодованіе, составляющей существеннѣйшее содержаніе этой фигуры въ ея сатирическомъ изображеніи, является при этомъ лихоимство. Приказный непремѣнно изображается берущимъ взятки отъ частныхъ просителей и обкра-

дывающимъ казну, выгоды которой онъ готовъ продать всякому, кто дастъ хорошую цѣну. Наиболѣе талантливый сатирикъ эпохи, Сумароковъ, самыми мрачными красками рисуетъ администраторовъ и лишь за моремъ находитъ правдивыхъ воеводъ и такіе порядки, при которыхъ дьяки цугами не ѣздятъ и въ подрядахъ не крадутъ. Такъ въ литературѣ мы находимъ въ выставленныхъ ею типахъ отраженіе тѣхъ же порядковъ дѣйствительности, на которые указывало и законодательство, порядковъ, являвшихся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ извѣстныхъ условій. Но именно эта неизбѣжность дѣлала безплодными и усилія законодателей, и язвительный бичъ сатиры въ ихъ памфлетахъ искоренить зло, пока держались обусловливавшія его общія явленія. Во всякомъ случаѣ сознаніе этого зла обществомъ пролагало въ умахъ и путь мысли о необходимости внести нѣкоторыя измѣненія въ административную систему съ цѣлью исправленія ея недостатковъ. Время болѣе широкихъ идей о необходимости коренныхъ реформъ всего общественнаго строя еще не наступило.

Малорусскія дѣла. Немногимъ лучшую картину представляла администрація малорусская. Въ ней была еще одна сторона, составлявшая ея особенность и заключавшаяся въ томъ, что границы класса старшины, какъ дѣятелей административныхъ, почти совпадали съ границами и особаго соціальнаго слоя, частныхъ землевладѣльцевъ и помѣщиковъ, благодаря чему интересы ея представлялись тѣсно солидарными въ ея собственной средѣ и рѣзко противоположными по отношенію къ интересамъ остальнаго населенія. При томъ условіи, что экономическій процессъ, происходившій въ жизни народа, зашелъ уже очень далеко и обусловливалъ собою уже не только тѣсную зависимость крестьянства отъ владѣльцевъ, но и все болѣе развивавшіяся притязанія со стороны послѣднихъ на землю и трудъ крестьянъ, такое совпаденіе администраціи съ однимъ общественнымъ классомъ, имѣвшее своимъ результатомъ и проникновеніе ея идеями и стремленіями этого класса, получало особенно важное значеніе, такъ какъ оно играло видную роль въ ея дѣятельности, а эта послѣдняя при данныхъ обстоятельствахъ имѣла очень важное вліяніе на самый складъ народной жизни. Дѣйствительно, крестьянство распадалось на двѣ группы, все дальше расходившіяся одна отъ другой по условіямъ своего быта: посполъство и козачество; первое въ громадномъ большинствѣ попало уже теперь подъ власть державцевъ, второе оставалось свободнымъ отъ всякой частной власти. Но старшина пыталась увеличить число имѣвшихся уже у нея даровыхъ рабочихъ рукъ и съ этою цѣлью настойчиво и упорно переводила козаковъ въ посполитые, распространяя и на нихъ узы экономической зависимости. Для этой же цѣли служило и другое средство, а именно увеличеніе размѣровъ обязательнаго труда, лежавшаго на имѣвшихся уже пос-

политыхъ, и это средство также усиленно практиковалось владѣльцами. Наконецъ, послѣдніе стремились захватить для своего хозяйства какъ можно большее количество земли и достигали этого путемъ скупки земель у отдѣльныхъ козаковъ и посполитыхъ и путемъ захвата въ свое исключительное пользованіе земель, принадлежавшихъ цѣлой общинѣ. Первоначально всѣ эти дѣйствія совершались главнымъ образомъ подъ давленіемъ экономической силы частныхъ землевладѣльцевъ, но по мѣрѣ того, какъ эти послѣдніе организовались тѣснѣе въ особый классъ и въ ихъ рукахъ сосредоточилось управленіе, открывалось все болѣе широкое поприще и для проявленій иного рода силы. Согласно прямому смыслу законодательства, подъ которымъ жила Малороссія, старшина не пользовалась никакими особыми правами и преимуществами сравнительно съ рядовыми козаками, но на практикѣ сознаніе различія этихъ двухъ классовъ сдѣлало большіе успѣхи. Лица, принадлежавшія къ старшинѣ, уже выдѣляли себя изъ козачества, принимали названіе «шляхтичей», «шляхетства», облекая такимъ образомъ свои отношенія къ народу въ знакомую изъ историческаго опыта и современнаго знанія форму общественнаго строя. Съ другой стороны тѣ измѣненія въ администраціи, какія мы наблюдали въ предъидущемъ періодѣ, не остались безъ серьезнаго вліянія на ея характеръ. Благодаря этимъ измѣненіямъ постепенно все болѣе и болѣе съуживалось поле дѣйствія принципа выборнаго самоуправленія, имѣвшаго первоначально такое широкое примѣненіе въ Малороссіи, составлявшаго основу всѣхъ безъ исключенія органовъ администраціи. По мѣрѣ того, какъ высшая, т. н. генеральная администрація страны теряла свой избирательный характеръ подъ давленіемъ со стороны верховнаго правительства, она въ свою очередь и въ своихъ интересахъ оказывала подобное же вліяніе на подчиненные ей нисшіе органы управленія. Занятіе общественныхъ должностей по назначенію, а не по выбору постепенно дѣлалось все болѣе общимъ правиломъ, дѣйствіе котораго распространялось сверху внизъ, поддерживаемое тѣмъ обстоятельствомъ, что высшіе чины должны были утверждать нисшихъ въ ихъ должности. Такъ сперва должности полковниковъ стали раздаваться гетманами и замѣнившими ихъ коллегіями, затѣмъ полковники начали назначать своей властью сотниковъ и наконецъ этотъ порядокъ распространился и на сельскую старшину, такъ что въ глазахъ сотенной и полковой старшины самовольный выборъ козаками сотеннаго или даже сельскаго атамана представлялся тяжелымъ преступленіемъ, «свирѣпствомъ» и бунтомъ. Съ этимъ постепеннымъ ослабленіемъ выборнаго принципа измѣнился и характеръ администраціи, такъ какъ она получила теперь бо́льшую власть надъ населеніемъ. Пользуясь этою властью и не стѣсняемые никакимъ

общественнымъ контролемъ, отдѣльные представители старшины не церемонились уже эксплуатировать управляемое ими населеніе.

Такъ, въ то самое время, когда старшина рѣзче отдѣлилась отъ остальнаго народа, въ ея же рукахъ сосредоточилась бо̀льшая власть надъ нимъ. Эта власть и была ею употреблена на достиженіе своихъ соціальныхъ и экономическихъ интересовъ, занявъ теперь въ процессѣ закрѣпощенія мѣсто почти столь же видной причины, какъ экономическая зависимость. Старшина въ качествѣ администраторовъ и въ частности военнаго начальства надъ козаками, имѣла передъ собою много путей непосредственнаго давленія на народную жизнь и усердно пользовалась ими. Въ 1743 году напр. козаки одного изъ селъ Переяславскаго полка жаловались, что сосѣдъ ихъ, бунчуковый товарищъ Думитрашко, привлекаетъ ихъ въ подданство и не соглашающихся бьетъ со своими слугами плетьми и палками до полусмерти, а они отъ полковой старшины никакой защиты себѣ не получаютъ. Пріѣхавъ въ село, этотъ сердитый владѣлецъ спрашивалъ козаковъ, желаютъ ли они сдѣлаться его посполитыми или оставаться козаками, и, получая неблагопріятный для себя отвѣтъ, билъ ихъ плетьми. Еще чаще бывали случаи насильственной покупки у козаковъ земли или захвата общинныхъ земель и, какъ далеко заходилъ этотъ захватъ, можно видѣть напр. изъ того, что громадный «свободный войсковой степъ», находившійся въ общинномъ пользованіи козаковъ и посполитыхъ всей золотоношской сотни Переяславскаго полка и занимавшій пространство на 100 верстъ въ окружности, владѣльцы расхитили почти весь въ свое исключительное владѣніе, оставивъ въ пользованіи сотни только площадь на 12 верстъ въ окружности. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ единство интересовъ заставляло старшину дѣйствовать единодушно и поэтому козакамъ крайне трудно было добиться правосудія и возстановить свои права. Еще того труднѣе, какъ легко себѣ представить, было положеніе посполитыхъ, по отношенію къ которымъ старшина представляла тѣсно сплоченный, проникнутый одними и тѣми же стремленіями классъ. Такъ дѣйствія малорусской администраціи того времени, благодаря тѣмъ условіямъ, въ какихъ она выросла и въ какія она была поставлена, содѣйствовали ускоренію процесса закрѣпощенія, лишая козачество и поспольство земли, увеличивая второй классъ на счетъ перваго и ухудшая положеніе собственно посполитыхъ.

Правительство Елизаветы произвело нѣкоторыя измѣненія въ этой администраціи, но они вызывались не какою-нибудь программой, а личными отношеніями императрицы, совпавшими съ интересами малорусской старшины, и потому особаго значенія не имѣли. Старшина тяготилась именно присутствіемъ великорусовъ въ главномъ учрежденіи страны и мечтала о возстановленіи гетманства, какъ менѣе стѣснительной формы управленія.

Близость къ Елизаветѣ Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, сына малорусскаго козака, подавала надежду на возможность бо́льшаго вниманія центральнаго правительства при этой императрицѣ къ желаніямъ малороссовъ, и въ 1743 году Елизаветѣ подана была просьба о дозволеніи выбрать гетмана. Она дѣйствительно приняла эту просьбу благосклонно и даже предписала сенату сдѣлать распоряженіе о производствѣ выборовъ. Сенатъ однакоже не исполнилъ этого, такъ какъ будущій гетманъ, имѣвшій въ это время всего 15 лѣтъ отъ роду, воспитывался еще въ Парижѣ. Это былъ братъ Алексѣя Григорьевича, Кириллъ Гр. Разумовскій. Выборы состоялись черезъ 7 лѣтъ, въ 1750 году, когда онъ вернулся изъ Парижа, и онъ былъ избранъ гетманомъ Малороссіи. Уже самая обстановка этого возстановленія гетманскаго достоинства какъ нельзя яснѣе указываетъ, что тутъ не могло быть и рѣчи о возстановленіи самоуправленія въ истинномъ смыслѣ этого слова: все дѣло заключалось въ устраненіи великорусскихъ чиновниковъ, вмѣстѣ съ которымъ интересы малорусской старшины получали большій просторъ и бо́льшую возможность осуществленія. Дѣйствительно, Разумовскій менѣе всего и по дѣйствіямъ своимъ могъ назваться народнымъ гетманомъ, истиннымъ представителемъ и защитникомъ народа. Единственнымъ нововведеніемъ, которое онъ практиковалъ, было пожалованіе имѣній владѣльцамъ въ полную собственность, чего до него не дѣлалось, и такимъ образомъ оно было направлено къ поддержанію и усиленію экономическаго положенія старшины. Произволъ же, развивавшійся въ дѣйствіяхъ послѣдней на административной почвѣ, и при немъ не нашелъ себѣ никакой сдержки и продолжалъ разыгрываться по прежнему. Ограничусь однимъ примѣромъ. Въ 1761 году козаки прилѣвской сотни Переяславскаго полка подали жалобу на своего сотника Завойку въ томъ, что онъ насильно скупаетъ у козаковъ ихъ земли, захватилъ общинной земли на нѣсколько верстъ, употреблялъ козаковъ на свои домашнія и полевыя работы, бралъ взятки съ козаковъ, растратилъ общія суммы сотни и т. д. По словамъ жалобы, Завойка, до назначенія на сотничество бывшій очень бѣднымъ человѣкомъ, теперь уже ворочаетъ капиталомъ въ десятки тысячъ. Наконецъ сотникъ и атаманъ «весьма охотны бить безъ малѣйшей винности козаковъ». Слѣдствіе вскрыло цѣлый длинный рядъ злоупотребленій своей властью со стороны сотника, но тѣмъ не менѣе тянулось оно цѣлыхъ 3 года, пока наконецъ Завойка былъ смѣщенъ. Въ массѣ другихъ случаевъ козакамъ, а тѣмъ болѣе посполитымъ, не удавалось добиться и такого результата при своихъ жалобахъ на старшину: члены послѣдней, сознавая единство своихъ интересовъ, по большей части покрывали другъ друга и благодаря этому пользовались почти полной безнаказанностью.

Нѣсколько благопріятнѣе для народа были другіе указы имп. Елизаветы, которыми запрещалось великороссамъ покупать поземельныя имѣнія въ Малороссіи, а уже имѣвшіяся предписывалось продать. Здѣсь интересы старшины, вызвавшей этотъ законодательный актъ, такъ какъ она не желала имѣть себѣ соперниковъ въ дѣлѣ обладанія народнымъ трудомъ, сходились съ интересами народа: для послѣдняго иго великорусскаго помѣщика, съ его твердо установившимся понятіемъ о сущности крѣпостнаго права и почти безграничной власти, которую оно даетъ дворянину надъ крестьяниномъ, было все-таки тяжелѣе ига своего брата, малорусскаго державцы, не такъ крѣпко державшагося на правовой почвѣ. Въ общемъ, однако, за время царствованія Елизаветы, благодаря совокупному дѣйствію экономическаго и политическаго процессовъ въ жизни страны положеніе одной группы крестьянства—посполитыхъ все ближе подходило къ закрѣпощенію.

Внѣшняя политика при Елизаветѣ.

Въ дѣлахъ внѣшней политики государства правительство Елизаветы держалось той самой системы, что и его предшественники, но нѣкоторыя новости были внесены въ эту систему нѣсколько иной группировкой западно-европейскихъ державъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. Прежде всего произошло столкновеніе съ Швеціей, которая сдѣлала попытку возвратить себѣ завоеванія, сдѣланныя у нея Петромъ В. Объявивъ войну еще правительству Анны Леопольдовны подъ предлогомъ защиты правъ на русскій престолъ малолѣтняго внука Петра, сына Анны Петровны и герцога голштинскаго, она продолжала однако военныя дѣйствія и послѣ переворота, возведшаго на престолъ Елизавету, не прикрываясь уже болѣе никакими предлогами, а прямо требуя возвращенія отнятыхъ Петромъ провинцій. Но въ это время Швеція уже такъ ослабѣла, что не могла вести успѣшной борьбы съ своей восточной сосѣдкой. Короткая война окончилась миромъ, по которому Россія получила новое пріобрѣтеніе въ видѣ Кюменегорской провинціи. Въ остальныхъ вопросахъ своей внѣшней политики Россія продолжала идти въ союзѣ съ Австріей и руководившій внѣшними дѣлами государства канцлеръ Бестужевъ поддерживалъ этотъ союзъ подъ именемъ «системы Петра Великаго». Но самый союзъ этотъ породилъ измѣненіе отношеній русской политики къ другой западной державѣ, именно къ Франціи. Прежде Австрія и Франція составляли въ Европѣ два враждебныхъ лагеря, постоянно почти ведшихъ между собою борьбу, которая прерывалась только короткими перемиріями, пока стороны собирали свои силы. Поэтому и Россія,

имѣвшая съ Австріей тожественные интересы по отношенію къ Турціи и очень близкіе въ Польшѣ и со временъ Петра I вступившая въ дѣятельный союзъ съ нею, тѣмъ самымъ становилась косвенно во враждебныя отношенія къ Франціи. Но за время Елизаветы такое положеніе державъ на западѣ Европы измѣнилось. На политическомъ горизонтѣ появилась новая крупная величина, быстро принимавшая все болѣе грозные для сосѣдей своихъ размѣры, въ лицѣ Пруссіи, и это заставило Францію и Австрію соединить свои силы противъ новаго соперника. Такимъ образомъ и Россія, шедшая въ общеевропейскихъ дѣлахъ на буксирѣ австрійской политики, вступила въ союзъ съ Франціей и вмѣстѣ съ нею и съ имперіей Габсбурговъ открыла борьбу противъ Пруссіи, извѣстную подъ именемъ Семилѣтней войны. Участіе Россіи въ этой войнѣ являлось прямымъ результатомъ ея союза съ Австріей, но къ этому послѣднему присоединился теперь еще и другой союзъ, съ болѣе далекой державой, не связанной такъ тѣсно въ своихъ интересахъ съ русской политикой

Самая война велась русскими успѣшно, но не имѣла никакихъ серьезныхъ послѣдствій, не принесла съ собою никакихъ результатовъ. Нѣсколько разъ русскія войска одерживали полныя побѣды надъ пруссаками, совершенно уничтожая арміи Фридриха II, самый Берлинъ одно время находился въ русскихъ рукахъ, но все это имѣло очень мало значенія, такъ какъ послѣ самыхъ полныхъ пораженій непріятеля русскіе полководцы внезапно отступали и давали ему время и возможность оправиться. Въ ихъ дѣйствіяхъ постоянно проглядывало какъ бы опасеніе вести войну черезчуръ усердно и довести ее до конца. Такое опасеніе и дѣйствительно существовало, только оно не имѣло никакой связи съ планами и намѣреніями правительства Елизаветы. Зависѣло оно отъ иной причины: здоровье императрицы было уже плохо, придворные постоянно ожидали ея смерти, а между тѣмъ всѣмъ было извѣстно, что наслѣдникъ престола, великій князь Петръ Федоровичъ, и не думаетъ скрывать своего уваженія къ Фридриху II, котораго онъ считалъ образцомъ и для себя. Ожидали, что съ моментомъ вступленія его на престолъ измѣнится и вся система внѣшней политики Россіи, знали, что онъ очень недоволенъ участіемъ русскихъ войскъ въ войнѣ противъ Пруссіи, и вотъ почему часто смѣнявшіеся начальники арміи всѣ проявляли одинаковую почти нерѣшительность въ своихъ дѣйствіяхъ. Степень отважности ихъ военныхъ плановъ находилась въ тѣсной связи съ приходившими изъ Петербурга вѣстями о здоровьѣ императрицы: когда послѣднее было хорошо, русскія войска шли впередъ, когда ухудшалось, они отступали. Война, ведшаяся такимъ образомъ, имѣла и соотвѣтственный конецъ: она была прервана смертью императрицы Елизаветы Петровны, послѣдовавшей 25 декабря 1761 года, а преемникъ ея заключилъ

миръ, по которому Россія ничего не пріобрѣла отъ Пруссіи. Война эта велась Россіею, правда, не изъ-за какихъ-либо своихъ прямыхъ интересовъ, а исключительно въ видахъ помощи союзнику, но и эта цѣль не была достигнута, такъ какъ племянникъ Елизаветы, вступивъ на престолъ, поспѣшилъ заключить отдѣльный миръ съ Фридрихомъ, оставивъ безъ вниманія Австрію. Возможность такого крутого поворота политики стояла, конечно, въ зависимости отъ общихъ условій государственной жизни, но самый поворотъ обусловленъ былъ личными свойствами человѣка, всходившаго теперь на императорскій тронъ и рѣшившагося пренебречь возможными плодами всѣхъ жертвъ, какія несло государство втеченіе войны, продолжавшейся нѣсколько лѣтъ. Познакомиться съ личностью этого человѣка намъ теперь и предстоитъ, тѣмъ болѣе, что при немъ или, вѣрнѣе, надъ нимъ разыгралась и послѣдняя трагедія дворцоваго переворота въ 18-мъ вѣкѣ, такъ что и съ этой стороны онъ и жена его, главные актеры въ этой трагедіи, представляются тѣсно связанными съ внутренней исторіей русскаго общества того времени.

48-я ЛЕКЦІЯ.

Личность Петра III.

Сегодня намъ предстоитъ отъ исторіи народа обратиться къ дворцовой исторіи, отъ соціальныхъ процессовъ и общественныхъ типовъ перейти къ характеристикѣ отдѣльныхъ личностей, занявшихъ русскій престолъ по смерти Елизаветы. Дѣйствительно, эти личности представляютъ изъ себя такое любопытное порожденіе тогдашнихъ условій государственной жизни Россіи, въ ихъ судьбѣ такъ ярко отразились эти условія, что знакомство съ ними можетъ быть и интересно, и поучительно. Императоръ, воспитанный въ Голштиніи и правившій 6 мѣсяцевъ Россіей, и императрица, родившаяся нѣмецкой мелкой принцессой, а затѣмъ 34 года сидѣвшая на русскомъ престолѣ, внукъ Петра I, свергнутый съ престола за предпочтеніе Голштиніи Россіи, и ангальтъ-цербстская принцесса Софія, сдѣлавшаяся подъ именемъ Екатерины II въ глазахъ современниковъ наиболѣе вѣрной представительницей національныхъ стремленій Россіи,—это такія оригинальныя растенія, которыя могли вполнѣ развиться лишь въ извѣстной атмосферѣ, на опредѣленной почвѣ и, знакомясь съ ними, мы тѣмъ самымъ подойдемъ ближе къ пониманію этой атмосферы и этой почвы.

Съ восшествіемъ на престолъ Елизаветы связана была побѣда одной линіи царствующаго дома надъ другою, потомства ц. Петра надъ потомствомъ Ивана Алексѣевича. Семья, представлявшая въ то время это послѣднее и извѣстная подъ именемъ брауншвейгской фамиліи, была отодвинута отъ трона дочерью Петра и за свое кратковременное владычество поплатилась долгимъ пожизненнымъ заключеніемъ въ Холмогорахъ, а самъ ребенокъ-императоръ, именемъ котораго правили сперва Биронъ, затѣмъ его собственная мать, томился въ казематѣ Шлиссельбургской крѣпости. Предъявляя свои права, Елизавета дѣйствовала во имя интересовъ Петровскаго потомства и затѣмъ уже не могла отказаться отъ нихъ, должна была искать себѣ преемника

среди той же линіи царствующаго дома, къ которой принадлежала сама. Но къ этому времени все почти Петровское потомство уже вымерло: изъ него оставался въ живыхъ, кромѣ самой Елизаветы, только одинъ ребенокъ, сынъ сестры ея, Анны Петровны, выданной замужъ за герцога голштинскаго и умершей въ Голштиніи отъ чахотки до воцаренія Елизаветы. Этотъ ребенокъ, родившійся и воспитанный въ Голштиніи, внукъ Петра I по матери, въ то же время по отцу приходился двоюроднымъ внукомъ Карла XII и благодаря этому на его головѣ могли сойтись три короны: помимо своего наслѣдственнаго герцогства онъ являлся претендентомъ на тронъ русскій и шведскій. Это обстоятельство сильно и крайне неблагопріятно отозвалось на судьбѣ ребенка. Его ближайшіе окружающіе видѣли въ немъ именно претендента на два престола и готовили его то къ одному, то къ другому изъ нихъ, смотря по тому, съ какой стороны счастье больше улыбалось. Ребенка учили то шведскому языку, то русскому, при немъ состоялъ законоучителемъ и знакомилъ его съ религіей то придворный голштинскій пасторъ Хоземанъ, то іеромонахъ греческой церкви. Одно время, именно при Екатеринѣ I и Петрѣ II, виды Карла-Петра-Ульриха на Россію значительно поднялись, но съ воцареніемъ Анны Ивановны они столь же быстро и пали и при русскомъ дворѣ онъ получилъ оригинальное нарицательное имя: «чортушка, что въ Голштиніи». Существованіе этого ребенка, притомъ въ такомъ мѣстѣ, откуда его нельзя было достать, являлось постоянной угрозой для правительствъ Анны Ивановны и Анны Леопольдовны; тѣмъ болѣе, что онъ могъ явиться опаснымъ орудіемъ въ рукахъ иностранныхъ державъ, и особенно Швеціи. Но такое значеніе этого мальчика не обезпечивало еще для него благосклонности природы, какъ не обезпечивало и усердія, а тѣмъ болѣе умѣнія воспитателей. Напротивъ, казалось скорѣе, что и природа и люди соединились въ общихъ усиліяхъ испортить будущаго Петра и сдѣлать его совершенно неспособнымъ не только къ управленію большими государствами, на тронъ которыхъ онъ претендовалъ, но и вообще къ сколько-нибудь разумной жизни. И болѣе крѣпкая голова, чѣмъ та, какою обладалъ малолѣтній Петръ, могла бы закружиться отъ этихъ безпрестанныхъ и рѣзкихъ переходовъ въ ученіи, отъ полнаго отсутствія въ немъ какой бы то ни было системы, а, къ сожалѣнію, голова голштинскаго наслѣднаго принца именно не отличалась своею крѣпостью. Родившись отъ чахоточной матери, хилый, слабый и болѣзненный, мальчикъ съ ранняго дѣтства не отличался ни физическимъ здоровьемъ, ни обиліемъ умственныхъ способностей. Къ скупости природы присоединилось еще плохое воспитаніе. Первымъ воспитателемъ Петра былъ его отецъ, человѣкъ добрый, но въ высшей степени ограниченный, кругозоръ котораго ограничивался тѣсными предѣлами его гер-

цогства. Его интересы и симпатіи сосредоточивались главнымъ образомъ на военномъ дѣлѣ и воепщина со всею ея формалистикой составляла едва ли не единственный предметъ, единственное знаніе, которое онъ старался вложить въ голову сына. Ребенокъ проходилъ лѣстницу военныхъ чиновъ, отправлялъ парадныя обязанности нѣкоторыхъ изъ нихъ, ничего не зная о странѣ и войскѣ, знакомился съ положеніемъ солдата и офицера, изображая изъ себя того и другого въ видѣ игрушки. Съ тѣхъ поръ игра въ солдатики сдѣлалась любимой забавой, можно даже сказать, любимымъ дѣломъ Карла-Петра-Ульриха. И позднѣе, когда онъ превратился въ русскаго цесаревича Петра Федоровича, онъ не оставилъ этой забавы. Въ его комнатахъ во дворцѣ разставлены были на столахъ игрушечные солдатики, протянуты проволоки, и онъ забавлялся цѣлые часы, производя маневры и парады со своимъ неодушевленнымъ войскомъ, устраивая примѣрныя сраженія съ помощью передвиженія фигуръ и подергиванія проволокъ, дребезжаніе которыхъ должно было воспроизводить громъ пушекъ. Екатерина II въ своихъ запискахъ передаетъ слѣдующій случай: разъ кто-то изъ придворныхъ подарилъ великому князю, тогда уже состоявшему женихомъ ея, картонную крѣпость, которую оберегали крахмальные солдатики. На бѣду, однако, ночью крыса съѣла одного изъ этихъ солдатиковъ. По приказанію Петра Федоровича крыса была поймана, послѣ чего онъ нарядилъ надъ нею военный судъ въ лицѣ себя самого и на точномъ основаніи артикуловъ военнаго устава приговорилъ преступницу къ смертной казни черезъ повѣшеніе; приговоръ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе имъ самимъ. Такимъ образомъ все, что далъ Петру его отецъ, заключалось въ несчастной страсти къ военнымъ игрушкамъ, но за то эта страсть вкоренилась въ немъ очень сильно. Еще менѣе благотворно было вліяніе послѣдующихъ воспитателей въ Килѣ. По смерти отца опека надъ мальчикомъ перешла къ дядѣ послѣдняго, въ свою очередь поручившаго его воспитаніе нѣкоему Брюммеру. Объ этомъ воспитателѣ близко знавшіе его современники отзывались, что онъ болѣе способенъ воспитывать лошадей, чѣмъ людей, и все, что мы знаемъ о воспитаніи имъ Петра Федоровича, вполнѣ подтверждаетъ такой отзывъ. Педагоги того времени вообще не отличались излишнею кротостью, но Брюммеръ съумѣлъ занять выдающееся мѣсто даже среди нихъ. Хлыстъ, розги, и вообще самыя грубыя и возмутительныя физическія наказанія были наиболѣе употребительными пріемами въ его педагогической практикѣ. Не разъ приходилось малолѣтнему Петру подъ строгой ферулой этого наставника цѣлые часы выстаивать голыми колѣнами на разсыпанномъ горохѣ, не разъ онъ терпѣлъ и побои отъ руки своего воспитателя. Брюммеръ оставался при Петрѣ III нѣкоторое время и по переѣздѣ его въ Россію и здѣшній учи-

тель великаго князя, профессоръ Штелинъ, разсказываетъ характерную сцену, разыгравшуюся однажды въ покояхъ петербургскаго дворца. Случилось такъ, что на одномъ изъ уроковъ Штелина Брюммеръ за что-то разсердился на великаго князя и бросился на него со сжатыми кулаками. Штелинъ едва успѣлъ встать между ними и удержать раздраженнаго воспитателя отъ удара. Петръ сперва упалъ отъ испуга на софу, но затѣмъ бросился къ окну, намѣреваясь позвать караульныхъ гвардейцевъ. Съ трудомъ отговорилъ его учитель отъ этого намѣренія, но тогда Петръ выбѣжалъ въ другую комнату и, вернувшись съ обнаженной шпагой въ рукахъ, пригрозилъ Брюммеру заколоть его на мѣстѣ, если онъ вздумаетъ еще когда-нибудь до него дотронуться. Русскій великій князь и наслѣдникъ императорскаго престола могъ уже сопротивляться насилію, но принцъ голштинскій долженъ былъ покоряться ему. Еще хуже самаго факта насилія было то обстоятельство, что справедливость обыкновенно отсутствовала при его употребленіи. Брюммеръ, человѣкъ самъ по себѣ вспыльчивый и мало воздержный, не много обращалъ вниманія на своего питомца, не заботился узнать его вкусы и стремленія, не пытался даже въ спорныхъ случаяхъ опредѣлить степень виновности или правоты его, а прямо по жалобамъ или обвиненіямъ третьихъ лицъ принимался за расправу, нерѣдко очень жестокую. Такое тяготѣніе надъ жизнью ребенка суровой и несправедливой власти оказало сильное вліяніе на формировку его характера. Систематическое и несправедливое насиліе укрѣпляетъ немногія исключительныя сильныя натуры, вызывая въ нихъ энергическій протестъ, но на массу среднихъ, а тѣмъ болѣе слабыхъ людей оно дѣйствуетъ крайне развращающимъ образомъ. Петръ же принадлежалъ именно къ послѣднимъ людямъ и принятая система воспитанія оставила глубокіе, неизгладимые слѣды въ его характерѣ. Суровость, съ которою онъ постоянно встрѣчался, ослабила въ немъ силу воли и развила нерѣшительность, постоянныя колебанія, внезапные переходы изъ одного настроенія въ другое, наконецъ трусость. Несправедливость, какою его преслѣдовали, вынудила его искать исхода изъ затруднительнаго положенія и при слабости воли, при отсутствіи рѣшимости и смѣлости такой исходъ открылся для него въ притворствѣ, въ лганьѣ, которое постепенно обратилось у него въ привычку. Онъ любилъ разсказывать о себѣ небывалыя исторіи и по крайней мѣрѣ въ мечтахъ, которыя для него самого дѣлались почти что дѣйствительностью, представлять себя сказочнымъ героемъ. Впослѣдствіи, живя при петербургскомъ дворѣ, онъ сочинялъ много сказокъ о различныхъ военныхъ подвигахъ, будто бы совершенныхъ имъ въ Голштиніи. Такъ, между прочимъ, онъ разсказывалъ, что отецъ его посылалъ его съ отрядомъ гвардейцевъ на таборъ цыганъ и онъ, послѣ многихъ маневровъ, окружилъ весь

таборъ, взялъ его въ плѣнъ и привелъ въ Киль. Случилось разъ ему повѣствовать про это при Екатеринѣ и та спросила, за сколько лѣтъ до смерти его отца было это происшествіе. «Года за три, за четыре», отвѣчалъ онъ, не задумываясь, и Екатерина выразила ему свое удивленіе по поводу его храбрости, когда ему было всего 6—7 лѣтъ. «Великій князь, пишетъ она въ своихъ запискахъ, очень на меня разсердился и объявилъ, что я передъ всѣми его лжецомъ и обманщикомъ выставляю. Я же отвѣтствовала, что не я, но календарь его изобличаетъ». Прошло однако нѣсколько времени и Петръ, забывъ этотъ случай, снова началъ разсказывать ту же самую исторію при Екатеринѣ. Наболѣвшее самолюбіе настойчиво требовало себѣ удовлетворенія и находило его за отсутствіемъ реальной почвы въ разгулѣ воображенія, въ сказкахъ и небывальщинахъ, соотвѣтствовавшихъ развитію невѣжественнаго мальчика. Ипого рода удовлетвореніе оно находило себѣ въ дѣйствительныхъ условіяхъ жизни: изъ систематически притѣсняемаго мальчика выработался деспотъ и самодуръ, еще болѣе несносный благодаря мелочности своихъ требованій и придирчивости. Не будучи отъ природы ни злымъ человѣкомъ, ни тираномъ, напротивъ обладая скорѣе природною добротою, Петръ съумѣлъ однако возстановить противъ себя почти всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось встрѣчаться, проявляя по отношенію къ нимъ невѣроятную требовательность, и притомъ именно въ мелочахъ. Его отъ природы небогатый умъ, которому не доставлено было образованіемъ никакой здоровой пищи, такъ и не успѣлъ развиться и оставался на ступени дѣтства, чему способствовало и безпорядочное, не въ мѣру суровое воспитаніе. Но этого мало: воспитатели позаботились привить ребенку пороки взрослаго. Петръ пріучился пить и пьянство въ компаніи голштинскихъ офицеровъ съ теченіемъ времени заняло половину его жизни; другую половину наполняла игра въ солдатики.

Для полноты портрета надобно добавить еще одну черту: ученіе, въ которомъ протестантская религія перемѣшивалась съ православной, русскій языкъ со шведскимъ, не пересилило вліянія обстановки, не сдѣлало Петра ни религіознымъ индифферентистомъ, ни космополитомъ. Въ глубинѣ души онъ всегда оставался протестантомъ и голштинцемъ, даже ярымъ голштинскимъ патріотомъ, и измѣнившіяся обстоятельства могли только выпудить его скрывать до нѣкоторой степени свои чувства, но не измѣняли ихъ. Всѣ симпатіи мальчика лежали на сторонѣ страны, въ которой онъ родился и выросъ, и позднѣе, когда онъ сдѣлался уже русскимъ императоромъ, онъ разсматривалъ свое положеніе почти исключительно, какъ благопріятный случай увеличить свое могущество въ качествѣ герцога голштинскаго.

Таковъ-то былъ Карлъ-Петръ-Ульрихъ, когда по воцареніи Елизаветы волею ея онъ былъ вызванъ изъ Киля въ Петербургъ,

воспринятъ въ лоно православной церкви подъ именемъ Петра Федоровича и наречепъ великимъ княземъ и наслѣдникомъ русскаго престола. Оставаясь слабымъ и больнымъ ребенкомъ, онъ соединялъ съ дѣтски неразвитымъ умомъ замашки мелкаго деспота и привычки взрослаго кутилы. Теперь скуднымъ дарамъ природы и щедрымъ плодамъ убогаго казарменнаго воспитанія предстояло доразвиться на почвѣ русской политической и придворной жизни. Съ переѣздомъ изъ Киля въ Петербургъ жизненная обстановка, окружавшая Петра Федоровича, рѣзко измѣнилась. Сдѣлавшись наслѣдникомъ престола русской имперіи, онъ могъ не сегодня-завтра сдѣлаться со смертью императрицы и самодержцемъ и это обстоятельство вліяло на отношенія къ нему окружавшихъ его лицъ. Царедворцы Елизаветинскаго двора смотрѣли на него, какъ на будущаго властелина, и заранѣе старались снискать себѣ его расположеніе, угождая всѣмъ его требованіямъ, скрывая его недостатки и втайнѣ даже потворствуя развитію ихъ. Такая угодливость и раболѣпство придворныхъ, единственныхъ людей, съ которыми приходилось имѣть дѣло юному наслѣднику, въ свою очередь развивали въ немъ мнѣніе о безграничномъ могуществѣ его власти, вырабатывали изъ него того человѣка, который впослѣдствіи на донесеніе о болѣзни нѣсколькихъ матросовъ могъ отвѣтить приказаніемъ, чтобы они вылѣчились. Эта безграничная власть лежала передъ Петромъ, онъ видѣлъ, какъ всѣ передъ нею преклоняются, и зналъ, что она достанется ему безъ всякихъ усилій съ его стороны, въ силу одного велѣнія судьбы и его законнаго права и это сознаніе дѣлало для него совершенно безполезною всякую работу надъ собой съ цѣлью пріобрѣтенія ли знаній или выработки характера. И въ этомъ отношеніи обстановка русскаго двора оказала не особенно благодѣтельное вліяніе на него. На этого мальчика, всѣмъ чужаго, ни съ кѣмъ и ничѣмъ не связаннаго въ Россіи, всѣ лица, съ какими ему приходилось сталкиваться, смотрѣли, какъ на будущаго императора, но никто не видѣлъ въ немъ того мальчика, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности. Сперва его начали было еще учить, приставивъ къ нему въ качествѣ учителя профессора Штелина, о которомъ Екатерина впослѣдствіи отзывалась, какъ о «гороховомъ шутѣ». Отзывъ этотъ, пожалуй, черезчуръ уже рѣзокъ, но во всякомъ случаѣ Штелинъ не успѣлъ ни передать своему ученику какихъ-либо знаній, ни внушить ему любви къ пріобрѣтенію ихъ. Не особенно много, впрочемъ, и времени было у него на это: черезъ два года по пріѣздѣ въ Россію великій князь вступилъ уже въ бракъ и всякія занятія ученіемъ прекратились; занятія ученіемъ прекратились, занятія же государственными дѣлами не начинались и послѣ того. Такъ условія, встрѣтившія Петра Федоровича въ Россіи, ничего не прибавили къ его образованію, нимало не содѣйствовали ни расширенію его умствен-

наго горизонта, ни созданію болѣе сильнаго нравственнаго характера, но вмѣстѣ съ тѣмъ они доставили широкое поприще для развитія тѣхъ сторонъ этого характера, которыя были уже созданы предшествовавшимъ воспитаніемъ, укрѣпивъ пороки мальчика, породивъ въ немъ убѣжденіе въ полной неограниченности его власти и безпрекословномъ повиновеніи его волѣ со стороны всѣхъ подданныхъ и обративъ его мелочную придирчивость въ не менѣе мелочной деспотизмъ. Воспитанныя на почвѣ отношеній къ придворнымъ, эти качества наслѣдника ярко и рельефно проявились и въ иной сферѣ, въ отношеніяхъ политическихъ и семейныхъ.

Нѣмецко-голштинскія симпатіи, какъ я уже сказалъ, не умерли въ Петрѣ съ моментомъ переселенія его въ Петербургъ. Не смотря на постоянную жизнь среди русскихъ, онъ плохо выучился владѣть русскимъ языкомъ, считалъ себя гораздо болѣе нѣмцемъ или голштинцемъ, чѣмъ русскимъ, завелъ себѣ при первой же возможности голштинскую гвардію и постоянно обнаруживалъ сильное пристрастіе ко всему нѣмецкому. Эти симпатіи, въ связи съ привязанностью его къ военному искусству, въ которомъ онъ видѣлъ едва ли не единственное дѣло, достойное государя, породили въ немъ особаго рода уваженіе, можно даже сказать, благоговѣніе въ Фридриху II прусскому. Послѣдняго онъ считалъ образцомъ государя, гордился названіемъ его друга и проявлялъ свои чувства къ нему такимъ способомъ, при которомъ не мало страдало его собственное достоинство, становясь напримѣръ на колѣни передъ портретомъ прусскаго короля и заставляя другихъ дѣлать то же самое. Такое отношеніе въ Фридриху ставило великаго князя во враждебное положеніе относительно политики его тетки, императрицы, и оно заходило такъ далеко, что во время Семилѣтней войны прусскій дворъ получалъ отъ Петра Федоровича указанія насчетъ предполагающихся операцій русской арміи. Собираясь подражать Фридриху II въ своихъ будущихъ правительственныхъ дѣйствіяхъ, Петръ не имѣлъ однако необходимыхъ для этого дарованій, а его заявленія о своихъ симпатіяхъ къ Пруссіи, тогдашнему врагу Россіи, непріятно дѣйствовали на общественное сознаніе, будили въ немъ чувство національнаго самолюбія и настраивали часть общества, по крайней мѣрѣ, противъ будущаго императора. Къ этому присоединились еще условія семейной его жизни. Женившись на ангальтъ-цербстской принцессѣ, получившей въ православіи имя Екатерины Алексѣевны, по приказанію тетки, Петръ не чувствовалъ къ ней никакой любви, но не питалъ къ ней первоначально и никакого враждебнаго чувства. Позднѣе онъ скорѣе инстинктивно почувствовалъ, чѣмъ разглядѣлъ въ ней женщину, далеко превосходящую его и умомъ и энергіей, замѣтилъ, что ей чужды тѣ интересы дѣтскихъ игръ и мелкихъ пороковъ, которые за-

нимали все его существованіе, и не только охладѣлъ въ своихъ супружескихъ отношеніяхъ, но и постепенно проникался все бо̀льшею непріязнью къ ней. Онъ задумывалъ и здѣсь воспользоваться своею властью съ моментомъ воцаренія, развестись съ Екатериной и постричь ее въ монахини или посадить въ крѣпость, но сообразно съ своимъ мелочнымъ и нерѣшительнымъ характеромъ откладывалъ исполненіе этого плана, не скрывая однако его и осыпая жену множествомъ мелкихъ и крупныхъ оскорбленій. Послѣднія вышли наконецъ даже изъ тѣсной сферы собственно домашней жизни и сдѣлались публичными. На большомъ придворномъ обѣдѣ, происходившемъ черезъ нѣсколько недѣль по смерти Елизаветы Петровны, императоръ, придравшись къ проступку противъ этикета, будто бы совершенному Екатериной, въ присутствіи всѣхъ придворныхъ и дипломатическаго корпуса громко выбранилъ ее. Семейный разладъ дошелъ, очевидно, до такихъ границъ, при какихъ онъ могъ кончиться только драмой, но исходъ этой драмы зависѣлъ и отъ другой личности, въ ней участвовавшей, отъ Екатерины, съ которой намъ теперь и предстоитъ познакомиться.

49-я и 50-я ЛЕКЦІИ.

Личность Екатерины II.

Прошлый разъ, мм. гг., я обрисовалъ вамъ личность Петра Федоровича, какъ сложилась она къ моменту вступленія его на русскій императорскій престолъ подъ вліяніемъ двухъ общихъ условій, воспитанія въ узкомъ кругу мелкаго нѣмецкаго княжества и послѣдующей жизни въ душной атмосферѣ русскаго придворнаго быта Сегодня я обращу ваше вниманіе на другую характерную фигуру, супругу и преемницу Петра, и постараюсь дать вамъ ея характеристику опять-таки въ связи съ условіями общественной жизни и современной ей эпохи.

Тѣ условія жизни, тѣ вліянія, подъ которыми складывалась личность будущей императрицы, въ своихъ общихъ абрисахъ были тѣми же самыми, какія сопровождали жизнь Петра Федоровича: какъ и этотъ послѣдній, она воспитывалась въ домѣ мелкаго владѣтельнаго князя Германіи, какъ и онъ, на зарѣ юношества попала въ обстановку Елизаветинскаго двора и эта обстановка наложила послѣдніе, рѣшительные штрихи на ея характеръ. Только комбинація этихъ факторовъ въ ея жизни была нѣсколько иная, по отношенію къ ней они выглядывали нѣсколько иначе и измѣнилось равнымъ образомъ ихъ взаимное соотношеніе. Соотвѣтственно этому и результатъ получился другой: Екатерина, поставленная рядомъ со своимъ супругомъ, можетъ показаться человѣкомъ изъ другаго міра и другаго времени, и только болѣе внимательное разсмотрѣніе позволяетъ открыть въ вольнодумной, скептической и величаво-холодной императрицѣ черты, родственныя простодушному, наивному, не столько доброму, сколько мелочному и слабому деспотизму и солдатскому разгулу императора. Это родство заключается въ общности происхожденія, въ условіяхъ обстановки, среди которой слагались эти характеры.

Софія-Фридерика-Августа, дочь князя Ангальтъ-Цербстскаго Хрпстіана-Августа и княгини Іоганны-Елизаветы, родилась

21 апрѣля 1729 г. Домъ, къ которому она принадлежала по праву рожденія, былъ одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ мелкихъ владѣтельныхъ родовъ Германіи, вся задача существованія которыхъ сводилась, повидимому, къ поставкѣ невѣстъ и женихов въ сосѣднія, болѣе крупныя государства. Онъ находился уже въ нѣкоторыхъ родственныхъ отношеніяхъ къ русской династіи, а братъ матери Софіи-Августы былъ даже одно время женихомъ цесаревны Елизаветы и только его внезапная смерть разстроила этотъ бракъ. Немудрено, стало быть, что въ такихъ семействахъ дѣвушки съ дѣтства подготовлялись играть роль невѣстъ владѣтельныхъ особъ, что на нихъ именно такъ и смотрѣли всѣ окружающіе. Относительно самой Екатерины сохранилось извѣстіе, будто въ дѣтствѣ еще ей было сдѣлано предсказаніе, что на головѣ ея сойдутся три короны. Первоначально однако родители юной принцессы не предвидѣли особенно блестящей будущности для своей дочери и воспитаніе послѣдней не носило поэтому никакого особеннаго характера, а велось по обыкновенному типу тогдашней педагогики. И самая семейная обстановка Софіи не выходила изъ ряда обыкновенныхъ. Отецъ ея служилъ въ войскѣ прусскаго короля и былъ комендантомъ Штетина; истый прусскій солдатъ по натурѣ, онъ мало что видѣлъ дальше своей службы и протестантской Библіи и не могъ оказать сильнаго вліянія на дочь, да не проявлялъ и стремленія къ этому. Жена его была женщина честолюбивая, рѣшительная, съ большою энергіей и не меньшей склонностью къ интригѣ, но не отличавшаяся черезчуръ большимъ умомъ. Когда она принимала участіе въ воспитаніи дочери, ея педагогическіе пріемы соотвѣтствовали рѣшительности ея характера: впослѣдствіи имп. Екатерина не разъ вспоминала о пощечинахъ, которыми награждала ее мать въ дѣтствѣ. Къ счастью для дѣвочки мать ея рѣдко имѣла время для такого вмѣшательства; занятая политическими интригами и исполненіемъ щекотливыхъ дипломатическихъ порученій прусскаго короля Фридриха II, она рѣдко бывала дома и еще рѣже находила время слѣдить за дочерью. Такимъ образомъ условія семейной обстановки не были безусловно благопріятны для развитія характера принцессы: интимныхъ, сердечныхъ отношеній между нею и ея родителями не существовало, повидимому, ни въ это время, ни позже. О матери своей Екатерина позднѣе отзывалась въ своихъ Запискахъ не особенно лестнымъ образомъ, а тонъ ея писемъ къ отцу въ первые годы ихъ разлуки свидѣтельствуетъ о сухости отношеній и съ этой стороны. Ни узкій солдатскій формализмъ отца, ни разсчетливый эгоизмъ матери не давали мѣста теплой и дѣятельной любви въ ихъ отношеніяхъ къ дочери и по мѣрѣ того, какъ послѣдняя начинала сознательно относиться къ окружающей обстановкѣ и замѣчала это, она должна была замыкаться въ себѣ. Но если ребенокъ и росъ безъ любви, привыкая холодно, чисто разсудочно относиться къ

окружавшимъ его людямъ, перенимая здѣсь пріемы матери, то надъ нимъ не тяготѣлъ все-таки тотъ гнетъ семейнаго и воспитательскаго деспотизма, какой мы видѣли въ раннихъ годахъ Петра Федоровича. Проявляясь лишь время отъ времени, скорѣе въ видѣ отдѣльныхъ вспышекъ, деспотизмъ этотъ здѣсь возставовлялъ противъ себя, но не надламывалъ дѣтскую природу, напротивъ, скорѣе даже вырабатывалъ извѣстную силу воли, способность считаться съ препятствіями и преодолѣвать ихъ. Къ тому же ребенокъ пользовался большой свободою въ физическомъ смыслѣ: проводя много времени въ играхъ и забавахъ на воздухѣ, будущая императрица пріобрѣла себѣ то несокрушимое здоровье, которое отличало ее впослѣдствіи. Эта условная свобода умственной жизни и возможность вполнѣ безпрепятственнаго физическаго развитія представляли собою благопріятныя стороны первыхъ годовъ ея сознательнаго существованія. Что касается образованія дѣвочки, то оно было не черезчуръ велико. Багажъ знаній, переданныхъ ей за это время различными учителями, ни въ чемъ не превосходилъ обычнаго запаса школьныхъ свѣдѣній, сообщавшихся въ то время дѣвушкамъ ея возраста, и лица, знавшія ее 15-ти лѣтней дѣвушкой въ Штетинѣ, впослѣдствіи говорили, что и сама она въ то время ничѣмъ не выдѣлялась изъ ряда сверстницъ, наоборотъ казалась самой обыкновенной дѣвушкой. Нужно сказать и то, что въ тѣсной обстановкѣ, какая окружала принцессу въ то время, ея свойствамъ не было мѣста развернуться.

Но въ это время въ ея судьбѣ произошелъ важный и рѣшительный поворотъ. Императрица Елизавета, искавшая невѣсты для своего племянника, обратила вниманіе на домъ, съ которымъ ее самое едва не соединили тѣсныя родственныя узы; прусскій король, для котораго дочь его дипломатическаго агента на русскомъ престолѣ представляла пріятную неожиданность, также съ своей стороны посодѣйствовалъ дѣлу сватовства и въ результатѣ Софія-Августа отправилась въ Петербургъ въ качествѣ невѣсты Петра Федоровича, сопровождаемая своей матерью. Не особенно богатое приданое везла она съ собой: два-три платья, дюжина рубашекъ, еще кое-что изъ бѣлья—въ этомъ заключалось и все ея достояніе, да и то было сшито на присланный изъ Петербурга же вексель. Съ такимъ умѣреннымъ багажемъ она встала внезапно лицомъ къ лицу съ роскошью, далеко выходившею, за предѣлы простаго богатства. Стоитъ припомнить, что во время одного пожара дворца при Елизаветѣ сгорѣло 8.000 платьевъ, принадлежавшихъ императрицѣ, а по смерти послѣдней въ ея гардеробѣ насчитали до 15.000 платьевъ. Передъ такимъ великолѣпіемъ чѣмъ-то жалкимъ долженъ былъ показаться дочери штетинскаго коменданта ея собственный скромный туалетъ, убогой родная остановка отцовскаго дома. И не одна пышность об-

становки останавливала на себѣ вниманіе нѣмецкой принцессы. Передъ ней развертывались громадныя пространства земли, она видѣла громадныя массы людей, толпы блестящихъ царедворцевъ и все это склонялось предъ одною личностью, зависѣло отъ одной безграничной воли... На первыхъ же шагахъ своихъ Софія-Августа познакомилась и съ оборотной стороной медали, узнала, какой цѣною куплена эта власть. Въ Петербургѣ, гдѣ остановились на нѣсколько дней путешественницы, направлявшіяся къ императрицѣ въ Москву, имъ показали казармы преображенскаго полка, куда явилась Елизавета въ памятную ночь 25 ноября 1741 года, показали путь ея къ дворцу и комнаты, въ которыхъ были арестованы правительница и сынъ ея—императоръ. Урокъ былъ хорошъ и Екатерина его не забыла...

Инстинкты, дремавшіе до тѣхъ поръ въ молодой натурѣ, теперь проснулись, и тѣмъ съ большею силой, что искушеніе, вызывавшее ихъ, было черезчуръ соблазнительно. Для дѣвушки, едва переступившей порогъ дѣтства, открывалась какъ будто сказочная страна богатства, роскоши и власти. Екатерина сталкивалась теперь съ той самой обстановкой, съ какой раньше ея встрѣтился ея будущій супругъ, и равнымъ образомъ подпала ея вліянію. Только для нея это вліяніе было глубже, въ ней оно сильнѣе развило ея основныя свойства, давъ имъ опредѣленное направленіе, и это потому, что самыя отношенія ея къ этой обстановкѣ были иныя, чѣмъ у ея жениха. Тогда какъ Петръ Федоровичъ, будучи призванъ теткой въ Россію, чрезъ то самое уже дѣлался законнымъ преемникомъ ея власти и занималъ почти независимое положеніе, его невѣста чувствовала себя совсѣмъ иначе За нею не стояло никакихъ правъ на то мѣсто, которое она заняла, ея собственное значеніе было ничтожно и ежеминутно грозила ей опасность потерять все, что дано было счастливымъ случаемъ. При дворѣ было много людей, недовольныхъ затѣяннымъ бракомъ, и можно было опасаться, что они повліяютъ на императрицу, а неловкія интриги матери Софіи-Августы еще усиливали эту опасность. Чтобы иллюстрировать скользкое положеніе невѣсты великаго князя, я приведу вамъ одинъ случай, разсказанный въ ея же собственныхъ Запискахъ. Однажды сидѣла она со своимъ женихомъ на окошкѣ въ Троицко-Сергіевской лаврѣ и чему-то смѣялась. Въ это время изъ покоевъ императрицы вышелъ Лестокъ. Проходя мимо смѣющейся пары, онъ остановился и обратился къ Екатеринѣ со словами: «Недолго вамъ здѣсь веселиться. Скоро вы соберете свои вещи и уѣдете отъ насъ». Въ придворныхъ кругахъ дѣйствительно не разъ болѣе или менѣе серьезно заходила рѣчь о высылкѣ изъ Россіи Софіи-Августы. Слѣдовательно, положеніе ея было далеко не прочно и долго еще ей представлялась альтернатива. Съ одной стороны стоялъ Штетинъ съ его скукой, бѣдностью и ничтоже-

ствомъ, а съ другой—въ Россіи—роскошь, богатство, власть... Разница была велика, слишкомъ ощутительна... Но надо было сохранить и упрочить за собою занятое благодаря случаю положеніе и такимъ образомъ та самая обстановка, которая закрѣпила умственную бездѣятельность и слабость Петра, вызвала въ Екатеринѣ подъемъ силъ, указала ей цѣль, къ которой она должна стремиться. Далѣе выборъ средствъ, ведущихъ къ этой цѣли, зависѣлъ уже отъ положенія Екатерины. Иностранка по происхожденію, всѣмъ чужая, слабая и беззащитная, она ни на кого не могла опереться, никому не могла противиться и потому всѣмъ угождала, у всѣхъ заискивала. Подарками снискивала она расположеніе придворныхъ дамъ, видимой покорностью—любовь императрицы, заявленіемъ симпатій ко всему русскому и усернымъ изученіемъ русскаго языка—вниманіе общества. Зная національное направленіе двора Елизаветы и набожность самой императрицы, она вставала по ночамъ, чтобы заучивать русскія слова, и постилась цѣлый постъ, когда ей предлагали пропостить одну недѣлю. Даже во время болѣзни она ни на минуту не упускала изъ виду своей главной цѣли: когда опасались уже за ея жизнь и предложили ей побесѣдовать съ пасторомъ, такъ какъ она еще не была обращена въ православіе, она предпочла бесѣду съ православнымъ священникомъ. Никакими средствами не брезгала она и для того, чтобы познакомиться поближе съ закулисной стороной той сцены, на которой ей приходилось теперь выступать въ качествѣ дебютантки. Во время той же болѣзни, уже начавъ выздоравливать, она цѣлыми часами лежала съ закрытыми глазами, а сидѣвшія около нея придворныя дамы, считая ее спящей, не стѣсняясь ея присутствіемъ, разговаривали между собой, и такимъ образомъ она успѣла узнать массу полезныхъ для нея свѣдѣній относительно положенія различныхъ людей при дворѣ и о многихъ подробностяхъ дворцовой жизни, свѣдѣній, которыя были бы недоступны для нея на всякомъ иномъ пути. Со всѣми ласковая, ко всѣмъ предупредительная, всегда подлаживавшаяся подъ настроеніе и взгляды всякаго, съ кѣмъ говорила, она достигла первой своей цѣли, пріобрѣла расположеніе императрицы и ея двора и удержала его даже тогда, когда мать ея была наконецъ за свои интриги выслана изъ предѣловъ Россіи. Софія-Августа осталась въ ней и обратилась въ великую княгиню Екатерину Алексѣевну, супругу наслѣдника престола. Первый и самый трудный шагъ былъ сдѣланъ. Екатерина сама указывала тотъ основной мотивъ, который руководилъ ея дѣятельностью за это время. «Въ ожиданіи брака сердце не обѣщало мнѣ большаго счастья, одно честолюбіе поддерживало меня, говорила она шведскому государственному человѣку, графу Гюлленборгу. Въ глубинѣ моей души было я не знаю что такое, что ни на минуту не позволяло мнѣ сомнѣваться, что рано или

поздно я добьюсь своего— сдѣлаюсь самодержавной русской императрицей». Это что-то было стремленіе сильной и честолюбивой женщины къ власти и богатству, заманчиво лежавшими передъ глазами, но находившимися въ чужихъ рукахъ. Сперва инстинктивное, влеченіе это скоро уже превратилось въ сознательное и ему подчиняла Екатерина всѣ свои дѣйствія, до самыхъ незначительныхъ, оно составило всю суть ея жизни, ея душу, такъ сказать. Сила воли, искусство сдерживать себя, выработанныя еще въ дѣтствѣ, теперь пригодились и нашли себѣ широкое примѣненіе.

Съ моментомъ замужества положеніе Екатерины не много измѣнилось къ лучшему. Мужемъ честолюбивой и смѣлой женщины сдѣлался взрослый ребенокъ, и ни о какой любви, ни о какой симпатіи между супругами при такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи. Если Екатерина могла по крайней мѣрѣ скрывать свои чувства и смотрѣть на своего мужа, какъ на необходимое зло, то Петръ былъ уже совершенно неспособенъ къ этому. Онъ не дѣлалъ никакой тайны изъ своихъ семейныхъ дѣлъ и скоро Екатерина очутилась на глазахъ у всѣхъ въ положеніи брошенной жены. Много было горечи въ этомъ положеніи и немалая сила воли требовалась, чтобы подавить ее и не дать замѣтить окружающимъ всего печальнаго комизма своей судьбы. Но Екатерина уже привыкла глотать горькія пилюли съ спокойнымъ видомъ; цѣль, стоявшая передъ ея глазами, заставляла ее забывать о всѣхъ непріятностяхъ настоящаго. Не разъ плакала она горькими слезами, оставаясь одна въ своихъ комнатахъ, но передъ людьми неизмѣнно появлялась все такою же радушной, привѣтливой и веселой, какою была и раньше. Теперь только еще глубже вкоренилось въ ней убѣжденіе, что она не можетъ ни отъ кого ждать помощи и должна исключительно собственными силами создать себѣ положеніе. Для нея не были тайною планы Елизаветы передать престолъ ея сыну, устранивъ и ее, и Петра Федоровича, небезъизвѣстными оставались ей и похвалы мужа засадить ее въ монастырь, когда онъ вступитъ на тронъ, существующая опасность заставляла напрягать силы, отыскивать средства для ея избѣжанія, и скромная, тихая великая княгиня понемногу обращается въ смѣлую, но въ то же время осторожную и разсчетливую интригантку, въ участницу азартной политической игры, какая велась при тогдашнемъ русскомъ дворѣ. Пока она еще только участвуетъ въ игрѣ другихъ, болѣе опытныхъ игроковъ, отступаясь отъ нихъ, какъ только счастье повернется къ нимъ спиной, но близокъ уже день, когда и она смѣло поставитъ на карту все, что имѣетъ, и попытаетъ счастья... Подъ конецъ жизни Елизаветы при дворѣ царствовало сильное смятеніе: открытъ былъ какой-то заговоръ, неясный по своимъ цѣлямъ, но внушительный и опасный по лицамъ, вошедшимъ въ

составъ его. Арестованы были фельдмаршалъ Апраксинъ, канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ, открыты слѣды ихъ тайныхъ сношеній съ великой княгиней. Послѣдней грозила опять высылка изъ Россіи, если не заключеніе въ крѣпость, но она спаслась и на этотъ разъ, упорно отрицая всякое участіе свое въ заговорѣ и даже то, что она знала объ немъ. Прямыхъ уликъ противъ Екатерины не было и императрица Елизавета, побѣжденная ея видимой откровенностью, оставила намѣреніе покарать ее. Бестужевъ былъ сосланъ, но Екатерина выпуталась изъ его игры благополучно. Время ея собственной еще не наступило... Такъ условія окружающей обстановки, оказывая вліяніе на ея личную жизнь, постепенно вносили въ нее новый элементъ, придавали фигурѣ бывшей нѣмецкой княжны очертанія политическаго дѣятеля въ роли претендентки на русскій престолъ.

Была въ этой личной жизни еще одна сторона, развившаяся первоначально благодаря той же обстановкѣ, но затѣмъ придавшая фигурѣ Екатерины новыя черты, новое освѣщеніе и поставившая ее въ связь съ условіями уже не одной русской, но и обще-европейской жизни того времени. Пока Екатерина была еще очень молода, она могла быть занята играми въ перемежку съ наблюденіями надъ жизнью русскаго двора и попытками приспособленія къ ней. Но она мужала, она стала женщиной, женою безъ мужа и въ ея личной жизни оказалась пустота, которой нельзя было наполнить одними политическими интригами. Нерастраченный избытокъ силъ давалъ себя чувствовать, искалъ выхода и такой выходъ нашелся въ чтеніи. Не имѣя другаго занятія, Екатерина жадно набросилась на книги. Сперва ея исключительнымъ чтеніемъ были романы, но затѣмъ она перешла понемногу и къ болѣе серьезнымъ вещамъ. Втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ изучала она знаменитый словарь Бэля, въ ея библіотекѣ появились творенія Вольтера и Монтескье и такъ называемая просвѣтительная литература 18-го вѣка наконецъ совершенно приковала къ себѣ ея вниманіе. Передъ нею открылся міръ европейской философской мысли, громившей старыя понятія, разрушавшей наивное религіозное міровоззрѣніе и проповѣдывавшей безусловное господство разума во всѣхъ отрасляхъ человѣческой жизни, какъ частной, такъ и общественной. Вліяніе французской философіи на Екатерину безспорно было очень велико: оно открыло ей новыя понятія, новыя идеи, облагородило и возвысило ея умъ, сообщило ей ореолъ просвѣтительницы, друга философовъ и покровительницы науки. Но, оцѣнивая это вліяніе, нельзя ни на минуту упускать изъ виду одного обстоятельства, имѣвшаго здѣсь очень важное значеніе. Екатерина заинтересовалась твореніями западныхъ философовъ, когда она представляла изъ себя уже почти вполнѣ сложившуюся личность, когда у нея была уже вполнѣ опредѣленная цѣль, опредѣленные

интересы въ жизни. Вновь усвоенныя понятія сообщали, правда, иную окраску послѣдней, но не придавали ей особаго характера, не пріобрѣтали значенія ея существеннаго содержанія и смысла. Такое содержаніе, такой смыслъ жизнь Екатерины получила уже ранѣе и притомъ въ области, очень далеко лежавшей отъ идеаловъ философовъ 18-го вѣка. Послѣдніе же больше скрашивали жизнь Екатерины, больше доставляли ей наслажденіе, чѣмъ удовлетворяли серьезные запросы ея ума. Поэтому Екатерина несомнѣнно заслужила мѣсто въ ряду просвѣщенныхъ деспотовъ прошлаго столѣтія, но это мѣсто — одно изъ послѣднихъ въ ихъ ряду.

Тяжело и тоскливо тянулось время для Екатерины въ послѣдніе годы жизни Елизаветы. Явное пренебреженіе мужа, подозрѣнія тетки, опасность, постоянно грозившая со стороны того и другой,—все это не способно было скрасить скуку монотонной, благодаря болѣзни Елизаветы рѣдко прерываемой даже праздниками, дворцовой жизни. Но за это время великая княгиня упорно и терпѣливо выполняла свой планъ и усилія ея увѣнчались желаннымъ успѣхомъ: она пріобрѣла себѣ значеніе и во дворцѣ, какъ «интересная молодая особа», и въ обществѣ, какъ женщина, съумѣвшая переродиться, понять интересы чужой страны и воплотить ихъ въ себѣ. За нѣсколько лѣтъ до смерти Елизаветы англійскій посолъ при русскомъ дворѣ писалъ своему правительству, что Екатерина всевозможными средствами съ самаго пріѣзда своего въ Россію старалась пріобрѣсти любовь русскихъ, и теперь ее не только любятъ, но уже и боятся. По его словамъ, многіе, и въ томъ числѣ даже тѣ, которые состоятъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ императрицей, ищутъ однакоже случая угодить великой княгинѣ и тѣмъ снискать ея расположеніе. Въ глазахъ придворныхъ Екатерина была уже силой, въ глазахъ общества она была уже русской. Умерла Елизавета и великая княгиня, теперь супруга императора, цѣлые часы простаивала у ея гроба,посѣщала всѣ панихиды,тщательно исполняла всѣ религіозные обряды. «Духовенство и народъ, пишетъ по этому случаю французскій посолъ Бретейль, этимъ очень тронуты и благодарны ей за это; она строго соблюдаетъ праздники, посты, все, къ чему императоръ относится легкомысленно и къ чему русскіе неравнодушны». Проходитъ еще нѣсколько мѣсяцевъ и тотъ же Бретейль пишетъ: «императрицу любятъ и уважаютъ всѣ въ такой же степени, въ какой ненавидятъ императора» Эта императрица, хотя она и покинутая жена, уже не прежняя робкая принцесса: она завоевала себѣ значеніе въ обществѣ, пріобрѣла приверженцевъ, нашла кругъ людей, готовыхъ дѣйствовать въ ея интересахъ. Съ этими людьми мы еще встрѣтимся...

До сихъ поръ я старался обрисовать вамъ личность Екатерины II къ моменту ея самостоятельнаго выступленія въ извѣстной послѣдовательности черть, накоплявшихся въ ней въ за-

висимости отъ окружавшей обстановки по мѣрѣ измѣненія послѣдней, старался указать, какъ отразился на этой личности рядъ вліяній, разнородныхъ по своему характеру, но сводившихся къ общимъ условіямъ воспитанія на родинѣ и жизни въ политической и придворной атмосферѣ Елизаветинской Россіи. Теперь я остановлю ваше вниманіе на общихъ чертахъ самой личности, какъ она уже окончательно сложилась къ тому времени, о которомъ идетъ мой разсказъ. Такая характеристика будетъ уже вамъ понятна въ связи съ указанными условіями развитія.

Основнымъ ея стремленіемъ была жажда власти, честолюбіе въ громадныхъ размѣрахъ. Создавшееся подъ вліяніемъ внезапнаго перехода изъ убогой обстановки роднаго дома къ пышному двору Елизаветы, поддерживаемое постояннымъ созерцаніемъ этого великолѣпія и угрозой лишиться его, честолюбіе сдѣлалось основнымъ импульсомъ ея жизни. Будучи великой княгиней, она стремилась стать самодержавной императрицей, сдѣлавшись ею, заботилась прежде всего о томъ, чтобы удержать власть въ своихъ рукахъ. Привыкши съ ранняго дѣтства къ холоднымъ отношеніямъ, принужденная видѣть вокругъ себя постоянныя интриги, слабая и потому нуждавшаяся въ поддержкѣ сильныхъ, она выработала въ себѣ особое отношеніе къ людямъ. Въ основѣ этихъ отношеній часто лежала чувственность, но никогда не было чувствительности. Она умѣла привлечь къ себѣ человѣка, когда въ немъ нуждалась, искусно эксплуатировала его, пока онъ былъ нуженъ, и спокойно, какъ изношенную вещь, бросала его, какъ только замѣчала, что надобность въ немъ миновала. Это свойство ея было впослѣдствіи хорошо извѣстно ея приближеннымъ, и не одинъ Бибиковъ могъ бы напомнить ей пѣсню о сарафанѣ. Ловкій разсчетъ и умѣнье пользоваться благопріятными обстоятельствами представляли при этомъ наиболѣе выдающуюся сторону ея пріемовъ. Стремясь къ власти, она преслѣдовала въ ней тѣ стороны ея, которыя ослѣпили ее съ самаго начала,—богатство, роскошь, могущество. Болѣе глубокихъ побужденій, чѣмъ потребность самозащиты и стремленіе возвыситься, болѣе серьезныхъ задачъ, чѣмъ личное благосостояніе, она не преслѣдовала и содержаніе власти въ моментъ вступленія на императорскій тронъ представлялось ей не болѣе яснымъ, чѣмъ тогда, когда она впервые въѣзжала въ Петербургъ при громѣ пушекъ. Она знала, правда, о существованіи иныхъ задачъ, болѣе важныхъ, общеніе съ лучшими европейскими умами того времени посредствомъ знакомства съ ихъ твореніями, а потомъ и переписки съ ними познакомило ее съ идеями иного порядка, чѣмъ тѣ, какія она могла заимствовать изъ непосредственно окружавшей ея обстановки, съ мыслями о необходимости перестройки общественнаго и политическаго строя на основаніи началъ чистаго разума. Но она усвоила себѣ эти идеи, эти понятія болѣе теоретически;

они не вошли въ ея плоть и кровь, не сдѣлались частью-ея существа. Она могла выставлять и доказывать ихъ при случаѣ, могла проводить ихъ въ жизнь даже, если не встрѣчалось къ этому затрудненій, и готова была отъ нихъ отречься при первомъ же препятствіи и тѣмъ болѣе при первомъ ихъ столкновеніи съ ея собственными интересами. Ея умъ, уже сложившійся къ тому времени, когда она познакомилась съ французской философіей, легко и свободно восприялъ всю скептическую, отрицательную ея часть, но положительное ученіе энциклопедистовъ затронуло ее лишь слегка, она усвоила его лишь поверхностно. Поэтому въ словахъ Екатерины мы находимъ тѣ же идеи, что и въ словахъ философовъ, ученицей которыхъ она себя называла, но безполезно было бы искать особенно сильнаго вліянія этихъ идей на ея дѣла. То, изъ-за чего билась европейская мысль, чему люди посвящали всю свою жизнь и всѣ свои силы, для Екатерины часто служило лишь обстановкой, болѣе или менѣе красивой, для дѣяній, вытекавшихъ изъ внутреннихъ побужденій совсѣмъ иного рода. Ея умъ, живой и воспріимчивый, не обладалъ однако творчествомъ; въ ея сочиненіяхъ больше подражанія, чѣмъ самостоятельности, больше усидчивости, чѣмъ фантазіи, больше резонерства, чѣмъ чувства и мысли... Про нее можно сказать, что она видѣла иной міръ, чѣмъ тотъ, въ которомъ жила, но предпочла остаться въ своемъ. Интересы собственной личности всегда господствовали у нея надо всѣмъ остальнымъ, а внѣшность всегда перевѣшивала содержаніе. Подъ блестящими очертаніями «Сѣверной Семирамиды», императрицы-философа, можно безъ особаго труда разглядѣть фигуру жаждущей роскоши и власти женщины, для которой матеріальныя блага дороже идейныхъ замысловъ.

Такова была Екатерина, какъ порожденіе своего вѣка и своего общества, и эти стороны ея характера важны и интересны для насъ тѣмъ, что въ нихъ отражалось настроеніе времени и слѣдовательно именно ими она могла оказать вліяніе на дальнѣйшія событія. Было бы неумѣстно обвинять ее за то, что она не представляла изъ себя болѣе крупной, болѣе идейной фигуры. Человѣкъ растетъ въ зависимости отъ всѣхъ условій, его окружающихъ, и не въ его личной волѣ измѣнить эти условія. Но, признавая хорошія стороны Екатерины, не отрицая за ней способностей, незачѣмъ ставить ее и выше общества ея времени, возводить на пьедесталъ. Если ея теоретическія знанія и превышали средній уровень развитія современнаго ей русскаго общества, то по своему характеру, по направленію своихъ интересовъ она приходилась какъ разъ по плечу ему. Неизмѣримо выигрываетъ за то она, если поставить ее рядомъ съ ея супругомъ: умная, начитанная, энергическая, властолюбивая, страстная и жаждущая наслажденія женщина совершенно затемняла огра-

ниченнаго умомъ, слабаго волей, мелочнаго въ своемъ міровоззрѣніи и лишеннаго всякихъ сильныхъ страстей Петра Федоровича. И оба эти человѣка, въ судьбѣ которыхъ было такъ много общаго и которые, идя однимъ и тѣмъ же въ сущности путемъ, пришли къ такимъ различнымъ результатамъ, готовились теперь вступить въ ожесточенную борьбу между собой. Задача Екатерины была облегчена дѣйствіями самого ея супруга.

Правленіе Петра III.

Въ кратковременномъ управленіи Петра Федоровича надобно различать двѣ стороны: одною—и эта сторона наиболѣе важная для цѣлей изслѣдованія соціальныхъ процессовъ—оно примыкаетъ къ предшествовавшему времени, являясь непосредственнымъ продолженіемъ и естественнымъ развитіемъ заложенныхъ въ немъ началъ; другая представляетъ изъ себя результатъ личной воли и личныхъ воззрѣній императора и, примыкая къ общимъ условіямъ политической жизни тогдашней Россіи, приводитъ къ паденію правительства, извѣстному подъ именемъ іюньскаго переворота 1762 года. Первая сосредоточивается на наиболѣе важномъ, центральномъ вопросѣ тогдашней внутренней политики правительства, служебномъ и экономическомъ положеніи дворянства, вторая, обнимая и отдѣльныя мѣропріятія правительства во внутреннихъ дѣлахъ, наиболѣе полно выражается въ вопросахъ внѣшней политики государства, до нѣкоторой степени даже исходитъ изъ этихъ вопросовъ.

Одной изъ первыхъ мѣръ, принятыхъ новымъ правительствомъ, и было распоряженіе относительно службы дворянства. Раньше мы видѣли, что дворянство успѣло добыть себѣ широкія имущественныя права, но сильно тяготилось тѣми обязательствами, какія на немъ лежали, стремилось сбросить ихъ съ себя и остаться при однихъ правахъ. Обязательная служба государству представляла для дворянъ тяжелое бремя и они уже успѣли при Аннѣ по крайней мѣрѣ ограничить его тягость извѣстнымъ срокомъ. Но это не удовлетворяло ихъ и въ правительственныхъ кругахъ при императрицѣ Елизаветѣ—почти исключительно уже дворянскихъ—постоянно шла рѣчь о полномъ сложеніи съ дворянъ этой обязанности. Подъ впечатлѣніемъ этихъ толковъ должны были складываться правительственные взгляды ея преемника и потому нечего удивляться, что вскорѣ по вступленіи на престолъ, именно уже 18 февраля 1762 года, онъ издалъ манифестъ «о дарованіи вольности и свободы всему россійскому дворянству», которымъ, по выраженію современнаго поэта, онъ «Россіи вольность далъ и далъ ей благоденство». Манифестъ этотъ начинался съ восхваленія Петровскихъ указовъ объ обязательной службѣ

дворянства; они, эти указы, истребили нерадѣніе къ пользѣ общей и невѣжество и замѣнили ихъ знаніемъ, благородными мыслями, усердіемъ къ службѣ; «и потому, продолжаетъ манифестъ, мы не находимъ той необходимости въ принужденіи къ службѣ, какое до сихъ поръ потребно было». Впредь дворянамъ разрѣшалось служить или не служить по ихъ собственному желанію, позволялось выходить въ отставку, когда пожелаютъ, и государство въ лицѣ верховной власти удерживало за собою лишь право призвать на службу все дворянство въ случаѣ крайней необходимости. Дворяне получали право безпрепятственно ѣздить за границу и посылать туда своихъ дѣтей для обученія, могли даже вступать на службу къ иностраннымъ государямъ и если по возвращеніи на родину выражали желаніе вступить здѣсь на службу, то утверждались въ чинахъ и званіяхъ, пріобрѣтенныхъ въ чужихъ земляхъ. Манифестъ предвидѣлъ однако возможность и полнаго уклоненія дворянина отъ государственной службы и пытался предотвратить его путемъ нравственнаго воздѣйствія: предписывалось именно лицъ, нигдѣ не служившихъ, «яко нерадивыхъ о добрѣ общемъ, всѣмъ истиннымъ сынамъ отечества презирать и уничижать, ко двору не принимать и въ публичныхъ собраніяхъ не терпѣть». Снимая съ дворянства бремя обязательной государственной службы, манифестъ однако,—и въ этомъ можно видѣть вліяніе лучшихъ людей Елизаветинскаго времени,—не снялъ съ сословія другой обязанности, наложенной на него спеціально Петровскими указами. Дворянинъ и теперь долженъ былъ учить своихъ дѣтей; онъ могъ отдать ихъ въ Кадетскій Корпусъ или дома приготовить къ экзамену по обязательной программѣ, но не смѣлъ оставить ихъ безъ опредѣленнаго образованія. Этотъ манифестъ закончилъ собою, стало быть, процессъ освобожденія дворянства отъ обязательной службы государству, процессъ раскрѣпощенія сословія. Объ его значеніи въ общей соціальной жизни Россіи я еще буду имѣть случай говорить подробнѣе впослѣдствіи, а пока отмѣчу лишь впечатлѣніе, оставленное имъ въ дворянскихъ кругахъ. Оно было очень сильно. «Не могу изобразить, пишетъ въ своихъ мемуарахъ одинъ изъ современниковъ (Болотовъ), какое неописанное удовольствіе произвела сія бумажка въ сердцахъ всѣхъ дворянъ нашего любезнаго отечества, всѣ вспрыгались почти отъ радости и, благодаря государя, благословляли ту минуту, въ которую ему угодно было подписать указъ сей». Такимъ образомъ дворянство осталось очень довольно этимъ распоряженіемъ правительства. Равнымъ образомъ удовольствіе вызвалъ и послѣдовавшій черезъ нѣсколько дней указъ объ уничтоженіи Тайной канцеляріи. Онъ точно также начинался съ восхваленія мудрости Петра I, учредившаго эту канцелярію, ибо того требовали «тогдашнихъ временъ обстоятельства и не исправленные еще въ народѣ нравы», но такъ какъ для общества важны были не

историческіе взгляды правительства, а его отношеніе къ вопросамъ современности, то распоряженіе, уничтожавшее всѣмъ ненавистное учрежденіе, и встрѣчено было общимъ удовольствіемъ. Не такое уже впечатлѣніе вызвала третья крупная мѣра правительства, хотя и являвшаяся, подобно освобожденію дворянства отъ службы, результатомъ и завершеніемъ одного изъ шедшихъ уже ранѣе процессовъ государственной жизни. Это былъ именно указъ, отбиравшій у русскаго духовенства всѣ его обширныя поземельныя владѣнія и назначавшій духовнымъ опредѣленное денежное содержаніе. Уже Петръ I принималъ довольно рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы перевести владѣнія духовенства на государство, и такимъ образомъ указъ Петра Федоровича не представлялъ изъ себя новости въ смыслѣ направленія. Если тѣмъ не менѣе онъ и возбудилъ сильное неудовольствіе среди духовенства, поднявшаго явный ропотъ и пытавшагося путемъ подачи прошеній склонить императора къ отмѣнѣ своего повелѣнія, то это недовольство не было ни настолько сильно само по себѣ, ни настолько вліятельно въ другихъ кругахъ общества, чтобы оно могло свергнуть правительство. И однако черезъ нѣсколько мѣсяцевъ правительства Петра Федоровича уже не существовало. Что же могло заставить дворянъ, «вспрыгавшихся» отъ императорской милости—освобожденія отъ службы, довольныхъ уничтоженіемъ Тайной канцеляріи не связанныхъ настолько съ интересами духовенства, чтобы защищать ихъ, что могло заставить этихъ дворянъ свергнуть правительство, удовлетворившее ихъ завѣтнымъ желаніямъ?

Отвѣтъ на это даетъ другая сторона правленія Петра III, основанная на его личныхъ свойствахъ и привязанная по преимуществу къ дѣламъ внѣшней политики государства. Едва вступивъ на престолъ, Петръ Федоровичъ немедленно же заключилъ миръ съ Фридрихомъ, по которому Россія возвращала Пруссіи всѣ области, занятыя было русскими войсками, не получая за это никакого вознагражденія. Не ограничиваясь этимъ, императоръ заключилъ съ Пруссіей договоръ, въ силу котораго часть войскъ, только что сражавшихся противъ Фридриха, должна была составить вспомогательный корпусъ прусской арміи. Уже эти дѣйствія, вызывавшіяся исключительно личными симпатіями императора къ Фридриху, шедшія въ разрѣзъ съ политикой предыдущаго царствованія и заставлявшія солдатъ служить тому, кого они передъ тѣмъ побѣждали, вызвали неудовольствіе и ропотъ и въ обществѣ, и въ войскѣ. Они еще болѣе усилились, когда обнаружилось, что прусскій посланникъ при русскомъ дворѣ, баронъ Гольцъ, пользуется наибольшимъ вліяніемъ на Петра Федоровича, когда послѣдній открыто и явно сталъ выражать свое благоговѣніе передъ прусскимъ королемъ, говоря, что «воля Фридриха—воля Божья», и свои симпатіи ко всему нѣмецкому. Гвардейскіе полки получили новые мундиры, по образцу прусскихъ, фельдмаршаломъ русскихъ

войскъ назначенъ былъ голштинскій принцъ Георгъ, государя окружала голштинская гвардія. На прусскій же манеръ, въ русскомъ войскѣ, и особенно въ гвардіи, введены были постоянныя упражненія и Петръ «всѣмъ тѣмъ не только отклонилъ до чрезвычайности всѣ войска, но и, огорчивъ всѣхъ, навлекъ на себя, а особливо отъ гвардіи, превеликое неудовольствіе». Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ не только передъ войсками, но и передъ всѣмъ обществомъ возникалъ грозный призракъ новаго нѣмецкаго могущества. Встревоженнымъ русскимъ людямъ казалось, что готово наступить время новой Бироновщины въ русской землѣ, и такъ сильно приподнятое за время Елизаветы національное чувство громко протестовало противъ этого...

Между тѣмъ Петръ, окончивъ одну войну, немедленно задумалъ начать другую, именно съ Даніей изъ-за Голштиніи, и это предпочтеніе Голштиніи Россіи еще болѣе разжигало недовольство. Оно достигло высшей своей степени, когда тѣ же нѣмецкія симпатіи императора проявились въ наиболѣе щекотливомъ вопросѣ внутренней жизни страны, вопросѣ религіозномъ. Петру, остававшемуся въ душѣ протестантомъ, не нравилась обстановка русскихъ церквей съ ихъ многочисленными образами и отличительная одежда священниковъ и онъ, твердо убѣжденный въ томъ, что его желаніе вездѣ составляетъ законъ, передъ которымъ все склонится во прахъ, выразилъ желаніе, чтобы церкви были очищены отъ образовъ, а священники, подобно лютеранскимъ пасторамъ, приняли свѣтскую одежду. Желаніе это, не смотря на то, что оно не было прямымъ приказаніемъ, быстро стало извѣстно въ обществѣ и породило наибольшее раздраженіе. Нѣмецъ, какимъ выставлялъ себя Петръ III и какимъ привыкло уже мыслить его русское общество, рѣшается измѣнять обряды русской церкви,—за такимъ фактомъ мерещилась уже перемѣна религіи, насильственное введеніе лютеранства... Такъ Петръ успѣлъ затронуть самыя чувствительныя струнки общественнаго настроенія и возбудить противъ себя національное самолюбіе. Нужно прибавить еще, что въ то время, какъ правительственныя его мѣропріятія вызвали недовольство общества, и личное поведеніе его не могло породить никакого уваженія къ нему. Почти у всѣхъ на глазахъ происходили постоянные кутежи императора, подчасъ принимавшіе крайне соблазнительный характеръ, всѣмъ окружающимъ бросалась невольно въ глаза его умственная тупость и если онъ съ одной стороны съумѣлъ возстановить общество противъ себя, то съ другой—онъ же и поселилъ въ немъ мысль о возможности переворота. Послѣдняя подъ вліяніемъ раздраженія, охватившаго большинство русскихъ людей, дѣйствительно сдѣлала большіе успѣхи, по преимуществу въ средѣ, наиболѣе привычной къ такимъ дѣйствіямъ, т. е. въ гвардіи.

51-я ЛЕКЦІЯ.

Іюньскій переворотъ 1762 года.

Мѣры правительства Петра III, возбуждавшія такое сильное неудовольствіе въ извѣстныхъ кругахъ, задѣвавшія національное самолюбіе и побуждавшія опасаться, что съ новымъ государемъ возрождается время нѣмецкаго владычества, заставляли подумывать и о средствахъ избавиться отъ этого, средствахъ тоже уже испытанныхъ и заключавшихся въ дворцовомъ переворотѣ или, какъ тогда говорили, въ «перемѣнѣ наслѣдія». Тѣмъ легче было появиться мысли объ этой перемѣнѣ и тѣмъ опаснѣе становилась она, разъ появившись, что рядомъ съ нелюбимымъ императоромъ стоялъ готовый кандидатъ на тронъ въ лицѣ его популярной въ обществѣ супруги. На нее обращались уже взгляды нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ при Елизаветѣ, на нее тѣмъ съ большими ожиданіями смотрѣли теперь съ разныхъ сторонъ. Благодаря пріобрѣтенной уже ею популярности ея имя представлялось удобнымъ лозунгомъ для переворота и за него хватались самые различные люди, подъ его прикрытіемъ строились самые разнообразные планы, авторы которыхъ пытались сблизиться съ Екатериною и внушить ей свои мысли. Одни, какъ воспитатель цесаревича Павла Петровича, гр. Никита Ив. Панинъ, мечтали о возведеніи на престолъ сына Екатерины и присвоеніи послѣдней званія и титула регентши, другіе думали и говорили о томъ, чтобы сдѣлать императрицей самое Екатерину, но ограничить ея власть опредѣленными кондиціями, третьи желали видѣть ее самодержавной правительницей государства. Всѣ эти замыслы и планы выростали на почвѣ враждебныхъ отношеній между Петромъ Федоровичемъ и его супругой, для всѣхъ уже сдѣлавшихся ясными съ момента воцаренія перваго. Неизбѣжность столкновенія между супругами была очевидна для сторонннхъ наблюдателей, какъ очевидна была для нихъ и вся безтактность поведенія императора. Кейтъ, англійскій посланникъ при русскомъ дворѣ, отзывался о Петрѣ III, что онъ дѣйствуетъ, какъ безумный.

Французскій посолъ Бретейль писалъ: «Не могу даже себѣ представить, чтобы Екатерина, смѣлость и отвага которой хорошо мнѣ извѣстны, не прибѣгла рано или поздно къ какой-нибудь крайней мѣрѣ. Я знаю друзей, которые стараются успокоить ее, но которые рѣшатся для нея на все, если она того потребуетъ». Дѣйствительно, положеніе Екатерины было таково, что вынуждало ее рѣшиться на крайнія средства Мысль о переворотѣ возникла помимо ея участія въ разныхъ кругахъ общества, но она пошла навстрѣчу этой мысли и позаботилась о приведеніи ея въ исполненіе. Всѣ лица, недовольныя дѣйствіями императора, могли быть увѣрены, что они найдутъ себѣ поддержку и сочувствіе у императрицы, что ихъ планы будутъ приняты здѣсь съ одобреніемъ, и благодаря этому всѣ они и шли сюда. Екатерина никому не навязывала своихъ плановъ, не предлагала программы дѣйствій, и отъ всѣхъ охотно принимала совѣты и указанія, со всѣми соглашалась, за все была благодарна... Она казалась такой симпатичной и вмѣстѣ такой безпомощной, помочь ей было такъ пріятно, а управлять такъ легко, что къ тому и другому начали постепенно стремиться многіе изъ окружавшихъ ее людей и такимъ образомъ составился цѣлый кружокъ заговорщиковъ, въ которомъ приняли участіе многіе видные дѣятели. На сторонѣ Екатерины стоялъ архіерей новгородскій Дмитрій Сѣченовъ, склонявшій въ ея пользу духовенство, раздраженное противъ Петра; на ея сторонѣ былъ Нпк. Панинъ, гетманъ Разумовскій, пользовавшійся особенной любовью гвардейцевъ Измайловскаго полка за свою щедрость. Рядомъ съ этими государственными людьми хлопотала и интриговала въ пользу Екатерины молоденькая княгиня Дашкова, сестра фаворитки государя, Елизаветы Романовны Воронцовой. Каждый изъ этихъ лицъ, начиная съ Панина и кончая Дашковой, былъ искренно убѣжденъ, что именно онъ-то и составляетъ душу всего заговора, главнаго его дѣятеля и что безъ него Екатерина погибла бы. Но въ то время, какъ они дѣйствовали каждый въ своей сферѣ, понемногу вербуя новыхъ сторонниковъ и распространяя мысль о воцареніи Екатерины, въ то время, какъ они подготовляли къ перевороту высшія правительственныя учрежденія и общество, почти незамѣтно для нихъ шла рядомъ другая дѣятельность, составлялся уже настоящій заговоръ, члены котораго должны были взять на себя активную роль устроителей переворота. Такая роль могла принадлежать только гвардіи, и тѣмъ и важно было для Екатерины участіе въ ея замыслахъ Кпр. Разумовскаго, но вскорѣ она нашла способъ еще болѣе непосредственнаго вліянія на гвардію, сблизившись именно съ Гр. Гр. Орловымъ. Незначительный гвардейскій офицеръ, онъ познакомился съ Екатериною и готовъ былъ всѣмъ для нея пожертвовать. Онъ и братья его были извѣстны во всей гвардіи, какъ силачи и буяны, какъ такіе мастера устроить

веселую пирушку или жестокое побоище, какихъ трудно было отыскать даже и въ тогдашнемъ Петербургѣ. Они-то и сдѣлались главными агитаторами въ пользу Екатерины въ рядахъ гвардіи, собравъ вокругъ себя кружокъ такихъ же молодыхъ и въ большинствѣ такихъ же незначительныхъ офицеровъ, какими были сами. Тутъ были Рославлевъ, Пассекъ, двадцатидвухлѣтній Хитрово, семнадцатилѣтній унтеръ-офицеръ Потемкинъ,—все люди, которымъ въ самомъ худшемъ случаѣ терять было нечего, кромѣ головы, и которые при успѣхѣ предпріятія могли выиграть очень много. Это обусловливало рѣшительность ихъ дѣйствій и дѣлало ихъ настолько же смѣлыми и отважными, насколько медлительны и робки были важные саповники, принявшіе сторону Екатерины. При помощи увѣщаній Орловыхъ и денегъ Разумовскаго движеніе въ гвардіи вскорѣ приняло очень широкіе размѣры и до 40 офицеровъ и до 10.000 солдатъ заявили себя сторонниками Екатерины. Всѣ эти гвардейцы раздѣлялись на четыре отряда; во главѣ каждаго изъ нихъ стояли особые предводители, собиравшіеся для общихъ совѣщаній то на квартирѣ Орловыхъ, то въ другихъ мѣстахъ. При господствовавшемъ уже въ гвардіи раздраженіи, при опытности ея въ дѣлѣ дворцовыхъ переворотовъ, не потерявшейся окончательно за двадцатилѣтнее царствованіе Елизаветы Петровны, устройство заговора было не особенно трудпымъ дѣломъ и задача Орловыхъ заключалась главнымъ образомъ въ томъ, чтобы направить симпатіи своихъ товарищей въ опредѣленную сторону, что опять-таки облегчалось поведеніемъ Екатерины, съумѣвшей снискать себѣ популярность именно тамъ, гдѣ императоръ терялъ ее, успѣвшей выказать себя русской и православной. Въ результатѣ совпаденіе интересовъ покинутой мужемъ императрицы съ недовольствомъ, царившимъ среди общества, государственныхъ дѣльцовъ и гвардіи, породило сильный и обширный заговоръ, всѣ подробности котораго мало кому были однако извѣстны даже изъ числа лицъ, принимавшихъ въ немъ участіе.

Простая случайность, всегда играющая большую роль въ дѣлахъ подобнаго рода, произвела то, что подложенная мина взорвалась раньше, чѣмъ ожидали сами заговорщики. Лѣто 1762 г. императоръ располагалъ пробыть въ Ораніенбаумѣ, куда и переѣхалъ со всѣмъ своимъ дворомъ, а Екатеринѣ приказано было поселиться въ Петергофѣ и не выѣзжать оттуда. Со дня на день можно было ожидать приказа о заключеніи ея въ монастырь и заговорщики торопились усилить и развить свою пропаганду, распространяя въ гвардіи слухи, что жизни Екатерины угрожаетъ опасность. Какъ разъ въ это время послѣдовалъ приказъ гвардейскимъ полкамъ выступать въ походъ противъ Даніи. Броженіе усилилось; пошли темные слухи, что гвардію усылаютъ нарочно, чтобы въ ея отсутствіе безпрепятственно распра-

виться съ императрицею... Одинъ солдатъ явился къ Пассеку и спрашивалъ, справедливы ли эти слухи, дѣйствительно ли Екатерину хотятъ погубить. Пассекъ, думавшій, какъ и всѣ заговорщики, что время рѣшительныхъ и открытыхъ дѣйствій еще не наступило, сказалъ ему, что все это пустяки, и отослалъ отъ себя,но солдатъ не успокоился и пошелъ еще къ другому офицеру, ничего не знавшему о заговорѣ. Тотъ, услыхавъ страшныя рѣчи солдата, узнавъ, что онъ былъ у Пассека и послѣдній отослалъ его, сообразилъ, что дѣло не чисто и донесъ ротному командиру, Воейкову, а Воейковъ распорядился арестовать и солдата, и Пассека. Заговорщики испугались, что Пассекъ на допросахъ, которые неминуемо должны были послѣдовать, выдастъ ихъ. Передъ глазами Дашковой въ особенности вставали страшныя картины: Екатерина на эшафотѣ, или въ монастырѣ, всѣ ея друзья и пособники казнены или сосланы... По ея настоянію Алексѣй Орловъ отправился въ Петергофъ и пріѣхалъ туда утромъ 28-го іюня извѣстить императрицу, что заговоръ открытъ и надо торопиться дѣйствовать, чтобы предупредить враговъ. Рѣшительная минута наступила. Екатерина не обнаружила ни страха, ни удивленія, узнавъ отъ Орлова объ арестѣ Пассека. Вмѣстѣ съ Орловымъ въ его каретѣ отправилась она въ Петербургъ и прямо направилась въ казармы Измайловскаго полка. Здѣсь солдаты высыпали ей на встрѣчу, окружили ее и съ криками восторга цѣловали ея руки и платье; нѣсколько гвардейцевъ привели подъ руки священника съ крестомъ и началось принесеніе присяги на вѣрность императрицѣ. Окруженная измайловцами, двинулась Екатерина въ Казанскій соборъ, гдѣ на молебнѣ состоялось провозглашеніе ея самодержавной императрицей, а оттуда въ Зимній дворецъ, гдѣ сенатъ и синодъ немедленно признали ее императрицею. Тѣмъ временемъ другіе гвардейскіе полки стремились присоединиться къ своимъ товарищамъ; лишь немногіе офицеры попытались сопротивляться общему движенію и были жестоко избиты. Нѣсколько человѣкъ солдатъ побывали и на квартирѣ начальника конной гвардіи, принца Георга, разграбили его квартиру и прибили его самого. Впрочемъ дѣло вообще окончилось одними побоями, убитыхъ не было. Втеченіе нѣсколькихъ часовъ революція въ столицѣ была закончена и создалось новое правительство, но оно еще не могло считать свое дѣло окончательно выиграннымъ. Въ Ораніенбаумѣ, гдѣ находился Петръ, стояла и голштинская гвардія, въ Кронштадтѣ находились сильные отряды, наконецъ значительная армія была за границей, и всѣ эти военныя силы могли быть еще направлены противъ поднявшей знамя бунта императрицы. Екатерина торопилась принять свои мѣры. Наскоро былъ составленъ и напечатанъ манифестъ, въ которомъ перечислялись вины Петра Федоровича, за которыя онъ лишается престола: онъ угрожалъ разрушить и

уничтожить православную церковь, заключилъ миръ съ «злодѣемъ» Фридрихомъ, наконецъ благодаря ему «совсѣмъ испровержены внутреннiе порядки» (впопыхахъ некому было справляться, какiе именно это порядки). Движимая любовью къ страдающему отечеству, императрица по просьбѣ всѣхъ сословiй рѣшилась спасти его и принять управленiе въ свои руки. Манифестомъ Екатерина не ограничилась: въ тотъ же день адмиралъ Талызинъ былъ отправленъ ею въ Кронштадтъ съ порученiемъ склонить на ея сторону гарнизонъ этой сильной крѣпости, а вечеромъ сама она въ гвардейскомъ мундирѣ стараго образца, сопровождаемая княгиней Дашковой въ такомъ же костюмѣ, выступила во главѣ гвардейскихъ полковъ по направленiю къ Петергофу.

Въ это время Петръ Федоровичъ уже зналъ о происшествiяхъ въ столицѣ. Утромъ 28 iюня онъ со своей свитой прiѣхалъ въ Петергофъ и не засталъ здѣсь Екатерины. Ему сразу представилось, что противъ него разразился бунтъ, и когда это подтвердилось извѣстiями изъ Петербурга, вся его самоувѣренность сразу исчезла, онъ совершенно растерялся и не зналъ, что ему дѣлать. Сперва онъ думалъ защищаться во главѣ своихъ голштинцевъ, затѣмъ по совѣту Миниха рѣшился плыть къ Кронштадту и захватить эту крѣпость. Попытка не удалась: когда яхта, на которой былъ Петръ со свитой, подошла къ Кронштадту, изъ крѣпости извѣстили, что гарнизонъ призналъ уже императрицей Екатерину и будетъ стрѣлять, если Петръ рѣшится высадиться. Но императоръ и не рѣшился на это, не смотря на уговоры Гудовича и Миниха, представлявшихъ ему, что солдаты ни въ какомъ случаѣ не осмѣлятся дѣйствительно стрѣлять въ него. Не рѣшился равнымъ образомъ Петръ послѣдовать и другому совѣту Миниха — плыть на той же яхтѣ къ Ревелю и оттуда пробраться къ заграничной армiи, а затѣмъ во главѣ ея вступить вновь въ предѣлы Россiи для наказанiя бунтовщицы-жены. Онъ предпочелъ вернуться въ Ораніенбаумъ и тамъ провелъ остатокъ ночи, а на утро получилъ извѣстiе о приближенiи Екатерины во главѣ гвардейскихъ полковъ. Еще наканунѣ многiе изъ бывшихъ при Петрѣ сановниковъ и придворныхъ уѣхали въ Петербургъ, якобы для противодѣйствiя Екатеринѣ, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы завѣрить ее въ своей преданности и остаться при ней. Теперь отъ заходящаго свѣтила поспѣшно разбѣгались и остальные его спутники; при немъ остались только голштинцы или люди, настолько уже скомпрометированные своею близостью къ павшему императору, что они не могли ждать себѣ особыхъ милостей со стороны Екатерины. Напрасно растерявшiйся императоръ посылалъ къ Екатеринѣ предложенiя раздѣлить съ нимъ власть; отвѣта не было... Въ возможности сопротивленiя войскамъ Екатерины съ одной

голштинской гвардіей никто не вѣрилъ, кромѣ Миниха, да и тотъ настаивалъ на этомъ планѣ лишь потому, что чувство его солдатской чести возмущалось при мысли о позорной сдачѣ и онъ предпочиталъ пасть въ битвѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Но людей, такъ думавшихъ, было немного... Наконецъ Петръ Федоровичъ припялъ рѣшеніе и согласился безусловно отречься отъ престола. При этомъ онъ просилъ только, чтобы жена сохранила ему жизнь и оставила при немъ четыре предмета: графиню Воронцову, негра, любимую собаку и скрипку. Гвардейскіе полки заняли Петергофъ и туда же привезли подъ конвоемъ бывшаго императора. Его страхъ дошелъ теперь до крайнихъ предѣловъ и онъ, никогда не умѣвшій владѣть собою, выказывалъ его самымъ унизительнымъ образомъ; съ плачемъ цѣловалъ онъ руки Панина, умоляя его о помощи и заступничествѣ передъ Екатериною. Человѣкъ этотъ нѣсколько дней назадъ былъ безконечно увѣренъ въ своемъ могуществѣ и его прочности и теперь внезапно увидѣлъ, что передъ нимъ раскрылась бездна, въ которую онъ стремительно падаетъ; но въ несчастьи, какъ и въ счастьѣ, онъ не могъ внушить къ себѣ симпатій: какъ на высотѣ престола онъ былъ смѣшонъ, хотя и добръ и даже одушевленъ благими намѣреніями, такъ теперь въ положеніи узника онъ былъ хотя и жалокъ, но въ то же время и смѣшонъ. Онъ сошелъ съ престола и то, что онъ даже сдѣлалъ, потомъ забыли и приписали другой. Его имени суждено было возродиться только въ совсѣмъ иной обстановкѣ, ему память народа приписала то, чего онъ никогда не дѣлалъ.

Сіяя торжествомъ легко одержанной побѣды, возвращалась Екатерина 30 іюня въ Петербургъ съ гвардейскими полками. Переворотъ былъ законченъ, правительство Петра III низвергнуто, самъ онъ лишенъ престола, его жена, которой еще нѣсколько дней назадъ грозилъ онъ вѣчнымъ заточеніемъ въ монастырѣ, сдѣлалась всероссійской императрицей и все это совершилось въ какіе-нибудь два дня. Цѣль жизни, цѣль долгихъ, многолѣтнихъ усилій и трудовъ была наконецъ достигнута—Екатерина сидѣла на русскомъ престолѣ и могла спокойно наслаждаться результатами своей ловкости. Самый переворотъ произошелъ въ высшей степени мирно и весело: ни одной капли крови не было пролито втеченіе его, но за то по окончаніи его лились рѣки вина. Петербургъ ликовалъ, празднуя вступленіе императрицы, а больше всѣхъ ликовали гвардейцы. «День былъ самый красный, жаркій, разсказываетъ современникъ и очевидецъ этихъ событій, Державинъ. Кабаки, погреба и трактиры для солдатъ растворены: пошелъ пиръ на весь міръ; солдаты и солдатки, въ неистовомъ восторгѣ и радости, носили ушатами вино, водку, пиво, медъ, шампанское и всякія другія дорогія вина и лили все вмѣстѣ безъ всякаго разбору въ кадки и бочепки, что

у кого случилось». Прошло два года и въ августѣ 1764 года сенатъ слушалъ челобитную купца Дьяконова «о возвращеніи ему за растащенныя у него при благополучномъ ея императорскаго величества на императорскій престолъ восшествіи въ собственномъ его домѣ изъ погреба виноградные напитки солдатствомъ и другими людьми по цѣнѣ за 4.044 руб.». Въ 1765 г. постановлено было уплатить по всѣмъ подобнымъ счетамъ купцовъ 24.331 руб.

Скоро однако на это безпечное ликованіе и веселье пала одна мрачная тѣнь. 6 іюля въ Петербургъ пришло извѣстіе, что бывшій императоръ Петръ Федоровичъ умеръ въ загородномъ дворцѣ, въ Ропшѣ, окруженный попеченіями Алексѣя Орлова. Дашкова поспѣшила къ императрицѣ и застала ее погруженной въ раздумье и отчаяніе. «Это жестокій ударъ для меня», повторяла Екатерина. Сенатъ «рабски и всеподданнѣйше» просилъ императрицу не участвовать въ церемоніи похоронъ, на что Екатерина и изъявила свое согласіе. Тѣло Петра Федоровича было скромно, безъ особой торжественности похоронено въ Александро-Невской лаврѣ, а Екатерина особымъ манифестомъ предлагала народу забыть проступки бывшаго самодержца и молиться объ упокоеніи его души. Таковъ былъ эпилогъ этого послѣдняго дворцоваго переворота въ 18-мъ столѣтіи, въ свою очередь закончившаго собою рядъ этихъ переворотовъ, начавшійся со времени Петра.

Время императрицы Екатерины II.

52-я и 53-я ЛЕКЦІИ.

Обстоятельства воцаренія Екатерины и вліяніе ихъ на ея политику.

Бывшая опальная жена Петра III заняла его мѣсто на тронѣ путемъ насилія, путемъ переворота и такое происхожденіе новаго правительства неизбѣжно вліяло и на его программу, сообщало особый отпечатокъ всѣмъ его дѣйствіямъ. Правительство это должно было вознаградить людей, которые его создали, должно было служить ихъ интересамъ въ видѣ какъ бы отплаты за оказанныя ими услуги и обезпеченія этихъ услугъ за собою на будущее время. Такъ какъ эти общія условія вліянія переворотовъ на характеръ возникавшихъ благодаря имъ правительствъ были уже подробно изложены мною въ другомъ мѣстѣ, то здѣсь достаточно будетъ сдѣлать нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній, чтобы оцѣнить размѣры и специфическія особенности такого вліянія при восшествіи на престолъ Екатерины. Она, какъ и ея предшественницы по престолу, попадавшія на него тѣмъ же путемъ, должна была считаться съ людьми, благодаря которымъ въ ея руки попала власть, и съ интересами, невниманіе къ которымъ обусловило собою паденіе ближайшаго ея предшественника. Этимъ уже создавался для нея родъ обязательной программы дѣйствій, которая въ первое время по вступленіи на престолъ простиралась даже на всѣ мелочи жизни и оставляла императрицѣ только весьма призрачную оболочку самостоятельности, черезъ которую легко можно было разсмотрѣть дѣйствительное положеніе вещей. Оно и не укрылось отъ вниманія болѣе наблюдательныхъ современниковъ Екатерины, не обманывавшихся внѣшностью. Ярко обрисовывается оно въ донесеніяхъ иностранныхъ пословъ, жившихъ въ это время при русскомъ дворѣ. Въ октябрѣ 1762 года англійскій посланникъ графъ Бэкингамъ писалъ къ своему правительству слѣдующія строки: «императрица по своимъ талантамъ, просвѣщенію и трудолюбію выше всѣхъ ее окружающихъ. Стѣсненная обязательствами, полученными въ послѣднее время, сознавая затруднительность своего положенія и страшась опасностей, которыми

до сихъ поръ она должна была считать себя окруженною, она еще не можетъ дѣйствовать самостоятельно и освободиться отъ многихъ людей, которыхъ характеръ и способности должна презирать. Въ настоящее время она употребляетъ всѣ средства для пріобрѣтенія любви и довѣрія подданныхъ; если она успѣетъ въ этомъ, то воспользуется пріобрѣтенною властью для чести и пользы своей имперіи». Еще болѣе полную и обстоятельную характеристику положенія Екатерины съ этой его стороны сдѣлалъ въ своемъ донесеніи другой посланникъ, французъ Бретейль. «У этой государыни, пишетъ онъ, нѣтъ никого, кто бы могъ помогать ей въ управленіи и въ достиженіи величія, и однако она должна выслушивать и въ большей части случаевъ слѣдовать мнѣніямъ этихъ отъявленныхъ руссаковъ, которые, чувствуя выгоду своего положенія, осаждаютъ ее безпрестанно, то для поддержанія своихъ предразсудковъ относительно государства, то по своимъ частнымъ интересамъ. Въ большихъ собраніяхъ при дворѣ любопытно наблюдать тяжелую заботу, съ какою императрица старается понравиться всѣмъ, свободу и надоѣдливость, съ какимъ всѣ толкуютъ ей о своихъ дѣлахъ и о своихъ мнѣніяхъ. Зная характеръ этой государыни и видя, съ какою необыкновенною ласковостью и любезностью она отвѣчаетъ на все это, я могу себѣ представить, чего ей это должно стоить; значитъ, сильно же чувствуетъ она свою зависимость, чтобы переносить это... Императрица мнѣ призналась, говоритъ онъ далѣе, что она не совершенно счастлива, что она должна управлять людьми, которыхъ нельзя удовольствовать; что она старается всѣми средствами сдѣлать своихъ подданныхъ счастливыми, но чувствуетъ, что надобны года и года, чтобы они привыкли къ ней. Выставляя свои успѣхи и блескъ своего положенія, она обнаруживаетъ вмѣстѣ безпокойство, что ей не по себѣ. Она въ обаяніи отъ престола, но вмѣстѣ съ тѣмъ что-то ее безпокоитъ и волнуетъ. Это легко понять, если приглядѣться къ поведенію и чувствамъ людей, пользующихся ея довѣріемъ въ чемъ бы то ни было. Ни при одномъ дворѣ не господствовало такое раздѣленіе на партіи, а императрица обнаруживаетъ слабость и колебаніе, недостатки, которыхъ никогда не замѣчалось въ ея характерѣ. Боязнь потерять то, что имѣла смѣлость взять, ясно и постоянно видна въ поведеніи императрицы, и потому всякій, сколько-нибудь значительный человѣкъ чувствуетъ свою силу передъ нею. Изумительно, какъ эта государыня, которая всегда слыла мужественною, слаба и нерѣшительна, когда дѣло идетъ о самомъ неважномъ вопросѣ, встрѣчающемъ нѣкоторое противорѣчіе внутри имперіи. Ея гордый и высокомѣрный тонъ чувствуется только во внѣшнихъ дѣлахъ, во-первыхъ потому, что здѣсь нѣтъ личной опасности, во-вторыхъ потому, что такой тонъ по отношенію къ иностраннымъ державамъ нравится ея подданнымъ». Въ этой мѣткой характеристикѣ на-

блюдательнаго француза чрезвычайно вѣрно схвачена затруднительность положенія Екатерины послѣ ея воцаренія, вытекавшая изъ отношеній между нею и ея бывшими пособниками по заговору. Послѣдніе слишкомъ хорошо помнили свои заслуги, чтобы не предъявлять къ императрицѣ требованій. а что такія требованія заходили очень далеко, лишая Екатерину почти совершенно свободы дѣйствій, объ этомъ свидѣтельствуетъ и сама она. Около этого времени она писала, напр., Понятовскому: «Меня принудятъ сдѣлать еще тысячу странностей; если я уступлю, меня будутъ обожать, если нѣтъ, то не знаю, что случится». Давленіе на Екатерину со стороны лицъ, ее окружающихъ и содѣйствовавшихъ ея возведенію на престолъ, было такимъ образомъ очень сильно и она ему подчинялась. Остается опредѣлить еще, въ какую сторону оно, это давленіе, направляло дѣйствія императрицы, чего отъ нея хотѣли. Прежде всего вниманіе было обращено на личные интересы и ихъ удовлетвореніе, сообразно этому, заняло первое мѣсто въ ряду дѣйствій новаго правительства. Въ первые мѣсяцы по воцареніи своемъ императрица роздала разнымъ лицамъ до 18.000 душъ крестьянъ и до 180.000 рублей въ качествѣ единовременныхъ наградъ, не считая уже постоянныхъ пенсій и всякихъ иныхъ наградъ въ видѣ чиновъ, орденовъ и т. п. Изъ этого числа одни братья Орловы получили по 800 душъ крестьянъ на каждаго. Этотъ золотой дождь, излившійся на пособниковъ и сторонниковъ Екатерины, не удовлетворилъ однако всѣхъ ихъ, да и не могъ этого сдѣлать по самому существу своему. Личные интересы въ смыслѣ жажды обогащенія или возвышенія могли заходить очень далеко, какъ напр. у Гр. Орлова они выразились въ планѣ женитьбы на Екатеринѣ, не осуществившемся однако благодаря противодѣйствію другихъ сановниковъ двора. Но какъ бы охотно ни шла Екатерина навстрѣчу тѣмъ требованіямъ, которыя къ ней предъявляли отдѣльныя лица изъ среды ея пособниковъ, какою щедрою рукою ни раздавала бы она имъ всевозможныя награды, полное удовлетвореніе всѣхъ и каждаго на этой почвѣ было невозможно. Всегда оставалось значительное количество людей, обойденныхъ или не успѣвшихъ выдвинуться, на которыхъ не попали поэтому капельки золотаго дождя и которые становились въ враждебное отношеніе къ правительству. Такое отношеніе еще болѣе обострялось для нихъ примѣрами возвышенія многихъ лицъ при новомъ правительствѣ, это возвышеніе разжигало страсти, указывая быстрый и, какъ казалось, легкій путь къ достиженію почестей и богатства при помощи переворота и созданія новаго правительства. Рядъ послѣдовательныхъ заговоровъ, направленныхъ къ этой цѣли, Гурьева и Хрущовыхъ, Хитрово, наконецъ Мировича, долженъ былъ убѣдить Екатерину въ томъ, что по стопамъ Орловыхъ готовы пойти и многіе другіе люди, оставшіеся въ

тѣни во время іюньскаго переворота 1762 года. Между тѣмъ за нею самою не было еще никакихъ прочныхъ данныхъ, которыя позволяли бы ей противостоять заговорамъ. Она успѣла, правда, привлечь къ себѣ симпатіи общества, но, не принадлежа по происхожденію своему къ русскому императорскому дому, не имѣя въ сущности никакихъ легальныхъ правъ на престолъ, не получила еще въ глазахъ общества санкціи своей власти. Такую санкцію могло ей дать только установленіе прочной связи ея управленія съ интересами того круга общества, который выставлялъ изъ своей среды активныхъ дѣятелей въ этомъ вопросѣ, т. е. дворянства. Надо было упрочить связь, создавшуюся на почвѣ случайнаго совпаденія интересовъ, путемъ общихъ мѣръ, и въ ряду этихъ послѣднихъ прежде всего возникалъ вопросъ о формѣ правительства. Человѣкомъ, возбудившимъ и поставившимъ передъ Екатериной этотъ вопросъ, былъ Никита Ив. Панинъ.

Принадлежа, если не прямо по происхожденію, то по крайней мѣрѣ въ силу своихъ родственныхъ связей, къ остаткамъ аристократіи, Панинъ при Елизаветѣ былъ отправленъ посланникомъ въ Швецію и тамъ пробылъ на этомъ посту 12 лѣтъ. По возвращеніи въ 1760 г. на родину онъ былъ назначенъ воспитателемъ сына Екатерины, Павла Петровича, и остался въ этой должности и послѣ ея воцаренія. Принадлежность къ болѣе знатнымъ родамъ заставила его усвоить себѣ аристократическія тенденціи, а пребываніе въ Швеціи еще усилило ихъ и придало идеямъ Панина яркій аристократически-конституціонный отпечатокъ, въ то время, какъ недюжинный умъ помогъ ему разсмотрѣть и оцѣнить главнѣйшіе недостатки русскаго государственнаго строя. Мечтая объ «упорядоченіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ», Панинъ послѣ восшествія Екатерины на престолъ и подалъ ей «Проектъ объ учрежденіи Императорскаго Совѣта». Знакомство съ этимъ проектомъ поможетъ намъ уяснить себѣ взгляды какъ самого Панина, такъ и лицъ, къ нему близкихъ, и представить тотъ путь, на который хотѣли они направить политику Екатерины. Въ своемъ трудѣ Панинъ прежде всего отмѣчаетъ, какъ главное, господствующее явленіе политической жизни Россіи за непосредственно предшествовавшее время, владычество фаворитовъ или случайныхъ людей. Отношеніе его къ этому явленію рѣзко враждебное, онъ въ сильныхъ выраженіяхъ осуждаетъ правленіе Елизаветы, при которой сила временщиковъ, по его мнѣнію, значительно развилась. «Ея величество, разсказываетъ онъ про Елизавету, вспамятовала, что у ея отца государя Петра В. былъ домовой кабинетъ, изъ котораго, кромѣ партикулярныхъ приказаній. ордеровъ и писемъ, ничего не выходило, приказала и у себя такой же учредить. Тогдашніе случайные и припадочные люди воспользовались симъ домашнимъ мѣстомъ для своихъ прихотей и собственныхъ видовъ и поста-

вили средствомъ онаго всегда злоключительный общему благу интервалъ между государя и правительства. Они, временщики и куртизаны. сдѣлали въ немъ, яко въ безгласномъ и никакого образа государственнаго не имѣющемъ мѣстѣ гнѣздо всѣмъ прихотямъ, чѣмъ оно претворилось въ самый вредный источникъ не токмо государству, но и самому государю... Государь былъ отдаленъ отъ государства». Порядокъ, допускающій существованіе временщичества, создающій «случайныхъ людей», имѣетъ, стало быть, на взглядъ Панина, то неудобство, что при немъ интересы государственные подавляются и заслоняются частными. Есть въ немъ кромѣ того и другой недостатокъ, заключающійся въ томъ, что дѣла вершатся людьми, къ нимъ неспособными и неподготовленными, благодаря чему интересы государства опять-таки сильно страдаютъ. «Нашъ сапожный мастеръ, саркастически замѣчаетъ по этому поводу Панинъ, не мѣшаетъ подмастерья съ работникомъ и нанимаетъ каждаго къ своему званію; а мнѣ, напротивъ того, случилося слышать у престола государева отъ людей, его окружающихъ, пословицу льстивую за штатское (т. е. государственное, отъ слова Staat) правило: была бы милость, всякаго на все стапетъ». Итакъ, существующій порядокъ неудовлетворителенъ: онъ даетъ слишкомъ много значенія отдѣльнымъ людямъ, создаетъ возможность перевѣса ихъ интересовъ надъ государственными, распредѣляетъ административныхъ дѣятелей по степени ихъ фавора, не имѣющей ничего общаго съ дѣйствительными ихъ заслугами и способностями. Такова отрицательная сторона положеній Панина, которой онъ не ограничивается. Указывая на недостатки государственнаго строя, онъ тутъ же указываетъ и на тѣ средства, съ помощью которыхъ, по его мнѣнію, эти недостатки можно исправить или же и вовсе устранить. Находя, что все управленіе временъ Елизаветы шло скорѣе во вредъ, чѣмъ на пользу государству, онъ продолжаетъ: «таковыя государству вредныя приключенія происходили несомнѣнно частію отъ того, что въ производствѣ дѣлъ дѣйствовала болѣе сила персонъ, нежели власть мѣстъ государственныхъ, частію же и отъ недостатка такихъ начальныхъ основаній правительства, которыя бы его твердую форму сохранять могли». Слѣдовательно, общіе недостатки предшествовавшаго періода государственной жизни Россіи заключались въ перевѣсѣ лицъ надъ учрежденіями, иначе говоря, въ административномъ произволѣ и въ отсутствіи «начальныхъ основаній правительства» или основныхъ законовъ. Это и есть недостатки, подлежащіе уничтоженію и, исходя изъ этой точки зрѣнія, Панинъ и высказываетъ надежду, что Екатерина «Богомъ и народомъ вручешное ей право самодержавства употребитъ съ полною властію къ основанію и утвержденію формы и порядка въ правительствѣ». Онъ подсказываетъ импе-

ратрицѣ и ту практическую форму, въ которую слѣдуетъ облечь преобразованіе управленія, устроивъ именно Императорскій Совѣтъ въ видѣ постояннаго учрежденія, состоящаго изъ шести членовъ и вѣдающаго всѣ важнѣйшія дѣла имперіи, которыя до того рѣшались одною властью государя. Одновременно съ этимъ Панинъ предполагалъ раздѣлить сенатъ на 6 департаментовъ, которыми бы завѣдывали статсъ-секретари или министры, состоящіе при томъ же Императорскомъ Совѣтѣ. Собственно этимъ послѣднимъ не исчерпывались преобразовательные планы Панина: онъ составлялъ только первую, какъ бы подготовительную половину этихъ плановъ, за которой должно было послѣдовать постепенное введеніе представительнаго правленія, при которомъ Совѣтъ занялъ бы первенствующую роль въ ряду государственныхъ учрежденій страны. Но и въ недоговоренномъ своемъ видѣ планъ Панина былъ ясенъ, и Екатеринѣ оставалось теперь рѣшить, принять ли его, пойти ли по направленію, которое ей указывалъ онъ, или же избрать другое.

Первоначально она, повидимому, готова была согласиться на предложенный ей проектъ, принимая его за мнѣніе большинства, которому предстоитъ подчиниться. По крайней мѣрѣ въ рукописномъ манифестѣ, заготовленномъ для возвращеннаго изъ ссылки канцлера временъ Елизаветы, Бестужева, была и такая фраза: «жалуемъ его первымъ императорскимъ совѣтникомъ и первымъ членомъ новаго, учреждаемаго при дворѣ нашемъ императорскаго совѣта». Въ манифестѣ обнародованномъ этой фразы уже не было. За это время Екатерина успѣла нѣсколько точнѣе ознакомиться съ настроеніемъ умовъ въ обществѣ. Она дала проектъ Панина на прочтеніе разнымъ лицамъ и просила ихъ представить свои мнѣнія по этому поводу. До насъ дошло два такихъ мнѣнія. Одно изъ нихъ написано неизвѣстнымъ лицомъ, доказывающимъ, что проектируемый Панинымъ Императорскій Совѣтъ есть не что иное, какъ возстановленіе нѣкогда дѣйствовавшаго Верховнаго Тайнаго Совѣта; авторъ этого мнѣнія предлагаетъ возстановить поэтому и самое имя учрежденія. Откровеннѣе высказался по этому поводу генералъ-фельдцейхмейстеръ Вильбуа, также бывшій въ числѣ критиковъ Панинскаго проекта. «Я не знаю, кто составитель проекта», написалъ онъ въ своемъ мнѣніи, «но мнѣ кажется, какъ будто онъ, подъ видомъ защиты монархіи, тонкимъ образомъ склоняется болѣе къ аристократическому правленію. Обязательный и государственнымъ закономъ установленный Императорскій Совѣтъ и вліятельные его члены могутъ съ теченіемъ времени подняться до значенія соправителей. Императрица по своей мудрости отстранитъ все то, изъ чего впослѣдствіи могутъ произойти вредныя слѣдствія. Ея разумъ и духъ не нуждаются ни въ какомъ особенномъ Совѣтѣ... Императорскій Совѣтъ слишкомъ приблизитъ подданнаго къ государю и у подданнаго можетъ явиться желаніе подѣлить

власть съ государемъ». Эти отзывы, поскольку они характеризовали аристократическія и конституціонныя идеи Панина, не заключали въ себѣ, конечно, ничего новаго для Екатерины; но, вскрывая передъ нею отношеніе большинства общества къ этимъ идеямъ, отношеніе, въ которомъ мало было симпатіи, а скорѣе преобладала враждебность, они давали ей точку опоры, которой она и не замедлила воспользоваться. Проектъ Панина, служившій отраженіемъ аристократическихъ тенденцій его автора, сложившихся отчасти подъ воздѣйствіемъ русской дѣйствительности, отчасти благодаря знакомству съ шведскимъ государственнымъ строемъ, такъ же мало способенъ былъ возбудить симпатію въ шляхетскихъ кругахъ, какъ и проекты верховниковъ, и точно также не былъ осуществленъ. Но при этомъ на его долю не выпало и той роли, которая нѣкогда досталась проекту кн. Голицына: онъ не вызвалъ широкаго политическаго движенія въ дворянскомъ обществѣ, такъ какъ послѣднее устремило теперь свое вниманіе уже рѣшительно въ другую сторону, отстраняя отъ себя политическіе вопросы. Благодаря этому, проектъ Панина прошелъ безрезультатно и почти безслѣдно: самъ творецъ его остался при дворѣ въ той же должности, какую занималъ и раньше, и, не успѣвъ въ конституціонныхъ своихъ мечтаніяхъ, ограничился воспитаніемъ наслѣдника и веденіемъ внѣшней политики государства. Воплотившаяся въ этомъ проектѣ попытка высшихъ слоевъ чиновной администраціи закрѣпить за собою верховную власть въ государствѣ не удалась, такъ какъ и для Екатерины ясно было, что главныя симпатіи дворянства направлены не въ эту сторону. То давленіе, которое оказывало общество на правительство, не вело къ измѣненію политической формы послѣдняго и эта форма осталась существовать въ старомъ своемъ видѣ. Это обстоятельство не устраняло самаго факта такого давленія и вліянія общества на правительственную дѣятельность, но передавало иниціативу въ руки самого правительства, такъ что оно само могло и должно было взяться за разработку проектовъ рѣшенія тѣхъ задачъ, которыя ему предстояли. Проекты законодательной дѣятельности и заняли, дѣйствительно, видное мѣсто въ первые годы Екатерининскаго царствованія.

Законодательная дѣятельность правительства Екатерины II.

Фактическія условія возникновенія правительства Екатерины II и создавшееся благодаря имъ его положеніе толкали его на путь возможно болѣе широкой дѣятельности съ цѣлями ознакомленія съ обществомъ, удовлетворенія его стремленій и, слѣдовательно, упроченія собственной позиціи, пока остававшейся еще въ значительной степени шаткою. На тотъ же путь указывали ему и

теоретическія воззрѣнія лицъ, его составлявшихъ, и прежде всего самой императрицы, воззрѣнія, создавшіяся подъ вліяніемъ знакомства съ французской политической и философской литературой. Оживленное движеніе, происходившее въ это время на Западѣ, и по преимуществу во Франціи, подъ знаменемъ чистаго разума подвергавшее жестокой критикѣ всѣ существующіе порядки, провозглашавшее новыя начала, на основаніи которыхъ должно быть создано новое общественное устройство, въ противоположность старымъ, средневѣковымъ принципамъ, это движеніе въ своемъ литературномъ отраженіи проникло и въ Россію и оказало извѣстное воздѣйствіе на умы той части русскаго общества, которая знакомилась съ французской литературой. Такому ея воздѣйствію подчинилась и Екатерина, воспитавшаяся именно на произведеніяхъ французскихъ философскихъ и политическихъ писателей, и, проникшись въ значительной мѣрѣ ихъ идеями, она мечтала провести ихъ на практикѣ, пересоздать на основаніи ихъ русскую общественную и государственную жизнь. Благодаря этому къ тѣмъ условіямъ дѣятельности правительства, которыя мы уже наблюдали, присоединилось еще новое, въ видѣ вліянія теоретическихъ началъ, выставленныхъ европейскою мыслью того времени. Исходя изъ этихъ началъ, Екатерина задумала произвести общую реформу законодательства, при которой были бы поставлены на первый планъ именно общіе философскіе принципы. Такая реформа должна была однако одновременно идти въ соотвѣтствіи съ фактическимъ положеніемъ правительства и удовлетворять тѣмъ требованіямъ, какія могла предъявить къ нему сословная группа, его создавшая и поддерживавшая. Въ виду этого плапамъ Екатерины не пришлось осуществиться въ ихъ чистомъ идейномъ видѣ. Совмѣстное вліяніе нѣсколькихъ условій имѣло своимъ результатомъ то, что выработка характера Екатерининской эпохи происходила лишь постепенно и въ ходѣ и развитіи этого процесса какъ бы послѣдовательными ступенями явились Наказъ Екатерины, въ которомъ нашли себѣ выраженіе замыслы императрицы, попытка ихъ практическаго осуществленія въ Коммиссіи для составленія Уложенія, и наконецъ дѣйствительное законодательство. Въ такомъ порядкѣ мы и разсмотримъ эти факты.

Наказъ имп. Екатерины, его исторія и значеніе. Рѣшившись произвести общую реформу законодательства, имп. Екатерина оставила за собою указаніе тѣхъ общихъ началъ, на основаніи которыхъ должна была быть произведена эта работа, и съ этою цѣлью принялась за составленіе Наказа для коммиссіи, которой она думала поручить самое дѣло выработки новаго уложенія. Вотъ какъ разсказываетъ сама она о возникновеніи этого труда. «Я начала читать, потомъ писать наказъ коммиссіи уложенія. Два года я читала и писала, не говоря о томъ полтора года ни слова... послѣдуя единственно уму и сердцу сво-

ему съ ревностнѣйшимъ желаніемъ пользы, чести и счастья имперіи. Предуспѣвъ по мнѣнію моему довольно въ сей работѣ, я начала казать по частямъ статьи, мною заготовленныя, людямъ разнымъ, всякому по его способности; но болѣе одного листа или двухъ не показывала вдругъ; наконецъ заготовила манифестъ о созывѣ депутатовъ». Въ началѣ 1767 года эта работа была закончена Екатериною, но, прежде чѣмъ обнародовать ее, она еще подвергла ее цензурѣ со стороны нѣсколькихъ избранныхъ лицъ, предоставивъ имъ широкое право уничтожать все, имъ не нравящееся, и въ январѣ 1767 года писала д'Аламберу: «Болѣе половины мною зачеркнуто, разорвано и сожжено и Богъ вѣдаетъ, что станется съ остальнымъ; однако придется рѣшиться къ назначенному мною сроку». Въ іюлѣ этого же года Наказъ дѣйствительно былъ уже совершенно готовъ и переданъ въ руководство собравшейся коммиссіи. Такимъ образомъ два года употребила Екатерина на подготовку и написаніе всего труда, имѣвшаго своей цѣлью указать тѣ начала, на основаніи которыхъ предстояло воздвигнуть новое зданіе законодательства, и шесть мѣсяцевъ пошло у нея на то, чтобы придать этому труду его окончательную редакцію. Нельзя не подивиться краткости сроковъ, понадобившихся для рѣшенія такой сложной задачи, особенно, если припомнить, какъ мало Екатерина была подготовлена къ такому рѣшенію, какимъ незначительнымъ количествомъ свѣдѣній обладала она по отношенію къ русскимъ законамъ и русской жизни. Такова внѣшняя исторія Наказа. Уже относящіяся къ ней данныя опредѣляютъ до нѣкоторой степени и характеръ самой работы, ведшейся при такихъ условіяхъ. Прежде однако, чѣмъ обратиться прямо къ ея разбору, посмотримъ, какъ опредѣляла сама Екатерина способъ и значеніе своего труда. Въ письмахъ къ разнымъ лицамъ она довольно точно указала характеръ Наказа: «Вы увидите, писала она напр. къ д'Аламберу, какъ тамъ на пользу моей имперіи я обобрала президента Монтескье, не называя его. Надѣюсь, что еслибы онъ съ того свѣта увидѣлъ меня работающею, то простилъ бы эту литературную кражу во благо 20.000.000 людей, которое изъ того должно послѣдовать. Онъ слишкомъ любилъ человѣчество, чтобы поставить мнѣ это въ вину. Его книга служитъ мнѣ молитвенникомъ. Вотъ образчикъ судьбы, которой подвергаются книги геніальныхъ людей: онѣ служатъ для благосостоянія человѣчества». Посылая экземпляръ Наказа прусскому королю Фридриху II, Екатерина подобнымъ же образомъ выражалась о способѣ его составленія. «Вы увидите, говорила она въ своемъ письмѣ, что я, какъ ворона въ баснѣ, нарядилась въ павлиньи перья; въ этомъ сочиненіи мнѣ принадлежитъ лишь расположеніе матеріала, да кое-гдѣ одна строчка, одно слово». Екатерина, стало быть, отказывалась отъ авторскихъ своихъ правъ, прямо указывая главный

источникъ, изъ котораго она черпала содержаніе Наказа и признавая за собою лишь заслугу расположенія матеріала въ этомъ трудѣ. При этомъ ею руководила далеко не излишняя скромность: изъ 526 статей, составляющихъ содержаніе Наказа, почти половина, именно 250 статей, есть не что иное, какъ переводъ, въ большинствѣ случаевъ буквальный, изъ «Духа законовъ» Монтескье, а болѣе 100 статей заимствованы изъ сочиненія итальянскаго криминалиста Беккаріа «О преступленіяхъ и наказаніяхъ», появившагося въ 1764 году на итальянскомъ языкѣ, произведшаго сильное впечатлѣніе своими гуманными идеями и вслѣдъ затѣмъ быстро переведеннаго на всѣ главнѣйшіе западно-европейскіе языки. Стало быть, болѣе двухъ третей всего труда представляются прямо заимствованными, что и объясняетъ возможность такого быстраго написанія этого труда. Екатерина не преувеличила, значитъ, изъ скромности основнаго характера своего произведенія. Но признаніе за нимъ такого характера не помѣшало ей тѣмъ не менѣе придавать Наказу весьма большое значеніе, видѣть въ немъ нѣчто, близкое къ совершенству и во всякомъ случаѣ долженствующее имѣть очень важное вліяніе на жизнь. «Всѣ тѣ, которые видѣли мою работу,—пишетъ она напримѣръ къ своей пріятельницѣ, г-жѣ Жоффренъ,—единодушно говорятъ, что это верхъ совершенства, но мнѣ кажется, что надобно еще почистить». Здѣсь горделивое сознаніе высокихъ достоинствъ своего труда еще нѣсколько умѣряется у Екатерины какъ бы призракомъ скромности, но въ другихъ случаяхъ оно выступаетъ и безъ этого, вполнѣ прозрачнаго, впрочемъ, прикрытія. Въ самомъ Наказѣ имѣется, между прочимъ, такая статья: «Какъ нѣтъ ничего совершеннаго, что человѣкомъ сочинено, то если откроется въ производствѣ, что на какія ни есть учрежденія въ семъ наказѣ правила еще не положено, дозволяется просить дополненія». Въ этомъ мѣстѣ Екатерина уже только потому соглашается признать возможность существованія недостатковъ въ Наказѣ, что человѣкъ вообще не можетъ создать совершеннаго произведенія, и какъ бы не предполагаетъ совсѣмъ, что человѣкъ, болѣе подготовленный и способный, могъ дать лучшій трудъ. Запрещеніе перевода Наказа на французскій языкъ правительствомъ Людовика XV доставило императрицѣ много минутъ наслажденія. Полемизируя, напр., въ своемъ «Антидотѣ» съ аббатомъ Шаппомъ по поводу сравнительнаго положенія русскаго и французскаго правительства, она, хотя и не отъ своего лица, съ нескрываемой гордостью ссылается на «возбуждающія удивленіе Европы» начала Наказа, совсѣмъ уже какъ бы забывая при этомъ, что эти начала принадлежатъ не ей, а французскимъ писателямъ, отъ которыхъ она ихъ взяла. Такимъ образомъ Екатерина приписывала Наказу большое и серьезное значеніе. Насколько же это оправдывалось самымъ характеромъ ея труда?

Мы видѣли, что Наказъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ составленъ Екатериною, представлялъ изъ себя компиляцію, повторявшую идеи Монтескье и Беккаріа, а затѣмъ, надо прибавить, и французскихъ энциклопедистовъ. Но предстоитъ еще опредѣлить, что именно заимствовала Екатерина изъ этихъ писателей, въ чемъ заключалась сдѣланная ею компиляція, и это дастъ намъ возможность указать и самое значеніе Наказа. Содержаніе его очень обширно и разнообразно, касаясь большинства вопросовъ государственнаго и общественнаго устройства. Въ послѣдовательномъ порядкѣ идутъ въ немъ такіе отдѣлы: о естественномъ положеніи имперіи, о правленіи и законахъ вообще, о законахъ подробно, о видахъ преступленій и наказаній, о судопроизводствѣ вообще, объ обрядѣ криминальнаго суда, о рабствѣ, о ремеслахъ и торговлѣ, о воспитаніи, о дворянствѣ, о среднемъ родѣ людей, о городахъ, о порядкѣ наслѣдованія, о составленіи и слогѣ законовъ, наконецъ о разныхъ спеціальныхъ вопросахъ законодательства. Въ основу всего этого разнообразнаго содержанія положенъ общій принципъ, заимствованный у Монтескье: «законоположеніе должно примѣнять къ народному умствованію, ибо мы ничего лучше не дѣлаемъ, какъ то, что дѣлаемъ вольно, слѣдуя природной нашей склонности». Рядомъ съ нимъ стоитъ однако и другой принципъ, очень мало согласованный съ первымъ,—это именно начала «здраваго разума». Въ началѣ своего изложенія Екатерина доказываетъ, что Россія, какъ государство очень обширное, должна быть подчинена самодержавному правленію; отъ этой общей формы политической жизни государства она переходитъ затѣмъ къ отдѣльнымъ вопросамъ, пытаясь установить общіе принципы для ихъ рѣшенія. Далеко не всегда однако ей это удается; очень часто у нея не оказывается необходимыхъ для этого свѣдѣній и вмѣсто указанія принципа она ограничивается однѣми общими и неопредѣленными, ничего или очень мало говорящими фразами. Такъ, говоря о наслѣдованіи, она довольствуется утвержденіемъ, что «надлежитъ установить порядокъ неподвижной для наслѣдованія», не указывая однако, въ чемъ именно долженъ состоять такой порядокъ, и такихъ неопредѣленныхъ утвержденій въ Наказѣ имѣется весьма много. Въ виду этого онъ не могъ и служить той задачѣ, для которой его предназначала сама Екатерина, не могъ лечь въ основаніе будущаго законодательства: для этого въ немъ недоставало единства общей идеи и ясности отдѣльныхъ положеній. И при этомъ условіи за нимъ могло однако остаться другое значеніе, хотя и гораздо болѣе узкое, чѣмъ то, какое ему придавала его составительница, именно значеніе публицистическаго трактата, вводящаго не столько въ практическую жизнь, сколько въ умственное сознаніе общества, запасъ новыхъ идей. Дѣйствительно, Екатерининскій наказъ, будучи компиляціей изъ произведеній западныхъ писателей, содержалъ въ себѣ много новаго для русскаго

общества и—что важнѣе—это новое было проникнуто началами гуманности. Въ немъ впервые громко провозглашены были, въ качествѣ основныхъ истинъ политики, многія такія идеи, которыя раньше могли бы сойти за государственное преступленіе. Хотя и не прямо, хотя и съ оговоркой, «что не должно вдругъ черезъ одно общее узаконеніе дѣлать великаго числа освобожденныхъ», въ немъ выражалось однако ясное осужденіе рабства и крѣпостнаго права. Въ немъ же устанавливалось различіе преступныхъ дѣйствій отъ словъ и провозглашалось правило, что «тотъ все превращаетъ и опровергаетъ, кто дѣлаетъ изъ словъ преступленіе, смертной казни достойное». Наказъ осуждалъ пытку, какъ жестокое и вмѣстѣ нелѣпое учрежденіе, Наказъ же провозглашалъ идею вѣротерпимости, ссылаясь на то, что «гоненіе человѣческіе умы раздражаетъ, а дозволеніе вѣрить по своему закону умягчаетъ и самыя жестоковыйныя сердца». Наконецъ, основною цѣлью всѣхъ законовъ, согласно идеямъ Наказа, должно быть общее народное благо. Словомъ, въ этомъ произведеніи заключался цѣлый рядъ гуманныхъ идей, которыя могли оказать благотворное вліяніе на общественное сознаніе. Но и здѣсь нужна оговорка. Наказъ былъ не такъ доступенъ для публики, какъ другія книги. Даже въ правительственныхъ учрежденіяхъ это произведеніе либеральной императрицы держалось подъ спудомъ и не показывалось чиновникамъ; еще менѣе могло оно идти въ публику. Не будучи законодательнымъ актомъ, который бы строго устанавливалъ рекомендуемый порядокъ, Наказъ не былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и публицистическимъ трактатомъ, который могъ бы вліять на сознаніе широкихъ массъ общества. Онъ остался только памятникомъ извѣстнаго настроенія правительства, свидѣтелемъ гуманныхъ, но очень общихъ и неопредѣленныхъ идей, которыя оно исповѣдывало. Попытка придать этимъ стремленіямъ практическія формы была сдѣлана созывомъ Коммиссіи для составленія новаго уложенія, къ исторіи которой намъ и предстоитъ теперь обратиться.

54-я и 55-я ЛЕКЦИИ

Коммиссія для составленія новаго Уложенія.

Созывъ Коммиссіи. Ея составъ и организація: Имп. Екатерина II писала свой наказъ съ тѣмъ, чтобы дать въ немъ не законъ, но руководство для законодательства, для предстоявшей кодификаціонной работы. Согласно взглядамъ, усвоеннымъ ею изъ знакомства съ французской политической литературой, она представляла себя творцомъ новыхъ идей и принциповъ въ русскомъ законодательствѣ, которые должны были внести еще неизвѣданное счастье въ жизнь народа, но не отказывалась выслушать указанія относительно нуждъ послѣдняго и съ его стороны, не сосредоточивала дѣло практическаго законодательства исключительно въ своихъ рукахъ, тѣмъ болѣе, что не имѣла и необходимыхъ для этого средствъ. Поэтому иниціатива въ дѣлѣ законодательства, указаніе въ общемъ того пути, по которому должно было пойти оно, должны были принадлежать ей самой, въ примѣненіи же этихъ общихъ началъ къ дѣлу она искала помощи у самого общества, обставляя однако эту послѣднюю извѣстными условіями и границами. Отъ опредѣленія руководящихъ началъ императрицы, какъ они изложены въ Наказѣ, мы перейдемъ теперь къ вопросу о томъ, какъ обставлена была практически задуманная Екатериною кодификаціонная работа.

Еще не закончено было совершенно составленіе Наказа, еще Екатерина писала и переписывала его статьи, когда 14 декабря 1766 года послѣдовалъ указъ, повелѣвавшій прислать изо всѣхъ мѣстъ имперіи выборныхъ въ столицу «не только для того, чтобы отъ нихъ выслушать нужды и недостатки каждаго мѣста, но допущены они быть имѣютъ въ коммиссію, которой дадимъ Наказъ для заготовленія проекта новаго уложенія къ поднесенію Намъ для конфирмаціи. Симъ учрежденіемъ—продолжалъ манифестъ—Мы нашему народу опытъ даемъ нашего чистосердечія, велнкой довѣренности къ оному и нашей материнской любви». По первоначальному плану императрицы выборы распространялись только

на Великороссію, собственно Московское государство и окраинныя области, сохранявшія у себя мѣстное самоуправленіе, лишь въ такомъ случаѣ входили въ районъ ихъ, если сами того желали, въ противномъ же случаѣ онѣ не присылали депутатовъ и не обязаны были подчиняться новому уложенію. «Малороссіи, Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи—писала Екатерина въ одной изъ черновыхъ своихъ записокъ—отдается на волю прислать депутатовъ. А не пришлютъ, останутся на такомъ основаніи, какъ нынѣ, пока не будутъ бить челомъ объ уравненіи». Позднѣе, когда Екатерина нѣсколько разочаровалась въ сочувствіи областей къ ея централизаціоннымъ планамъ, но вмѣстѣ замѣтила существованіе опоры для такихъ плановъ въ иныхъ отношеніяхъ, она стала дѣйствовать смѣлѣе и рѣшительнѣе. Никакого ограниченія по мѣстности въ манифестѣ уже не вышло: депутаты созывались со всей имперіи, а дѣйствія мѣстной администраціи обратили разрѣшеніе послать выборныхъ уже въ своего рода обязанность населенія. Въ Малороссіи особенно генералъ-губернаторъ Румянцовъ старался, чтобы выборы непремѣнно состоялись во всѣхъ назначенныхъ для нихъ пунктахъ и дали благопріятные результаты.

Группировка депутатовъ по мѣстности соединялась въ манифестѣ Екатерины еще съ иною—группировкой по общественнымъ классамъ. При той рѣзкой сословной окраскѣ, какую уже приняло государство, депутаты въ коммиссію могли явиться лишь въ качествѣ выборныхъ отъ сословій, такъ какъ интересы сословныхъ группъ далеко разошлись и во многомъ были уже прямо противоположны. Сословное представительство и было положено Екатериною въ основу избранія депутатовъ въ коммиссію, но не было проведено ею со всею полнотою и исключительностью, какихъ требовалъ этотъ принципъ. Начать съ того, что оно не сдѣлалось однимъ началомъ при составленіи коммиссіи, рядомъ съ нимъ дѣйствовало еще и другое: не всѣ сословія далѣе получили право участія въ коммиссіи, не всѣ они имѣли въ ней своихъ представителей и наконецъ самый способъ избранія для различныхъ сословій былъ неодинаковъ. Помимо депутатовъ отъ сословій въ коммиссію приглашены были еще депутаты отъ разныхъ правительственныхъ учрежденій, по одному человѣку отъ каждаго, и такое появленіе въ законодательномъ собраніи чиновниковъ въ качествѣ представителей правительственныхъ учрежденій затягивало дѣлопроизводство послѣднихъ, отвлекая отъ нихъ рабочія силы, но не особенно двигало впередъ то дѣло, какимъ коммиссія должна была заняться. Эти чиновники въ значительной степени являлись лишнимъ балластомъ въ коммиссіи и впослѣдствіи само правительство сознало это и, когда коммиссія была переведена изъ Москвы въ Петербургъ, всѣ депутаты чиновники, служившіе въ Москвѣ, должны были остаться

въ ней и, слѣдовательно, фактически перестали быть депутатами, сохранивъ за собою лишь льготы этого званія. Рядомъ съ такимъ увеличеніемъ числа депутатовъ на счетъ правительственныхъ чиновниковъ шло уменьшеніе его на счетъ представителей сословій. Ученица Вольтера, всю жизнь боровшагося съ духовенствомъ и его вліяніемъ, Екатерина исключила духовенство изъ числа созванныхъ ею сословныхъ депутатовъ; правда, помимо вліянія Вольтера тутъ могло дѣйствовать еще и то обстоятельство, что незадолго до этого произведена была крупная реформа въ экономическомъ положеніи духовенства, закрѣпившая собою мѣры Петра III, но во всякомъ случаѣ устраненіе духовенства отъ дѣла кодификаціи законодательства было не совсѣмъ желательно, такъ какъ съ одной стороны оно стояло быть можетъ ближе всѣхъ другихъ высшихъ сословій къ массѣ простаго народа, а съ другой—оставались непредставленными его собственные интересы. Благодаря послѣднему обстоятельству въ дѣятельности коммиссіи происходили впослѣдствіи комичные эпизоды, когда напримѣръ проектъ духовнаго законодательства вырабатывался частной духовно-гражданской коммиссіей, состоявшей изъ прокурора адмиралтейской коллегіи, одного статскаго совѣтника, двухъ генералъ-маіоровъ и одного поручика лейбъ-гвардіи коннаго полка Потемкина. Духовенство было не единственнымъ сословіемъ, не призваннымъ къ участію въ работахъ коммиссіи: съ нимъ раздѣлило эту участь, какъ и можно было впрочемъ ожидать, все крѣпостное крестьянство со включеніемъ даже крестьянъ дворцовыхъ и экономическихъ, т. е. отобранныхъ у духовенства и сравненныхъ съ государственными. Только собственно государственные крестьяне подъ именемъ свободныхъ сельскихъ поселянъ получили право выбора депутатовъ въ коммиссію, и при этомъ въ число ихъ не были даже включены малороссійскіе посполитые, хотя по закону они еще продолжали пользоваться личной свободой. Изъ общей массы крестьянства лишь незначительная часть, стало быть, послала своихъ представителей въ учрежденіе, долженствовавшее заняться выработкой новаго уложенія. Въ коммиссіи такимъ образомъ были представлены лишь слѣдующія сословныя группы: дворянство, горожане, государственные крестьяне и козаки; къ нимъ присоединялись депутаты отъ правительственныхъ учрежденій и депутаты отъ иновѣрцевъ. Дѣйствительно, всякое инородческое и не исповѣдывавшее христіанства племя, обитавшее въ Россіи, также присылало отъ себя одного депутата и такимъ образомъ въ дѣло выборовъ помимо принципа сословнаго и бюрократическаго вводился еще религіозный.

Не меньшимъ ограниченіямъ подверглось начало сословнаго представительства и въ самомъ порядкѣ избранія депутатовъ: порядокъ этотъ былъ неодинаковъ для различныхъ сословныхъ

группъ и по системѣ избранія, и по избирательной единицѣ. Крестьяне избирали своихъ депутатовъ по системѣ сложнаго представительства, причемъ представительнымъ округомъ для нихъ служила провинція, горожане посылали по одному депутату отъ каждаго города, причемъ принципъ сословнаго представительства у нихъ строго не выдерживался, дворяне избирали депутата отъ уѣзда въ строгихъ границахъ своего сословія и притомъ непосредственно. Крестьяне предварительно въ каждомъ погостѣ избирали погостоваго повѣреннаго, затѣмъ эти повѣренные, съѣхавшись въ уѣздномъ городѣ, выбирали уѣзднаго повѣреннаго и наконецъ уже повѣренные отъ нѣсколькихъ уѣздовъ, составлявшихъ провинцію, избирали депутата отъ всей провинціи, который и отправлялся въ коммиссію, снабженный крестьянскими наказами. Горожане посылали въ коммиссію по депутату отъ города, какъ бы ни былъ послѣдній великъ или малъ, такъ что столица имперіи отправляла одного депутата наравнѣ съ самыми незначительными городами. Но помимо того въ устройствѣ городскихъ выборовъ было еще одно неудобство, пожалуй, болѣе важное. Такъ какъ городъ признавался цѣльнымъ избирательнымъ округомъ, то въ выборахъ въ немъ могли принимать участіе всѣ домовладѣльцы, нерѣдко принадлежавшіе къ весьма различнымъ сословнымъ группамъ, а необходимость избрать лишь одного депутата не давала имъ даже возможности какъ-нибудь примирить свои противоположные интересы. Изъ такого положенія городскіе избиратели выходили иногда при помощи оригинальныхъ средствъ. Въ Нѣжинѣ, напримѣръ, существовало четыре сословныя группы: малорусскіе горожане, управлявшіеся по магдебургскому праву, община купцовъ греческихъ и община купцовъ великорусскихъ, имѣвшихъ особыя привилегіи, и наконецъ старшина и козаки, подчинявшіеся постановленіямъ Литовскаго Статута. И права, и интересы этихъ группъ такъ далеко расходились между собою, что въ ихъ желаніяхъ не могло быть никакого единства, но согласно обряду выбора депутатовъ городъ долженъ былъ тѣмъ не менѣе выслать въ коммиссію лишь одного депутата. Онъ и выбралъ одно лицо, но только снабдилъ его четырьмя разными наказами, такъ что депутатъ этотъ попалъ въ невозможное положеніе человѣка, разомъ сидящаго на четырехъ стульяхъ, одновременно защищающаго противоположные интересы четырехъ группъ. Городъ Астрахань поступилъ иначе: онъ прямо нарушилъ постановленіе «обряда», выбралъ нѣсколькихъ депутатовъ отъ разныхъ группъ своего пестраго населенія и всѣ они были приняты въ коммиссію. Но вообще установленный для городовъ порядокъ выбора депутатовъ, не соотвѣтствуя сословному началу, мѣшалъ городскому населенію вполнѣ выразить свои стремленія и примѣшивалъ къ нему посторонніе дворянскіе элементы; благодаря ему депутатомъ въ коммиссію отъ Петербурга могъ явиться графъ Алексѣй Орловъ,

отъ Москвы—князь Голицынъ, люди, которые, конечно, менѣе всего могли представлять интересы купечества и средняго городскаго класса.

Такимъ образомъ, разбирая дѣйствія правительства по созыву коммиссіи, мы находимъ въ нихъ значительную шаткость какъ въ дѣлѣ выбора принципа, который бы послужилъ основою избранія, такъ и въ примѣненіи этого принципа на дѣлѣ. Коммиссія, созванная правительствомъ, не отражала въ себѣ интересовъ всѣхъ сословій государства, какъ по прямому устраненію нѣкоторыхъ изъ нихъ, такъ и по тѣмъ условіямъ, которыми были обставлены выборы. Въ силу этихъ условій одно сословіе было поставлено въ лучшее сравнительно со всѣми другими положеніе и это было именно дворянство. Теперь намъ представляется еще другой вопросъ, какъ отозвалось населеніе на приглашеніе правительства и насколько оно этому приглашенію послѣдовало, иначе говоря, все ли оно воспользовалось даннымъ ему правомъ послать своихъ представителей для составленія уложенія или же уклонилось отъ участія въ этомъ дѣлѣ. Вполнѣ точныхъ данныхъ по этому вопросу не имѣется въ нашемъ распоряженіи: мы можемъ лишь сказать, что всѣ сословія, получившія права выбора представителей, въ большинствѣ своихъ членовъ имъ и воспользовались, но во всѣхъ ихъ нашлись и отдѣльные случаи уклоненія отъ посылки депутатовъ. Во всякомъ случаѣ такія уклоненія не принадлежали исключительно одному какому-нибудь сословію: отказывались отъ отправленія депутатовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне, въ другихъ горожане, въ иныхъ случаяхъ и дворяне, и въ основѣ всѣхъ этихъ фактовъ лежала, повидимому, преимущественно экономическая несостоятельность. Единственный случай прямаго заявленія о ненужности коммиссіи былъ среди муромскихъ дворянъ. Они выбрали депутата, но въ данномъ ему наказѣ заявляли, что по довольномъ общемъ разсужденіи всего муромскаго дворянства не нашли никакихъ нуждъ и отягощеній, которыя нуждались бы въ исправленіи.

Всѣхъ депутатовъ ко времени открытія коммиссіи собралось 531 человѣкъ. Изъ этого общаго числа наибольшая доля—207 чел. или 39% приходилось на долю представителей городовъ, затѣмъ 160 чел. или 30% съ небольшимъ было представителей дворянства, 78 чел. или 14%—поселянъ, 54 чел. или 10% съ лишкомъ—козаковъ и 32 чел. или 6%—инородцевъ. Въ результатѣ дворянство не только не занимало преобладающаго положенія, не составляло большинства, но и не было даже наиболѣе богато представленнымъ классомъ, уступая въ этомъ отношеніи горожанамъ. Такой составъ коммиссіи, дававшій возможность оставить представителей дворянства въ меньшинствѣ при всякомъ голосованіи, такъ какъ дѣла въ коммиссіи должны были рѣшаться простымъ большинствомъ голосовъ, не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ

императрицы и не вызвалъ въ ней особаго сочувствія. Можетъ представиться еще иной вопросъ, насколько собравшіеся въ Москвѣ депутаты были дѣйствительно представителями своихъ избирателей, насколько свободно дѣйствовали эти послѣдніе при выборѣ депутата и составленіи наказа для него и насколько то и другое могло происходить подъ давленіемъ администраціи. Въ центральныхъ, великорусскихъ областяхъ мы не знаемъ случаевъ такого давленія со стороны администраціи; оно проявлялось въ областяхъ малорусскихъ, гдѣ имѣло специфическую окраску — удержанія малороссовъ отъ всякихъ заявленій о своей независимости, почему мы и поговоримъ подробнѣе объ этихъ случаяхъ въ областной исторіи. За исключеніемъ же выборовъ въ областяхъ свобода выборовъ въ общемъ оставалась неприкосновенной.

Переходя теперь отъ порядка созыва и избранія депутатовъ въ коммиссію для составленія уложенія къ организаціи этой послѣдней, мы должны прежде всего отмѣтить, что и эта организація была предварительно создана самой императрицей и коммиссіи оставалось только дѣйствовать въ назначенныхъ ей предѣлахъ. Написанный Екатериною обрядъ управленія опредѣлялъ въ точности, какъ именно должна вести занятія свои коммиссія, а когда этихъ указаній оказалось недостаточно, императрица составила еще и новыя подъ названіемъ дополненія къ обряду управленія. Разборъ этихъ памятниковъ выяснитъ намъ, насколько успѣшно могли идти занятія коммиссіи, насколько тѣ интересы, которые мы видѣли представленными въ ней, имѣли передъ собою почву для соглашенія и взаимныхъ дѣйствій. Нельзя сказать, чтобы устройство коммиссіи отличалось особою простотой: рядомъ съ общимъ собраніемъ всѣхъ депутатовъ существовало нѣсколько частныхъ коммиссій и различныхъ и разнородныхъ по своему характеру. Одинъ изъ нихъ, какъ коммиссія дирекціонная, экспедиціонная и подготовительная, играли, такъ сказать, распорядительную роль: наиболѣе изъ нихъ важная, дирекціонная, должна была составить планъ всѣхъ частныхъ коммиссій, занятыхъ дѣломъ кодификаціи, намѣчать въ нихъ членовъ, слѣдить за ихъ работой, свѣрять составленные ими проекты законовъ съ наказомъ императрицы и исправлять ихъ, разъ въ нихъ будутъ замѣчены уклоненія отъ правилъ этого послѣдняго; другая коммиссія, экспедиціонная, обязана была производить окончательную редакцію проектовъ, собственно уже съ литературной стороны «по правиламъ языка и слога», и заботиться объ ясности изложенія, устраняя всѣ «рѣчи и слова темныя, невразумительныя и двусмысленныя»: наконецъ, коммиссія подготовительная должна была разсматривать наказы, привезенные отдѣльными депутатами, группировать ихъ и подготовлять къ чтенію въ общемъ собраніи. Помимо того, существовали частныя же коммиссіи для выработки самыхъ законопроектовъ; число ихъ впослѣдствіи дошло до 16-ти и между

ними были распредѣлены всѣ отдѣльные вопросы законодательства, начиная съ очень важныхъ и общихъ и кончая очень узкими и спеціальными. Такъ, напримѣръ, была особая коммиссія, работавшая надъ проектомъ законовъ «о среднемъ родѣ людей», не смотря на то, что была и болѣе широкая, занимавшаяся вопросомъ «о разборѣ родовъ государственныхъ жителей» или о сословіяхъ, въ составъ которыхъ входилъ, конечно, и «средній родъ людей». Во всякой частной коммиссіи сидѣло пять членовъ, избираемыхъ общей коммиссіей, но порядокъ избранія ихъ обставленъ былъ нѣкоторыми условіями и ограниченіями, благодаря которымъ избраніе могло пасть только на правительственныхъ кандидатовъ. Утвержденіе избранныхъ въ дирекціонную коммиссію, какъ наиболѣе важную, императрица предоставила самой себѣ и воспользовалась этимъ, чтобы устранить изъ этого учрежденія, долженствовавшаго направлять всю дѣятельность частныхъ коммиссій, всѣ элементы, не принадлежавшіе къ знатному и чиновному дворянству. Кандидаты же во всѣ другія коммиссіи представлялись отъ коммиссіи и отъ генералъ-прокурора, такъ что въ концѣ концовъ составъ частныхъ коммиссій, на которыхъ главнымъ образомъ лежала работа по составленію законопроектовъ, зависѣлъ преимущественно отъ воли и усмотрѣнія правительства. Въ связи съ извѣстными уже намъ симпатіями верховнаго правительства по отношенію къ дворянству это обстоятельство значительно измѣняло направленіе работъ коммиссіи, ослабляя всѣ тѣ преимущества, какія были въ рукахъ другихъ сословій, благодаря ихъ численному перевѣсу. Была въ этой организаціи еще и другая сторона, рѣзко бросающаяся въ глаза, но возникшая скорѣе вслѣдствіе неумѣлости и неопытности Екатерины и лицъ, помогавшихъ ей въ дѣлѣ составленія правилъ для коммиссіи, чѣмъ въ силу какихъ-либо опредѣленныхъ взглядовъ и вожделѣній какъ самой императрицы, такъ и вообще правительства. Эта сторона заключалась въ крайней сложности и вмѣстѣ неопредѣленности и неясности отношеній между общимъ собраніемъ и частными коммиссіями. Во-первыхъ, распорядительныя коммиссіи до крайности усложняли ходъ дѣлопроизводства: вопросъ, поднятый въ общемъ собраніи, передавался затѣмъ въ дирекціонную коммиссію и уже оттуда въ одну изъ частныхъ кодификаціонныхъ коммиссій для выработки проекта; по составленіи послѣдняго онъ шелъ обратно въ дирекціонную коммиссію, на этотъ разъ входившую уже въ разсмотрѣніе его, сличавшую его съ Наказомъ и исправлявшую согласно съ послѣднимъ или возвращавшую для такого исправленія обратно, изъ дирекціонной коммиссіи проектъ поступалъ въ экспедиціонную, гдѣ подвергался чисткѣ языкъ и слогъ его, оттуда вновь возвращался въ дирекціонную и только уже послѣ всѣхъ этихъ мытарствъ препровождался послѣднею на окончательное обсужденіе и рѣшеніе общаго собранія. Понятно, сколько вре-

мени должна была отнимать эта процедура передачъ проекта изъ одной коммиссіи въ другую черезъ неизбѣжное посредство дирекціонной коммиссіи и какъ безполезна была въ сущности эта трата времени. Во-вторыхъ, немалыя затрудненія возникали благодаря неопредѣленности отношеній общаго собранія къ частнымъ кодификаціоннымъ коммиссіямъ. Если дѣло пересылки проектовъ было обставлено уже слишкомъ строгими правилами, то дѣло составленія ихъ, наоборотъ, страдало отсутствіемъ строгой регламентаціи, т. е. послѣдней не было именно тамъ, гдѣ она была нужна наиболѣе. Въ самомъ дѣлѣ, общее собраніе занималось тѣми же самыми вопросами законодательства, что и частныя коммиссіи, но мнѣнія, высказанныя имъ по поводу этихъ вопросовъ, и даже принятыя имъ уже рѣшенія вовсе не были обязательны для спеціальныхъ коммиссій, которыя не руководились ими, а только принимали ихъ къ свѣдѣнію, «не въ наказъ, но для соображенія». Такое отсутствіе связи въ работахъ общаго собранія и частныхъ коммиссій, конечно, являлось весьма существеннымъ недостаткомъ. Наконецъ, порядокъ занятій въ самомъ общемъ собраніи устанавливался правилами «обряда управленія» въ крайне неопредѣленномъ видѣ; подробное опредѣленіе его, постановка предметовъ на обсужденіе, порядокъ самаго обсужденія, форма вопросовъ и способъ ихъ рѣшенія—все это принадлежало уже предсѣдателю коммиссіи, избираемому ею, по утверждаемому государыней. Такимъ образомъ, правда, послѣдняя получала возможность непосредственнаго и постояннаго вліянія на коммиссію черезъ своего довѣреннаго маршала, но за то успѣшный ходъ занятій коммиссіи ставился въ черезчуръ тѣсную зависимость отъ одного лица, его способностей и доброй воли.

Сводя теперь все сказанное о созывѣ депутатовъ и организаціи коммиссіи, мы придемъ къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ: свободное, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ, производство выборовъ вмѣстѣ съ сочувственнымъ откликомъ народа на предпріятіе правительства давали возможность дѣйствительнаго представленія интересовъ населенія въ коммиссіи, но отсутствіе правильной избирательной системы, а еще болѣе полное устраненіе нѣкоторыхъ сословныхъ группъ отъ дѣла выборовъ, сдѣлали такое представительство не полнымъ и не отражавшимъ въ себѣ всѣхъ интересовъ; организація коммиссіи, какъ она создана была Екатериною, гораздо болѣе имѣла въ виду обезпеченіе правительственной инициативы, чѣмъ успѣшность занятій собранія, болѣе обусловливала вліяніе императрицы, чѣмъ самодѣятельность членовъ коммиссіи и, благодаря взглядамъ государыни, доставляла искусственный перевѣсъ одному сословію—дворянству—надъ всѣми другими.

Ходъ занятій Коммиссіи. При такихъ-то условіяхъ собралась коммиссія, на которую многіе русскіе того времени и еще болѣе

иностранцы, жившіе въ Россіи, готовы были смотрѣть, какъ на начинавшую собою новую эру. 30 іюля 1767 года, «въ день.— какъ выражался завѣдывавшій англійскимъ посольствомъ Генрихъ Шпрлей.—долженствующій навсегда остаться священнымъ для Россіи», открылись въ Москвѣ засѣданія коммиссіи. Первыя засѣданія ея были посвящены тремъ дѣламъ: выбору маршала, чтенію Наказа императрицы и сочиненію титула, который собирались поднести Екатеринѣ отъ лица благодарнаго народа. Уже при избраніи маршала можно было видѣть, что депутаты готовы идти за правительственными указаніями: въ кандидаты на эту должность коммиссія избрала графовъ Ивана и Григорія Орловыхъ, а за отказомъ послѣдняго его мѣсто заступилъ графъ Захаръ Чернышевъ; полное и единодушное одобреніе встрѣтилъ равнымъ образомъ и кандидатъ, предложенный генералъ-прокуроромъ, генералъ-майоръ Александръ Ильичъ Бибиковъ. Императрица, по указанію которой, конечно, и былъ выставленъ этотъ кандидатъ, его именно и утвердила въ званіи маршала. Вслѣдъ затѣмъ втеченіе семи засѣданій общаго собранія коммиссіи читался Екатерининскій Наказъ и затѣмъ рѣшено было поднести императрицѣ титулъ «великой, мудрой, матери отечества». Всѣ эти предварительныя дѣйствія включительно до титула, построеннаго въ подражаніе тому, какой нѣкогда былъ предложенъ сенатомъ Петру I, ясно выражали вѣрноподданническое настроеніе депутатовъ. Покончивъ съ выборами, учредивъ частныя коммиссіи. общее собраніе могло приступить наконецъ къ законодательнымъ трудамъ и они начались съ восьмаго засѣданія.

Эти труды должны были привести къ созданію новаго Уложенія. Его источниками должны были служить наказъ Екатерины или Большой Наказъ, прежнія законоположенія и настоящія нужды населенія, выраженныя въ депутатскихъ наказахъ. Съ Большимъ Наказомъ депутаты ознакомились въ первыя засѣданія. но онъ, какъ мы уже знаемъ, давалъ только общіе принципы, на которыхъ должно было быть построено законодательство, да и то часто весьма туманные и неясные. Далеко не такъ легко было ознакомиться съ другими источниками будущаго Уложенія. Число указовъ, вышедшихъ со времени Уложенія Алексѣя Михайловича до созыва Екатерининской коммиссіи, доходило почти до 13.000, число наказовъ, привезенныхъ съ собою различными депутатами. равнялось 1658. Весь этотъ матеріалъ предстояло изучить, свѣрить и сличить и изъ него возвести уже зданіе новаго законодательства въ согласіи съ идеями Наказа. Само собою разумѣется. что вся эта сложная работа не могла быть произведена многолюднымъ собраніемъ въ 500 слишкомъ человѣкъ. Большая коммиссія могла лишь выработать общій планъ этой работы и указать тѣ принципы, которые должны были лечь въ основаніе новыхъ законопроектовъ, а самое созданіе послѣднихъ должна была

передать въ спеціальныя коммиссіи. На дѣлѣ однако было не такъ и краткій обзоръ дѣятельности общаго собранія лучше всего укажетъ намъ, въ чемъ заключалось главное препятствіе для ихъ успѣха. Съ восьмаго засѣданія общее собраніе по предложенію маршала приступило къ чтенію наказовъ, начавъ съ крестьянскихъ. Втеченіе 14 засѣданій прочитано было 12 крестьянскихъ наказовъ, причемъ отдѣльные депутаты дѣлали на нихъ свои замѣчанія. При всей неподготовленности генералъ-майора Бибикова къ законодательнымъ трудамъ и онъ почувствовалъ, что такъ вести занятія коммиссіи невозможно: отдѣльные наказы повторяли одни и тѣ же пункты, благодаря чему повторялись и тѣ же самыя мнѣнія со стороны депутатовъ; на прочтеніе 12 наказовъ потребовалось 14 засѣданій или 3 недѣли (общее собраніе засѣдало 5 разъ въ недѣлю), сколько же времени ушло бы на прочтеніе всѣхъ. И вотъ на 12-мъ наказѣ маршалъ оборвалъ чтеніе наказовъ и предложилъ перейти къ другому предмету, къ ознакомленію съ законами, начавъ именно съ законовъ «о правахъ благородныхъ». Слѣдующія 10 засѣданій коммиссіи и были посвящены чтенію и обсужденію законовъ о правахъ дворянства, причемъ самое чтеніе происходило безъ всякой системы. Не закончивъ этого чтенія, коммиссія, все по предложенію маршала, передала разобранные ею законы и сдѣланныя на нихъ замѣчанія въ дирекціонную коммиссію для препровожденія въ коммиссію о разборѣ родовъ государственныхъ жителей, а сама занялась чтеніемъ и обсужденіемъ законовъ о купечествѣ и продолжала заниматься этимъ на 36 засѣданіяхъ. Но и это дѣло постигла такая же участь, какъ два первыя: общее собраніе, не дочитавъ всѣхъ законовъ о купечествѣ, передало ихъ вмѣстѣ съ замѣчаніями своихъ членовъ въ дирекціонную коммиссію, которая должна была переправить ихъ въ коммиссію о среднемъ родѣ людей. Послѣ того общее собраніе перешло къ чтенію и разсмотрѣнію эстляндскихъ и лифляндскихъ привилегій. На этомъ занятіи засталъ его въ концѣ года указъ о переводѣ коммиссіи въ Петербургъ. Здѣсь занятія коммиссіи возобновились съ 18 февраля 1768 года въ такомъ же видѣ, какъ шли они и раньше: читались и обсуждались на этотъ разъ законы объ юстиціи и судопроизводствѣ и это отняло до 70 засѣданій. Наконецъ 10 іюля 1768 года въ общее собраніе поступилъ первый законопроектъ, выработанный спеціальной коммиссіей, именно проектъ о правахъ благородныхъ. Для оцѣнки его надобно замѣтить еще, что за время обсужденія въ большой коммиссіи законовъ о дворянствѣ, равно какъ и всѣхъ другихъ законовъ и крестьянскихъ наказовъ, членами ея дѣлались отдѣльныя замѣчанія, но ни разу ни одинъ вопросъ не ставился на баллотировку. Такимъ образомъ замѣчанія на законы, переданныя въ частную коммиссію, не могли служить для послѣдней указаніемъ мнѣнія большинства

собранія, а если прибавить, что дворянскіе наказы еще и совсѣмъ не разбирались въ коммиссіи, то мы увидимъ, что законопроектъ возникъ совсѣмъ не въ томъ порядкѣ, какой былъ первоначально указанъ правительствомъ. Разборъ этого проекта въ общемъ собраніи продолжался 18 засѣданій, но такъ какъ и теперь происходило только обсужденіе и не имѣлось баллотировки, которая одна могла бы указать дѣйствительное настроеніе большинства, то результатъ опять получился такой, какого только и можно было ожидать: проектъ возвратился въ частную коммиссію съ замѣчаніями, т. е. съ грудой отдѣльныхъ мнѣній, никого ни къ чему не обязывавшихъ. Общее собраніе занялось опять новымъ дѣломъ — чтеніемъ законовъ о вотчинахъ и помѣстьяхъ. При такомъ порядкѣ дѣятельность большой коммиссіи становилась, собственно говоря, совершенно безплодной и сознаніе этого, повидимому, укоренялось все болѣе и болѣе, какъ среди депутатовъ, такъ и въ правительственныхъ сферахъ. Изъ депутатовъ все меньше находилось охотниковъ говорить въ собраніи, такъ какъ эти рѣчи все равно ни къ чему ни приводили, а съ другой стороны и самыя засѣданія становятся все рѣже и съ осени 1768 года повелѣно было коммиссіи собираться всего два раза въ недѣлю вмѣсто прежнихъ пяти.

Распущеніе коммиссіи. 18 декабря 1768 года маршалъ Бибиковъ объявилъ коммиссіи указъ императрицы, которымъ въ виду начала войны съ Турціей и необходимости для служащихъ въ войскѣ депутатовъ возвратиться въ свои части, приказывалось: членовъ большаго собранія распустить по домамъ впредь до новаго созыва, а оставить только однѣ частныя коммиссіи. Прежде господствовало мнѣніе, что Екатерина воспользовалась войной лишь какъ предлогомъ, чтобы отдѣлаться отъ становившейся для нея уже неудобной коммиссіи. Еще пр. Сергѣевичъ указалъ однако неосновательность такихъ мнѣній: въ составѣ коммиссіи находилось 92 дворянскихъ депутата, служившихъ въ войскѣ, и 54 представителя казачества. Съ выбытіемъ ихъ — а оно было необходимо — коммиссія лишалась четвертой части своихъ членовъ и, понятно, не могла долѣе существовать. Что Екатерина дѣйствительно думала первоначально лишь объ отсрочкѣ засѣданій коммиссіи, а не о полномъ ея распущеніи, показываютъ позднѣйшіе указы, отсрочивавшіе еще въ семидесятыхъ годахъ собраніе коммиссіи нѣсколько разъ. Собственно распущенія коммиссіи такъ и не произошло за время царствованія Екатерины, но не произошло и вторичнаго созыва: коммиссія умерла тихо, какъ бы заставляя думать, что она еще жива. Что касается частныхъ коммиссій, то онѣ проработали еще до 1774 года.

Такимъ образомъ ближайшей и непосредственной причиной распущенія коммиссіи было начало турецкой войны. На другой отвѣтъ придется дать, если мы спросимъ, въ чемъ заключалась

причина неудачи коммиссіи. Въ самомъ дѣлѣ, она существовала 1½ года, имѣла 203 засѣданія и однако въ моментъ своего распущенія оставила очень много сырыхъ матеріаловъ для исторіи и ни одного законодательнаго проекта. Если припомнить это, то позволительно будетъ даже сомнѣваться, долго ли еще просуществовала бы коммиссія, не будь и турецкой войны: мы видѣли, по крайней мѣрѣ, что мысль объ ея безполезности уже появилась и сдѣлала нѣкоторые успѣхи. Съ этой точки зрѣнія смерть коммиссіи представляется не простою случайностью, вызванной лишь ходомъ внѣшней политики государства. Дѣло кодификаціи законовъ, для котораго была собрана коммиссія, дѣло составленія новаго уложенія ни на одинъ шагъ не подвинулось впередъ ко дню ея распущенія со времени ея созыва и въ условіяхъ, создавшихъ собою такой отрицательный фактъ, сведшихъ къ нулю всѣ результаты дѣятельности коммиссіи, надо искать и объясненія неудачи ея, какъ учрежденія. Мы видѣли тѣ широкіе планы создать совершенно новое законодательство, тѣ радужныя надежды «видѣть свой народъ столь счастливымъ и довольнымъ, сколь далеко человѣческое счастье и довольство можетъ на сей землѣ простираться», какія связывались Екатериною съ созывомъ коммиссіи для составленія Уложенія. Видѣли мы однако и то, какъ неясны, неопредѣленны, туманны были подчасъ—и нерѣдко—эти планы и надежды. Мы наблюдали далѣе тѣ условія, среди которыхъ происходили созывъ и дѣятельность самой коммиссіи, и видѣли, какимъ ограниченіямъ подвергались постепенно широкія начала, заложенныя было въ это учрежденіе. Коммиссія, долженствовавшая создать новое законодательство, составилась не изъ всѣхъ сословій и это не только съужпвало ея авторитетъ, но и мѣшало правильности ея дѣйствій. Коммиссія, представлявшая собою почти что законодательное учрежденіе, лишена была всякой самостоятельности, не могла отступить отъ буквы «обрядовъ», написанныхъ императрицей, не могла сама подпимать и ставить вопросы, не могла поправлять дѣйствій своего выборнаго маршала и такимъ образомъ въ результатѣ лица перевѣшивали учрежденіе. При такомъ положеніи коммиссія естественно ничего и не могла сдѣлать. Рядъ ошибокъ, вытекавшихъ изъ общихъ взглядовъ Екатерины, привелъ къ тому, что въ учрежденіи этомъ сведены были вмѣстѣ три совершенно несходныхъ принципа: народное представительство, неограниченное самодержавіе и самый мелочной бюрократизмъ. Результатъ въ смыслѣ неисполненія общей задачи коммиссіи былъ неизбѣженъ. Это не значитъ однако, чтобы отъ ея дѣятельности не получилось ровно никакихъ результатовъ. Не выполнивъ роли законодательнаго учрежденія, она сыграла другую роль—посредника между правительствомъ и обществомъ, сблизила первое со вторымъ, познакомила первое съ нуждами и желаніями по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ обществен-

ныхъ классовъ и освѣтила ему путь, по которому оно шло. «Коммиссія уложенія, писала сама императрица, бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣніе о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно... Стали многіе о цвѣтахъ судить по цвѣтамъ, а не яко слѣпые о цвѣтахъ»...

Общая реформа законодательства не далась правительству Екатерины, такъ какъ оно въ этомъ дѣлѣ держалось слишкомъ широкихъ принциповъ и слишкомъ узкихъ пріемовъ; кодификація не была произведена, такъ какъ думали объ общей реформѣ. Оставалась преобразовательная дѣятельность въ отдѣльныхъ вопросахъ государственной жизни, дальнѣйшее поступательное движеніе въ другихъ. Вотъ тутъ-то и пригодились указанія депутатовъ коммиссіи. Съ слѣдующей лекціи мы и приступимъ къ разбору отдѣльныхъ областей государственной жизни и отношенія къ нимъ Екатерининскаго правительства.

56-я и 57-я ЛЕКЦІИ.

Измѣненія въ администраціи.

Съ основными воззрѣніями, опредѣлявшими собою направленіе Екатерининскаго правительства въ его главныхъ и существенныхъ чертахъ, мы уже ознакомились и видѣли, что такое направленіе слагалось подъ вліяніемъ трехъ факторовъ, изъ которыхъ каждый внесъ свою долю участія въ опредѣленіе характера правительства, но которые сами были далеко не однородны по существу своему и потому не легко могли быть примирены между собою. Такими факторами являлись: 1) идейное направленіе, выросшее и развившееся на почвѣ знакомства съ умственнымъ движеніемъ, происходившимъ въ Западной Европѣ и выразившимся особенно полно и рельефно во французской философской и политической литературѣ, которое вело къ признанію неотъемлемыхъ правъ человѣческой личности въ ея государственныхъ и соціальныхъ отношеніяхъ, къ установленію ея гражданской и политической свободы; 2) политическій строй, при которомъ правительство строило свои отношенія къ обществу на началахъ неограниченнаго самодержавія и бюрократическаго управленія, и 3) существованіе извѣстной сословной группы, создавшей данное правительство и во имя того налагавшей на него обязательства по отношенію къ себѣ и своимъ интересамъ. Совпаденіе первыхъ двухъ изъ этихъ факторовъ порождало въ современной Екатеринѣ Западной Европѣ правительства, обобщаемыя подъ именемъ просвѣщеннаго деспотизма; присоединеніе къ нимъ на русской почвѣ еще третьяго условія придало этому просвѣщенному деспотизму новый и оригинальный отпечатокъ, побудило Екатерининское правительство развивать, создавать и насаждать у себя какъ разъ такія отношенія, которыя всѣми силами разрушали и уничтожали западные деспоты. Столкновеніе противоположныхъ вліяній этихъ различныхъ факторовъ не дало возможности осуществить шедшіе съ разныхъ сторонъ проекты широкихъ реформъ въ области политическаго строя и зако-

подательства. Попытка, сдѣланная частью дворянства при вступленіи Екатерины на престолъ и нашедшая себѣ выраженіе въ проектѣ Ник. Панина, произвести реформу центральнаго управленія путемъ созданія постояннаго, опредѣленнаго закономъ учрежденія и такимъ образомъ закрѣпить за высшимъ чиновнымъ классомъ его вліяніе на государственныя дѣла, осталась безрезультатной, такъ какъ она встрѣтила себѣ сильное противодѣйствіе и въ самой императрицѣ, и въ значительномъ большинствѣ дворянскихъ круговъ, ждавшихъ удовлетворенія своихъ интересовъ отъ самодержавной власти. Точно также не принесла осязательныхъ результатовъ и предпринятая самимъ правительствомъ попытка установленія законодательства на новыхъ началахъ, такъ какъ и при ея осуществленіи оно не могло отступиться отъ различныхъ тенденцій, взаимно одна другой противорѣчившихъ, и, не имѣя само необходимыхъ матеріальныхъ средствъ для достиженія поставленной цѣли, въ то же время не хотѣло предоставить большей свободы призваннаго на помощь обществу. Форма и сущность центральнаго управленія остались благодаря этому и при Екатеринѣ тѣми же, что были и раньше: и при ней «сила персонъ» значила больше, чѣмъ учрежденія, и при ней «существовали «случайные люди», общіе всѣмъ царствованіямъ въ Россіи 18-го вѣка и являвшіеся не потому, чтобы ихъ личная воля въ силу своей энергіи сламывала учрежденія, а потому, что характеръ учрежденій выдвигалъ впередъ личную волю. Равнымъ образомъ и законодательство не успѣло получить твердой и опредѣленной формы, не было перестроено по одному общему плану, на новыхъ началахъ, а продолжало существовать въ видѣ груды указовъ, взаимно другъ друга пополняющихъ и исключающихъ, отражающихъ въ себѣ различные моменты исторіи. Если такимъ образомъ совмѣстное вліяніе нѣсколькихъ факторовъ привело къ сохраненію старыхъ формъ политической жизни страны, то перевѣсъ одного изъ нихъ вложилъ въ эти формы содержаніе, хотя и не вполнѣ новое, хотя и развившееся изъ прежняго, но во всякомъ случаѣ отличавшееся отъ этого послѣдняго именно своимъ развитіемъ и опредѣленностью. Компромиссъ, происходившій между верховною властью государства и сословной группой, сажавшей на престолъ представителей этой власти, въ царствованіе Екатерины достигъ полнаго своего завершенія на почвѣ закрѣпленія новаго соціальнаго положенія дворянства. Такое закрѣпленіе создалось двумя путями — путемъ установленія общественныхъ и личныхъ правъ дворянскаго класса, причемъ первое было создано губернскими учрежденіями 1775 года, второе — жалованной грамотой 1785 года. Въ такомъ порядкѣ мы и разсмотримъ эти факты.

Губернскія учрежденія 1775 года. Если масса дворянства оставалась равнодушной къ реформамъ въ области управленія

центральнаго, то не таковы были ея взгляды по отношенію къ мѣстному управленію. По мѣрѣ того, какъ упрочивалось новое соціальное положеніе дворянскаго класса, онъ стремился отлить изъ центра въ провинцію, гдѣ сосредоточивались теперь его главнѣйшіе интересы и собрать въ своихъ рукахъ власть, достаточную для ихъ удовлетворенія. Потому-то уже въ дворянскихъ наказахъ въ коммиссію 1767 года встрѣчаются просьбы о дозволеніи дворянамъ выбирать своихъ представителей, о порученіи имъ судебныхъ и полицейскихъ функцій въ уѣздѣ и т. д. На встрѣчу этимъ-то дворянскимъ желаніямъ и пошла Екатерина въ своихъ губернскихъ учрежденіяхъ. Прежде всего самое понятіе о губерніи получило здѣсь новый смыслъ, такъ какъ прежнія 20 большихъ областныхъ единицъ, извѣстныхъ подъ этимъ названіемъ, были передѣлены на 50 новыхъ, причемъ и самыя основанія дѣленія были уже не тѣ, что прежде. Тогда какъ губерніи Петровскія были созданы по соображенію съ географическими и историческими условіями мѣстности, губерніи времени Екатерины II представляли собою характерный плодъ того времени, когда полная нивеллировка, уничтоженіе всѣхъ мѣстныхъ особенностей считалось однимъ изъ главныхъ дѣлъ разумной администраціи: онѣ представляли изъ себя округи безъ всякихъ естественныхъ или историческихъ границъ, но съ равнымъ количествомъ населенія. Въ каждой губерніи считалось отъ 400 -300 тысячъ жителей, въ каждомъ уѣздѣ отъ 30—20 тысячъ. Какъ въ учрежденіи губерній отразилась модная идея нивеллировки, такъ въ устройствѣ ихъ безъ труда можно усмотрѣть слѣды вліянія другой распространенной тогда идеи о необходимости раздѣленія властей для успѣшнаго дѣйствія государственнаго организма, съ легкой руки Монтескье обошедшей всю тогдашнюю Европу. Екатерининскія «учрежденія о управленіи губерній» дѣйствительно проводили строгое разграниченіе между органами власти административной, судебной и финансовой. Власть административно-полицейская въ губерніи находилась въ рукахъ генералъ-губернаторовъ или губернаторовъ. По первоначальному плану императрицы предполагалось поставить во главѣ всякой губерніи генералъ-губернатора или намѣстника и губернатора. Позднѣе, впрочемъ, сама Екатерина замѣтила, что генералъ-губернаторъ въ каждой губерніи при губернаторѣ является излишней роскошью и намѣстники были поставлены по одному на нѣсколько губерній, двѣ или три. При губернаторѣ существовало губернское (при намѣстникѣ — намѣстническое) правленіе, вполнѣ ему подчиненное, обязанное исполнять всѣ его распоряженія и являвшееся скорѣе его канцеляріей, чѣмъ совѣтомъ. Наблюдая за дѣйствіями всей администраціи въ губерніи, губернаторъ вмѣстѣ слѣдитъ за благосостояніемъ и порядкомъ въ послѣдней и распоряжается всѣми дѣйствіями полиціи. Ему непосредственно подчи-

ненъ и административно-полицейскія власти уѣзда въ лицѣ уѣзднаго или капитанъ-исправника съ нижнимъ земскимъ судомъ, гдѣ послѣдній предсѣдательствуетъ. Капитанъ-исправнику подчиненъ весь уѣздъ и онъ смотритъ за тишиной и порядкомъ въ немъ, принимаетъ мѣры, необходимыя для охраны населенія отъ заразительныхъ болѣзней, и т. д. Только уѣздный городъ исключенъ изъ-подъ этой власти и въ немъ мѣсто исправника заступаетъ городничій или комендантъ. Одинаковыя по кругу своихъ дѣйствій, губернскія и уѣздныя власти различаются между собою по порядку замѣщенія должностей. Тогда какъ губернское правленіе, губернаторъ и генералъ-губернаторъ назначаются отъ правительства по собственному его выбору, исправникъ и засѣдатели нижняго земскаго суда избираются уѣзднымъ дворянствомъ изъ своей среды. Рядомъ съ административными властями и совершенно отъ нихъ независимо существовали учрежденія финансовыя, какими являлись казенныя палаты въ губерніи и подчиненныя имъ губернскія и уѣздныя казначейства, вѣдавшія сборъ и распредѣленіе поступленій въ государственную казну. Ихъ личный составъ, подобно составу высшихъ губернскихъ властей, былъ чисто бюрократическаго происхожденія. Наконецъ еще отдѣльная отрасль администраціи была выдѣлена подъ именемъ Приказа общественнаго призрѣнія. Онъ вѣдалъ всѣ устроенныя въ губерніи больницы, дома сумасшедшихъ, сиротскіе дома, школы и смирительные дома, предназначенные для содержанія въ нихъ противившихся родительской власти дѣтей, людей дурнаго поведенія и непокорныхъ крѣпостныхъ. Приказъ общественнаго призрѣнія не стоялъ однако совершенно отдѣльно отъ остальныхъ губернскихъ учрежденій: членами въ немъ были судьи губернскихъ судовъ, по два отъ каждаго, а предсѣдателемъ губернаторъ. Изъ-подъ дѣйствія общихъ губернскихъ властей были исключены города, въ которыхъ въ силу городскаго положенія 1785 года дѣло управленія сосредоточивалось въ особыхъ органахъ, думахъ, какихъ являлось двѣ, общая и шестигласная. Всѣ городскіе обыватели раздѣлялись на шесть разрядовъ, границы которыхъ не были впрочемъ точно установлены, такъ какъ въ опредѣленіи разряда играло роль и происхожденіе и родъ занятій. При этомъ лица каждаго отдѣльнаго разряда записывались въ особую книгу. Важнѣе было другое дѣленіе городскаго класса на купцовъ и мѣщанъ. Купцы въ свою очередь дѣлились на три гильдіи, смотря по величинѣ добровольно объявленнаго ими капитала: первую гильдію составляли купцы, имѣвшіе не менѣе 10.000 р. капитала, вторую — не менѣе 1.000 р., третью — не менѣе 500 р.; имѣвшіе меньшій капиталъ записывались въ мѣщане. Всѣ вообще купцы не подвергались обложенію подушной податью, а платили лишь процентъ съ объявленнаго капитала, по затѣмъ гильдіи различались своими правами и это различіе было проведено отъ весьма

существенныхъ правъ до крайне ничтожныхъ мелочей, живо напоминающихъ средневѣковый бытъ. Купцы 1-й гильдіи пользовались правомъ торговли повсемѣстно въ Россіи и за границей, купцы 2-й гильдіи могли торговать только въ Россіи, купцы, записанные въ третью гильдію, только въ своемъ городѣ и уѣздѣ. Записавшіеся въ первую и вторую гильдію освобождались отъ тѣлеснаго наказанія, купцы 3-й гильдіи могли быть ему подвергнуты. Рядомъ съ этимъ существовало и такое различіе: купцы 1-й гильдіи могли ѣздить въ каретахъ, запряженныхъ парой лошадей, купцы второй гильдіи уже только въ коляскахъ парой, купцы третьей гильдіи лѣтомъ и зимой только на одной лошади и лишь весной и осенью на двухъ. Въ основаніе городскаго самоуправленія были положены однако не эти гильдіи, а тѣ шесть разрядовъ населенія, про которые я сказалъ раньше, и притомъ различіе между ними было проведено не только въ избраніи гласныхъ въ думу, но и въ самомъ порядкѣ совѣщаній послѣдней. Каждый разрядъ отдѣльно и на особыхъ началахъ избиралъ своихъ представителей въ общую думу и въ ней они и засѣдали и совѣщались отдѣльно, такъ что каждый разрядъ зналъ только свои дѣла и голоса подавались не по числу членовъ думы, а по числу разрядовъ. Общая дума собиралась только въ опредѣленные заранѣе сроки и являлась, такъ сказать, распорядительнымъ учрежденіемъ; состоявшая изъ шести ея членовъ по числу разрядовъ городскихъ обывателей шестигласная дума дѣйствовала постоянно и сосредоточивала въ себѣ власть исполнительную, исключая полицейской, принадлежавшей городничему.

Отъ учрежденій административныхъ и финансовыхъ въ губерніи, уѣздѣ и городѣ перейдемъ къ устройству суда. Въ немъ мы найдемъ еще большую сложность и дробность. Въ губерніи существовали два высшихъ судебныхъ учрежденія—палата гражданскихъ дѣлъ и палата уголовныхъ дѣлъ, представлявшія собою высшія инстанціи для всѣхъ остальныхъ судовъ. Помимо того существовали суды сословные, для каждаго сословія по два, одинъ въ губерніи и одинъ въ уѣздѣ. Для дворянъ служили верхній земскій судъ и уѣздный судъ, для горожанъ—губернскій магистратъ и городовой магистратъ, для вольныхъ хлѣбопашцевъ, т. е. однодворцевъ и крестьянъ государственныхъ, дворцовыхъ и экономическихъ—верхняя расправа и нижняя расправа. Личный составъ всѣхъ этихъ судовъ пополнялся путемъ сословныхъ выборовъ, за исключеніемъ одного случая: именно предсѣдатель нижней расправы назначался губернскимъ правленіемъ, и притомъ непремѣнно «изъ чиновныхъ людей». Изъ уѣздныхъ сословныхъ судовъ можно было аппеллировать въ губернскіе сословные же, и оттуда въ губернскія палаты. Но ни тѣ, ни другія не исчерпывали еще всей системы судебныхъ учрежденій. Въ русскомъ обществѣ, поздно принявшемъ рѣзкую сословную окраску и группи-

ровку, оставалось значительное количество лицъ, не вошедшихъ въ рамки ни одной изъ сословныхъ группъ, такъ называемыхъ разночинцевъ. Для нихъ, равно какъ для военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, временно проживающихъ въ столицахъ, учреждены были въ Москвѣ и Петербургѣ надворные суды, также состоявшіе изъ двухъ инстанцій. Наконецъ еще особый родъ дѣлъ былъ выдѣленъ въ особые суды, носившіе наименованіе совѣстныхъ. «Есть такія преступленія, говорилось въ указѣ, которые совершены по несчастному какому-нибудь приключенію, или по стеченію разныхъ обстоятельствъ, отягчающихъ судьбу виновнаго свыше мѣры имъ содѣяннаго; такія преступленія и нуждаются въ томъ, чтобы ихъ разсматривали съ особенною снисходительностью». Помимо уголовныхъ дѣлъ, возникшихъ изъ несчастной случайности, совѣстные суды разрѣшали и дѣла гражданскія, въ которыхъ однако ихъ обязанностью было только мирить стороны. Въ общемъ члены совѣстныхъ судовъ должны были, по мысли Екатерины, руководиться «человѣколюбіемъ, почтеніемъ къ особѣ ближняго, яко человѣка, отвращеніемъ отъ угнетенія и всякаго притѣсненія». Учрежденные для лицъ всѣхъ сословій, они и пополнялись выборными отъ всѣхъ же сословій.

Такова была въ общихъ своихъ чертахъ картина областнаго управленія, созданнаго учрежденіями Екатерины, если опустить еще нѣкоторыя болѣе мелкія ея подробности. Въ этихъ учрежденіяхъ прежде всего поражаетъ ихъ непомѣрная сложность, не оправдываемая даже кажущеюся на первый взглядъ стройностью. Въ самомъ дѣлѣ новыя учрежденія требовали для себя массы лицъ, приблизительно до 500 человѣкъ на каждую губернію, и уже благодаря одному этому обстоятельству расходы на нихъ значительно превышали расходы на прежнія областныя учрежденія. Тяжесть громаднаго и сложнаго механизма управленія не выкупалась его внѣшнею стройностью, раздѣленіемъ отдѣльныхъ областей управленія и установленіемъ точнаго порядка инстанцій, не выкупалась тѣмъ болѣе, что подъ этой внѣшностью скрывалось нѣчто такое, что часто обращало ея гарантіи въ одинъ пустой звукъ. Дѣйствительно, если мы перейдемъ отъ внѣшней формы къ той сущности, которая подъ нею скрывалась, отъ учрежденій къ тѣмъ интересамъ, которые въ нихъ воплощались и которымъ они служили, то для насъ ясно будетъ, какъ мало могли Екатерининскія учрежденія удовлетворить дѣйствительныя нужды населенія. Чтобы опредѣлить эти интересы, намъ стоитъ обратиться къ порядку возникновенія данныхъ учрежденій и разобрать, кто имѣнно былъ въ нихъ представленъ. На этотъ порядокъ я обращалъ ваше вниманіе уже при изложеніи самой системы губернскихъ, городскихъ и уѣздныхъ учрежденій и теперь повторю только общій фактъ. Лишь высшія губернскія административныя, финансовыя и судебныя учрежденія заполнялись чиновниками по назначенію

отъ правительства, иначе говоря, носили бюрократическій характеръ. Всѣ остальныя получали своихъ членовъ путемъ выбора отъ сословій, притомъ съ полнымъ отдѣленіемъ одного сословія отъ другаго, словомъ, имъ присуща была узко-сословная окраска. Уже одно это мало согласовалось съ тѣми идеями равенства, которыя исповѣдывала Екатерина со словъ французскихъ философовъ. съ общимъ европейскимъ движеніемъ того времени, ведшимъ къ уничтоженію сословныхъ перегородокъ. Правительство Екатерины, на словахъ раздѣляющее это движеніе, на дѣлѣ не только утверждаетъ уже существующее сословное раздѣленіе, но еще и проводитъ его до самыхъ мелкихъ разграниченій, вноситъ въ него такую мелочность, придирчивость и узкость, какія свойственны были только средневѣковымъ сословнымъ государствамъ. Я уже отчасти намѣтилъ, откуда могло пойти такое теченіе, неожиданное на первый взглядъ въ законодательствѣ императрицы, считавшей себя поклонницей Дидро, д'Аламбера и Вольтера, и его происхожденіе можетъ еще болѣе уясниться для насъ изъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія «учрежденій объ управленіи губерній». Мало того, что различныя общественныя группы были строго обособлены другъ отъ друга и замкнуты въ тѣсныя рамки исключительно сословной дѣятельности, причемъ права ихъ рѣзко разнились, даже и самое начало сословнаго самоуправленія было нарушено въ пользу одного сословія. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ дворянство и горожане пользуются судомъ, возникающимъ исключительно въ силу избранія, низшая расправа, т. е. судъ для свободныхъ сельскихъ обывателей, имѣетъ своимъ предсѣдателемъ лицо, назначенное «изъ чиновныхъ людей», стало быть изъ рядовъ дворянства, и такимъ образомъ одно сословіе получаетъ первенствующее значеніе надъ другимъ, вмѣшиваясь въ его сословныя дѣла. И этого мало. Уѣздные административно-полицейскіе органы, общіе для всего населенія уѣзда, какъ для дворянства, такъ и для класса вольныхъ хлѣбопашцевъ, избираются только первымъ изъ своей среды и, конечно, отражаютъ въ своей дѣятельности интересы и взгляды выбравшаго ихъ сословія. Въ силу этихъ условій дворянство въ судѣ, и въ администраціи получало существенный перевѣсъ, преимущественное вліяніе какъ на дѣла, общія у него съ остальными сословіями, такъ и на частныя дѣла этихъ послѣднихъ, пріобрѣтало возможность вмѣшиваться въ нихъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ свободному сельскому сословію. Если къ этому еще присоединить то обстоятельство, что дворяне на началахъ частнаго права распоряжались другой группой сельскихъ обывателей — крѣпостными крестьянами, то мы увидимъ, что при существованіи «учрежденій о губерніяхъ» дворянство явилось фактическимъ хозяиномъ и владѣльцемъ уѣзда, передъ которымъ должны были смолкать всѣ другіе интересы и котораго могли сдержать лишь высшіе бюрократиче-

скіе органы управленія. Слѣдовательно, конечнымъ результатомъ реформы мѣстнаго управленія, произведенной Екатериною, было доставленіе одному сословію господства въ ущербъ другимъ. Этотъ результатъ былъ завершенъ и докончен съ момента дарованія дворянамъ прочной сословной организаціи и особенныхъ правъ, придавшихъ послѣднюю санкцію тому долгому соціальному процессу, который происходилъ въ русской исторіи съ конца 17-го вѣка и, сопровождаемый фактами политическаго характера, привелъ къ рѣзкому раздѣленію общества и установленію полнаго господства меньшинства надъ большинствомъ. Я и перехожу теперь къ изображенію положенія отдѣльныхъ сословій, какъ вѣнцу этого процесса

Положеніе сословій.

Дворянство. Въ этомъ изображеніи я не буду останавливаться на городскомъ классѣ или, говоря языкомъ Екатерининской эпохи, на «среднемъ родѣ людей». На организацію, придапную ему законодательствомъ Екатерины, и на возникшій въ соотвѣтствіи съ этой организаціей порядокъ его самоуправленія я уже указывалъ, говоря о губернскихъ учрежденіяхъ; на тѣ причины, которыя не дали вырости прочной общественной силѣ изъ этого класса и дѣйствительному живому организму изъ его самоуправленія, я буду имѣть еще случай указать, ведя рѣчь о другихъ сословіяхъ, и потому, дорожа остающимся въ моемъ распоряженіи временемъ, ограничусь только очеркомъ положенія двухъ главныхъ сословныхъ группъ—дворянства и крестьянства въ ихъ отношеніяхъ къ государству и другъ къ другу.

Положеніе дворянства, какъ сословія, въ уѣздѣ было опредѣлено губернскими учрежденіями 1775 года. Отношеніе дворянина къ государству, его права и привилегіи, его положеніе среди другихъ сословныхъ группъ въ общемъ строѣ государственной жизни были опредѣлены другимъ, не менѣе знаменитымъ актомъ Екатерининскаго царствованія, извѣстнымъ подъ именемъ жалованной грамоты дворянству 1785 года. Происхожденіе этого акта таково: вступивъ на престолъ, имп. Екатерина нашла изданный Петромъ III манифестъ о вольности дворянской несоотвѣтствующимъ нуждамъ государства и назначила особенную коммиссію изъ нѣсколькихъ лицъ для разработки проекта по вопросу о службѣ дворянъ и ихъ правахъ. Выработанный коммиссіею и утвержденный императрицею проектъ и легъ въ основаніе жалованной грамоты 1785 года, акта, сообщавшаго новыя основанія существованію дворянства въ русской имперіи. Это существованіе держалось на двухъ основаніяхъ — службѣ и вытекавшемъ изъ нея землевладѣніи; со времени преемниковъ Петра это по-

слѣднее все болѣе стало отдѣляться отъ первой и пріобрѣтать независимый характеръ; въ то самое время, какъ служба дворянства ослабѣвала, его землевладѣльческія права упрочивались и этотъ процессъ былъ законченъ Петромъ Федоровичемъ въ его манифестѣ о вольности дворянской. Екатерининская грамота не содержала по этому предмету ничего новаго, только повторяя и подтверждая то, что сдѣлано было уже предшествующимъ императоромъ. Равнымъ образомъ заканчивала она собою и другой процессъ, шедшій въ жизни русскаго общества: дворянское землевладѣніе, соединенное съ обязательнымъ крестьянскимъ трудомъ, постепенно вырождалось въ рабовладѣніе и грамота Екатерины въ числѣ дворянскаго имущества безъ всякихъ оговорокъ называетъ и крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дворяне освобождались отъ уплаты какихъ бы то ни было личныхъ податей и такимъ образомъ дѣлались единственнымъ классомъ, не стоявшимъ ни въ какихъ обязательныхъ отношеніяхъ къ государству, не несшимъ ему никакой службы, причемъ однако всѣ тѣ права, какими они раньше пользовались во имя этой службы, и теперь въ полномъ объемѣ оставались за ними. Въ этомъ была явная и прямая непослѣдовательность. Прежде всѣ общественные классы были прикрѣплены къ службѣ государству, происходившей тѣмъ или инымъ путемъ, и государство не было сословнымъ. Дворянинъ служилъ лично и пользовался землею, а затѣмъ обязательнымъ трудомъ сидѣвшихъ на ней крестьянъ въ видѣ вознагражденія за эту службу. Теперь онъ пересталъ служить, но сохранилъ за собой и землю, и крестьянскій трудъ. Государство сдѣлалось сословнымъ, но вмѣстѣ съ этимъ одно сословіе ушло изъ государственной крѣпости, стало вполнѣ свободнымъ, а другое изъ крѣпости государственной перешло въ частную. Раскрѣпощеніе одного сословія совпало съ рабствомъ другаго, и это произошло потому, что первое успѣло стать господствующимъ факторомъ въ политической жизни страны и обратить ее въ свою пользу. Такое положеніе естественно предполагало и дальнѣйшее развитіе сословности по тому же направленію и оно дѣйствительно было дано въ другихъ постановленіяхъ Екатерининскаго времени. Дворянство было поставлено въ привилегированное положеніе по отношенію къ государственной службѣ не только въ смыслѣ освобожденія отъ нея, но и въ смыслѣ возможности бо́льшаго успѣха на ней. Въ военной службѣ дворяне имѣли предпочтеніе при производствѣ въ офицерскіе чины передъ недворянами, даже дольше ихъ служившими, въ гражданскую службу воспрещалось одно время даже принимать лицъ недворянскаго происхожденія, а правилами 1790 года было установлено рѣшительное преимущество дворянъ надъ недворянами при производствѣ въ чины. Наконецъ дворяне получили важныя привилегіи въ смыслѣ неприкосновенности ихъ личности и достоинства. Жалованная грамота опредѣляла

ихъ свободу отъ тѣлесныхъ наказаній: «тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго», говорилось здѣсь. Лишеніе дворянина его достоинства или жизни не могло состояться иначе, какъ по приговору сената, утвержденному верховною властью. Затѣмъ та же Екатерининская грамота дала послѣднюю и полную санкцію корпоративному устройству сословія. Не только всякій отдѣльный дворянинъ пользовался особыми правами въ силу своего званія, но особыя права давались и группамъ дворянства, получившимъ теперь прочную организацію. Уже губернскія учрежденія 1775 года дали дворянамъ уѣзда право выбирать себѣ предводителя, жалованная грамота распространила это право и на губернію. Черезъ каждые три года должны были происходить выборы уѣздныхъ и губернскихъ предводителей, и черезъ послѣднихъ дворянство могло доводить до свѣдѣнія верховной власти о своихъ нуждахъ и желаніяхъ. Дворянское общество дѣлалось теперь юридическимъ лицомъ, могло имѣть свое имущество, собственные капиталы, могло распоряжаться ими чрезъ своихъ выборныхъ лицъ и т. д.

Таково было положеніе, созданное для дворянства законодательствомъ Екатерины II. Множество современныхъ свидѣтельствъ выставляютъ намъ это законодательство, какъ вызванное исключительно мудростью и просвѣщеніемъ императрицы, шедшей заодно съ вѣкомъ, какъ плодъ ея либеральныхъ воззрѣній, скорѣе опередившихъ общество, чѣмъ отставшихъ отъ его развитія. По словамъ одного изъ такихъ современниковъ, Винскаго, «самое славное изъ Екатерининскихъ дѣлъ—права, данныя дворянству и городамъ»; по словамъ другаго, Болотова, «эпоха эта (когда появилось учрежденіе о губерніяхъ) была, по всей справедливости, самая достопамятная во всей новѣйшей исторіи нашего отечества и послѣдствіями своими произвела во всемъ великія перемѣны». Кн. Дашкова въ своихъ запискахъ говоритъ: «новое раздѣленіе Россіи на области, какъ первый шагъ къ введенію порядка и цивилизаціи въ такой обширной странѣ, было истинно великимъ дѣломъ Екатерины». Мих. Ал. Фонъ-Визинъ въ своихъ запискахъ, называя царствованіе Екатерины II «временемъ самымъ блистательнымъ въ нашей исторіи», такъ какъ его ознаменовали «небывалая въ Россіи до нея кротость и умѣренность въ дѣйствіяхъ верховной власти и нѣкоторое уваженіе къ законамъ», прямо прибавляетъ, что «этимъ Россія обязана была уваженію императрицы къ энциклопедистамъ и желанію быть ими прославляемой». Такихъ и имъ подобныхъ отзывовъ, повторяю, можно бы еще привести множество, но это еще не значитъ, что мы въ своей оцѣнкѣ этого историческаго явленія должны становиться на ту же самую точку зрѣнія. Стоитъ только припомнить, что эти отзывы идутъ изъ одной сферы общества, и именно отъ дворянъ, чтобы понять, какъ они естественны и какъ мало можно

ими руководиться при разсмотрѣніи значенія Екатерининскаго законодательства. Въ самомъ дѣлѣ, если мы забудемъ на минуту, что въ Россіи временъ Екатерины существовали и другіе общественные классы, другія сословія, кромѣ дворянъ, и тогда взглянемъ на касавшіеся послѣднихъ законы императрицы, то они представятся намъ, пожалуй, и законами либеральными, основанными, если не вполнѣ, то хотя отчасти, на ученіи энциклопедистовъ, проводящими его въ жизнь, хотя и съ значительными оговорками, смягченіями и искаженіями. Дѣйствительно, отмѣна унизительныхъ тѣлесныхъ наказаній, существованіе бо́льшихъ гарантій въ неприкосновенности личной чести и жизни, отмѣна принудительныхъ обязанностей по отношенію къ государству, наконецъ самоуправленіе, хотя и не проведенное съ достаточной полнотой во всѣхъ сферахъ жизни,—все это, само по себѣ взятое, представляетъ шагъ впередъ и все это мы могли бы назвать установленіями либеральными, если бы не было въ Россіи другихъ сословій. Но они были и фактъ ихъ существованія придаетъ совершенно иную окраску законодательству Екатерины. То, что мы назвали бы правами, говоря о дворянствѣ, представляется привилегіями по отношенію къ другимъ сословіямъ и чѣмъ дальше шли эти привилегіи дворянъ, тѣмъ тяжелѣе становилось положеніе всѣхъ остальныхъ классовъ общества, тѣмъ бо́льшимъ бременемъ падали на нихъ обязанности, спадавшія съ плечъ «благородныхъ». И этимъ дѣло не оканчивалось: дворянство не только пріобрѣтало себѣ исключительную свободу и исключительныя права, не только высвобождалось изъ-подъ давленія государственнаго организма, но еще и становилось господствующимъ факторомъ въ немъ, получало власть. Уже губернскія учрежденія 1775 года, расширивъ дворянское самоуправленіе за предѣлы сословія, доставили ему возможность распоряжаться дѣлами другаго сословія, и именно класса вольныхъ хлѣбопашцевъ, сдѣлали его хозяиномъ въ уѣздѣ. Позднѣйшія служебныя привилегіи, полученныя сословіемъ и открывшія ему по преимуществу передъ другими классами общества доступъ къ высокому положенію въ рядахъ войска и гражданской администраціи, довершили утвержденіе господства сословія съ другаго конца, въ то самое время, какъ расширена была и компетенція дворянскаго самоуправленія. Избранный сословіемъ дворянинъ въ званіи капитанъ-исправника управлялъ уѣздомъ съ его разнороднымъ населеніемъ, а назначенный губернскимъ правленіемъ дворянинъ—предсѣдатель нижней расправы судилъ вольныхъ хлѣбопашцевъ, въ то время, какъ въ губерніи правилъ назначенный правительствомъ губернаторъ изъ дворянъ же, а губернскіе предводители увѣдомляли верховное правительство относительно желаній и нуждъ дворянскихъ обществъ, правительство, опять-таки состоявшее изъ дворянъ. Все управленіе, въ своемъ устройствѣ построенное на двухъ различныхъ принци-

пахъ, сословномъ и бюрократическомъ, по своему личному составу дѣлалось исключительно сословнымъ и перевѣсъ въ немъ одного сословія заставлялъ его отражать въ себѣ преимущественно интересы послѣдняго. Если такимъ образомъ самоуправленіе сельскаго класса уже съ самаго начала своего попало подъ вліяніе дворянства, то и самоуправленіе городское не могло свободно развиться при тяготѣніи надъ нимъ общегосударственнаго механизма управленія, служившаго инымъ интересамъ. Дворянство пріобрѣло такимъ образомъ власть уже въ силу одного званія, сдѣлалось господствующей силой въ государственномъ организмѣ, подавляя собою другія сословія. Екатерининское законодательство, поставившее его въ такое положеніе, заимствовало, правда, свою оболочку изъ модныхъ идей о достоинствѣ и свободѣ личности, о пользѣ самоуправленія, но духъ его былъ чуждъ этихъ идей и коренился въ иномъ, въ фактическомъ преобладаніи одного сословія надъ другими. Дворянство освободилось отъ всѣхъ обязанностей по отношенію къ государству и вмѣстѣ стало управлять имъ. Теперь намъ надо обратиться къ вопросу о томъ, что изъ этого вышло, какъ воспользовалось дворянство добытыми правами и властью по отношенію къ другимъ общественнымъ классамъ.

58-я и 59-я ЛЕКЦІИ.

Крестьянство при Екатеринѣ II.

Крѣпостное право, его объемъ и предѣлы. Я перехожу теперь къ очерку положенія крестьянъ, и именно той группы крестьянства, которая находилась подъ игомъ крѣпостнаго права. Мнѣ случилось уже говорить, что крѣпостное право не только охватывало собою отношенія двухъ главныхъ соціальныхъ группъ тогдашней Россіи—дворянства и крѣпостныхъ крестьянъ, но и въ значительной степени опредѣляло положеніе и характеръ и всѣхъ остальныхъ общественныхъ группъ; теперь при разсмотрѣніи положенія крестьянства я постараюсь уяснить и это положеніе. Мы видѣли, какъ создавалось и росло крѣпостное право. Не установленное закономъ, не введенное сразу однимъ правительствомъ, оно складывалось постепенно на почвѣ недомолвокъ закона благодаря политическому преобладанію, полученному одною частью общества, понемногу подчиняя себѣ законъ. Представленіе о крѣпостномъ человѣкѣ, какъ объектѣ частной собственности, родилось и выросло на почвѣ житейской практики и лишь путемъ постепенныхъ уступокъ проникло въ законодательство, выражаясь въ рядѣ отдѣльныхъ указовъ. Это представленіе далеко не было еще обобщено, доведено до предѣловъ своихъ, но, разъ появившись, оно вело къ отрицанію прежнихъ законовъ, построенныхъ на иномъ началѣ, признававшихъ въ крестьянинѣ свободную личность и прикрѣплявшихъ его къ землѣ, а не къ помѣщику. Теперь эти законы теряли свой смыслъ, такъ какъ мѣсто государственнаго прикрѣпленія заступило частное крѣпостное право, и, не уничтоженные, не отмѣненные законодательствомъ, отступали на задній планъ, потому что при новыхъ отношеніяхъ они уже не годились. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не было никакихъ новыхъ законовъ, которые бы регулировали эти отношенія, точно опредѣляли ихъ смыслъ и обязательность для обѣихъ сторонъ. Государство предъявляло къ крѣпостному крестьянину свои требованія, заставляло его платить себѣ подати,

отбывать рекрутскую повинность, но и при этомъ не имѣло съ нимъ сношеній непосредственныхъ; отказавшись вполнѣ отъ нихъ, оно обращалось къ помѣщику и на него возлагало всю отвѣтственность за неисполненіе своихъ требованій. Тѣмъ болѣе не существовало государственнаго вмѣшательства, опредѣленнаго закономъ порядка для отношеній между крестьяниномъ и помѣщикомъ: эти послѣднія строились исключительно на началахъ частнаго права, причемъ государство брало на себя роль лишь охранителя этихъ началъ. Изъ такого положенія, изъ признанія крестьянина предметомъ частной собственности вытекли послѣдствія въ видѣ правъ помѣщика на трудъ и личность крестьянина, правъ, которыя ко времени Екатерины уже достигли полнаго своего выраженія въ наиболѣе рѣзкихъ формахъ, такъ что впослѣдствіи ихъ проявленія усиливались только количественно, тогда какъ качество ихъ оставалось уже тѣмъ же самымъ.

Прикрѣпивъ крестьянина къ землѣ, государство тѣмъ самымъ наложило на него обязательный трудъ по отношенію къ помѣщику, но при этомъ не опредѣлило ни формъ, ни размѣровъ этого обязательнаго труда. Опредѣлявшіеся до прикрѣпленія путемъ соглашенія двухъ сторонъ, они послѣ прикрѣпленія стали опредѣляться обычаемъ, а по мѣрѣ того, какъ въ этихъ отношеніяхъ въ качествѣ хозяина ихъ стала выдвигаться одна сторона и сліяніе крестьянъ съ холопами подвигалось впередъ, обращая первыхъ по отношенію къ землевладѣльцамъ въ такой же предметъ частной собственности, какимъ были вторые, и въ опредѣленіи размѣровъ и формы крестьянскаго труда стала играть значеніе только воля одной стороны, именно помѣщиковъ. Исключительно отъ воли помѣщика зависѣлъ какъ способъ, какимъ бы крестьяне выполняли на него свой обязательный трудъ, такъ и размѣры этого труда, сами крестьяне не имѣли никакого голоса въ томъ и другомъ вопросѣ, какъ не имѣло его и государство, рѣшительно отказывавшееся отъ возможности дать какое-либо постановленіе на этотъ счетъ. Когда въ 1762 году крестьяне села Русанова жаловались на своего владѣльца Евдокима Демидова, что онъ «всѣ крестьянскіе пожитки и скотъ рогатый и прочее отобралъ къ себѣ, а самихъ крестьянъ мучитъ денно и нощно, какъ мужескъ, такъ и женскъ полъ въ работахъ безъ всякаго пропитанія», то сенатъ нашелъ, что «когда они его крѣпостные, то онъ въ томъ надъ ними власть имѣетъ». Стало быть, произволъ помѣщика былъ всецѣло обязателенъ для крестьянъ въ дѣлѣ нормировки ихъ труда и единственнымъ, довольно серьезнымъ, правда, регуляторомъ этого произвола являлись существующія экономическія отношенія, такъ какъ ими опредѣлялась степень выгоды, получаемая съ имѣнія его владѣльцемъ при той или другой системѣ хозяйства. Двѣ системы господствовали въ тогдашнемъ помѣщичьемъ хозяйствѣ:

оброчная и барщинная; при первой—вся земля въ имѣніи отдавалась въ пользованіе крестьянъ и они облагались опредѣленнымъ денежнымъ оброкомъ съ каждой души въ пользу господина, при второй—въ ихъ распоряженіе поступала только часть земли, а остальную они должны были обрабатывать на помѣщика. Въ общемъ число крестьянъ, состоявшихъ на оброкѣ, было немногимъ меньше числа барщинныхъ: именно первыхъ изъ всего крѣпостнаго населенія Великороссіи было приблизительно до 44%, а вторыхъ до 56%; при этомъ въ сѣверныхъ, нечерноземныхъ губерніяхъ число оброчныхъ превышало число барщинныхъ, именно первыхъ было 55% и вторыхъ 45%. въ южныхъ, черноземныхъ наоборотъ: здѣсь крестьянъ барщинныхъ было 74% и оброчныхъ 26%. Изъ приведенныхъ цифръ и ихъ отношенія нетрудно уже видѣть, что заставляло помѣщиковъ выбирать ту или другую систему хозяйства. Тамъ, гдѣ доходъ съ земли былъ больше и вѣрнѣе, тамъ господствовала барщина; гдѣ почва была скуднѣе, менѣе обѣщала дать непосредственной прибыли, тамъ помѣщикъ сдавалъ свое имѣніе на оброкъ крестьянамъ, тѣмъ самымъ предоставляя бо́льшую свободу ихъ труду. Господство оброчной системы въ нечерноземныхъ губерніяхъ. не особенно впрочемъ и значительное, зависѣло, значитъ, по преимуществу отъ неразвитости земледѣльческой культуры и должно было падать по мѣрѣ успѣховъ послѣдней. Что касается величины самаго оброка, то она бывала весьма различна, такъ что можно установить только общія цифры. Имп. Екатерина въ своемъ Наказѣ говоритъ, что крестьяне платятъ помѣщику оброку по 1, 2 и даже по 5 рублей; въ началѣ 70-хъ годовъ одинъ изъ путешественниковъ по Россіи, именно Георги, сообщаетъ, что «обыкновенно оброкъ бываетъ отъ 1 до 5 рублей съ души: зажиточные крестьяне платятъ болѣе, чѣмъ бѣдные». За первую половину Екатерининскаго царствованія средняя величина оброка съ души равнялась 2—3 рублямъ. Но уже въ 80-хъ годахъ этотъ размѣръ значительно повысился: въ 1783 году правительство признаетъ, что «помѣщичій оброкъ или доходъ всемѣстно до 4-хъ рублей съ души простирается, большею же частію гораздо сіе количество превосходитъ», а отъ 1788 года мы имѣемъ свидѣтельство Болтина, что «съ оброчныхъ помѣщики получаютъ отъ 3 до 5 р. съ души, а въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, лежащихъ по близости столицъ и судоходныхъ рѣкъ, и по 10 рублей». Въ 90-хъ годахъ, по словамъ Шторха, средній оброкъ съ души доходилъ до 5 руб., а въ то же время были и такія мѣста, гдѣ платили по 20 руб. съ души. Такимъ образомъ величина оброка постоянно и быстро поднималась. Чтобы представить себѣ ее нагляднѣе, надо еще отмѣтить ея отношеніе къ платежнымъ средствамъ крестьянина. Средній размѣръ земельнаго надѣла на душу въ оброчныхъ имѣніяхъ равнялся 13½ десятинамъ, слѣ-

довательно при 5-рублевомъ оброкѣ каждая десятина облагалась платежемъ въ 1 р. 14 к., или перелагая на наши деньги. приблизительно въ 8 р., сумма, которая во всякомъ случаѣ превышала арендную плату за землю. Не довольствуясь нормой арендной платы, помѣщикъ бралъ больше съ крестьянъ, пользуясь своей властью. Нужно прибавить еще впрочемъ, что далеко, не всѣ помѣщики довольствовались и указаннымъ денежнымъ оброкомъ. Многіе изъ нихъ сверхъ того еще взимали оброкъ припасами въ натурѣ, а иногда требовали отъ крестьянъ и кое-какихъ работъ, и какъ далеко иногда заходили эти поборы, можетъ показать примѣръ Гуслицкой волости московскаго уѣзда. Она принадлежала первоначально къ числу государственныхъ вотчинъ и тогда 3.350 душъ крестьянъ ея вносили оброку 3.383 руб. 50 к., т. е. по 1 руб. 1 к. съ души. Въ 1762 году она была пожалована Натальѣ Лопухиной и въ 1767 г. сыновья послѣдней собирали съ крестьянъ 16.535 руб., т. е. по 5 руб. съ души; оброкъ увеличился въ 5 разъ благодаря особымъ поборамъ владѣльцевъ. Въ оброчной системѣ были свои преимущества для крестьянъ. преимущества, заключавшіяся въ большей опредѣленности поборовъ, довольно значительномъ надѣлѣ и сравнительно большей свободѣ въ распоряженіи своимъ трудомъ и вообще въ самоуправленіи. Оброчныя вотчины управлялись обыкновенно старостами или бурмистрами, которыхъ выбирали сами крестьяне. а помѣщикъ, жившій въ городѣ. только утверждалъ ихъ; такіе старосты или бурмистры подвергались контролю со стороны крестьянскаго схода, пользовавшагося значительными правами.

Хуже было положеніе крестьянъ въ имѣніяхъ. состоявшихъ на барщинѣ. Прежде всего здѣсь самый размѣръ земельнаго надѣла крестьянина былъ ниже, такъ какъ часть земли обрабатывалась на помѣщика: въ среднемъ на каждую ревизскую душу въ барщинныхъ имѣніяхъ приходилось по 8 десятинъ земли. Но это только одна сторона вопроса, другая заключалась въ размѣрѣ работъ, отбываемыхъ помѣщику барщиннымъ крестьяниномъ. Тутъ мы имѣемъ довольно богатыя и точныя свѣдѣнія благодаря слѣдующему обстоятельству. Въ 1765 году составилось въ Петербургѣ изъ нѣсколькихъ высокопоставленныхъ лицъ и крупныхъ сановниковъ «Патріотическое общество», поставившее своей цѣлью изученіе и поощреніе земледѣльчества и экономіи въ Россіи и утвержденное затѣмъ имп. Екатериной подъ именемъ «Вольнаго Экономическаго общества». Это-то общество, задумавъ ознакомиться съ положеніемъ помѣщичьяго хозяйства, разослало въ провинціи къ прокурорамъ вопросы, въ числѣ которыхъ былъ и вопросъ о размѣрахъ барщины. Полученные отвѣты рисуютъ довольно полную и точную картину барщины: наиболѣе господствовавшей оказалась трехдневная барщина, но не вездѣ. Прокуроръ алатыр-

ской провинціи, напримѣръ, писалъ, что нѣкоторые владѣльцы при хорошей погодѣ заставляютъ крестьянъ «безпрестанно на себя работать, а какъ весь ихъ хлѣбъ собранъ и сѣно скошено и сметано будетъ въ стоги, то уже тогда крестьянамъ даютъ на себя работать». Благодаря такой системѣ крестьянское хозяйство падало, по словамъ того же лица, «по причинѣ непрестанныхъ работъ и большихъ поборовъ господскихъ». Такой же порядокъ существовалъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ арзамасской провинціи и указанія на него идутъ еще и изъ другихъ мѣстностей. Въ елецкой провинціи крестьяне работали на владѣльца четыре дня въ недѣлю, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ рязанской—по четыре и даже по пяти, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ арзамасской—тоже по пяти. По словамъ Петра Ив. Панина, человѣка вполнѣ благонадежнаго, державшагося строго консервативныхъ взглядовъ въ крестьянскомъ вопросѣ, помѣщики обременяютъ крестьянъ поборами и работами «не только превосходящими примѣры ближнихъ заграничныхъ жителей, но частенько выступающими и изъ способности человѣческой». По-видимому размѣръ барщинныхъ работъ также повышался съ теченіемъ времени къ концу царствованія Екатерины, какъ и размѣръ оброка. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что въ 60-хъ годахъ крестьяне тяготились трехдневной барщиной и волновались при слухахъ, что помѣщикамъ велѣно требовать отъ нихъ только двухъ дней работы въ недѣлю, а вотъ что говоритъ одинъ изъ современниковъ, Болотовъ, въ 80-хъ годахъ: «пахотныхъ крестьянъ повинность состоитъ—работать на помѣщика въ каждой недѣлѣ 3 дня чрезъ весь годъ; таковая работа признается отъ крестьянъ умѣренною, и жалобъ и роптанія на таковаго помѣщика не бываетъ. Другіе помѣщики заставляютъ работать на себя 4 дня въ недѣлѣ, но таковыхъ меньше». Отправленіемъ барщины еще не оканчивались всѣ повинности крестьянъ: какъ крестьяне оброчные помимо уплаты денежнаго оброка платили еще его натурой и исправляли нѣкоторыя работы, такъ барщинные уплачивали еще нѣкоторые сборы въ пользу помѣщика хлѣбомъ, масломъ, птицей, медомъ, пряжей, грибами, ягодами и т. д., и въ томъ случаѣ, если помѣщикъ не жилъ самъ въ вотчинѣ, доставляли всѣ эти припасы къ нему въ городъ. Иногда такіе сборы имѣли внѣшній видъ справедливости: помѣщикъ давалъ, напр., крестьянину корову и обязывалъ его поставлять каждый годъ 20 фунт. масла; но дѣло въ томъ, что жива была эта корова затѣмъ или нѣтъ, это уже помѣщика не касалось, въ его представленіи она оставалась «безсмертной» и налогъ долженъ былъ идти постоянно. Пашенной работой и разнообразными поборами не исчерпывались еще формы эксплуатаціи крестьянскаго труда помѣщиками. Послѣдніе, обходя указъ Петра I, не дозволявшій обращать обыкновенныхъ крѣпостныхъ въ фабричныхъ рабочихъ, стали устраивать у себя въ деревняхъ фабрики и это злоупотребленіе было обращено въ право жалованною грамотой

1785 г., дозволившей устройство такихъ фабрикъ дворянамъ. Положеніе такихъ крестьянъ было хуже сравнительно съ земледѣльцами: иногда они, правда, пользовались своимъ надѣломъ и работали на фабрикѣ только три дня, иногда же обращались въ постоянныхъ фабричныхъ рабочихъ, получавшихъ жалованье; во всякомъ случаѣ, даже если они и не отрывались окончательно отъ земли, трудъ, который они несли на фабрикѣ, былъ утомительнѣе и вреднѣе труда земледѣльческаго и крестьяне крайне имъ тяготились. Если сравнить теперь повинности барщинныхъ крестьянъ въ ихъ среднемъ размѣрѣ съ повинностями оброчныхъ, то мы увидимъ, что первыя были значительно тяжелѣе: цѣна рабочаго дня въ первую половину царствованія Екатерины равнялась для конпаго работника 10 к., для пѣшаго — 5 коп., къ концу царствованія она благодаря паденію цѣнности денегъ поднялась вдвое. По этому разсчету ревизская душа работала въ первую половину Екатерининскаго царствованія на 7—8 р., во вторую на 14—16 р., или по крайней мѣрѣ вдвое болѣе противъ того, что платили состоявшіе на оброкѣ крестьяне. При этомъ крестьяне барщинные пользовались меньшимъ земельнымъ надѣломъ и находились въ большей зависимости отъ власти помѣщика, не по закону, конечно, а на практикѣ. Въ виду всего этого ихъ положеніе было несравненно тяжелѣе, ихъ трудъ гораздо болѣе подвергался эксплуатаціи со стороны помѣщика. Нужно еще добавить, что иногда такая эксплуатація переходила уже въ обезземеленіе крестьянъ, обращавшихся въ батраковъ, поденщиковъ на помѣщичьей землѣ. Такіе случаи рѣдки еще, правда, въ царствованіе Екатерины, но къ концу его число ихъ начинаетъ расти. Радищевъ, напр., въ своемъ «Путешествіи изъ Петербурга въ Москву» разсказываетъ про одного помѣщика, который отнялъ у крестьянъ «всю землю, скотину всю у нихъ купилъ по цѣнѣ, какую самъ опредѣлилъ, заставилъ работать всю недѣлю на себя, а дабы они не умирали съ голоду, то кормилъ ихъ на господскомъ дворѣ, и то по одному разу въ день, а нимъ давалъ изъ милости мѣсячину». Другой помѣщикъ, по его словамъ, также отнялъ у крестьянъ землю и «всѣхъ ихъ, жепъ ихъ и дѣтей заставилъ во всѣ дни работать на себя. А дабы они не умирали съ голоду, то выдавалъ онъ имъ опредѣленное количество хлѣба, подъ именемъ мѣсячины извѣстное. Тѣ, которые не имѣли семействъ, мѣсячины не получали, а, по обыкновенію лакедемонянъ, пировали вмѣстѣ на господскомъ дворѣ, употребляли въ мясоѣдъ пустыя щи, а въ посты и постные дни — хлѣбъ съ квасомъ. Слѣдственно, у таковыхъ узниковъ не было ни коровы, ни лошади, ни овцы, ни барана. Дозволеніе держать ихъ господинъ у нихъ не отнималъ, по способы къ тому. Кто былъ позажиточнѣе, кто былъ умѣреннѣе въ нищѣ, тотъ держалъ нѣсколько птицъ, которыхъ господинъ иногда биралъ

себѣ, платя за нихъ цѣну по своей волѣ». Такихъ свидѣтельствъ и еще имѣется нѣсколько. Крестьяне генеральши Толстой, напримѣръ, жаловались императрицѣ, что ихъ гоняютъ на барщину, не освобождая даже по воскресеньямъ и самымъ большимъ праздникамъ. Одинъ изъ помѣщиковъ и вмѣстѣ ученый агрономъ Екатерининской эпохи въ своемъ наказѣ приказчику говоритъ: «есть такіе строгіе (помѣщики), что крестьянамъ своимъ одного дня на себя работать не даютъ, а, давая всѣмъ ихъ семействамъ мѣсячный провіантъ, употребляютъ ихъ безъ изъятія въ господскія работы повседневно». Такимъ образомъ принудительная эксплуатація крестьянскаго труда помѣщиками доходила до обращенія крестьянъ въ рабочій инвентарь имѣнія, подобно скоту, лишала послѣднихъ всякой возможности распоряжаться своимъ временемъ и силами. Но это было уже все-таки явленіемъ исключительнымъ, не успѣло еще войти въ нравы. Болотовъ, разсказывая тоже про подобныхъ владѣльцевъ, которые «хотятъ, чтобъ крестьяне ихъ безпрестанно на нихъ работали и собственности у себя никакой не имѣли», прибавляетъ однако: «но таковые очень рѣдки и признаются отъ всѣхъ вообще за чудовищныхъ и презрительныхъ выродковъ въ природѣ».

Если однако «мѣсячники» были сравнительно еще рѣдкимъ явленіемъ; если эксплуатація массы крестьянства, даже барщиннаго, рѣдко переходила въ полное приниженіе личности крестьянина, въ сравненіе его со скотомъ, то изъ среды всего крестьянства, какъ барщиннаго, такъ и оброчнаго, выдѣлялся классъ, не имѣвшій никакого самостоятельнаго хозяйства и состоявшій изъ личныхъ слугъ помѣщика подъ названіемъ дворовыхъ Классъ этотъ пополнялся путемъ отрыванія крестьянъ отъ пашни, по большей части въ молодыхъ годахъ, и перевода въ барскій домъ и путемъ рожденія: лишь въ рѣдкихъ случаяхъ дворовые или ихъ дѣти сажались на пашню, и обыкновенно это дѣлалось въ видѣ наказанія при господской немилости. Дворовыхъ держали такъ много, что число ихъ поражало иностранцевъ. Послѣдніе говорили, что въ другихъ странахъ не могутъ себѣ и представить этой восточной роскоши, «что въ русскомъ помѣщичьемъ домѣ втрое или впятеро больше слугъ, чѣмъ въ такомъ же нѣмецкомъ; а о домахъ вельможъ и говорить нечего». Дѣйствительно, въ богатыхъ домахъ того времени бывало 200, 300 и болѣе дворовыхъ людей, и этотъ классъ постепенно все увеличивался: въ концѣ Екатерининскаго царствованія изъ помѣщичьей же среды слышатся жалобы, что исчезла прежняя умѣренность жизни, что теперь молодые помѣщики заводятъ «не малое число оффиціантовъ и ливрейныхъ служителей». Дворовые не несли податей въ пользу государства, помѣщики складывали съ нихъ эту повинность на остальныхъ крестьянъ, такъ что увеличеніе этого класса непосредственно увеличивало и тяжесть положенія крестьянства вообще. Обя-

занности же дворовыхъ по отношенію къ господину были весьма разнообразны: помимо непосредственнаго прислуживанія они составляли въ каждомъ домѣ цѣлый штатъ домашнихъ ремесленниковъ и мастеровыхъ, въ домахъ недостаточныхъ—менѣе, въ богатыхъ—болѣе сложный; тутъ были и сапожники, и портные, и кузнецы, слесаря, плотники, и повара, и парикмахеры и т. д. Прислуживаніемъ и ремеслами не исчерпывались еще занятія дворовыхъ; и искусства получали изъ ихъ среды своихъ адептовъ и представителей. Богатые и даже просто состоятельные помѣщики обучали своихъ дворовыхъ музыкѣ, составляли изъ нихъ оркестры и хоры и даже труппы актеровъ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ актрисы по большей части должны были не только увеселять барина своей игрой, но и дарить свои ласки по его приказанію ему или кому другому. Иногда наконецъ дворовымъ давалось ихъ господами уже не только артистическое, но настоящее серьезное воспитаніе и они занимали видное положеніе по своимъ талантамъ; напримѣръ, одинъ изъ чрезвычайно популярныхъ въ то время литераторовъ и композиторовъ, Матинскій былъ крѣпостнымъ человѣкомъ гр. Ягужинскаго и учился на его счетъ сперва въ Россіи, потомъ въ Италіи. Понятно однако, какъ мало можно было считать подобные факты благодѣяніемъ крѣпостнымъ со стороны ихъ владѣльцевъ: во-первыхъ, послѣдніе дѣлали это лично для себя, чтобы имѣть возможность воспользоваться потомъ знаніями крѣпостныхъ, изъ корысти, рѣже изъ честолюбія, а во-вторыхъ для человѣка, успѣвшаго умственно развиться, его жалкое положеніе безправнаго раба должно было представляться еще болѣе тяжелымъ, чѣмъ прежде. Въ общемъ среди дворни, при ея многочисленности, было много почти совсѣмъ праздныхъ людей и трудъ ихъ не эксплуатировался, пожалуй, такъ сильно, какъ трудъ крестьянъ, но за то онъ подвергался полному произволу помѣщика, совершался иногда въ созданной послѣднимъ возмутительной обстановкѣ. Достаточно будетъ указать одинъ случай. Графиня Салтыкова, жена воспитателя в. кн. Александра Павловича держала у себя въ спальнѣ въ клѣткѣ крѣпостнаго парикмахера, чтобы никто не могъ узнать, что она носитъ паринъ. «Три года, разсказываетъ Массонъ въ своихъ «Мемуарахъ», прожилъ онъ въ этомъ заточеніи и, когда вышелъ оттуда на свѣтъ, то страшно было глядѣть на него». Онъ успѣлъ бѣжать изъ этой ужасной тюрьмы, но гр. Салтыкова немедленно принялась разыскивать его и только имп. Александръ, извѣщенный полиціей о предшествовавшей судьбѣ парикмахера, запретилъ эти розыски, приказавъ однако успокоить графиню заявленіемъ, будто трупъ ея дворового найденъ въ Невѣ. Этотъ случай приводитъ уже насъ и къ вопросу о распоряженіи личностью крестьянина со стороны помѣщика, и мы сейчасъ къ нему и перейдемъ, но раньше сгруппируемъ тѣ данныя относительно

положенія крестьянскаго труда, которыя я только что сообщилъ. Крестьяне, жившіе на землѣ, дѣлились на двѣ почти равныя группы оброчныхъ и барщинныхъ. Экономическое положеніе тѣхъ и другихъ представляется болѣе или менѣе обезпеченнымъ, у первыхъ болѣе, чѣмъ у вторыхъ; повинности первыхъ также вдвое почти меньше, чѣмъ вторыхъ. Надъ ними стоитъ пополняющаяся изъ обоихъ разрядовъ группа дворовыхъ, трудъ которыхъ болѣе легокъ, но обстановка его очень тяжела, завися отъ господскаго каприза, и экономическое положеніе очень шатко. Вообще повинности не могли быть названы легкими, такъ какъ даже оброкъ превышалъ арендную плату за землю, но помимо того они обнаруживали постоянную тенденцію къ возвышенію и за 30 лѣтъ царствованія Екатерины поднялись болѣе, чѣмъ вдвое, причемъ это возвышеніе совершалось какъ путемъ непосредственнаго повышенія размѣра сборовъ съ крестьянъ, такъ и путемъ увеличенія числа дворовыхъ. Такое повышеніе повинностей стояло въ непосредственной связи съ развивавшимся среди дворянства вкусомъ къ роскоши и иногда - правда, рѣдко, лишь на крайнихъ своихъ ступеняхъ—доходило до обезземеленія крестьянъ и обращенія ихъ въ рабовъ, трудящихся на плантаціяхъ. Таковы были послѣдствія отсутствія опредѣленія размѣровъ обязательнаго крестьянскаго труда на пользу владѣльца, послѣдствія, затрогивавшія главнымъ образомъ именно помѣщика и крѣпостныхъ, позволявшія первому погружаться въ роскошь, увеличивая степень эксплуатаціи крестьянскаго труда. То обстоятельство, что не были опредѣлены и формы этого труда, имѣло еще и другое значеніе: помѣщикъ всѣ продукты, начиная съ хлѣба и кончая какими-нибудь желѣзными издѣліями вырабатывалъ самъ, пуская еще ихъ и въ продажу. Не только онъ самъ не нуждался поэтому въ свободномъ трудѣ, но еще и забивалъ послѣдній, конкуррируя съ нимъ на рынкѣ произведеніями труда крѣпостнаго. Въ результатѣ этого городское населеніе, не будучи въ состояніи выдержать такой конкурренціи, слабѣло и бѣднѣло и какъ служебныя привилегіи дворянства дали ему въ руки административную власть надъ другими сословіями и подавили городское самоуправленіе, такъ находившійся въ его распоряженіи крѣпостной трудъ подрывалъ экономическое благосостояніе свободнаго городскаго населенія и не далъ послѣднему возможности развиться въ живую и энергическую общественную силу. Купцы и фабриканты могли соперничать съ дворянами только на почвѣ того же крѣпостнаго труда, и дѣйствительно они съ нея и не сходили. Мало того: всѣ сословія при Екатеринѣ, не исключая и казенныхъ крестьянъ, стремились имѣть своихъ крѣпостныхъ и дѣйствительно, путемъ различныхъ обходовъ законовъ, получали ихъ. Такимъ образомъ фактъ существованія ничѣмъ неограниченнаго крѣпостнаго труда сдѣлалъ всю Россію страной крѣпостнической, распространилъ

по ней общія экономическія условія, подорвалъ благосостояніе свободныхъ классовъ общества, не владѣвшихъ крѣпостными.

Теперь намъ предстоитъ изучить другую сторону крѣпостнаго права, именно отношенія помѣщика къ личности крестьянина, какъ они существовали въ законѣ и на практикѣ. Прежде всего помѣщикъ могъ передвигать эту личность куда угодно. Съ уничтоженіемъ различій между помѣстьями и вотчинами, съ обращеніемъ первыхъ въ частную собственность уничтожалось и запрещеніе Уложенія переводить крестьянъ, такъ какъ оно касалось только перевода изъ помѣстья въ вотчину; Петръ I постановилъ, чтобы такіе переводы совершались лишь съ дозволенія камеръ-коллегіи, но это постановленіе въ 1762 г. было «ко удовольствію владѣльцевъ» отмѣнено сенатомъ, и съ тѣхъ поръ для перевода требовалось только заявленіе сборщикамъ податей, позднѣе земскому суду, но не согласіе этихъ учрежденій. Помѣщики широко и пользовались этимъ закономъ, переселяя иногда крестьянъ тысячами съ мѣста на мѣсто. Помимо того широко развилась торговля крѣпостными съ землею и безъ земли, торговля, которой давало широкое подспорье данное податнымъ классамъ Петромъ дозволеніе ставить за себя рекрутъ. Людей толпами выводили на рынокъ и продавали семьями и въ одиночку, разлучая родителей съ дѣтьми и, хотя и рѣже, женъ съ мужьями; наиболѣе сильный спросъ существовалъ въ этой торговлѣ на красивыхъ дѣвушекъ. Установились и рыночныя цѣны на этотъ товаръ: при покупкѣ имѣній ревизская душа при началѣ царствованія Екатерины цѣнилась въ 30 р., къ концу царствованія цѣнность ея поднялась до 100 р. и выше; въ отдѣльной продажѣ за человѣка, годнаго въ рекруты, платили 100 руб. въ первые годы царствованія, а въ послѣдніе до 400 р.; цѣна дѣвушки, смотря по ея мастерству, колебалась отъ 25—80 рублей. Въ жизни своихъ господъ крѣпостные раздѣляли всю судьбу другихъ товаровъ: случалось, ихъ вымѣнивали на собакъ или проигрывали въ карты. Они не были даже особенно дорогимъ товаромъ сравнительно, напр., съ собаками. Хорошіе борзые щенки иногда продавались тогда по 3.000 р., стало быть, за цѣну, равную цѣнѣ 120 дѣвушекъ. «Бываютъ такіе негодяи, разсказываетъ бывшій въ Россіи при Екатеринѣ венгерецъ Савва Текели, которые ставятъ на карту своего крѣпостнаго и проигрываютъ его». Человѣческая личность въ такихъ отношеніяхъ уже отсутствовала; на сцену являлась только вещь, какъ бы въ насмѣшку называемая еще ревизскою душою.

Нѣчто среднее между продажей крѣпостныхъ и ихъ наказаніемъ представляла ссылка ихъ въ Сибирь по волѣ помѣщика. Данное еще Елизаветой Петровной помѣщикамъ право ссылать своихъ крѣпостныхъ на поселеніе было въ 1765 г. измѣнено ими. Екатериной на право ихъ «людей своихъ, по продерзостному состоянію заслуживающихъ справедливое наказаніе» ссылать въ

каторгу и по усмотрѣнію даже брать ихъ обратно, такъ что государственный характеръ этой мѣры, если онъ и имѣлся раньше, исчезъ уже совершенно, уступивъ мѣсто исключительно частному элементу. Но это право наказанія на дѣлѣ обратилось въ рукахъ дворянъ въ одну изъ наиболѣе выгодныхъ формъ торговли людьми: помѣщики незадолго до рекрутскаго набора отправляли въ ссылку старпковъ и людей, негодныхъ къ работѣ, получали за нихъ зачетныя рекрутскія квитанціи и затѣмъ продавали послѣднія по настоящей цѣнѣ, получая такимъ образомъ за больнаго или старика цѣну здороваго человѣка, тогда какъ ссылаемые подвергались всѣмъ ужасамъ долгаго пути, суроваго сибирскаго климата и тяжелой работы. Подобная операція благодаря своей выгодности приняла очень широкіе размѣры: по словамъ одного изъ способнѣйшихъ администраторовъ того времени, новгородскаго губернатора Сиверса, за годъ одного набора войско потеряло отъ 7—8000 хорошихъ солдатъ «и я могу сильно сомнѣваться, прибавляетъ онъ, дошла ли въ Сибирь хоть четверть этого огромнаго числа». Академику Палласу при его путешествіи по Сибири пришлось видѣть такихъ сосланныхъ и наблюдать ихъ жизнь и въ своихъ запискахъ онъ оставилъ описаніе послѣдней. «Крестьяне, отдаваемые дворянами въ зачетъ рекрутъ, принимаются отъ нихъ безъ всякой отвѣтственности», говоритъ онъ. «Я видѣлъ больныхъ, увѣчныхъ, безумныхъ, уже давно женатыхъ, но бездѣтныхъ и значительное число старыхъ и посѣдѣлыхъ людей, совершенно неспособныхъ къ продолженію потомства. Еще менѣе можно оправдать то, что безчеловѣчные и корыстолюбивые помѣщики отрываютъ многихъ пожилыхъ отцовъ отъ ихъ многочисленныхъ семей, даже отъ ихъ женъ, и одиноких отсылаютъ въ эту злополучную страну. Тѣ, которые наконецъ забываютъ оставленныхъ женъ и дѣтей, часто принуждены, чтобы имѣть помощницу въ домашнихъ и полевыхъ работахъ, жениться на несчастныхъ женщинахъ и такимъ образомъ по необходимости дѣлаться виновными въ многоженствѣ». Такъ охотно и безъ всякаго контроля предоставляя свои услуги въ распоряженіе помѣщиковъ для наказанія крѣпостныхъ, правительство, конечно, не требовало себѣ тѣмъ болѣе никакого контроля надъ наказаніями, носившими домашній характеръ. Помѣщикъ былъ воленъ наказывать крѣпостнаго, какъ и чѣмъ хотѣлъ, пока онъ самъ не желалъ обратиться къ правительству, а въ этомъ случаѣ послѣднее налагало свое наказаніе. Сохранившіеся журналы и наказы помѣщиковъ знакомятъ насъ съ этою стороною крѣпостнаго быта Безъ тѣлесныхъ наказаній никто почти не умѣлъ обойтись въ ту эпоху, даже наиболѣе гуманные и образованные люди были убѣждены въ ихъ необходимости и употребляли ихъ. Болотовъ, напр., разсказываетъ о самомъ себѣ такой фактъ: заподозривши своего крѣпостнаго въ кражѣ, «посѣкши его немного, посадилъ

я его въ цѣпь, въ намѣреніи дать ему посидѣть въ ней нѣсколько дней и потомъ повторять сѣченіе понемногу нѣсколько разъ, дабы оно было ему тѣмъ чувствительнѣе, а для меня менѣе опасно, ибо я никогда не любилъ драться слишкомъ много». Послѣ такого чувствительнаго и неопаснаго наказанія человѣкъ этотъ черезъ нѣсколько времени опять попался въ кражѣ и на этотъ разъ заблаговременно удавился, опасаясь, по словамъ самого же помѣщика, «чтобъ ему не было за то какого истязанія». Но это фактъ отдѣльнаго наказанія. Любопытнѣе общія правила, установлявшіяся помѣщиками для своихъ имѣній. Въ 1751 г. подобныя правила были составлены гр. П. А. Румянцовымъ, тогда еще молодымъ офицеромъ, для управляющаго его имѣній. Въ этихъ правилахъ является цѣлая цѣпь наказаній, начиная съ денежныхъ штрафовъ отъ 2 к. до 5 р. и кончая батогами въ разныхъ количествахъ: за ругань приказывается взыскивать 10 к., «за бой безъ знаку» полагается штрафъ въ 25 к., на три дня «заключать въ цѣпь» и въ случаѣ сильныхъ побоевъ высѣчь батогами; «буде же окровянитъ»—50 коп. штрафу и наказаніе батогами. За самую малую кражу предписывалось взять все имѣніе виновнаго на господина, а самого его отдать въ рекруты, даже не сообщая ничего помѣщику. Въ качествѣ военнаго человѣка Румянцовъ высоко ставилъ дисциплину; поэтому за оскорбленіе всякаго изъ вотчинныхъ и сельскихъ начальниковъ полагалось особенно строгое наказаніе, а за обиду, нанесенную дворянину, виновнаго сѣкли батогами по желанію обиженнаго, «пока тотъ доволенъ будетъ», и сверхъ того брали штрафу 2 рубля. Самое посѣщеніе церкви и благоговѣніе къ службѣ церковной обусловливалось штрафами и наказаніями: за непосѣщеніе церкви по праздникамъ взимался штрафъ въ 10 коп., за шумъ въ ней— 2 копѣйки штрафу. Но всѣ эти строгія наказанія, всѣ эти штрафы и батоги по самымъ пустяшнымъ поводамъ являются однако совершеннымъ пустякомъ, дѣтскою шалостью передъ постановленіями неизвѣстнаго автора «Журнала домоваго управленія», относящагося въ 1763 — 65 гг. Этотъ неизвѣстный помѣщикъ оказывается крайне щедрымъ на удары; розги раздаются у него тысячами, плети сотнями и притомъ за проступки, которые даже нельзя назвать этимъ именемъ. Такъ, напр., одну дворовую женщину за какую-то вину велѣно было «именемъ и отчествомъ не звать, а звать всѣмъ трусихой и лживицей; а ежели кто ее именемъ и отчествомъ назоветъ, того сѣчь розгами по 5.000 нещадно». Дворовые, отпущенные на оброкъ и находившіеся въ ученьѣ въ Москвѣ, должны были являться каждое воскресенье на поклонъ къ господамъ, а въ случаѣ неисполненія этого получали по 1.000 ударовъ розгами. И этотъ господинъ заботился объ исполненіи христіанскихъ обязанностей его дворовыми: «ежели кто который годъ не будетъ говѣть, пишетъ онъ въ своемъ жур-

налѣ,—того плетьми, а которые не причастятся, тѣхъ сѣчь розгами, давая по 5.000 разъ пещадно». Такимъ образомъ наказанія, и притомъ самыя ужасныя, грозили крѣпостному не за одни его отношенія къ помѣщику: они охватывали собою всю его жизнь, въ самыхъ деликатныхъ ея проявленіяхъ, и господинъ, сообразно со своими понятіями и нравами, съ помощью плетей и розогъ направлялъ его прямо въ царствіе небесное. На первый взглядъ могло бы показаться, что такія безчеловѣчныя наказанія, граничившія съ истязаніемъ, должны бы были предотвращаться собственнымъ интересомъ помѣщика, которому неудобно было надолго терять рабочую силу. Но предусмотрительный помѣщикъ не упустилъ изъ виду и этого обстоятельства и предупредилъ его не менѣе остроумной мѣрой, какъ и предъидущія. «Впредь ежели кто изъ людей нашихъ—читаемъ мы дальше въ его журналѣ—высѣчется плетьми на дровняхъ, дано будетъ 100 ударовъ, а розгами дано будетъ 17.000, таковымъ болѣе одной недѣли лежать не давать, а которымъ дано будетъ плетьми по полусотнѣ, а розгами по 10.000, таковымъ болѣе полунедѣли лежать не давать же»; пролежавшимъ долѣе не давалось столоваго запаса и дѣлался у нихъ изъ жалованья соотвѣтственный вычетъ за пропущенные дни. Къ такимъ картинамъ комментаріи, конечно, излишни.

Гдѣ здѣсь кончалось наказаніе и гдѣ начиналось истязаніе, трудно сказать. Немудрено и то, что многія изъ подобныхъ истязаній кончались смертью жертвъ помѣщичьяго произвола, въ большинствѣ случаевъ остававшейся безнаказанной. Законъ не предоставлялъ помѣщику права надъ жизнью и смертью крестьянъ, но благодаря тому, что съ одной стороны не было установлено никакихъ гарантій для защиты личности крестьянина отъ безчеловѣчныхъ наказаній, а съ другой администрація, которая могла бы наблюдать за помѣщиками, въ большинствѣ состояла изъ дворянъ же и не имѣла особенной охоты вступаться за крѣпостныхъ противъ своей братьи, фактически такое право оказывалось въ рукахъ помѣщиковъ и они пользовались имъ, не подвергаясь при этомъ особенно большому риску. Черезъ все царствованіе Екатерины идетъ длинный рядъ случаевъ звѣрскихъ истязаній крѣпостныхъ и по преимуществу дворовыхъ, истязаній, часто кончавшихся смертью лицъ, имъ подвергавшихся, но рѣдко вызывавшихъ разслѣдованіе дѣла и энергическія дѣйствія со стороны администраціи. Изъ этого мрачнаго мартиролога наиболѣе выдается своими ужасными подробностями знаменитое дѣло Дарьи Салтыковой, прозванной въ народѣ Салтычихой. Начало дѣйствій ея относится еще ко времени Елизаветы Петровны: въ 1756 году Салтыкова овдовѣла и начала самостоятельно распоряжаться своимъ имѣніемъ, подмосковнымъ селомъ Троицкимъ, живя то въ немъ, то въ самой Москвѣ. Съ этого же времени начинается и рядъ произведенныхъ ею истязаній: за самыя мелкія провинности,

вродѣ нечисто вымытыхъ половъ, или бѣлья, сыпались жестокія наказанія розгами, плетями, батогами; помѣщица сама участвовала въ этихъ истязаніяхъ, забивала мужчинъ и дѣвушекъ на смерть палкой и кнутомъ, жгла ихъ раскаленными щипцами, обливала кипяткомъ и т. д. Останавливаться на всѣхъ подробностяхъ этой ужасной картины было бы слишкомъ отвратительно, достаточно сказать, что крестьяне обвиняли Салтыкову въ убійствѣ 75 человѣкъ, слѣдственная же коммиссія обвинила ее въ убійствѣ 38 человѣкъ и оставила въ подозрѣніи по убійству 26 человѣкъ, и всѣ эти убійства совершились втеченіе всего 6 лѣтъ, съ 1756 по 1762 годъ. Двадцать одинъ разъ начиналось дѣло объ ея подвигахъ, и всѣ эти разы она успѣвала прекратить его съ помощью своихъ связей и задариванія администраціи, пока наконецъ нѣсколько челобитныхъ, поданныхъ ея дворовыми императрицѣ, не сдѣлали невозможнымъ дальнѣйшее скрываніе. По раскрытіи всѣхъ преступленій Салтыковой сенатъ приговорилъ ее къ наказанію кнутомъ и ссылкѣ на каторгу въ Нерчинскъ, но Екатерина измѣнила этотъ приговоръ, постановивъ лишить Салтыкову дворянскаго званія, выставить ее на одинъ часъ въ Москвѣ къ позорному столбу съ надписью «мучительница и душегубица» и затѣмъ посадить въ подземную тюрьму въ одномъ изъ московскихъ женскихъ монастырей. Если сравнить это наказаніе уличенной убійцы по крайней мѣрѣ 38 человѣкъ съ тѣмъ, что крестьяне за неизвѣстныя провинности по одному слову помѣщика отправлялись на каторжныя работы, то нельзя не подивиться его мягкости. Но это было еще самое суровое наказаніе для помѣщика, убившаго или замучившаго своего крѣпостнаго, въ царствованіе Екатерины: другіе отдѣлывались еще легче, иногда даже однимъ церковнымъ покаяніемъ. Старыя статьи Уложенія 1649 г., грозившія помѣщику смертью за убійство крестьянина, вышли изъ употребленія вмѣстѣ со всѣми постановленіями Уложенія по отношенію къ крестьянамъ, новыхъ правительственныхъ указовъ на этотъ счетъ не выходило и подобныя дѣла рѣшались съ помощью искусственно притягиваемыхъ къ нимъ законовъ и личной воли императрицы въ каждомъ данномъ случаѣ, а громадное количество ихъ и совсѣмъ не выплывало на свѣтъ.

Такимъ образомъ, какъ на почвѣ экономической крѣпостное право во времена Екатерины II вело къ все усиливавшейся эксплуатаціи труда и имущества крестьянина помѣщикомъ, такъ на почвѣ личныхъ отношеній между ними оно создавало необузданный помѣщичій произволъ, не щадившій ни здоровья, ни чести, ни самой жизни крѣпостныхъ, обрушивавшійся преимущественно на дворовыхъ и остававшійся въ большинствѣ случаевъ безнаказаннымъ.

Отношеніе крестьянства къ крѣпостному праву. Какъ же

относилось къ этимъ фактамъ, вытекавшимъ изъ крѣпостнаго права, само крестьянство? Протестъ противъ нихъ съ его стороны шелъ втеченіе всего царствованія Екатерины, то усиливаясь, то ослабѣвая, смотря по обстоятельствамъ, и выражаясь въ различныхъ формахъ. Наиболѣе изъ нихъ распространенною было бѣгство, уходъ отъ жестокаго помѣщика или же и совсѣмъ изъ границъ имперіи. Не смотря на строгіе указы противъ бѣглыхъ, нѣсколько разъ повторявшіеся при Екатеринѣ, бѣгство не уменьшалось, а напротивъ все увеличивалось, по мѣрѣ того, какъ росла тяжесть крѣпостнаго ига. Бѣжали крестьяне и на западъ, въ Польшу, и на югъ, на Кавказъ и на вольныя мѣста. По словамъ дворянскихъ наказовъ въ Коммиссію Уложенія, въ Польшѣ изъ одной смоленской губерніи было болѣе 50.000 душъ бѣглыхъ обоего пола и тѣ же наказы рельефно вскрываютъ причины этого явленія: по словамъ ихъ, крестьяне «всячески не токмо помѣщиковъ, но и самую природную свою сторону безстрашно порицаютъ: во первыхъ неволю, потомъ подушный платежъ, такожъ отъ рекрутскихъ наборовъ разлуку съ семьями ихъ, мостовыя и прочія казенныя безъ заплаты работы, а сверхъ того клевещутъ и на господскія тяглы» (т. е. барщину). Десятками тысячъ считались бѣглые крѣпостные крестьяне и въ Лифляндіи, еще больше ихъ было на югѣ, массами скрывались они въ разныхъ мѣстахъ самой Россіи и ни правительство, ни помѣщики никакими мѣрами строгости не могли остановить этого движенія. Но помимо этого, хотя и грознаго для помѣщиковъ, но пассивнаго средства обороны крестьяне прибѣгали и къ болѣе активнымъ. Первымъ изъ такихъ было убійство помѣщиковъ. Выведенные изъ терпѣнія истязаніями жестокихъ господъ крестьяне иногда сами прибѣгали къ насилію и убивали обидчика: такія явленія были не рѣдки: съ 1764 по 1769 годъ въ одной московской губерніи убійства крѣпостными господъ были совершены въ 27 имѣніяхъ; всего убито было 21 помѣщикъ и 9 помѣщицъ, да еще совершено 5 неудачныхъ покушеній на жизнь господъ. Любопытно замѣтить, что убійства помѣщиковъ совершались по преимуществу дворовыми, т. е. тѣми изъ крестьянъ, которые наиболѣе подпадали подъ дѣйствіе барскаго произвола. Эти убійства являлись, стало быть, главнымъ образомъ, защитой своей личности отъ истязаній, часто даже защитой своей жизни. Для протеста болѣе общаго, направленнаго на измѣненіе коренныхъ условій ихъ быта, крестьяне имѣли средство въ волненіяхъ, носившихъ по преимуществу характеръ отказа помѣщику въ повиновеніи. Уже указъ Петра III, даровавшій вольность дворянству, вызвалъ глухое броженіе въ крестьянскихъ умахъ. Дворяне переходили съ этимъ указомъ на положеніе частныхъ лицъ, освобождались отъ своихъ обязанностей по отношенію къ государству; естественно казалось вмѣстѣ съ этимъ рушиться и крѣпостной зависимости крестьянъ.

имѣвшей первоначально чисто государственное значеніе, и крестьяне ждали указа о своемъ освобожденіи отъ помѣщиковъ; когда же такого указа не послѣдовало, стали сами отказывать въ послушаніи владѣльцамъ. При воцареніи Екатерины на престолъ, по ея собственнымъ словамъ, волновалось до 150.000 монастырскихъ и помѣщичьихъ крестьянъ. Они были усмирены съ помощью войска, но это не прекратило совершенно волненій. Съ 1762 по 1769 годъ волненія постоянно вспыхивали то въ одной, то въ другой мѣстности Россіи и обыкновенно взволновавшіеся крестьяне требовали присоединенія ихъ къ дворцовымъ или государственнымъ имѣніямъ, но по большей части скоро и подчинялись высланнымъ противъ нихъ войскамъ, хотя иногда происходили и стычки, въ результатѣ которыхъ бывало иногда нѣсколько десятковъ убитыхъ и раненыхъ. Происходили такія волненія обыкновенно въ одномъ имѣніи и не распространялись за его предѣлы. По мѣрѣ того однако, какъ крестьянамъ приходилось разочаровываться въ своихъ надеждахъ на освобожденіе или на улучшеніе своего положенія, по мѣрѣ того, какъ крѣпостное право развивалось, выражаясь въ усиленіи экономическаго гнета и личнаго произвола, въ сердцахъ крѣпостныхъ накипало все болѣе ненависти и наконецъ послѣ короткаго затишья 1770—73 гг., когда намъ неизвѣстны волненія, она вырвалась наружу яркимъ потокомъ въ Пугачевщинѣ. Пугачевскій бунтъ былъ поднятъ собственно не крѣпостными, а козаками, но, когда послѣдніе увидѣли, что они затѣяли черезчуръ смѣлое дѣло для собственныхъ силъ, они призвали на помощь крестьянское населеніе. Когда Пугачевъ вынужденъ былъ отступить отъ Оренбурга, руководители возстанія разослали по Уралу, среди фабричныхъ крестьянъ воззванія, въ которыхъ говорилось: «дворянство обладаетъ крестьянами, но хотя въ законѣ Божіемъ и написано, чтобъ они крестьянъ такъ же содержали, какъ и дѣтей, но они не только за работника, но хуже почитали собакъ своихъ, съ которыми гонялись за зайцами... и такъ крестьянъ работою утрудили, что и въ ссылкахъ того никогда не бываетъ, да и нѣтъ»... и обѣщалось избавленіе отъ этихъ работъ. Заводскіе крестьяне толпами стекались въ полчища Пугачева. Разбитый подъ Казанью Михельсономъ, онъ 18 іюля переправился черезъ Волгу съ 500 человѣкъ войска и 31 іюля обнародовалъ такой манифестъ: «Жалуемъ симъ именнымъ указомъ съ монаршимъ и отеческимъ нашимъ милосердіемъ всѣхъ находившихся прежде въ крестьянствѣ и въ подданствѣ помѣщиковъ быть вѣрноподданными собственно нашей коронѣ, и награждаемъ древнимъ крестомъ и молитвою, головами и бородами, вольностію и свободою вѣчно козаками, не требуя рекрутскихъ наборовъ, подушныхъ и прочихъ денежныхъ податей, владѣніемъ землями, лѣсными, сѣнокосными угодіями и рыбными ловлями и соленными озерами безъ покупки и безъ оброку».

Насколько вѣрно угаданы были въ этомъ манифестѣ желанія крѣпостныхъ, показали послѣдствія. Уничтоженіе крѣпостнаго права, отмѣна рекрутчины и податей, дарованіе земли,—все это поставило на ноги всѣхъ крѣпостныхъ и черезъ нѣсколько дней вся западная сторона Волги была въ огнѣ, а козацкій бунтъ окончательно превратился въ крестьянское возстаніе, въ главѣ котораго стали давніе враги правительства—раскольники, замѣнившіе теперь свой прежній политическій лозунгъ соціальнымъ. Самъ Пугачевъ прекрасно игралъ свою роль. «Я вамъ законный императоръ, говорилъ онъ напримѣръ въ Саратовѣ, жена моя увлеклась на сторону дворянъ, и я поклялся передъ Богомъ истребить ихъ всѣхъ до единаго. Они склонили ее, чтобы всѣхъ васъ отдать имъ въ рабство, но я этому воспротивился, и они возненавидѣли меня, подослали убійцъ, но Богъ меня спасъ». Сообразно поставленной цѣли возстаніе приняло чисто соціальный характеръ: Пугачевское правительство отдало приказаніе истреблять всѣхъ дворянъ и по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ ихъ во время Пугачевщины погибло 1572 чел. обоего пола. Дворяне трепетали и ждали грозы на себя по всей Россіи, даже въ самой Москвѣ, гдѣ крѣпостные уже не скрывали своихъ чувствъ. Болотовъ говоритъ, что въ Москвѣ «ждали, что при самомъ отдаленнѣйшемъ еще приближеніи Пугачева къ ней вспыхнетъ въ ней пламя буйства и народнаго мятежа». «Холопи и фабричные—разсказываетъ другой современникъ—и вся многочисленная чернь московская, шатаясь по улицамъ, почти явно оказывала буйственное свое расположеніе и приверженность къ самозванцу».

Возстаніе не достигло однако своей цѣли и подробности его подавленія слишкомъ извѣстны, чтобы на нихъ стоило останавливаться. Цѣлыя рѣки народной крови залили разгорѣвшееся было пламя возстанія и на нѣсколько времени подавили самую возможность всякихъ волненій. Но едва прошло 4 года и волненія снова начинаются и хотя рѣже, чѣмъ прежде, повторяются однако до конца царствованія императрицы Екатерины.

Крестьяне такимъ образомъ протестовали противъ крѣпостнаго права всѣми средствами, находившимися въ ихъ распоряженіи, и ясно поставили какъ свой идеалъ, такъ и ближайшія свои цѣли: этимъ идеаломъ было полное освобожденіе отъ крѣпостнаго права, ближайшими цѣлями уничтоженіе тѣхъ крайностей крѣпостнаго права, которыя ставили ихъ въ такое тяжелое положеніе, сравненіе помѣщичьихъ крѣпостныхъ съ государственными крестьянами, т. е. опредѣленіе закономъ правъ помѣщика на ихъ трудъ и личность.

60-я ЛЕКЦІЯ.

Крестьянство (окончаніе).

Отношеніе общества и правительства къ крестьянскому вопросу. Развившись до крайнихъ своихъ положеній, вызывая противъ себя рѣзкій протестъ массы крестьянства, крѣпостное право подверглось нападеніямъ еще и съ другой стороны. Мысль, пробуждаемая знакомствомъ съ идейнымъ движеніемъ, шедшимъ на Западѣ, зашевелилась и породила критическое отношеніе къ существующему порядку жизни и въ тѣхъ самыхъ кругахъ, которые имъ пользовались. Если раньше, въ концѣ 17-го вѣка, отдѣльныя попытки реформы въ положеніи крестьянъ исходили, какъ у кн. В. В. Голицына, по преимуществу изъ государственныхъ началъ и стремленій, то теперь, когда государство нашло другой выходъ изъ своего затруднительнаго положенія въ дарованіи перевѣса одному сословію надъ всѣми другими, въ обществѣ поднималось и росло движеніе въ пользу крестьянства во имя правъ крестьянина, какъ человѣка, движеніе, поддерживаемое съ одной стороны отрицательными фактами самой жизни, съ другой примѣромъ Запада въ его литературѣ и исторіи. Дѣйствительно, усвоиваемыя русскимъ обществомъ изъ французской просвѣтительной литературы идеи такъ мало мирились съ той дѣйствительностью, въ которой существовало крѣпостное право, что неизбѣжно вели къ проектамъ если не уничтоженія послѣдняго, то по крайней мѣрѣ реформы его.

Исходя изъ этихъ идей, сама Екатерина первоначально держалась либеральныхъ взглядовъ въ крестьянскомъ вопросѣ и они нашли себѣ отраженіе во многихъ ея произведеніяхъ. Въ «Наказѣ» императрица, правда, повторяетъ замѣчаніе Монтескье: «не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ», но подъ вліяніемъ того же самаго писателя она признаетъ за необходимость по крайней мѣрѣ ограничить проявленія господскаго произвола и поставить этотъ послѣдній въ строгія границы закона. «Какого бы рода покорство ни

было, пишетъ или, вѣрнѣе, переводитъ изъ Монтескье Екатерина,— надлежитъ, чтобы законы гражданскіе съ одной стороны злоупотребленіе рабства отвращали, а съ другой стороны—предостерегали бы опасности, могущія оттуда произойти». Крѣпостное право, стало быть, не должно быть только охраняемо закономъ во всей своей неприкосновенности, послѣдній обязанъ и ограничивать его дѣйствіе. Не ограничиваясь установленіемъ этого общаго положенія, императрица идетъ дальше и указываетъ, что именно можетъ сдѣлать законъ для крѣпостныхъ, какія стороны крѣпостнаго права должны подвергнуться ограниченію. Припоминая законъ Петра Великаго, по которому приказывалось лишенныхъ разсудка или жестокихъ помѣщиковъ отдавать подъ опеку, она говоритъ: «по первой статьѣ сего указа чинится исполненіе, а послѣдняя для чего безъ дѣйства осталася, неизвѣстно». Но еще чаще, чѣмъ въ прямомъ мучительствѣ, произволъ помѣщика можетъ разыгрываться на почвѣ эксплуатаціи крестьянскаго труда и Екатерина не обходитъ и этой стороны вопроса: «весьма бы нужно было, по ея словамъ, предписать помѣщикамъ закономъ, чтобы они съ бо́льшимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы». «Законы, говоритъ она въ другомъ мѣстѣ, опять прямо заимствуя его у Монтескье, — могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества». Ограниченіе закономъ правъ помѣщика на личность, имущество и трудъ крестьянина, правъ, бывшихъ на практикѣ почти безграничными и приводившихъ къ полному произволу, — вотъ чего требовала Екатерина въ своемъ «Наказѣ» и нужно еще прибавить, что въ первоначальной редакціи его, не подвергшейся еще урѣзкамъ со стороны лицъ, бывшихъ его цензорами, эти требованія были формулированы значительно точнѣе и подробнѣе. Екатерина желала тамъ устройства суда для крѣпостныхъ крестьянъ изъ среды ихъ самихъ же, установленія размѣра суммы, за которую могъ бы выкупиться всякій крестьянинъ и наконецъ освобожденія изъ рабства крѣпостной семьи, если одна изъ ея женщинъ подвергнется изнасилованію со стороны господина. Таковы были взгляды Екатерины на крестьянскій вопросъ въ началѣ ея царствованія. Не помышляя объ уничтоженіи тяготѣвшаго надъ крестьянами ига, она указывала на необходимость его ограниченія путемъ закона, на нужду въ охранѣ человѣческой личности, которая въ ея сознаніи должна бы быть вполнѣ свободной, а на дѣлѣ подвергалась всѣмъ ужасамъ рабства. Хотя тѣ формы, въ какихъ Екатерина выразила свои взгляды и желанія, и были ею заимствованы у Монтескье, мы можемъ думать, что она искренно была убѣждена въ истинѣ этихъ взглядовъ, тѣмъ болѣе, что она проявляла привязанность свою къ нимъ и другими путями. Основанное въ 1765 году Вольное Экономическое Общество въ концѣ того же года получило подписанное

буквами И. Е. письмо, въ которомъ ему предлагался на разрѣшеніе вопросъ, въ чемъ должно заключаться имущество крестьянина. Члены общества не догадались однако, кто скрывается подъ этими иниціалами, и не обратили вниманія на поставленную имъ задачу, пока въ слѣдующемъ году не получили втораго письма отъ того же корреспондента, но на этотъ разъ съ предложеніемъ объявить конкурсъ на данную тему: «въ чемъ состоитъ собственность земледѣльца, въ землѣ ли его, которую онъ обрабатываетъ, или въ движимости и какое онъ право на то или другое для пользы общенародной имѣть можетъ», и съ присоединеніемъ 1.000 червонцевъ на необходимые расходы. Не догадаться и теперь о неизвѣстномъ корреспондентѣ было, конечно, невозможно и общество поспѣшило исполнить его желаніе и объявить конкурсъ. При такихъ взглядахъ императрицы въ первое время, при ея готовности обсуждать мѣры къ измѣненію положенія крестьянъ, ее, конечно, должны были сильно раздражать крѣпостническія стремленія, обнаруживаемыя различными сословіями, и мы дѣйствительно знаемъ, что высказанныя, напр., въ Коммиссіи Уложенія разными классами желанія имѣть крѣпостныхъ вызывали рѣзкое неудовольствіе Екатерины. Въ одной изъ своихъ записокъ, относящихся къ этому времени, она писала: «если крѣпостнаго нельзя признать персоною, слѣдовательно, онъ не человѣкъ, но его скотомъ извольте признавать, что къ немалой славѣ и человѣколюбію отъ всего свѣта намъ приписано будетъ. Все, что слѣдуетъ о рабѣ, есть слѣдствіе сего богоугоднаго положенія и совершенно для скотины и скотиною дѣлано». Слѣдовательно, выраженные въ Наказѣ взгляды Екатерины, хотя они и были навѣяны французской литературой, хотя въ наиболѣе крупныхъ своихъ чертахъ они были даже прямо заимствованы у Монтескье, тѣмъ не менѣе представляютъ изъ себя и достояніе самой императрицы, служа отраженіемъ ея либеральнаго настроенія въ крестьянскомъ вопросѣ.

Такое настроеніе было присуще не одной только Екатеринѣ. Его раздѣляли съ нею многіе изъ окружавшихъ ее людей, точно также думавшихъ, что крѣпостное право необходимо должно подвергнуться ограниченіямъ. Новгородскій губернаторъ Сиверсъ писалъ, что «неограниченное рабство погубитъ государство» и давалъ императрицѣ такіе совѣты: «пусть в. в. ограничитъ чрезмѣрную власть помѣщика, пусть, по крайней мѣрѣ, господинъ не будетъ имѣть права безъ судебнаго разбирательства наказывать людей своихъ кнутомъ (что почти равняется смертной казни)... установите, чтобы крѣпостной, семья котораго состоитъ изъ двухъ или трехъ душъ мужскаго пола, могъ выкупиться хоть за 500 р.». Тѣ же желанія высказывали и нѣкоторые другіе члены Екатерининской администраціи. Графъ Н. Панинъ подалъ императрицѣ записку, въ которой предлагалъ ограничить «безпре-

дѣльную» власть помѣщика надъ крестьяниномъ, установивъ закономъ норму повинностей, какія послѣдній долженъ отбыть въ пользу перваго. Такою нормой, по его мнѣнію, могли служить 4 дня въ недѣлю барщины или 2 р. оброка съ души. Въ обществѣ раздавались и другіе, гораздо болѣе смѣлые голоса, выставлявшіе даже цѣлую программу рѣшенія крестьянскаго вопроса. Конкурсъ, объявленный по настоянію императрицы Вольно-Экономическимъ Обществомъ, вызвалъ присылку 162 сочиненій, которыя всѣ по необходимости, разрѣшая поставленный имъ вопросъ, затрогивали и вообще крѣпостное право. Лишь 7 изъ нихъ, впрочемъ, принадлежало авторамъ русскимъ, и наиболѣе выдающимся изъ послѣднихъ былъ состоявшій при Академіи въ должности переводчика Полѣновъ. Онъ въ своей работѣ считалъ необходимымъ уничтожить «производимый человѣческой кровью безчестный торгъ», утвердить за крестьяниномъ землю и движимое имѣніе, обезпечить его личность отъ посягательствъ со стороны помѣщичьяго произвола учрежденіемъ сельскаго крестьянскаго суда, наконецъ опредѣлить точно повинности крѣпостныхъ по отношенію къ владѣльцу. «Количество сбираемыхъ натурою податей, говоритъ онъ, не должно быть такъ увеличено, чтобы крестьянамъ приходить отъ того въ бѣдность, но уставить десятую или другую какую часть со всѣхъ отъ земледѣлія происходящихъ плодовъ». Эта работа, одна изъ лучшихъ, полученныхъ обществомъ, не была однако въ свое время напечатана, такъ какъ, по заявленію комитета общества, въ ней находятся «многія надъ мѣру сильныя и по здѣшнему состоянію неприличныя выраженія». Въ коммиссіи для составленія Уложенія равнымъ образомъ нѣкоторые депутаты говорили о необходимости измѣненій въ положеніи крестьянства, въ данное время слишкомъ обременительномъ. Депутатъ козловскаго дворянства Григорій Коробьинъ указывалъ на то, что побѣги крестьянъ зависятъ отъ тяжелаго положенія ихъ, а послѣднее въ свою очередь вытекаетъ изъ неограниченной власти помѣщика, могущаго отнять у крѣпостнаго все его имѣніе или же раззорить его требованіями непосильной работы. Поэтому Коробьинъ указывалъ на необходимость утвержденія за крестьянами правъ собственности на ихъ имущество и опредѣленія ихъ повинностей точнымъ закономъ и эти его требованія нашли себѣ энергическую поддержку со стороны нѣсколькихъ депутатовъ изъ однодворцевъ, государственныхъ крестьянъ и козаковъ. Рѣшительнымъ сторонникомъ ограниченія крѣпостнаго права путемъ общаго закона выступилъ и депутатъ отъ шляхетства екатеринославской провинціи, Яковъ Козельскій, доказывавшій, что при существующемъ порядкѣ многіе помѣщики раззоряютъ своихъ крестьянъ и «число таковыхъ едва-ль не умножается».

Такимъ образомъ съ разныхъ сторонъ шли голоса людей, убѣждавшихъ правительство и общество въ необходимости огра-

ниченій для крѣпостнаго права, указывавшихъ на несообразность «безпредѣльной» власти помѣщиковъ и на вредъ, который она приноситъ. Обсужденіе этого вопроса велось и на иной почвѣ, болѣе широкой, въ произведеніяхъ литературныхъ. Именно сатирическая литература временъ Екатерины особенно охотно останавливалась на изображеніи отрицательныхъ сторонъ крѣпостнаго права, поскольку она могла это дѣлать, не возбуждая противъ себя гоненія, и иногда даже переступая эти границы. Въ сатирическихъ журналахъ постоянно встрѣчались статьи, посвященныя описанію жестокостей и произвола дурныхъ помѣщиковъ, тяжело отражающихся на ихъ крестьянахъ. Наиболѣе зрѣлымъ плодомъ мысли русскаго общества по крестьянскому вопросу явилось сочиненіе Радищева «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», напечатанное въ 1790 году, но затѣмъ запрещенное и арестованное. Авторъ его въ яркихъ краскахъ представляетъ картину современнаго ему состоянія крѣпостныхъ, необезпеченность ихъ личности, чести, имущества, самой жизни, приводитъ случаи неимовѣрной жестокости и эксплуатаціи со стороны помѣщиковъ, разсказываетъ о продажѣ людей въ одиночку, но не довольствуясь всѣмъ этимъ, идетъ далѣе, смѣло ставитъ свои общія положенія и дѣлаетъ изъ нихъ практическіе выводы. «Можетъ ли — спрашиваетъ онъ — государство, гдѣ двѣ трети гражданъ лишены гражданскаго званія и частью въ законѣ мертвы, назваться блаженнымъ? Можно ли назвать блаженнымъ гражданское положеніе крестьянина въ Россіи?» Конечной цѣлью своихъ требованій онъ ставитъ сообразно съ этимъ полное освобожденіе крестьянъ и надѣленіе ихъ землею, но, не разсчитывая, что такая реформа удастся сразу, предлагаетъ рядъ переходныхъ мѣръ, ведущихъ къ ограниченію крѣпостнаго права: такими мѣрами, по его мнѣнію, могутъ служить запрещеніе помѣщикамъ обращать крестьянъ въ дворовыхъ, утвержденіе крестьянскаго имущества, установленіе сельскаго суда и дозволеніе выкупа.

Таковы были требованія, которыя подсказывала сама жизнь, доведшее до крайнихъ своихъ проявленій крѣпостное право, и которыя проникали въ сознаніе общества подъ вліяніемъ съ одной стороны волненій крестьянства, съ другой знакомства съ западной философіей. Въ наиболѣе полномъ своемъ выраженіи эти требованія сходились съ тѣми, какія предъявляли сами крѣпостные, говорили о необходимости освобожденія и по крайней мѣрѣ въ настоящемъ о необходимости гарантій для личности, имущества и труда крестьянина. Само собою разумѣется, что при томъ дѣйствительномъ положеніи, какое мы видѣли раньше, эти требованія, шедшія изъ одной части общества, въ другой, представлявшей собою громадное большинство, встрѣчались крайне враждебно и подозрительно. Уже Наказъ имп. Екатерины встрѣтилъ рѣзкую критику со стороны лицъ, на просмотръ которымъ онъ

былъ отданъ, и особенно со стороны извѣстнаго поэта Сумарокова. Между нимъ и императрицей завязалась даже какъ бы полемика въ своемъ родѣ, такъ какъ на возраженія Сумарокова Екатерина представила свои. По поводу того мѣста Наказа, гдѣ говорилось объ ограниченіи произвола помѣщиковъ въ дѣлѣ суда надъ крѣпостными, Сумароковъ написалъ: «Добрые господа всѣ судьи слугамъ своимъ, и отдать это лучше на совѣсть господамъ, нежели на совѣсть слугамъ». «Богъ знаетъ, развѣ по чинамъ качества считать», отвѣтила на это Екатерина. Подмѣтивъ общую либеральную тенденцію Наказа и его стремленіе къ освобожденію, Сумароковъ разразился горячей защитой крѣпостнаго права: «Сдѣлать русскихъ крѣпостныхъ людей вольными нельзя, писалъ онъ: скудные люди ни повара, ни кучера, ни лакея имѣть не будутъ, и будутъ ласкать слугъ своихъ, пропуская имъ многія бездѣльства, дабы не остаться безъ слугъ и безъ повинующихся имъ крестьянъ, и будетъ ужасное несогласіе между помѣщиками и крестьянами, ради усмиренія которыхъ потребны многіе полки, и непрестанная будетъ въ государствѣ междоусобная брань, и вмѣсто того, что нынѣ помѣщики живутъ покойно въ вотчинахъ (и бываютъ зарѣзаны отчасти отъ своихъ, прибавила императрица), вотчины ихъ превратятся въ опаснѣйшія имъ жилища; ибо они будутъ зависѣть отъ крестьянъ, а не крестьяне отъ нихъ». Угрожая такою страшной будущностью, поэтъ вмѣстѣ съ тѣмъ утверждалъ, что при данномъ положеніи «помѣщики крестьянъ, а крестьяне помѣщиковъ очень любятъ, а нашъ низкій народъ никакихъ благородныхъ чувствій еще не имѣетъ». «И имѣть не можетъ въ нынѣшнемъ состояніи», замѣтила на это Екатерина.

Дѣйствія Вольно-Экономическаго Общества тоже показывали, на чьей сторонѣ большинство. Большинство членовъ общества было противъ напечатанія всѣхъ либеральныхъ трудовъ на заданную тему, а трудъ Полѣнова такъ и остался непапечатаннымъ. Равнымъ образомъ и въ Коммиссіи Уложенія рѣчи Коробьина, Козельскаго и ихъ единомышленниковъ вызвали рѣзкій протестъ со стороны крѣпостниковъ, выражавшихъ даже опасенія, какъ кн. М. М. Щербатовъ, чтобы благодаря ограниченію власти помѣщиковъ «не развратились отъ начальныхъ основаній правленія, не вкоренилось бы умствованіе равенства, до самой крайности дошедшаго» или, какъ депутатъ Лопухинъ, чтобы не произошло «разрушеніе тѣхъ основаній», на которыхъ держится государство. Но какъ изъ либераловъ далеко не всѣ доходили до мысли о необходимости полнаго освобожденія, какъ ихъ можно раздѣлить на людей, стремившихся къ такому идеалу, и на другихъ, имѣвшихъ въ виду лишь ограниченіе помѣщичьяго произвола, но не уничтоженіе крѣпостнаго права, такъ и консерваторы въ крестьянскомъ вопросѣ были окрашены различными оттѣнками. Одни изъ нихъ, болѣе просвѣщенные, отстаивая крѣпостное право въ его цѣ-

ломъ, не находили однако возможнымъ защищать наиболѣе жестокія его крайности вродѣ продажи людей въ розницу и безъ земли. Самъ кн. Щербатовъ, выразившій готовность видѣть революцію въ скромныхъ планахъ Коробьина, говорилъ по поводу такой торговли: «Обратимъ взоры наши на человѣчество и устыдимся объ одномъ помышленіи дойти до такой суровости, чтобы равный намъ по природѣ сравненъ былъ со скотами и по одиночкѣ былъ продаваемъ... Я, конечно, не сомнѣваюсь, что почтенная коммиссія узаконитъ запрещеніе продавать людей поодиночкѣ безъ земли». Суровый поэтъ-крѣпостникъ Сумароковъ также рѣзко возставалъ противъ крайнихъ злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ, заставляя напр., въ одномъ изъ своихъ произведеній синицу, прилетѣвшую изъ-за моря, такъ разсказывать про заморскіе обычаи:

Съ крестьянъ тамъ кожи не сдираютъ,
Деревень на карты тамъ не ставятъ,
За моремъ людьми не торгуютъ...

или восклицая въ другомъ по поводу этой торговли:

Ахъ! должно-ли людьми скотинѣ обладать?
Не жалко-ль—можетъ быкъ людей быку продать!

Но въ то время, какъ одни изъ консерваторовъ признавали такимъ образомъ возможность частныхъ злоупотребленій крѣпостнымъ правомъ, другіе, менѣе знакомые съ образованіемъ, защищали существующее положеніе самымъ упорнымъ образомъ и даже желали видѣть въ законахъ еще большее его упроченіе. Въ Коммиссіи Уложенія нашлись и защитники права помѣщиковъ на торговлю людьми, а около 1767 года сенатъ предлагалъ императрицѣ проектъ закона, по которому въ случаѣ убійства помѣщика подвергались бы наказанію не только убійцы его, но и всѣ крѣпостные люди, не защищавшіе убитаго. По этому случаю императрица написала: «Пророчествовать можно, что если за жизнь одного помѣщика въ отвѣтъ и въ наказаніе будутъ истреблять цѣлыя деревни, то бунтъ всѣхъ крѣпостныхъ деревень воспослѣдуетъ и что положеніе помѣщичьихъ крестьянъ таково критическое, что окромѣ тишиной и человѣколюбивыми учрежденіями инчѣмъ избѣгнуть не можно. Генеральнаго освобожденія несноснаго и жестокаго ига не воспослѣдуетъ, ибо не имѣвъ обороны ни въ законахъ и нигдѣ, слѣдовательно всякая малость можетъ ихъ привести въ отчаяніе, кольми паче мстительный такой законъ, какъ сенатъ вздумалъ не кстати не къ ладу издать. И такъ прошу быть весьма осторожну въ подобныхъ случаяхъ, дабы не ускорить и безъ того довольно грозящую бѣду, если въ новомъ узаконеніи не будутъ взяты мѣры къ пресѣченію сихъ опасныхъ слѣдствій. Ибо, если мы не согласимся на уменьшеніе жестокости и умѣреніе человѣческому

роду нестерпимаго наказанія, то и противъ воли сами оную возьмутъ рано или поздно». Екатерина предвидѣла, слѣдовательно, что крѣпостное право можетъ быть уничтожено самимъ народомъ, тѣмъ любопытнѣе посмотрѣть, какъ отнеслось къ нему ея правительство.

Прежде всего число крѣпостныхъ въ Россіи при ней было значительно увеличено: по указу 1763 года малорусскимъ посполитымъ переходъ отъ одного владѣльца къ другому былъ дозволенъ только въ томъ случаѣ, если они получали отпускное свидѣтельство отъ перваго; въ 1783 же году переходъ и въ Малороссіи былъ окончательно воспрещенъ и такимъ образомъ болѣе милліона человѣкъ обращено въ крѣпостное состояніе. Затѣмъ Екатерина роздала до 800.000 государственныхъ крестьянъ, главнымъ образомъ въ малорусскихъ губерніяхъ и въ областяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, въ частное владѣніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самое положеніе крѣпостныхъ не только не было улучшено, но даже ухудшилось. До Екатерины крѣпостные крестьяне могли обращаться къ властямъ съ жалобой на помѣщиковъ, но лишь въ строгомъ порядкѣ инстанцій, причемъ воспрещалась подача жалобы непосредственно верховной власти. Въ 1767 г. запрещено было подъ страхомъ кнута и ссылки на каторгу крестьянамъ подавать какія бы то ни было челобитныя на помѣщиковъ своихъ, и съ этимъ указомъ государство почти окончательно отступалось отъ крѣпостныхъ людей, передавая ихъ исключительно въ частное вѣдѣніе помѣщиковъ. Но, отступаясь отъ своихъ правъ по отношенію къ крѣпостнымъ, правительство и еще болѣе расширяло въ то же время права надъ ними помѣщиковъ, замѣнивъ по указу 1765 года данное Елизаветой помѣщикамъ право ссылки крестьянъ на поселеніе правомъ ссылать ихъ на каторгу и брать ихъ по усмотрѣнію обратно. Рядомъ со всѣми этими мѣрами, направленными къ увеличенію числа крѣпостныхъ, уменьшенію ихъ гражданскихъ правъ и расширенію помѣщичьяго произвола надъ ними, мы замѣчаемъ лишь жалкія попытки ограничить крѣпостное право. Такъ, въ 1771 г. запрещено было продавать крестьянъ безъ земли на аукціонахъ при продажѣ имѣній съ молотка, но помѣщикамъ не запрещалась такая продажа частнымъ образомъ и указъ 1792 г. разъяснилъ, что людей можно продавать безъ земли, но не употребляя при этой продажѣ молотка. Вольноотпущеннымъ и свободнымъ людямъ запрещено было закрѣпощать себя, а учрежденіями о губерніяхъ поручено было намѣстникамъ защищать крѣпостныхъ отъ произвола господъ.

Вотъ и всѣ важнѣйшія мѣры правительства Екатерины II по крестьянскому вопросу. Въ нихъ, стало быть, не нашло себѣ разрѣшенія ни одно изъ требованій, поставленныхъ въ этомъ вопросѣ самими крѣпостными и болѣе образованной и идейной

частью дворянскаго общества и раздѣлявшихся первопачально, хотя и въ умѣренной степени, самой императрицей. Личность и трудъ крестьянина, равно какъ и продукты этого труда, остались въ полномъ распоряженіи помѣщика и правительство санкціонировало фактъ крѣпостнаго права, отказавшись отъ послѣдней непосредственной связи съ крѣпостнымъ крестьяниномъ, какая у него еще оставалась, отъ выслушанія жалобъ на помѣщиковъ. Зданіе, начатое дворянствомъ въ концѣ 17-го вѣка подъ именемъ «крѣпостнаго устава», было завершено подъ вліяніемъ ряда событій разнообразнаго характера и въ государствѣ одно сословіе окончательно получило перевѣсъ. Самыя идеи человѣческаго достоинства, равенства и т. д., заимствованныя съ Запада, подъ вліяніемъ этихъ фактовъ послужили почти исключительно на пользу этому одному сословію. Но съ одной стороны такое положеніе вызвало теперь рѣзкую соціальную борьбу, съ другой начавшееся идейное движеніе, развиваясь далѣе, возставало противъ сословныхъ привилегій и въ силу этихъ двухъ причинъ только что доведенная до конца постройка начала постепенно давать трещины.

61-я ЛЕКЦІЯ.

Внѣшняя политика Екатерины.

Разсматривая отношеніе правительства Екатерины II къ внутреннимъ дѣламъ имперіи, мы видѣли, какъ идейное направленіе постепенно подчинялось господствующимъ фактически интересамъ и какъ подъ вліяніемъ послѣднихъ политика, обѣщавшая быть либеральной, обратилась въ консервативную и узко-сословную. Екатерина, выставившая на своемъ знамени въ отличіе отъ предшествовавшаго ей правительства ея мужа именно либерализмъ, явилась затѣмъ строгой охранительницей самодержавія, Екатерина, исповѣдывавшая идеи свободы и равенства, затвердила крѣпостное право и передала въ руки дворянства власть надъ другими сословіями вмѣстѣ съ личными привилегіями. Нѣчто подобное можемъ мы наблюдать и во внѣшней политикѣ Екатерининскаго правительства: и здѣсь точно также были выставлены на первый планъ широкія идеи, и здѣсь также онѣ послужили, причемъ быть можетъ это не всегда ясно сознавали и сами ихъ авторы, лишь для прикрытія интересовъ такого порядка, которые ничего общаго съ данными идеями не имѣли. На первый взглядъ, правда, время Екатерины въ ея внѣшней политикѣ можетъ показаться однимъ изъ наиболѣе блестящихъ эпизодовъ въ русской исторіи. Громъ русскаго оружія наполнилъ собою всю Европу, баснословныя побѣды слѣдовали одна за другою длиннымъ рядомъ, территоріальныя пріобрѣтенія были настолько значительны, что чуть не въ полтора раза увеличили населеніе имперіи, цѣлыя государства стирались съ политической карты по мановенію императрицы, словомъ—при этомъ первомъ взглядѣ передъ нами развертывается блестящая и величавая картина. Но если отъ этого блеска, отъ этихъ великолѣпныхъ декорацій перейти къ сути вопроса, если остановить вниманіе не на громкихъ подвигахъ русскихъ войскъ, а на тѣхъ цѣляхъ, какими они были вызваны, и на тѣхъ результатахъ, къ которымъ они привели, то впечатлѣніе получится нѣсколько иное, ибо мы увидимъ оборотную сторону медали.

Всходя на престолъ, Екатерина въ манифестѣ своемъ, направленномъ противъ Петра III, упрекала послѣдняго не только въ тиранствѣ, но и въ отступленіи отъ народной политики, выразившемся въ заключеніи мира съ «злѣйшимъ врагомъ» Россіи—Фридрихомъ II. Въ этомъ сказалось то оппозиціонное настроеніе, какое вызывали въ русскомъ обществѣ мѣры Петра Федоровича, задѣвавшія это общество съ самой чувствительной его стороны—со стороны національнаго самолюбія. Въ основу дѣйствій новаго правительства на почвѣ внѣшней политики съ самаго его возникновенія былъ заложенъ такимъ образомъ принципъ народности, какъ въ основу его внутреннихъ дѣйствій былъ положенъ принципъ либерализма. Мы видѣли, какъ осуществился второй, посмотримъ теперь, какъ проводился первый. Прежде всего уже самое событіе воцаренія Екатерины, такъ сильно повліявшее на ея внутреннюю политику, не замедлило отразиться и на политикѣ внѣшней. Побужденіе, заставлявшее Екатерину объявлять Фридриха «злѣйшимъ врагомъ» Россіи, заставляло ее въ то же время и опасаться борьбы съ нимъ, и войны съ прусскимъ королемъ не начали: миръ, заключенный съ нимъ Петромъ III, былъ подтвержденъ и новымъ правительствомъ. Такъ уже съ самаго начала то, что понимали подъ народными интересами, должно было отступить на задній планъ передъ интересами правительства, съ явнымъ нарушеніемъ выставленнаго принципа. Въ дальнѣйшемъ цѣли, поставленныя себѣ Екатерининскимъ правительствомъ, и средства, избранныя имъ для ихъ достиженія, еще далѣе повели и это нарушеніе. Борьба съ Пруссіей въ сущности затрогивала все-таки гораздо болѣе народное самолюбіе, чѣмъ народные интересы; послѣдніе сосредоточивались по преимуществу на югѣ, гдѣ еще продолжались хищническіе набѣги поддерживаемыхъ Турціей крымцевъ, разорявшіе народное хозяйство, и на западѣ, гдѣ все еще не кончена была вѣковая тяжба съ Польшей изъ-за русскихъ областей, со временъ Петра перешедшая въ стремленіе Россіи подчинить себѣ Польшу во всемъ ея составѣ. Крымскіе татары могли еще держаться противъ Россіи только благодаря своей зависимости отъ турокъ и вслѣдствіе этого энергическая борьба съ ними неизбѣжно должна была повлечь за собою и войну съ Турціей, которая не могла однако быть особенно опасной какъ въ силу перевѣса военнаго могущества, пріобрѣтеннаго уже Россіей надъ начинавшей разлагаться Оттоманской имперіей, такъ и потому, что первая имѣла естественныхъ союзниковъ противъ второй въ ея православныхъ подданныхъ. Что касалось Польши, то здѣсь шансы успѣха русской политики представлялись еще болѣе значительными. Внутреннее разложеніе польскаго государства подъ вліяніемъ полнаго господства одного сословія—шляхты шло впередъ

быстрыми шагами и сообразно этому поднимался въ Рѣчи Посполитой престижъ могущественнаго сосѣда, Россіи. Ослабленное, истощенное вѣчными неурядицами государство не въ силахъ было противопоставить никакого энергическаго сопротивленія все усиливавшемуся давленію со стороны русскаго правительства и искало опеки въ немъ самомъ. Но подъ властью этого государства, въ его границахъ жило нѣсколько милліоновъ русскаго населенія, интересы котораго стояли въ рѣзкомъ противорѣчіи съ существовавшимъ въ странѣ политическимъ и соціальнымъ строемъ. Въ силу перваго они должны были испытывать религіозное гоненіе, благодаря второму надъ ними тяготѣло иго крѣпостнаго права и то, и другое заставляло ихъ глядѣть на польское государство, какъ на своего врага, и стремиться порвать свои связи съ нимъ. Это русское населеніе, принадлежавшее къ малорусскому и бѣлорусскому племени, съ надеждой смотрѣло на Россію и ея императрицу, надѣясь въ ней найти защитницу и покровительницу себѣ. Но помимо этого русскаго, по преимуществу крестьянскаго населенія правительство Екатерины находило себѣ союзниковъ и въ средѣ полноправной политически польской шляхты, или, по крайней мѣрѣ, одной ея части. Разложеніе государственнаго строя въ Польшѣ зашло такъ далеко, отсутствіе всякаго сколько-нибудь прочнаго правительства такъ сильно давало себя чувствовать, что опасность такого положенія била въ глаза уже самимъ полякамъ и вызывала мысль о необходимости реформы. Эта мысль по преимуществу проникала въ сознаніе болѣе зажиточныхъ и образованныхъ магнатовъ, имѣвшихъ болѣе средствъ и возможности ознакомиться и съ положеніемъ сосѣднихъ государствъ и съ передовыми европейскими идеями, съ которыми такъ плохо гармонировали польскіе государственные порядки. Одинъ изъ такихъ магнатскихъ родовъ, кн. Чарторыскіе, стоявшій во главѣ сильной партіи, и попытался провести нѣкоторыя политическія реформы въ Рѣчи Посполитой. Но та слабость, въ которую было погружено государство, давно уже поставила его въ полную зависимость отъ сосѣдей, которые въ свою очередь считали для себя выгоднымъ не допускать Польшу усилиться и держать ее въ постоянномъ разстройствѣ, что съ успѣхомъ и достигалось путемъ вмѣшательства иноземныхъ державъ во внутреннія дѣла шляхетской республики, вмѣшательства, къ которому часто прибѣгали и сами польскія партіи, давно уже забывшія принципы возвышеннаго патріотизма и руководившіяся въ это время по большей части узкими, себялюбивыми разсчетами. Чарторыскіе, задумывая попытку реформы должны были считаться съ такимъ положеніемъ и позаботиться, о такой поддержкѣ для своихъ плановъ, которой не могло бы сокрушить сопротивленіе какой-либо иноземной силы. Такую поддержку могло дать имъ русское правительство,

для котораго установленіе болѣе прочнаго государственнаго порядка въ Польшѣ было бы даже полезно, если бы оно соединилось съ заключеніемъ союза между Польшей и Россіей. На этихъ условіяхъ и состоялось соглашеніе между партіей Чарторыскихъ и правительствомъ Екатерины и въ результатѣ его, когда польскій тронъ сдѣлался вакантнымъ, на него силою русскаго вліянія и оружія былъ посаженъ племянникъ Чарторыскихъ, Станиславъ-Августъ Понятовскій. Такимъ образомъ правительство Екатерины находило для себя въ Польшѣ союзниковъ двоякаго рода: съ одной стороны—православныхъ русскихъ крестьянъ, съ другой—политическую партію среди польской шляхты, стремившуюся реформировать свое государство. Для тѣхъ и другихъ требовалась помощь Екатерины: первые желали ея, чтобы высвободиться изъ-подъ тяготѣвшаго надъ ними религіознаго и соціальнаго гнета, вторые хотѣли съ ея помощью провести необходимыя политическія реформы въ Рѣчи Посполитой.

Таково было положеніе, которое застало правительство Екатерины по вступленіи своемъ во власть; теперь обратимся къ вопросу, какъ оно имъ воспользовалось для своихъ цѣлей. Гр. Н. И. Панинъ, ставшій руководителемъ внѣшней политики государства въ первую половину царствованія Екатерины, составилъ и провелъ планъ, извѣстный подъ именемъ Сѣверной системы. Согласно этому плану Россія, Пруссія, Англія, Данія, Швеція и Польша должны были составить сѣверный союзъ противоположный союзу державъ южныхъ и католическихъ, Австріи и Франціи. Россія покидала, стало быть, прежняго постояннаго своего союзника, Австрію, связанную съ нею общими интересами по отношенію къ Турціи, и начинала новую политику. По разсчетамъ Панина, Россіи, какъ наиболѣе могущественному государству изъ числа континентальныхъ державъ, вошедшихъ въ составъ сѣвернаго союза, досталась бы при этомъ первенствующая роль въ немъ, что и вообще сильно подняло бы ея политическое значеніе. Не только однако этого не случилось, но и напротивъ того сѣверная система создала цѣлый рядъ затрудненій для русской политики, отвративъ ее въ сторону отъ истинныхъ ея цѣлей. Чтобы склонить Пруссію къ вступленію въ предполагавшійся союзъ, русское правительство заключило съ нею особый трактатъ, въ который по желанію Пруссіи включенъ былъ пунктъ о неприкосновенности существующаго государственнаго порядка въ Польшѣ, благодаря чему соглашеніе съ Чарторыскими нарушалось и обращалось въ ничто. Этотъ союзъ былъ выгоденъ для Пруссіи, которой онъ неожиданно давалъ поддержку въ лицѣ только что разгромившей ее Россіи, но для послѣдней первымъ его результатомъ былъ разрывъ съ Чарторыскими. Они отказались содѣйствовать вступленію Польши въ союзъ, такъ какъ не видѣли

теперь въ немъ средства осуществить свои планы реформы. Въ дальнѣйшемъ они заняли уже и прямо враждебное по отношенію къ Россіи положеніе, когда Екатерина подняла вопросъ о т. н. диссидентахъ, т. е. не католикахъ въ Польшѣ, потребовавъ для нихъ гражданскихъ правъ вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ. Когда русскій посланникъ въ Польшѣ, кн. Репнинъ, внесъ на сеймъ это требованіе Екатерины, въ шляхтѣ заговорилъ религіозный фанатизмъ и она, убѣжденная въ томъ, что требованіе русскаго правительства представляетъ посягательство на чистоту католической вѣры, поднялась на защиту послѣдней со всѣмъ энтузіазмомъ, на какой была еще способна. Чарторыскіе, рѣшительно разочаровавшіеся въ тѣхъ надеждахъ, какія они возлагали на русскую императрицу, съ своей стороны присоединились къ этому движенію, и сеймъ отказалъ въ дарованіи правъ диссидентамъ. Русское правительство нашло однако способъ, если не побѣдить это сопротивленіе, то по крайней мѣрѣ обойти его. Репнинъ по порученію императрицы составилъ конфедерацію изъ православныхъ и протестантовъ, привлекъ къ нимъ много и католической шляхты. Послѣдняя пошла на удочку, такъ какъ истинная цѣль конфедераціи до поры до времени маскировалась, а взамѣнъ того русскій посланникъ обѣщалъ низверженіе короля Станислава Августа, который въ качествѣ русскаго ставленника не пользовался популярностью. Когда уже всѣ отдѣльныя конфедераціи соединились въ одну, которая избрала своей главной квартирой городъ Радомъ, откуда и получила названіе Радомской, мѣстопребываніе ея было окружено русскими войсками и конфедераты вынуждены были подписать представленный имъ актъ, заключавшій въ себѣ требованіе гражданской и политической равноправности для диссидентовъ. Вслѣдъ затѣмъ это постановленіе конфедераціи было проведено и на сеймѣ 1767—8 года послѣ того, какъ нѣсколько пословъ, наиболѣе горячо протестовавшихъ противъ него, были арестованы Репнинымъ и отправлены въ Россію, а въ имѣнія другихъ были посланы военныя экзекуціи. Помимо того сеймъ вручилъ императрицѣ русской гарантію неприкосновенности законовъ Рѣчи Посполитой, благодаря чему въ нихъ не могло уже быть произведено никакихъ измѣненій безъ воли Екатерины. Такимъ образомъ ближайшая цѣль, поставленная себѣ политикою Екатерины, была достигнута, диссиденты, а, слѣдовательно, и русское православное населеніе, жившее въ Польшѣ, были обезпечены въ своихъ религіозныхъ интересахъ, а вліяніе Россіи на Польшу было закрѣплено формальнымъ международнымъ актомъ. Но тѣ средства, какія были употреблены при этомъ, лишили русскую политику союзника, котораго она имѣла въ партіи польскихъ прогрессистовъ, группировавшихся въ данное время вокругъ Чарторыскихъ. Россія не только не помогла имъ въ выполненіи реформы,

къ которой они стремились, но напротивъ того заняла положеніе охранительницы существовавшаго въ Польшѣ безнарядья, и тѣмъ самымъ возстановила противъ себя Чарторыскихъ и всю ихъ партію, не пріобрѣтя въ то же время симпатій консерваторовъ, раздраженныхъ ея заступничествомъ за диссидентовъ. Между тѣмъ постановка, приданная вопросу о нихъ правительствомъ Екатерины, была такого рода, что она лишила это правительство и другаго союзника, имѣвшагося у него на территоріи Рѣчи Посполитой, и вовлекла его въ рядъ новыхъ затрудненій. Требуя отъ сейма правъ для диссидентовъ, Екатерина становилась въ положеніе защитницы православнаго русскаго населенія, но и этой роли она не провела послѣдовательно до конца. Русскіе православные въ Польшѣ были почти исключительно крестьяне и мѣщане и, слѣдовательно, не могли пользоваться политическими правами въ государствѣ, гдѣ эти права въ силу общаго положенія принадлежали только одному сословію—шляхтѣ. Но за то съ чисто религіознымъ гнетомъ, испытываемымъ ими, тѣсно соединялся и на практикѣ, и въ народномъ представленіи гнетъ соціальный, тяжелое крѣпостное ярмо, изъ-подъ котораго народъ такъ же страстно мечталъ выбиться, какъ мечталъ онъ и объ освобожденіи отъ уніи. Екатерина же не могла усвоить себѣ этой народной точки зрѣнія: являясь у себя покровительницей крѣпостнаго права, она не могла уничтожать послѣднее на почвѣ сосѣдняго государства, не могла поднять знамя борьбы съ рабствомъ. Поэтому политика ея, не будучи въ состояніи опереться на народные интересы, оперлась на общій принципъ вѣротерпимости; поэтому же примѣненіе этого принципа къ дѣйствительности приняло такія формы, которыя далеко не соотвѣтствовали нуждамъ народной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, Екатерина настаивала на томъ, чтобы диссидентамъ дарованы были всѣ политическія права, а между тѣмъ некому было пользоваться этими правами, такъ какъ православной шляхты въ Польшѣ было чрезвычайно мало. Такъ русская политика по отношенію къ Польшѣ, возстановивъ противъ себя всѣ польскія политическія партіи, въ то же время становилась въ противорѣчіе и съ взглядами и нуждами русскаго населенія Рѣчи Посполитой и результаты такого отношенія не замедлили сказаться въ послѣдовавшихъ событіяхъ. Шляхта, раздраженная противъ Россіи и противъ своего короля, увлекаемая къ тому же религіознымъ фанатизмомъ, составила такъ называемую Барскую конфедерацію и начала борьбу съ русскими войсками, находившимися на территоріи Рѣчи Посполитой. Насилія, которыя позволяли себѣ при этомъ конфедераты по отношенію къ православнымъ, подняли на ноги малорусскій народъ. Среди послѣдняго вспыхнуло подъ предводительствомъ запорожца Желѣзняка и уманскаго сотника Гонты возстаніе, именуемое

иногда «коліивщиной», и быстро распространилось по польской Малороссіи, увлекая за собою крестьянскія массы, стремившіяся встать въ ряды гайдамаковъ. Но, начавшись съ религіозныхъ мотивовъ, это возстаніе, въ силу условій среды, въ которой оно возникло и распространялось, скоро уже пріобрѣло еще и иной оттѣнокъ, соціальный, обратилось въ крестьянскій бунтъ, направленный не только противъ католиковъ, угнетающихъ православную вѣру, но и противъ помѣщиковъ, пользующихся крѣпостнымъ правомъ, и, такъ какъ на этой ступени своего развитія оно встало уже въ рѣзкое противорѣчіе съ видами и намѣреніями русской политики, то и было подавлено русскими войсками по распоряженію императрицы. Этимъ актомъ русское правительство отняло у себя и послѣдняго союзника въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой и осталось одинъ на одинъ съ безусловно враждебно противъ него настроенной шляхтой. Но этимъ еще не исчерпались плоды принятой имъ политической системы. Австрія и Франція, недовольныя Россіей за перемѣну ея политики по отношенію къ нимъ, побудили теперь Турцію начать войну съ русскимъ государствомъ и война эта, отвлекая русскія силы отъ Польши, отсрочила на нѣсколько лѣтъ усмиреніе Барской конфедераціи. Эта первая турецкая война при Екатеринѣ продолжалась съ 1768 по 1774 годъ и была успѣшна для русскаго оружія. Казалось, что Россія можетъ теперь же рѣшить свой споръ съ Турціей, получивъ Крымъ, и затѣмъ обратить свои силы безпрепятственно уже на Польшу. Но въ это время союзникъ Екатерины, Фридрихъ II, предложилъ ей получить вознагражденіе за побѣды надъ турками въ Польшѣ, предоставивъ при этомъ части послѣдняго государства Пруссіи и Австріи, ни въ какой войнѣ не участвовавшимъ. Россія была изнурена войною, не имѣла союзниковъ и Екатерина увидѣла себя вынужденною согласиться на это предложеніе. Въ 1773 году русскія и прусскія, а за ними и австрійскія войска вступили въ предѣлы Рѣчи Посполитой, и вслѣдъ затѣмъ совершенъ былъ первый раздѣлъ Польши. Россія получила по нему Бѣлоруссію, заключавшую въ себѣ 2.200 кв. миль и около полутора милліона жителей, Пруссіи досталась восточная Пруссія, пространство на 700 кв. миль съ 900.000 жителей, Австріи—Галиція, страна въ 1.600 кв. миль съ 2.500.000 жителей. Въ оставшейся части Польши управленіе было нѣсколько упорядочено тѣмъ же сеймомъ, который подъ давленіемъ русскаго войска санкціонировалъ произведенный державами раздѣлъ: были произведены именно нѣкоторыя измѣненія въ законахъ и установленъ былъ около короля постоянный совѣтъ изъ 36 членовъ, получившій значеніе верховнаго правительства, причемъ гарантія неприкосновенности этого порядка на будущее время передана была Россіи. Въ слѣдующемъ 1774 году послѣдняя заключила миръ и съ Турціей,

получивъ отъ нея Азовъ, Керчь, Еникале и Кинбурнъ; Крымъ, составлявшій всю цѣль войны для Россіи, былъ объявленъ независимымъ.

Таковы были результаты Сѣверной системы и войнъ, вызванныхъ ею и ведшихся втеченіе первой половины царствованія Екатерины. Не трудно видѣть, что они не только не оправдали надеждъ и разсчетовъ Панина на достиженіе Россіею первенствующаго политическаго значенія на континентѣ Европы, но не привели Екатерининское правительство и къ полному рѣшенію поставленныхъ его политикѣ вопросовъ, не говоря уже о томъ, насколько данное рѣшеніе было вообще удовлетворительно. Такая неполнота и недоконченность полученныхъ рѣшеній имѣла неизбѣжнымъ послѣдствіемъ своимъ перемѣну политическаго фронта Россіи. Дѣйствительно, провозглашенная независимость Крыма между двумя сильными государствами, претендовавшими на обладаніе имъ, могла быть только призрачною, на дѣлѣ же онъ подчинялся одному изъ нихъ и Россія должна была въ собственныхъ интересахъ прекратить такое неясное положеніе, что можно было сдѣлать только путемъ присоединенія Крыма. Такъ какъ нетрудно было предвидѣть однако, что это вызоветъ протестъ со стороны Турціи и войну съ послѣднею, то являлась далѣе необходимость сблизиться вновь съ Австріею, естественной союзницей при борьбѣ съ Оттоманской имперіей. Такой поворотъ и былъ произведенъ Екатерининскою политикою, притомъ тѣмъ легче, что императрица была раздражена измѣнническимъ поведеніемъ прежняго своего союзника, Пруссіи. Мѣсто союза съ Фридрихомъ II занялъ теперь союзъ съ Іосифомъ II, а Сѣверная система замѣнилась греческимъ проектомъ. Этотъ, столь славный нѣкогда проектъ принадлежалъ Потемкину, замѣнившему Панина въ управленіи внѣшней политикой Россіи, и заключался въ слѣдующемъ. Предполагалось совершенно изгнать турокъ изъ Европы и раздѣлить ихъ владѣнія между союзными державами. Россія должна была получить берега Чернаго моря и одинъ или два острова въ Архипелагѣ, Австрія—часть Валахіи, Сербіи, Босніи, Герцеговину и венеціанскія владѣнія въ Далмаціи, тогда какъ Венеціи служили бы вознагражденіемъ Критъ и Кипръ; Молдавія, Валахія и Бессарабія составляютъ особое независимое государство, которое будетъ управляться православными государями. Наконецъ всѣ остальныя европейскія владѣнія турокъ составятъ изъ себя греческую имперію (откуда и названіе проекта), на престолъ которой будетъ посаженъ внукъ императрицы, в. кн. Константинъ Павловичъ, предварительно давши однако за себя и за своихъ потомковъ обѣщаніе никогда не принимать русской короны. Такимъ образомъ этотъ проектъ ставилъ цѣлью русской политики осуществленіе произвольныхъ мечтаній, далеко не вытекавшихъ изъ настоящихъ потребностей государства и не разсчи-

ташныхъ на его дѣйствительныя средства. Войну, начатую съ такими смѣлыми планами, пришлось вести къ тому же при явной враждебности Пруссіи и всѣхъ союзныхъ съ нею державъ. Конечный результатъ мало соотвѣтствовалъ этимъ пышнымъ планамъ. По миру 1791 года Россія удержала за собою Крымъ, присоединенный еще въ 1783 году, и получила Очаковъ. Между тѣмъ перемѣна ея политической системы отразилась и на положеніи, занятомъ ею въ Польшѣ, давъ возможность этой странѣ высвободиться изъ-подъ русскаго вліянія. Истинной виновницей перваго раздѣла была Пруссія, но въ глазахъ поляковъ такою являлась Россія, по виду игравшая наиболѣе дѣятельную роль въ этомъ событіи. Благодаря такому убѣжденію большинство поляковъ прониклось глухою ненавистью къ Россіи, а тѣ изъ нихъ, которые мечтали о спасеніи и возрожденіи отечества, искали себѣ опоры у иныхъ державъ и нашли ее, какъ имъ казалось, у Пруссіи. Послѣдняя съ момента заключенія союза между Австріей и Россіей сблизилась съ Польшей и, обѣщая полякамъ свою поддержку, старалась возстановить ихъ еще болѣе противъ Россіи, надѣясь получить отъ нихъ въ вознагражденіе за союзъ еще часть польской территоріи, именно города Гданскъ и Торнъ. Такъ какъ Россія занята была турецкой войной, то она не могла поддержать и силой своего вліянія, потерявшаго все значеніе. На т. н. четырехлѣтнемъ сеймѣ, продолжавшемся съ 1788 по 1792 г., партія реформы выступила уже рѣшительно съ враждебными намѣреніями противъ Россіи. Измѣнена была гарантированная послѣдней форма правленія, уничтоженъ постоянный совѣтъ, говорили о войнѣ съ Россіей въ союзѣ съ Пруссіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ шли впередъ и замыслы реформы. 3 мая 1791 г была проведена на сеймѣ новая конституція, установлявшая наслѣдственность короны, уничтожавшая liberum veto и конфедераціи и дававшая политическія права горожанамъ. Но далеко не безусловное большинство народа готово было идти по пути реформъ, а съ другой стороны реформаторы не обезпечили себѣ серьезной поддержки извнѣ, отказавъ Пруссіи въ территоріальныхъ уступкахъ. Въ виду этого Екатеринѣ, когда она освободилась отъ турецкой войны, легко было справиться съ Польшей. Пруссія безъ труда пошла на соглашеніе, къ ней присоединилась Австрія, а въ самой Польшѣ нашлись недовольные, составившіе пресловутую Тарговицкую конфедерацію и обратившіеся къ Екатеринѣ съ просьбою о помощи. Война съ Польшею, второй раздѣлъ ея въ 1793 г., затѣмъ возстаніе Костюшки и третій раздѣлъ 1794 г. послѣдовали одно за другимъ съ громадной быстротою и Польша въ качествѣ самостоятельнаго государства исчезла съ карты Европы.

Таковы общія черты внѣшней политики Екатерининскаго правительства въ ихъ постепенномъ развитіи. Если мы теперь

поставимъ вопросъ, дѣйствительно ли эта политика соотвѣтствовала тому основному принципу, который она было выставила для себя,—народнымъ интересамъ, то намъ придется дать отрицательный отвѣтъ. Этотъ девизъ остался безъ реальнаго воплощенія, на дѣлѣ политика Екатерины вдохновлялась сперва отвлеченными идеями, потомъ фантастическими замыслами, при чемъ и тѣ, и другіе равно далеко стояли отъ истинныхъ народныхъ нуждъ. Благодаря этому она постоянно запутывалась въ противорѣчіяхъ, не могла дойти до цѣлей, которыя себѣ ставила, и должна была довольствоваться тѣми результатами, которые подсовывали ей другіе. Это же обстоятельство привело къ тому, что и конечные результаты Екатерининской политики не соотвѣтствовали не только великолѣпнымъ ожиданіямъ правительства, но и гораздо болѣе скромнымъ нуждамъ народа, содержа въ себѣ вмѣстѣ нѣчто такое, что не вытекало ни изъ первыхъ, ни изъ вторыхъ. Русскія области, находившіяся подъ властью Польши, не были всѣ присоединены къ Россіи, напротивъ Галиція была отдана нѣмецкому государству, Австріи. Съ другой стороны полное уничтоженіе Польши вовсе не вытекаетъ изъ нуждъ русскаго государства или народа, было навязано Екатеринѣ политикой Пруссіи, и, не принеся Россіи пользы, доставило ей много хлопотъ въ будущемъ. Крымъ же, несомнѣнно нужный Россіи ради упроченія за собою южныхъ степей, обошелся ей слишкомъ дорого благодаря политическимъ фантазіямъ Екатерины. Такъ ея политика во внѣшнихъ дѣлахъ постепенно свелась на достиженіе территоріальныхъ пріобрѣтеній, лишь болѣе или менѣе случайно совпадавшихъ съ удовлетвореніемъ народныхъ интересовъ.

62-я ЛЕКЦІЯ.

Областная политика Екатерины II.

Намъ осталось разсмотрѣть еще одну сторону дѣйствій Екатерининскаго правительства, не затронутую нами въ предшествовавшемъ изложеніи, а именно отношеніе этого правительства къ областямъ. Рядомъ съ центральными областями, населенными великорусскимъ племенемъ, составлявшимъ дѣятельную силу Московскаго государства, рядомъ съ областями восточными, населеніе которыхъ составляли мало культурные инородцы и которыя поэтому вполнѣ подчинялись вносимымъ къ нимъ русскимъ порядкамъ, сохраняя свою самобытность только въ сферѣ обычаевъ, стояли еще области западныя и юго-западныя, жившія долгою историческою жизнью и до момента своего присоединенія выработавшія себѣ иной общественный строй, иные порядки государственнаго и частнаго быта и вошедшія въ составъ государства либо подъ условіемъ сохраненія имъ этихъ порядковъ, либо съ обѣщаніемъ такого сохраненія. Благодаря послѣднему обстоятельству жизнь ихъ и послѣ присоединенія не сливалась съ общимъ русломъ русской жизни, продолжала идти своимъ особымъ путемъ, хотя уже значительно стѣсненнымъ и продолжавшимъ все болѣе съуживаться. Дѣйствительно, полной автономіи ко времени Екатерины въ это время уже не существовало: въ Эстляндіи и Лифляндіи такой полной автономіи не было и съ самаго начала, въ Малороссіи она была первоначально, но, нарушенная уже Петромъ, она съ тѣхъ поръ все болѣе умалялась и къ моменту вступленія Екатерины II на престолъ самоуправленіе малорусскаго народа сохранило свое истинное значеніе, да и то не вполнѣ, лишь на низшихъ своихъ ступеняхъ, а на высшихъ оно обратилось въ одну фикцію, въ одну форму, содержаніе которой давалось извнѣ. Но и за всѣмъ тѣмъ ни Эстляндія, ни Лифляндія, ни Малороссія далеко еще не потеряли своей самобытности, хотя и не пользовались уже полнымъ самоуправленіемъ: сохраняя свои законы, свою общественную груп-

пировку и административные порядки, они жили отдѣльной отъ другихъ частей имперіи жизнью, питали свои интересы, не всегда совпадавшіе какъ съ цѣлями государства, такъ и съ интересами остальнаго населенія. При такомъ положеніи областей онѣ однако настолько крѣпко были уже связаны съ общимъ государственнымъ организмомъ, что не могли совершенно оторваться отъ него, а усиленіе послѣдняго ставило и весь дальнѣйшій ходъ ихъ развитія въ тѣсную отъ него зависимость, давало возможность осуществленія ихъ интересовъ только въ связи съ теченіями, существовавшими въ центрѣ, и отнимало у нихъ всякій случай активнаго сопротивленія этимъ теченіямъ. Посмотримъ, насколько же взгляды Екатерининскаго правительства соотвѣтствовали стремленіямъ областей и въ какое отношеніе оно къ нимъ встало. Мы знаемъ, что эти взгляды слагались подъ вліяніемъ двухъ основныхъ факторовъ: философскаго движенія, шедшаго въ ту эпоху на Западѣ, и теченій, господствовавшихъ въ средѣ русскаго дворянскаго общества; разберемъ теперь то вліяніе, какое могли оказать эти факторы въ данномъ вопросѣ.

Уже ранѣе, говоря о томъ отраженіи, какое нашла себѣ въ эту эпоху философская мысль Запада на политической почвѣ, мы замѣчали, что проповѣдь свободы соединялась въ ней съ другимъ принципомъ, равно вытекавшимъ изъ ея общихъ положеній, но плохо примиренымъ съ началомъ свободы. Исходя изъ требованій чистаго разума, какъ единственно возможной и справедливой точки зрѣнія, противопоставляя ихъ въ этомъ смыслѣ существовавшему до того времени религіозному, общественному и политическому строю и полагая ихъ во главѣ угла всякаго новаго зданія общественнаго или политическаго устройства, школа французскихъ философовъ-энциклопедистовъ настаивала на необходимости свободы человѣка, но этимъ не ограничивалась. Положеніямъ, вытекавшимъ изъ ея общихъ посылокъ на основаніи теоретическихъ разсужденій, она придавала значеніе всеобщности и обязательности, распространяла ихъ на всѣ безъ исключенія отношенія. Въ примѣненіи къ жизни политической она требовала, стоя на этой почвѣ, уничтоженія всякихъ различій между гражданами государства, не только въ смыслѣ какихъ-либо сословныхъ перегородокъ, но и въ смыслѣ самыхъ формъ гражданскаго быта, проводила строжайшую нивеллировку, не обращая вниманія на исторически выработавшіяся особенности, всѣ отношенія подгоняла подъ одну мѣрку и готова была производить такую операцію даже насильственнымъ путемъ. Этою своею стороной просвѣтительная философія тѣсно соприкасалась съ тѣмъ государственнымъ порядкомъ, подъ вліяніемъ котораго она выросла: централизація, хотя и во имя иныхъ началъ, въ ней занимала такое же видное мѣсто, какъ и въ немъ, и въ этомъ отношеніи якобинцы были не меньшими деспотами, чѣмъ самъ

Людовикъ XIV. Смотря на всѣ областныя отличія, какъ на задержку прогресса, могущаго идти только по одной линіи, философы-энциклопедисты проповѣдывали необходимость ихъ уничтоженія ради высшаго идеала.

Таково было отношеніе философскаго теченія, господствовавшаго тогда въ Европѣ, владѣвшаго и главою русскаго правительства, Екатериной, къ областнымъ привилегіямъ и нельзя не замѣтить, что оно, взятое въ чистомъ своемъ видѣ, было далеко не благопріятно для этихъ послѣднихъ. Но имъ однимъ не рѣшался еще вопросъ, тѣмъ болѣе, что рѣшеніе могло бы принять совсѣмъ иной характеръ, если бы приняты были всѣ тѣ оговорки, какія заключало въ себѣ ученіе энциклопедистовъ. Въ сущности, признавая даже необходимость уничтоженія областныхъ привилегій, можно было еще провести это уничтоженіе двумя путями: можно было уничтожить въ нихъ только характеръ привилегій, распространивъ ихъ на все остальное государство, и можно было уничтожить самое содержаніе привилегій, сравнявъ области съ центромъ, перенеся на нихъ порядки послѣдняго. Само по себѣ ученіе энциклопедистовъ не рѣшало еще этого вопроса о выборѣ пути для каждаго даннаго случая, а указывало только общую формулу рѣшенія. Эта формула получила реальное значеніе благодаря настроенію русскаго общества. Съ конца 17-го столѣтія настроеніе этого общества сильно и существенно измѣнилось: оно, чувствовавшее себя сто лѣтъ назадъ такъ неловко и странно передъ всякимъ иностранцемъ, такъ болѣзненно сознававшее свои недостатки и невозможность справиться собственными силами съ задачами, поставленными ему исторіей, такъ жадно кидавшееся поэтому на чужую помощь и чужія средства, готовое даже жить чужимъ умомъ, оно теперь чувствовало себя уже гораздо свободнѣе. Столѣтіе, за время котораго оно успѣло пережить свой всесторонній кризисъ, подѣйствовало на него ободряющимъ образомъ, внѣшніе успѣхи государства вернули ему потерявшуюся было самоувѣренность, а матеріальное обезпеченіе, достигнутое высшимъ его классомъ, отбившимъ вмѣстѣ для себя и первый голосъ, развило въ этомъ классѣ довольство и готовность смотрѣть на свое положеніе, какъ на образцовое. Національное самолюбіе въ сознаніи этого класса залѣчило раны, нанесенныя ему 17-мъ вѣкомъ, и пріобрѣло новыя причины къ повышенію своего уровня. Утерявъ свой прежній религіозный оттѣнокъ, оно тѣмъ болѣе усилило свой государственный и централистическій характеръ. Блескъ побѣдъ и завоеваній, окружившій его съ начала 18-го столѣтія, заставилъ его смотрѣть на себя, какъ на нѣчто, стоявшее выше другихъ, и этотъ взглядъ нашелъ себѣ примѣненіе особенно въ отношеніяхъ его къ населенію окраинныхъ областей. Онъ ярко и полно сказался во время засѣданій коммиссіи, созванной Екатериною для

составленія Уложенія. Одинъ изъ членовъ ея, именно депутатъ любимскаго дворянства Толмачовъ, въ засѣданіи 22 ноября 1767 г. предлагалъ составить законы, общіе и равно обязательные для всѣхъ подданныхъ императрицы, и это предложеніе нашло себѣ дѣятельную поддержку со стороны многихъ другихъ великорусскихъ депутатовъ. Когда же малорусскіе, лифляндскіе и эстляндскіе депутаты стали отстаивать свою самобытность, ссылаясь между прочимъ и на то, что депутатамъ не годится разсуждать объ отмѣнѣ привилегій, утвержденныхъ верховною властью, депутатъ новосильскаго дворянства Шишковъ въ засѣданіи 27-го ноября произнесъ по адресу остзейскихъ депутатовъ такую рѣчь: «Постановляемые нынѣ законы должны быть въ завоеванныхъ губерніяхъ тѣ же самые, которые и у насъ будутъ. Подъ этимъ условіемъ я полагаю равенство всѣхъ государственныхъ сборовъ и доходовъ. Поэтому должность присланныхъ отъ означенныхъ губерній господъ депутатовъ должна заключаться въ томъ, чтобы къ общей всѣхъ пользѣ единодушно съ нами стараться разсуждать и думать... Капитуляція, оружіемъ вынужденная, не есть отличная выслуга плѣнника, но великодушіе побѣдителя. Поэтому, не сдѣлаетъ ли болѣе чести означеннымъ губерніямъ, если онѣ будутъ называться не завоеванными, но одного съ нами общества равными гражданами; а это иначе быть не можетъ, какъ только тогда, когда они будутъ находиться подъ одними съ нами законами». Шишковъ, стало быть, отказывалъ жителямъ областей даже въ наименованіи гражданъ государства, видѣлъ въ нихъ военноплѣнныхъ, пока они сохраняли свои областныя привилегіи, и соглашался признать ихъ равными себѣ только въ томъ случаѣ, если они примутъ одинаковые съ Великороссіей законы. Такъ въ русскомъ дворянскомъ обществѣ той эпохи развились, подъ вліяніемъ подогрѣтаго внѣшними успѣхами національнаго самолюбія, централистическіе взгляды, требованіе уничтоженія областныхъ особенностей и подведенія областей подъ общую государственную мѣрку, подъ одинъ шаблонъ съ центромъ государства.

Въ соотвѣтствіи съ этими теченіями, однимъ, шедшимъ съ Запада и коренившимся въ рѣзко оппозиціонномъ отношеніи философской мысли къ историческому прошлому, и другимъ, домашнимъ, выросшимъ на русской почвѣ изъ самолюбивыхъ притязаній русскаго дворянства, образовывались и взгляды Екатерины на областной вопросъ. Если первое давало ей общее теоретическое обоснованіе для ея политики, то второе указывало тотъ практическій путь, по которому послѣдняя должна была пойти. Подъ вліяніемъ такихъ-то источниковъ у Екатерины ко времени ея вступленія на престолъ создались уже и взгляды на областной вопросъ, и программа ихъ осуществленія. Въ 1764 году, въ инструкціи генералъ-прокурору, кн. Вяземскому, она говоритъ: «Малая Россія, Лифлян-

дія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями; нарушить оныя отрѣшеніемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бъ было, однакожь и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше, нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностію глупостью. Сіи провинціи, также Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобы онѣ обрусѣли и перестали бы глядѣть какъ волки къ лѣсу. Къ тому приступъ весьма легкій, если разумные люди избраны будутъ начальниками въ тѣхъ провинціяхъ; когда же въ Малороссіи гетмана не будетъ, то должно стараться, чтобъ вѣкъ и имя гетмана исчезло, не токмо бъ персона какая была произведена въ оное достоинство». Въ этихъ словахъ уже обрисовывается полная программа дѣйствій правительства по отношенію къ областямъ: считая «непристойнымъ» быстрое и внезапное уничтоженіе всѣхъ областныхъ отличій, Екатерина полагаетъ однако необходимымъ такое уничтоженіе, намѣреваясь только вести его болѣе медленнымъ путемъ, и конечной цѣлью своей политики ставитъ обрусѣніе областей, полное сліяніе ихъ съ центромъ. Эта программа не съ одинаковою рѣшительностью и полнотою была примѣнена при Екатеринѣ ко всѣмъ областямъ: въ однихъ дѣйствія правительства ограничились административнымъ воздѣйствіемъ, въ другихъ они измѣнили весь порядокъ государственнаго и общественнаго быта. Къ этимъ послѣднимъ относятся самая давняя изъ автономныхъ областей, присоединившаяся еще къ Московскому государству, лѣвобережная Малороссія и вновь при Екатеринѣ присоединенныя Бѣлоруссія и правобережная Малороссія. На ихъ-то судьбѣ я теперь и остановлюсь, начавъ именно съ первой.

Первой мѣрой по отношенію къ Малороссіи было уничтоженіе возобновленнаго было Елизаветой Петровной гетманства. Разумовскому, мечтавшему объ упроченіи гетманскаго достоинства въ своемъ родѣ, дали понять, что императрица желала бы получить отъ него просьбу объ отставкѣ, и онъ долженъ былъ повиноваться, за что впрочемъ Екатерина щедро вознаградила его, давъ ему нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ въ Малороссіи. Вслѣдъ за этою отставкой коллегія иностранныхъ дѣлъ подала императрицѣ свое мнѣніе, объясняя, что «всемѣрно надлежитъ воспользоваться просьбой Разумовскаго для того, что по многимъ и важнымъ политическимъ уваженіямъ гетманское въ Малой Россіи правленіе... съ интересомъ государственнымъ весьма несходно». Гетманское правленіе, дѣйствительно, и было окончательно уничтожено послѣдовавшимъ за тѣмъ указомъ, а для управленія Малороссіей назначена была Малороссійская коллегія, которая должна была состоять изъ четырехъ малороссіянъ и четырехъ великороссіянъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора, на котораго переходили и многія права гетмана. Такъ

какъ всѣ члены этой коллегіи вступали въ нее по назначенію отъ правительства, то съ ея учрежденіемъ исчезала и послѣдняя тѣнь выборнаго начала и самоуправленія въ сферѣ высшей администраціи страны. Генералъ-губернаторомъ назначенъ былъ гр. П. А. Румянцовъ и Екатерина дала ему инструкцію, которая должна была руководить дѣйствіями его въ Малороссіи. Въ ней императрица выражаетъ свои опасенія по поводу могущаго проявиться коварства старшины «при настоящей правленія ихъ перемѣнѣ», при «пресѣченіи прежнихъ безпорядковъ и установленіи лучшихъ учрежденій» и совѣтуетъ наблюдать какъ за нею, такъ и особенно за духовенствомъ, надѣясь однако, что время откроетъ глаза народу. Дѣятельность генералъ-губернатора не должна была однако ограничиваться однимъ охраненіемъ уже введенныхъ учрежденій: онъ обязанъ былъ, по мысли Екатерины, пролагать путь дальнѣйшимъ реформамъ въ томъ же духѣ централизаціи, и притомъ не только въ дѣлѣ устройства административныхъ учрежденій, но и въ области соціальнаго строя Малороссіи. Особенно не нравился Екатеринѣ свободный переходъ крестьянъ, существовавшій здѣсь, и она писала въ инструкціи Румянцову: «надлежитъ вамъ прилагать крайнее стараніе ваше тамошній народъ всѣми удобовозможными способами привесть къ тому, чтобъ оные переходы вовсе пресѣчены были», иначе говоря, чтобы малорусское крестьянство было обращено въ крѣпостное состояніе подобно великорусскому. Такимъ образомъ программа «обрусѣнія» уже въ это время была выработана Екатериною въ деталяхъ, охватывая собою какъ порядокъ управленія страною, такъ и ея внутреннія соціальныя отношенія. Но, готовясь осуществлять эту программу на дѣлѣ, правительство сперва хотѣло сохранить такой видъ, какъ будто измѣненія въ жизни Малороссіи производятся имъ по желанію самихъ жителей ея, и съ этой цѣлью старательно, но тщетно, искало такого повода, воспользоваться которымъ оно могло бы. Въ 1765 г. Румянцовъ предлагалъ, напримѣръ, отобрать у частныхъ владѣльцевъ города; императрица написала ему, чтобы онъ склонилъ нѣсколькихъ пановъ къ подачѣ челобитной относительно духовенства; «то бъ мы уже знали, какъ начинать», прибавляла она. Если бы па это согласился кіевскій митрополитъ, ему обѣщали выгодныя кондиціи. Но всѣ подобныя старанія были напрасны: малорусское общество слишкомъ дорожило своими привилегіями, малорусскій народъ былъ слишкомъ проникнутъ, по сознанію самой Екатерины, «сокровенною ненавистью» къ великороссамъ, и правительству не удавалось вызвать желательныхъ ему челобитныхъ. Когда объявленъ былъ созывъ коммиссіи въ 1767 году, генералъ-губернаторъ испугался возможности взрыва національныхъ стремленій и поспѣшилъ принять всѣ мѣры для обезпеченія избранія пріятныхъ правительству кандидатовъ и составленія наказовъ, кото-

рые не шли бы въ разрѣзъ съ правительственной политикой. Съ этой цѣлью пущены были въ ходъ самыя сильныя средства давленія. Когда шляхетство Нѣжинскаго и Батурпнскаго повѣтовъ, выбравъ уже депутата въ коммиссію, затѣмъ приступило къ составленію наказа для него и, разойдясь съ своимъ депутатомъ, рѣшило избрать и дѣйствительно избрало новаго, Румянцовъ кассировалъ эти выборы, а участниковъ ихъ отрѣшилъ отъ должностей и предалъ суду... за непослушаніе, такъ какъ въ ихъ наказѣ упоминалось о желаніи имѣть гетмана. Такъ и въ другомъ случаѣ, когда происходили выборы въ г. Погарѣ и составленнымъ наказомъ не всѣ жители остались довольны, почему нѣкоторые изъ нихъ просили повторить выборы, Румянцовъ «нашелъ, что всѣ таковые неправедные доносы послѣдовали единственно отъ непознанія самихъ себя, неразумѣнія прямаго общаго блага, однимъ словомъ отъ крайняго ихъ невѣжества, которое открывается наипаче въ отвѣтахъ, гдѣ они поставляютъ себѣ въ оправданіе, что всякое прошеніе не есть погрѣшность, не разсуждая, что прошеніе, затѣянное въ обиду другому или затрудняющее вышнее начальство, есть конечно преступленіе, которое заслуживаетъ наказанія». Но суровый администраторъ не удовольствовался кассаціей однихъ, не правившихся ему выборовъ и утвержденіемъ другихъ, завѣдомо неправильныхъ. не ограничился и рѣшительнымъ утвержденіемъ, что «прошеніе, затрудняющее вышнее начальство, есть преступленіе», высказашнымъ въ тотъ самый моментъ, когда верховная власть созывала представителей населенія, чтобы они представили ей просьбы послѣдняго о его нуждахъ и помогли выработать путь для ихъ удовлетворенія. Генералъ-губернаторъ Малороссіи издалъ указъ, которымъ, извѣщая, будто до его свѣдѣнія дошло, «что такіе невѣжды здѣсь еще къ сожалѣнію находятся, кои, между другимъ, отваживаются разсуждать и о дѣлахъ государственныхъ», предписывалъ, «дабы всѣ и всякой отъ всякихъ таковыхъ до нихъ не принадлежащихъ разсужденій удержались, а старались единственно прилежать по должности званія своего, въ службѣ и въ дѣлахъ полезныхъ упражняться, а не въ праздности и невѣжествѣ». Въ силу этого указа малороссамъ предстояло, не разсуждая, избирать депутатовъ и писать для нихъ наказы,—понятія, довольно трудно между собою согласимыя. Давленіе на выборы оказывалось, слѣдовательно, довольно разнообразное и энергическое. Въ то время, какъ Румянцовъ принималъ эти рѣшительныя мѣры на мѣстѣ, Екатерина твердо надѣялась, что съ одной стороны ея Наказъ прельститъ малороссовъ, а съ другой—пребываніе въ коммиссіи смягчитъ ихъ и заставитъ отказаться отъ сепаратистическихъ стремленій, такъ какъ послѣднія встрѣтятъ всеобщее осмѣяніе.

Но эти надежды императрицы оправдались такъ же мало,

какъ мало принесли пользы и мѣры ея генералъ-губернатора. Наказы, представленные малороссами, въ громадномъ большинствѣ требовали сохраненія ихъ самобытности и депутаты ихъ въ коммиссіи усердно защищали эту точку зрѣнія, присоединяясь къ остзейцамъ. Правительство не встрѣтило, стало быть, въ своихъ планахъ ни сочувствія со стороны населенія области, ни предлога для преобразованія, но не отступило передъ этимъ и повело послѣднее исключительно на свой страхъ. Въ 1775 году было уничтожено Запорожье. Въ 1781 г. на Малороссію распространены были правила учрежденій о губерніяхъ и, слѣдовательно, нало мѣстное самоуправленіе. Въ 1783 г. воспрещенъ былъ переходъ посполитыхъ и послѣдніе обратились въ крѣпостныхъ крестьянъ. Въ 1785 г. козачьи полки были обращены въ регулярные карабинерные, козацкіе старшины переименованы въ великороссійскіе чины и старшина получила права великорусскаго дворянства. Самобытность страны окончательно была подавлена, начатый при Петрѣ процессъ инкорпораціи закончился, тяжело отозвавшись на народѣ окончательнымъ утвержденіемъ крѣпостнаго права.

Проще шло дѣло съ Бѣлоруссіей, такъ какъ она представляла изъ себя завоеванную провинцію. Послѣ перваго раздѣла Польши изъ присоединенныхъ областей образованы были 2 губерніи— Полоцкая и Могилевская. Сенатъ немедленно вошелъ съ представленіемъ о необходимости сразу же уравнять ихъ жителей «со старинными русскими подданными, дабы теперь же пресѣчь имъ поводъ къ притязанію какого-либо особаго права себѣ на будущее время въ вѣчную привилегію», и предлагалъ подчинить эти губерніи относительно аппелляціи по судебнымъ дѣламъ юстицъ-коллегіи, а по вотчиннымъ – вотчинной коллегіи, «по другимъ же дѣламъ тѣмъ учрежденіямъ, въ которыхъ эти дѣла вѣдаются». Такъ и было сдѣлано, а съ учрежденіемъ о губерніяхъ 1775 г. оно было распространено и на эти губерніи и распространялось на вновь присоединяемыя области, причемъ Литовскій Статутъ и Магдебургское право отмѣнялись и ихъ мѣсто заступали русскіе законы. Такимъ образомъ въ отношеніи управленія и законовъ эти области были сразу сравнены съ центромъ, но этимъ дѣло здѣсь не окончилось. Въ принадлежавшихъ Польшѣ областяхъ существовала унія, отличавшая тамошнее населеніе отъ православныхъ. Первоначально правительство Екатерины приняло по отношенію къ ней мѣры, которыя лишь гарантировали невозможность разростанія уніи на счетъ православія. Въ 1772 году именно запрещенъ былъ переходъ изъ православія въ католичество и уніатство, но вслѣдъ затѣмъ учреждены были уніатскія и католическія епархіи и архіепископіи. Черезъ нѣсколько времени однако дѣйствія правительства становятся болѣе настойчивыми. Въ 1780 г. установленъ былъ опросъ прихожанъ передъ назна-

ченіемъ священника, какого обряда они желаютъ держаться, а послѣ втораго раздѣла сдѣланъ былъ уже вызовъ населенію къ возвращенію въ православіе. Послѣ того втеченіе двухъ лѣтъ болѣе полутора милліоновъ уніатовъ обратилось въ православіе. Наконецъ въ областяхъ, отошедшихъ къ Россіи по третьему раздѣлу, уничтожена была уніатская епископія, уніаты временно были подчинены архіепископу, и самые монастыри уніатскіе было предположено закрыть. Такъ, постепенно усиливая свои мѣры, правительство все болѣе стѣсняло унію, стремясь къ установленію церковнаго единства.

Общей характеристикою отношенія правительства Екатерины II къ областямъ можетъ служить, стало быть, стремленіе его установить полное единство въ сферѣ управленія, общественнаго строя и даже жизни церковной, при чемъ такое стремленіе съ теченіемъ времени проявлялось въ формахъ все болѣе настойчивыхъ.

2007067033